

~~A~~ 109

У 455  
195

Зб-4-11

Г. А. АРАНДАРЕНКО

~~91(с)~~

СОТ-Ч  
14091

# досуги

въ

# ТУРКЕСТАНЪ

1874—1889.



КНИГА ИМЕЕТ  
ДЕФЕКТ ОРИГИНАЛА  
И  
ДЕФЕКТ ПЕРЕПЛЕТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1889.

91(6)

22

136-4-11

## ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отъ автора . . . . .	I
I. Между туземцами степного уѣзда . . . . .	1
II. Малоизвѣстные города Зеравшанского округа . . . . .	33
III. Статистическая свѣдѣнія по городамъ Пенджикенту и Ургуту. . . . .	69
IV. Скотоводство въ Зеравшанской долинѣ . . . . .	81
V. Село Кишлакъ-карнакъ. . . . .	143
VI. Халифа Хасанъ (біографический очеркъ). . . . .	154
VII. Народный судъ у туземцевъ . . . . .	166
VIII. Цистерны въ Каршийской степи . . . . .	244
\IX. Замѣтки объ ирригациіи въ Зеравшанской долинѣ. .	250
\X. О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ . . .	285
\XI. Замѣтка о мостахъ на Зеравшанѣ . . . . .	295
XII. Замѣтка по сельскому хозяйству въ Зеравшанской долинѣ . . . . .	303
XIII. О кредитѣ у туземцевъ . . . . .	340
XIV. Роль населения въ довольствіи войскъ . . . . .	366
XV. Эксплоатація горнаго лѣса въ Зеравшанскомъ округѣ. .	384
XVI. Въ горахъ Дарваза-Каратегина (на верховья Аму-дарьи). . . . .	427
XVII. Дарвазъ и Каратегинъ (этнографический очеркъ) . .	437
XVIII. Афганскій Туркестанъ въ 1878—1880 годахъ (очеркъ политическихъ событий). . . . .	480
XIX. Бухарскія войска . . . . .	538
XX. Лѣсовъ вопросъ . . . . .	571
XXI. Нѣсколько дней на озерѣ Курчукъ-ата . . . . .	653



оп. 11481-39  
47  
А1744

1944

121 - 1. 11  
О ТЪ АВТОРА.

Слишкомъ двадцать лѣтъ моей службы въ Туркестанъ, по административному, управлению, доставили мнѣ возможность близкаго знакомства съ жизнью и нуждами местного населения въ разныхъ частяхъ края.

По мѣрѣ знаний, я дѣлился своими наблюденіями и изслѣдованіями въ статьяхъ, которые печатались въ периодическихъ изданіяхъ. Въ свое время такія изслѣдованія по разнымъ вопросамъ обращали на себя вниманіе и не оставались гласомъ волющаго въ пустынѣ.

Разсчитывая на снисхожденіе читателя, я рѣшился издать этотъ сборникъ, какъ слабый плодъ многолѣтняго досуга на далекой окраинѣ.

При этомъ считаю обязательнымъ для себя доломъ принести мою душевную благодарность старожилу Туркестана, капитану Ніазу Саліевичу Кулчанову, знаниями которого я нерѣдко пользовался при изученіи восточныхъ языковъ и жизни кочевника.

Самарканъ.  
1889 г.

## МЕЖДУ ТУЗЕМЦАМИ СТЕПНОГО УБЪЗДА<sup>1)</sup>.

### ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Читать:
155	16 сверху	120 году	168 году
155 прим.		1832 г.	1865 г.
71		гидрезъ	хагрезъ
119	24 "	джурса	джурга
318	30 "	за 1887	за 1877

Путевые заметки эти относятся къ 1876 году. Можетъ быть съ того времени въ степномъ уѣзда многое измѣнилось, многое усовершенствовалось,—мы это неизвѣстно. Но кто же усомнится въ томъ, что этотъ короткій періодъ никакого ассимилирующаго вліянія на жизнь туземцевъ не оставилъ, что общий строй этой жизни, колективный характеръ населенія остался тотъ же, что и былъ въ давно минувшія времена, что тѣ отрицательныя стороны этого характера, которыя представлялись наблюденію, хотя бы десятилѣтней давности, удерживались до сего дня, удерживаются и еще нѣсколько генерацій...

Мы предстаивался удобный случай познакомиться съ жизнью туземцевъ степного уѣзда во время четырехмѣсячной поѣздки въ кочевья и осѣдлости, въ качествѣ простого туриста и при томъ въ обществѣ знатоковъ этой жизни, моихъ спутниковъ.

Приготовленія мои къ этому путешествію, зимою, были не особенно сложны и не особенно продолжительны. Къ дорожному комфорту я никакой склонности не имѣлъ, да и гнаться за нимъ было совершенно невозможно по ограниченности средствъ. Къ тому же надо было иметь въ виду, что, обставляя себя въ кочевой жизни удобствами обстановки бая (богача), я теряю шансы сближенія съ народомъ, который-то и нуженъ былъ для цѣлей моей поѣздки. Рѣшено было такимъ образомъ придерживаться мнѣнія моего доброхотнаго спутника, киргиза Аятинъ-бая, и пуститься въ странствованіе по образу и на-

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1880 г.  
Ходути въ туркестанѣ

правахъ джалоучи (путешественника), пользующагося, по народному киргизскому обычью (занъ), гостепріимствомъ и участіемъ въ каждомъ аулѣ, гдѣ придется остановиться. Благодѣтельный обычай этотъ существуетъ вѣка и поддерживается разумными требованіями зана не напрасно; онъ устанавливается въ народѣ принципы взаимоодолженія, взаимоучастія, и обеспечиваетъ каждого путника степного отъ случайности умереть среди сытыхъ людей голодною смертью.

Степному путнику, кто бы онъ ни былъ, не зачѣмъ даже брать съ собой, какъ многие свычны къ тому, разныхъ бездѣлицъ въ подарки за гостепріимство. Это совершенно не приято, и у родовитыхъ киргизовъ всякая отплата за угощенье деньгами или подарками считается оскорблениемъ, такъ что предложенную монету вы рискуете возвратить въ свой карманъ съ простодушнымъ приглашеніемъ быть гостемъ и на будущее время. Преданность такому обычью въ киргизскомъ народѣ такъ развита, что нерѣдко приходилось получать даже отъ бѣдняковъ рѣшительный отказъ принять плату, и только распределеніе нѣсколькихъ монетъ между дѣтьми ютовладѣльца давало возможность помочь гостепріимному бѣдняку.

Не то у осѣдлыхъ сартовъ. Здѣсь, если и дадутъ вамъ пріютъ въ мигманханѣ (комната для приема гостей, проѣзжающихъ), то прежде всего постараются распознать подробнымъ образомъ по вашей виѣшности, и даже безцеремоннымъ разспросомъ вашей прислуги и васъ самихъ, какого вы достоинства гость. Если признаки къ получѣнію щедраго вознагражденія за угощенье, деньгами или протекціей, достаточны, хозяинъ самолично будетъ лебезить на всѣ лады, встрѣтить васъ у воротъ, поможетъ сойти съ коня, поддержать васъ слегка за локоть, когда вы будете переступать порогъ воротъ или двери, скажетъ вамъ привѣтливо пѣвуче „хошь-килип-сизъ“ (добро пожаловать), когда вы усядитесь въ мигманханѣ; не-премѣнно самолично подложить вамъ круглую подушку (люля), когда вы выкажете тѣлодвиженіемъ намѣреніе расправить усталые члены, тщательно обѣими руками преподнесетъ вамъ пер-

вую чашку чаю и, пока вы будете пить слѣдующія, преподносимыя вамъ также подобострастно приставленныя для этой цѣли братомъ, сыномъ или хорошенькимъ батчею, самъ хозяинъ станетъ хлопотать о снаряженіи достархана (угощенія).

Если вы попали въ человѣку состоятельному, если вы имѣете въ особенности какое-нибудь значение для интересовъ сарта, въ такой мигманханѣ предъ вами разстелить не одну, а вѣсколько полотенцообразныхъ сватерей (также зовется достарханъ), сплетыхъ изъ тику, ситцу съ адресовыми бордюрами, уставать на этихъ полотенцахъ такое количество разныхъ сластей и фруктовъ, что ими могъ бы досыта упиться весь сластолюбивый гаремъ съ домочадцами любого азіатскаго владыки. Продѣлавши самолично всю церемонію разставленія предъ вами угощенія, хозяинъ развернетъ приторно-сладкую, какую-то особенную, запасную улыбку, пояснить, что онъ и дѣти его счастливы служить всею душою такому гостю, и затѣмъ усядется противъ васъ, какъ будто для усажденія бѣдой, а въ сущности совсѣмъ съ другою цѣлью: его интересуетъ судьба достархана.

Если вы сколько-нибудь знаете характеръ сартовъ вообще, вы и не станете, конечно, заходить въ область „цѣннаго“ достархана, а постараетесь поскорѣе успоконить хозяина своею скромностью, попросите унести все обратно.

Если вамъ удалось окончательно охранить унесенный достарханъ отъ распределенія частью, согласно „скверному“ обычью, между вашею прислугою, вы останетесь для хозяина незабвеннымъ гостемъ, о васъ промолвятъ хорошее словечко даже на женской половинѣ, гдѣ интересуются судьбою достархана никакъ не меныше, чѣмъ турецкій султанъ цѣлостью своей имперіи. Вамъ, въ этомъ случаѣ стояческой неприкосненности къ леденцамъ и патокѣ, предстоитъ слушать щебетанье хозяина за своеручно поданнымъ заключительнымъ плавомъ, которому въ важныхъ случаяхъ предшествуетъ шурпа (супъ изъ рису и моркови), пельмени и ширь-брюнчъ (густая молочная каша).

Послѣ ужина, прошептавъ молитву и погладивъ бороду въ знакъ благодаренія Аллаха, хозяинъ подаетъ вамъ снова и въ послѣдній разъ кукъ-чай (зеленый чай), чрезъ полчаса спросить васъ, по привыкому этикету, не утомляеть ли онъ васъ своими разговорами, и затѣмъ, пожелавъ вамъ доброй ночи, пошлетъ, кого нужно, помочь вамъ раздѣться.

Если вы съ вечера остались незабвеннымъ гостемъ, то на утро вы навѣрное будете обставлены тѣмъ же достарханомъ, усиленнымъ еще каймакомъ (сливки густыя) къ чаю, разнаго диаметра зепешками и, пожалуй, отваренной бараньей головой и холоднымъ бараннымъ мясомъ; а по особенному усердію, предъ вами могутъ поставить даже цѣльного конченаго барана (иширгаянъ-бай), что считается уже вѣрѣйшимъ признакомъ имущественной состоятельности хозяина и высокаго вниманія къ гостю, соображенаго, конечно, какъ выше отмѣчено, съ возможностью таѣ или иначе обработать дорогого путешественника въ разныхъ дѣлишкахъ, напримѣръ, на счетъ мѣста волостного управителя, казія, члена податной комиссіи (здесь называется думъ), на счетъ какого ни на есть прибыльного подряда, на счетъ спокойной для души сдачи въ казну подрядной поставки<sup>1)</sup> и т. п.

Наконецъ прошла послѣдняя фаза гостепріимства; гомерическій достарханъ снятъ безъ малѣйшаго ущерба на всѣхъ берегахъ, и отprobованный по крупицѣ малыми и большими женской половины, плотно улегся въ сундукахъ, шкатулкахъ и ящикихъ, чтобы съ такимъ же успѣхомъ принять и слѣдующаго дорогого гостя; на женской половинѣ, по докладѣ аргуса о вашей благовоспитанности и скромности предъ угощеніями, васъ навѣрное не особенно Ѳдко обругали, а пожалуй только сказали: „онъ ничего не смыслить въ сладкомъ; чего съ нимъ церемонится хозяинъ, отправляль бы поскорѣе“. Желаніе хозяина поскорѣе сплавить васъ не трудно замѣтить и самому:

<sup>1)</sup> Туземцы устраиваютъ почему-то завтраки до приема поставки, но при этомъ стараются обмозгаться, что такая же тамоша (угощевіе), часто съ шампанскою, будетъ послѣ приемки, чего, однако, никогда не исполняютъ.—Лест.

онъ не показывается къ вамъ, а если предстанетъ по вызову, то съ такою, точно усталою отъ непосильной работы физіономіей, что вы сразу почувствуете необходимость уѣхать его и объявите намѣреніеѣхать, на что услышите притворное упрашиваніе остататься и такое сладко-протяжное извиненіе за плохой приемъ, изъ-подъ которого такъ и звучить „ужъ какъ я радъ, что такъ удачно отъ тебя отѣлся; пожалуйста не вздумай остататься“.

Оставляя такого важнаго зажиточностью сарта, вы, конечно, стѣснитесь предложить ему денежную плату за приемъ, за угощеніе, а ограничитесь или предложеніемъ какого-либо подарка, въ десять разъ болѣе стоящаго чѣмъ угощеніе, или же передадите счастливому цѣлостью достархана хозяину соответствующую сумму для распределенія между его дворовыми работниками. Какъ бы въ торопахъ, усердный мигмандаръ-хозяинъ опустить врученное въ карманъ и, уѣдя васъ, не передастъ работникамъ, а сочтетъ не противнымъ корану оставить все это у себя.

Выходя за порогъ саки, чтобы сѣсть на лошадь иѣхать, вамъ предстоитъ, наконецъ, выслушать послѣднее извиненіе за неумѣніе, яко бы, угостить и рабскую просьбу осчастливить приятелъ, на память о посѣщеніи, подведенную лучшую дворовую лошадь, осѣданную на этотъ случай лучшимъ сѣдломъ съ шатымъ шелкомъ чепракомъ. Вы, конечно, одѣните по достоинству интонацію голоса, игру улыбочки любезнаго хозяина и успокоите его, предложивъ ему поставить эту лошадь къ себѣ въ конюшню, или, въ крайности, отдаравъ ее, къ общему восторгу, тутъ же на мѣстѣ, малолѣтнему сыну хозяина.

Васъ наконецъ „сплавили“; ковры, одѣялы, подушки и сандали<sup>1)</sup> выносятся на внутреннюю (ичкоре) половину; хозяинъ выслушиваетъ отъ женъ, сколько, по ихъ расчету, сѣсть отъ достархана гость и сколько урвали въ недосмотрѣ работ-

<sup>1)</sup> Сандали—табуретъ, поставленный въ комнатѣ, въ углубленную полужаровню и закрытый одѣялами, служить у сартовъ для отогреванія ногъ.—Авт.

ники, принимавшие отъ нихъ яства; сообща разсчитывается, сколько бы гость съѣлъ, если бы самъ хозяинъ не сидѣлъ все время въ гостиной, воздается за это женами похвала „разумному, находчивому“ мужу, посыпается гостю въ догонку „дурака“, „не понимающаго“, закрѣпленное какой-нибудь цинической, глупой остротой и общими дикими хохотомъ.

Счастливый, расхваленный, довольный мужъ выходитъ въ наружный (тошкоре) дворъ, подшучиваетъ надъ батчю по поводу гостя, разбираетъ, кто изъ работниковъ урвалъ что-либо изъ подававшихся яствъ, подводить счетъ скормленному лошадямъ ячменю и клеверу, напоминаетъ работникамъ не давать дворовымъ лошадямъ много корму, а недобѣки клевера задать ишаку и коровѣ, запираетъ михманхану, откуда выскочила полуголодная, тощая дворовая собака, и отправляется на улицу или къ мечети поговорить съ сосѣдями.

Вотъ она, эта сидящая подъ стѣной, поджавши ноги, свободная теперь отъ полевыхъ работъ серія своихъ людей, съ упоеніемъ глотаетъ каждое слово сельского креза-михмандара, принимаетъ на вѣру самую беззастѣнчивую, хвастливую ложь о томъ, какъ съ нимъ учтивъ былъ важный гость до того, что при входѣ его, хозяина, въ михманхану, вставалъ съ мѣста, какъ заигрывалъ гость съ батчю и какъ этотъ послѣдній относился къ нему пренебрежительно, какъ удивлялся гость, его, хозяина, находчивости въ собесѣдничествѣ, его знаніямъ, его богатству, его устроенному хозяйству.

Важный разсказчикъ не упустить передать съ небрежностью, какъ-бы между разговоромъ, сколько стоитъ приемъ гостя и, конечно, достарханъ будетъ изображенъ такимъ многообильтымъ, что если бы теряющаяся въ такихъ случаяхъ сообразительность слушателей прикинула,—получилась бы возможность ублаготворить этими, воображеніемъ нарисованными яствами всѣхъ сельчанъ. Въ соответственной съ достарханомъ пропорціи усиливается разсказомъ хвастуна количество яствъ кулинарныхъ, и выходить, что гость уничтожилъ столько, сколько не отпускается на дневное довольствіе цѣлой бухар-

ской арміи. Слушатели только причмокиваютъ, покачивають головами и въ патетическихъ мѣстахъ рассказа поддерживаютъ общее вниманіе протяжнымъ удивленіемъ: „бой, бой, бой“. Поощренный вниманіемъ, крѣзъ идетъ въ свое мѣсто хвастливомъ вранїи дальше и разсказываетъ разныя измышенныя сокровенности бесѣды съ гостемъ, въ родѣ того, напримѣръ, куда въ этомъ году, въ какой числительности, пойдутъ войска, какія предстоятъ перемѣны начальства, сколько разные начальники получаютъ годового содержанія, какъ предполагается начальствомъ измѣнить размѣръ податей и пріемы сбора ихъ. И все это слушается съ затаеннымъ вниманіемъ, съ периодическимъ „бой, бой, бой“ въ знакъ удивленія.

Договорился, наконецъ, лгунъ-сартъ и объявилъ, что ему обѣщано „такое-то“ прибыльное мѣстечко, „такое-то“ доходное предпріятіе. Всѣ выпутили глаза, привстали съ мѣста, протянули крезу руки въ знакъ поздравленія и пожеланія осуществиться ожиданіямъ (или шундакъ булсупъ), у всѣхъ расправились физіономіи въ праздничный, довольный типъ. Сдѣлали затѣмъ омовеніе, отправились въ мечеть, посидѣли тамъ съ  $\frac{1}{4}$  часа на молитвѣ и потянулись къ михмандару большої вереницей доканчивать оставшіяся отъ вчерашняго угощенія кулинарныхъ яствъ, включительно съ пиявами и шуръ-брюнчемъ. Здѣсь сосѣдямъ пришлось выслушать отъ гостепріимнаго „счастливца“ повтореніе вѣратцѣ того же вранія, какое они прослушали часть тому назадъ въ улицѣ. Рассказъ сопровождался только поясненіемъ, гдѣ сидѣли и важный гость, и самъ онъ, хозяинъ, и его батча, присутствующій также и на этотъ разъ, при другихъ уже условіяхъ, когда съ нимъ довольный собой хозяинъ не стыдится, а отпускаетъ такие хушаметы (любезности), отъ которыхъ вся угощающаяся публика приходитъ въ дикий восторгъ, поддерживая изліяніе своихъ вѣжныхъ чувствъ къ хорошенъкому мальчику и какъ можетъ. Одни, романтическіе, таютъ сладкими вздохами, посыпаютъ заученныя любезности въ родѣ такихъ: „болѣзни твоего несчастья да ударятъ меня; да растаетъ братъ твой; обер-

нусь вокруг глазъ твоихъ"; прозаики только подмигиваютъ, облизываютъ то мѣсто, къ которому прикоснется пригожій мальчикъ рукой, подаютъ батчъ кальянъ, вдыхаютъ съ особымъ упоеніемъ дымъ, выпущенный имъ, преподносятъ обѣими руками чашку съ кукъ-чаемъ (зеленый чай), а болѣе близкіе къ хозяину по своимъ отпоменіямъ, по равенству состоянія, даже протягиваютъ къ батчъ руки, чѣмъ вызываютъ его на утонченное жеманство и поощрительныя пощечины вскромному гостю, принимаемыя при общемъ восторгѣ публики таѣ, какъ будто бы на него опустилось самое высокое блаженство.

И какая это общеспасительная для сартовъ соціальная принадлежность „батча“, при условіяхъ совершенной замкнутости женщіи, при отсутствіи въ жизни средне-азіатскаго люда даже тѣни интеллектуальныхъ человѣческихъ интересовъ. Что оставалось бы дѣлать этому многочисленному классу праздныхъ городскихъ туземцевъ, поклонниковъ батчи? Имъ оставалось бы или закупориться въ кельяхъ медрессе, погрузиться въ сколастическую, отупляющую премудрость мусульманской учености, или, какъ многіе предаются, услаждать себя чарующими видѣніями подъ опьянѣніемъ гашиша, или броситься въ азартныя игры (кумаръ), въ наблюденіе ристалища голубей, боя куропатокъ, перепеловъ, барановъ (кошкаръ) и верблюдовъ.

Природѣ человѣка, на какой бы низкой ступени духовнаго развитія онъ ни стоялъ, свойственны соотвѣтствующія этому развитію потребности чувственныхъ отвлеченій; какъ дикий обитателямъ Африки, неграмъ секты Воду, или мексиканскимъ индійцамъ секты Наугаль—доставляютъ высокое наслажденіе неистовыя вакханалии въ празднество заклинанія змѣй, такъ средне-азіатскому мусульманину, при современномъ складѣ жизни, совершенно естественно упиваться изліяніемъ чувствъ пригожему мальчику, плясуну и пѣвицу.

Когда эта одуряюще монотонная жизнь будетъ поставлена, путемъ духовнаго, умственного перевоспитанія народа, въ другія формы, тогда она вызоветъ другія, соотвѣтствующія этиче-

скому состоянію, потребности мусульманскаго общества; а до тѣхъ поръ ему суждено коснѣть въ невѣжествѣ, въ вѣковыхъ грубыхъ, извращенныхъ наклонностяхъ.

Еще много генерацій унесутъ въ вѣчность тѣ же типичныя особенности характера сартовъ, со всѣми его недостатками, какія мы наблюдаемъ въ немъ теперь.

Его жизнь сосредоточена вся на низменныхъ стремленіяхъ такъ или иначе обдѣлать выгодное дѣло, обработать, при случаѣ, ловкимъ образомъ простяка; другихъ отличительныхъ принциповъ у массы этого народа пока нѣть. Да и откуда имъ, этимъ принципамъ, было пробиться чрезъ полную подавленность политическимъ рабствомъ, варварствомъ трехтысячелѣтней давности.

Посмотрите на того же богача, гостепріимнаго махмандара, въ его отношеніяхъ къ своимъ работникамъ, въ знайные лѣтніе дни сгиающимъ, по страшной нуждѣ, спины за полевыми работами и получающимъ по одному рублю въ месяцъ жалованья, да поношенный хозайскій халатъ и рубаху со штанами; посмотрите на него, отпускающаго деньги киргизамъ подъ разбойническіе 160 процентовъ. Какими увертками, обсчитываніемъ, выманиваніемъ придачи „ничтожнаго барашка, жеребенка, кошмы (войлока)“, какими запугиваніями въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опутываетъ свою жертву, чтобы вытянуть отъ нея все, чѣмъ можно воспользоваться.

А этотъ богачъ-хлѣбосоль въ своихъ отношеніяхъ пріятельства, дружбы (досъ) къ богачу простодушному и всегда естественному киргизу? Вотъ онъ намѣтилъ выгодность подружиться съ богатымъ киргизомъ, пригласилъ его въ первый разъ къ себѣ на ашъ (угощеніе), наговорилъ ему льстивыхъ похвалъ, наудивлялся его достоинству, родовитости и знатности, непремѣнно налагъ о существовавшей въ давнія времена дружбѣ между ихъ прадѣдами, отпустилъ даже увѣреніе въ существовавшемъ родствѣ по женской линіи, предложилъ навсегда услуги своего денежнаго кармана, надѣль, въ заключеніе, дружбу завязывающей халатъ, обнялся съ киргизомъ въ

знакъ союза, выпроводилъ за ворота съ самой сияющей физиономіей, вернулся въ свою саклю и тотчасъ же отмѣтилъ по записи, что „такому-то“ другу (досту) „тогда-то“ далъ халатъ.

Степной рыцарь, другъ, не позволить себѣ 'остаться въ долгу и отплатить сарту, при случаѣ близкаго кочеванья, угощениемъ и подаркомъ хорошей лошади или верблюда. Полученіе будетъ отмѣчено по другой записи, послѣдуетъ затѣмъ еще угощеніе и еще подарокъ, еще отвѣтъ киргиза и такъ далъ, пока дружба не закрѣпится окончательно годичной давностью и ссудою другу денегъ подъ дружескій 120%, вместо 160. Тогда сартъ обращается въ Тартюфа и уже не выжидаетъ подарка, но прямо требуетъ, а во время непрошеннаго посѣщенія аула безъ всякихъ церемоній выбираетъ изъ домашнихъ вещей или скота то, что ему понравится, и назойливостью вынуждаетъ друга уступить. Въ концѣ-концовъ, чрезъ 2—3 года, при малѣшемъ неисполненіи киргизомъ требованія, дружба ликвидируется судебнымъ разбирательствомъ, на которое сартъ-другъ является во всеоружіи записей даннаго, а степной рыцарь, на всѣ упреки, укоризны, напоминанія, отвѣтываетъ лишь ироническими подшучиваніями надъ жадностью сарта, надъ трусостью, способностью къ измѣнѣ, подобно рабу, и если онъ не окончательно обработанъ другомъ, то все-таки раздѣляется за дружбу такъ, какъ будетъ назначено судебнѣмъ опредѣленіемъ.

А этотъ святоша по наружности и богачъ дѣйствительный, савовитый шейхъ (блеститель вѣры) при знаменитой, по своему значенію для правовѣрныхъ, мечети надъ гробницей Ахмета-Ясави? Спросите, сколько онъ удѣляетъ, какъ бы обязанъ былъ, на ремонтъ мечети отъ громадныхъ доходовъ, простирающихся, со всѣми пожертвованіями и съ покупкою при мечети мѣстъ для погребенія, до 18 тыс. рублей въ годъ? Вы сами можете легко решить этотъ вопросъ отрицательно, если взглянете на это древнее зданіе, угрожающее паденіемъ, на его никогда не метущійся и заваленный всякими нечистотами и падалью дворъ, на новалившуюся мѣстами ограду.

Посмотрите на этихъ шейховъ, распредѣляющихъ между собою и сополучателями-родственниками доходъ отъ жертвованій въ годовые праздники курбанъ-байрамъ и гайтъ-ураза. Это картина очень эффектная, это цѣлый турниръ, гдѣ „защитники правовѣрныхъ“, напоминая одинъ другому свою генеалогію, отстаиваютъ не долгъ справедливости, не честь, не принципъ помощи неимущимъ потомкамъ Пророка, хоть будь они ихъ родственники, а свои карманы, свои денежные интересы, ради которыхъ всякий святоша, средне-азіатскій мусульманъ-сартъ, готовъ сбросить въ разъ все свое напускное благочестіе, готовъ, въ нарушеніе шаріата, изъ шейха превратиться въ полицейского сыщика, изъ казія—въ сборщика податей, изъ раиса—въ лаича.

„Гдѣ больше даютъ, туда мы и тянемъ“, вотъ девизъ сартовъ, для которыхъ нѣть другого кумира, кромѣ рубля. Она, эта формула жизни — общая для всѣхъ классовъ, для всѣхъ состояній, для всѣхъ соціальныхъ положеній, и только различаются приемы выполненія ея. Богачъ горожанинъ, задумывая обработать то или другое прибыльное дѣльце, устраиваетъ, для кого слѣдуетъ, завтракъ съ шампанскимъ, съ русскимъ поваромъ, съ приличной сервировкой стола. Онъ постигъ бытовыя наклонности чужестранцевъ, ихъ податливость, отзывчивость на все за хорошимъ, винообильнымъ угощеніемъ, завелъ комнату съ европейской обстановкой и не прочь бросить 1000 руб. въ годъ на нѣсколько завтраковъ, отъ которыхъ можно ждать подряда въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Знатный шейхъ охотно вызовется быть шпиономъ, предателемъ своихъ же сородичей, если получить обѣщаніе оставить за нимъ главенство въ дѣлѣ доходовъ мечети.

Ученый казій будетъ надоѣдать вамъ слезливыми жалобами на незначительность доходовъ отъ судебной и требоисполнительной практики, и просіаетъ до отвратительного униженія цѣлованія руки, если ему предложить совмѣстное и противоположное исполненіе обязанностей сборщика податей, гдѣ перепадаютъ очень и очень значительныя крупицы.

Благочестивый (суфи) мулла, имамъ, духовный наставникъ правовѣрныхъ согласится быть въ то же время и разсыльнымъ за некоторое вознаграждение.

Муфтій-юриспрудентъ подыщетъ на данное тяжебное дѣло, сколько потребуете, толкованій закона, одно другое исключающіе, и за каждый такой разоять (извлеченіе) возьметъ съ клиента гонораръ.

Торговецъ норовить приписать кредитору лишнее и учиненно будетъ просить у киргиза надбавки нѣсколькихъ копѣекъ или уступки, знакомства ради, „ничтожнаго жеребенка“.

Процентщикъ, открывая эту лавочку, вопреки корану, назначающему вѣчный адъ тому мусульманину, который возьметъ пользу на денежную ссуду, не ограничивается вытягиваніемъ 160% на занятый капиталъ, а непремѣнно обойдетъ киргиза неправильнымъ высчитываніемъ процентовъ и периодическихъ платежей.

Достаточный земледѣлецъ не подарить работнику и одного часа, а при расчетѣ перегрызетъ его сначала упреками за нерадивую работу и, только при невозможности обидѣть установленной платой, бросить ему пренебрежительно 8—12 рублей, да старое бѣлье и ношеный халять за 9 мѣсяцевъ непрерывной работы въ полѣ, на землепашество.

Родители продаютъ своихъ пригожихъ малолѣтнихъ сыновей для профессии батчи; отцы, матери и братья живутъ въ проституціонныхъ домахъ, при своихъ дочеряхъ, сестрахъ, которыхъ ими же и запроданы; мужья предоставляютъ своимъ женамъ зарабатывать и „по секрету“, и открытой проституціей въ домахъ терпимости, куда ихъ посылаютъ на время, безъ отчужденія, или же на началахъ купли и продажи, совершающейся нотаріальнымъ порядкомъ у казія.

А эти ишаны, проститирующие свое благочестіе духовное, свою мнѣмую преданность строгой жизни, выдающіе себя за прямыхъ потомковъ пророка Магомета и являющіе простодушнымъ киргизамъ разные фокусы, для укрѣпленія въ нихъ

прозелитизма, съ которымъ связана полная возможность ободрить прозелита какъ липку!

Вотъ онъ, этотъ непризнанный еще ишанъ, прощающійся съ своими родственниками, чтобы пуститься сегодня въ мытарство. Два года тому назадъ онъ, этотъ предназначающій себя въ духовные наставники (ишаны) молодой сартъ-мулла, родной братъ городского казы-каляна (старшій казій), укралъ лошадь у одного горожанина и отдался только присрамленіемъ<sup>1)</sup>. Онъ пошелъ бы навѣрное по этой профессіи и дальше, если бы не вліяніе на него старшаго брата, казія изъ рода хожей, вразумившаго молодого муллу-вора идти въ отдаленную при-чуйскую степь и, по примѣру многихъ одногородскихъ хожей, объявиться между киргизами ишаномъ.

Дѣло выгодное, конечно, сообразилъ младшій братъ-хожа, и медлить нечего. Его путевые сборы несложны: онъ береть съ собою фунтъ зеленаго чаю, мѣшочекъ катушечъ (боворсакъ) изъ муки, двѣ-три смѣни бѣлья, 5—8 старыхъ, по наружности, духовныхъ книгъ, кусокъ грязной тряпки, который можно было бы выдать за рубаху Пророка, сотни двѣ написанныхъ на лоскуткѣ бумаги молитвъ, свернутыхъ въ трубочку (тумаръ) и двухъ слугъ-сотрудниковъ.

Скромно ёдетъ этотъ плутовской триумвиратъ по кочевьямъ киргизовъ, ближайшимъ къ родному городу. Мулла не разсказываетъ пока о цѣли своего путешествія на р. Чу, а какъ бы подготовляясь къ предстоящей дѣятельности, упражняется во время остановокъ въ аулахъ въ закидываніи стенныхъ, ничего не вѣдающихъ слушателей, цитатами изъ корана, изъ сборника Нофакатъ о подвигахъ ишановъ, въ прочитываніи духовныхъ стиховъ. Его слуги-соучастники ведутъ себя во все время пути въ аулахъ благопристойно, скромно; необходимаго для джалаучи (путника) не требуютъ, а просить, не упуская при этомъ напомнить, что мулла ихъ очень ученый, набожный (такуа), благочестивый (суфи), мудрый (хакимъ) и происходит

<sup>1)</sup> Здѣсь и во всемъ очеркѣ излагаются дѣйствительные факты, безъ обозначенія именъ дѣятелей.—Авт.

отъ Пророка. При случайѣ, въ пути, мулла не отказывается по-практиковаться въ ауѣ и надѣ исцѣленіемъ больного разными ничего не стоящими намазываніями носа, отчитываніемъ, по-шептываніемъ и привѣшиваніемъ къ болѣющимъ мѣстамъ бумажныхъ лоскутковъ съ отрывками молитвъ. Чѣмъ ближе къ цѣли путешествія, къ тѣмъ отдаленнымъ кочевьямъ, въ которыхъ мулла, по совету другихъ ишановъ, намѣтилъ предложить себя въ духовные наставники (пиръ, ишанъ, халифа) простоватымъ киргизамъ, тѣмъ онъ усерднѣе разыгрываетъ въ аулахъ притворную набожность, знаніе корана, умѣніе исцѣлять чудесными, ему одному вѣдомыми средствами отъ самыхъ тяжкихъ недуговъ. Однако въ кочевьяхъ, на которыхъ разсчитывалъ мулла, онъ, при своей относительной молодости, не сумѣлъ расположить къ себѣ богатыхъ киргизовъ, заполучившихъ уже раньше по нѣскольку ишановъ, и потерпѣлъ такое фіаско высказаннымъ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ его родовитости хожи, что счелъ болѣе практическимъ скромно, безъ притязаній, ретироваться тѣмъ же путемъ, чтобы, чрезъ нѣсколько переѣздовъ свернуть въ сторону, въ другія болѣе надежныя кочевья.

Но вотъ, на первомъ перебѣдѣ возвратнаго пути, Аллахъ косыаетъ проходицу заступника, въ образѣ знакомаго проідохи-татарина, пробирающагося въ эти кочевья не въ первый разъ съ ситцами и разной мелочью (иголки, наперстки, зеркала и шнурки), вымѣниваемой на скотъ и лисьи шкурки. Обмѣнялись они задушевной келейной бесѣдой о неудачахъ муллы-въ попыткахъ сдѣлаться ишаномъ, и пріятель-татаринъ вызывается, за условленное вознагражденіе, поправить дѣло. Унылый мулла остается, по условію, въ аулѣ, гдѣ ему ниспосланъ заступникъ, а торгашъ-татаринъ пробирается дальше, разсказываетъ вездѣ, какую онъ имѣлъ счастливую встрѣчу съ знаменитымъ ученымъ муллой, прямымъ потомкомъ Пророка, рисуетъ его достоинства, знатность самыми яркими красками, и говоритъ въ заключеніе, какъ бы по секрету, что онъ давалъ ему руку, т.-е. по примѣру очень многихъ, сдѣлялся его ученикомъ (муридъ).

Слушатели, тѣ самые киргизы, которые сказали вчера муллѣ: „у насъ есть ишаны свои и вамъ тутъ нечего дѣлать“, осовѣли отъ этихъ разсказовъ татарина и отъ воспоминаній о такомъ сухомъ приемѣ „святого человѣка“. Многіе впали въ уныніе, начались взаимные упреки за неумѣніе принять такого достойнаго человѣка, на многихъ напало раскаяніе, заговорилъ, раньше внушенный, страхъ отвѣтственности за неуваженіе къ благочестивому родственнику Пророка. Татаринъ все это подмѣтилъ, высказалъ со слезами сожалѣніе о такой печальной случайности съ его „высоко всѣми почитаемымъ наставникомъ“, пожурилъ тѣхъ, которые казались ему виновными въ такомъ неучтивомъ отношеніи къ достойному муллѣ и, какъ бы въ искупленіе, предложилъ нѣсколькимъ почетнымъ людямъ немедленноѣхать въ догонку и просить муллу возвратиться къnimъ въ кочевья.

Компромиссъ, разумѣется, принять единогласно, съ особеннымъ восторгомъ, и 5—10 человѣкъ скачутъ по слѣдамъ отступившаго муллы, напутствованные пожеланіемъ успѣха. Вотъ они приѣхали къ цѣли, въ аулъ, гдѣ мулла успѣть уже понравиться, навѣшалъ болынымъ молитвы (тумары) и готовилъ бѣхать дальше. Начинается комедія упрашиванія посланными киргизами, извиненія ихъ, развертывается притворная нерѣшительность муллы возвратиться туда, гдѣ ему сказали, что въ немъ надобности неѣть. Съ уточненной ловкостью продолжаетъ здѣсь свою роль бывшій воръ и, наконецъ, соглашается бѣхать съ депутатами. И какая же это отвратительная картина вторичной встрѣчи муллы въ аулѣ, гдѣ ему уготованъ мѣстечко заступникъ. Подкупленный обѣщаніями, татаринъ и его слуги ползаютъ у ногъ муллы, называя его чудеснымъ, благочестивымъ; некоторые, плаксивые по природѣ киргизы прослезились въ извиненіяхъ, что не разобрали въ немъ столь важной особы, каждый по очереди прикасается къ его одеждѣ, въ знакъ высокаго почитанія, все взрослое мужское собраніе въ разслабленно-умильномъ настроеніи и только аульные бабы остаются чужды этого дивертисемента, таѣзъ удачно разыгран-

наго, съ одной стороны, плутами, а съ другой—простодушными киргизами.

На-завтра мулла уже ишанъ. Ему протянули руки нѣсколько важныхъ киргизовъ, призывая Аллаха и его пророка Магомета въ свидѣтели постоянной вѣрности этому новому наставнику, безграничной преданности ему до готовности пожертвовать ишану все—„и свое тѣло, и свою жизнь“. Такова первая заповѣдь, издаваемая ишанами для неофитовъ. Ею они все-могущи.

Ишанъ приводить до падучей болѣзни, до помраченія разсудка киргиза, выбиваниемъ изъ него злого духа посредствомъ повседневныхъ выкрикиваний особеннымъ напряженіемъ груди: „я ху! я хакъ!“, причемъ очищающемся дается какой-то напитокъ, очевидно дѣйствующій на мозговые центры. Для вящей убѣдительности въ своемъ творчествѣ чудесъ (кераментъ), ишанъ отсѣкаетъ шашкой киргизу руку, съ назѣреніемъ якобы испѣвать<sup>1)</sup>.

Ишаны облачили при-чуйскихъ и при-сыръ-дарынскихъ киргизъ въ чалмы, настроили въ степи мечети, насадили муллъ.

Ишаны подстrekнули въ 1868 году акмолинскихъ киргизовъ не принимать знаковъ, установленныхъ вводившимся тогда новымъ положеніемъ для должностныхъ бievъ, волостныхъ управителей и старшинъ<sup>2)</sup>.

Ишаны не безучастны, какъ мы имѣемъ положительныя данные, въ прискорбныхъ событіяхъ 1868 года непринятія оренбургскими киргизами нового Высочайше утвержденного положенія объ управлениія кочевымъ народомъ.

Словомъ, ишанъ всесиленъ, всевластенъ въ своей паствѣ, и отвергать громадное вліяніе этого духовнаго ордена на соціальные отношенія младенческаго среднеазіатскаго народа могутъ только тѣ изъ доморощенныхъ ориенталистовъ, которые видѣли народъ лишь на почтовой дорогѣ и даже не задали

<sup>1)</sup> Случай былъ на рекѣ Арысѣ.

<sup>2)</sup> Я не помню теперь тогъ № „Голоса“ 1875 г., въ которомъ была корреспонденція объ этомъ.

себѣ труда прочесть прекрасную 180 страницу „Очерковъ Средней Азіи“ Арминія Вамбери. Вотъ что говорить этотъ ориенталистъ: „въ Бухарѣ и Кокандѣ въ каждомъ обществѣ, какъ бы оно ни было мало, кроме обычныхъ муллъ и рейса, всегда есть одинъ или пѣсколько ишановъ (орденскихъ священниковъ), и я не могъ достаточно надивиться, какое слѣпое повиновеніе, какое почтеніе оказываютъ этимъ ишанамъ всѣ члены братства. //онятно, что часто эти влиятельные ишаны становятся поперекъ дороги правительству, но оно никогда не осмѣливается сдерживать ихъ, ибо ордена эти считаются неразрывно связанными съ исламомъ. Самъ ханъ, министры его и многие улемы, искренно ненавидящіе ишановъ, какъ могучихъ соперниковъ, въ угоду общественному мнѣнію носятъ вѣшніе атрибуты того или другого ордена“.

У киргизовъ, недавно лишь окрѣпшихъ въ исламизмѣ, не имѣющихъ достаточно муллъ, ишаны пользуются особенно большимъ значеніемъ, и общимъ комплотомъ столько же способны возбуждать массы, сколько сдерживать ихъ.

Вліяніе ишановъ на своихъ мюридовъ отражается на всемъ складѣ жизни этихъ послѣднихъ: они носятъ чалмы, аккуратно отбываютъ намазы, строго соблюдаютъ посты (ураза), устраиваютъ сообща въ кочевьяхъ мечети, отдаютъ своихъ дѣтей въ городскія духовныя школы, гдѣ въ десятокъ лѣтъ ихъ на-крѣпко напичкаютъ всяkimъ вздоромъ мусульманской учености, превратить въ ханжей и, такимъ образомъ, поколѣніе за поколѣніемъ переродится киргизскій народъ въ такомъ пагубно извращенномъ воспитаніи.

Но помимо такого значенія ишановъ, невыгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ для успѣховъ цивилизациіи, ихъ дѣятельность вредна одинаково для народа и въ экономическомъ отношеніи. Эти паразиты, начинаящіе свою профессію, подобно вору-муллѣ, изъ побужденій чисто корыстныхъ, положительно обираютъ народъ, продавая прозелитамъ и свое благословеніе (фатиѳа), и свое „дыханіе“ (наѳазъ), и свои собесѣдничества (согботъ), для здоровыхъ людей, для любимыхъ хозяевами домашнихъ животныхъ.

Совершенно овладѣвъ въ нѣсколько дѣль волей своего мюрида, ишанъ безъ всякой церемоніи, съ типичной жадностью, съ ненасытностью, свойственной въ такихъ размѣрахъ только природѣ сарта, тянетъ съ своей жертвы все, начиная отъ домашнихъ, разумѣется лучшихъ животныхъ, до пригожихъ киргизскихъ дѣвушекъ, которыхъ ишаны или берутъ въ жены себѣ, или отдаютъ родственникамъ также спокойно, какъ и лошадь.

Киргизъ-мюридъ не въ состояніи отказать своему пиру (духовному учителю) въ бѣкомъ бы то ни было требованіи. Если у бѣдняка отъ частыхъ посѣщеній ишана не осталось уже скота, онъ, подъ благословеніемъ ишана, сдѣлаетъ отдаленную кражу и принесетъ деньги. Землепашцы, при неимѣніи денегъ, несутъ ишану хлѣбное зерно, муку, домашнія издѣлія, ковры и кошмы. Окончательно бѣдные поступаютъ къ ишану, разумѣется безъ всякаго вознагражденія, въ работники на хлѣбопашество, и намъ не разъ приходилось встрѣчать ишановъ, важно ёдущихъ верхомъ въ бѣломъ халатѣ, съ огромнымъ тюрбаномъ на головѣ, сопровождаемыхъ за сотни верстъ вереницей оборванныхъ, босыхъ бѣдняковъ-мюридовъ, иосильно расплачивающихся съ своимъ жаднымъ наставникомъ личнымъ трудомъ.

Посмотрите на этого возвращающагося изъ кочевьевъ, чрезъ девять мѣсяцевъ, знакомаго новичка-ишана, пропагандированаго татариномъ. По чуйскимъ степямъ и дальше, чрезъ хребетъ Кара-тау, онъ ёдетъ уже не самъ-третей и не верхомъ, а въ тарантасѣ, который даль ему какой-то богатый акмолинскій киргизъ, причислившійся къ мюридамъ; за этимъ кортежомъ изъ 10—20 человѣкъ верховыхъ киргизъ, сопровождающихъ своего пастыря за 1000 верстъ, тянутся караванъ верблюдовъ съ навьюченными кибитками, коврами, кошмами и всякой всячиной; на самомъ лучшемъ бѣломъ верблюдѣ, въ позѣ не совсѣмъ живописной, возвѣщаетъ 16-лѣтняя дочь киргиза, отданная, безъ всякаго конечно калыма, въ жены ишану; за караваномъ гонятъ десятокъ хорошихъ лошадей и двѣ сотни ба-

рановъ. Все это, въ сложности съ собранными за „дыханіе“ и благословенія деньгами, составляетъ капиталъ тысячи въ четыре. И вотъ ишанъ—воръ-мудра, по количеству собраннаго, не составляетъ исключенія: каждый приносить изъ степи домой, если не больше, то и не менѣе 4000 рублей.

Сообразивъ общее число ишановъ-сартовъ, отпускаемыхъ при сырь-даргинскими городами, безъ вѣдома конечно администраціи, въ киргизскія степи, не трудно вычислить стоимость кочевому народу этихъ паразитовъ тунеядцевъ-развратителей. Мы не станемъ заниматься подведеніемъ такого интереснаго итога, по неподысканію въ архивахъ и „текущихъ дѣлахъ“ какихъ бы то ни было свѣдѣній объ ишанахъ, едва ли даже извѣстныхъ нѣкоторымъ „стражамъ народной жизни“. Но придется время, и гг. хакими сгруппируютъ эти свѣдѣнія по вопросу, столь интересному съ экономической и нравственной стороны жизни туземцевъ.

У осѣдлаго населенія, ишаны пользуются сильнымъ вліяніемъ только въ классѣ земледѣльческомъ, сельскомъ, стоящемъ, сравнительно съ горожанами, на низкой ступени умственнаго развитія и легко потому поддающемся на всякую эксплуатацию, не только духовенствомъ, но самыми обыкновенными пройдохами. Здѣсь ишаны такъ же назойливы, какъ и у кочевниковъ.

Наводняя каждогодно, послѣ снятія хлѣбовъ съ полей, долину Сырь-дары, самозванные ишаны изъ Бухары, Шахрисабза, Кулаба и Самарканда ограничиваютъ свою дѣятельность исключительно собираніемъ по кишлакамъ (селеніямъ) доброхотной дани, поголовно со всѣхъ. Обыкновенно, по давнишнему установленію, каждый кишлакъ имѣеть 2—3 такихъ данесобирателей, своего рода сюзереновъ.

Являясь въ селеніе, по снятіи хлѣбовъ, одинъ послѣ другого, ишанъ продѣлаетъ обыкновенно въ одинъ вечеръ молитвенный сеансъ съ неистовымъ хоровымъ, продолжительнымъ выкрикиваніемъ: „я ху! я хакъ! ла илла илла ху!“ <sup>1)</sup>), по-

<sup>1)</sup> Да, это онъ! Онъ—справедливый! Нѣть другого Бога, кроме его!

толкуетъ съ жителями о разныхъ мірскихъ дѣлахъ, нагово-  
рить увѣреній, что начальство сократило подать, по ихъ, иша-  
новъ, молитвъ, и на другой день собереть чрезъ мѣстного акса-  
кала (сельская полицейская власть) деньгами то количество,  
какое имъ давали здѣсь прежде, плюсъ та часть, на которую  
въ данный годъ сокращены подати. Выходитъ, такимъ обра-  
зомъ, что облегченіе сельского туземного населенія отъ казен-  
ныхъ податей идетъ въ прокъ не народу, а ишанамъ, вымо-  
гающимъ у бѣдняковъ сытныя крупицы съ неслыханной смѣ-  
лостью, съ угрозами ниспослать на неподатливаго мюрида, на  
его семью и скотъ болѣзни и моръ. Пессимисты могутъ про-  
вѣрить это мое наблюденіе ишанизма, и навѣрное откроютъ  
въ дѣятельности ишановъ еще болѣе пагубнаго для благосо-  
стоянія и нравственности народа, но никакъ не менѣе того,  
что я сообщаю здѣсь.

Мы лично смотримъ на ишановъ, какъ на продуктъ, съ  
одной стороны, крайней умственной неразвитости народа, въ-  
рующаго въ керметы, чудеса ишановъ, а съ другой—какъ на  
результатъ полнейшаго равнодушія всѣхъ къ вопросу, кто  
имѣеть право на ишанинъ духовный: всякий ли проворовав-  
шійся мулла, встрѣчающій въ татарии свыше посланного за-  
ступника, всякий ли работникъ ишана, котораго посыаетъ онъ,  
въ качествѣ своего намѣстника (халифа), для собранія дани,  
всякий ли казанскій татаринъ, афганецъ и константинопольскій  
грекъ <sup>1)</sup>, или же право быть ишаномъ остается за прямыми  
потомками какого-нибудь духовнаго ордена, или, наконецъ,  
ишаны должны вытереть свои глаза той страницей корана Ма-  
гомета, гдѣ сказано: „Ла рухбанитумъ філь ислямъ“ (въ исламѣ  
не быть монаховъ) и прекратить обирательство и развращеніе  
народа <sup>2)</sup>.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничиваться однимъ пере-

<sup>1)</sup> Вспоминаяю корреспонденцію „Голоса“ изъ Семипалатинска за 1875 г. Ают.  
<sup>2)</sup> Въ специальномъ изслѣдованіи обл. ишанахъ, приготовляемомъ къ печати,  
мы надѣемся доказать возможность избавить населеніе отъ этой язвы безъ малѣ-  
шихъ послѣдователей неудовольствія народа на такую иѣру.— Ают.

~~численіемъ количества выпущенныхъ канцеляріей номеровъ, и  
на серьезные вопросы по улучшенію материальнаго и нрав-  
ственнаго быта населения смотрѣть съ такою же апатической  
важностью, съ какою ишаны смотрѣть на свою дѣятельность  
и происхожденіе, чрезъ мудрое двухстороннєе.~~

Османы оссия шаботы борсаръ  
Азъ сүзухи шуюха осантаръ,

т.-е. въ переводѣ:

Легче обратить небо въ мельницу,  
Чѣмъ выполнить обязанности ишана.

Годъ путешествія моего съ Алтынъ-баемъ въ степной уѣздѣ,  
былъ особенно удачнымъ для насъ столько же встрѣчкою со  
многими ишанами, доставившою матеріалъ для наблюденій,  
сколько и тѣмъ, что онъ былъ кануномъ слѣдующаго трех-  
лѣтія новыхъ выборовъ на должности волостныхъ управителей,  
біевъ (судей), аульныхъ старшинъ у кочевниковъ, аксакаловъ  
(полицейская, городская и сельская власть), казіевъ (судей),  
членовъ хозяйственнаго управления, вѣдающаго раскладку и  
сборъ податей у осѣдлыхъ туземцевъ.

Мнѣ недолго, всего три недѣли, пришлось ждать изби-  
рательной процедуры и за это время я познакомился съ не-  
сколькими, весьма толковыми киргизами рода конградъ, а раз-  
спросами пополнилъ свои свѣдѣнія о многомъ, касающемся  
самоуправлія, суда и податного дѣла у кочевниковъ.

Я узналъ, между прочимъ, также, что киргизы имѣютъ  
счастіе видѣть своихъ гг. хакимовъ только одинъ разъ въ трех-  
лѣтіе, когда имъ дается „предписаніе“ сдѣлать очередные вы-  
боры. Въ это-то счастливое для народа время гг. хакимы вы-  
ѣзжаютъ въ 3—4 пункта ввѣренныхъ имъ владѣній, соби-  
раютъ десяточныхъ (унъ-башы) и пятидесяточныхъ (илю-башы)  
избирателей, выслушиваютъ жалобы просителей по разнымъ  
дѣламъ, передаютъ немедленно эти жалобы на разбирательство  
біевъ и, само собою разумѣется, освѣдомляются потомъ, какъ  
рѣшено то или другое дѣло, причемъ конечно стараются от-  
клонить вліяніе постороннихъ, напримѣръ переводчиковъ, на

рѣшеніе суда. Но вотъ—я на выборахъ въ той самой степи, въ которой встрѣтилъ „счастливаго“ ишана вора-муллу возвратившимся изъ кочевьевъ акмолинскихъ киргизовъ. Народа собралось отъ трехъ волостей, которымъ назначенъ здѣсь сборный пунктъ, до 2000 человѣкъ. Въ назначенный день, съ примѣрной аккуратностью, безъ просрочки, такъ утомляющей кочевниковъ въ другихъ случаяхъ, подѣлжаетъ въ ставѣ изъ 12-ти кибитокъ джувашъ-хакимъ, т.-е. скромный начальникъ, верхомъ на скромной лошади, съ скромнымъ кортежемъ, состоявшимъ изъ коршуновиднаго кичкине-наиба (въ переводе: младшій помощникъ) и пяти джигитовъ (конные разсыльные). Киргизы выстраиваются въ одну линію и привѣтствуютъ приѣзжающихъ низкимъ поклономъ, съ легкимъ приподниманіемъ шапокъ и съ приговариваніемъ „здышка“ (искаженное „здравствуй“).

— Сегодня отдыхъ, — объявляетъ отъ имени хакима наибъ:— завтра разборъ жалобъ, а послѣ завтра выборы.

Однако программа эта не вполнѣ прошла: жалобъ предъявлена была такая масса, что джувашъ-хакимъ, при всей старательности своей, не успѣлъ выслушать въ одинъ день даже половины ихъ. Здѣсь были и преобладающіе иски по дѣламъ кражъ, и иска женъ и невѣстъ о расторженіи брака или брачнаго условія съ нелюбимымъ мужемъ или женихомъ, и иски жениховъ, обманутыхъ невѣстами, и вышедшихъ замужъ за другихъ безъ воли родителей, и споры о неполной уплатѣ казны за невѣсту, и споры поземельные.

Какъ я сказала выше, самою болѣею серіею жалобъ были иски по кражамъ, со всѣми варіаціями ихъ: воровство чрезъ угонъ изъ табуна нѣсколькихъ десятковъ лошадей, среди бѣлаго дня, въ виду табунищиковъ, которымъ шайка пригрозила дубинами, кражи изъ табуна ночью, отнятіе лошади грабежемъ въ степи или въ городѣ, кража скота изъ аула, иска за невыполненіе обязательства открыть украденный скотъ за полученное отъ потерпѣвшаго вознагражденіе (сююнчи), иска двухъ киргизъ, по дѣлу кражи, за неправильное взысканіе

біями, при участіи кичкине-наиба <sup>1)</sup>), огромнаго штрафа въ 860 рублей, неизвѣстно куда поступившаго, обвиненіе нѣкоторыхъ волостныхъ управителей и ихъ кандидатовъ въ тѣсной солидарности съ ворами.

По всему видно было здѣсь, да я зналъ это и раньше, что воровство въ киргизской степи, по своимъ размѣрамъ и организаціи, составляетъ страшное хроническое зло, разъѣдающее и благосостояніе народа, и его нравственность.

Вслушавшись въ судебные процессы по дѣламъ кражъ, во мнѣніе населенія кочевого и отчасти осѣдлого, я пришелъ къ тому убѣжденію, что воровство у киргизовъ совершается вовсе не по нуждѣ, а такъ сказать по баловству вначалѣ, жадности впослѣдствіи и привычкѣ въ заключеніе. Нѣсколько молодыхъ людей вполнѣ состоятельныхъ родителей, также подвизавшихся въ былое время въ кражахъ, сводятъ знакомство съ однородичемъ, опытнымъ, закоренѣлымъ-воромъ, уговариваются сдѣлать кражу изъ „табого-то“, отдаленнаго за 30 верстъ, табуна, разставляютъ на пути, куда предположено сбыть украденное, станціи у союзниковъ вора-учителя и въ томъ городѣ, въ который отправляютъ лошадей для продажи, дѣлаютъ удачно кражу изъ табуна, бродившаго безъ всякаго присмотра, выручаютъ за украденное порядочную сумму денегъ, миролюбиво дѣлать выручку по трудамъ и заслугамъ каждого, не обходя, конечно, и станціи держателей и аульного, бія и волостного, если они провѣдали о кражѣ; каждый соучастникъ получаетъ нѣкоторый кушъ денегъ и тѣмъ поощряетъ себя на дальнѣйшіе подвиги. Пока хозяинъ табуна случайно очнется, украденные лошади въ пять дней сдѣлаются 400 верстъ. Начинаются розыски разспросами, объявлениемъ такого-то (смотря по размѣру кражи) вознагражденія (сююнчи) тому, кто указаетъ воровъ или украденное. Доказчики въ большинствѣ слу-

(1) Знакомый съ жизнью туземнаго населенія, съ его злобою дня, не по отчетамъ, не по даннымъ канцелярскихъ архивовъ, а непосредственнымъ наблюдениемъ, я отвѣщаю уѣренiemъ, напоминая характеристику сартовъ, что помощники нѣ туземцевъ такая аномалия, которая приноситъ русскому дѣлу въ краѣ однѣ вредъ.

чаевъ выискиваются, получаютъ отъ потерпѣвшаго назначенную сююнчу въ 20—100 рублей и затѣмъ уже объявляютъ, гдѣ надо искать украденное. Если оговоръ окажется неосновательнымъ, доказчикъ возвращаетъ полученную сююнчу, изъ которой урвать все-таки нѣкоторую частину, въ 5—10 руб. При несомнѣнности доказательствъ къ обвиненію такого-то въ кражѣ, потерпѣвший, если не покончить съ ворами миролюбиво, при содѣйствіи однородичей, отправляется на разбирательство къ бїямъ, возсѣдающимъ всегда почию-то и вопреки положенію въ центральной резиденціи хакима, за 300—500 верстъ отъ кочевьевъ своихъ родовицъ, нуждающихся часто въ ихъ юриспруденціи. Избранные истцомъ бїи дѣлаютъ вызовъ отвѣтчику, который, по явкѣ, избираетъ также и съ своей стороны равное число бievъ. Эта коллегія судей отбираетъ для формы подписку отъ тяжущихся въ томъ, что они согласны предоставить имъ разбирательство дѣла. Публичный судъ отбрывается разспросами истца и выслушиваніемъ возраженій отвѣтчика, затѣмъ спрашиваются подъ присягою свидѣтели, если они представлены истцемъ. Въ случаѣ отсутствія свидѣтельскихъ доказательствъ, дѣло рѣшаются очистительной присягою одного родовища-отвѣтчика въ неповинности его клиента во взводимомъ обвиненіи. Выборъ одного или двухъ человѣкъ для очистительной присяги (джамга-устамганъ) предоставляется въ большинствѣ случаевъ истцу. Несколько къ присягѣ избранного, въ назначенный срокъ, въ указанное мѣсто, рѣшаетъ дѣло въ пользу истца. Явившійся, выбранный для присяги, собравъ свѣдѣнія о достоинствѣ обвиненія, даетъ клятву на алкоранѣ или, при непониманіи догматовъ вѣры, на возвышенномъ курганѣ, что на основаніи собранныхъ свѣдѣній и по внутреннему убѣжденію онъ не признаетъ „такого-то“ виновнымъ въ взводимомъ па него „такимъ-то“ обвиненіи. Такой присягой посторонняго родовища обвиняемый освобождается отъ всякой отвѣтственности, а обвинитель платить судебнія издережки.

Въ случаѣ доказаннаго обвиненія въ воровствѣ, не имѣю-

щемъ у киргизовъ подраздѣленія на простое и квалифицированное, отвѣтчикъ обязанъ уплатить истцу, сверхъ стоимости украденнаго, по два животныхъ за каждое изъ украденныхъ (муине кусокъ кутене-теркау) и приговаривается также къ возвращенію судебнія издережекъ (чигинъ), исключительно съ сююнчей (плата доказчику), и къ платежу штрафа (аипъ), назначаемаго бїями, въ противность обычаю (зану), въ произвольномъ размѣрѣ, иногда до того отяготительномъ, что одна такая доказанная кража 4—6 лошадей окончательно разоряетъ и отвѣтчика, и его родственниковъ, привлекаемыхъ почему-то къ платежу всего штрафа, въ случаѣ несостоятельности обвиненнаго. Обыкновенно, постановивъ обвиняющее рѣшеніе, бїи, не уклоняясь отъ назначенія штрафа, сводятъ тяжущихся къ мировой (ала-джипъ), для собращенія имущественной отвѣтственности обвиненнаго. Бїйликъ, т.-е. вознагражденіе бievъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла, принято уплачивать здѣсь въ размѣрѣ произвольномъ, но не обидномъ для судей, обѣимъ сторонамъ, избравшимъ бievъ.

Въ основаніи киргизскаго суда по зану (обычаю), съ очистительной присягою посторонняго за отвѣтчика при отсутствіи въ искѣ прямыхъ доказательствъ, лежать два начала: одно—непосредственно вытекающее изъ условій быта кочевниковъ и связанной съ этими условіями невозможности представлять на каждое дѣло свидѣтелей; другое—тѣсная солидарность киргизовъ во взаимномъ поддержаніи, при случаѣ, интересовъ отдельныхъ лицъ и обществъ. Первый факторъ такого судопроизводства остается въ неизмѣнномъ существованіи теперь, и останется такимъ надолго, пока степь будетъ степью, а кочевники—кочевниками; о второмъ можно сказать, что онъ утратилъ свое значеніе съ того времени, какъ, съ понижениемъ нравственного уровня массы, присяга и по алкорану, и простымъ общаніемъ говорить въ дѣлѣ сущую правду потеряла свое обаяніе; съ того времени также, какъ солидарность киргизскаго народа искусственно ослаблена положеніемъ, задавшимся цѣлью подорванія потомственнаго начала (чингирь-га-

таръ) въ кочевомъ народѣ. Теперь, если очистительная присяга падаетъ на родовицей обвиняемаго, солидарныхъ съ нимъ въ разныхъ грѣшкахъ, они поспѣшать явиться по вызову и не колеблась подойдутъ къ могизѣ родовитаго киргиза или выпить чашку воды <sup>1)</sup> въ оправданіе своего клиента, отъ котораго получать условленный гонораръ; а киргизъ дѣйствительно нравственный, пользующійся некоторымъ уваженіемъ общества, и при близкомъ родствѣ съ отвѣтчикомъ, въ большинствѣ случаевъ, откажется дать въ оправданіе его очистительную присягу, съ которой связано собраніе свѣдѣній о нравственности обвиняемаго вообще и о достоинствѣ обвиненія его въ данномъ искѣ.

При такихъ анохроническихъ началахъ судопроизводства, при отсутствіи у бievъ до сего времени письменного сборника узаконеній обычнаго суда (занѣ), неизвѣстнаго большинству бievъ, въ практикѣ этихъ судовъ единоличныхъ и коллегіальныхъ (сѣѣзы) встрѣчаются такія крайнія аномалии, которыя указываютъ на дѣйствіе въ судахъ скорѣе полнаго, безотчетнаго произвола, чѣмъ началъ справедливости.

Изъ множества имѣющихся у насъ примѣровъ печальныхъ рѣшеній киргизскаго суда той части степнаго уѣзда, где я засталъ очередные выборы, приведемъ два, наиболѣе рельефные и совершенно достовѣрные, какъ оберегаемые и по сей день архивомъ областнаго правленія.

Киргизъ чулакской волости, Кулманъ Кулджаневъ, предъявляетъ біямъ, въ центральной резиденціи джувашъ-хакима, исѣкъ къ киргизу Берды-беку Кулмагометову о двухъ украденныхъ верблюдахъ. Восемь бievъ принимаютъ къ разбирательству дѣло и подаютъ истцу рѣшительный совѣтъ требовать съ отвѣтчика, кроме двухъ верблюдовъ своихъ, еще 2-хъ верблюдовъ и 2-хъ лошадей, по слухамъ, будто бы украденныхъ у кого-то Берды-бекомъ. За непредставленіемъ свидѣтелей, истцу предоставлено право привлеченія кого-либо изъ родствен-

<sup>1)</sup> Въ прошлія времена дѣйствовали только эти роды присяги; алкорана не знали. — Авт.

никовъ отвѣтчика для очистительной присяги. Выборъ палъ на Татыма-Караева и Батыръ-бека Бей-Битова, которые не явились въ судъ въ назначенный срокъ, чрезъ 6 дней отъ времени извѣщенія ихъ, и тѣмъ подали поводъ въ постановленію рѣшенія въ пользу истца. Первоначальнымъ рѣшеніемъ отвѣтчика присужденъ къ платежу 720 рублей, но затѣмъ біи какъ бы опомнились и сбавили съ этой суммы 400 рублей, будто бы по родству (оганчиликъ), существующему между тѣми, кто былъ. Такимъ образомъ, Кулману слѣдовало получить 320 рублей, вместо которыхъ одинъ изъ бievъ, киргизъ Тыншибай, приводившій въ исполненіе рѣшеніе и взысканіе съ отвѣтчика 3-хъ верблюдовъ и 200 рублей, занятыхъ за 100 р. въ процентъ, отдалъ истцу 3-хъ верблюдовъ и 40 рублей; но изъ 3-хъ верблюдовъ одного пришлось тогда же отдать въ бійлыкъ (вознагражденіе) Тыншибаю, — итого Кулманъ остался при 2-хъ верблюдахъ и 40 рубляхъ, которые конечно не покрыли его потери, включительно съ судебными издержками. Онъ однако быль бы счастливъ выѣсть съ біями и отъ такого чудеснаго рѣшенія, если бы вѣ отвѣтчикъ не проявился задоръ доказать свою невинность.

Берды-бекъ, проигравшій исѣкъ только потому, что родственники не хотѣли потрудиться явкою въ срокъ для очистительной присяги, воспользовался проѣздомъ по почтовому тракту начальника области и подалъ письменную жалобу. Разсмотрѣніе дѣла привело къ тому, что истецъ Кулманъ возвратилъ Берды-беку отвѣтчику 40 рублей и 2-хъ верблюдовъ, дѣйствительно полученныхъ отъ бія Тыншибая, и 48 рублей за третьаго верблюда, оставшагося у Тыншибая въ видѣ бійлыка.

Такимъ образомъ отъ этого дѣла истецъ понесъ убытку: 2-хъ украденныхъ верблюдовъ — 80 руб., расходовъ по розыскамъ и судбищу — 60 рублей и 48 рублей, оставшіеся у бія, а всего — 188 рублей. Отвѣтчикъ поплатился 250 рублями, которые однако были взысканы впослѣдствіи съ Тыншибая, оборудовавшаго это дѣло по праву бія и силою вліянія своего, какъ брата кичкине-наиба.

Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно также обозначилось замѣстительство отсутствовавшихъ при постановлении рѣшенія біевъ посторонними, совершенно уже некомпетентными киргизами, пойманными на базарной площади. Въ судоговореніи они участія никакого не принимали, а къ постановленному письменному рѣшенію приложили и свои печати, на-ряду съ печатями дѣйствительныхъ біевъ.

Въ примѣрѣ второмъ—пять біевъ, въ отсутствіе отвѣтчика, киргиза Нолибая, не получившаго своевременно вызова въ судъ, опредѣлили взыскать съ него 200 рублей въ пользу истца юондука и 300 рублей въ штрафъ за украденныхъ будто бы 4-хъ верблюдовъ. За отсутствіемъ у Нолибая, дѣйствительно закоренѣлого вора, всякой собственности и даже юрты, взысканіепало, въ силу какихъ-то мѣстныхъ распоряженій, на двухъ родственниковъ его—Мергеня и Койдѣбая, которые и разорились вслѣдствіе такого страннаго рѣшенія, даже не поддававшагося на совершенно основательные доводы возраженія, что родственники ихъ, Нолибай, при крайней испорченности, никакихъ отношеній къ нимъ не имѣть и уже три года никто не знаетъ, гдѣ оль скитаются.

Таковы образчики рѣшеній киргизскаго суда „по обычая“, истолковываемому каждымъ біемъ и вкривь, и вкось, съ одной стороны, вслѣдствіе отсутствія для руководства кодекса обычнаго права, съ другой—вслѣдствіе ввода очередными выборами въ институтъ народнаго суда элементовъ, не только незнакомыхъ съ обычаями, но и совершенно неспособныхъ къ судебнѣй практикѣ по своему крайнему перазвитію.

Нельзя не сказать, что одною изъ причинъ такой неудачной организаціи туземнаго суда служить, безъ сомнѣнія, особыніе приемы выбора на должности не открытымъ голосованіемъ, а баллотировкой со всеми ея атрибутами, какие могла только канцелярія джувашъ-хакима и другихъ ввести въ степь.

Представьте себѣ вольныхъ сыновъ степи, не знающихъ ни чернилъ, ни бумаги, тѣмъ паче канцелярскихъ „столовъ“, собравшихся на выборы и выслушивающихъ пространныя истол-

кованія о шарахъ черныхъ и бѣлыхъ и о расположениіи избирательной урны въ видѣ перегороженнаго на-двоє короба, накрываемаго чернымъ сукномъ, торжественно поддерживаемъ за концы самимъ джувашъ-хакимомъ и его кичкиней-наибомъ.

Надо слишкомъ много времени и терпѣнія, чтобы выдрессировать такихъ избирателей въ отчетливомъ пониманіи всей этой баллотировочной механики, на которую туземцы смотрятъ пока просто какъ на забаву (тамаша), неизвѣстно почему претендующую на непогрѣшимость выборовъ такимъ ухищреніемъ.

Туземцы и не могутъ иначе относиться къ баллотировкѣ такимъ способомъ, по замѣчаемымъ каждымъ при выборахъ разнымъ куръезамъ, напримѣръ: опусканію въ одно отдѣленіе короба обоихъ шаровъ, или пополновенію киргиза-избирателя забраться подъ сукно съ головою, и т. п.

Да и можетъ ли киргизъ уяснить себѣ право на баллотировку такимъ утомительнымъ способомъ только 4—6 человѣкъ его волости въ то время, когда претендентовъ на эту должностъ имѣется полтораста человѣкъ?

Естественно отсюда нерѣдкое изумленіе народа, получившаго сюрпризомъ для самихъ избирателей такого возостнаго или бія, котораго они никогда не желали видѣть на этой должности и открытымъ голосованіемъ ни за что не избрали бы.

— То ли дѣло,—говорилъ своему родовищу толковый киргизъ Бекбай:—первые выборы въ „такомъ-то“ уѣздѣ

— Да, то было отрадное время,—соглашался Бектемиръ.— И живо его припоминаю. Открытымъ совѣщаніемъ 50-ти юртovладѣльцевъ назначался тогда одинъ избиратель (юлю-бапи—пятидесятенный). Въ устраненіе интригъ и подкуповъ, здѣсь же, въ присутствіи начальника, въ отдѣленіи отъ массы народа, избиратели, totчасъ по назначеніи народомъ, садились въ кругъ среди степи и начинали толковать, кто къ какой должности пригоденъ. Долго, часа по три иногда, длились оживленные, крикливы, съ привѣтованіемъ избирателей съ мѣста своего, эти выборы, и въ концѣ-концовъ результаты получа-

лись такие отрадные, что народъ привѣтствовалъ ихъ подбрасываніемъ на радостяхъ своихъ малохаевъ (шапки зимнія). Если при выборахъ избирательные голоса распадались поровну, дѣло рѣшалось здѣсь же, въ кругу, подъ надзоромъ въ такихъ случаяхъ хакима, жребіемъ (чекъ),—и споровъ затѣмъ никогда не возникало. Всякій видѣлъ, что дѣло дѣжалось на чистоту, вліянія на избирателей не имѣлъ ни народъ, ни претенденты на должности, ни начальникъ и его окружавшіе. Со всею отчетливостью, бѣзъ малѣйшаго повода для народа къ подозрѣніямъ въ пристрастіи, такие выборы всѣхъ должностныхъ лицъ, аульныхъ старшинъ, біевъ, управителей 2—3 волостей, оканчивались обыкновенно въ одинъ день и никакого никогда смыхотворства, подобнаго раздающемся всякий разъ надъ коробомъ, не возбуждали въ народѣ.

При такихъ выборахъ народу предоставляется широкій просторъ смылой критической оцѣнки прошлой дѣятельности и способностей избираемаго лица, а при нестѣсненіи избирателей назначеніемъ претендентовъ, какъ это дѣлаетъ коробъ, дѣйствительная способность не будетъ затерта и явится на службу обществу.

Совсѣмъ не то выходить съ коробомъ: народъ толкомъ не смыслитъ значенія бѣлыхъ и черныхъ орѣховъ, исправляющихъ должность шаровъ, процессъ опусканія въ одну изъ половинъ ящика избирательного орѣха вводить всей обстановкой въ ажитацию киргизъ, и подготовленный пустить избирательный шаръ кладеть въ волненіи и по неловкости неизбирательный, и наоборотъ.

Интригамъ открывается широкій, хотя и не совсѣмъ надежный просторъ возможностью переговоровъ съ избирателями, нѣсколько разъ призывающими къ баллотировочному столу. Вся эта затаенность, важная торжественность, всѣ эти часто происходящія случаиности опусканія двухъ шаровъ въ одну половину, останавливанія избирателя какимъ-нибудь назиданіемъ въ самый моментъ намѣренія его сплавить поскорѣе свой орѣхъ и отѣлаться, производить на живой, нетерпѣливый киргизскій

народъ крайне дурное впечатлѣніе и вызываютъ во всѣхъ, даже въ бабахъ киргизскихъ, не совсѣмъ выгодные для короба толки.

Въ общемъ слѣдуетъ признать баллотировочные, посредствомъ шаровъ, выборы неправильными уже потому, что они ограничиваютъ избирательное право народа назначеніемъ предъ баллотировкой претендентовъ на должности.

Я того мнѣнія, что выборы открытымъ голосованіемъ, сохраняя за народомъ всеполное избирательное право, гарантируютъ успѣхъ избрания въ должности соответствующихъ лучшихъ людей, и главное—способствуютъ здоровому воспитанію массы соревнованіемъ и свободнымъ критицизмомъ, чѣмъ траурный коробъ не отличается.

Дѣйствительно, по многимъ весьма поучительнымъ аргументамъ, представляющимся каждому, кто присматривался къ развитію народной жизни, нельзя не согласиться, что *in agora* киргизской степи имѣть больше смысла и практической пользы, чѣмъ канцелярскій столъ, перерождающейся на время въ избирательное бюро со своими типичными атрибутами.

Каждый, всматривавшійся сколько-нибудь въ организацію, путемъ закрытыхъ выборовъ, туземной администраціи и суда, могъ всегда подмѣтить, по результатамъ дѣятельности должностныхъ лицъ, преобладаніе въ нихъ элементовъ нравственно и умственно слабыхъ, но крѣпкихъ настойчивостью добиться званія волостного управителя или бія, какими бы то ни было путями и прежде всего подкупомъ избирателей, вызывающимъ иногда претендентовъ на большія материальные затраты.

Естественно ли ждать добросовѣстного исполненія своихъ обязанностей отъ должностного киргиза, добивавшагося на трехлѣтіе мѣста затратою годичнаго <sup>1)</sup> содержанія? Конечно—нѣтъ, если сообразить, что киргизъ настоящаго времени дѣлаетъ почетъ прибыльный, а не бездоходный, убыточный, и при собственныхъ средствахъ добиваться хлопотливой долж-

<sup>1)</sup> Волостной управитель получаетъ 800 рублей

ности волостного управителя не станет, не имѣя въ виду возвратить съ лихвою всѣ затраты на выборы, на русскіе сапоги, вино и стукозку, устраиваемые каждымъ степнымъ рыцаремъ съ получениемъ должности управителя.

Да, забрались-таки и къ номадамъ эти пионеры цивилизаций и, нечего сказать, шлифуютъ податливыхъ сыновъ природы весьма быстро.

Конечно, никто не станетъ утверждать, что эти три асимилирующіе фактора—вино, карты и русскіе сапоги—находятся въ одинаковомъ прогрессивномъ взаимодѣйствіи у всѣхъ туземцевъ; до этого еще не дошло дѣло цивилизаций, но что они охватили уже нѣкоторую часть кочевого и осѣдлого населенія, это не откажутся, вѣроятно, признать и гг. стражи народной жизни.

Нельзя не сказать, что эти два печальные одухотворителя—вино и карты, проникаютъ въ кочевой народъ не стимулами потребностей самой жизни, а къ сожалѣнію, тѣми низменными путами подражанія, гаерства, которые оказываютъ на свои жертвы двойное нравственно разслабляющее влияніе. Это видѣть сами, не пріобщившіе еще такой цивилизаций, номады, прекрасно анализирующіе факты жизни; это видѣть каждый посторонній наблюдатель, это должны бы видѣть всѣ, надѣленные природою органами зреянія и пониманія.

Не ясны ли также для каждого, справедливо относящагося къ явленіямъ жизни, прямая послѣдствія такого одухотворенія: ослабленіе нравственности и упадокъ благосостоянія со всѣми безотрадными вариаціями.

## МАЛОИЗВѢСТНЫЕ ГОРОДА ЗЕРАВШАНСКАГО ОКРУГА.

Въ общественной физиологии городовъ Зеравшанского округа, насколько она опредѣляется постепеннымъ образованіемъ бытовыхъ и хозяйственныхъ особенностей ихъ, общимъ складомъ жизни и соціальными отношеніями населенія, проглядываетъ столько своеобразнаго, типичнаго, что уясненіе вопросовъ: изъ какихъ элементовъ состоялось населеніе города, какъ оно живеть, чѣмъ занимается, что потребляетъ, какъ и откуда добываетъ средства для удовлетворенія своихъ потребностей, каковы нравственные свойства его—представляетъ плодотворное поле и для статистическихъ изслѣдований, несомнѣнно имѣющихъ огромное значеніе научное (антропология, социология) и практическое, какъ правильное опредѣленіе размѣра богатствъ городовъ и платежныхъ силъ населенія.

### Въ Ургутѣ<sup>1)</sup>.

По переписи начала 1877 года исчислено 948 домовъ съ населеніемъ 2,879 мужчинъ, 2,626 женщинъ, таджиковъ иранской расы; евреевъ: 2 мужчины, 5 женщинъ; индійцевъ—32 мужчины, всего 5,543 души. Часть ургутскаго населенія, домовладѣльцы, исчислена поименно, съ обозначеніемъ про-

<sup>1)</sup> Въ 85-ти верстахъ на югъ отъ Самарканда, у подножія Зеравшанского кряжа.

фессій и соціального положенія каждого; остальная часть исчезна перечневымъ порядкомъ, безъ отмѣтки возраста, но съ обозначеніемъ степени участія каждого въ совмѣстномъ съ домовладѣльцами трудѣ. Такимъ образомъ, получается:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
1) Населенія зарабатывающаго . . .	2,130	1,508
2) Населенія, не отбывающаго самостоятельнаго труда, а живущаго на средства другихъ . . . . .	765	1,139
3) Населенія, не имѣющаго определенныхъ средствъ къ жизни . . . . .	18	2

Первую группу составляютъ домовладѣльцы съ членами своего семейства, совмѣстно трудящимися и зарабатывающими средства къ жизни.

Ко второй группѣ причислены:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
1) Старики, дѣти, увѣчные, получающіе средства отъ главы семейства, самостоятельно трудящихся . . . . .	742	1,420
2) Ученики медрессе, живущіе не при родителяхъ . . . . .	20	—
3) Призрѣваемые въ пріютахъ . . . . .	3	—
Всего . . . . .	765	1,120

Въ третью группу вошли:

1) Нищіе . . . . .	8	2
2) Каландери, живущіе благотворительностью . . . . .	10	—
Всего . . . . .	18	2

По отношенію къ общей цифре населенія, процентное отношеніе трехъ группъ представляется такимъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Классъ, самостоятельно живущій . . . . .	72%	57%
Живущій на средства другихъ . . . . .	27,25%	42,8%

Неимѣющіе определенныхъ средствъ къ жизни . . . . .	Мужчинъ. Женщинъ.
	0,75% 0,11%

Преобладающей классъ населенія, самодѣятельный, группируется:

1) въ живущихъ промышленнымъ трудомъ . . . . .	Мужчинъ. Женщинъ.
	2,816 37
2) живущихъ нематериальнымъ трудомъ . . . . .	410 60
3) прислуга . . . . .	165 —
Всего . . . . .	3,391 97

А по отношенію къ общей цифре населенія это со-ставитъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Классъ промышленный . . . . .	94 <sup>3/4</sup> %	1 <sup>1/2</sup> %
Классъ труда нематериального . . . . .	14 <sup>5/8</sup> %	2 <sup>1/4</sup> %
Прислуга . . . . .	5 <sup>7/8</sup> %	—

Распределеніе это указываетъ на отсутствіе въ населеніи г. Ургута класса, живущаго доходами безъ всякаго промышленного занятія, какъ-то: владѣльцевъ эксплоатируемой недвижимой собственности, лицъ, живущихъ капиталомъ. Такого класса никогда и не было здѣсь, такъ какъ съ одной стороны условія жизни въ Ургутѣ не таковы, чтобы они могли привлекать изъ другихъ осѣдлостей туземцевъ, достаточно обеспеченныхъ средствами, съ другой—особенности характера туземцевъ, прирожденная склонность къ увеличенію материальныхъ средствъ, обращаетъ всѣхъ ихъ въ классъ промышленный, распредѣляющейся такъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Торговая промышленность . . . . .	290	—
Сельско-хозяйственная промышленность . . . . .	1,840	—
Обрабатывающая промышленность . . . . .	680	37
Перевозочная промышленность . . . . .	6	—
Всего . . . . .	2,816	37

Исключительная условія общественного положенія мусульманской женщины, устранивъ ее окончательно отъ такихъ, по-

видимому, сподручныхъ производствъ, какъ сельско-хозяйственное или торговое, оставили ей доступъ единственно къ разделенію труда въ обрабатывающей промышленности и то настолько, насколько участіе ея можетъ ограничиваться работою дома; въ своего двора она не имѣеть занятія и въ этой отрасли промышленности. Оттого въ классѣ промышленномъ Ургута мужской элементъ составляетъ около 100% общаго населенія мужскаго пола, женскій—только 1,4%.

Процентное же отношеніе выше отмѣченныхъ отраслей промышленности указываетъ на большое, сравнительно, развитіе сельского хозяйства, распадающагося на садоводство, клеверо-воздѣлываніе и полеводство въ тѣсномъ значеніи слова. Въ садоводствѣ преобладаетъ виноградарство, дающее съ 1,020 тапаповъ (255 десятинъ) 420 собственникамъ 31,460 рублей годового дохода. Затѣмъ слѣдуетъ доходъ съ 9-ти тапаповъ фруктовыхъ садовъ (урюкъ, яблоки, груши, персики, сливы, вишни, винные ягоды, гранаты, орѣхи), дающій въ сложности 60 руб. на 30 собственниковъ. Далѣе, доходъ въ 480 рублей на 96 собственниковъ отъ 120 тапаповъ пустопорожней земли (мазрага) при садахъ, обрабатываемой подъ овоци (петрушка, лукъ, морковь, рѣпа). Всего отъ виноградниковъ, садовъ и прилежащей къ нимъ непосредственно земли 420 собственниковъ получаютъ дохода 32,000 рублей. Цлантаціи, люцерны (клеверъ) въ количествѣ 139 тапаповъ (34<sup>3</sup>/, десятинъ) приносятъ дохода 200 владельцамъ 1,390 рублей. Хлѣбопашество, заключающееся въ посѣвахъ озимыхъ (ячмень, пшеница) и яровыхъ (ленъ, индау, просо) на 2,174 тапапахъ пригородной земли, приносить 300 земледѣльцамъ 10,870 руб. ренты. Вся же сельско-хозяйственная промышленность представляетъ годовой оборотъ 42,260 рублей или 32,78% отъ всей суммы вырабатываемой всею промышленностью.

Слѣдующею, по размѣрамъ годовыхъ оборотовъ, стоять торговая промышленность, распадающаяся на группы:

	Мужчинъ хозяевъ.	Доходъ годовой.
1) Торговля баранами . . . . .	2	6,980
2) " мясомъ . . . . .	20	640
3) " мануфактурой, ситцами, тикомъ, шелковыми издѣліями . . . . .	8	1,900
4) Мелочныхъ торговцевъ обуви и проч.	12	681
5) Торговля бумажными тканями мѣстнаго произведенія и издѣліями изъ нея .	24	802
6) Торговля сельско-хозяйственными продуктами . . . . .	53	1,640
7) Торговля шерстью и издѣліями изъ нея . . . . .	4	110
8) Торговля хлопкомъ, ватой и пряжью	28	670
9) Торговля желѣзомъ и издѣліями изъ него . . . . .	13	385
10) Торговля деньгами (ростовщичество).	32	60,000
Всего . . . . .	222	74,120

Послѣ торговцевъ сельско-хозяйственными продуктами, наибольшій оборотъ въ этой отрасли промышленности дѣлаютъ торговцы баранами, которымъ приходится среднимъ числомъ по 997 руб. дохода на человѣка, а въ года дороговизны барановъ на бухарскихъ рынкахъ, доходъ этотъ даже утраивается. Торговля мануфактурой имѣетъ только 12 представителей, вместо 22 купцовъ 2-й гильдіи и мелочниковъ, объявившихся въ первый годъ (1875 г.) введенія торгового положенія. Зато торговля мѣстными бумажными тканями (бязь, алача, подкладочные ткани, пояса, чалмы) и издѣліями изъ нея (халатами, одѣялами) усилилась подъ вліяніемъ столько же спроса на нее вместо ситца, сколько и незначительности торговыхъ четырехрubleвыхъ поплинъ. Торговля хлѣбомъ занимаетъ совершенно незначительное место по размѣрамъ оборотовъ, въ силу, съ одной стороны, изолированности Ургута отъ другихъ большихъ рынковъ Зеравшанской долины, съ

другой — по ограниченности размѣра полеводства мѣстного, покрывающаго всего лишь  $\frac{3}{5}$  мѣстной потребности, удовлетворяемой, такимъ образомъ, въ остальномъ количествѣ подвозомъ хлѣбныхъ продуктовъ (пшеница, мука, нахуть, ячмень) изъ ближайшихъ селеній трехъ большихъ волостей (ургутской, кара-тюбинской, яны-казанъ-арыкской) и отчасти изъ Фараба, получающаго очень много хлѣбнаго зерна отъ яровыхъ посѣвовъ, группирующихся по склонамъ горъ Зеравшанскаго кряжа.

Эти незначительные обороты хлѣбной торговли сосредоточены на  $\frac{3}{4}$  общаго количества въ рукахъ индійцевъ, получающихъ сельско-хозяйственные продукты въ уплату долговъ по займамъ, значительно развившимся въ послѣднія 3 лѣта, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, неурожая 1870 года, и по другимъ причинамъ, вытекающимъ изъ экономической немощи народа, и т. д. Въ рукахъ же индійцевъ находится также и вся торговля желѣзомъ, съ общимъ оборотомъ въ 365 руб., повизившимся съ 1865 года, что отразилось на вздорожаніи издѣлій изъ желѣза (лемехи, топоры, подковы) и той обуви „татарской“ (ногаи) осѣдлыхъ туземцевъ, которая требуетъ много гвоздей (мэхъ).

Теперь торговцевъ „щегольской“ обувью (ногаи) совершенно не осталось, а простою (маехи) торгуетъ 1 человѣкъ.

Довольно видное мѣсто составляетъ въ Ургутѣ торговля мясомъ, имѣющая 20 представителей, т.-с. по одному мяснику на 277 человѣкъ мѣстного населенія. Годовой оборотъ этихъ торговцевъ 640 рублей или 32 руб. на каждого мясника. Зато представителей разносной торговли совершенно не встрѣчается, что вполнѣ естественно въ этомъ жаркомъ климатѣ, располагающемъ къ торговлѣ сидя, но не въ разносѣ. Причисляя къ торговому классу 7 человѣкъ посредниковъ въ торговлѣ скотомъ (это маклера-далаиль, помогающіе въ сдѣлкахъ), получающихъ 160 руб. годового заработка, подведемъ итогъ оборотовъ промышленности торговой въ 74,280 руб., что составить 57,25% общей суммы, вырабатываемой всѣмъ промышленнымъ классомъ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію промышленности обрабатывающей, имѣющей, какъ выше сказано, всего 717 представителей (680 мужчинъ, 37 женщинъ), отмѣтимъ естественное распределеніе ея на двѣ главныя группы: а) производства для покрытия потребностей исключительно мѣстного населенія, б) производства, разсчитывающія на вѣшній сбытъ. Въ первую категорію входятъ:

	Производи- телей хозяевъ.	Доходъ годовой.
1) хлѣбопеки . . . . .	5	105
2) мельники . . . . .	14	830
3) содержатели маслобоенъ . . .	14	86
4) кондитеры . . . . .	3	86
5) мыловары . . . . .	7	138
6) свѣчедѣлатели . . . . .	1	18
7) починщики старой обуви . . .	1	120
8) выдѣлыватели деревян. ложекъ .	1	16
Всего . . .	56	1,903

Это составляетъ 56 производителей на 93 потребителей; далѣе, къ этой же группѣ относятся промышленные занятія по содержанию въ чистотѣ тѣла:

	Производителей.	Доходъ годовой.
содержатели бани . . . . .	1	120
цирюльники . . . . .	5	{ Причислены къ классу нематериальнаго производства.
Итого . . .	6	120

всего 62 человѣка во всей категоріи или по одному производителю на 58 человѣкъ. Такое отношеніе производителей къ потребителямъ въ этой группѣ не должно представляться неутѣшительнымъ на томъ основаніи, что такія потребности, какъ приготовленіе хлѣба (лепешекъ), поддержание чистоты тѣла удовлетворяются домашними приспособленіями, къ которымъ населеніе незначительныхъ городовъ болѣе склонно, чѣмъ къ общественнымъ занятіямъ этого рода.

Во вторую категорию обрабатывающей промышленности входят:

	Производителей хозяйств.	Годов. зараб.
1) строители жилищъ . . . . .	8	330
2) токари и дѣлатели станковъ хлопко-очистительныхъ, ткацкихъ, ве-ретенъ. . . . .	8	146
3) ткачей бумажныхъ . . . . .	153	6268
4) красильщики пряди бумаж-ной. . . . .	15	345
5) дѣлатели красокъ, пряжи красящихъ . . . . .	7	106
6) набойщики . . . . .	10	390
7) кожевники . . . . .	3	120
8) дѣлатели обуви (сапоги, га-лоши) . . . . .	9	250
9) гончары . . . . .	3	90
10) дѣлатели выючныхъ сѣдelt и уздечекъ . . . . .	2	40
11) мѣдниковъ . . . . .	1	30
12) серебряныхъ дѣлъ масте-ровъ . . . . .	1	60
13) медоваровъ . . . . .	—	—
14) кузнецовъ. . . . .	4	120
15) хлопко-очистителей . . . . .	—	—
16) приготвляющихъ сушеные фрукты (абрикосы, персики, киш-мишь). . . . .	—	—
17) дѣлателей земледѣльческихъ жељзныхъ орудій (сошки). . . . .	—	—
Итого . . . . .	130	8295
Всего . . . . .	386	10,318

Большое относительное число ( $2\frac{1}{2}\%$  отъ всей группы) строителей жилищъ и плотниковъ находитъ достаточный зара-

ботокъ въ самомъ Ургутѣ, въ селеніяхъ и отчасти въ Самар-кандаѣ, вслѣдствіе характерныхъ особенностей туземныхъ по-строекъ (саекъ) съ земляными плоскими крышами, требую-щихъ замѣны потолочныхъ балокъ (баларъ) чрезъ каждая 15 лѣтъ, и обращающихъ здѣшнюю балочную тошоль (Populus) въ трухлякъ. Многіе туземцы впрочемъ перестраиваютъ свои каркасныя саеки, крайне легкой архитектуры, и чаще, чрезъ 8—10 лѣтъ, въ видахъ дезинфекціи, ~~потребность въ которой всякий европейскій носъ ощущаетъ и гораздо раньше того пе-рода, какъ побуждаетъ сарту къ чистому воздуху.~~ Въ этомъ случаѣ наша мѣстами прорывающаяся заботливость — пропу-стить въ туземные города отечественную избу съ неизбѣжной, конечно, печкой, похожа на то, если бы мы принялись въ хивинскихъ пескахъ, съ ихъ алтыкудуками и адамъ-крылга-нами, строить хлопчато-бумажныя фабрики. Зачѣмъ понадоби-лась среднеазіатскому туземцу русская изба, когда ее не изъ чего строить, когда сама природа оформливаетъ ее въ ле-пешку, не допуская высокостроительныхъ крышъ, когда по условіямъ жизни при экономической обездоленности народа со-всѣми ея вариаціями, и въ устройствѣ жилищъ, и въ жилищѣ, и въ образѣ жизни туземцу приходится наблюдать самую строгую бережливость. Зачѣмъ сарту русская теплая изба, когда онъ проводить 8 мѣсяцевъ въ году подъ открытымъ небомъ, въ саду или въ полѣ, когда, по волѣ великаго Пророка, онъ обязанъ жить такъ, чтобы внутренній міръ его двора былъ извѣстенъ только семье и никому болѣе. Да и чѣмъ пригляд-шѣ плоскорыши саеки, обезпеченной совершенно отъ „краснаго пѣтуха“, русская изба? Нѣтъ, пока сарты остаются мусульма-нами-сартами, пока солнце позволяетъ проводить 8 мѣсяцевъ въ году на воздухѣ, пока растительная природа такъ скудна, что мало даетъ топлива даже русскимъ обитателямъ, а тузем-цамъ позволяетъ довольноствоваться для пищеприготовленія хво-ростомъ и буряномъ (хось), пока экономическое положеніе населенія будетъ такимъ, какъ оно теперь — до тѣхъ поръ, въ туземномъ городѣ останется саека, классический халатъ, гало-



ли, ермолка и казанъ. Никакие проекты, никакое чиновничье усердіе не въ силахъ навязать туземцамъ русскую избу и печь наперекоръ географическому положенію Туркестана и климатическимъ особенностямъ его.

Остается теперь сказать о промышленности *перевозочной*, не имѣющей въ Ургутѣ достаточнаго развитія, съ одной стороны, вслѣдствіе обособленности его въ торговлѣ отъ остальныхъ рынковъ, а съ другой — и потому, что при дешевизнѣ содержанія домашнихъ животныхъ, каждый, мало-мальски состоятельный производитель, имѣеть лошадь или ишака, которые служить ему и въ полевыхъ работахъ, и въ перевозкѣ на выокѣ тяжестей, хотя бы на значительное разстояніе и на конныхъ играхъ (кокъ-бури, байга). Вслѣдствіе этихъ-то особенностей дешевизны покупки лошади или ишака (стоимость первой 40—12 р., второго—10—3 р.), дешевизны содержащей ихъ (отъ 24 руб. для лошади, до 7 р. въ годъ для ишака), а также вслѣдствіе неудобства въ зимнее время колеснаго пути отъ Самарканда и отсутствія даже арбяного пути въ Пенджакентъ, въ Ургутѣ встрѣчаются только извозчики-вьючники на лошадяхъ (кирокеши) 3 человѣка съ такимъ-же числомъ лошадей, и на ишакахъ—1 человѣкъ съ 4 ишаками, всѣ съ общимъ заработкомъ 80 рублей годовыхъ.

Вывести отношеніе между этими предпринимателями и спросомъ затруднительно, такъ какъ послѣдній даже гадательно опредѣлить нельзя. Съ достаточной вѣроятностью можно сказать только, что спросъ на извозчиковъ конно-вьючныхъ увеличивается поздней осенью, при отправлениі въ Шахрисиабъ и Самаркандъ винограднаго меда (ширны) и сущенаго кишмишу. Цѣна же остается постоянно для всѣхъ временъ года, а именно:

За вьючную лошадь:

Плата до Самарканда <sup>1</sup> (36 верстъ)	50 к.
" " Пенджакента (36 верстъ)	60 к.
" " Шахрисиабъ (60 верстъ)	1 р. 60 к.

За вьючного ишака:

Плата до Самарканда	20 к.
" " Пенджакента	20 "
" " Шахрисиабъ	60 "

Подводя итогъ всѣмъ 5-ти разсмотрѣннымъ нами категоріямъ промышленности, находимъ, что по числу трудящихся она составляетъ 92% мужскаго самодѣятельнаго населенія и 1,4% женскаго; что валовой годичный оборотъ ся составляетъ 129,328 рублей, распредѣляющихся между непосредственными производителями-хозяевами (1678 мужчинъ), сотрудниками-членами семейства (1072 мужчинъ, 47 женщинъ) и работниками (165 мужчинъ), наибольшій процентъ которыхъ (98 челов.) участвуетъ въ сельско-хозяйственной промышленности, 45 человѣкъ въ промышленности обрабатывающей и остальные 22 человѣка въ торговой промышленности. Абсолютныя цифры числа рабочихъ, рассматриваемыя по отношенію къ классу самостоятельному, объясняютъ незначительнымъ процентомъ (1%) несамостоятельныхъ, весьма слабый спросъ на трудъ, какъ слѣдствіе, во-первыхъ, черезчуръ мелкаго земледѣлія<sup>1</sup>), во-вторыхъ, слабаго развитія скотовъ, имѣющей всего на 229 хозяевъ и 13 приказчиковъ-третихъ, наконецъ, какъ слѣдствіе простоты организаціи ремесленныхъ кустарныхъ производствъ, не имѣющихъ артельныхъ складовъ даже для тѣхъ произведеній (алача, ситецъ для одѣяль), которая вырабатываются въ значительномъ количествѣ для отпускной торговли. Эти же цифры показаний о числѣ рабочихъ свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи въ группѣ несамостоятельныхъ женщинъ и дѣтей до 18-ти лѣтъ, на наемный трудъ которыхъ нѣть спроса, въ силу вышеотмѣченныхъ причинъ соціальныхъ и экономическихъ.

Присматриваясь къ положенію рабочаго у туземцевъ Ургута и Пенджакента, встрѣчаешь повсюду: крайне низкую заработ-

<sup>1</sup>) Крупнымъ земледѣльцемъ считается здѣсь собственникъ 12-ти десятинъ пахоты; мелкимъ — владѣлецъ 1-й десятины. Земельное положеніе туземцевъ будетъ уяснено въ отдельной статьѣ.

ную плату, какъ факторъ несоответствія отношеній между спросомъ и предложеніемъ, сильное вліяніе хозяевъ на нравственную природу работника, какъ результатъ взаимности труда и простоты отношеній, дѣлающихъ наемщика каѣвъ членомъ семьи.

Наибольшій контингентъ рабочихъ даютъ въ Ургутѣ местные малоземельные горожане, въ Пенджакентѣ — безземельные горцы Фальгара, Маргана, Кштута. Тѣ и другіе получаютъ: за однодневный, 12-часовой трудъ на полевыхъ работахъ — 8—12 коп. и хозяйствскую пищу; за рабочій лѣтній сезонъ въ 8 мѣсяцевъ (начиная съ половины февраля) 12—20 р., одну пару нижняго бѣлля, халатъ алачевый, сапоги и хозяйствскую пищу; за полугодовой трудъ по пастѣбѣ барановъ 46 руб., одну пару нижняго бѣлля, 2 халата алачевые, 3 пары сапоговъ. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи туземцы, нанимающіеся въ работники въ индійцамъ, которые платятъ въ годъ 60 рублей безъ продовольствія и одежды. А самая счастливая доля рабочихъ, нанимаемыхъ русскимъ населеніемъ, о щедрости кого-то, иногда совершенно неблагоразумной, у туземцевъ состоялось такое представление, что и при достаточной коп-куренціи въ классѣ малосостоятельномъ, дневной работникъ (мардекеръ) стоитъ 20—40 копѣекъ годовой (дворовая прислуга), обходится съ одеждой и пищей minimum 82 руб. и maximum 200 руб. Принимая въ разсчетъ сравнительную не-значительность труда работника, исполняющаго обязанности дворовой прислуги, съ трудомъ работника-пахаря, находимъ, что русское населеніе платить за трудъ туземца въ 10 разъ дороже, чѣмъ сколько платять сами туземцы. За эту щедрость, въ первые годы занятія края, мы носили неидущее къ памъ название богачей (бай), а теперь, при той же въ привычку обратившейся щедрости, считаемся просто „небережливыми“ (сарифкоръ) и даже нѣсколько хуже.

Обращаясь загѣмъ ко второй группѣ самодѣятельного населения, къ классу „нематериальныхъ производителей“, мы находимъ въ немъ не мало составныхъ элементовъ:

### Туземная администрація.

		муж.	жен.	годов. заработ.
				всѣхъ.
Волостной управитель . . . . .		1	—	700 р.
Джигиты, разсыльные . . . . .		2	—	240 „
Аксакалы, старосты . . . . .		3	—	450 „
Курбашъ, полиціймейстеръ . . . . .		1	—	240 „
Шабгары, стражники . . . . .		5	—	480 „
Итого . . . . .		12	—	2110 р.

### Туземный судъ:

Казій, судья . . . . .		1	—	2500 р.
Муфтій, законникъ . . . . .		3	—	460 „
Разсыльные джигиты . . . . .		2	—	200 „
Итого . . . . .		6	—	3160 р.

### Врачебный персоналъ:

Табибъ, лѣкарь . . . . .		1	—	80 р.
Саткакчи, знахари . . . . .		12	9	230 „
Азалимъ-ханъ, отчитывавшіи . . . . .		3	—	160 „
Итого . . . . .		16	9	470 р.

### Воспитательный учебный персоналъ:

Мудариссовъ — профессоръ, преподающихъ въ медрессе высшая мусульманскія науки . . . . .		2	—	200 р.
Мектебаровъ, обучающихъ въ низшихъ школахъ . . . . .		20	2	600 „
Итого . . . . .		22	2	800 р.

### Духовенство:

Хотыпъ, старший мулла, священодѣйствующій въ мечетяхъ по пятницамъ . . . . .		5	—	150 р.
--	--	---	---	--------

	муж.	жен.	годов. заработка всехъ.
Имамъ, священникъ приходской .	32	—	840 „
Ишанъ, священникъ орденской .	3	—	?
Муазинъ, призывающій на молитву . . . . .	11	—	120 „
Кари, читающій на память коранъ . . . . .	4	—	40 „
Итого . . . . .	55	—	

#### Погребальный персоналъ:

Мурда-шуй, омывальщики . . .	5	7	50 р.
Гурькау, могильщики . . .	10	—	28 „
Гуанды, плачальщики . . .	—	4	8 „
Ходымъ, раздаватели поминальныхъ угощений . . . . .	10	6	36 „
Искотъ-бардарь, молельщики .	19	8	60 „
Пай-коль, созыватели на похороны . . . . .	3	2	12 „
Всего . . . . .	47	27	194 р.

Всматриваясь въ эти цифры, находимъ, что классъ нематериальныхъ производителей составляетъ 14% по отношенію къ мужскому населенію, 2<sup>3</sup>/<sub>8</sub>%—къ женскому населенію и 8,75% по отношенію къ населенію обоего пола. По численности, въ первой категоріи должно быть поставлено духовенство, составляющее 1% общаго населенія и 1<sup>7</sup>/<sub>8</sub>% по отношенію къ мужскому населенію, для котораго исключительно и существует духовенство мусульманское, ограничивающее свои пастырскія отношенія къ женщинамъ прочтениемъ молитвы при вѣничавіи (никохъ) и сопровожденіемъ трупа ея на кладбище.

Какъ материальное, такъ и соціальное положение ургутского духовенства довольно жалкое: имамъ (приходской мулла) получаетъ съ прихожанъ до 28 рублей <sup>1)</sup> въ годъ и рѣпнитъ

<sup>1)</sup> Въ Ургутѣ приходской мулла получаетъ въ годъ до 28 руб., хатынъ получаетъ до 30 руб., муазинъ—12 руб., каруи—10 руб. годовыхъ.

тельно никакимъ вліяніемъ на свою паству не пользуется. Это происходитъ оттого, что бѣдные, не имѣющіе въ большинствѣ случаевъ никакой недвижимой собственности, кое-какъ вызубрившіе элементарную книжную мудрость муллы никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ не принимаютъ, съ прихожанами связаны только лишь интересами молитвы (намазъ), да исполненіемъ обрядовъ вѣничанія и погребенія, по приказу казія; учительскую практику имѣютъ только нѣкоторые, съ дѣтьми не старше 12-лѣтняго возраста, и при этомъ, не выдаваясь никаколько изъ общаго уровня слабаго умственнаго развитія, мулла естественно чуждъ какого бы то ни было вліянія на дѣла общества и на индивидуумовъ его. Этимъ вліяніемъ на нравственную природу туземца, на религіозныя и даже политическія убѣжденія, конечно, пользуются орденскіе священники, ишаны, пастырская дѣятельность которыхъ, направленная къ поддержанію въ чистотѣ вѣры, захватываетъ всѣ слои общества и обращаетъ въ покорнаго прозелита (мюридъ) и знатнаго, и богатаго, и пресмыкающагося (тиричылыкъ кылатугонъ), и голодающаго бѣдняка. „Клянись быть мнѣ вѣрнымъ и преданнымъ до готовности пожертвовать своею жизнью“ требуетъ отъ новичка мюрида его наставникъ (пиръ) ишанъ, и затѣмъ уже протягиваетъ ему руку въ знакъ братства (бародарлыкъ), бесѣдуетъ съ нимъ (согбать) о дѣлахъ духовныхъ и мірскихъ, совмѣстно упражняется до одуренія и падучей болѣзни въ продолжительномъ выкрикиваніи грудью „я ху! я хокъ! Ла иллахи иллаху!“ <sup>1)</sup>), учится дѣлать чудеса (кереметъ), т.-е. фокусы, и, наконецъ, за долготерпѣніе и абсолютную податливость мюридъ получаетъ благословеніе (фотиха) и посвященіе (иршать) въ ишаны. Здѣсь не мѣсто распространяться подробностями о дѣятельности ишаповъ, поскольку она отражается вліяніемъ на соціальные отношенія среднеазіатскихъ мусульманъ вообще и горцевъ съ Ургугомъ въ частности; будеть достаточно отвѣтить оптимистамъ, не видящимъ этого

<sup>1)</sup> Да, это онъ! Оигъ—соправедливый! Нѣть другого Бога, кроме Его!

віянія и утверждающимъ, что ишаны—то же, что „рussijskie юродивые“—предложеніемъ прочесть стр. 180 книги А. Вамбери „Очерки Средней Azii“, статью гр. Кутайсова „О магометанскомъ религіозномъ движениі“, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1873 годъ. Мы скажемъ только, что въ смыслѣ экономическомъ ишаны обходятся населенію очень дорого, что свободная совершенно пропаганда, которую они такъ усердно ведутъ въ средѣ осѣдлого и кочевого населенія, для успѣховъ цивилизациіи, приноситъ отрицательную пользу, поддерживая въ народѣ грубое фанатическое невѣжество, отвращеніе къ полезной новизнѣ и подрывая положительно благосостояніе многочисленной паствы. При случаѣ, мы скажемъ изъ книги жизни больше обѣ этихъ ретроградныхъ учителяхъ мусульманского общества, а теперь перейдемъ къ слѣдующимъ категоріямъ рассматриваемой группы, и прежде всего скажемъ, что администрація составляетъ  $\frac{1}{6} \frac{5}{4}\%$  общаго населенія, туземный судъ  $\frac{5}{3} \frac{1}{2}\%$ . Эти цифры нельзя считать высокими, имѣя въ виду, что туземная администрація (волостной управитель, аксакалы) исполняетъ обязанности полицейской и сборщиковъ по датей, а юрисдикція суда распространяется не только на Ургутъ, но и на три волости съ 16,000 жителей. Насъ въ большой мѣрѣ поражаетъ численный составъ туземного врачебного персонала, въ которомъ самое видное мѣсто занимаютъ озамъ-ханы—отчыватели, соткакчи—знахари и затѣмъ уже эскулапъ, табибъ—лѣкарь, терапевтическая практика котораго мало чѣмъ разнится отъ приемовъ врачеванія, употребляемыхъ знахарками. Эти приемы заключаются главнымъ образомъ въ рѣзаніи червяка пѣтуха надъ головою больного, въ окуриваніи, въ поилеваніи въ затылокъ, въ обливаніи больного, несмотря на время года, холодной водой на берегу источника, въ накалываніи шиломъ изображенія луны на спинѣ одержимаго ревматизмомъ.

Всѣ эти невѣжественные, дикіе способы лѣченія стоять населенію не мало денегъ, не мало данниковъ смерти, не мало жертвъ заблужденія, столь естественного, однако, при условіи,

когда страждущему, погибающему туземцу знахарка или отчывательщикъ представляются якоремъ спасенія. Нечего удивляться такому невѣжеству населенія, нечего негодовать на мулль, туземныхъ эскулаповъ, захватившихъ врачебную практику не силою, конечно, знанія, не влияніемъ на народъ, а единствено нашей собственной пассивностью. Пока образованный врачебный персоналъ будетъ представлять по отношенію къ населенію 0%, какъ въ нагорномъ раionѣ, пока профессиональные порицатели невѣжества туземцевъ будутъ только подсыпывать надъ практикой табибовъ и ругать больныхъ за приглашеніе отчывальщика, до тѣхъ поръ будутъ гибнуть и за что, ни про что черные пѣтухи, будутъ практиковать знахарки, табибы, будутъ навѣшиваться муллами правовѣрныхъ тумары—молитвы отъ всѣхъ и отъ вся. И это вовсе не потому, какъ думаютъ многіе, что туземцы невѣжественны до неспособности видѣть даже явственные благотворные результаты лѣченія болѣзни русскимъ врачомъ. Упираться на такой аргументъ крайне несправедливо. Кто же рѣшился отвергать присутствіе въ туземцѣ здраваго смысла настолько, чтобы не распознать, что даровос и полезное лѣченіе выгоднѣе и для здоровья, и для кармана лѣченія дорогого и плохого. Это могутъ утверждать только господа, предпочитающіе покой дѣятельности, а такие врачи, какъ бывшій ташкентскій городовой врачъ, покойный Абдіевъ, всегда успѣютъ стяжать себѣ имя „благодѣтеля“ (рахимлыкъ) и въ населеніи осѣдломъ Туркестанскаго края, и у кочевниковъ. Было бы въ краѣ больше Абдіевыхъ, было бы нѣсколько больше русскихъ школъ для туземцевъ—и эти „дікари“ заявили бы себя достойными послѣдователями чистой цивилизациіи. Но при условіяхъ вліянія на народъ ишановъ и притупленія некоторой части населенія книжной мудростью мусульманской учености, народу суждено коснѣть въ невѣжествѣ и оставаться на первыхъ ступеняхъ цивилизациіи. Слѣдуетъ пользоваться временемъ, пока противодѣйствующіе факторы и вліяніе духовенства не совершили еще охватили туземцевъ.

Однако, насколько бодро работаютъ муллы, можемъ судить  
досуги въ туркестанѣ.

отчасти по состоянию школьного дела, несомненно развивающегося въ туземномъ осѣдломъ и кочевомъ населеніи подъ руководствомъ духовенства. Въ Ургутѣ на учительскомъ по-приѣѣ состоится 22 учителя для 190 мальчиковъ и юношей, учащихся въ низшей школѣ (мектебѣ) и въ медрессе (20 челов.), и 2 учительницы для 18 девочекъ, проходящихъ только низшій курсъ. По отношенію къ мужскому населенію, воспитаніе составляетъ 8%, по отношенію къ женскому — 0,75%. Въ Пенджекентѣ, какъ мы увидимъ ниже изъ сравнительной таблицы, эти отношенія представляются еще болѣе отрадными для мусульманства вообще и для муллъ-преподавателей въ частности. Нельзя сказать, чтобы эти послѣдніе отдавались педагогическому дѣлу съ ущербомъ для своихъ интересовъ. Напротивъ, профессія учителя (мектебдоръ) даетъ заработокъ сравнительно довольно значительный. Въ Ургутѣ учитель получаетъ съ каждого ученика отъ 1-го до 2-хъ рублей деньгами и по одной лепешкѣ въ недѣлю, что составитъ въ сложности до 20 руб. за годовое занятіе (каникулы, какъ въ медрессе, нѣтъ въ школѣ) съ 10 учениками. Гонораръ учительницы ограничивается 1 р. 40 коп. въ сложности въ годъ, съ каждой ученицы. Такимъ образомъ, зображеніе въ мектебѣ-ханѣ, въ теченіѣ 5-ти лѣтъ, краткихъ руководствъ познанія религіи, начальныхъ правилъ общежитія, поэзіи и усвоеніе несовершенного правописанія обходится туземцамъ по 10 рублей за каждого мальчика-ученика и по 6 руб. за девочку-ученицу.

По отношенію къ Ургуту остается сказать нѣсколько словъ о классѣ самодѣятельномъ пришломъ, объ индійцахъ, составляющихъ въ числѣ 32-хъ мужчинъ (женщинъ нѣтъ) 15% въ группѣ торгово-промышленной. Этотъ случайный элементъ, имѣя единственнымъ занятіемъ процентирование дешегъ раздачею туземцамъ ссудъ, ведетъ свои дѣла настолько келейно, чѣму способствуетъ имѣть полная обособленность отъ аборигеновъ, что подвести положительный итогъ ихъ годовымъ доходамъ — значитъ перейти Сциллу и Харибу. Мѣриломъ къ определенію выгодности ростовщичества между туземцами обыкно-

венно служать здѣсь данные о капиталѣ индійца при началѣ дѣятельности и при полной ликвидациіи дѣлъ чрезъ periodъ 5—10 лѣтъ, на который обыкновенно прѣѣжаютъ въ Туркестанскій край эти желтолицые сыны Будды. Такими проблематическими данными нельзя, конечно, получить правильнаго вывода о размѣрахъ оборотовъ каждого ростовщика-индійца или еврея (въ гг. Туркестанѣ, Чимкентѣ), но что обороты эти значительные, что чрезъ руки индійцевъ-сосуновъ (суть-хуръ), какъ называютъ ихъ народъ, уплываетъ въ Индию каждогодно порядочная часть русскаго золота тѣхъ 40 миллионовъ, которые незримо устремляются ежегодно „за-границу“, что подъ дѣйствиемъ такого классического кредита благосостояніе населенія значительно слабѣетъ, — въ этомъ могутъ сомнѣваться только те, которые плохо видятъ. Уже самъ фактъ значительного насыщенія индійцевъ въ послѣднія 8 лѣтъ, при сопоставленіи его съ несомнѣнными данными, что въ своей специальной профессіи ростовщичества индійцы взимаютъ 120 проц., что деньги выдаются большою частью подъ урожай, что туземцы, при своей похвальной склонности къ своевременному взносу податей, не брезгаютъ и такимъ возмутительнымъ кредитомъ, лишь бы разсчитаться съ казною, — это уже достаточно иллюстрируетъ роль и значеніе для края индійцевъ, этого несимпатичнаго во всѣхъ отношеніяхъ промышленнаго элемента.

Для возможнаго выполненія программы этого очерка, который мы считаемъ только опытомъ статистического изслѣдованія, перейдемъ къ цифровымъ даннымъ о населеніи Пенджекента, сопричисленнаго къ городамъ единственно, кажется, за то, что прежде въ немъ жилъ бекъ, а нынѣ пребываетъ управляющей нагорными тюменями, съ канцеляріею и местной командой. Благодаря этому обстоятельству, Пенджекентъ имѣеть теперь 4 дома полу-европейской архитектуры съ русскимъ населеніемъ 38 мужчинъ и 4 женщинъ, всего 42 души, и 382 двора туземнаго города съ населеніемъ 1140 мужчинъ, 624 женщины таджиковъ, 9 мужчинъ пришлыхъ индійцевъ, 1 мужчина и 3 женщины евреевъ, всего 1819 душъ.

Русское население группируется въ классъ „нематериальныхъ производителей“.

	Мужчинъ.
Гражданская администрация . . . . .	5
Фельдшеръ . . . . .	1
Военные казаки: . . . . .	30
Итого. . . . .	36

и лицъ, живущихъ па счетъ самостоятельно трудающихся, мужчинъ 2 и 4 женщинъ, всего 42 души, что, по огношению къ туземному населенію, составляетъ 2,5% общей цифры <sup>1)</sup>.

Туземный городъ имѣеть въ 15-ти кварталахъ: 382 дома, занимающіе съ надворными строеніями  $10\frac{1}{2}$  десятинъ земли, 15 мечетей, 4 медрессе, 9 пизшихъ школъ (мактабъ), 1 баня, 1 общественная купальня, 2 страннопріимные дома (такія), одна тюрьма (миршабъ-хала), 3 караванъ-сарай (постоялые дворы), 1 базаръ съ двумя площадями, застроенными по окраинамъ 140 лавками запирающимися (тахта-барлыкъ), 106 лавками открытыми (айванча), для пріѣзжающихъ торговцевъ, и 7-ю городскими наѣсами (каппанъ), подъ которыми взвѣшиваются хлѣбные и другіе продукты сельского хозяйства, привозимые каждонедѣльно въ базарные дни (въ четвергъ) для продажи исключительно внутренней, имѣющей годовой оборотъ въ 38000 руб. приблизительно. Окружная линія города имѣеть протяженіе около 3 верстъ, а сады—въ количествѣ 72 десятинъ и плантациіи люцерны (клеверъ)—въ количествѣ 37-ми десятинъ, частью врѣзываются въ районъ города, частью окаймляютъ его по восточной и южной сторонѣ, представляющей твердую мергелевую почву подгорья отроговъ Зеравшанскаго кряжа. Пенджекентъ отстоитъ въ 61 верстѣ на востокъ отъ Самарканда, на меридианѣ Ауліе-ата, и этой частью лѣваго берега Зеравшана, по которому группируются рисовые плантациіи города, возвышается надъ уровнемъ моря на 3200 фу-

<sup>1)</sup> Съ іюня мѣсяца 1877 года русское населеніе Пенджекента увеличилось на 150 нижнихъ чиновъ Пенджекентской мѣстной команды съ двумя офицерами и на 350 член. „переселенцевъ“ уральцевъ.

товъ. Санитарное положеніе какъ этой подгорной осѣдлости, такъ и другихъ меньшихъ селеній, густо группирующихся въ боковыхъ ущельяхъ по берегамъ рекъ Кипута, Магана, весьма удовлетворительное, что обозначается незначительной годовой заболѣваемостью горожанъ простудными болѣзнями (лихорадки, ревматизмы и кожные болѣзни) и сравнительной жизнепродолжительностью туземцевъ, о которой имѣются слѣдующія данныя:

Возрастъ.	Лѣта.	Мужчинъ.	Жен- щинъ.	Процентное отношеніе къ взрослому населенію.	
				Мужчинъ.	Женщины.
61	70	41	42	3,75%	6,75%
71	80	23	21	2%	3%
81	90	6	5	0,5%	0,78%
91	94	2	2	0,2%	0,4%

Къ сожалѣнію, при отсутствіи точной регистрации, мы не можемъ пока дать свѣдѣній о годовой смертности въ туземномъ населеніи, о распределеніи его по возрастамъ, какъ въ самомъ Пенджекентѣ, такъ равно и въ Ургутѣ, где продолжительность жизни несколько слабѣе, чѣмъ въ осѣдлостяхъ, лежащихъ на востокъ отъ него. А именно въ Ургутѣ на общее число жителей (мужчинъ и женщинъ) имѣется:

Возрастъ.	Лѣта	Мужчинъ.	Жен- щинъ.	Процентное отношеніе къ взрослому населенію.	
				Мужчинъ.	Женщины.
61	70	49	29	1,625%	1,2%
71	80	26	27	$\frac{15}{16}0\%$	1%
81	90	6	9	$\frac{65}{64}0\%$	0,375
91 и выше		3	2	$\frac{15}{193}0\%$	0,1

Заболѣваемость здѣсь и смертность, насколько мы знаемъ о нихъ по разспросамъ жителей во время частыхъ посѣщеній города, также сильнѣе чѣмъ въ Пенджекентѣ. Причины этого явленія надо искать въ чрезмѣрной скученности шеститысячнаго населенія на 20-ти десятинахъ, загроможденныхъ глиняными каркасами постройками 942 дворовъ, въ плохомъ

питаній того многочисленнаго бѣднаго класса поденщиковъ, прислуги, частью ремесленниковъ, годовой заработка котораго ограничивается 20 рублями на всю семью.

Въ Пенджекентѣ, при равномѣрномъ распределеніи земельной собственности, при высшей, сравнительно какъ мы видимъ дальше доходности земель, обрабатываемыхъ подъ злаками, экономическое положеніе населенія лучше, а потому гигиеническія и бытовыя условія его жизни несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ Ургутѣ и въ другихъ менышихъ осѣдлостяхъ нагорного района.

Съ другой стороны, это хозяйственное довольство коренного населенія, притянувъ къ себѣ довольно многочисленный классъ рабочихъ, повлияло на характерно рѣзкое отношеніе половъ населенія, выражающееся цифрами такъ: на 100 мужчинъ—56 женщинъ. Намъ кажется также, на основаніи цифровыхъ показаній о количествѣ холостыхъ горожанъ, что этотъ фактъ столь значительного перевѣса мужскаго элемента надъ женскимъ находится въ связи съ особенностями соціального положенія въ городахъ Средней Азіи, класса зажиточнаго, отвлекающагося отъ семейной жизни страстнымъ поклоненіемъ Афродитѣ, которую представляютъ здѣсь пригожіе мальчики (батчи). Мало-мальски денежно состоятельная молодежь пенджекенцевъ, предварительно поклоненія Гименею, до 30-лѣтняго возраста предается вполнѣ кутежу, проводить всѣ вечера зимы въ своего дома, въ сообществѣ батчей, содержимыхъ на артельныхъ началахъ довольно оригинального устава. Компания пріятелей-сверстниковъ, человѣкъ 10—20 уговаривается открыть на зимній сезонъ гостиную (міхманъ-хана) на условіяхъ равномѣрнаго платежа расходовъ единовременныхъ и периодическихъ. Никакая гостиная у осѣдлыхъ туземцевъ Средней Азіи немыслима безъ пригожаго „розѣ подобнаго“, какъ восхищаются сарты, мальчика—и найти его не трудно. Компания высмотрѣла уже въ селеніяхъ нѣсколько экземпляровъ „красавцевъ“ „сладкопѣвцевъ“, „эфирныхъ юношѣй“ и отправляетъ въ перегонку другой артели своего депутата съ анга-

жементомъ. Отецъ или мать торгуются съ антрепренеромъ съ такимъ же циническимъ спокойствіемъ, съ какимъ тянуть за хвостъ продаваемаго на базарѣ бычка, совершаютъ у казія (судьи) запродажный актъ: получаютъ 40 рублей за 6 мѣсяцевъ паемки и отпускаютъ „розѣ подобнаго“ дѣтище съ желаніемъ успѣха. Если мальчикъ надѣленъ бѣлизною и чистотою лица, правильными перламутровой бѣлизны зубами, тонкими бровями, выразительными черными глазами, двумя тремя родинками на пухлыхъ щекахъ, если онъ обладаетъ звучнымъ, какимъ ни на-есть голосомъ, если главное, онъ достаточно строенъ тѣлосложеніемъ и вообще выразительностью формъ, если ноги у него гибки „какъ таль (ива)“,bastолько, чтобы исполнить самое трудное эротическое па, долу повѣргающее правовѣрныхъ созерцателей, ему „даровитому, счастливому создатію“ предстоитъ слава и почитаніе такія же, какія воздаются въ Европѣ первой балеринѣ; ему и всей компании предстоитъ торжество въ соперничествѣ, апофеозомъ котораго нерѣдко бываетъ кражѣ „эфирнаго сладкопѣвца“, побоища между дольщиками. Родители, обладающіе такимъ сокровищемъ, считаютъ себя вполнѣ счастливыми полученіемъ каждогодно 60 рублей ангажементныхъ, и въ періодъ съ 12 до 20-лѣтняго возраста сына ихъ, возносить Аллаху и пророку Магомету теплые молитвы за сохраненіе дѣтищу „долголѣтія, здоровья и красоты“. Минуло 20 лѣтъ, отъ безсонныхъ вакханальныхъ ночей болѣзненно пожелѣло лицо, ввалилась грудь отъ ранней привычки сосать кальянъ, горловые связки захлѣбали, поблекло „даровитое чадо“ и обратилось въ настоящаго блуднаго сына, неспособнаго по непривычкѣ къ труду, по слабому здоровью, кормить не только Богу усердныхъ родителей, но и себя самого. Куда преклониться такому произведенію страшнаго соціального недуга, если бывшіе почитатели прогнали его съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ гоняютъ надѣдливую голодную собаку; если дорогие родители отправились обозрѣвать рай (бигишь), къ которому особенно расположены право-Врии, или если ближайшіе родственники не могутъ накор-

мить несчастного по неимѣнію кормяжки и для себя? Ему, этому бывшему тихому мальчику, пожинателю затѣмъ славы „танцора“, „пѣвца“ (созанда), рѣшающему посреднику въ турнирахъ состязанія поклонниковъ въ каламбурахъ и восточныхъ, античныхъ комплиментахъ, предстоитъ прямой путь изъ заштатныхъ батчей въ банди-хуры (опекурители), прозябаніе которыхъ въ городахъ Туркестана ничѣмъ не отличается отъ пресмыкательства индійскихъ паріевъ.

Записные батча-базы (почитатели), при материальномъ довольствѣ, услуждаясь оргіями на артельныхъ началахъ до 35 лѣтъ, успѣваютъ до 30 рублей каждогодной затраты на очередная угощенія (гаштакъ) и подарки батчѣ спровадить въ вертели 5—6 розовидныхъ юношей и затѣмъ уже отдаются степенности, только по разсчету завести хозяйку — работницу въ домѣ, чтобы продолжать родъ „славныхъ предковъ“, которыхъ, при такихъ условіяхъ жизни „остепенившагося“ слѣдующія генераціи получаются не совсѣмъ славныя. Обыкновенно, оstepенившійся чрезъ 12 лѣтъ отъ праздности и дикаго разгула сартъ вносить въ семью самую дурную нравственную атмосферу неугасающаго почитанія батчей, возбуждающаго въ женѣ сначала ревность со всѣми варіаціями ея, а затѣмъ апатическое равнодушіе съ супружеской невѣрностью, постоянная отлучки изъ дома, вопреки одной изъ суръ Корана, растраты на подарки обожаемому послѣднихъ средствъ остатковъ отъ мотовства мужа, недосмотръ за дѣтьми, изъ которыхъ получаются сначала воришки, а потомъ рецидивисты. Таковы послѣдствія, общія почти для всѣхъ членовъ персонала батче-почитателей, довольно многочисленнаго въ Пенджекентѣ, вслѣдствіе, съ одной стороны, неправильно развитыхъ исторически духовныхъ потребностей народа, однообразія жизни, отсутствія облагороженныхъ удовольствій, а съ другой — вслѣдствіе хозяйственной обеспеченности его.

Въ зиму 1877 года было открыто въ Пенджекентѣ 60 дольщиками 7 гостиныхъ (михманъ-хана) съ 10 батчами, 20 музыкантами (дайрадасъ) и затрачено на пятидесятый

сезонъ приблизительно 1400 рублей, что составляетъ по 22 рубля на каждого члена артели.

Нельзя сказать, чтобы рядомъ съ этимъ увлечениемъ къ тратамъ на удовольствіе созерцать батчу, въ характерѣ сартовъ обозначалась небережливость, въ другихъ случаяхъ или щедрость въ благотворительности, въ доставленіи себѣ и семейству жизненнаго комфорта. Совсѣмъ иѣть; первый богачъ способенъ носить безсмѣшно по мѣсяцамъ базевую, грубой бумажной ткани рубаху, способенъ валяться со всей семьей въ саклѣ на дырявыхъ войлокахъ (кошма), прикрываясь ночью ежедневно самымъ засаленнымъ халатомъ или 2—3 халатами, смотря по температурѣ и времени года, способенъ жевать двѣ лепешки въ день, прихлебывая супъ изъ муки (атала) на зигирномъ (льняномъ) маслѣ, способенъ содержать въ-проголодѣ не только своихъ рабочихъ, „осчастливляемыхъ“ выдачею по 8 копѣекъ въ день на человѣка, но и свою семью, способенъ оторвать мимоходомъ головусосѣдской курицѣ, и за спиною, при всей честной компаніи, неуклюже стянуть огурецъ отъ приготовляемаго хозяиномъ угощенія (достарханъ). Самый знатный сартъ способенъ низкопоклонничать у влиятельнаго чиновника, чтобы получить доходное мѣсто колостнаго, казія, чтобы придержать подрядъ. Самый набожный сартъ способенъ продать за 5 рублей тайно изъ ыазарета голову святаго (Аульэ). Словомъ, и въ наши дни зеравшанскій сартъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ во времена поэта *Мавлау-Джами* (1476 г.), который высказался въ стихахъ о самаркандахъ такъ:

Если хочешь видѣть богатство,  
Иди въ Индію.  
Если хочешь видѣть благочестіе,  
Иди въ Мекку.  
Если не хочешь видѣть ни того, ни другого,  
Не выѣжжай изъ Самарканда.

Ошибаются, жестоко ошибаются тѣ изъ многочисленныхъ нашихъ любителей покупать и паче испить, которые, садясь за столъ въ саклѣ какого-нибудь богатаго сарта, провидятъ

въ такомъ явленіи созыванія на тамашу (угопеніе) нравствен-  
ный метаморфозъ, стремлениe „одухотвориться въ цивилизації  
путемъ постепенности и умѣренности“. Ничуть не бывало.  
Бывшій въ 1866 — 1871 г. самарканскій казій, Камаль-  
Этдинъ, этотъ „новаторъ“, разыгрывалъ два года комедію пе-  
редовика, пилъ шампанское, держалъ коляску, устраивалъ частые  
парадные тамаши (обѣды) „съ барынями“ подъ вліяніемъ идеи  
„одухотворенія?“ Нѣтъ, только по индуктивной наклонности  
къ испиванію въ потому, что получалъ отъ судейской практики  
прямого дохода около 20 т. рублей. Утѣшались многіе, и на-  
чальство, конечно, въ особенности, что казій понялъ требова-  
ніе времени, понялъ обязательность для себя быть прымѣромъ  
для своихъ сородичей, и только этими стимулами стремился  
дать образованіе своему сыну въ русской школѣ. Каково же  
было удивленіе и разочарованіе для всѣхъ, когда смыщенный  
за служебныя злоупотребленія Камаль-Этдинъ немедленно вы-  
 требовалъ изъ Ташкента своего сына, не давъ ему окончить  
школу, — продалъ коляску, сервизы, мебель и выбросилъ изъ  
своего дома все европейское (даже рамы оконные), позаим-  
ствованное подражаніемъ только для обмана властей, снисхо-  
дившихъ ко всѣмъ недостаткамъ этого туземца въ полномъ  
невѣдѣніи, разумѣется, что ловкій сартъ сразу понялъ какъ  
надо дѣйствовать. Въ приведенномъ примѣрѣ заблужденія зиж-  
дителей раннаго, торопливаго наслажденія между сартами ци-  
вилизациіи нѣть ни малѣйшей субъективности и мы позволяемъ  
себѣ считать Камаль-Этдина передовикомъ единственно за то,  
что онъ понялъ знаменіе времени и, оставаясь воплощеннымъ  
сартомъ, приносилъ прямымъ и косвеннымъ путемъ нѣкоторый  
доходъ акцизу, что и требовалось доказать. Но вѣдь на та-  
кихъ рельсахъ можно добраться только къ крайнему полюсу  
цивилизациіи, къ вырожденію духовному и физическому — ни  
больше, ни менѣе. Кто же въ самомъ дѣлѣ рѣшился нелі-  
цемѣрно утверждать, что винѣ братьевъ Елисѣевыхъ, обѣды по-  
европейски и сладкая улыбка цивилизованныхъ барынь въ по-  
ощреніе лукаваго гостепріимства отжирѣвшаго подрядчика „з-

лотыхъ дѣлъ“ способны выполнить миссію развитія въ краѣ  
здоровой гражданственности. Нѣтъ, не это требуется для такой  
задачи, а нѣчто совсѣмъ другое.

Доканчивая характеристику туземного населенія Пенджекен-  
та, въ порядке распределенія группъ, въ сдѣланной ниже  
сводкѣ, мы должны свести сначала счеты съ воспитательнымъ  
персоналомъ и съ духовенствомъ, какъ такими профессіями,  
которыя, находясь въ тѣсной связи между собою, имѣютъ не-  
сомнѣнно огромное вліяніе на весь строй жизни правовѣрныхъ,  
на нравственныя и интеллектуальныя функции ея. Цифры со-  
временного состоянія школьнаго дѣла здѣсь уясняютъ, что  
мѣстное духовенство какъ будто бы чуетъ близость западнаго,  
окнодѣлательнаго топора цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, про-  
центное отложеніе учащихся къ населенію таково здѣсь, что  
ему могли бы позавидовать (конечно только не качеству эле-  
мента) даже многіе города и селенія ближняго запада.

Въ Пенджекентѣ имѣются 4 медрессе съ тремя старшими  
профессорами (мударисы) съ 4-мя помощниками ихъ (ша-гиръ)  
и съ 80-ю студентами (талибъ-ильмъ); элементарныхъ школъ  
(мактабъ) 6 мужскихъ съ 6 учителями, съ 135 учениками  
и 3 женскихъ съ 3 учительницами, съ 40 учениками.

Курсъ ученія въ мактабъ-ханѣ, начинаясь съ азбуки (алифъ),  
проходитъ затѣмъ склады (абджать), далѣе на 2-й годъ гофтіокъ  
(4½ главы корана), суры кулгу-воалагу-агадъ и ина-атайна,  
заканчивается правописаніемъ (савать) и прочтѣніемъ въ одинъ  
годъ всего корана и чаръ-китабъ сочиненій Хафиза, Мантыба,  
Видиль и Новои. Прилежный и памятливый ученикъ обыкно-  
венно проходитъ всю эту премудрость въ четыре года, но  
большинство сидятъ въ мактабъ-ханѣ по 6 лѣтъ. Дѣвочки, на-  
чиная посѣщать школу съ 7-ми лѣтъ, заканчиваютъ ученіе  
въ 13 лѣтъ, не заходя дальше гофтіокъ и 2—3 суръ-корана.  
Въ низшихъ школахъ каникуль (тагтиль) никакихъ не по-  
лагается. Круглый годъ ежедневно, исключая пятницы, дѣти  
отсиживаются въ мактабъ-ханѣ, поджавши ноги и покачиваясь  
подъ пѣвучее зубреніе, съ 5-ти часами утра до 3-хъ ч. дня.

Учитель съ желѣзнымъ терпѣniемъ также исправно ритмически отбываетъ свое дѣло, терпѣливо утолковывая дѣтамъ начальную книжную мудрость. Наказанія никакія не практикуются, и успѣхи ученика поощряютъ не его, а виновника-учителя добавочной лепешкой къ одной, приносимой еженедѣльно по четвергамъ каждымъ ученикомъ. Богатые родители, впрочемъ, торжественно награждаютъ смиренного учителя алачевымъ двухрублевымъ халатомъ за успѣхи дѣтища въ гофтюкѣ, и второй разъ при окончаніи курса. Учитель мулла знаетъ, конечно, съ какими учениками ему усерднѣе надо заняться и успѣваетъ заполучить въ годъ два халата. Въ сложности годовой заработка мектабдара при 20 ученикахъ составляетъ: изъ 10—16 руб. (отъ 40 к. до 1 руб. доброхотнаго съ каждого школьнаго) изъ 1000 лепешекъ—13 руб. въ 48 недѣль, изъ 2-хъ халатовъ—4 рубля, а всего 27 рублей, т.-е. по 7 коп. за дневной или по  $\frac{2}{3}$  к. за часовой трудъ. Существовать съ семьей на два рубля въ мѣсяцъ даже тѣмъ порядкомъ жизни, который называется тиричиликъ (прозябаніе), конечно, нельзя, и мулла учитель не прожилъ бы и съ удвоеннымъ комплектомъ подносимыхъ лепешекъ, если бы на выручку не представлялось совмѣстное исполненіе обязанностей имама (священника) мечети. Эта должностъ приносить хотя также не особенно много, но съ гонораромъ учителя даетъ сумму 47 рублей годовыхъ, на которую съ грѣхомъ пополамъ прожить можно. „Не согрѣшишь, не проживешь“ говорить бѣднякъ имамъ-мулла и усердно лѣбезитъ предъ зажиточными прихожанами, чтобы вместо 20 коп., платимыхъ ежегодно каждымъ домовладѣльцемъ, получить 30 коп., чтобы при общей раздачѣ въ годовой праздникъ Уразы по 5 фунтовъ хлѣба съ каждого члена семьи домовладѣльца - прихожанина урвать большую долю на счетъ бѣдняковъ, которымъ удѣляютъ въ эти дни (фитири-руза) отъ восточной poor low. Еще болѣе безотрадно материальное положеніе низшей братіи духовной, муазиновъ—созывателей на молитву, трудъ внимавія которыхъ къ солнечному зодіаку оцѣнивается всего 4-мя рублями годовыми,

$\frac{1}{3}$  хлѣба отъ фитири-руза 4 руб. и больше ни лепешки, ни простого халата. Есть ли возможность прожить на эту гомеопатическую лепту—усердные къ молитвѣ прихожане такимъ вопросомъ вовсе не задаются, а норовятъ молиться на даровицінку, чтѣ многимъ, стоически потчующими музина крохотной лептой, и удается. Бѣднякъ отказывается отъ профессіи, и прихожане, между которыми могутъ быть и Загребай-Азимы, подымаются на лѣстницу музинъ-хана 5 разъ въ день для призыва на молитву поочередно. Достаётся духовенству всякихъ упрековъ и при послѣднемъ актѣ человѣческаго земнаго скитальчества, при сопровожденіи покойника на кладбище (кабистонъ). Какъ въ актѣ вѣнчанія (никохъ) внятное отчетливое чтеніе молитвы (худба-никохъ) решаетъ вопросъ между 20 коп. шахітим и 10 к. тінішит поощренія, такъ на похоронахъ только вдохновенная, прочувствованная молитва (джаноза) снисходитъ муллѣ 12 к., а то могутъ насытить пророческимъ „Богъ пошлетъ“ (Худай биреде) и выпроводятъ, даже не давъ номинального куска бязи, обязательно раздаваемаго каждому присутствующему на похоронахъ, въ память (иртышъ) о покойнике, будь то мужчина, женщина или двухмѣсячный ребенокъ. Городскимъ туземцамъ три главныя эти события жизни: вѣнчаніе, обрѣзаніе (хочъ-насыръ), похороны обходятся не особенно дорого, но зато шумно. Прокричать сарту призывъ на той, праздникъ обрѣзанія, особенно чѣмъ правовѣрными, ничего не стоитъ, но онъ съ болѣшимъ еще спокойствіемъ способенъ прирѣзать къ празднику больного барана, напоить публику отваромъ миндалевыхъ листьевъ вместо чаю, дать цирюльнику (сарторашъ) за операцию 40 коп. вместо обѣщанныхъ 4 рублей, способенъ выставить въ скаковый призъ совершиенно больную лошадь, слѣпого на оба глаза быка, старый иношесій халатъ. Ни одинъ той не оканчивается у сартовъ безъ сильной перебранки, если не между хозяиномъ и гостями, иногда смиренно увлекающими съ турнира слѣпого бычка, то непремѣнно при разсчетѣ съ товаромъ (ошь-пазъ) съ созывателями (пайкаль) на пиръ, получающими обыкно-

вѣнно отъ 2 до 3 коп. за каждое торжество. Такія же пе-  
ребранки, такое же торжество сопровождаются и свадьбу,  
гдѣ сарту средняго состоянія приходится расходовать въ слож-  
ности 20 рублей, и похороны, гдѣ непремѣнно обѣлять тѣло-  
омывателя (мурда-шуй), могильщика (гурькау), плакальщицу  
(гуянда), подносителя поминального угощенія (ходымъ) и не  
поколеблются иной разъ проводить на сухую искоть-барда-  
ровъ (нищихъ).

Въ Самаркандѣ, гдѣ кичливые сарты, при вѣнчаніи, тра-  
диціонно несутъ, кроме 2 рублей казю—судѣ, доброхотные  
расходы на 2-хъ имамовъ, 2-хъ музимовъ, 2-хъ аксакаловъ,  
2-хъ пайкововъ (созывателей), 3-хъ свидѣтелей невѣсты, 2-хъ  
посаженныхъ отцовъ (подарь-вокиль), на раздачу старшимъ  
гостямъ 20 — 10 копѣекъ, всего въ сложности 60 рублей,  
каждая почти свадьба оставляетъ непріятное впечатлѣніе во  
всѣхъ, начиная отъ жениха, получившаго со стороны родныхъ  
невѣсты не такой халатъ, на какой онъ разсчитывалъ, и кончая  
почетнымъ гостемъ, получившимъ вмѣсто 20 коп. только  
10 копѣекъ.

Теперь приходится возвратиться къ воспитательному пер-  
соналу высшему, къ мудорисамъ и студентамъ.

По отношенію ко всему учащемуся классу, эта группа  
высшей мусульманской учености составляетъ въ Ненджекентѣ  
37%, учениковъ и въ Ургутѣ 9,78%, а по отношенію къ  
элементу взросому, насколько имѣются о немъ приблизи-  
тельный свѣдѣнія изъ разспросовъ, весь учащійся классъ со-  
ставить 24% въ первомъ городѣ, 5% — во второмъ. Сравни-  
тельно слабое развитіе школьнаго дѣла въ Ургутѣ объясняется  
ни чѣмъ инымъ, какъ лишь упраздненіемъ въ началѣ 1875 г.  
одного большого медрессе и произведеніемъ послѣ безпорядка  
нѣкоторымъ давленіемъ на духовенство, комплектъ котораго  
съ тѣхъ поръ значительно сократился.

Въ другихъ городахъ не малое вліяніе на сокращеніе  
числа учащихся въ медрессе оказало отчужденіе въ казну, па  
основаніи сложныхъ соображеній, части доходовъ отъ недви-

жимой собственности (вакуфъ) этихъ учрежденій, завѣщанной  
въ разное время мусульманскими правителями и частными ли-  
цами по праву владѣнія обѣленными землями, т.-е. свобод-  
ными отъ податей (милькъ-халысъ).

Со временемъ такой секуляризациіи части доходовъ, право-  
вѣрные придержались въ своей щедрости воспроизведенія вакуфовъ изъ милькъ-халысъ, и штаты медрессе значительно со-  
кратились. Теперь стипендіаты, т.-е. имѣющіе ярлыкъ муда-  
рисы и студенты, получившіе откупнымъ порядкомъ у пред-  
мѣстниковъ келю (хужру) въ медрессе, получаютъ въ Пен-  
джекентѣ, первые 50 рублей, вторые — 4 руб. годовыхъ и въ Ургутѣ  
мударисъ 100 руб. и студентъ 10 рублей. Этихъ  
средствъ было бы, конечно, недостаточно, если бы на выручку  
не явились съ одной стороны материальная поддержка сту-  
дентовъ ихъ домашними, съ другой — корпоративность ихъ быта  
и тѣсная солидарность какъ между собою, такъ и съ про-  
фессорами, никогда почти не оставляющими своихъ келій въ  
медрессе. Какъ мы выше сказали, порядокъ вступленія въ  
медрессе самый простой, не сопровождающійся никакими фор-  
мальностями опредѣленія, возраста претендента и познаній  
его. Домогающійся знаній преклоннаго возраста мулла или  
юноша абонируетъ за условные 20—40 рублей келю у сту-  
дента, готовящагося выйти изъ медрессе въ свѣтъ и, усѣв-  
шись съ поджатыми ногами на плетенку (буйра), въ теченіе 8 лѣтъ терзаетъ стѣны своей квадратной 3-аршинной ком-  
натки громкимъ зубреніемъ разной мудрости, начиная съ муш-  
килета, масала (положеніе о молитвахъ) и кончая книгой Муш-  
каты-шарифъ, содержащей каноническія преданія. Предъ окон-  
чаніемъ курса студента, посвящающій себя профессіи муда-  
риса, казія, муфтія, подвергается испытанію (ыти-ханъ) изъ  
всего пройденнаго восьмилѣтняго курса конференціей нѣсколь-  
кихъ профессоровъ другихъ медрессе и получаетъ не дипломъ,  
а только благословеніе (фатифа), открывающее ему, по назна-  
ченію власти, или учительское, или судейское поприще.

Учащееся духовенство здѣсь никакимъ вліяніемъ на массы

не пользуется. Ихъ, включительно съ мударисами, считаютъ людьми божьими, не имеющими никакихъ отношений къ интересамъ міра свѣтскаго. Они достаточно понимаютъ свою роль и держать себя всегда и во всѣхъ случаяхъ совершаютъ пассивно, на удивление тѣмъ страннымъ прозерцателямъ, которые, отворачиваясь отъ ишановъ, отыскиваютъ въ самыхъ спокойныхъ элементахъ населенія общества массоновъ.

Теперь мы считаемъ возможнымъ покончить съ разсмотрѣніемъ другихъ бытовыхъ и экономическихъ сторонъ жизни населенія Пенджекента пріемомъ сравнительнымъ, которому не предполагаемъ здѣсь составленный сводъ свѣдѣній о населенности, о числѣ зданій и заведеній и о промышленности потому собственно, что имъ пришлось бы отвести на статьѣ этой очень много места.

Въ этотъ сводъ, сообщенный нами ранее въ „Туркестанская Вѣдомость“, не могли войти данные о количественномъ отношеніи производителей къ потребителямъ, о количествѣ производимыхъ продуктовъ, но мы имѣемъ возможность сказать, что въ Ургутѣ преобладаетъ промышленность торговли деньгами (ростовщичество индійцевъ) надъ всеми остальными, что по размѣрамъ производства цѣнностей и численности производителей ихъ, въ городѣ этомъ во второй группѣ стоитъ сельскохозяйственная промышленность, въ которой виноградство занимаетъ самое видное мѣсто (31.460 р. годов. дохода), затѣмъ обрабатывающая промышленность, где приготовление хлопчатобумажныхъ тканей (бязь, алача, каляма, хаса и остарь) стоитъ по числу производителей и размѣрамъ доходовъ на первомъ мѣстѣ. Въ Пенджекентѣ же, гдѣ населеніе распредѣляется по классамъ такъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Самостоятельно живущій классъ . . . . .	73,7%	51%
Живущіе на чужія средства . . . . .	24%	48,5%
Неимѣющіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни . . . . .	2,3%	0,5

Самое видное мѣсто занимаетъ промышленность сельскохозяйственная, съ интенсивной культурой, дающей 20 — 50 рублей ренты съ одной пахотной десятины, а затѣмъ уже идутъ въ цифровомъ порядке промышленности торговая, обрабатывающая и прислуга, контингентъ которой и общій заработка въ  $1\frac{1}{4}$  разъ болѣе нежели въ Ургутѣ, уступающемъ Пенджекенту въ интенсивности полеводства вслѣдствіе слабой ирригации, не позволяющей воздѣлывать рисъ и огороды.

Въ детальномъ разсмотрѣніи мы видимъ, что въ Ургутѣ на 253 человѣка, занимающихся производствомъ бумажныхъ простыхъ тканей (бязь, каляма и алача), приходится 24 торговлющихъ этими произведеніями въ суррогатѣ и въ издѣліи (алачевые халаты) 6 человѣкъ, что наибольшее число рукъ 70% всего числа производителей занято обработкой волокнистыхъ веществъ, съ приготовленіемъ пряжи, тканемъ, окраской, набойкой, что при самой упрощенной ремесленной организаціи производства продуктовъ на дому, при участіи членовъ семейства и работниковъ (320 и 45 челов.), чрезъ всѣ отрасли занятій кустарей прошло раздѣленіе труда, давшее по обработкѣ волокна дѣлатель хлопко-очистительныхъ ручныхъ станковъ (чархчи), прядокъ (парыкъ), веретенъ (дужчи), красильщиковъ пряжи (кукчи), вымачивателей окрашенной пряжи (огарь-пазъ), въ смѣси, приготовленной изъ отвара мездры и древесного клея. Такжѣ точно и раздробительная торговля специализируется на 35 отдельовъ въ Ургутѣ, на 33 въ Пенджекентѣ, включая сюда и посредниковъ (джалафъ, далааль) торговли, которыхъ не много.

Нельзя сказать, чтобы эти экономическія явленія были случайными, не связанными съ другими факторами ихъ и съ соціальнымъ положеніемъ населенія, съ историческими условіями его жизни, съ типичными особенностями его культуры. Садоводство (виноградство) развелось подъ вліяніемъ благопріятныхъ почвенныхъ (известковые почвы) и климатическихъ условій до того, что, какъ мы видѣли выше, поглотило всѣ подсобы въ Туркестанѣ.

городныя земли Ургута, а въ Шаджекентѣ оставило людерино-водству только 73 десятины, дающія всего 1960 руб. дохода 100 собственникамъ. Посѣвы злаковъ занимаютъ всего 388 десятинъ, обрабатываемыхъ исключительно подъ пшеницей, ячменемъ, рисомъ, огородами и приносящихъ 200 собственникамъ 16540 руб. годовой ренты, а землевладѣніе раздроблено до maximum 16 десятинъ у богатаго собственника и minimum  $\frac{1}{4}$  десятины.

Естественнымъ слѣдствиемъ этого обстоятельства (малоземелія) и также ограниченности у мусульманъ праздничныхъ дней—всего до 60 въ году—было обращеніе всѣхъ свободныхъ и пищи ищащихъ рукъ въ классы ремесленный, торговый и, какъ последняя фаза борѣбы за существованіе—въ могильщиковъ, тѣлоомывателей, плакальщицъ и т. п. той номенклатуры, которая занимаетъ видный столбецъ рубрики „нематериальныхъ производителей“.

Упреки туземного городского населения въ праздности оказываются совершенно неосновательными и вытекающими изъ непониманія экономическихъ явлений жизни и характера туземцевъ, склоннаго къ паживѣ, къ базарной суетѣ. Праздныхъ здѣсь мало. Праздновать нельзя—окоченѣешь съ голоду. Празднуютъ толь, у кого вѣтъ и вершка земли, чтобы ее вспахать, у кого вѣтъ копѣйки, чтобы ее провести не бесплодно чрезъ всю суету жизни. Да успокоятся такимъ образомъ псевдо-ревнители народнаго материальнаго и нравственнаго блага, и, выбросивъ изъ памяти гильдіи, цехи, мѣщанство и прочихъ долбачадцевъ запада, обезпечатъ промышленности и торговлѣ совершенно свободное развитіе.

Для ясности приведемъ изъ свода нѣсколько данныхъ: въ промышленности обрабатывающей маслобойни, имѣющіе годовой заработка въ 50 руб. maximum, уплачиваютъ пошлину 5 руб., т.-е. 10%, кузисцы платятъ 10%, мельницы—12%, въ промышленности торговой съ годового заработка платятъ: мясники—12%, продавцы бакалейныхъ товаровъ—10%, про-

давцы русской мануфактуры—30%, продавцы лѣкарствъ, иголокъ и мелочи—12%. Самая развитая промышленность, торговля деньгами (78000 руб.) и торговля скотомъ (7220 руб.) совершенно свободны отъ всякихъ пошлинъ. Легко судить по этимъ достовѣрнымъ цифрамъ, въ какой степени родственно малымъ городамъ положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, дѣйствующее „въ видѣ опыта“ съ 1875 года по теоріи „благожеланія“ и одновременной заботливости объ интересахъ „казны“ мануфактурристовъ и торговцевъ!

То же самое можно сказать и относительно сельскаго хозяйства (полеводства), которому вѣкоторые рекомендуютъ американскія системы съ машиннымъ инвентаремъ. Эти очень щедрые благожелатели нѣсколько не обдумываютъ, что завести туземцу, получающему наибольшее 300 рублей годовой ренты, улучшенный инвентарь не такъ легко. Имъ нѣтъ дѣла до того, что туземецъ Зеравшанской долины получаетъ съ одной десятины: пшеницы 130 пудовъ, проса 140 пудовъ, рису 190 пудовъ, джугары 160 пудовъ, клеверу 130 пудовъ и винограду 800 пудовъ. Они видятъ въ этомъ только сказочную плодородность почвы, отвергаютъ очевидную интенсивность мѣстнаго полеводства и кричатъ съ апломбомъ, что земледѣльческія орудія туземцевъ никуда не годны, что плугъ не пашетъ, а скребеть, что Туркестанскому краю угрожаетъ отъ этого судьба древніяго Рима и Греціи, что единственнымъ спасеніемъ было бы устройство образцовыхъ фермъ, школъ для приготовленія изъ туземцевъ агрономовъ и, наконецъ, какъ алфа и омега, машинный инвентарь. Легко говорить, но неохота вѣрою подумать, что туркестанскій туземецъ работаетъ своимъ „первобытымъ плугомъ“ нѣсколько тысячъ лѣтъ и получаетъ урожай въ  $2\frac{1}{2}$  раза больше, нежели какія даетъ хозяйство машиннаго инвентаря, хотя бы, напримѣръ, въ черноземной Курской губерніи, что самый богатый туземецъ, владѣющій всего 20 десятинами пахоты, приносящими 500 рублей годовой ренты,

не въ состояніи дать на инвентарь болѣе того, сколько онъ даетъ, т.-е. всего 16 руб. въ годъ максимум.

Простымъ наблюденіемъ каждый можетъ удостовѣриться, что туркестанскому туземцу нужны не англійскій плугъ, не русская изба, а раньше всего сила мысли, сила духа, съ которыми онъ и самъ познаетъ Америку.

## СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ ПО ГОРОДАМЪ ПЕНДЖЕКЕНТУ И УРГУТУ.

Открытыя въ декабрѣ 1876 года, по офиціальному почию бывшаго начальника Зеравшанскаго округа, генераль-майора Абрамова, работы, по приведенію въ извѣстность населенія городовъ округа, увѣячались, какъ кажется, во всѣхъ трехъ отдѣлахъ полнымъ успѣхомъ; намъ извѣстны теперь, съ достаточнouю точностью, численные этнографические элементы населенія городовъ, экономическое, соціальное положеніе туземцевъ и отличительныя нравственныя свойства населенія.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣть только данныхъ регистраціи смертности, заболѣваемости, рождаемости, но для приблизительной характеристики санитарнаго положенія городовъ приведены цифры жизнепродолжительности горожанъ-туземцевъ, поставившie осѣдлости нагорныхъ тюменей, Пенджекентъ и Ургутъ, въ первыхъ столбцахъ этой рубрики.

Пенджекентъ.		Ургутъ.	
Возрастъ.	Муж.	Жен.	Муж.
61 — 70	41	42	49
71 — 80	23	21	26
81 — 90	6	5	6
91 — 94	2	2	3

Пока мы только имѣемъ возможность подѣлиться сообщеніемъ свода статистическихъ свѣдѣній по этимъ двумъ городамъ Зеравшанскаго округа, не приводя цифръ отношенія числа производителей къ числу потребителей, не сообщая данныхъ о количествѣ производимыхъ продуктовъ, не разбирая вліянія распределенія, въ частности, промысловъ на бытовой и хозяйственныи складъ жизни населенія. Все это будетъ предметомъ отдельной, болѣе пространной статьи, а теперь ограничимся только сообщеніемъ таблицы населенности и положенія промышленности въ городахъ нагорныхъ тюменей.

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕНЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Русс. ахъ	38	4						
Тадж. ах.	1140	624						
Инд. ах.	9	—						
Евр. 1	3							
Вс. 1188	631							
Домовъ частныхъ лицъ . . . . .	356	1819			948	5543		
Молитвенныхъ домовъ (мечетей).	15	—			33	—		
Высшихъ школъ (хедрессе).	4	—			2	—		
Низшихъ школъ (мектебы) . . . . .	6	3			20	2		
Мѣстъ заключен. (маршабхана).	9	—			22	—		
Станционный д.	—	—						
Баня (хамамъ).	—	—						
Купальня (торгъ-хава) . . . . .	1	—			80	1		
Приютовъ орден-скихъ (саленд-хана) . . . . .	—	—			1	10		
Пріютовъ блуди-сановей (дивона-бача) . . . . .	2	8			1	3		
Базаровъ . . . . .	1	—			9	—		
Базарныхъ завт-совъ для проду-тровъ (коопланъ).	7	—			11	—		
Лавокъ заправля-щихся (тохта-барлыкъ) . . . . .	140	—			305	—		
Лавокъ, открыт. (айванъ) . . . . .	106	—			245	—		
Каравань-сараев.	3	3	1	6	30	5	5	12 1000
Всего . . .	676	—	—	—	1577	—	—	—

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕНЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Мельница (осия).	5	—	5	—	5	—	5	—
Круподержень (аб-дузатъ) . . . . .	2	—	2	—	2	—	2	—
Маслобоенъ (джу-азъ-хана) . . . . .	10	—	10	—	20	—	400	—
Кожевенныx за-водокъ (чарынъ-геръ) . . . . .	—	—	—	—	—	—	3	—
Кузавцы (огонь-геръ) . . . . .	8	—	8	—	20	—	220	—
Чугун.-плавилен. (гидрезъ) . . . . .	1	—	1	—	2	—	60	—
Гончаренъ (ку-льзъ) . . . . .	2	—	2	—	4	—	50	—
Пекаренъ (новой).	1	—	1	—	3	—	30	—
Мыловаровъ (са-бунъ-геръ) . . . . .	—	—	—	—	—	—	5	—
Сеъчедѣлателей (шашъ-геръ) . . . . .	—	—	—	—	—	—	7	—
Лѣсныхъ скла-довъ (агачъ-са-рай) . . . . .	1	—	1	—	2	—	60	—
Шлотниковъ (на-жаръ) . . . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Токарей (хоротъ).	—	—	—	—	10	—	280	—
Изготовителей де-ревниныхъ ло-жеъ (кашыкъ-торашъ) . . . . .	—	—	—	—	—	—	2	—
Ткацкихъ стан-	—	—	—	—	—	—	1	—
ковъ (тихъ-бор-доръ) . . . . .	—	—	—	—	—	—	1	—
Урялокъ в стан-ковъ хлоцко-	—	—	—	—	—	—	1	—
очистительныхъ (чархчи). . . . .	—	2	—	—	2	—	50	—
Дѣлаютъ верете-на (дукчи) . . . . .	—	—	—	—	—	—	2	—
Гкуть простую бумагенную ткань (бозъ-боифъ) . . . . .	—	3	—	8	135	—	52	—
						—	52	1040

## Промышленность обрабатывающая.

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕНЕНТЪ.					УРГУТЪ.						
	Число домовъ, общество, земель, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общий годовой заработка.	Число домовъ, общество, земель, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производителей цѣнностей.	Общий годовой заработка.
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.			Мужч.	Ж.	М.			
Красильщики пряжи (сукчи). Приготавливаютъ варево изъ мездри и древесного вѣса для вымочки пряжи (огорьпозъ).	—	2	—	1	2	86	—	15	—	30	345	
Ткуть бумажную ткань изъ окрашенной пряжи (алача-боффъ).	—	—	—	—	—	—	—	7	—	7	106	
Ткуть полосатую бумажную ткань для бѣлья (камми-боффъ).	—	—	—	—	—	—	—	177	—	354	4800	
Ткутьузуютъ ткань для подкладокъ (остаръ-боффъ).	—	—	—	—	—	—	—	2	—	4	40	
Ткуть широкую ткань для подкладокъ (хось-боффъ).	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	88	
Набойщики сицца для одѣялъ (читгарь).	—	1	—	3	40	—	10	—	—	30	390	
Починаятъ старую обувь (кунадозъ).	—	4	—	4	37	—	11	—	—	11	120	
Шьютъ калоши (каштъ-дозъ).	—	3	—	3	55	—	6	—	—	18	160	
Шьютъ сапоги (чарикъ-дозъ).	—	8	—	12	240	—	3	—	—	6	90	
Дѣлаютъ уздечки (сорачы).	—	1	—	1	20	—	—	—	—	—	—	
Шьютъ выючныя сѣни (токум-дозъ).	—	1	—	1	20	—	2	—	—	4	40	
Мѣднѣкъ дѣль мастера (мисъ-геръ).	—	1	—	1	22	—	1	—	—	2	30	
Серебрян. дѣль мастера (зеръ-геръ).	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	60	

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕНЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, общество-зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.	Общее число производителей цѣнностей.		Общий годовой зароботокъ.	Число домовъ, общество-зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.	Общ. число производителей цѣнностей.
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.	Мужч.	Ж.
Кандитеры (халивагеръ) . . . . .	—	1	—	2	10	—	3	—	6	86
Пиротехника (мушанчи) . . . . .	—	2	—	2	30	—	—	—	—	—
Всего . .	30	69	—	109	2125	43	358	22	717	10198
										680 б.37

  

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ.										
	так.					так.				
Садоводство (богдоръ) . . . . .	288	180	—	540	4620	1149	420	—	840	32000
Клеверовоздѣлываніе (утъ) . .	146	100	—	260	1960	139	200	—	200	1390
Хлѣбопашество (диконъ). . . . .	1553	200	—	800	16540	2174	300	—	800	10870
Всего . .	1987	480	—	1600	23120	3462	920	—	1840	42260

  

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТОРГОВАЯ.										
Продавцы чугунныхъ сопликовъ (ташт.-фрушъ) . . . . .	—	2	—	2	50	—	1	—	1	25
Продавцы полосового желѣза (тв. муръ-фрушъ) . . . . .	—	1	—	1	40	—	12	—	12	360
Продавцы муки (амафъ) . . . . .	—	6	—	6	140	—	7	—	14	260
Торговцы баранинами (кой-джалафъ) . . . . .	—	4	—	4	240	—	7	—	18	6980
Мясники (касанъ) . . . . .	—	11	—	11	260	—	20	—	40	640
Продавцы соли (тузи-фрушъ) . . . . .	—	1	—	1	20	—	6	—	6	90

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕНТЬ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общий годовой заработка.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.			Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Продавцы моркови (сабсы-фрушъ).	—	—	1	—	1	20	—	—	2	30
Продавцы рису (шали-копъ).	—	—	4	—	4	110	—	—	—	—
Продавцы растительного масла (загирь - май-фрушъ).	—	—	7	—	7	280	—	—	8	230
Продавцы вареныхъ бараниныхъ головъ (коляпазъ).	—	—	1	—	1	30	—	—	—	—
Продавцы сушенихъ фруктовъ (малысъ-фрушъ).	—	—	1	—	1	25	—	—	5	150
Продавцы виноградного меда (шарни-фрушъ).	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Продавцы тертаго жвачного табаку (васъ-фрушъ).	—	—	3	—	3	120	—	—	5	180
Продавцы курительного табаку (тамаку-фрушъ).	—	—	1	—	1	40	—	—	2	70
Продавцы сухого чаю (чай-фрушъ).	—	—	2	—	2	30	—	—	3	165
Продавцы распыльного чая (самоварча).	—	—	2	—	4	200	—	—	6	180
Продавцы колониальныхъ товаровъ (бакаль).	—	—	13	—	13	530	—	—	17	580
Продавцы дровъ (утунчи).	—	—	7	—	12	170	—	—	19	280
Продавцы древесного угля (кумырчи).	—	—	5	—	8	65	—	—	2	28
Продавцы альбастру (гаджъ-фрушъ).	—	—	1	—	2	50	—	—	—	—
Продавцы неочищенного хлопка (гудза-фрушъ).	—	—	8	—	8	160	—	—	16	240
Продавцы ваты (пахта-фрушъ).	—	—	1	—	1	20	—	—	—	—

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕНЕРТЪ.						УРГУТЪ.					
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей ценностей.	Общее число производителей ценностей.		Общий годовой заработокъ.	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей ценностей.	Общее число производителей ценностей.		Общий годовой заработка.
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.			
Продавцы бумагой пряжи (каляма-фрушъ) . . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Продавцы бумагой основы (гутт-бардарь) . . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Продавцы белой бумаги ткани (бозь-фрушъ) . . . .	—	—	5	—	5	200	—	—	—	—	—	—
Продавцы полосатой бумагой ткани (каляма-фрушъ) . . . .	—	—	5	—	5	200	—	—	—	—	—	—
Продавцы бумагой обрашеннной ткани для простыхъ халатовъ (алача-фрушъ) . . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Продавцы халатовъ простыхъ, (туиль-фрушъ) . . . .	—	—	12	—	2	80	—	—	—	—	—	—
Продавцы мануфактуры (ситецъ, адрясь, шелковые ткани) боязь . . . .	—	—	4	—	2	800	—	—	—	—	—	—
Продавцы обуши (итыкъ-фрушъ) . . . .	—	—	1	—	—	—	6	—	12	—	1800	—
Продавцы шелковой пряжи (шакт-фрушъ) . . . .	—	—	евр. 1	—	1	40	евр. 1	—	1	—	26	—
Продавцы минеральныхъ и растворительныхъ красокъ (ранги бары-фрушъ) . . . .	—	—	—	—	1	30	—	—	—	—	—	—
Продавцы мелочи (лькарства, иголки, смола, бумага, перецъ (оттаръ) . . . .	—	—	—	—	1	30	—	—	1	—	1	40
Продавцы шерсти (джюнь-фрушъ) . . . .	—	—	4	—	4	60	—	—	8	—	8	180
Продавцы войлокъ (компакт.) — на-матъ-фрушъ . . . .	—	—	1	—	1	40	—	—	1	—	1	20
	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	1	30

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.		Общий годовой зароботокъ.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Продавцы мѣшковъ, веревокъ (шаль-фрунзъ).	—	1	—	1	40	—	2	—
Барышники рогатыи скотомъ и шабами (мальджафа).	—	1	—	2	40	—	—	—
Барышники юшадыи (аспъджафа).	—	1	—	1	30	—	1	20
Маклера въ торговыхъ сдѣлкахъ (далламъ).	—	1	—	1	16	—	4	60
Мѣниахъ (сорафъ).	—	—	—	—	—	2	2	80
Ростовщики (сугъхуръ т. е. со-суны).	—	изд.	9	12	18000	—	инд.	60000
Всего . . .	—	118	—	131	22235	—	229	—
						290	74280	

## ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРЕВОЗЧИЯ.

Извозчики на арбахъ (арба-кеши).	—	5	—	5	250	—	2	—	2	50
Извозчики вьючныхъ лошадей (кирокеши).	—	1	—	1	10	—	4	—	4	80
Извозчики вьючныхъ ословъ (ишанчя).	—	5	—	5	135	—	—	—	—	—
Всего . . .	—	11	—	11	395	—	6	—	6	130

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.		Общий годовой зароботокъ.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Приказчики (гунашта).	—	—	2	—	—	2	80	—
Постоянные работники (итымъ).	—	118	—	148	—	148	2960	—
Поденщики (мардекеры).	—	31	—	31	—	480	—	130
Всего . . .	—	181	—	181	—	3520	—	165
						165	—	165
							2460	

КЛАССЪ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ.  
(а)

Проституція (джа-лапъ).	—	—	—	—	—	—	—	—
Мальчики (батчи).	—	5	—	—	8	240	—	4
Музыканты (дой-родосъ).	—	6	—	—	6	60	—	2
Уѣтчики (натабанъ).	—	17	—	—	17	20	—	15
Юродивые (диво-на).	—	2	—	—	2	—	7	—
Нищіе (гадай).	—	6	3	—	9	—	2	10
Общественный по-карь (ошъ-пазъ).	—	1	—	—	1	10	—	2
Царюльники (кор-торашъ).	—	2	—	4	80	—	5	120
Всего . . .	—	42	3	47	410	—	41	45
					330			

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.		Число хозяйствъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.		Общ. число производителей цѣнностей.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Число домовъ, общество зданий, частныхъ завед.								

## б) Администрация—полиція.

Волостной управитель . . . . .	1	1	—	1	700	—	1	—	1	700
Старости (аксабалы) . . . . .	—	1	—	1	150	—	3	—	3	450
Разсыльные (джигиты) . . . . .	—	2	—	2	240	—	2	—	2	240
Поалишатъ (миршабъ) . . . . .	—	1	—	1	240	—	1	—	1	240
Старшины (табгары) . . . . .	—	4	—	4	384	—	5	—	5	480
Всего . . . . .	—	9	—	9	1714	—	12	—	12	2110

## в) Судебный персоналъ.

Судья (казій) . . . . .	—	1	—	1	700	—	1	—	1	2500
Стряпчие (мұфтіи) . . . . .	—	2	—	2	160	—	3	—	3	480
Разсыльные (джигиты) . . . . .	—	2	—	2	180	—	2	—	2	200
Всего . . . . .	—	5	—	5	1040	—	6	—	6	3160

## г) Врачебный персоналъ.

Лѣкарь (тобиѣль) . . . . .	—	2	—	2	130	—	1	—	1	80
Знахари (соткакчи) . . . . .	—	—	1	1ж.	8	—	12	9	27	230
Отчитыватели (а замы-ханы) . . . . .	—	2	—	2	60	—	3	—	3	160
Всего . . . . .	—	4	1	5	218	—	16	9	31	470

Название заводскихъ предпринятий.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество зданий, частныхъ завод.		Число хозяйствъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.		Число хозяйствъ - производителей цѣнностей.	
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Число домовъ, общество зданий, частныхъ завод.								

## д) Воспитательный персоналъ.

Профессоромъ высшихъ школъ (мударисы) . . . . .	—	—	3	—	3	150	—	—	2	—	2	200
Студенты (толибильная). . . . .	—	80	—	80	—	320	—	—	20	—	20	200
Учителей пинзихъ школъ (мектеб-доръ). . . . .	—	6	3	9	—	200	—	—	20	2	22	600
Ученковъ — мектебъ-ханъ . . . . .	—	135	40	175	—	—	—	190	18	206	—	—
Всего . . . . .	—	224	43	267	43 ж.	670	—	232	20	252	1000	—

## е) Погребальный персоналъ.

Омывающиши (мурда-шүй). . . . .	—	—	—	—	—	—	—	5	7	12	50
Плакальщицы (түянда). . . . .	—	—	3	3	6	—	—	—	4	4	8
Молнишки (искотъ-бордоръ). . . . .	—	6	4	10	20	—	—	19	8	27	60
Созыватели гостей (тайкалъ). . . . .	—	—	1	1	6	—	—	3	2	5	12
Подносители поминальныхъ угощений (ходымъ). . . . .	—	—	1	1	3	—	—	10	6	16	36
Могильщики — (түрькау) . . . . .	—	2	—	2	6	—	—	10	—	10	28
Всего . . . . .	—	8	9	17	41	—	—	47	27	74	194

Название заведений и предпринятий.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.				УРГУТЪ.			
	Число домовъ, общество, зданий, частныхъ завед.		Число хозяевъ - производителей цѣнностей.	Общее число производителей цѣнностей.	Общий годовой заработка.	Число домовъ, общество, зданий, частныхъ завед.		Общ. число производителей цѣнностей.
	Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.	Мужч.	Ж.	М.	Рубли.

ж) Духовенство.

Приходской священникъ (памъ) . . . . .	—	15	—	15	300	—	32	—	32	840		
Старшій мулла, священодѣльствующій по пятницамъ (хатъ) . . . . .	—	1	—	1	30	—	5	—	5	150		
Призывателей на молитву мозамъ) . . . . .	—	5	—	5	40	—	11	—	11	120		
Читающихъ на память (корань-карн) . . . . .	—	2	—	2	30	—	4	—	4	40		
Орденскихъ священниковъ (вашаи) . . . . .	—	1	—	1	—	—	3	—	3	—		
<hr/>		Всего . . .		24	—	24	400	—	55	155		
<hr/>		Весь классъ нематер. производителей (а, б, в, г, д, е, ж.) . . . . .		316	56	374	4193	—	409	60	475	8414
<hr/>		Вся промышленность съ классомъ нематер. производителей . . . . .		1175	56	2406	55888	—	2087	97	339097	137742

СКОТОВОДСТВО ВЪ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ <sup>1)</sup>.

Каждому, безъ сомнѣнія, известно, какую важную роль играетъ скотоводство въ земледѣльческомъ хозяйствѣ населения, въ особенности тамъ, где все сельско-хозяйственные операции выполняются живой силой, где парь и шестерня не получили еще своего примѣненія,—тамъ, где земледѣльческая культура не перешла въ высшую фазу своего развитія сложнаго, плодо-перемѣнного сѣвооборота со всѣми признаками интенсивной культуры.

Въ такой земледѣльческой полосѣ, какъ Зеравшанскій округъ, богатство ирригаций котораго поддерживаетъ производительность его на самомъ высокомъ уровнѣ, позволяя собирать мѣстами двойную жатву, скотоводство составляетъ, безъ сомнѣнія, главный рычагъ сельского хозяйства. Насколько оно представляется серьезнымъ факторомъ въ смыслѣ удовлетворенія потребности пахаря, настолько же почти оно сохраняетъ свое значеніе въ другихъ, зависимыхъ отъ первой отрасляхъ хозяйства—и какъ средство въ передвиженіяхъ по торговлѣ, и какъ такой пищевой элементъ, котораго замѣнить нечѣмъ.

Какъ эти, такъ и другія потребности создали изъ скотоводства, въ обширномъ значеніи его, отрасль торговли и промышленности, размѣры которой обусловливаются для каждой данной мѣстности количествомъ предложения и качествомъ его. Такимъ образомъ, скотоводство въ странѣ земледѣльческой со-

1) Напечатано въ 1880 и 1881 гг.  
Лодыгинъ въ Туркестанѣ.

ставляется такое же могучее основание благосостояния народа, какъ и земледѣльческая производительность. На этомъ основаніи изученіе состоянія скотоводства въ краѣ и разысканіе средствъ развитія его въ количественномъ и качественномъ отношеніи заслуживаетъ такого же участія, такой же отзывчивости, какъ и каждая отрасль народного хозяйства.

Если такимъ образомъ въ настоящемъ очеркѣ намъ удастся сгруппировать болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о современномъ положеніи скотоводства въ Самаркандинскомъ отдѣлѣ, объ отличительныхъ качествахъ и недостаткахъ домашняго скота, объ условіяхъ питания и ухода, о значеніи разныхъ видовъ скотоводства въ промышленности и торговлѣ туземнаго населенія Зеравшанской долины, — мы сочтемъ нашу задачу выполненною для общей пользы, такъ какъ положеніе скотоводства въ здѣшней полосѣ находится въ тѣхъ же совершенно условіяхъ, какъ и въ оазисѣ Сыръ-дарьи, какъ и на Аму-дарье.

Прежде чѣмъ говорить, какъ мы ставимъ себѣ программой, о каждой породѣ скота отдѣльно, необходимо пояснить, хотя кратко, тѣ особенности топографическія, климатическія, почвенные и сельско-хозяйственные, которыми въ большей степени обусловливается скотоводческое хозяйство. Начнемъ съ описанія территоріи Самаркандинского отдѣла, съ опредѣленіемъ его границъ.

Сопровождающій отъ ледниковъ Щуровскаго и Зеравшанскаго правый берегъ этой рѣки горный хребетъ, названный, со времени экспедиціи 1870 года генераль-маиора Абрамова, Туркестанскимъ кряжемъ, раздѣляя долины Сыра и дрессиро Согда, опредѣляетъ границу Самаркандинского отдѣла на сѣверѣ, со стороны Джизакскаго района, отрогами невысокой возвышенности Гудунъ-тау (3600 фут.), продолженіе которой, съ отрогами Карака-тау, замыкаетъ долину Зеравшана и на западѣ. Другой горный массивъ, тянущійся по лѣвому берегу и получившій название Зеравшанскаго кряжа, продолженіемъ своимъ, носящимъ также местное название Чашмаобъ, замы-

каеть долину и территорію отдѣла на югъ со стороны Шахрисиабскаго бекства, бухарскихъ владѣній и Катта-курганскаго отдѣла, въ которомъ граница самаркандинская проходитъ отъ Кондогоръ-тюпѣ на почтовомъ трактѣ къ Джаму, а отсюда подножiemъ Чашмаобъ и далѣе близъ Карагюбе на Китабскомъ трактѣ. На востокѣ, со стороны Пенджекентскаго района (нагорныхъ тюмени), граница отдѣла обозначается крайними селеніями: Джума-базаръ (ю.-в.), Гульба, Форманъ-тюпѣ и Чуанъ-тюпѣ.

Этимъ орографическимъ очертаніемъ часть Зеравшанской долины, занятая территоріей Самаркандинского отдѣла, представляетъ собою котловину, возвышающуюся надъ уровнемъ моря на 1600 футовъ и имѣющу простиженія экваторіального до 80 верстъ, меридіального до 70 верстъ.

Вся площадь котловины, занимая пространство 4000 кв. верстъ, открыта для господствующихъ вѣтровъ: сѣвернаго — изъ ущелья Джиланъ-ута (открытое къ Голодной степи) и восточнаго — изъ тѣснинъ Фолтара, которою начинается двухсотверстное ущелье Зеравшана.

Кромѣ Зеравшана, главной оросительной артеріи, прорѣзывающей всю территорію отдѣла посредствомъ сорокамагистральныхъ каналовъ (арыковъ), для водоснабженія служатъ также и небольшіе ручьи, вытекающіе изъ горъ, на западѣ: Даніаръ-булакъ, Норкуль, Учагать, Бадамгали, Табакъ-булакъ, Комычлаклы, Холь-бекъ, Кызылъ, Тулали, Ташбулакъ, Кульмеръ-булакъ, Турибулакъ, Кувандыкъ, Курбанзауръ, Тохторъ, Хантбай, Нуръ, Болыкши-кара-ташъ; на югѣ: Алты-булакъ, Тулганъ-булакъ, Карагай-булакъ, Казакъ-булакъ, Ташкарбай-булакъ, Иигичке-булакъ, Тутли-булакъ, Кудукча-булакъ, Саукъ-булакъ, Шигауль-булакъ, Терсь-булакъ, Анжирли-булакъ, Ибрагимъ-ата-булакъ, Ишанъ-булакъ, Башъ-булакъ, Илансай-булакъ, Санги-булакъ, Чалъ-ата-булакъ, Талъ-булакъ, Кипакуль-булакъ, Кутуръ-булакъ, Табакъ-булакъ; на сѣверѣ: Акташъ-булакъ, Кутчи-сай-булакъ, Алмалы-булакъ, Алкарташъ-булакъ, Усматъ-булакъ, Бурласъ-булакъ, Ташъ-булакъ, Шуръ-булакъ,

Курукъ-булакъ, Майда-булакъ, Янбашъ-булакъ, Мухамедъ-Назаръ-булакъ, Бахты-гуль-булакъ, Джидали-булакъ.

Такъ какъ Зеравшанъ снабжаетъ орошениемъ всю Зеравшанскую долину съ значительной частью Бухарского ханства, то удѣляемаго имъ, а также и перечисленными горными источниками (чашма-су), количества воды далеко оказывается недостаточно для необходимаго, по условіямъ интенсивного хозяйства, орошения всей площади, занимаемой территорію отдѣла. Такой недостатокъ—искусственного орошения обозначается весьма рельефно пустынностью окраинъ отдѣла—съверной, западной и южной, занятыхъ незначительнымъ числомъ узбекскихъ осѣдлостей, живущихъ на счетъ дождевого орошения для посѣвовъ яровыхъ (богары, ляльми) и скотоводства, которому благопріятствуетъ и близость горъ, и типичная пустынность степного характера съ обильными травами, но безъ всякой древесной растительности.

Зато центральная часть отдѣла, занятая также узбекскимъ населеніемъ 22,485 дворовъ волостей Тюя-таргарской, Челекской, Дюрткульской, Яныкурганской, Шахабской, Джой-диванинской, Дагитской, Ишимъ-аксакской, Кабутской, Хальваниской, Махалинской, Сіобской, частью Ангарской и Даульской, вымѣщаетъ на своемъ обильномъ искусственномъ орошении такую богатую земледѣльческую культуру, что для скотоводства въ ней положительно иѣтъ мѣста.

Въ этомъ оазисѣ, богатомъ разнообразіемъ засѣваемыхъ хлѣбовъ, подъ влияніемъ жаркаго климата съ лѣтнимъ горьмъ-сіемъ (горячій вѣтеръ), умѣряющимся растительной полосою, съ суглинистою и мѣстами мергелевою почвою, земледѣліе заняло все пространство, способное принять какой бы то ни было посѣвъ или древесное насажденіе.

Въ этой островной части долины, занятой 250,000 ташаповъ богато воздѣлannой земли, остающейся съ очень давнихъ временъ въ частномъ владѣліи, для скотоводства остались только незначительные клочки выгоновъ (подаятанъ), имѣющиеся при каждомъ почти селеніи, осталась ничтожная пло-

щадь въ 130 ташаповъ приблизительно, побережья камышевыхъ озеръ Дортъ-куль, Кули-могіянъ, Ванъ, Лачиг, да узень-кія полоски доступной для скота пастьбы по берегамъ арыковъ.

Условія пользованія пастищами таковы, что выгоны изъ неудобной къ обработкѣ водообильной (вахъ) земли состоять на общинномъ правѣ каждого селенія; побережье озеръ пользуются, исконымъ правомъ, ближайшиe киплаки, а пастьбищами по арыкамъ довольствуются тѣ селенія, у которыхъ земледѣліе поглотило, съ общаго согласія, даже скучные выгоны.

Если отмытить еще, что, по мѣрѣ уборки хлѣба въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ, скотъ выгоняется на освободившіяся отъ жатвы поля, а лошади выпускаются нѣкоторыми хозяевами въ сады и рощицы (чакалокъ) съ весьма слабой пастью, то этимъ и ограничиваются крайне ничтожные размѣры площадей подножнаго корма, съ весьма небольшимъ разнообразіемъ травъ, имѣющихъ у туземцевъ слѣдующія на-званія и распределенія:

а) для рогатаго скота: лола-кизакъ, шури, бугдоакъ, адженикъ, когора, соукъ-кувокъ, камгакъ, лота-хоръ, вошвоши, шудино, хорхоръ, бутрокъ, гуль-хойри; б) для лошадей: адженикъ, бугдоакъ, соукъ-кувокъ, кунакъ; в) для верблюдовъ: коррокъ, янтақъ, исмалакъ, читеръ, кокро, шура, камгакъ; г) для овецъ: чатыръ, исмалакъ, куррокъ, шивакъ, коррокъ, кизъ-кулакъ, ляля-кизакъ, акъ-чипоръ, тарантъ, ривачъ, акъ-башъ, бурганъ, саганъ, акъ-куиро, джузганъ, балыгъ-кузы, тортманъ, кошка-ситаки.

Конечно, этихъ кормовыхъ средствъ, не всегда одинаково обильныхъ вслѣдствіе бездождей, было бы весьма недостаточно и на самое ограниченное количество скота, если бы подспорье не служили случайнага пастища, какъ паръ (шудгоръ), живые и также искусственное трансъяніе клевера (біда), поздней джугары (кукбошъ). Но размѣры трансъянія въ Зеравшанской долинѣ, почти поксюлу, соображены не столько

съ потребностью для скотоводческихъ цѣлей, сколько какъ существенная потребность въ съвооборотѣ, увеличивающая размѣръ ренты.

Словомъ, собственно территорія Самаркандекаго отдѣла, та котловина, границы которой опредѣлены нами выше, представляеть такую бѣдность кормовыхъ средствъ, при которой скотоводство возможно въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, съ самимъ стѣснительнымъ выборомъ породы скота. Естественно, что при такихъ условіяхъ скотоводство является уже не какъ средство промысловое въ торговлѣ, въ эксплуатациі, а только какъ подспорье въ хозяйствѣ, опредѣляющее самое узкое назначеніе каждому виду скота. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что подъ вліяніемъ такихъ естественныхъ условій здѣсь нѣть ни крупныхъ скотовладѣльцевъ, ни коннозаводчиковъ, ни верблюодержателей; здѣсь мало и овцеводовъ, встрѣчающихся только между узбеками по окраинамъ отдѣла, замыкающимъ котловину горами, въ которыхъ и дѣржать почти круглый годъ небольшія стада барановъ. Однако, и эта отрасль скотоводства не имѣеть того разработанного широкаго промысловаго значенія, какимъ оно представляется у кочевниковъ, у такихъ землевладѣльцевъ (Ургутъ, Фарабъ, Магіянъ, Кштутъ), которые, имѣя возможность пользоваться пастбищами въ дальнихъ зеравшанскихъ горахъ, а зимою въ долинѣ Сыръ-дары, ведутъ дѣло изъ года въ годъ съ оборотами въ иѣсколько тысячи.

Точно также и разведеніе верблюдовъ стоитъ въ самомъ ограниченномъ количественномъ размѣрѣ, въ самомъ узкомъ примѣненіи этихъ прекрасныхъ животныхъ преимущественно для цѣлей хозяйственныхъ, да изрѣдка для перевозки тяжестей не далѣе Карши, откуда верблюдохозяева привозятъ на продажу соль. Точно также, какъ и овцеводство, верблюдовоѣство ограничивается ничтожнымъ пространствомъ въ тѣхъ окраинахъ на западѣ (волости Челекская, Хоча-мукурская), на сѣверѣ (волость Осматъ-кагартальская), на югѣ (волости Даульская, Ангарская), гдѣ, при слабой сравнительно культурѣ земледѣльческой, встрѣчаются безводные пустыри (халы), поросліе

колоючкой (янтакъ), травами исмалокъ, кокра и другими необходимыми пищевыми ингридиентами верблюда.

Если лѣтомъ, во время уборки хлѣбовъ, встрѣчаются верблюды и на культурномъ островѣ Акъ-корын-дары, то это никакъ не мѣстная животныя, а принадлежащиа преимущественно бухарцамъ, которые являются сюда каждогодно въ періодъ уборки хлѣба, зарабатывая въ день съ однимъ верблюдомъ 40 коп.

Всѣхъ верблюдовъ въ отдѣлѣ насчитывается только до 1000 штукъ, а потому мы и не станемъ говорить объ этомъ животномъ подробностями. Отмѣтимъ только самая общія достовѣрныя свѣдѣнія.

Преобладающаа здѣсь порода верблюдовъ — одногорбые, рослы, ширококостные, курчаво-коротко-шерстные нары, поднимающіе 16 пудовъ караванной тяжести. Верблюженокъ-наръ, оставаясь при матери неотлучно до двухлѣтняго возраста, съ этого времени получаетъ общее название — буталокъ и начинаетъ работать, выдерживая въ пятилѣтнемъ возрастѣ тяжести до 12-ти пудовъ.

Зимою животное, кроме полевого корма, получаетъ еще съ вечера саманъ (измельченная пшеничная или ячменная солома), довольствуясь жвачкою (каушанъ) на цѣлую ночь, когда ихъ укладываютъ, окутывая въ холодное время въ войлочные попоны (джигазъ).

Здѣшній наръ, требуя заботливаго ухода на мѣстѣ и въ пути, способенъ оставаться лѣтомъ безъ водопоя не дольше трехъ сутокъ, способенъ, при нормальныхъ условіяхъ содержания и передвиженія, проходить въ день съ 12 часовъ утра до 5 часовъ вечера, безъ приваловъ, обыкновеннымъ караваннымъ ходомъ, до 18 верстъ.<sup>1)</sup>.

При нормальныхъ условіяхъ воспитанія, содержанія и экс-

<sup>1)</sup>) Распорядокъ движений каравана обыкновенно такой: съ 2 часовъ ночи до 7 часовъ утра проходятъ 24 версты; давъ затѣмъ пятичасовой отдыхъ, плутъ съ погони до 5 часовъ вечера 16 верстъ, т.-е. проходятъ въ сутки 40 верстъ (1 монзоль).

плуатациі, наръ живеть среднимъ числомъ до 20 лѣтъ, при чмъ самка даетъ за этотъ періодъ приплодъ въ 5 штукъ. Стоимость лучшаго, среднихъ лѣтъ, нара-самца 90—120 руб., самки 60—80 руб.

Немного мы скажемъ здѣсь и объ ишакахъ (ослы), которыхъ насчитывается въ отдалѣ до 7000 штукъ.

Маленькое выючное животное это, при своей способности подымать почти такія же тяжести (въ шесть пудовъ), какія подымаетъ и лошадь, издавна получило въ хозяйствѣ земледѣльца такое универсальное примѣненіе, которое отводить ему даже больше дѣла, чѣмъ остальнымъ выючнымъ животнымъ, и приземистый, длинноухій, тонкокопытный ишакъ, съ такою же терпѣливостью къ пинкамъ своего обладателя, съ такимъ же стойческимъ нахмуреннымъ усердiemъ тащится изъ Бухары въ Оренбургъ, съ какимъ карабкается подъ тяжестью въ пять пудовъ по скалистымъ сѣжнымъ переваламъ Зеравшанскихъ горъ.

Вездѣ почти въ здѣшней полосѣ, какъ горной, такъ и равнинной, ишакъ одинъ и тотъ же. Ростъ его отъ холки 1 арш. 8 верш., длина отъ холки до рѣшицы 1 арш. 6 верш., въ обхватѣ по животу 2 арш.<sup>1)</sup>). Голова несообразно велика, скрулиста, хвостъ пропорціональный, цвѣтъ шерсти—мышистый съ крестообразными черными полосами на хребтѣ; рѣдко цвѣтъ шерсти черный, еще рѣже бѣлый, столь высоко почему-то цѣнныи сартами. Замѣчательно терпѣливое животное это, служа исключительно какъ средство передвиженія и подъема тяжестей, имѣется у каждого почти землевладѣльца, рѣдко и у совершенно безземельныхъ, промышляющихъ однимъ лишь тиричилыкомъ, то-есть прозябаніемъ.

Туземецъ находить выгоднымъ для себя держать ишака, потому что онъ дешевъ (8—15 р.), потому что достаточно долговѣченъ (средняя продолжительность жизни 14 лѣтъ), а главное потому, что, при ничтожномъ уходѣ и пищепотребленіи, онъ работаетъ не меныше лошади, и при способности оsta-

1) Не мало встречается ишаковъ роста 1 арш. 15 верш.

ваться лѣтомъ безъ воды 2 дня, проходить съ караваномъ 40 верстъ въ 11 дневныхъ часовъ времени.

Ишакъ немногимъ довольствуется: онъ получаетъ въ сутки зимою у хорошихъ хозяевъ до 15-ти фунтовъ саману, до трехъ фунтовъ ячменя и никакой подстилки, никакой покрышки, кроме плоскихъ подковъ для продолжительной горной ходьбы.

Съ трехлѣтняго возраста ишакъ поступаетъ уже въ работу, сначала таская уличныхъ ребятишекъ, а затѣмъ выдерживая на своемъ острокостномъ хребтѣ тяжесть до шести пудовъ.

При полной ненаблюдательности туземцевъ за случкою домашнихъ животныхъ, кроме лошадей, ишаки вступаютъ въ нее съ трехлѣтняго возраста и самка способна принести въ свой вѣкъ до 12-ти штукъ полезного потомства.

Если мы еще скажемъ, что такъ-называемые мулы-хачи<sup>2)</sup>—метисы отъ кобылы и осла встречаются вообще въ Зеравшанскомъ оазисѣ весьма рѣдко, цѣнностью не дешевле 120 р., то этимъ мы и покончимъ съ домашними выючными животными, существующими у туземцевъ.

Выше было сказано, что успѣхъ той или другой отрасли скотоводства существенно обусловливается прежде всего мучими факторами природы вообще (климатъ, почва) и количествомъ кормовыхъ средствъ въ данной странѣ въ особенности. По отношенію къ Зеравшанской долинѣ мы и видимъ, напримѣръ, что скотъ горный, пользующійся прекрасной пастбой въ теченіе всего лѣта, имѣющій сухой травяной кормъ и въ пятимѣсячный зимний періодъ, значительно выдается своими лучшими качествами типичности, бодрости и тѣми особенностями вообще, которыя дѣлаютъ его сравнительно продуктивнымъ. Каждому наблюдателю, присмотрѣвшемуся къ рогатому скоту въ долинѣ, наружность скота горнаго представляется несравненно привлекательнѣе и общимъ типомъ, и однообразіемъ масти черной, бурой, рыжей, сѣрой.

А между тѣмъ для специалиста породы скота горнаго и скота долины кажутся одинаковыми, происшедшими, какъ при-

знаетъ профессоръ Чернопятовъ, отъ помѣси крупнаго рогатаго скота съ породою зебу (*Bos indiens*), распространеною въ долинѣ Сыръ-дары. Естественно, что при совершенно одинаковыхъ примитивныхъ условіяхъ воспитанія скота, ухода за нимъ, безъ малѣйшихъ стремлений у туземцевъ къ улучшенню породы подборомъ и другими заботами, горный скотъ выработалъ въ себѣ лучшія качества единственно вліяніемъ природы. Скучна природа долины, поддерживающей растительную жизнь однимъ лишь искусственнымъ орошеніемъ, едва достаточнымъ для земледѣльства, и нѣтъ въ ней условій для лучшаго скотоводства, нѣтъ въ долинѣ и хорошаго рогатаго скота, ибо пастбища — главное для него средство. Въ долинѣ же пастбищными выгонами для рогатаго скота служать мѣста окончательно неудобныя для земледѣлья, — мѣста, на которыхъ, по условіямъ жаркаго, сухого климата, кое-какая рѣдкая низкая трава держится только до половины мая мѣсяца; оставшейся четырехмѣсячный періодъ лѣта, до снятія жатвы, несчастный скотъ понуро-бродить за нѣсколько верстъ отъ своихъ селеній положительно впроголодь, не получая ни стебля клевера или соломы отъ своихъ хозяевъ и по возвращеніи съ поля. Только въ течеіи четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ туземцы какъ будто-бы проявляютъ яѣкоторую заботливость о рогатомъ скотѣ, ровно настолько, насколько требуется для поддержанія существованія бѣднаго животнаго, получающаго въ теченіе года общую кормовую дачу по крайней мѣрѣ на половину менѣе нормальной дачи.

Смотря на скотъ только какъ на рабочую силу, какъ на средство для получения навоза, туземцы вовсе не озабочиваются не только объ улучшенніи породы для получения большей продуктивности (молочность, сыровареніе), но и о поддержаніи силь животныхъ — своихъ, такъ-сказать, кормильцевъ и полевой работой, и молокомъ, и мясомъ. Держится быкъ или корова на погахъ — ладно, хозяинъ не впремлеть реву животнаго, не подбросить ему болыпе корму, сколько обыкновенно дается, не подстелеть ему соломы па зиму, не удѣлить ему

въ своемъ дворѣ особый загонъ, какъ то дѣлаютъ горные туземцы. Хозяйкѣ все равно — сколько ни дастъ корова молока, все равно — когда, съ какихъ лѣтъ она должна отходить съ быкомъ (паубость). Пять-шесть какихъ-нибудь штуки рогатаго скота даютъ навозъ для удобренія полей, для приготовленія кизеку-топлива, — этого туземецъ считаетъ достаточно для себя. Только лишь рабочіе кастрированные быки (гукузъ) пользуются нѣкоторымъ вниманіемъ со стороны своихъ владѣльцевъ, но и то передъ рабочей порой, чтобы не отстать обработкой поля, уборкой жнива; и въ остальное время ихъ житѣе — та же голодовка, та же зависимость желудка отъ весеннихъ травъ, отъ количества остатковъ на поляхъ послѣ уборки хлѣбовъ, то есть отъ такихъ условій, которыхъ далеко не всегда одинаковы, какъ зависимыя отъ количества весеннихъ дождей, отъ степени полевой урожайности.

Прежде чѣмъ говорить о порядкѣ содержанія туземцами рогатаго скота, о кормленіи его въ зимній періодъ, когда хозяевамъ приходится выгонять скотъ со двора только для прогулка, необходимо вспомнить общеподмѣченные выводы по вопросу о нормальному питаніи животныхъ.

Специалисты говорятъ, что для правильного хода процесса пищеваренія необходимо, чтобы суточная порція корма имѣла объемъ, соотвѣтствіиый выѣстимости органовъ пищеваренія, такъ что изъ опыта среднее количество сухого вещества въ кормѣ должно равняться  $\frac{1}{4}$  части живого вѣса животнаго, причемъ питательныя вещества азотныя (бѣлковыя) и безъ-азотныя должны бы быть въ равныхъ отношеніяхъ. Для соблюденія такой нормы питанія требовалось бы отпускать въ сутки обыкновенной коровѣ, при живомъ вѣсѣ въ 300 фунтовъ, около 35 фунтовъ саману или 25 фунтовъ клевера и 5 фунтовъ льняныхъ жмыховъ. Въ дѣйствительности же, туземная корова получаетъ всего-на-всего 10 фунтовъ пшеничной или ячменной мякины (саманъ) — и больше ничего, кроме прогулки по улицамъ, ил. садикахъ, гдѣ бѣдное животное набирается,

ваетъ себѣ желудокъ древесными листьями, да обгладываніемъ коры, чтò не всѣ хозяева позволяютъ.

Принявъ, на основаніи сдѣланныхъ нами опредѣленій, живой вѣсъ здѣшней семилѣтней коровы въ 680 фунтовъ, находимъ, что она получаетъ на  $\frac{3}{4}$  менѣе того, сколько ей требуется для укрощенія голода.

Рабочіе быки вѣсколько въ лучшихъ условіяхъ: имъ выдается зимою въ сутки около 20 фунтовъ сїману и до шести фунтовъ льняныхъ жмыхъ (кунджала); но все же эта дача далеко не нормальная для животнаго, имѣющаго живой вѣсъ въ 900 фунтовъ.

При такомъ печальномъ содержаніи скота, можетъ ли быть какой-нибудь вопросъ о его типичности, о его породистости, объ улучшеніи, какъ нѣкоторые теоретики задаются, этой отрасли народнаго хозяйства?

По неимѣнію кормовъ, бѣднотѣ, малоземелію, здѣшняя корова, здѣшній быкъ останется съ тѣми же поразительными недостатками, съ какими мы ихъ застали прия въ край, съ какими мы ихъ встрѣчаемъ теперь. Никакое усердіе и помышленіе объ образцово-превосходныхъ породахъ скота не въ состояніи измѣнить и упрочить типъ здѣшняго рогатаго скота нацерекоръ фактамъ природы, нами отмѣченнымъ и всѣмъ, конечно, видимымъ. Пока физическая и климатическая условия останутся тѣми же, каковы они теперь, пока недостатокъ травяного и сухого корма будетъ также ощущителенъ какъ въ настоящее время, до тѣхъ поръ рогатый скотъ будетъ оставаться въ томъ же жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ теперь, съ тѣми же уродливостями и недостатками продуктивности, какія выдѣляютъ его даже предъ туземнымъ горнымъ скотомъ.

Отличительныя, бросающіяся въ глаза, наружныя формы туземныхъ коровъ долины, это—угловатость костнаго скелета, вызываемая торчащими изъ-подъ кожи костями, отвислость брюха, заостренность спины и малость вѣса, недостатокъ пропорциональности въ частяхъ, доходящій до видимой уродливости, тощій, изнуренный видъ, взъерошенная шерсть, порази-

тельно разнообразная масть съ преобладаніемъ пестроты, печальный взглядъ, слезящіеся глаза, шаткая походка. Характеристические признаки черепа слѣдующіе: лобъ значительно длиннѣе своей ширинѣ, между глазными впадинами онъ сильно вдавленъ; начиная отъ уровня верхнихъ частей глазныхъ впадинъ, по шву лобныхъ частей идетъ возвышеніе, которое, по мѣрѣ приближенія къ макушечному гребню, постепенно дѣлается шире и выше, опускаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ обѣ противоположныя стороны вогнутыми плоскостями. У макушечнаго гребня средина лба значительно выдается впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно опускается съ обѣихъ сторонъ вогнутыми плоскостями къ основацію роговъ и вискамъ. Надглазныя борозды у выходныхъ отверстій артеріи весьма глубоки и узки, но къ носовымъ костямъ сказанныя борозды быстро расширяются, дѣлаясь вмѣстѣ съ тѣмъ все мельче и мельче, такъ что ихъ почти совсѣмъ не замѣтно у шва лобныхъ костей съ носовыми. Рога сидятъ на шероховатыхъ удлиненіяхъ лобныхъ костей. Роговые стержни, имѣя почти круглую форму, при выходѣ своемъ отъ удлиненій лобныхъ костей, расходятся въ обѣ стороны, постепенно поднимаясь надъ макушечнымъ гребнемъ и мало-по-малу загибаясь впередъ. Рога короткіе, съ тонкими концами, слегка загнутыми впередъ. Беззубая передняя часть нижней челости вѣсколько длиннѣе ряда коренныхъ зубовъ. Задняя беззубая часть нижней челости короче передней. Коренные зубы длины и узки <sup>1)</sup>.

Таковъ типъ здѣшняго рогатаго скота по описаніямъ специалистовъ, типъ очень непригодный для коровъ вообще и достаточно сносный для рабочихъ быковъ, оставляемыхъ изъ лучшихъ телятъ и содержащихъ въ лучшихъ сравнительно условіяхъ.

<sup>1)</sup> Это описание черепа сдѣлано профессоромъ Чернопятовымъ по тѣмъ экземплярамъ череповъ, которые доставлены были изъ Туркестанскаго края въ Москву А. П. Федченко. Размѣры черепа коровы изъ Самарканда такие: длина черепа—87 сант., длина лба—18 сант., длина язвцевыхъ костей—24 сант., длина ряда коренныхъ зубовъ—12 сант., длина черепа по горизонтали—42 сант.; ширина лба напбоушиа—15 $\frac{1}{2}$  сант., длина лба напицнапа—13 сант.

У хорошихъ хозяевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ (дикондоръ) встречаются быки и крупного склада и рѣзко типичной наружности, съ короткими расходящимися рогами; у такихъ быковъ голова легкая, глаза большие съ кроткимъ выражениемъ, затылокъ хорошо развитый, шея средней длины съ широкимъ гребнемъ и мало развитымъ подгрудкомъ, холка широкая; спина прямая, широкая; крестецъ достаточно длинный, полный, мускулистый; хвостъ присаженъ довольно высоко; грудь глубокая; плечи правильные; переднія ноги широко поставлены; реберный сводъ крутой; шерсть короткая, блестящая, плотно прилегающая къ тѣлу; преобладающая масть черная, безъ отмѣтъ. Всѣ такихъ быковъ 1200 фунтовъ; размѣры ихъ: отъ холки до начала хвоста 1 арш. 15 верш., подпруга кругомъ туловища 3 арш. 2 верш., вышина отъ холки до земли 2 арш. 1 верш. Такихъ быковъ встречается однако не много въ зѣшиной долинѣ, куда они попадаютъ умѣльмъ выборомъ или изъ горного скота или же изъ степного киргизского скота, имѣющаго вѣсколько лучшія качества и продуктивность, чѣмъ скотъ сартовской.

Хотя осѣдлые туземцы и пріурочили для рогатаго скота названія по возрасту: однолѣтній теленокъ — кусоля бузоу, двухлѣтній — тана, трехлѣтній — инекъ: корова, гукузъ быкъ, но скотъ ихъ имѣеть такой видъ, что часто трехлѣтняго тана можно принять за бузоу и никогда за инека, преобладающей ростъ которыхъ 1 арш. 11 верш.

Въ полной зависимости отъ описанныхъ морфологическихъ недостатковъ, отъ недостатка корма, отъ предоставления случки животныхъ случаю, отъ обращенія вообще туземцами рогатаго скота въ средство унавоживаться и отапливаться, отъ всѣхъ исключенныхъ условій, зависить и малая продуктивность зѣшняго скота. Въ сутки корова даетъ въ два удоя, утромъ и вечеромъ, до 10 фунтовъ молока, сохраняя удойность 6—7 мѣсяцевъ въ году; однолѣтній теленокъ даетъ 70 фунтовъ мяса; быкъ, оканчивающій свою рабочую службу въ 16 лѣтъ (съ 4-хъ лѣтъ) и поступая затѣмъ на бойни, даетъ тушу въ 460

фунтовъ = 23 р., голова и ноги 2 р. = 1 р., кожа 4 р., всего 28 руб.

Это, конечно, далеко не та продуктивность, какую даетъ европейскій скотъ, наприм. корова аульгоусская — 170 ведерь въ годъ молока, крестьянская корова тверская, тульская — отъ 100 до 150 ведерь молока и до трехъ пудовъ масла въ годъ. Зато тамъ, въ барскихъ имѣніяхъ, годовое воспитаніе теленка обходится въ 70 руб. до году, въ 180 р. до трехъ лѣтъ, а коровы такого воспитанія продаются по 300—400 рублей<sup>1)</sup>.

Ясно, что при условіяхъ слабаго спроса въ краѣ на молочные продукты, слабаго потребленія скотскаго мяса, почти одними только русскими и бѣдняками-туземцами, нечего и ожидать, что туземцы когда-нибудь примутся за улучшеніе этихъ домашнихъ животныхъ правильнымъ воспитаніемъ, которое вѣдь инстинктомъ и не дается, а требуетъ все-таки зпній. Когда эти знанія установятся, когда съ проведеніемъ желѣзного пути, потребность въ продуктахъ зѣшняго сельскаго хозяйства откроется хотя для ближайшаго запада, тогда

) Въѣсто параллельнаго вычислениіи ипточной стоимости содержанія у туземцевъ телятъ и коровъ, скажемъ, что посторонней издержкой является только плата 60 коп. съ каждой головы рогатаго скота пастуху (падаю) за шестимѣсячный лѣтний періодъ. Для русскаго населенія Симарканда, содержащаго въ своемъ убогомъ хозяйствѣ коровъ съ тою же пѣбрежностью, какъ и туземцы, затраты на пастуха въ теченіи лѣта обходится 4 рубли съ коровы, единствено по неумѣнію освободиться отъ эксплуатации, сказывающейся также и на животныхъ, оставляемыхъ пастухами па самихъ неудобныхъ, ближайшихъ къ городу мѣстахъ. Наші хозяйки, почивающіе обыкновенно до восьми часовъ и гораздо позже, нисколько не озабочиваются выпускать коровъ со двора раннимъ утромъ и совершенно также покойны увѣренностью, что бѣдныя животныя бѣгутъ къ семи часамъ съ поля сытна. Неудивительно, что мы и платимъ за нашу неумѣость холопничать безспыльнымъ протестомъ мясникамъ, продающимъ намъ по 2 р. 40 к. за пудъ мясо отъ старыхъ, тощихъ, негодныхъ уже къ работѣ быковъ. Пѣбрежность, такъ же, несомнѣна, что русское населеніе не можетъ бороться съ туземными мясниками, даже такими простыми и обязательными казалось бы. средствомъ, какъ освѣдѣтельствованіе всякой разъ скота, отправляемаго на бойни. Мясники благодушествуютъ, конечно, заработывая огромные барышы поставкою мяса въ войска и городскому люду. Чтобы наше заключеніе не показалось голословнымъ, allow читателямъ сдѣлать, опознѣть достовѣрный, точный разсчетъ: съ быка, стоимостью мяснику 10 рублей, получается въ продажѣ мяса 11 пудовъ—26 р., голова и внутренности (ичкома) — 1 р., шкура—1 р., всего — 31 р. при чистой выручки, за вычетомъ 1 р. расхода, 20 рублей съ одной штуки.

степной киргизской и горный скотъ начнетъ улучшаться въ своихъ качествахъ, а скотъ долины Зеравшана все же остается тѣмъ же жалкимъ скотомъ, какимъ мы видимъ его теперь.

Отложимъ, слѣдовательно, напу щедрую платоническую заботливость объ улучшениіи того, что не поддается улучшению по условіямъ природы, и ограничимся спокойнымъ соверџаніемъ примѣненія циркуляровъ къ поддержанію чистоты въ мясныхъ лавочкахъ, гдѣ правила практикуются пока очень и очень не-врачно, наводя на размышеніе по вопросамъ: что полезнѣе—оставлять мясо преждевременно разлагаться подъ грязнымъ сартовскимъ халатомъ, который нисколько не защищаетъ отъ мухъ и пыли, или же держать его по-прежнему открытымъ для провѣтриванія. Если мы желаемъ постѣдовательности и настойчивости въ проведениі для туземцевъ разныхъ заботливыхъ мѣръ, ласкающихъ нашъ глазъ, такие вопросы далеко не лишніе, и мы намѣтили ихъ, чтобы закончить съ рогатымъ скотомъ и побесѣдовать затѣмъ о другихъ домашнихъ животныхъ.

Ни одна отрасль скотоводческой промышленности не сосредоточиваетъ на себѣ столько стносительного вниманія, столько заботъ и труда, какъ овцеводство. Можно сказать, что это единственный видъ промышленности, заставляющій предпринимателей напрягать все внимание и стараніе къ удержанію его на той степени развитія, съ которой только и возможно получение значительныхъ прибылей, какими въ дѣйствительности и пользуются изучивши это дѣло туземцы. Для Зеравшанской долины это именно та промышленность, на которой совершаются самые большие обороты (Ургутъ, Магіанъ, Кштутъ), для туземцевъ долины это—самое оживляющее, ажіотирующее занятіе, такъ какъ оно обогащаетъ старателевыхъ и совершенно сразу разоряетъ начинающихъ безъ подготовки и мало заботливыхъ. Примѣровъ сдѣланному опредѣленію мы приводить не станемъ, но скажемъ, что нашему наблюденію не мало представлялось фактовъ быстрого обогащенія въ два-три года, не мало представлялось и случаевъ совершенного разоренія въ

одну суровую зиму, когда непредусмотрительность того или другого хозяина-промышленника оставляла этотъ скотъ въ степи, такъ-сказать, на авось, въ надеждѣ на милость Божію.

Такъ какъ наши цифры, имѣющіяся въ виду для общей сводки, въ концѣ статьи, данныхъ о скотоводствѣ, касаются только Самаркандскаго отдѣла,—объ Ургутѣ же съ Магіаномъ и Кштутомъ, административнаго нагорнаго района, упоминается вскользь,—то мы и не можемъ дать здѣсь подтверждающаго вышесказанное цифроваго вывода для всего Зеравшанскаго округа; но должно сослаться на таблицу въ „Туркестанскомъ Ежегоднике“ за 1879 годъ, въ которой годовой доходъ овцеводствѣ одного Ургута вычисленъ въ 7000 рублей. Полагаемъ, на основаніи тщательнаго изученія нами этого дѣла, что приведенная цифра нисколько не преувеличена, и что на долю каждого ургутскаго овцевода приходится среднимъ около 3000 рублей чистаго дохода, а это для туземца считается значительнымъ заработкомъ. Размѣръ оборотовъ этой промышленности въ нагорномъ районѣ для насъ еще точнѣе уяснится, если скажемъ, что взятая изъ „Ежегодника“ цифра, какъ намъ известно, относится къ тому году, когда, вслѣдствіе разныхъ причинъ, четыре большихъ промышленника-туземца потеряли значительную часть своего огромнаго состоянія, присоединившаго имъ отъ овцеводства до 1000 р. годового дохода.

Если сдѣланное въ началѣ этой замѣтки опредѣленіе представить для кого-нибудь вопросъ: что сдѣлано туземцами для усовершенствованія овцеводства, то намъ придется отвѣтить, что сдѣлано ими то, что позволяла сдѣлать природа со своими скучными климатическими и физическими условіями вообще. Въ самомъ дѣлѣ, слышать упрекъ туземцамъ, почему они держать исключительно киргизскую-курдючную овцу, а не какую-нибудь мериновскую, электораль или негрета, было бы также странно, какъ и услышать удивленіе, почему въ Иркутскѣ не существуетъ шелководства. Мы этимъ высказали достаточно, чтобы увѣритъ сомнѣвающихся, что въ здѣшнемъ краѣ единственно возможны породы овецъ киргизская-курдючная и ка-  
досугъ въ туркестанѣ.

ракульская (арабская коротко-хвостая), не существующая, впрочемъ, въ Самаркандскомъ отдѣлѣ. Обѣ эти породы овецъ прекрасно выносятъ климатъ, довольствуются скучнымъ въ зимнее время подножнымъ кормомъ, чрезвычайно быстро откармливаются въ теченіи лѣта и даютъ такие продукты, которые покрываютъ всѣ потребности мѣстного населенія, удовлетворяютъ и широкому спросу ближайшаго запада на каракульскую мерлушки. Надо жаловать, следовательно, чтобы здѣсь держались именно эти двѣ породы овецъ, дающія такія разнообразныя произведенія: шубы, войлокъ, шерстяныя ткани, мѣшки, арбаны и продукты: мясо, сало, молоко и хорошее удобрение для полей. Мы именно желаемъ здѣшнему овцеводству полнѣйшаго *status quo*, определяя и условия совершиенной невозможности ввести сюда южно-европейскія породы овецъ, и ту громадную пользу, которая поддерживаетъ жизненное и материальное существованіе всего средне-азіатскаго люда, не напрасно воздающаго щедрыя жертвоприношенія баранами, а не другими домашними животными, какъ ошибочно было декоратировано на „могилѣ самарканского воина“ (московская антропологическая выставка въ 1879 г.): съ неправильнымъ толкованіемъ, что „лошадиная голова выставляется (никогда не выставляется, смыть увѣрить) какъ эмблема обозначенія, что лошадь — неразлучный спутникъ войны“.

Занимаясь изслѣдованіемъ современнаго состоянія овцеводства только лишь въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, намъ и не придется говорить съ подробностями о породѣ овецъ каракульской, существующей въ южной части Зеравшанскаго округа и въ Бухарскихъ бекствахъ; но мы отмѣтимъ, что эта овца дастъ только мерлушки барашковъ и вообще несравненно менѣе продуктивна, несравненно менѣе распространена въ одномъ и томъ же оазисѣ, чѣмъ овца курдючная. Область наибольшаго распространенія въ Самаркандскомъ отдѣлѣ этой послѣдней породы — подгорная окраины отдѣла, представляющія условія, необходимыя для овецъ: сухія, возвышенныя пастбища, покрытыя нѣжными злаками и клеверными породами, перемѣ-

шанными, какъ въ горахъ, съ тысячелистникомъ, тминомъ и другими обильными разнообразіемъ пахучими породами. Въ островной, центральной части отдѣла, занятой высокointенсивнымъ земледѣльствомъ, овцеводства совершиенно не существуетъ, такъ какъ для него нѣтъ здѣсь и мѣста среди густой обработки, нѣтъ и необходимыхъ условій, соответствующихъ пастбищъ. Однако и здѣсь можно встрѣтить въ каждомъ почти селеніи одного-двухъ промышленниковъ, откармливающихъ десятокъ-другой барановъ только въ зимнее время, для продажи на мясо въ ближайшихъ базарныхъ пунктахъ. Но мы не становимъ принимать въ разсчетъ этихъ единичныхъ исключеній, а поговоримъ подробнѣе о характерѣ и размѣрѣ промышленности овцеводства у туземцевъ окраинъ, где промышленность эта составляетъ занятіе преобладающее во всемъ надъ остальными отраслями сельско-хозяйственного труда. Такъ какъ промышленность овцеводства выражается здѣсь въ болѣе или менѣе постоянномъ содержаніи гуртовъ овецъ для полученія приплода и продуктовъ, въ откармливаніи барановъ (бурдаи) для рѣзниковъ, то по тѣсной связи ея кромѣ того съ промышленностью торговли, составляющей всю сущность этого дѣла, намъ приходится начать ознакомленіемъ интересующихъ съ ходомъ этой послѣдней операциѣ.

Съ давнихъ временъ, населеніе Зеравшанской долины включительно до Бухары, поддерживая болѣе частыя отношенія съ кочевымъ населеніемъ при-аму-даринскимъ, чѣмъ присыръ-даринскимъ, ведетъ съ нимъ дѣятельную торговлю сбытомъ произведеній обрабатывающей промышленности (шелковые, бумажныя ткани, обувь, шубы) и приобрѣтеніемъ, въ свою очередь, скота. Наибольшимъ вниманіемъ скотопромышленниковъ пользуются, какъ замѣтно, подгорные восточнѣ мѣстности лѣваго берега Аму-дары бекства: *Кундуз*, *Хулж*, *Рустекъ* въ Афганскомъ Туркестанѣ (Чарь-вилайетъ), где, по общему мнѣнію, у кочевниковъ-котагановъ существуютъ лучшія породы и мелкаго и крупнаго скота.

Отправивъ чрезъ приказчиковъ изъ Бухары красный то-

варь, алачу и бязь (маты) съ верблюжниками (тюячи), которые приходять обыкновенно въ Кундузъ чрезъ Келифъ на восемнадцатый день, скотопромышленники выѣжаютъ въ январь мѣсяцъ сами, имъя ночлеги попутные въ слѣдующихъ пунктахъ: Шахрисабзъ, Гузаръ, Чашма-Хофизонъ, Сайрабъ, Ширъ-абадъ, Шуръ-базаръ, Талли-каршианъ, Мазари-шерифъ, Ташкурганъ, колодцы Чули-Урта Аудокъ, и на одиннадцатый день въ Кундузъ. Оставаясь въ Кундузскомъ бекствѣ до половины марта мѣсяца, бараноскунщики вступаютъ въ сдѣлки съ туземцами, обмѣнивая товаръ и привозяя нѣкоторую долю бухарскаго серебра, пріобрѣтаемаго размѣномъ сарафовъ (мѣналь) исключительно на русскіе полуимперіалы. Пріобрѣтаемые такимъ образомъ бараны-самцы обходятся на мѣстѣ, четырехлѣтки—3 р. 20 к., а двухлѣтки—(тукы) по 1 р. 80 к. Распредѣливъ все количество барановъ по 1000 штукъ въ каждый гуртъ, въ концѣ марта гонять ихъ въ Ургутскія и Карагюбинскія горы такимъ путемъ: изъ Кундуза въ Бошъ-ивдонъ (сардоба, цистерна), Урта-овдонъ (сардоба), Янги-арыкъ (арычная вода), Ташкурганъ, Ханабатъ (арыкъ), Мазари-шерифъ, Карадужуль (арыкъ), Каракумъ (пески безъ воды), Келифъ (переправа на Аму) и далѣе семь дней степью съ резервуарами съѣзжихъ стоковъ (силява) до Карши чрезъ Кеникѣ-типе. Дѣлая въ сутки отъ 16 до 24 верстъ, весь этотъ путь гуртъ проходитъ подъ наблюденіемъ 3-хъ пастуховъ въ 26 дней. Запаздывающіе выступленіемъ изъ Кундуза гонять гурты не каршинской степью, а чрезъ Ширабатъ, Чашма-хофизанъ, Сайрабъ, Каракаваль, Кальта-миноръ, Гузаръ, Чирачи, Джамъ. Этотъ путь хотя и ближе, но имъ стараются не пользоваться, потому что онъ значительно каменистый и, кроме хромоты, бараны заболеваютъ кашлемъ (упка), караучакомъ и самой губительной болѣзни—учмой. По приходѣ въ ургутскія горы (Зеравшанскій хребетъ), всѣхъ барановъ отдаютъ въ стрижку особымъ стригачамъ (kyrkichi), получающимъ за  $1\frac{1}{2}$  дня работы 80 коп. со 100 штукъ. Въ эту весеннюю (умою) стрижку получаемая шерсть съ 40 бара-

новъ 60 фун.=4 р. связывается, подвѣшивается и служить для приготовленія кашовъ (мѣшки), куржумовъ (переметныя сумы), попонъ, аркановъ, чекменей (зимнихъ халатовъ). Вторая лѣтняя стрижка (кузъ) даетъ шерсти въ половину менѣе и притомъ низшихъ качествъ, для приготовленія кошмы (войлокъ).

Покончивъ первую стрижку, хозяева сами распредѣляютъ въ горахъ всѣхъ своихъ барановъ въ гурты, по 500 штукъ (сурукъ) въ каждомъ, чтѣ считается необходимымъ для правильной пастбы. Къ каждому такому суруку назначается старший пастухъ, съ жалованьемъ 20 руб. за четыре мѣсяца, и подпастухъ — на 10 руб. Бараны остаются въ горахъ до 1 июля, получая для болѣе скораго прокормленія по одному пуду соли въ недѣлю на 500 штукъ. Въ началѣ августа, хозяинъ снова отправляется въ горы, выѣляетъ изъ каждого сурука худыхъ, не откормившихъ слабыхъ барановъ и, оставляя этихъ еще на поправку, всѣхъ остальныхъ гонять въ Бухару чрезъ Хазретъ-ша, Катта-курганъ, Сары-булақъ, Миръ-тогай-рабатъ, въ Читъ-арыкъ (12 верстъ отъ Бухары), всего 9 дней пути. Въ Бухарѣ промышленники входятъ въ сдѣлки съ капиталистами мясниками (кассапъ), которые и расплачиваются, обыкновено чрезъ 15 дней, передавая скупленныхъ барановъ джалофамъ (барышникамъ), распродавшимъ по базарамъ. Закупивъ на наличныя и отчасти шестимѣсячнымъ кредитомъ краску (ниль), сятцы, адрясь, тикъ, бараноторговцы возвращаются домой, чтобы весной слѣдующаго года снова приступиться за то же выгодное дѣло.

Бухара, съѣдающая, какъ говорятъ, каждодневно до 6000 барановъ, служить такимъ образомъ главнымъ скотопригоннымъ рынкомъ въ Зеравшанскомъ оазисѣ, получающимъ также не малую массу барановъ и съ береговъ Сыръ-дары.

Въ Зеравшанскомъ округѣ дѣло этой промышленности стоитъ довольно твердо, поддерживая въ значительной мѣрѣ благосостояніе не только одиночныхъ городскихъ капиталистовъ, но и сельскаго населенія. По условиямъ выполненія

всей этой промышленной операции, каждый почти капиталистъ-предприниматель ведеть дѣло не одинъ, а въ компаніи съ сельскими узбеками-скотоводами (гумашта), которые, принимая на себя всѣ заботы и расходы по откормлению хозяйственныхъ барановъ и совмѣстной продажѣ ихъ, получаетъ  $\frac{1}{3}$  чистой пользы по объявленной заранѣе хозяиномъ цѣнѣ стоимости каждого барана въ покупкѣ.

Съ баранами, выдѣленными предъ угоною въ Бухару, распоряжаются такъ: окончательно слабыхъ гонять на зиму въ джизакскую степь, а достаточно поправившихся въ теченіи яѣта назначаютъ для откорма въ зимнихъ загонахъ. Для этого, подкармливая этихъ барановъ, ранней осенью, по пригоноѣ изъ горъ, въ садахъ, рощицахъ (чекалокъ), на поляхъ хлѣбныхъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отдаляютъ по 40 шт. въ каждый просторный крытый загонъ (агылъ-хана) съ устроенными глиняными яслими (ахуръ). Остригши предварительно всѣхъ барановъ, назначенныхъ къ откормлению (бордокъ), получивъ съ 40 штукъ  $1\frac{1}{2}$  пуда шерсти, ихъ запираютъ въ такой теплый загонъ на четыре зимнихъ мѣсяца, подъ наблюдениемъ одного человѣка, обязанность которого не малая. Съ утра и до утра баранамъ-бордокамъ приходится подкладывать безъ перерывовъ сѣчку изъ клевера, въ полдень—головки обмолоченного льна (тупонъ), въ вечеру  $2\frac{1}{2}$  фунта на каждого барана ячменя, а на ночь снова тупонъ и клеверную сѣчку. При этомъ ставится въ одномъ углу агылъ-ханы корыто съ водою, въ другомъ—корыто съ солью, никогда совершиенно не опораживающееся сколько бы бараны ни пожирали. Всю ночь въ овчарнѣ горить свѣча и караульщикъ остается въ ней неотлучно.

Такъ откармливаютъ бордоковъ съ сентября по февраль мѣсяцъ, расходуя на 40 барановъ слѣдующее количество корма: ячменя 300 пудовъ—126 руб., льяныхъ головокъ-тупанъ съ саманомъ 240 мѣшковъ—120 руб., 1000 споповъ клевера (180 пуд.)—26 руб., соли 4 пуд.—1 руб., свѣтильное масло 3 пуда—12 руб., работнику 25 рублей и кромѣ того 1 чек-

менъ, 1 рубаха со штанами (5 р.) и хозяйское продовольствіе. Покупая обыкновенныхъ четырехлѣткъ (чоры) съ живымъ вѣсомъ 130 фунт., за 5 руб., чрезъ 6 мѣсяцевъ нагула и содержанія въ овчарнѣ получаютъ огромныхъ барановъ (бурдоки) роста 1 ф. 2 вершка, при живомъ вѣсѣ 220 фунтовъ.

Такие откормленные бараны даютъ наименьшее: мяса 80 ф. и сала 80 фун. и продаются мясникамъ по 20 руб. за штуку, т.-е. при расходѣ въ 13 руб., на каждомъ баранѣ, купленномъ на мястѣ безъ прогона, получается 7 руб. чистой прибыли, которую туземцы вполнѣ довольствуются. Однако бываютъ годы, когда бурдоки продаются и по 26 рублей за штуку.

По нашимъ приблизительнымъ свѣдѣніямъ, всего въ Зеравшанскомъ округѣ каждогодно откармливается городскими и сельскими туземцами до шести тысячъ барановъ-бурдокъ на капиталъ затраты 78000 рублей, на сумму чистой прибыли 42000 руб. Затѣмъ для насъ интересно будетъ также подвести хотя приблизительный итогъ годовыхъ оборотамъ бараноторговцевъ, прибыли которыхъ могутъ быть уяснены подробнымъ и точнымъ перечисленiemъ всѣхъ издержекъ, вызываемыхъ этой промышленностью. Издержки по этой операциѣ распадаются на четыре отдѣла: а) стоимость пріобрѣтенія барановъ въ Кундузѣ; б) издержки прослѣдованія въ Зеравшанская горы, в) издержки прослѣдованія въ Бухару для продажи; г) расходы найма пастуховъ, довольствія ихъ и барановъ, а также расходы личные хозяина. Мы попытаемся сдѣлать все вычисление по точнымъ даннымъ для каждой тысячи барановъ и перечислимъ сначала путевые расходы, такъ какъ они дѣйствуютъ въ афганскихъ и бухарскихъ владѣніяхъ изъ года въ годъ: зякетъ въ Кундузѣ 60 р., баджъ въ Ташкурганѣ 24 р., баджъ въ Мазари-шерифѣ 22 р. 40 к., за переправу чрезъ Аму 20 р. 60 к., зякетъ въ Гузарѣ-бухарскомъ 62 руб., аминь-она (вознагражденіе аксакалу) въ Чирракчи 5 р., всего по этой рубрикѣ 194 руб. + 20 рублей непредвидѣнно-случайныхъ расходовъ. При отправленіи затѣмъ чрезъ нѣсколько

мѣсяцевъ въ Бухару, заплатившіе пошлину въ Гузарѣ хотя и не платить зякета вступая въ Бухарскія владѣнія, но все же несутъ слѣдующій неизбѣжный расходъ: подарокъ пастухамъ—5 р., обычное подношеніе (сурукъ) бухарскому зякетчию два барана—10 руб., аминь-она—12 р., расходы личные и на посредниковъ-маклеровъ (долляль) 60 руб., всего 87 р. + 15 р. непредвидѣнныхъ. Далѣе слѣдуетъ назвать расходы, такъ-сказать, внутренніе или путевые. Нанимая на 1000 барановъ трехъ пастуховъ отъ Кундуза—до Ургута, на нихъ расходуютъ: жалованье—45 руб., 3 чекменя—8 р., 3 рубахи со штанами—3 р. 60 к., 3 пары чорики (сапоги)—4 р. 80 к., носовой-жвачный табакъ—1 р., по 10 футовъ муки въ день—8 р. 60 к., а всего на трехъ съ собаками—71 р.

Остаются трехмѣсячные расходы прокормленія барановъ пастбою: въ горахъ 4 пастуха получаютъ—60 р., 4 чекменя—10 р., 4 рубахи—5 р., 4 ичеговъ—6 р., 4 кожаныхъ штановъ—6 р., 5 пудовъ муки—22 р., табакъ—3 р., за 2 пуда соли въ недѣлю для барановъ—6 р., на 3 мѣсяца, а всего 118 р.; общая сумма расходовъ путевыхъ и содержания = 500 р.

Принявъ въ разсчетъ, что 100 р., вырученные за шерсть, должны покрыть утрату отъ падежа барановъ и уничтоженія волками (на 1000 шт. нормальная утрата 30 шт.), беремъ для вычисленія прибылей цѣну продажи барановъ въ Бухарѣ среднимъ по 6 р. за штуку, а всего 6000 р. за 1000 барановъ. Вычитая изъ этой суммы затрату въ 4000 р. на покупку барановъ и 500 р. на расходы, предпринимателю остается 1500 рублей чистой прибыли за 6 мѣсяцевъ, чтѣ составить 24% на затраченный капиталъ.

Для полноты этого очерка о скотоводствѣ, мы должны сказать еще, что кроме того количества овецъ и барановъ, которое нами будетъ показано цифрами въ концѣ этого очерка, постоянно почти имѣющимися въ хозяйствѣ туземцевъ<sup>1)</sup>,—

<sup>1)</sup> Не останавливаясь въ этомъ очеркѣ наложеніемъ подробностей о скотоводствѣ разведеніемъ хозг., скажемъ все же, что мелкая порода этихъ животныхъ,

кромѣ каждогоднаго обращенія въ продажѣ до 60 тыс. штукъ этого скота по всему Зеравшанскому округу,—трезъ горы Зеравшана проходитъ въ Самарканѣ и далѣе въ Бухару и Ташкентъ не менѣе 100 тыс. барановъ, принадлежащихъ собственно бухарскимъ подданнымъ, ведущимъ торговлю эту съ оазисомъ Сыръ-дары, въ обмѣнѣ на разные товары.

Вся эта масса облагалась до 1874 года государственной пошлинной зякета, которая была признана затѣмъ неудобною и окончательно повсюду отмѣнена съ введеніемъ въ дѣйствіе общаго торгового положенія. Такая же значительная масса скота вообще, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, прежде облагалась еще и базарной пошлинной, дававшей фондъ городскимъ доходамъ, которые пополняются<sup>1)</sup> теперь единствено процентнымъ уравнительнымъ обложеніемъ вѣсовой пошлинною всѣхъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства.

Такимъ образомъ, стремясь повидимому къ развитію и поддержанію въ краѣ земледѣльческой культуры, прибрѣзжающей населеніе къ осѣдлости, мы практикуемъ такія фискальныя положенія, которыя представляются поощряющими также и скотоводство, не обложенное, какъ земледѣліе, государственными податями, составляющими въ общей суммѣ по Самарканскому отдѣлу 366,572 р. годовыхъ съ 350,000 танаповъ ирригационої, неизмѣренной впрочемъ земли.

Послѣ сдѣланныхъ въ предыдущей статьѣ выводовъ о значеніи для Зеравшанской долины овцеводства, какъ промышленности, охватывающей миллионные годовые обороты, какъ такой торгово-сельско-хозяйственной и теперь, въ сосѣднихъ бухарскихъ владѣніяхъ, сотни тысячъ—саваимъ зякетной пошлины, намъ остается сообщить здѣсь подробныя свѣдѣнія объ овцѣ каракулской, снабжающей почти всю Европу и Персію пре-

будучи особенно распространена въ горахъ верхнаго Зеравшана (Фарабъ, Магіанъ, Кштутъ, Фальгаръ, Фанъ, Матча, Ягновъ) и немного въ долинѣ, даетъ прекрасный вухъ (тибѣтъ) для зучшихъ тканей и шерсть (джуны) для аркановъ.

<sup>1)</sup> Въ 1880 году арендныя вѣковыя пошлины съ 20 базарныхъ пунктовъ приносили 45000 руб. городскаго дохода.

восточной черной и сърой мерлушки, имѣющей огромное применение для различныхъ зимнихъ костюмовъ.

Обѣщаѣмыя подробности объ этомъ овцеводствѣ, собранныя нами въ Бухарѣ, будутъ нeliшними полагаемъ также и потому, что при очевидной выгодности этой промышленности, многимъ, какъ намъ приходилось слышать, представляется возможнымъ перенести ее изъ бухарскихъ степей въ другія степныя мѣстности не только Туркестана, но даже южной Россіи.

Чтобы судить, въ какой степени практичны такія попытки, выразившіяся уже кое-гдѣ совѣтами недовѣрчивымъ туземцамъ, требуется прежде всего познакомиться въ точности съ физическими особенностями тѣхъ мѣстностей въ Бухарскомъ ханствѣ, гдѣ издавна пріютилась промышленность каракульского овцеводства, требуется изучить въ точности приемы этого овцеводства и условія самой промышленности: обработки мерлушки и сбыта ея.

При такой программѣ этого очерка мы не станемъ донесинаться, хотя было бы нeliшнее, точныхъ разъясненій о томъ, когда началось каракульское овцеводство въ долинѣ Зеравшана, такъ какъ вопросу не отвѣчаютъ ни письменныя источники, ни тѣмъ болѣе разсказы мѣстныхъ туземцевъ, отъ которыхъ только и приходилось слышать, что занятіе это перешло къ нимъ отъ дѣдовъ (ата-бабаданъ-калганъ); на вопросъ, а откуда впервые доставлены овцы этой мало распространенной породы,— каждый отвѣчалъ незнаніемъ или же весьма вѣроятною догадкою, что арабы привели барановъ изъ степей „Арабистана“.

Какъ бы ни было, но мы отмѣчаемъ тотъ фактъ, имѣющій отношеніе къ поставленному вопросу, что овцеводствомъ каракульскимъ занимаются преимущественно арабы, которые, утративъ уже и родовую рѣчь, и обычай, а удержавъ только свой характерный типъ, считаются, съ полнѣйшою основательностью, потомками первыхъ арабовъ, распространителей въ Азіи религіи Магомета, вторгнувшихся въ 666 году чрезъ Мервъ въ Балхъ и въ Бухару.

Арабы долины Зеравшана, почти слизшіеся теперь съ

преобладающей массой охватывающаго ихъ населенія узбекскаго или таджикскаго, хотя и разбросаны спорадически по всей долинѣ, гдѣ мѣстами (Самарканскій отдѣль) они живутъ отдѣльными селеніями, но овцеводствомъ занимаются не вездѣ, какъ бы подчиняясь мѣстнымъ условіямъ, разграничившимъ занятія населенія сообразно количеству орошеннія, свойствамъ почвы, количеству степного пространства и характеру климата.

Несомнѣнно, что лишь подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ, несмотря на всю несложность приемовъ, несмотря на значительную выгодность, каракульское овцеводство, съ очень давнихъ временъ, ограничивается весьма небольшимъ райономъ въ Бухарскомъ ханствѣ, тюменемъ Каракуль, въ пятидесяти верстахъ на юго-западъ отъ Бухары, слабо орошенномъ водою теряющагося здѣсь Зеравшана.

Впервые, вѣроятно, возникнувъ въ этомъ обширномъ озерами районѣ, получивъ отъ него и название, каракульское овцеводство дальше и не распространялось, если не считать десятка такихъ же овцеводовъ-арабовъ, промышляющихъ въ съдниихъ съ каракульскимъ тюменемъ кишлакахъ Катта-курганскаго отдѣла.

Существуютъ, следовательно, въ растительной природѣ и въ климатѣ описанного района такія, не встрѣчающіяся въ другихъ степяхъ, особенности, которыми въ значительной степени и обусловливается эта скотоводческая промышленность.

Въ какой мѣрѣ справедливъ этотъ выводъ, основанный только въ подмѣченной замкнутости промышленности каракульского овцеводства, предоставляемъ судить специалистамъ,— мы же ограничимся здѣсь сообщеніемъ общихъ свѣдѣній объ этомъ овцеводствѣ.

Пояснивъ выше, что не всѣ арабы Зеравшанской долины занимаются овцеводствомъ, мы должны отметить также, что у арабовъ каракульскихъ и отчасти каршийскихъ этотъ видъ скотоводства составляетъ занятіе специальное, господствующее, по затратѣ труда, времени и средствъ, надъ остальными—землемѣліемъ, торговлею, ремеслами.

Овцеводы-каракульцы ведутъ полукочевой образъ жизни, проводя большую часть года, съ марта мѣсяца, въ степи на пастбиѣ барановъ, и только въ зимніе мѣсяцы зажиточные промышленники укрываются съ своими семействами въ кишлакахъ, оставляя барановъ въ степи, подъ наблюденіемъ надежныхъ пастуховъ.

Пастбищами барановъ каракульской породы служить въ Зеравшанской долинѣ Урта-чулъ, срединная степь, замыкающаяся на югѣ Бухарою, на востокѣ Карши, на сѣверѣ селеніемъ Джамъ, на западѣ обработаннымъ побережьемъ Зеравшана.

Все это огромное степное пространство, въ 2500 квадратныхъ верстъ приблизительно, съ давнихъ временъ остается въ личномъ владѣніи скотопромышленниковъ, получившихъ потомственное право на определенные участки — одни путемъ наследства, вѣкоторые куплей.

Степные участки носятъ названія или по именамъ бывшихъ владѣльцевъ (Дашты-Фарменъ, Дашты-Ніязъ, Дашты-Курванъ) или же по колодцамъ, существующимъ на нихъ (Дультази-кудузъ, Ярмохи, Карлыкъ-Чуби, Аширъ-Кари). Величина участковъ различна — отъ пяти и до ста десятинъ.

Количество всѣхъ такихъ выгоновъ въ Урта-чулѣ съ самостоятельными хозяевами намъ не удалось узнать, но общее число постоянно пасущихъ на нихъ каракульскихъ барановъ опредѣляютъ въ четыреста тысячъ.

При отсутствіи въ этой степи искусственного орошенія, каждый почти значительный участокъ имѣеть колодецъ. Весьма немногіе колодцы западной части Урта-чуля съ прѣсной водою, въ остальныхъ — солоноватая вода, при глубинѣ колодцевъ отъ пяти аршинъ до четырехъ сажень. Владѣльцы участковъ, не имѣющіе колодцевъ своихъ, пользуются водопоемъ у сосѣдей по соглашенію и всегда безвозмездно.

Нѣкоторые участки выгона отдаются хозяевами за плату, полностью или же частями въ эксплуатацию нуждающимся. Размеръ аренды отъ 20 до 200 рублей, сообразно величинѣ выгона и количеству колодцевъ на немъ.

Не зная совершенно флоры этой Урта-чуль, отмѣчаю со словъ туземцевъ слѣдующія названія травъ, встрѣчающихся на ней: хиччи, тарабузъ, чукчи, илякъ, испанокъ (весеннія); шувакъ, чакичъ, донашуръ, хоръ-динданъ (осення).

Пастбища барановъ въ названной степи продолжается круглый годъ и зимою, отчего, при несуществованіи вообще у туземцевъ заготовленій корма для мелкихъ домашнихъ животныхъ, пасущихся въ степи, въ холодныя и многоснѣжныя зимы бываетъ значительный падежъ барановъ отъ снѣжныхъ бурановъ и, главное, отъ безкормицы (джутъ).

По невозможности держать каракульскихъ овецъ въ горахъ, какъ то практикуется съ другими породами барановъ (зигды, курдючные), многие хозяева пасутъ ихъ въ лѣтніе мѣсяцы на поляхъ, кончившихъ уборку хлѣба.

Распредѣляя съ весны барановъ въ стада (суркна), по 500 штукъ въ каждомъ, при двухъ пастухахъ (чупанъ), скотопромышленники несутъ личныя, активныя заботы только во второй половинѣ февраля, когда получается приплодъ; зимою же стада вѣряются пастухамъ, которые составляютъ обыкновенно артели, устраиваютъ при колодцахъ загоны (котанъ) съ полуаршинной глиняной стѣнкой для каждого сурка, и, выгоняя стада на пастбище въ солнечные дни, оставляютъ ихъ въ загонахъ при малѣйшихъ признакахъ ожиданія бурана. Собирая барановъ на ночь, тщательно разравниваютъ въ зимніе мѣсяцы навозъ въ загонахъ, чтобы животные не поморозились.

Невзыскательные къ удобствамъ пастухи устраиваютъ обыкновенно съ своими караульщиками-собаками въ самомъ загонѣ, укрываясь отъ холода шалашемъ изъ полевого хвороста (хасъ), да выдаваемой хозяйствской кошмой. За годовой трудъ старшій чупанъ получаетъ 20 рублей, младшій (водоноситель, обѣ-кошъ) — 10 рублей, да шапку, сапоги, калоши, двѣ рубахи, штаны и халатъ. При каждомъ суркѣ обязательно полагаются двѣ собаки и два ишака для возки провизіи. На каждого пастуха, кроме жалованья, отпускается въ мѣсяцъ 2 пуда

муки и 1 фунтъ соли; собакамъ полагается 1 пудъ муки, а ишаку 2 пуда ячменя или джугары ежемѣсячно.

При хорошемъ досмотрѣ, убыль барановъ отъ волковъ совершенно не бываетъ, а эпизоотія здѣсь совсѣмъ, неизвѣстна.

Кромѣ исчисленнаго расхода на содержаніе пастуховъ, овцеводы несутъ еще незначительный расходъ на соль для барановъ, которую даютъ въ кускахъ (минеральная каршинская соль, по 20 к. за пудъ) въ неограниченномъ количествѣ только въ теченіи одного мѣсяца, ранней весной, когда появится молодая травка; зимою же соль вовсе не выдается.

Утверждаютъ, что бараны, не получающіе весною должнаго количества соли, плохо откармливаются, беспокойно кричатъ, избѣгая пастбищъ, пока не найдутъ солончаковистыхъ котловинъ, встрѣчающихся въ каршинской степи, какъ остатки прежнихъ озеръ.

Не забудемъ также отмѣтить, что заботливые хозяева откармливаютъ исхудалыхъ зимою барановъ въ теченіе февраля мѣсяца ячменемъ, выдавая по  $1\frac{1}{4}$  фунта на каждого барана ежедневно. Въ лѣтніе мѣсяцы барановъ гонять къ водопою каждодневно, а въ зимніе чрезъ 2—3 дня.

Съ началомъ весны открывается дѣятельность овцеводовъ и скupщиковъ мерзушки. Въ февралѣ мѣсяцѣ, когда появляется приплодъ, всѣ хозяева собираются поближе къ своимъ стадамъ и управляются съ дѣломъ при помощи своего семейства или же только съ рабочими. Дѣло, впрочемъ, и несложное: оно состоитъ въ томъ, что изъ новорожденныхъ барановъ (козыбара) оставляютъ на приплодъ всѣхъ самокъ (уречи), самцовъ же (ирекъ) рѣжутъ или въ тотъ же день, или же черезъ 3—4 дня, если барашекъ слишкомъ хилый.

Оставленныя молодыя самки (бора) ходятъ, получая молоко, масло и крутъ, а подростающіе затѣмъ однолѣтки (шишакъ) соединяются въ сурки, получая на каждое стадо въ 500 шт. восемь взрослыхъ самцовъ (кошкаръ), которые, послѣ нѣкотораго соревнованія съ боемъ, распредѣляютъ себѣ подругъ такъ, что на каждого приходится 63 штуки.

Обыкновенно, хорошо выходившія лѣтомъ токлы даютъ первый приплодъ на второмъ (чары) году, то-есть въ возрастѣ восемнадцати мѣсяцевъ. Объ этомъ крайне заботятся овцеводы, такъ какъ здѣшняя овца, въ периодъ своей жизни, приносить отъ пяти до семи ягнятъ, а на восьмомъ году, потерявъ уже зубы, матки (кой) продаются мясникамъ, не дороже обыкновенно одного рубля за штуку, потому что мясо ихъ невкусно и даже считается вреднымъ. При мелкомъ ростѣ каракульской овцы она даетъ мяса всего одинъ пудъ и сала отъ лепешкообразнаго курдюка съ коротеньkimъ хвостомъ получается только 10 фунтовъ. Весьма незначительное же количество мяса новорожденныхъ самцовъ поѣдается хозяевами-пастухами, и продается тѣми промышленниками, которые имѣютъ стада на окраинѣ степи, ближайшей къ большимъ осѣдлостямъ.

Самокъ стригутъ, когда имъ исполнится пять мѣсяцевъ. Въ двѣ стрижки, въ первой половинѣ апрѣля и во второй половинѣ августа, каждая каракульская овца даетъ 5 фунтовъ шерсти.

Молочные овечки скопы сбываются приготовленіемъ изъ нихъ масла, а шерсть скупается по 1 руб. 40 коп. за 20 фунтовъ (дунуменри) узбеками, выдѣлывающими паласы (полукоры) изъ шерсти весенней стрижки и кошмы (войлокъ) изъ шерсти осенней стрижки <sup>1)</sup>.

Исполнивъ свое дѣло, выдѣливъ новорожденныхъ самокъ съ продажею не нужныхъ, какъ опредѣляется размѣрами хозяйства и урожаемъ травъ, по четыре рубля со штуки, промышленники (илю-бани) ожидаютъ бухарскихъ скupщиковъ (джалафы) мерлушки.

Въ этой промышленности осень составляетъ, такимъ образомъ, огромный ажіотажъ и для или-баевъ и для скupщиковъ, вѣдающихъ особый видъ занятій, и для отправителей въ Россию, чутко прислушивающихся всегда къ билллютеню стоимости этого товара на главномъ рынке, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

<sup>1)</sup>) Лучшіе паласы выдѣлываются въ сел. Камачи, Кафшинскаго бекства, населенномъ (до 3000 дворовъ) арабами и узбеками.

Являясь изъ Бухары въ степь Урта-чуль въ мартѣ мѣсяцѣ, джалафы скупаютъ невыдѣланную мерлушку по 2—3 рубля штуку за чёрную (дусбай) и по 1—2 рубля за сѣрую (ширази).

Набраннныя партіи мерлушки отдаются скупщиками для сырой обработки, особымъ мастерамъ изъ туземцевъ усташт-ашкунѣ. Это дѣло начинается съ того, что шкурку расправляютъ и кладутъ въ тѣни на полчаса, мездрою вверхъ, для просушки. Затѣмъ уста отправляется съ рабочими и со всею партіей мерлушки въ ближайшему озеру, мочить шкурки въ водѣ часа два и отмывается ихъ. Приготовленныя такимъ образомъ мерлушки, неплотно согнутыя вдвое, кладутъ по 1000—2000 штукъ въ большія глиняныя корчаги и отмачиваются ихъ въ продолженіе двѣнадцати сутокъ въ водѣ съ ячменною мукой и небольшимъ количествомъ соли (муки 3 пуда, воды 8 ведеръ, соли 2 фунта), послѣ чего снова промываются въ арычной водѣ и въ заключеніе кладутъ мездрою вверхъ часа на два въ сухой песокъ, чтобы мерлушка получила глянцъ (мауджъ), а завитки (джингля) окрѣпли бы.

Вся операція сырой обработки мерлушки оканчивается въ пятнадцать дней и выполняется обыкновенно для всей Бухары въ теченіе мая и юля мѣсяцевъ.

Неся расходъ на муку и на соль, скупщики уплачиваютъ еще мастеру уста-пустъ-ашкуну 18 рублей съ каждой выдѣланной тысячи. Окончательно приготовленныя такимъ образомъ мерлушки каждый промышленникъ-торговецъ складываетъ въ особомъ караванъ-сараѣ (сарай Нау въ Бухарѣ), приглашаетъ специального маклера (доляля), который и сортируетъ ихъ съ своими рабочими по десяткамъ.

Связанныя въ десятки мерлушки ждутъ въ сараѣ же или покупателей—бухарцевъ, евреевъ, татаръ, или же прямо отправленія въ Россію самимъ джалафомъ.

Вывозныхъ пошлинъ въ Бухарѣ не платится, но маклеръ, дѣятельно посредничая въ сбытѣ товара, озабочиваясь сортiroвкою и отправленіемъ, получаетъ, по установленвшемуся десять лѣтъ тому назадъ порядку, 24 копѣйки съ 20 рублей

продажной суммы, изъ которыхъ 8 копѣекъ остается въ пользу самого маклера, а 16 копѣекъ поступаютъ въ казну, какъ маклерская пошлина (алинъ-ана).

Въ годы удачнаго приплода и хорошаго спроса, выдѣланная мерлушка продается въ Бухарѣ: чёрная—отъ 30 до 40 рублей за десятокъ, сѣрая—отъ 18 до 30 рублей за десятокъ<sup>1)</sup>, и отправляется въ Россію въ количествѣ до 500,000 штукъ<sup>2)</sup>, какъ выпущено было въ 1879 году. Принимая въ соображеніе, что крупнымъ промышленникомъ считается въ Бухарѣ владѣющъ 3000 каракульскихъ барановъ, а такихъ имѣютъ весьма немного, слѣдуетъ считать по цифре отпуска, что промышленность эта въ Бухарскомъ ханствѣ занимаетъ весьма значительное число рукъ самостоятельныхъ собственниковъ.

Теперь мы переходимъ къ сообщенію возможно полныхъ, возможно точныхъ свѣдѣній по изученію того отѣла скотоводства въ краѣ, который, въ большей мѣрѣ чѣмъ другія отрасли хозяйства, сосредоточивается на себѣ вниманіе туземцевъ, платоническую, но безрезультатную заботливость администраціи и неудающіяся попытки нѣкоторыхъ практическихъ русскихъ людей. Мы будемъ говорить о коневодствѣ въ полномъ смыслѣ слова, понимая подъ этимъ определеніемъ разведеніе лошадей безъ строго определенной цѣли образованія породъ, предсѣдуемой коннозаводствомъ примѣненіемъ условій и данныхъ, дозванныхъ практикой и получившихъ научную силу.

Сдѣлавъ такое предположеніе, мы этимъ отмѣчаемъ, что въ Зеравшанскомъ округѣ, да пожалуй и во всемъ Туркестанскомъ краѣ, существуетъ только разведеніе лошадей, такъ-сказать, инстинктивное, на удачу; правильнаго же коннозаводства,

<sup>1)</sup> Всѣ цифры стоимости исчислены по бухарскому курсу, удѣрживающему съ 1877 года нашъ бумажный рубль на пониженіи до 60 копѣекъ на бухарское серебро (тиныги).

<sup>2)</sup> По ярмарочнымъ прошлогоднимъ цѣнамъ это составить стоимость около двухъ миллионовъ. Въ минувшемъ году, всѣдѣствие гибели эпіоною барановъ и малаго спроса въ Россіи, ожидали отпуска изъ Бухары 200,000 штукъ мерлушки.—Авт.

которое вырабатывало бы желаемый типъ, здѣсь нѣть и никогда не было.

Проводя здѣсь такое заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, кото-  
рыя собраны нами путемъ неофиціальныхъ, тщательныхъ  
разспросовъ туземнаго населенія и знающихъ край людѣй, мы  
были бы весьма признателны, если бы намъ объяснили, гдѣ  
можно встрѣтить у туземцевъ Туркестанскаго края правильное,  
раціональное коннозаводство.

Намъ, пожалуй, скажутъ, что существующія типичныя по-  
роды лошадей карабаиръ, туркменская, арабская<sup>1)</sup>, не могли  
же выработать и поддерживаться инымъ путемъ, какъ только  
правильнымъ коннозаводствомъ; скажутъ, что мѣстами встрѣ-  
чаются какъ бы самостоятельныя позднѣйшія породы, напри-  
мѣръ, міанкальская въ Зеравшанской долинѣ и Ура-тюбин-  
ская въ долинѣ лѣваго берега Сыра. Но такія поясненія не  
будутъ для насъ убѣдительными: намъ требуется видѣть кон-  
нозаводство *ipso facto*, требуется удостовѣриться, что суще-  
ствующія породы карабаира, міанкальская и др. получились  
раціональнымъ, сознательнымъ подборомъ и воспитаніемъ, что  
эти породы не вырождаются, а поддерживаются. Если намъ  
докажутъ въ особенности послѣднее положеніе, мы порадуемся  
такому открытию, пожелаемъ дальнѣйшаго ему развитія безъ  
всякихъ мѣръ, которыя каждый въ правѣ рекомендовать без-  
корыстнымъ желаніемъ добра краю и его цѣльному, неиспор-  
ченному, трудолюбивому населенію.

Но едва ли намъ отвѣтить на два эти вопроса непрелож-  
ными доказательствами, едва ли докажетъ кто-нибудь, что въ  
послѣдній двадцатилѣтній періодъ количество породистыхъ ло-  
шадей у туземцевъ Туркестанскаго края увеличилось. Намъ  
никто этого не можетъ доказать, такъ какъ мы, съ своей сто-  
роны, намѣрены заявить, что *посемѣстно, въ оазисахъ Сыра и*

<sup>1)</sup> Мы приводимъ здѣсь тѣ названія породъ, какія существуютъ у тузем-  
цевъ, утверждающихъ, что породы лошадей аргамакъ вовсе нѣтъ. Замѣтимъ  
еще, что арабская порода лошадей наиболѣе распространена въ Каршиинскомъ  
районѣ.—Авт.

Аму, коневодство идетъ къ упадку, замѣтно утрачиваетъ ко-  
личество представителей наиболѣе типичныхъ породъ.

Если вы, читатель, потребуете отъ меня доказательствъ  
такого неутѣшительного для края вывода,—я, предполагая въ  
васъ здѣшнаго старожила, рекомендую вспомнить, сколько  
встрѣчалось вамъ десять лѣтъ назадъ прекрасныхъ лошадей въ  
Ташкентѣ, Ходжентѣ, Самаркандѣ, и какое вы испытываете  
теперь затрудненіе въ пріисканіи спосной верховой лошади  
для похода или для городской ъезды. Со мною вмѣстѣ вы ска-  
жете: „да, вѣрховыя лошади перевелись; теперь съ трудомъ  
достаешь для Ташкента изъ Бухары за 200—300 р. такую  
лошадь, которая оцѣнивалась прежде въ 60—100 руб. наи-  
большее“.

Вотъ вамъ прямое доказательство, что коневодство идетъ къ  
упадку, что, въ случаѣ непрінятія разумныхъ мѣръ, лѣтъ че-  
резъ десятокъ, не дадѣ, о прекрасной породѣ карабаиръ  
останется только одно смутное преданіе и намъ придется вы-  
писывать верховыхъ лошадей изъ Европы. Грустно это будетъ,  
очень грустно, скажетъ каждый, кто живетъ въ краѣ.

Если вы, читатель, дѣйствительно сочувствуete дѣлу ко-  
неводства въ Туркестанскомъ краѣ, то простѣйте со мною  
причины упадка его, чтобы намѣтить, хотя приблизительно пока,  
мѣры къ поддержанію этой отрасли народнаго хозяйства.

Каждый вѣритъ, безъ сомнѣнія, экономической аксиомѣ:  
„предложеніе находится въ зависимости отъ спроса“, и вѣ-  
роятно не мало изумляется, наблюдая странное на первый  
взглядъ явленіе, что несмотря на спросъ хорошихъ лошадей  
русскимъ населеніемъ края, несмотря на высокія цѣны на  
лошадей, количество ихъ не прибавляется, а замѣтно умень-  
шается до того, что имѣющіяся въ русскихъ рукахъ десятка  
два хорошихъ лошадей въ краѣ пзвѣстны всѣмъ на перечеть  
со всѣми подробностями способа ихъ приобрѣтенія. Изъ этого  
следуетъ, что въ дѣйствительности русскій строй вовсе не отвѣ-  
чаетъ размѣрамъ предложенія, что со временемъ замиренія края  
и укрощенія соседей, съ переходомъ военнаго элемента къ

правильной оседлости, въ послѣднее десятилѣтіе спросъ на лошадей былъ только периодическій, вызывался потребностями военнаго похода.

Понятно, что на туземцевъ спросъ пріобрѣтенія русскими на базарѣ Ташкента 5—6 лошадей никакого впечатлѣнія не оставляетъ, не даетъ также и предсказанія дальнѣйшему развитію спроса въ будущемъ. Отсюда заключеніе, что русскимъ не нужны хорошия лошади; отсюда послѣдствіе, что хорошихъ лошадей стали сбывать туда, гдѣ есть спросъ, т.-е. въ бухарскія владѣнія и въ Афганистанъ; отсюда результатъ, что съ выбытіемъ изъ края хорошихъ производителей, коневодство теряетъ постепенно свою представительность въ количествѣ и качествѣ.

Этими выводами, о правильности которыхъ предоставляемъ судить другимъ, мы такимъ образомъ доказываемъ, что до завоеванія русскими войсками Туркестана, до упроченія въ краѣ русской оседлости, до погашенія въ соседніхъ ханствахъ воинственныхъ инстинктовъ, коневодство стояло во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше современного его состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что въ оазисахъ оседлостей прошедшія войны настолько же способствовали развитію коневодства, насколько позднѣйшая мирная гражданственность способствовала развитію земледѣльческаго хозяйства, въ явный ущербъ скотоводству вообще.

Не трудно прослѣдить правильность этихъ выводовъ по даннымъ о состояніи культуры въ прошлое время и теперь, по нагляднымъ даннымъ о дѣйствительномъ сокращеніи туземцами скотоводческаго хозяйства.

Изъ сказанного сейчасъ естественно заключить, что въ прежнее время народный спросъ на лошадей былъ неизмѣримо больше чѣмъ теперь. То было время, когда каждый мусульманскій воинъ имѣлъ у себя завѣтными только коня и шашку; онъ дорожилъ своимъ конемъ, какъ въ былое время запорожскій казакъ дорожилъ лукомъ и тютюномъ больше чѣмъ жизнью; онъ считалъ коня своею гордостью; онъ зналъ цѣну коню,

какъ неразлучному спутнику походовъ, набѣговъ, боевыхъ отрядовъ, какъ спасителю въ преслѣдованіяхъ непріятеля.

Если вспомнимъ, что вся Средняя Азія, съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ, была постояннымъ поприщемъ войнъ религіозныхъ, династическихъ и просто войнъ азіатскаго хищничества, если констатируемъ дѣйствительность, что всѣ полчища эмировъ и хановъ совершили свои походы не иначе, какъ на коняхъ, то намъ сдѣлается окончательно понятнымъ, что войны были всегда главнымъ стимуломъ развитію и поддержанію коневодства. Тѣмъ же объясненіемъ для насъ уясняется и тотъ фактъ, что въ настоящее время въ Средней Азіи лучшія лошади удерживаются у туркменъ и отчасти у афганцевъ, какъ сохранившихъ еще то представленіе о конѣ, которое заставляло дорожить этимъ благороднымъ животнымъ воиновъ Чингисхана (1218—1363), Тимура (1363—1405), Абдулла-хана (1555—1597). То же припомнаніе прошлой исторіи Средней Азіи объясняетъ намъ, что кровь арабскихъ лошадей оставила свой блѣднѣющій теперь следъ отъ временъ вторженія арабовъ (666—874), распространителей мусульманства, что образованію породы карабанровъ способствовали позднѣе нашествія ордъ Чингиса (1218—1226), наводнившихъ всю Среднюю Азію столько же своетипичными людьми, сколько и лошадьми калмыцкой, приземистой породы, распространившейся отъ предѣловъ Европейской Россіи съ одной стороны, до сѣвернаго подножья Гиндукуша съ другой.

И арабы, и калмыки, и тюрки, сдѣлавъ вторженіе большими массами, привели съ собою конечно не однихъ производителей, но и кобылицъ, черезъ что каждая изъ господствовавшихъ породъ держалась устойчиво, передавая свои природныя качества въ слѣдующія поколѣнія до тѣхъ позднѣйшихъ уже временъ, когда войны среднеазіатскихъ соперниковъ замкнулись въ расчетахъ, потасовкой между собою, и пополненіе края лучшими лошадьми изъ Персіи и другихъ отдаленныхъ странъ не прекратилось.

Однако слѣдуетъ признать, что и въ позднѣйшіе періоды

существованија соседнихъ ханствъ, съ полнou политическою самостоятельностью, частныј войни хановъ, то между собою, то съ мелкими вассалами, всегда способствовали къ поддержанiu коневодства на той высотѣ въ количественномъ и качественомъ отношеніи, съ которой явственно обозначались типичные породы выносливыхъ скаковыхъ лошадей не утратившейся арабской крови.

По отношенію къ Зеравшанскому округу мы знаемъ, напримѣръ, что въ самый позднijй периодъ ханствованія въ Бухарѣ эмира Насрѣ-Улла-хана (1826—1860), впервые организовавшаго пѣхоту (сарбазы) и неугомонно воевавшаго съ своими соседями, въ ханствѣ существовали въ большомъ количествѣ прекрасныј лошади, называвшиjся міонкальской породою (заты-міанкаль), а города Ургутъ, Ура-тюбе гордились своими местными скаковыми породами лошадей точно такъ же, какъ славятся своими лошадьми и нѣкоторыjя мѣстности Россіи (Ярославская, Донская, Вятская губерніи).

Такое превосходное состояніе коневодства въ позднijшie периоды самостоятельного существования ханствъ объясняется столько же бывшей потребностью въ хорошихъ лошадяхъ для цѣлей войны, сколько и заботливостью объ этомъ хановъ и самостоятельныхъ правителей, любившихъ щеголинуть лучшими лошадьми другъ передъ другомъ. Такъ, мы знаемъ, что въ конюшняхъ Насрѣ-Улла-хана содержалось правильнымъ уходомъ до 200 превосходныхъ жеребцовъ, которые служили производителями и для потребностей бухарского населенія.

Этимъ-то путемъ доставленія населенію свободной возможности случать своихъ матокъ съ лучшими ханскими жеребцами, получилась такъ-называемая міонкальская подпорода, какъ правильнѣе будетъ считать, скаковыхъ, рослыхъ, крѣпкихъ лошадей. Точно также ургутская подпорода скакуновъ произошла отъ лучшихъ производителей съ конюшень мѣстнаго бека Аллаярѣ-Парвоначи, который держалъ въ горахъ Фараба на травяномъ лѣтнемъ корму до 300 матокъ и столько же жеребцовъ въ конюшняхъ. Въ свою очередь ура-

тибинская подпорода произошла отъ лошадей вассальныхъ бековъ этого округа въ оазисѣ Сырь-дарьи.

Справедливо будетъ такимъ образомъ считать, что вся Зеравшанская долина обязана своимъ, сохранившимися еще въ маломъ числѣ, прекрасными лошадьми заботливости эмировъ, хановъ и бековъ. Не то въ послѣднія года: нѣкоторыj ханства окончательно упразднились, обратившись въ области, другія опоясаны такими прочными поясами русскихъ крѣпостей, которые совершенно заставляютъ самыхъ владѣтелей и подданныхъ забыть о существованіи въ нихъ когда-то военного азарта, забыть и самое слово война. Сообразно такому положенію продолжающихъ свое существование ханства, при отсутствіи въ нихъ коннаго, военного контингента, постепенно падаетъ заботливость о хорошихъ лошадяхъ въ ханахъ, бекахъ и въ самомъ населеніи.

Въ дѣйствительности мы и замѣчаемъ, что у бухарского эмира Музадарѣ-хана, разѣзжающаго по своимъ владѣніямъ въ коляскахъ лучшаго московскаго фабриканта П. И. Шитова, содержится въ конюшняхъ всего 40 верховыхъ лошадей. Замѣчаемъ въ Бухарскомъ ханствѣ такой недостатокъ въ хорошихъ лошадяхъ, который не удовлетворяетъ даже потребности Самарканда, не только Ташкента; замѣчаемъ также, что вся знать бухарская постоянно стремится пріобрѣтать такихъ лошадей ходуновъ (джурса), на которыхъ можно было бы безъ устали следовать въ кортежѣ своего повелителя во время каждого обѣзда имъ ханства.

Такимъ образомъ въ данное время и въ соседнихъ ханствахъ, и въ Туркестанскомъ краѣ спросъ на лошадей вообще замыкается, какъ замѣчается конечно каждый слѣдующими довольно ограниченными потребностями: извознымъ арбагымъ промысломъ (джагудеры, арбакеши), землепашествомъ и земледѣлiemъ вообще, народными забавами въ скачкахъ съ терзаніемъ козла на кок-бури. По характеру каждой изъ трехъ названныхъ потребностей, выработалось въ послѣднія десять лѣтъ, поддерживается теперь и обѣщаетъ держаться на одномъ

уровнѣ въ будущемъ могучая экономическая функция—предложение.

Мы и замѣчаемъ, что арбакеши (возчики), стараются приобрѣтать лошадей тяжелыхъ, крѣпкихъ, хотя и некрасивыхъ; земледѣлецъ держитъ лошадь какую придется, такъ какъ, по условіямъ здѣшняго мелкаго паханія, лошадь бываетъ нужна въ хозяйствѣ для молотьбы, для уборки хлѣба, для отвоза продуктовъ на базаръ и рѣдко—для запашки; любителямъ бѣшнаго и безобразнаго ристалища на кокъ-бури (раздирание козла) требуется лошадь никакъ не представительная, никакъ не скаковая, а только увертливая, сильная, чтобы пробить себѣ путь чрезъ плотное кольцо состязающихся.

Такъ какъ у здѣшняго народа, не имѣющаго обычая давать празднества (той), обрязанія и свадебныя съ конными скачками, остается затѣмъ одно развлеченіе на просторѣ кокбури, то отсюда и естественно видѣть, что теперь лошадь цѣнится въ Зеравшанской долинѣ по способности въ этого рода бѣгу, по такой способности, которая не имѣеть ничего общаго съ достоинствами скаковой лошади, но цѣнится чрезвычайно высоко: въ 100 — 300 рублей за хорошаго жеребца кокбуристата, причемъ любители розыскиваютъ такихъ лошадей за сотни верстъ.

Вотъ какими стимулами поддерживается въ здѣшней полосѣ, да и во всемъ кажется осѣдломъ оазисъ Туркестанскаго края, столь прибыльное въ культурныхъ странахъ коневодство. Сами можете провѣрить, читатель, сдѣланные мною выводы, сами можете уяснить себѣ, что должно получиться чрезъ десять лѣтъ изъ благороднаго карабаира, если не явится на выручку коневодства русская культура, отъ которой мы вправѣ ожидать не меныше, сколько сдѣлали эмиры, ханы и беки склонившихся предъ русской цивилизацией ханствъ.

Мы не цытаемъ закончить этимъ наше изслѣдованіе; мы смотримъ на эту важную отрасль народнаго, а слѣдовательно и государственного благосостоянія съ желаніемъ ему правильнаго, рациональнаго развитія, желаніемъ, чтобы оно было со

временемъ гордостью края, заслугой, а не укоромъ русской культуры, русской цивилизациі.

А потому мы сочтемъ для себя обязательнымъ довести нашъ трудъ до конца—уяснить подробности современнаго состоянія коневодства въ Зеравшанскомъ оазисѣ, привести точныя цифры отношеній количества лошадей къ общей массѣ хозяйствъ, отмѣтить выдающіеся недостатки приемовъ коневодства, отмѣтить наиболѣе серьезныя существующія тормазы этому важному дѣлу.

Все это будетъ предметомъ слѣдующаго очерка, въ которомъ найдется, разсчитываю, мѣсто для безпритязательныхъ заключеній по вопросамъ: можно ли ожидать развитія хорошаго коневодства въ краѣ и при существующихъ условіяхъ, безъ всякаго активнаго стремленія къ тому со стороны администраціи, или же эта отрасль народнаго хозяйства нуждается въ такой же энергичной и притомъ всеобщей, гдѣ требуется, отзывчивости, какая удѣлена мѣстному дѣлу: шелководству, производству хлопка, садоводству и всевозможнымъ ученымъ изслѣдованіямъ.

Согласно программы предыдущей замѣтки, намъ следовало бы начать эту статью подробнымъ описаніемъ типа лошадей господствующихъ здѣсь породъ карабаиръ, міонкальской, но мы этого не дѣлаемъ во-первыхъ потому, что не считаемъ себя специалистомъ въ гипнологіи, не имѣемъ даже въ рукахъ никакихъ руководствъ, кроме коротенькой немецкой брошюры г. Амона, а во-вторыхъ и потому, что считаемъ каждого читателя достаточно знающимъ отличительныя особенности типа каждой изъ названныхъ конскихъ породъ.

По этому вопросу мы считаемъ, такимъ образомъ, совершенно достаточнымъ отмѣтить, что наилучшими скаковыми качествами, физической крѣпостью, выносливостью, способностью къ большимъ и продолжительнымъ передвиженіямъ отличается въ долинѣ Зеравшана карабаиръ. Лучшія скаковые лошади этой породы проходятъ четырехверстный кругъ иподрома въ шесть минутъ, сохранивъ способность скакать и на тридцать

верстъ; какъ испытывались эти лошади на скачкахъ степныхъ у киргизовъ. Карабаиры способны проходить подъ верхомъ по сто верстъ въ день, съ небольшими отдыхами для разстоянія въ 1000—1500 верстъ; эти лошади дѣлаютъ въ арбяной за- пряжкѣ съ тяжестью 30 пудовъ<sup>1)</sup> по 40 верстъ въ сутки и на большихъ разстояніяхъ<sup>2)</sup>. Не обладая способностью бѣга рысью, карабаиры имѣютъ правильный галопъ, и часто большой шагъ, до  $9\frac{1}{2}$  верстъ въ часъ.

Намъ удалось подмѣтить также, что горное ура-тюбинское и кулябское (въ Бухарскомъ ханствѣ) коннозаводство даетъ наиболѣшее, сравнительно съ другими мѣстностями, число хорошихъ лошадей съ аллюромъ, называемымъ здѣсь *хода* (джурга), т.-е. особенной иноходью, развивающейся у нѣкоторыхъ до способности бѣга этой спокойной для всадника переступью по шестнадцати верстъ въ часъ.

Представители этого неоцѣненного въ походѣ аллюра имѣютъ ростъ 2 арш. 1 вер., правильный крѣпкій складъ и оригинальный поставъ заднихъ ногъ подъ значительнымъ угломъ. У этихъ-то карабаировъ и встрѣчаются тѣ завитки шерсти на головѣ, на груди, на пахахъ и ягодицахъ, которыя обращаютъ нерѣдко вниманіе знатоковъ лошадей, какъ признаки, отличающіе хорошія качества лошади.

Что касается до лошадей обыкновенныхъ, имѣющихихъ у каждого туземца для хозяйственныхъ собственно потребностей, то они хотя и не особенно красивы, не особенно высоки, не особенно развиты складомъ корпуса, какъ выродившаяся порода карабаировъ, тѣмъ не менѣе, эти лошади также выносливы въ продолжительныхъ передвиженіяхъ, какъ и вообще здѣшняя степная лошадь.

<sup>1)</sup> Мусульманскій кодексъ шаригатъ, предусматривая весь распорядокъ жизни правовѣрныхъ, опредѣляетъ, чтобы лошадь не обременяла тяжестью болѣе 7-ми пудовъ на вьюкъ и 24 пудовъ на арбу. Виновные, хотя и подвергаются по шаригату наказанію въ нѣсколько дней ареста, но каждый сплошь и рядомъ замѣчаетъ, что мусульмане не особенно исключительны въ этомъ требованіи.

<sup>2)</sup> Арба съ полной栽载 проходитъ въ запряжкѣ одной лошадью, отъ Бухары до Ташкента, 512 верстъ въ 10 дней.

Разумѣется, что типичность земледѣльческихъ лошадей не повсюду однообразна. У туземцевъ зажиточныхъ, хорошо подкармливающихъ дворовыхъ лошадей въ зимній периодъ и во время полевыхъ работъ, лошади бывають рослѣе, здоровѣе, чѣмъ у недостаточныхъ земледѣльцевъ, кое-какъ прозябающихъ тиричиликомъ. У этихъ послѣднихъ, встрѣчающихся впрочемъ въ ограниченномъ числѣ, отъ скучного питанія и плохого помѣщенія лошади истощаются въ теченіи зимы до такой степени, что едва передвигаютъ ноги; но съ появлениемъ первой травы, выпущенныхъ въ поле, они быстро поправляются и дѣлаются способными къ работѣ.

Чтобы покончить засимъ съ общими свѣдѣніями о типѣ и достоинствахъ лошадей Зеравшанской долины, мы считаемъ нѣлишнимъ сообщить результаты сдѣланныхъ нами измѣреній у пятидесяти скаковыхъ карабаировъ: длина отъ холки до рѣшицы 1 арш. 12 вер.; ростъ 2 арш.  $3\frac{1}{2}$  вер., подпруга въ обхватѣ 2 арш. 10 вер.

Для полноты нашей замѣтки, предварительно выполненнія послѣдующихъ пунктовъ программы, считаемъ нѣлишнимъ сообщить здѣсь практическія свѣдѣнія знатоковъ о наружныхъ признакахъ лошади, отличающихъ хорошія качества, породистость.

Подыскивая верховую лошадь, каждый конечно стремится найти въ ней и лучшія формы, и лучшія достоинства бѣга, выносливости. Это и не безошибочно, таѣтъ какъ достоинство темперамента въ тѣсной связи съ наружными качествами, съ красотою лошади. Истинная красота лошади заключается въ окружности и пропорціональности частей ея тѣла, на что и слѣдуетъ обратить вниманіе.

Убѣдясь въ достаточной ширинѣ груди и зада осматривающей лошади, надо приступить къ подробному ея осмотру, начиная съ головы. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдуетъ осмотрѣть глазъ, ибо въ немъ, какъ въ зеркаль, отражается темпераментъ и наклонности лошади. Если глазъ смотрить бойко, въ немъ выражается энергія, и наоборотъ, сонливый глазъ

обозначает лѣнность, вялость, болѣзнико мутный глазъ служить признакомъ колера—припадковъ бѣшенства, а темный и мутный глазъ означаетъ слѣпоту, которую легко открыть, поднося потихоньку на полвершка палецъ къ глазу лошади, причемъ она не моргнетъ. Словомъ, по взгляду можно почти вѣрно опредѣлить наклонности лошади. Слѣдуетъ замѣтить, что впадины надъ глазами у лошадей означаютъ старость или же происхожденіе отъ престарѣлыхъ родителей, что конечно также имѣеть значеніе.

Уши, по своему расположению, также болѣе или менѣе вѣрно указываютъ на temperamentъ лошади. Лучшимъ расположениемъ ушей считается, когда они параллельны; развесистыя уши—признакъ лѣнности, а сближенные своими верхушками и слишкомъ подвижные (шомпонъ-кулакъ) означаютъ щекотливость и пугливость. Злыя лошади обыкновенно прищуриваютъ уши, прицѣливаясь укусить.

О зубахъ лошадей, какъ опредѣляющихъ возрастъ, мы не будемъ говорить, считая наблюденія свои въ этомъ недостаточно полными.

Широкія ноздри лошади, съ такъ-называемыми отдушниками во внутренней полости ихъ, служатъ признакомъ скаковой способности такихъ коней.

Голова не мясистая, сухая, жилистая, отличаетъ высокую породу лошади. Шея должна быть поставлена нѣсколько наклонно, а расположение плечъ должно быть почти перпендикулярнымъ къ шей. Грудь должна быть полная, хорошо округленная и по росту пропорционально широкая, безъ впадинъ, служащихъ признакомъ слабости лошади. Подплечье должно быть сухое и мускулистое, а длина его должна равняться длины остальной части ноги. Берцо должно быть умѣренно толстое, но сухое. Бабка, умѣренной длины, должна быть поставлена ни слишкомъ наклонно, ни слишкомъ прямо.

Слѣдуетъ обращать пристальное вниманіе на копыто: оно должно имѣть форму стаканчика, ровное, не слоистое, безъ продольныхъ трещинъ, не хрупкое, что подвергаетъ лошадь

хромотѣ, а иногда и совершенной негодности. Стрѣлка нижней поверхности копыта должна быть полная и широкая въ заднемъ концѣ, безъ трещинъ, служащихъ признакомъ гніенія стрѣлки, усиливающагося когда лошадь стоитъ на сырьемъ мѣстѣ. Самое полотно копыта не должно быть выпукло, потому что тогда лошадь не можетъ смѣло ступать и ковка дѣлается затруднительной, подвергая лошадь наминкамъ.

При умѣренной холѣ линія спины должна быть прямая, безъ горбинки, но съ маленькой изложинкой. Полезно, выбиравая лошадь, провести по спинному хребту и если она вытягиваетъ его, чѣмъ отличается признакъ высокой крови, то дойдя до почекъ слѣдуетъ слегка подавить на нихъ, причемъ, если лошадь присядеть, то это значитъ, что почки парализованы и заднія ноги слабы.

Крестецъ долженъ быть или совершенно прямой, составляя почти одну линію со спиной, или же округленный къ репицѣ, но никакъ не свислый, называемый свинымъ задомъ. У лучшихъ лошадей рѣшида хвоста, составляющая продолженіе крестца, слегка отдѣляется не только на ходу, но и на мѣстѣ.

Ребра лошади должны быть округлы, бока и пахи небольшие. Задъ лошади долженъ имѣть яйцеобразную округленность, а ягодицы и портки должны быть мускулисты.

Длина ногъ должна быть пропорциональна длине всего корпуса, а толщина—пропорциональна массѣ поддерживаемаго корпуса. Слѣдуетъ требовать, чтобы при осмотрѣ лошади спереди, заднія ноги совпадали съ передними; сбоку же—чтобы они были параллельны между собою и имѣли хороший отвѣсъ.

Скаковой суставъ, смотря на него сбоку, долженъ быть широкъ, а сзаду наоборотъ; на немъ не должно быть никакихъ подковъ шипичекъ, припухлостей и подтековъ, служащихъ вѣрными признаками худосочія, влекущаго за собою шпатъ и неизлечимую хромоту. Слѣдуетъ также избѣгать лошадей, у которыхъ переднія ноги выше заднихъ (замбарбель), что способствуетъ утомленію всадника и непрочному держанію лошадью сѣдла, такъ замѣтному приѣздѣ въ горахъ.

Къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ, известнымъ безъ сомнѣнія всѣмъ знатокамъ и любителямъ лошадей, можно дать еще для нуждающихся наставленіе: покупать лошадей отъ туземныхъ барышниковъ (аспъ-джалофъ), непремѣнно заставляя послѣ осмотра сойти съ коня, провести его сначала шагомъ, а затѣмъ уже заставить пробѣжать рысью, безъ подщелкиваний и показыванія кнута; при этомъ, если послѣ пробѣжки рысью, поставленная на мѣсто лошадь тяжело дышетъ и судорожно водить боками, прекратите осмотръ, такъ какъ это означаетъ, что у лошади запалъ и она негодна.

Конечно, верховыхъ лошадей, одинаково удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ, отмѣченнымъ выше, встрѣтить теперь трудно, а сойтись въ цѣнѣ при нашей привычкѣ здѣсь къ низкой оцѣнкѣ лошадей, еще труднѣе; но для знатоковъ лучшіе экземпляры бухарскихъ карабанровъ и туркменскихъ жеребцовъ оказались пригодными и для московскихъ скакечъ и для россійскихъ заводовъ. Такимъ любителямъ коннозаводства ничего разумѣется не составляетъ проѣхать изъ Оренбурга въ Бухару, для приобрѣтенія, по очень умѣреннымъ цѣнамъ, хорошихъ производителей, вполнѣ какъ оказывается пригодныхъ для „освѣженія“ заводовъ.

Выиграть ли отъ этого и безъ того слабое коневодство Туркестанского края—это другой вопросъ, который и слѣдовало бы взвѣсить съ той же заботливостью, какая была удѣлена въ свое время шелковичной гренѣ, привлекшей не мало отечественныхъ доброжелателей, промышленниковъ всякихъ ранговъ.

Намъ слѣдуетъ перейти теперь въ группировкѣ свѣдѣній о содержаніи туземцами лошадей, обѣ уходѣ за ними, о правилахъ коневодства вообще. И конечно, этимъ свѣдѣніямъ должны предшествовать поясненія о порядкѣ воспитанія лошадей, такъ какъ известно, что воспитаніе играетъ въ коневодствѣ великую непосредственную роль, давая возможность улучшать породу *въ самой себѣ*, безъ прымѣси посторонней крови, какъ достигли того въ Англіи, Мекленбургѣ въ Голландіи.

Тамъ, гдѣ существуетъ сознательное коневодство, а не инстинктивное, случайное, порядокъ ухода за приплодомъ, въ особенности за первогодними жеребятами, считается такимъ же обязательнымъ условіемъ къ разведенію хорошихъ породъ, какимъ признается и подборъ хорошихъ производителей. Озабочиваясь получить хорошій приплодъ правильнымъ содержаніемъ жеребыхъ матокъ, умѣреннымъ кормленіемъ ихъ въ особенности во второй периодъ, обращаютъ затѣмъ все внимание на первоначальный уходъ за жеребятами, давая имъ на первомъ же году овесъ около фунта въ сутки на жеребенка, до отнятія отъ матки, а по отнятіи, на четвертомъ мѣсяцѣ, къ 4-му фунтамъ овса прибавляется еще и 3 фунтовъ сена.

Кромѣ правильнаго кормленія жеребятъ, въ правильномъ коневодствѣ обращается также внимание на уходъ за ними, требующій, чтобы жеребята не утомлялись большими переходами съ матками на поляхъ и на работѣ, чтобы по отнятіи отъ матокъ жеребята оставались бы въ движеніи, упражнялись бы свободнымъ бѣгомъ, который такъ развиваетъ весь станъ, поступь, походку, ловкость, въ особенности у жеребятъ, пасущихся на холмистыхъ мѣстахъ.

Жеребята, выросшіе съ такимъ воспитаніемъ, могутъ вспять уже на второмъ году небольшія тяжести, для укрѣпленія хребта, а чрезъ три года ихъ пріучаютъ уже къ несильно утомительной верховойѣездѣ, выдавая на четвертомъ году нормальную порцію для взрослой лошади 10. ф. овса и 12. ф. сена въ сутки.

Такимъ образомъ, за основаніе полученія хорошаго поколѣнія отъ породистыхъ производителей, правильное англійское коннозаводство принимаетъ кормленіе жеребятъ овсомъ, уходъ за жеребятами послѣ они при маткахъ и доставленіе надлежащаго упражненія въ возрастѣ отъ одного до трехъ лѣтъ. Знатоки замѣчаютъ, что несоблюденіе этихъ обязательныхъ условій воспитанія приплода предоставленіемъ его природѣ табунной жизни, потомки теряютъ свои формы, свои достоинства темперамента и наоборотъ, арабскія и азіатскія лошади, при за-

водскомъ воспитаніи, дѣлаются гораздо крупнѣе, не теряя своихъ кровныхъ скаковыхъ качествъ.

Отмѣтивъ выше, что получение хорошихъ потомковъ обусловливается въ большой степени подборомъ производителей, пояснимъ, что правильное коневодство обращаетъ также строгое внимание на случку. Кобыль оставляютъ на племя преимущественно такихъ, которые имѣютъ широкій задъ, правильное и пропорциональное строеніе костей, хорошія копыта и достаточно развитое вымя, съ симметрическимъ расположениемъ ровныхъ сосковъ.

При подборѣ кобыль обращаютъ внимание, чтобы они не имѣли какихъ-либо общихъ недостатковъ съ жеребцами, которыхъпускаютъ въ случку не ранѣе возраста четырехъ лѣтъ и не старше возраста шестнадцати лѣтъ.

Для приплода оставляютъ жеребцовъ, имѣющихъ сухой складъ, хорошо развитую мускулатуру, крѣпкія сухожилія безъ всякихъ наростовъ, прозраченій, безъ сыпи, лишаевъ, подсыдовъ. Жеребцамъ, идущимъ первый разъ въ случку, назначаютъ не болѣе пяти кобыль; достигшимъ полнаго возраста можно отѣлять до тридцати кобылъ. Во время случки съ руки, весною, въ периодъ сильнаго любовнаго жара животныхъ, жеребцамъ даютъ кормъ питательный, горячительный, увеличивая дачу овса до 6-ти гарнцевъ въ сутки.

Насколько важно соблюденіе этихъ условій случки, настолько же существенно и соблюденіе правилъ содержанія жеребыхъ кобыль. Отдавая жеребыхъ кобыль въ работу, столько же въ экономическихъ расчетахъ, сколько и для получения, какъ дознано, болѣе крѣпкихъ жеребятъ, знатоки заботятся не пускать кобыль до полдневнаго солнца на сырья пастбы и не выгонять въ холодные осенне дни въ поле, для предотвращенія выкидыванія плода.

Въ зимніе мѣсяцы, держа кобыль въ теплыхъ помѣщеніяхъ, даютъ имъ кормъ легко варимый, питательный, занимающій небольшой объемъ, чтобы не стѣснить плодъ, что особенно важно во второй периодъ. Послѣ выжеребья, кобылу

оставляютъ въ теченіи девяти дней дома, давая ей достаточно сена, яровой соломы и до шести гарнцевъ овца въ сутки во время работы.

При соблюденіи этихъ условій подбора производителей, случки, содержанія жеребыхъ кобыль и воспитанія жеребятъ, поколѣнія получаются вполнѣ достойныя своихъ родителей.

Мы изложили здѣсь общія основанія коннозаводства для того, во-первыхъ, чтобы свѣдѣнія эти послужили на пользу, кому они потребуются; во-вторыхъ и для этого, чтобы разница приемовъ коневодства и содержанія лошадей у туземцевъ представилась бы для насъ нагляднѣе.

Мы не намѣрены начинать, по примѣру другихъ, порицаніемъ апатичности туземцевъ къ коннозаводству, упреками туземцамъ за варварское обращеніе съ животными плохимъ воспитаніемъ, плохимъ уходомъ, плохимъ содержаніемъ лошадей. Мы сочли бы это совершенно безцѣльнымъ, совершенно даже несправедливымъ, противорѣчащимъ действительности, не согласующимся съ общимъ экономическимъ закономъ, что источникъ всякихъ улучшеній есть благосостояніе.

Каждый знаетъ конечно, что нравственный, интеллектуальный ростъ восточнаго народа мѣряется никакъ не десятилетними periodами, и если порицателямъ встрѣчались массы заботливыхъ о лошадяхъ туземцевъ двадцать лѣтъ назадъ, если онъ встрѣчалъ тогда очень достаточно прекрасныхъ лошадей, а теперь въ затрудненіи прискать себѣ посредственную верховую лошадь, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что современный туземецъ окончательно утратилъ и любовь къ лошади, и былое умѣніе въ коневодствѣ. Совсѣмъ иѣтъ: у туземцевъ есть и знаніе, и любовь, и желаніе держать хорошихъ коней, но иѣтъ стимуловъ держать дѣйствительно скаковыхъ лошадей, а не вертаявыхъ кокбуристовъ, иѣтъ средство поддержанія коневодства хорошими породами, замѣтно утратившими своихъ представителей съ того позднейшаго времени, когда ханскія и бековскія конюшни перестали быть распространителями породъ.

Современный туземецъ Зеравшанской долины, имѣя 5--6 посредственныхъ кобылицъ для приплода и для полевого хозяйства, часто бываетъ преданъ такой заботливости подвести ихъ для случки къ чужому хорошему жеребцу, которая стоить ему и расходовъ, и непріятностей.

Слѣдовательно, гг. порицатели, первая причина застоя и даже упадка мѣстного коневодства — отсутствие хорошихъ производителей. Устраните эту причину и смѣло предоставьте туземцамъ воспитывать лошадей хотя бы даже ихъ способомъ, рекомендовавъ параллельно благоразумнымъ и европейскіе приемы, съ дачею жеребятамъ овса, котораго здѣсь нѣть, и котораго не замѣняютъ для нихъ ячменемъ, какъ замѣнили его для лошадей, получающихъ въ шестимѣсячный періодъ, съ октября по апрѣль, 15 фунт. клевера, 15 ф. мелкой соломы (саманъ), 10 ф. зерна въ сутки и кусокъ ископаемой соли на два мѣсяца <sup>1)</sup>.

Замѣтьте гг. интенданты, полковые командиры, замѣтьте гг. порицатели всего туземного, что туземцы опередили насъ въ дѣлѣ содержания лошадей, давая корыѣ смѣшанный, изъ клевера и саману, а не изъ одного клевера, который, какъ дознано и эмпирически и научно <sup>2)</sup>, дѣлаетъ лошадь безсильною и развиваетъ разныя болѣзни. Полезно принять это къ свѣдѣнію и въ видахъ государственной экономіи.

Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ подробности изложения приемовъ случки, ухода за кобылами, воспитанія жеребятъ <sup>3)</sup>, завѣряя только, что у хорошихъ хозяевъ они, эти приемы,

<sup>1)</sup> Такой порціей шестимѣсячного довольствія сухинъ кормомъ пользуются простыя сельскія лошади. Любители же горожане содержать коней на сухомъ корму круглый годъ.

<sup>2)</sup> Припомните "Руководство" профессора Черновятова.

<sup>3)</sup> У туземцевъ жеребята носятъ название по возрасту: однолѣтній — тай, двухлѣтній — калита-тай, трехлѣтній съ остриженной гривой и хвостомъ — гулакъ, четырехлѣтній — дунанъ, пятилѣтній — атъ, т.-е. лошадь. Жеребята не отнимаютъ отъ матокъ до слѣдующаго приплода, не запираютъ ихъ даже во дворѣ, предоставляя дѣтямъ сѣдлать калита-тай. Цѣна хорошему гулаку 80—120 руб., цѣна кобылы отъ 80 до 60 рублей. Цѣна рабочей, простой лошади 16 руб., арабской 50—80 р., вьючной (джагудеръ) 30—40.

совершенно рациональны, совершенно отвѣчаютъ мѣстнымъ условіямъ и во многомъ общіе съ приемами европейскими. Это вполнѣ и доказывается встрѣчающимся мѣстами въ Зеравшанскомъ оазисѣ хорошимъ приплодомъ.

Что же касается до содержанія лошадей у зажиточныхъ городскихъ туземцевъ, то оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ отвѣщающее, закрываніемъ попонами и постоянной чисткою вѣникомъ, условіямъ жаркаго, сухого климата — какъ вырабатывающее кактаромъ <sup>1)</sup> стройныхъ поджарыхъ, чуткихъ, поворотливыхъ, мягкоуздыхъ скакуновъ, которыхъ нѣть соперниковъ въ европейскихъ лошадяхъ на двадцативерстномъ ипподромѣ.

Заканчивая настоящее изслѣдованіе о скотоводствѣ, мы должны обратиться теперь къ цифровымъ даннымъ, вспомогательно разрѣшающимъ, при своей точности, всякие экономические вопросы съ болѣйшей убѣдительностью, чѣмъ распространя-

<sup>1)</sup> Достаточно наблюдая уходъ туземцевъ за лошадьми, мы замѣтили такой порядокъ его: послѣ несколькиихъ часовъ єзды, отоуставъ несколькиѣ сѣдельные подпруги, подтянувъ достаточно свободно голову закинутыя на луку сѣда, подводомъ, вываживаютъ лошадь въ продолженіе полутора часа. Закрывъ затѣмъ теплой кошемашной попоной сверху легкой покрышки, набрасываемой во время выводки, подтягиваютъ голову на ѿзечкѣ, привязывая такимъ образомъ лошадь на выстойку (кокъ-таръ) въ теченіи 4—6 часовъ смотря по усталости животнаго, причемъ любители моютъ ноги лошади солевой водой. Задавъ послѣ выстойки рубленый клеверь, чрезъ часъ или два часа напопѣвъ лошадь, даютъ ячмень или джугару (сорго) въ количествѣ на 3 ф. менѣе противъ порціи ячменя. Вычищаютъ вѣнкаки и тряпку лошадь съ самого утра, въ 5 часовъ даютъ клеверь и въ 7 часовъ, напопѣвъ лошадь, ставятъ ее на кокъ-таръ до поздней замы, — до  $2\frac{1}{2}$  часовъ лѣтомъ, давая въ это время клеверь съ саманомъ и умѣренное количество воды, послѣ чего оставляютъ лошадь на выстойкѣ до восьми часовъ вечера въ лѣтній періодъ. Вычищать на ночь коня, давъ ему простоять вѣкоторое время безъ попоны, задаютъ клеверь, поить и кормить полной суточной дачей ячменя въ 10 фунтовъ. Съ одиннадцати часовъ вечера и на всю ночь ѿзечка подтягивается слабо, поводъ опускается свободно, чтобы лошадь могла ложиться, чѣмъ нерѣдко злоупотребляютъ конюхи (сонцы), оставляя лошадь съ подтянутой головою на всю ночь, чтобы избавиться отъ утренней чистки. При такомъ уходѣ за лошадью съ постояннѣмъ оставлениемъ ее на кокъ-тарѣ, она дѣлается чрезвычайно чувствителію къ поводу, чѣмъ, напримѣръ, казачьи лошади не отличаются; она свободна всегда отъ сонливости, и сохраняетъ сталь скаковой лошади. Отмѣтимъ здѣсь также, что на одну лошадь требуется въ годъ 2 торбы — 40 кон., двѣ попоны — 10 р. одинъ годовой конюхъ — 26 руб. (у сартовъ), или отъ 80 до 150 руб. у русскихъ любителей лошадей.

ненное изложение, не подкрепленное такими данными. Для полноты исследования, мы приводимъ поэтому цифры только по Самарканскому отдѣлу, изученіемъ которому во всѣхъ статьяхъ жизни туземного населенія намъ пришлось заниматься два съ половиною года.

Не рѣшаясь приводить здѣсь цифровые данные о скотоводствѣ по всему Зеравшанскому округу, какъ не проверенные нами лично, ручаясь за точность цифръ ниже приводимъ, должны высказать, на основаніи достаточнаго знанія общаго благосостоянія населенія, что выведенныя цифровые отношенія близко подходятъ и для остальныхъ мѣстностей округа.

Для большей наглядности, сочтемъ полезнымъ показать здѣсь количество скота въ каждой волости, соединяя ихъ въ группы, по характеру земледѣльческой культуры, такимъ образомъ:

Волости посѣва риса:								
( <sup>1</sup> )	лошадей.							
	Домовъ	Вербл.	Ослонъ	Быковъ	Корогъ	Баранъ	Кобылъ	Жереб.
1) Дагбитская . . . . .	1335	2	200	820	780	500	150	500
2) Шахабская . . . . .	1437	—	140	980	860	400	250	420
3) Джой-диванийская.	3007	—	380	2500	2700	1000	1300	1400
4) Хальванийская . . .	2395	18	400	3080	2780	1200	700	1300
5) Кобутская. . . . .	2030	10	520	2300	4200	2600	800	1500
6) Тюе-Тартарская . .	2021	12	480	1600	2800	8000	860	1100
7) Сибская . . . . .	1138	—	220	700	1060	120	300	800
8) Джума-базарская .	1250	—	300	700	1300	800	500	860
9) Ишму-аксакская .	1519	—	250	980	1700	400	340	800
Городъ Самаркандъ . .	4360	—	700	360	1050	300	28	1200
Итого . . .	20492	150	3590	14020	19230	15320	5223	9880

Въ девяти волостяхъ съ городомъ приходится на 100 домовъ: ишаковъ 17,5, рогатаго скота 162,2, барановъ 14,2, лошадей 73,7.

<sup>1</sup>) Количество обрабатываемой земли въ отдѣлѣ известно только приблизительно, а потому мы не пользуемся этими цифрами.

Волости посѣва пшеницы, ячменя, джугары:

лошадей:

	Домовъ	Вербл.	Ослонъ	Быковъ	Корогъ	Баранъ	Кобылъ	Жереб.
1) Яны-Курганская . . .	1618	—	250	900	1200	600	750	
2) Дюрткульская . . . .	972	60	280	760	1020	6000	380	460
3) Челекская. . . . .	1630	60	600	1200	1700	5000	500	1020
4) Апгарская. . . . .	1472	40	500	1300	1600	500	560	700
5) Михалинская. . . . .	2583	60	800	920	2300	700	400	860
Итого . . .	2875	220	2430	5080	7820	12200	2440	3790

Въ пяти волостяхъ средней культуры приходится на сто домовъ: ишаковъ 29,3, рогатаго скота 155,8, барановъ 147,4, лошадей 75,2.

Волости подгорныхъ, низшей культуры яровыхъ посѣвовъ:

лошадей.

	Домовъ	Вербл.	Ослонъ	Быковъ	Корогъ	Баранъ	Кобылъ	Жереб.
1) Даульская. . . . .	1507	380	400	1060	2030	11000	700	800
2) Чапмаабская. . . .	1062	150	240	360	500	12000	280	320
3) Хоча-Мукурская. .	811	60	120	400	720	7000	300	420
4) Осмать-Катарталь-ская. . . . .	1028	16	60	260	420	4600	140	380
Итого . . .	4408	606	820	2080	4670	34600	1420	1920

Въ четырехъ волостяхъ низшей культуры посѣва пшеницы, ячменя, на сто домовъ приходится: ишаковъ 18,6, рогатаго скота 153,1, барановъ 807,6, лошадей 77,3.

Всего по восемнадцати волостямъ отдѣла, съ городомъ Самаркандомъ, на 33175 домовъ, съ населениемъ 200000 душъ обоего пола, приходится: верблюдовъ 976, ишаковъ 6840, рогатаго скота 52900, барановъ 62120, кобылъ 9088, жеребцовъ 15590.

Принимая для вычислениія обыкновенную среднюю оценку верблюда въ 60 р., ишака въ 12 р., рогатаго скота въ 25 р., барановъ въ 5 р., кобылъ въ 18 р., жеребцовъ въ 26 р., получаемъ валовую стоимость скотоводства въ Самарканскомъ отдѣлѣ въ 2,343,664 рублей, что составить по 70 рублей на каждый домъ или почти на каждое земледѣльческое хозяйство.

Хотя при несовершенствѣ вообще нашей официальной регистрации всѣхъ факторовъ экономической жизни населенія, мы рѣшились вывести здѣсь только цифровыя отношенія скотоводства къ хозяйствамъ, но не къ обрабатываемой землѣ, количество которой, по официальнымъ даннымъ, совершенно гадательно,—тѣмъ не менѣе и такие выводы наши показываютъ, что въ качественномъ отношеніи эта отрасль сельскаго хозяйства находится въ Самаркандскомъ отдѣлѣ въ хорошемъ состояніи. Что же касается до интенсивности скотоводства, то, какъ мы старались уяснить въ предыдущихъ замѣткахъ, оно наиболѣе проглядываетъ въ овцеводствѣ и отчасти въ коневодствѣ, но очень мало въ остальныхъ видахъ скотоводства, удерживаемыхъ климатическими и почвенными условіями почти въ примитивномъ состояніи.

Еслибы мы были одарены административнымъ талантомъ „улучшать“, мы, пожалуй, не пропустили бы въ этомъ очеркѣ разныхъ талантливыхъ разсужденій о необходимости „освѣжить“ мѣстныя породы испанскимъ осломъ, холмогорской коровой, овцой-электораль, съ открытиемъ конечно опытной школы съ очень опытными чиновниками; но мы не вѣримъ въ возможность какихъ бы то ни было улучшеній, кроме канцелярскихъ, разумѣется, чрезъ чиновниковъ; не вѣримъ рѣшительно въ продуктивность того административного огонька, который всыхиваетъ только для извѣстныхъ случаевъ; еще менѣе вѣримъ въ возможность бороться съ климатическими условіями одинъ канцелярскимъ задоромъ, и не станемъ поэтому входить въ разборъ этихъ великихъ маѣній, нами отмыченныхъ только.

Оставивъ такимъ образомъ овецъ, ословъ и коровъ въ покой, попытаемся однако разобрать: не представится ли какойнибудь возможности поддержать коневодство, эту самую существенную и благородную отрасль скотоводства, на которую почему-то было меныше обращено до сихъ поръ административного вниманія, чѣмъ на шелкъ, айлантусы, суходольный рисъ, американский хлопокъ и пр.

Удѣляя, съ своей стороны, коневодству наше вниманіе, вѣря даже въ возможность скораго улучшенія его для поднятія благосостоянія края, безъ всякихъ чиновничихъ подтолкваній, мы рѣшаемся подѣлиться съ читателями нашими взглядами на это дѣло, резюме которыхъ, года три тому назадъ, было даже представлено на „благоусмотрѣніе“.

Предварительно ознакомленія васъ, гг. читатели, съ тѣми основаніями, которыя мы считаемъ вполнѣ достаточными для осуществленія нашихъ пожеланій поддержанію коневодства, просимъ покорѣйше, принявъ къ свѣданію русскій афоризмъ: „чиновникъ не соха, земледѣльецъ не чернильница“, считать нашъ взглядъ на непригодность чиновниковъ къ улучшеніямъ чужого хозяйства безповоротнымъ взглядомъ для всѣхъ мѣстностей и на всѣ случаи.

Этимъ мы сразу опредѣляемъ, что намѣрены искать средство по вопросу о коневодствѣ въ самой сельско-хозяйственной жизни; въ самомъ народѣ, съ участіемъ разумѣется административнаго взгляда, разрѣшенія и даже поощрѣнія, какъ то вообще „подобаетъ“.

Обратимся къ первымъ страницамъ о коневодствѣ. Мы говорили, что спросъ на лучшихъ скаковыхъ лошадей былъ наибольшій въ періодъ войнъ, что въ позднѣйшее время спросъ является только на лошадей вертлявыхъ, крѣпкихъ, способныхъ для безопаснаго, portящаго коней ристалища на бокъ-бури; говорили, что въ былое время конюшни хановъ и бековъ много способствовали распространенію хорошихъ породъ лошадей; отмѣтили мы также, что въ настоящее время осталась единственная стимулирующая коневодство сила: безкорыстная склонность туземца къ забавѣ раздиранія козла на празднествахъ обрѣзанія и свадебныхъ, къ забавѣ, стоющей нерѣдко жизни,увѣчья и всадникамъ, и лошадямъ, къ заботѣ нисколько не вознаграждающей побѣдителей материально и только поощряющей узбекскій задоръ самолюбія, гордости, возможностью похвалиться своимъ конемъ „побѣдителемъ въ столькихъ-то случаяхъ“. Вотъ, господа, гдѣ надо искать средство къ раз-

витію коневодства. Это средство надо искать въ характерѣ туземца, въ его тщеславіи, въ его склонности дорожить поощрениями, въ особенности въ скаковыхъ состававіяхъ, въ его не выдохшемся еще любви къ лошади, въ его умѣнии обращаться съ хорошими лошадьми.

Второе средство будетъ въ помоши населенію пріискивать для своихъ довольно сносныхъ кобылъ производителей.

Выступаютъ, такимъ образомъ, всего два условія, отъ правильной разработки, твердой постановки которыхъ зависитъ вся будущность коневодства, а следовательно и благосостоянія края. Стоитъ, следовательно, порыться въ канцелярскомъ архивѣ, чтобы не поправлять очки, когда уже будетъ поздно. Мы не станемъ дожидаться этого тяжелаго дня подыскиванія и перелистыванія „дѣла“, а высказаемся, какъ по нашему мнѣнію представляются наивыгоднѣйшимъ образомъ оба условія, чтобы получить чрезъ десятокъ лѣтъ желаемые результаты на миллионъ оборотовъ.

Начнемъ со второго фактора: помоши населенію, которой пользовалось оно когда-то отъ азіатскаго правительства. Мы знаемъ, что эта помощь, при всей ограниченности ея размѣровъ, доставленіемъ возможности пользоваться ханскими лошадьми небольшому району населенія, оказала огромную услугу, закрѣпивъ за лучшими породами названія по местностямъ, встрѣчающейся, вѣроятно, и не въ одной Зеравшанской долинѣ.

Какихъ же результатовъ для коневодства можно было бы ожидать отъ правильной постановки такой активной помощи открытиемъ случныхъ конюшенъ въ разныхъ пунктахъ данного района. Для Самарканского отделья мы указали бы такихъ пунктовъ девять, въ центральныхъ или соответствующихъ селеніяхъ волостей *Дайбитской* для Шахабской и Ишимъ-аксакской, *Джой-диваникской* для этой огромной волости, Яныкуранской для Дюртъ-кульской, Челекской для Хочамукурской, Хольванской для Кабутской, Тюетартарской для Осматъ-катартальской, въ Сіобской для города Самарканда и Маха-

линской волости, въ Джумабазарской для Чашмаабской, въ Даульской для Ангорской волости.

На первое время мы полагали бы держать въ каждомъ случномъ пункѣ по три хорошихъ производителя породы карабаировъ и туркменской, считая этого вполнѣ достаточнымъ при расчетѣ, что въ соответствующій периодъ каждый жеребецъ въ состояніи будетъ покрывать 20 кобылъ, т.-е. 60 кобылъ въ районѣ или 540 кобылъ каждогодно въ отдѣлѣ; эта цифра каждогоднаго приращенія можетъ удовлетворить дѣло коневодства при условіи, въ особенности, если къ случкамъ будутъ допускаемы лучшія, породистыя кобылы, которыхъ туземцы умѣютъ отличать отъ обыкновенныхъ, не имѣющихъ статей породы. Но конечно строгой придирчивости быть не должно, такъ какъ она могла бы повлечь за собою убѣжденіе въ населеніи, что конюшни покровительствуютъ только богатымъ и влиятельнымъ. Достаточно было бы поэтому, подготовивъ населеніе сообщеніемъ свѣдѣній о мѣстѣ открытія случныхъ пунктовъ для „такихъ-то“ районовъ, растолковать туземцамъ, что для такихъ хорошихъ производителей необходимы и породистыя, а не самая простая кобылы. Туземцы сами это уразумѣютъ и добиваться случки плохихъ кобылъ не станутъ, какъ не станутъ, ручаюсь, и злоупотреблять подведеніемъ кобылъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ и занять, въ чемъ ворочемъ особенной бѣды мы не видимъ.

Повсемѣстно случка обязательно должна быть даровая, безъ всякихъ даже подношеній завѣдывающему конюшней; замѣнимъ однако это классическое слово „завѣдывающій“ болѣе определеннымъ названіемъ „надсмотрщикъ“ (карай-турганъ), и послѣднимъ успокоить подозрительность читателей, что надсмотрщикомъ будетъ не чиновникъ и даже не артиллерійский бомбардиръ, а простой, знающій, зажиточный туземецъ или два туземца того селенія, въ которомъ случная конюшня будетъ открыта. Всякій согласится держать одну, двѣ такихъ хорошихъ лошадей, которыми онъ можетъ и пользоваться не для полевыхъ работъ; конечно, и кокъ-бури, а для скромной

езды, для случки. Такимъ надсмотрщикамъ конюшень даже не требуется, полагаемъ, давать каждогодныхъ наградъ; они удовольствуются отпускомъ имъ на довольствие лошадей клевера, самана, ячменя и будуть счастливы, что имъ довѣрили такое важное дѣло.

Принимая нормальную кормовую сугочную дачу для одной лошади въ 15 фунт. клевера, 15 фунт. самана, 10 фунт. ячменя, вычислимъ годовую стоимость содержания трехъ лошадей случного пункта въ 440 р. на фуражъ, плюсъ 16 р. на попоны, недоузки и арканы. Выдержать этотъ наибольшій годовой расходъ для населенія намѣченныхъ нами районовъ ровно ничего не значить, и если администрація растолкуетъ только цѣль открытия случныхъ пунктовъ, населеніе само пойметъ пользу, само составить приговоры нести незначительный расходъ не только на содержаніе конюшень, но и на пріобрѣтеніе самыхъ лучшихъ производителей.

Принимая наивысшую оценку одного хорошаго жеребца въ 240 рублей максимум, получимъ сумму всей затраты для девяти случныхъ пунктовъ въ 6480 рублей единовременныхъ.

Вотъ отъ какихъ ничтожныхъ денежныхъ цифръ находится въ рабской зависимости дѣло коневодства, дѣло народнаго благосостоянія, дѣло государственной пользы! Обращаюсь съ этимъ восклицательнымъ знакомъ ко всѣмъ, любящимъ край, ко всѣмъ, удѣляющимъ свой трудъ на его изученіе, ко всѣмъ преданнымъ желанію, чтобы русская цивилизациѣ проявила себя въ Средней Азии возможно активно.

Нашъ слабый трудъ изслѣдований о коневодствѣ приближается къ концу. Осталось сказать еще о второмъ факторѣ вліянія на улучшеніе этой отрасли народнаго хозяйства — о поощреніи, которое повсюду служить до сихъ поръ началомъ, способствующимъ къ соревнованію, а слѣдовательно и къ улучшенію.

Если въ Европѣ поощренія выражаются преміями за выставки и призами экспонентамъ, выдержавшимъ своими лошадьми состязанія скаковыя и бѣговыя, то для Средней Азии

можно сохранить одни скачки, которые будутъ одновременно и выставками безъ всякихъ премій. Одни скачки будутъ гораздо цѣлесообразнѣе, по своему, соответственно народнымъ склонностямъ, народнымъ обычаямъ, чѣмъ отдельные выставки, изумляющія иногда многихъ основательнымъ вопросомъ: за что „такому-то“ дали награду, когда онъ принималъ участіе только своимъ именемъ.

Считая такимъ образомъ скачки поощреніемъ вполнѣ достаточнымъ, вполнѣ отвѣчающимъ мѣстнымъ условіямъ бытovымъ и хозяйственнымъ, скажемъ, что они должны быть организованы на началахъ строго правильныхъ, а главное — устойчивыхъ навсегда, чтобы туземцы видѣли на ипподромѣ не одну тамашу, развлеченіе любителей зреющій, но действительное, справедливое мѣрило достоинствъ лошадей.

Мы не ставимъ себѣ задачею представить здѣсь подробные детали того устава скакового общества, составленіе котораго, какъ мы давно слышали, поручено кому-то въ Ташкентѣ, но и не откажемся изложить здѣсь общія начала, которыхъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть приняты для конскихъ скачекъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что на первое пятилѣтіе, считая со времени учрежденія случныхъ пунктовъ, провести обязательное правило требованія отъ экспонентовъ-туземцевъ представленія на ипподромъ доморощенныхъ (хоназотъ) лошадей — будетъ положительно невозможно; придется допускать на состязаніе всѣхъ лошадей, безразлично, наблюдая однако, чтобы экспонентами были бы туземцы данного административнаго района и действительные собственники выставленныхъ лошадей. Удостовѣриться въ этомъ всегда легко будетъ чрезъ волостныхъ управителей и аксакаловъ, которымъ полагается присутствовать на скачкахъ.

Впослѣдствіи, съ развитіемъ коневодства, какъ ожидается, подъ вліяніемъ проектируемыхъ мѣръ, тѣ же должностныя лица, близко стоящія къ народу, безъ всякихъ формальностей будутъ также удостовѣрять посредникамъ происхожденіе каждой

лошади. Тогда и скачки устанавливаются отдельно для доморошенныхъ лошадей и для покупныхъ.

На состязание могутъ быть допускаемы лошади не моложе пяти лѣтъ. Общее число лошадей скакового круга (даура), должно быть не болѣе двадцати семи, что разъется каждый разъ на самому ипподромѣ жребиемъ между экспонентами, если ихъ явится болѣе определенного числа. Всѣ решительно выставляемыя на состязание лошади должны быть подкованы на переднія ноги, должны имѣть наездниковъ не старше двадцати лѣтъ, не моложе пятнадцати лѣтъ, что опредѣляютъ посредники на мѣстѣ, при участіи трехъ добросовѣстныхъ туземцевъ. Определеніе вѣса наездниковъ совершенно не требуется. Дистанція для состязанія назначается въ четыре версты, чѣмъ опредѣлится скаковая скорость для сравненія съ скаковыми способностями европейскихъ лошадей, и въ двѣнадцать верстъ для испытанія скаковой силы здѣшнихъ лошадей, которымъ извѣстна также и тридцативерстная скаковая дистанція <sup>1)</sup>. Время скаковыхъ состязаній должно быть сообразовано въ каждомъ раionѣ такъ, чтобы оно совпадало съ годовыми народными праздниками, съ окончаніемъ полевыхъ занятій. Въ этихъ видахъ самое удобное будетъ назначить скачки два раза въ году: ранней весной, въ дни мусульманскаго нового года, т.-е. до 18 марта, и осенью въ октябрь мѣсяцѣ.

Разъ навсегда это и должно быть всѣмъ извѣстно. Скачки предполагается открывать въ городѣ, резиденціи правительственныхъ учрежденій. Офиціа состязанія дѣлается пятью посредниками съ обязанностью для нихъ публиковать всякой разъ отчетъ, а призы раздаются старшимъ присутствующимъ на скачѣ лицомъ, при звукахъ музыки.

Относительно призовъ я того мнѣнія, что они должны быть не вещевые, но прямо денежные, съ некоторымъ количествомъ золотыхъ монетъ. Призами должны пользоваться только *три первыя лошади* независимо отъ того: въ какой промежу-

<sup>1)</sup> Такихъ лошадей-призовиковъ киргизы, любители тридцативерстныхъ скачекъ, покупаютъ, случается, по 2000 рублей.

токъ времени они проскачутъ назначенную дистанцію. Но подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ допускать одновременного съ туземцами состязанія казачьихъ, офицерскихъ и любительскихъ лошадей, полезность скачки для которыхъ намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительной <sup>1)</sup>.

Размѣръ призовъ не долженъ быть слишкомъ большимъ, отгнѣющимъ расточительность (сарфкоръ), оставляющую впечатлѣніе на туземцевъ. Казалось бы возможнымъ назначать въ первое пятилѣтіе такие призы: для четырехверстной скачки первой лошади—240 р., второй—120 р., третій—60 р.; для двѣнадцативерстной скачки: первой лошади—420 р., второй—210 р., третьей—105 р.

Въ годъ для двухъ состязаній общая затрата на призы составить всего 2312 рублей. Содержаніе же открытого ипподрома вѣроятно ничего не будетъ стоить скаковому фонду, такъ какъ предполагается, что русская публика, такъ отзывчивая на доставляемыя ей забавы разными, очень плохими гимнастами, фокусниками, карликами и великанами, будетъ смотрѣть всякий разъ благородное скаковое состязаніе за установленную плату на эстрадѣ и бесплатно, но и безъ стульевъ, вѣнѣ эстрады.

Вычисленная нами цифра годовой стоимости скачекъ въ данномъ раionѣ, конечно, скажутъ не велика, но откуда взять 25 т. руб. на десять такихъ раionовъ, какъ следовало бы ихъ открыть.

Вопросъ этотъ не такъ обременителенъ, какъ онъ кажется, по первому вычислению. Избавляя отъ этого расхода государственную кассу и существующее въ Россіи управление государственнымъ коннозаводствомъ, надо обратиться за средствами къ мѣстной экономической силѣ; надо вспомнить, что у насъ дѣйствовала когда-то совершенно справедливая базарная пош-

<sup>1)</sup> Мы не отвергаемъ, однако, пользу скачекъ „любительскихъ“, для которыхъ требуется составить коротенький уставъ, который бы предупредилъ также и любовь къ ухищреинамъ, наблюдавшуюся нами, когда такія скачки существовали въ Ташкентѣ, въ 1867—1869 года.

лина со скота, признанная почему-то несвоевременною; надо вспомнить, что если эта пошлина действительно была „неудобною“ восемь лѣтъ назадъ, когда мы не нуждались въ деньгахъ, то она своевременна теперь, когда въ европейскихъ городахъ берутъ пошлину не только со скота, но даже съ собакъ, справедливо мотивируя, что если взятое съ народа къ народу же и возвращается, то благосостояніе отъ этого нисколько не падаетъ, а напротивъ, подымается, какъ мы убѣдились бы въ томъ и въ разсмотрѣнномъ вопросѣ о коневодствѣ.

Программа моего слабаго очерка выполнена. Мне остается просить довѣрія читателей къ сдѣланнымъ выводамъ о томъ, что коневодство въ краѣ *падаетъ*, что его можно поддержать и совершенствовать только тѣми мѣрами, которыя проектированы, тѣми незначительными денежными затратами, какія вычислены.

### СЕЛО-КИШЛАКЪ КАРНАКЪ.

На южномъ предгорье Кара-тау, въ 20 верстахъ отъ Туркестана, уютно расположился кишлакъ Карнакъ, исторія возникновенія которого теряется въ древности, до магометанской эпохи. Такъ говорятъ устное преданіе мѣстныхъ жителей, указывая на могилу аулье (святого) имама Багали-Сагаба, какъ на доказательство существованія здѣсь осѣдлости въ первые годы магометанства. Присутствіе этого аулье, одного изъ первыхъ, какъ говорятъ туземцы, послѣдователей великаго пророка, привлекая и до днесъ со всѣхъ сторонъ множество поклонниковъ, цементировало осѣдлость настолько прочно, что Карнакъ, испытавшій наравѣ съ другими свирѣпое хозяйничаніе Чингиса и послѣдующія кровавыя эпохи, пережилъ однако своихъ современниковъ, города: Савранъ, Уттаръ, Яссы, Джюнокъ, Карайчикъ, Ичкиле, Акъ-курганъ, Узикентъ, Сугнакъ, прежнее существованіе которыхъ на территории Туркестанскаго уѣзда подтверждается письменами и уцѣлѣвшими развалинами, при отсутствіи во всѣхъ изъ нихъ аулье, этого яркаго маяка, несокрушимаго оплота для мусульманской осѣдлости. Нѣть аулье въ древнемъ Савранѣ, Узикентѣ, и, при полныхъ мѣстныхъ удобствахъ, на берегахъ рѣкъ Сыра и Саврана они остаются незаселенными, привлекая однако сюда жителей Туркестана за 40 верстъ, для хлѣбопашства. Не будь въ Карнакѣ аулье Багала-Сагаба—то же было бы и съ нимъ; не выдержать бы и ему невзгодъ отъ балмыцкихъ войнъ (750 лѣтъ тому назадъ), отъ периодического подчиненія то

Бухарѣ, то Кокану (60 лѣтъ тому назадъ), то независимому Тогай-хану (70 лѣтъ тому назадъ) пытавшемуся закрѣпостить сартовъ киргизскимъ родоправителемъ. Да, уалье для туземцевъ—притягательная сила, нѣкоторымъ образомъ историческая дата, точно разграничающая болѣе или менѣе важные эпохи и весьма часто способствующая даже въ разрѣшеніи земельныхъ споровъ. Творить эти аулье давность времени, да усердіе ближайшихъ потомковъ святого, позаботившихся похоронить его на выдающемся мѣстѣ, у джангызы-агача (единственное дерево), на верховье водного источника, на горной возвышенности и исправно напѣвавшихъ современникамъ добродѣтелей и благочестіи (суфы) своего патрона, обращающагося такимъ образомъ въ аулье чрезъ столѣtie и даже раньше, смотря по ловкости возводящихъ и по дѣламъ боично возводимаго. Въ одномъ кишлакѣ Туркестанскаго уѣзда хорошо знакомый мнѣ ходжа рассказывалъ, что онъ потомокъ ишана Махзума-ходжа-шайха. Этотъ-де благочестивый шейхъ, и къ тому же дервишъ, переселился въ кишлакъ съ семьей изъ Нарвана (бухарскій кишлакъ) лѣтъ полтораста тому назадъ, выдалъ свою дочь за потомка Хазретъ-султана — Файзулла-ходжа, и похороненъ лѣтъ стодесять тому назадъ на Кызыль-тюпе (горная возвышенность). Могила Махзума-шайха изукрашена приличнымъ для кишлака мазаромъ, въ которомъ по пятницамъ зажигаются свѣчи, а чрезъ какіе-нибудь 20 лѣтъ къ титулу Ишанъ-ходжа-шайхъ прибавится „аулье“. Въ этомъ даже совершенно увѣренъ знакомый мнѣ откровенный ходжа. Ноѣаково бы ни было происхожденіе будущаго аулье Махзума, съ нимъ связана для кишлака пѣдая эпоха изъ ханствованія Контажи-хана, отъ жестокостей котораго разбрѣжалась всѣ жители и самъ Махзумъ, попытавшійся сопротивляться велѣніямъ хана, заморенъ былъ голодомъ, вмѣстѣ съ десятью своими сторонниками.

Мазаръ-махзума, какъ и аулье Гаибъ-ата, удостовѣряется теперь и навсегда принадлежность кишлаку Кызыль-тюпе. Чтобы разгадать вообще происхожденіе аулье, достаточно разо-

брать, какъ самые отъявленные пройдохи-сарты, по большей части ходжы, обращаются среди киргизъ въ ишановъ. Эти самозванные потомки Хазретъ-султана привлекаютъ изъ степей тысячи прозелитовъ (мюридовъ), обирая у нихъ имущество и даже женъ, обращая своихъ учениковъ теваджюгомъ (молевьями) въ совершенныхъ безумцевъ (джазова), получая при томъ бесѣдами (сагботъ), далеко не вѣжущимися съ нашими интересами въ краѣ, какъ въ этомъ убѣдило всѣхъ въ 1871 году известное дѣло ишана Шагдаръ. Разсудительные киргизы сами хорошо сознаютъ пустоту ученій ишановъ, зловредность ихъ сагботовъ, но пока, по разнымъ причинамъ, безсильны удержать своихъ родичей отъ пагубнаго вліянія на нихъ ишановъ, которые умножаются годъ отъ году, успѣши разводя въ кочевьяхъ мечети, подавая благословеніе (нафозъ) и облачая легковѣрную массу киргизъ въ чаумы. Словомъ, плоды ишанизма въ степи замѣты каждому, хотя поверхностно наблюдавшему бытъ кочевниковъ. Къ киргизамъ при-сырь-дарынскимъ эти пройдохи являются изъ Бухары и Кокана; сибирскую и чуйскую степь обираютъ туркестанские ходжи.

Въ отдельной статьѣ мы постараемся сообщить факты изъ дѣятельности этихъ паразитовъ, а теперь возвращимся къ Карнаку. Послѣднее десятилѣtie положило замѣтные слѣды въ экономической жизни этого кишлака: полнѣйшее вѣцше спокойствіе позволило собраться всѣмъ къ своимъ очагамъ и теперь Карнакъ насчитываетъ 423 двора съ 2000 жителей, а при Маля-ханѣ (11 лѣтъ назадъ) считалось здѣсь только 150 дворовъ съ 60 кошами запашки. Прежній избытокъ земли и орошенія теперь такимъ образомъ не покрываетъ всей потребности умножившагося населенія и это заставило землемѣльцевъ обратиться къ такой рациональной обработкѣ полей безъ искусственнаго орошенія, которая поддерживала бы земледѣльство въ постоянной нормѣ, пока достаточно обеспечивающей все кишлачающее населеніе. Но, разумѣется, лѣтъ чрезъ десять, съ приращеніемъ населенія, карнакцамъ придется позаботиться о расширѣніи своихъ полей, къ чему, при невыгод-

номъ топографическомъ положеніи, другихъ средствъ не представится, какъ восстановленіе правъ на участокъ земли по арыку Джюнекъ, до Ханъ-качканъ-тау, энергично оспариваемый туркестанцами, почувствовавшими недостатокъ въ землѣ только вслѣдствіе небрежнаго полеводства.

Прежде описанія обработки полей карнакцами и земельно-общинного устройства у нихъ, скажемъ объ ирригациі. Главнымъ источникомъ орошенія Карнака служатъ рѣки Кара-су и Кульбашъ, вытекающія изъ возвышенности Чашъ-тупе, въ двухъ верстахъ на югъ отъ кишлака. Кара-су, сохрания на шестиверстномъ извилистомъ течениіи свое название, выдѣляется на востокъ арыкъ Маклыкъ въ 45 кошай, Аргынъ-арыкъ въ 50 кошай и Кашкабыкъ въ 70 кошай. Пройдя Карнакъ, Кара-су принимаетъ название Аджинкъ-арыкъ, орошающій шесть кошай запашки. Почти на меридианѣ Чашъ-тупе, восточнѣе Кульбаша, вытекаетъ Кайноръ-булакъ, иначе называемый Кызылъ-ата, съ запашкой въ 30 кошай. Еще восточнѣе Кайнара, таяніемъ весеннаго снѣга орошается обширная равнина Бургенъ, на которой, при достаткѣ разлива, обрабатываютъ исключительно яровые посѣвы (богара) всѣ жители, по возможности; годами здѣсь пашутъ даже мусафиры (пришлѣцы); но такие разливы, въ достатокъ орашающіе общую запашку, очень рѣдки и потому жители неохотно пашутъ на Бургенѣ, предпочитая держаться Кара-су съ ея арыками, очень обильными водой. Но какъ съ другой стороны площади, удобныя къ поливкѣ по этой системѣ, очень ограничены, то карнакцы обрабатываютъ на нихъ постоянно только озимые (кузга) посѣвы и чтобы не истощить почву каждогодной обработкой, пропахиваютъ ее три раза: въ мартѣ (куклямъ) послѣ поливки, въ половинѣ мая (джауза) и въ концѣ іюня (саратанъ) безъ поливки, а только увеличивая сошникъ для этой перекрестной пахоты. Наконецъ въ половинѣ сентября (мизамъ), послѣ обильной поливки, засѣваютъ и боронятъ слегка однѣ разъ за все лѣто. Достоинство такой обработки, усвоенной къ сожалѣнію единственно карнакцами, говоритъ само за себя: первая мелкая

пахота съ поливкой и послѣдующія глубже, пролежавъ подъ дѣйствиемъ зноя все лѣто, насытившись воздухомъ, обогащаются чрезъ прогниваніе почвенного слоя нужными для растенія питательными веществами. Благодаря такой пахотѣ, карнакцы безъ удобренія получаютъ съ озимы въ хорошій урожай самъ-10—7 ячменя, самъ-8—6 пшеницы, самъ-4 проса и рѣдкіе неурожай бываютъ лишь вслѣдствіе горячаго вѣтра (гаримсиръ), дѣйствующаго на умолоть; а яровое на Бургенѣ, съ одной ранне-весенней пахотой, никогда не даетъ больше самъ-5. По принятому искони положенію на каждомъ кошѣ высѣваютъ 16 пудовъ пшеницы, 5 пудовъ ячменя, 2 пуда проса и хлѣбъ жнуть въ началѣ іюня.

Земельно-общинное устройство у карнакцевъ настолько же своеобразно, какъ и полеводство, представляя всѣ виды правъ собственности: полное на арыкѣ Кульбашъ съ землей Яна-иръ, неполное съ правомъ временной уступки пахатнаго участка (Кайнаръ-булакъ) и безусловно неполное. Первый видъ землевладѣнія обязанъ своимъ происхожденіемъ обращенію когда-то воднаго источника Кульбашъ съ землей Яна-иръ въ пользу хоръ одного лица. Дальнѣйшіе потомки такого собственника, распредѣливъ между собою участки Яна-ира, удержали постоянное и безусловное право на нихъ до нашихъ дней. Здѣсь, такимъ образомъ, не бываетъ, какъ на остальныхъ арыкахъ системы Кара-су и на Бургенѣ, каждовесеннаго распределенія пашенъ по жребію, представляющаго и съ этой стороны своеобразнаго то, что самые арыки остаются въ постоянномъ пользованіи однихъ и тѣхъ же артелей (тыпе), а между членами одной распредѣляются лесною одинъ лишь участки въ четыре земедѣльца каждый, съ суточнымъ пользованіемъ водою (биръ-су—одна вода). Кайнаръ-булакъ, какъ позднѣйшей разработки, состоять въ пользованіи всего капитального общества, не исключая и обособившейся артели Яна-иръ. Но какъ запашка на немъ ограничивается только 30 кошами, то она служить для тѣхъ землепалицъ, которымъ почему-либо, напримѣръ, по

случаю отобранія туркестанцами участка при арыкѣ Аргынъ<sup>1)</sup>, не достало земли. На Кайнарь-булакъ пашутъ также и тѣ члены артели Яна-иръ, которые, какъ случается, навсегда отчуждаютъ свои участки на арыкѣ Кульбашъ<sup>2)</sup>. Остаткомъ воды и земли по Кайнару, какъ бываетъ это годами много-водія Бургена, пользуются, съ согласія общества и съ платою 12 рублей за обрабатываемый кошъ въ общую массу окладныхъ (ульшанъ) податей селенія; кочевые киргизы-джатаки и мусафиры, приписавшіеся къ кишлаку. Однако, наученные близкими и частыми примѣрами окончательного захвата участковъ временными землепашцами, карнакцы порѣшили не допускать болѣе на Кайнарь киргизовъ, и съ будущаго года раздѣляютъ землю Кызылъ-ата между своимъ обществомъ для посѣва клевера. Такимъ образомъ постепенно карнакцы переходятъ къ безусловному праву пользованія землей, этой позднейшей и совершенно частной институціи, не мало впрочемъ не стѣсняющей ихъ экономической бытъ. Можно съ увѣренностью сказать, что если не встрѣтится тормаза извнѣ, то вся земля по системѣ Кара-су перейдетъ въ безусловное пользованіе общинниковъ и только самые арыки останутся въ общинномъ владѣніи по артелямъ. Такой переходъ условливается, по мѣстности, съ одной стороны достаткомъ воды, а съ другой—однокачественностью почвы, благодаря рациональной пахотѣ, и въ общемъ—закрѣпленіемъ правъ землевладѣльцевъ. Въ Чулакъ-курганѣ<sup>3)</sup>, напримѣръ, навсегда останется первобытная общественная форма владѣнія землей по маловодности и скучности землепашства, съ солончаковой почвой, побуждающей жителей оставлять подъ паромъ поля 3—5 лѣтъ. Въ Сузакѣ (въ Чуй-

<sup>1)</sup> Хотя земельный споръ этотъ Карнака съ джунекцами и рѣшенъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ пользу послѣднихъ, но, по всейѣѣности, рѣшеніе не будетъ утверждено уѣздными властями, какъ постановленное съѣздомъ трехъ казіевъ (два туркестанскихъ и одинъ карнакскій), непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Процессъ этотъ вообще представляеть много поучительнаго.

<sup>2)</sup> Пожизненная переуступка не требуетъ согласія общины и совершается за 40—60 тиллей (160—240 р.).

<sup>3)</sup> Кишлакъ въ Чуйской долинѣ.

ской долинѣ) земледѣльческой общинѣ на-долго, пожалуй, суждено сплачиваться въ одно цѣлое, для защиты своихъ полей и арыковъ отъ захвата киргизами, нерѣдко сопровождающагося ожесточенными драками и убийствами; но съ годами, по минованиіи этой аграрной потасовки, обеспечивъ себя, какъ сузакцы подумываютъ, каризомъ, начнется естественнымъ путемъ переходъ къ новой формѣ землевладѣнія.

Жители Карнака обрабатываютъ поля наемными киргизами. Каждый работникъ (кошчи) получаетъ за весь рабочій сезонъ, съ февраля и по ноябрь мѣсяцъ,  $\frac{1}{5}$  часть урожая съ хлѣба и двѣ смыны (ики сапаръ) старой и новой одежды (халатъ, рубаха, сапоги, штаны). Получивъ въ началѣ работы первую смыну, работникъ подчиняется затѣмъ исконо дѣйствующему положенію (расимъ), а именно: не долженъ оставлять своего хозяина до токсана (время совершенного окончанія работы), завершающагося обязанностью кошчи привезти хозяину 5—3 арбы или верблюда джусану, т.-е. топлива; работникъ, прохоравшій болѣе трехъ дней, обязанъ на послѣдующее время замѣстить себя другимъ, соотвѣтствующимъ, а въ случаѣ не замѣщенія, подвергается возвращенію всего полученного отъ хозяина, даже и старой смыны платья, и, такимъ образомъ, на основаніи расима, ничего не получаетъ, хотя бы отработалъ половину сезона. Съ своей стороны, хозяинъ обязывается тѣмъ же расимомъ хорошо обращаться съ кошчи (определение весьма эластичное), кормить его три раза въ день (утромъ шурпа, въ полдень 2 лепешки и вечеромъ нарынъ, т.-е. лапша съ мясомъ), не отказывать безъ причины въ работѣ до истечения токсана; въ противномъ случаѣ хозяинъ удовлетворяетъ работника сполна всѣмъ положеннымъ по расиму, хотя бы послѣдній прослужилъ только мѣсяцъ. Этотъ несложный кодексъ, обездолившій киргиза-рабочника до степени раба, часто не вырабатывавшаго за лѣто количества, достаточнаго для зимняго существованія, дѣйствуетъ однако уже сотни лѣтъ и рѣдко вызывалъ несогласія между нанимателями и наемщиками. Это, впрочемъ, помимо общихъ причинъ — обѣднѣнія киргизъ отъ

частыхъ джутовъ (зимний падежъ скота) и превышение предложеиия надъ спросомъ, обусловливается въ Карнакъ, съ одной стороны, присутствиемъ здѣсь особенного класса полевыхъ рабочихъ жнецовъ изъ киргизъ (наукачи), обращающихся при случае въ замѣстителей, а съ другой—почти регулярной урожайностью почвы, чѣмъ и объясняется также назначение платы работнику не деньгами, а съ урожая (икиндонъ). Въ Туркестанѣ же, Сузакъ, Чулакъ-курганъ, при отсутствіи этого послѣдняго условия—постоянства урожаевъ, работнику, за тотъ же девятимѣсячный трудъ, получаетъ 20—30 рублей, пищу и тѣ же двѣ смины. Оттого здѣсь расимъ нерѣдко игнорируется сторонами: то кошли, получивъ по обыкновенію  $\frac{1}{2}$ , наемной платы впередъ, оставляетъ хозяина въ первые же мѣсяцы, скрываясь подальше, чтобы оттянуть возвращеніе полученнаго, то хозяева, порой неурожая, стараются отдалиться отъ наемника, заставить его дурнымъ обращеніемъ и голоднымъ кормлениемъ отказаться отъ работы. Частенько выслушиваются судьюютакие споры, мирно и скоро разрѣшаемые, если миролюбивы сами спорящіе. Наукачи (жнецы) изъ бѣдныхъ киргизъ усаживаются своими аулами на мѣстахъ, обильно хлѣбородныхъ и получаютъ за одну лишь жатву (уракчиликъ) двадцатый снопъ въ урожаѣ и шестой снопъ въ неурожайный годъ.

Мусафиры (переселенцы), изъявляющіе желаніе приписаться къ селенію, не пользуются у аборигеновъ особыеннымъ гостепріимствомъ. Безупречной нравственностью, смиреніемъ единичные пришлецы заручаются сначала разрѣшеніемъ сильныхъ кишлачнаго міра приписаться къ общинѣ или же только числиться въ ней, если мусафиръ холостъ или вдовъ. Усердный и тяжелый трудъ открываетъ переселенцу право на дальнѣйшее здѣсь существованіе. Но долгое время, 3—6 лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, ловкости и, главное, усердію, они проходять сперва чистилище обыкновеннаго кошли, затѣмъ получаютъ отъ какого-нибудь зажиточнаго землемѣльца часть огорода, бахчи или поля подъ обработку съ  $\frac{1}{5}$ , части урожая, и лѣтъ чрезъ пять допускаются на свободные участки по Бур-

геню, безъ платы, и на Кайнаръ-арыкѣ съ платою, какъ сказано выше, 12 рублей въ общую массу податей. Такое суро-вое отношеніе аборигеновъ къ мусафирамъ не заохочиваетъ переселенцевъ и потому ихъ насчитывается здѣсь только пять; а прожитое ими въ Карнакѣ десятилѣтіе не объединило ихъ съ кореннымъ населеніемъ и они долго еще будуть считаться мусафирами. Мнѣ указывали на дегрезя, т.-е. чугунно-пла-вильщика, проживающаго въ Карнакѣ подъ видомъ бухарскаго мусафира уже 40 лѣтъ. Всѣхъ дегрезей, приготовляющихъ здѣсь небольшими вагранками казаны, кунганды и другія ме-лочи сартовскаго обихода, четыре. Они снабжаютъ своими произведеніями всѣ осѣдлые пункты Туркестанскаго уѣзда, а также и киргизъ. Карнакѣ похваляется, что дегрези ихъ выписаны Тимуромъ изъ Тавриза и отливали знаменитый казанъ (синая) Хазрета. Самы же дегрези знаютъ только, что кон-курентовъ у нихъ нѣтъ ближе Ташкента и потому годо-вой заработка ихъ доходитъ до 80 рублей *minimum* на баз-даго, а производство не совершенствуется, не разнообразится и до-днесъ. Да и можетъ ли, правда, усовершенствоваться классическій казанъ; изъ него вкушать кажется самъ Адамъ, пророкъ Магометъ со своими сагабами, а теперь слушается хлебать и намъ.

Ни одинъ кишлакъ, ни Туркестанъ не производить пше-ницы такого высокаго качества, какъ барнакская пшеница; постѣ умѣренной промывки, смолотая на жерновахъ, добывае-мыхъ съ уроцища Гокузымышъ, въ Кара-тау, пшеница бар-накская спорить съ прославленной аулье-атинской и сбывается на мѣстныхъ базарахъ по высокой сравнительно цѣнѣ: 50 к. за пудъ въ хлѣбородѣ и 1 р. 20 к. въ неурожай. Но затѣмъ больше Карнакѣ ничего и не знаетъ: зигырь, индау, кунд-жуутъ, гуза засѣваются по окраинамъ баҳчей въ самыхъ огра-ниченныхъ размѣрахъ, по несвычности, какъ мнѣ сказывали, съ этой обработкой. Баҳчи, дыни, арбузы, садовые фрукты, при совершенномъ отсутствіи винограда и персиковъ, значи-тельно уступаютъ вкусомъ туркестанскимъ. Словомъ, Карнакѣ

преданъ одному хлѣбопашству, образцово устроенному и потому щедро вознаграждающему трудъ земледѣльца. Въ кишлакѣ насчитывается 13 мечетей, одно медрессе казія Абсамата съ 30 учениками и 3 меҳтеба (низшія школы). Ремесла мало занимаютъ карнакцевъ, довольствующихся произведеніями Туркестана; есть впрочемъ 4 сапожника, 2 мыловара, 4 кожевенныхъ завода (кончи). Единственная базарная улица въ самомъ курганѣ, тѣсномъ и грязномъ, состоитъ изъ 10 лавокъ (базазъ, баккаль) съ кукъ-чаемъ, плохими халатами, шелкомъ, разной мезочью и неизбѣжной аттаръ (аптекой). Да и для кого нужны, разсуждаютъ карнакцы, наши лавки, наши ремесла? Торгового рынка кишлакъ нашъ не знаетъ со временъ имама Багали-Сагаба, забились мы въ сторону отъ большого почтоваго и караванного тракта, никто къ намъ и не заглядываетъ по старой отчужденности; даже превосходный хлѣбъ нашъ, не оставляемый въ амбарамъ болѣе двухъ лѣтъ, по случаю митая (червь), никого не привлекаетъ въ кишлакъ, а приходится тащиться на туркестанскій рынокъ, что для нась, ограничивающихъся въ перевозкѣ, по случаю каменистаго пути, верблюдомъ, а не арбой, не совсѣмъ удобно; да и главное—городъ устанавливаетъ цѣны на нашъ хлѣбъ. Другое дѣло, если бы Туркестанъ, гдѣ базары собираются ежедневно, медленно подымая его торговлю, удѣлилъ бы, какъ хлопочеть также и Иканъ, хотя по одному дню въ недѣлю для рыночныхъ нашихъ сборовъ; тогда бы Карнакъ доказалъ, что торговое значеніе условливается не столько транзитомъ, сколько внутренней производительностью данного пункта<sup>1)</sup> и скоро обогатился бы отъ сбыта своихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Да, учрежденіе базарныхъ дней въ Карнакѣ и Иканѣ, съ сокращеніемъ ихъ въ Туркестанѣ, представляется по времени совершенно необходимымъ. Каждодневные сборы на городскомъ базарѣ, установленные съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно,

<sup>1)</sup> Примѣръ тому кишлакъ Бабай-курганъ, лежащий на сибирскомъ караванномъ пути и при слабыхъ земледѣльческихъ производствахъ остающійся въ полной экономической неподвижности.

по малонаселенности другихъ осѣдлыхъ пунктовъ и по другимъ пожалуй причинамъ, известнымъ лишь коканскимъ правителямъ, потеряли теперь свое значеніе для Туркестана и мало, особенно лѣтомъ, привлекаютъ кочевниковъ, преимущественнымъ образомъ оживляющихъ торговлю; а между тѣмъ Иканъ и Карнакъ теряютъ не мало, отвлекаясь для торговыхъ сдѣлокъ не свыше 20 рублей, за десятки верстъ и поставленные въ необходимость расходоваться на перевозку своихъ продуктовъ, для сбыта по цѣнамъ, устанавливаемымъ туркестанскими далгяль (маклерами), посредствующими вездѣ и при всѣхъ сдѣлкахъ въ интересѣ своемъ, но никакъ не потребителей и торговцевъ. Не слѣдуетъ опасаться неуспѣха въ торговлѣ называемыхъ кишлаковъ только по невыгодности ихъ положенія, въ сторонѣ отъ узла торговыхъ путей Туркестана<sup>1)</sup>, таѣ какъ транзитное положеніе въ здѣшней торговлѣ изгibtъ пожалуй менѣе значенія, чѣмъ учрежденіе рынковъ въ пунктахъ, близкихъ къ киргизскимъ кочевьямъ и богатыхъ земледѣльческими продуктами. Кишлакъ Сузакъ, напримѣръ, выдающійся бѣдностью прііrigаціи, едва обезпечивающей насущную нужду населенія, тихо поднимается экономически, несмотря на прохожденіе чрезъ него бухарско-сибирского караванного тракта, а Кара-булакъ и Сайрамъ (Чимкентскаго уѣзда), при одинаковомъ съ Карнакомъ положеніи въ сторонѣ отъ караванныхъ путей, процветаютъ своей хлѣбной и скотной торговлей подъ вліяніемъ издавна учрежденныхъ въ нихъ рынковъ. Роль Кара-булака въ хлѣбной торговлѣ, конечно, всегда будетъ шире той, какая ожидаетъ кишлаки Туркестанскаго уѣзда, неимѣющіе воднаго богатства долины Арыса, но, во всякомъ случаѣ, съ учрежденіемъ базарныхъ дней, и Карнакъ съ Иканомъ займетъ видное мѣсто въ торговлї съ кочевниками.

<sup>1)</sup> Чрезъ Туркестанъ проходитъ караванный трактъ ташкентско-orenбургскій, троицкій, сибирскій и бухарскій.

въ обходъ неудобнаго по крутизнѣ своей подъема Джанъ-чи-гаръ (душа вонъ) ва Урмитанской долинѣ. Жители Фана (бас-сейнъ рр. Ягиобъ и Искандеръ-дары) изъ рода въ родъ передаютъ легендарные рассказы о Севдъ-Акрамъ-Румлыкѣ, показавшемъ имъ въ незапамятное время приемы обработки земли (калевы квасцы), добычи сѣры и нашатыря.

Не отстали отъ горцевъ и туземцы долины съ Пенджекентомъ, возвеличившіе таджика Хасана чрезъ 10 лѣтъ послѣ смерти въ халифа (наставникъ), ишана (вѣрующій), суфи (благочестивый) и дальше, неизбѣжно, въ аулье (святой).

Объ этомъ Халифа-Хасанѣ мы и скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ минувшая дѣятельность его оставила нѣкоторый следъ въ дѣлѣ ирригациіи нагорнаго района и въ развитіи здѣсь поселеній.

Туджикъ-Хасанъ, сынъ Магометъ-Латыфа, умершаго на 120 году, родился и провелъ все свое дѣтство<sup>1)</sup> въ Караганѣ, гдѣ учился до 20 лѣтъ въ разныхъ медрессе чубинъ (деревянное зданіе) вишлаковъ: Ярхичъ, Фатъ-хабать и Шангличъ. Достаточно подготовившись въ обязанностяхъ имама, Хасанъ, хотя и получилъ за свои способности это мѣсто при караганскомъ ша (правителѣ), недолго однако оставался въ этомъ званіи и затѣмъ — въ званіи хатыпа (проповѣдника). На 23 году жизни онъ отправился въ Мекку на поклоненіе и для усовершенствованія себя въ теологии. Во время этого путешествія онъ былъ представленъ въ Бухарѣ своимъ наставникомъ (пирз) ишаномъ Имля эмиру Магометъ-Рахиму, отъ которого получалъ всестороннѣе и приглашеніе остатся у него въ должности мудариса (профессора) одного изъ местныхъ медрессе.

Однако Хасанъ не увлекся такой милостью Магометъ-Рахима, очевидно высокого дѣнившаго знанія молодого ученаго и отправился въ Мекку. На пути своемъ чрезъ Афганістанъ и Персию Хасанъ являлся ко всѣмъ известнымъ въ то время

## ХАЛИФЛ ХАСАНЪ.<sup>1)</sup>

Биографический очеркъ.

Не надо особенно пристально вглядываться, чтобы подметить, что жизнь среднеазіатскаго осѣдлаго туземца, и въ особенности горожанина, до крайности монотонна, однообразна и, что всего прискорбнѣе — инертна, бѣдна способностью къ творческой дѣятельности. Насколько туземецъ выносивъ въ исполненіи забоннаго дѣла, настолько же онъ неподвиженъ пока въ проявленіи самостоятельнаго почина въ каждомъ болѣе или менѣе сложномъ дѣлѣ. Этой косностью, преобладающей въ характерѣ туземца, и объясняется отчасти, что энергичная и производительная дѣятельность правительственной власти или частнаго человѣка составляетъ для давной мѣстности цѣлую эпоху, упрочивая въ потомствѣ за такимъ дѣятелемъ и славу и разныя титулы, (бадаулетъ, дунъядоръ, ихтыбарлыкъ, и проч.) и святость (аулье, бузрукъ ходжа). Мачинцы, напримѣръ, съ благоговѣніемъ произносятъ имя своего правителя Батыръ-хожда (1840 г.), столько же за успѣшныя его войны съ сосѣдями, сколько за устройство мостовъ и крѣпостей, хотя этотъ бекъ звѣрски расправлялся со своимъ народомъ и выстроенная имъ на берегу рѣчки Оби-Риватъ крѣпость Кала-хана получила такое название потому, что фундаментомъ для нея послужили 50 головъ горцевъ, отказавшихся идти на работы. Фальгарцы не скоро забудутъ Канотъ-бека (1848 года), устроившаго дорогу по берегу Зеравшана,

<sup>1)</sup> Напечатано 1877 г.

<sup>1)</sup> Онъ родился въ 1702 году, умеръ въ 1832 г.?

мусульманскимъ ученымъ и ишанамъ, жилъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ, изучалъ подъ ихъ руководствомъ богословскія науки и „вдыхаль благочестіе“ настолько успѣшио, что каждый ишанъ снабжалъ юношу разрѣшеніемъ (*хатъ-ирша*) на ишанизмъ, т.-е. на право поученія правовѣрныхъ. Своими вразумительными собесѣданіями (*сохбатами*), Хасанъ, несмотря на свои молодые годы, пріобрѣлъ на пути также множество послѣдователей-мюридовъ. Даже сами правители тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ оставался нѣкоторое время для поученій, просили у него благословенія (*фатиха*), опасаясь навлечь неуваженіемъ къ нему неудовольствие народа.

Добравшись въ Мекку, чрезъ  $3\frac{1}{2}$  года послѣ оставленія своего дома въ Карагенѣ, Хасанъ, не обнаруживая здѣсь никому своихъ дѣйствительныхъ познаній, принялъ съ большимъ усердіемъ за изученіе элементарныхъ и высшихъ мусульманскихъ наукъ, и своимъ колоссальнымъ успѣхами удивлялъ и товарищей по медрессе, и учителей своихъ, въ то время знаменитыхъ ишановъ: Сеедъ-Шарифа, Сеедъ-Касыма и Сеедъ-Агяма. Воздержной жизнью, благотворительностію и серьезнымъ знаніемъ наукъ Хасанъ пріобрѣлъ въ Меккѣ, въ десятилѣтнене пребываніе свое, уваженіе и извѣстность во всемъ мусульманскомъ обществѣ, наравнѣ со своими престарѣлыми тремя наставниками. Онъ имѣлъ и здѣсь много мюридовъ, хотя самъ считался ученикомъ. Наконецъ популярность Хасана достигла полного апогея, когда старшій мударисъ Сеедъ-Касымъ торжественно рассказалъ своимъ слушателямъ, что во снѣ явился ему Пророкъ, отвелъ его въ гумбазъ (мавзолей), наполненный духовными книгами, и указавъ на сидѣвшаго въ углу Хасана, сказалъ: „отпусти этого юношу въ его страну, на поученіе правовѣрныхъ“.

Въ тотъ же день Хасанъ, выслушавъ отъ всѣхъ меккцевъ поздравленія, закончилъ свое ученичество и получилъ дипломъ въ знаніи всѣхъ наукъ мусульманскихъ и хать-ирша (роль ярлыка) на право поученія правовѣрныхъ.

Не долго послѣ этого оставался въ Меккѣ Хасанъ, и усло-

вившись съ товарищемъ по медрессе, татариномъ Магометъ-Селихомъ, предпринялъ обратное путешествіе чрезъ Кавказъ, гдѣ онъ прожилъ два года (1740—41 г.), Астрахань и Казань. Вѣрный своему призванію, Хасанъ не отказывался и здѣсь отъ поученія мусульманъ вѣръ и нравственной жизни, но кратковременное пребываніе, и въ особенности слабое знаніе мѣстныхъ нарѣчій, не упрочило здѣсь ни его ученія, ни его имени. Зато въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, гдѣ Хасанъ провелъ четыре съ половиною года, многие татары, по преданію, съ благоговѣніемъ произносили его имя, называя его не иначе, какъ ишанъ Халифа Хасанъ. Отъ ста-риковъ татаръ этого уѣзда и теперь можно услышать сохра-нившіеся до преданію разсказы о благочестивой жизни Хасана, о благотворительной щедрости его, о заботливости въ распространеніи учености между татарами, изъ которыхъ многие послѣдовали за нимъ въ Бухару для окончанія образованія своего въ мѣстныхъ медрессахъ.

Возвращаясь чрезъ 18 лѣтъ въ Среднюю Азію, Халифа Хасанъ направилъ своихъ 12 послѣдователей-татаръ въ Бухару, а самъ прошелъ въ Іагоръ индостанскій и поселился у ишана Мусса-хана.

Не безплодно провелъ Хасанъ 10 лѣтъ въ Іагорѣ; здѣсь онъ старательно изучалъ туземную медицину, а бесѣды его съ престарѣлымъ, извѣстнымъ въ то время всему востоку, ишаномъ Мусса-ханомъ, значительно расширили, какъ при-знавался самъ Хасанъ, его познанія.

Популярность молодого ученаго была въ то время такъ велика, что мѣстное общество относились къ нему съ высо-кимъ уваженіемъ, а самъ ишанъ не замедлилъ дать согласіе на бракъ своей дочери съ Хасаномъ. Однако женитьба не привязала Хасана окончательно къ Іагору и на одиннадцатый годъ своего пребыванія здѣсь онъ возвратился въ Карагенѣ, одинъ, безъ семейства, оставленаго у родственниковъ жены. Въ своемъ родовомъ кишлакѣ Туда, Хасанъ не засталъ уже въ живыхъ отца и двухъ старшихъ братьевъ, а хозяйство его

оказалось въ такомъ разстройствѣ, что потребовалось много времени и труда для возстановленія его.

Отвлекаемый ли практической дѣятельностью, или по другимъ причинамъ, Хасанъ, съ возвращеніемъ въ Карагенъ, отказался навсегда отъ проповѣдничества и посвятилъ себя заботамъ о своемъ семействѣ отъ второй жены, взятой въ Гармѣ. Съ этого времени и до конца жизни Хасанъ вполнѣ предался культивированію такихъ свободныхъ участковъ земли, которые позволяли проведение по нимъ оросительныхъ каналовъ изъ естественныхъ водныхъ источниковъ. Карагенъ, густо населенный уже въ то время, не представлялъ удобствъ къ такой дѣятельности, и на 24 году своего пребыванія дома, послѣ возвращенія изъ Лагора, Хасанъ отправился для этой дѣлъ въ Кокандское ханство.

Но ему не съ разу пришлось начать дѣло на Сырь-дарье: въ Кокандѣ Хасанъ встрѣтился на базарѣ (1798 годъ) съ Ша-Муратомъ-біемъ, бухарскимъ ханомъ<sup>1)</sup>, путешествовавшимъ, какъ оказалось, подъ строгимъ ипкогнито, въ видѣ каляндара. Узнанный Ша-Муратомъ, Хасанъ согласился путешествовать вмѣстѣ съ нимъ къ могилѣ святого Тахта-Сулеймана (за Андижаномъ) и оттуда въ Бухару. Никѣмъ не узбанный, Ша-Муратъ побывалъ въ рушищѣ каляндара во дворцѣ кокандскаго хана, посѣтилъ всѣ священные мѣста ханства и вмѣстѣ съ Хасаномъ вернулся чрезъ Ташкентъ въ самаркандинскій Дагбитъ, гдѣ, оставаясь неузнаннымъ, выслушалъ отъ муллъ много прицаній своему правленію. Послѣ этого любознательный каляндаръ снялъ съ себя таинственность и, возвѣвъ на кокъ-ташъ въ Самарканѣ, привелъ въ немадое смущеніе и самарканцевъ и дагбитскихъ муллъ, сильно поплатившихся за злословіе противъ хана своего.

Въ признательность за сопутничество и услуги, Ша-Муратъ подарилъ Хасану хороший домъ въ Самарканѣ, въ кварталѣ Чаръ-су и далъ разрѣшеніе переселить сюда изъ Ка-

<sup>1)</sup> Въ то время владѣтели Бухары назывались еще ханами. Титулъ эмира привнесъ Миръ-Гайдеръ.

тигена семейство и родственниковъ. Воспользовавшись вниманиемъ и расположениемъ хана, Хасанъ, раньше возвращенія въ Карагенъ за семействомъ, прошелъ въ Кокандъ и, заручившись разрѣшеніемъ Нарбута-хана, составилъ компанию изъ мѣстныхъ землепашцевъ для проведения арыка на Кони-бадамъ и въ Пудивакъ. Предпріятіе это вполнѣ удалось, но Хасанъ началъ его очевидно не изъ корыстныхъ разсчетовъ, потому что, отказавшись отъ своей доли въ орошенной землѣ, возвратился на третій годъ въ Карагенъ. На этотъ разъ онъ послѣдовалъ разрѣшенію Ша-Мурата и перевезъ все семейство свое въ Самарканѣ.

Върный своему стремленію вызвать къ производительной жизни участки земли, способные къ устройству на нихъ орошепія, Хасанъ, проходя изъ Карагена въ Самарканѣ, чрезъ горы Фальгара и Пенджекентъ, обратилъ вниманіе на пустынность огромной долины, тянущейся отъ устья рѣки Кштуть по Зеравшану, до земель кишлака Суджина на западѣ. По приходѣ въ Самарканѣ, первой заботой его было испросить разрѣшеніе властей на орошеніе пустынныхъ береговъ Зеравшана, за Пенджекентомъ. Поощренный согласiemъ и небольшимъ денежнымъ вспомоществованіемъ отъ Гайдера<sup>1)</sup>, предпріимчивый Хасанъ открылъ сначала ирригационныя работы на юго-западѣ отъ Пенджекента, и искусно выведенными каналами изъ горной рѣчки Кыркъ-арча оросилъ площадь удобной земли въ 460 десятинъ, на которыхъ группируется съ тѣхъ поръ землепашество узбековъ рода тюяблы, кишлаковъ: Шурновъ, Ялакджааръ, Урта-кишлакъ, Камаръ-кишлакъ и Чимъ-курганъ.

Весьма удачное и довольно скорое двухгодичное исполненіе работъ по орошенію лощины Кыркъ-арча, поддержало авторитетъ Хасана въ мѣстномъ населеніи настолько, что онъ безъ труда составилъ въ 1820 году небольшое товарищество для проведения арыка изъ западнаго берега рѣки Миндана, впадающей справа въ Зеравшанъ.

<sup>1)</sup> Эмиръ Гайдеръ (1801—1827), прозванный Сендомъ, т.-е. чистымъ, покровительствовавъ заселенію Зеравшанской долины и развитію въ ней пропагандѣ.

Капитальная работа эта, потребовавшая вести арыкъ по склону горы, на протяжениі двухъ верстъ, въ обходъ частыхъ горныхъ разсѣлинъ, была окончена въ два лѣта, при содѣйствіи фальгарцевъ, разсчитывавшихъ имѣть здѣсь долю въ землепашествѣ. Этимъ арыкомъ обильно орошена была равнина Чокаронъ, вмѣщавшая на 500 десятинахъ землепашства 200 семействъ, получившихъ надѣлы въ постоянное, полное пользованіе, частію на правѣ дольщиковъ товарищества, частію выкупомъ у товарищества по 80 коп. и до 2-хъ рублей за танапъ.

Не долго, однако, пользовалось арыкомъ изъ Миндана-су товарищество Халифа Хасана. Путь арыка по разрушенной, водопроницаемой горной породѣ, при всѣхъ усилияхъ искусственно поддержанія его желобами (*нау*) и затрамбовываніемъ трещинъ, годъ отъ году до того разрушался, что въ 1833 г. пришлось окончательно отказаться отъ него. Такимъ образомъ арыкъ этотъ прослужилъ товариществу всего 13 лѣтъ, едва оккупивъ издержки на его проведение.

Гораздо удачнѣе было предпринято Халифа Хасаномъ въ 1828 году проведеніе арыка изъ небольшой горной рѣчки (въ Туркестанскомъ країѣ) Уй-бадамъ (жилище миндаля), вливающейся справа въ Зеравшанъ нѣсколько выше Пенджекента. Товарищество, составленное изъ вызванныхъ Хасаномъ каратигенцевъ, матчинцевъ и частію кытутцевъ, воспользовалось открытой, довольно обширной площадью земли по берегамъ р. Уй-бадамъ, и въ три лѣта оросило ее пятью небольшими арыками: изъ праваго берега Шингакъ, Дашты-Варваръ—для орошенія полей, и Чорбакъ—для поливки садовъ, а изъ лѣвой стороны арыками: Міона (средній) и Чорбакъ—для садовъ.

Всю землю, въ количествѣ 600 танаповъ, орошенную арыками, выведенными изъ Уй-бадама, Халифа Хасанъ получилъ отъ эмира Насръ-Улла въ потомственную, обѣленную отъ по-датей собственность (*мюлкѣ-халысъ*). На этомъ правѣ онъ завѣщалъ ее въ вакуфъ своему потомству (*авладѣ*) и открытому имъ въ Пенджекентѣ медрессе Чубинъ, состоящему изъ четырнадцати келій.

Оставшися съ тѣхъ поръ на берегу Зеравшана, при впаденіи въ него многоводной р. Уй-бадамъ, каратигенцы и другіе выходцы, надѣленные Халифа Хасаномъ землею, составили кишлакъ Хожа-пашъ (по имени 5 хожей, имѣющихъ здѣсь мавзолеи глубокой древности).

Теперь въ кишлакѣ Хожа-пашъ, уютно сгруппированномъ на высокомъ берегу Зеравшана, и картина окаймленномъ роскошными садами, разбросанными террасами, насчитывается 36 домовъ съ 80 семействами, даниками вакуфа Халифа Хасана. Богатая, но къ сожалѣнію быстро истребляемая растительность ближайшихъ ущельевъ Шингакъ, Уй-бадамъ, наполненныхъ разнообразными древесными породами (дикій орехъ, миндаль, фисташки, кленъ, рябина), тучная подгорная и побережная почва издавна привлекла сюда переселенцевъ, искателей земной благодати, и цѣны на землю поднялись здѣсь всѣдствіе того чрезвычайно высоко: за тапапъ побережья (*курукъ*) платить 60—80 рублей.

Хожа-пашъ, съ его зажиточными жителями, оставилъ на вѣро пріятное впечатлѣніе на каждого, кто посетить этотъ кишлакъ.

Не въ такихъ, къ сожалѣнію, условіяхъ находится второй даникъ вакуфа Халифа Хасана, кишлакъ Миндана<sup>1)</sup>, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки того же названія, при впаденіи ея въ Зеравшанъ, въ 30-ти верстахъ выше Пенджекента. При достаточно плодородномъ и хорошо развитомъ землепашствѣ этого селенія, по системѣ арыковъ, проведенныхъ 70 лѣтъ тому назадъ изъ лѣваго берега немноговодной рѣки Миндана (въ Туркестанскомъ країѣ), жители этого селенія имѣютъ крайне печальный видъ отъ плохихъ санитарныхъ условій, скрывающихся въ самой природѣ. Надо надѣяться, что гг. врачи наши обратятъ когда-нибудь вниманіе на санитарные особенности этого горнаго уголка и опредѣлять: что за болѣзнь такая „тагбать“ и чѣмъ она порождена въ Туркестанѣ.

<sup>1)</sup> Часть земли этого селенія, на лѣвомъ берегу р. Миндана, назначена Халифа Хасану и мюлкѣ-халысъ эмирому Насръ-улла.

дается. Здѣсь не мѣсто описывать эту болѣзнь по рассказамъ о ней туземцевъ, но нелишнее будетъ сказать, что болѣзнь эта, чисто эпидемическая, имѣеть тѣ же особенности, какъ гиссарская тагбатъ (ревматическая лихорадка) и сопровождается весьма сильной смертностью.

Изможденное органическими страданіями, населеніе этого кишлака (таджики, переселенцы изъ Фана), отдавая каждогодно 8% умершихъ и 60% проболѣвшихъ жертвъ тагбата, только вслѣдствіе присущей всѣмъ азіатцамъ неподвижности, не рѣшается оставить этотъ могильный кишлакъ, хотя по частямъ и устраивается въ другомъ мѣстѣ, оставивъ за собою земли по р. Миндана. И здѣсь нуженъ такимъ образомъ починъ власти, иначе минданцы, представляющіе теперь едва двигающіеся живые скелеты, дойдутъ до вырожденія, а кишлака своего не оставятъ по своей собственной инициативѣ.

Но возвратимся къ предмету нашего очерка:

Ободренный полнымъ успѣхомъ орошенія земель, пріютившихъ кишлакъ Хожа-панъ, Халифа Хасанъ, проживавшій уже въ это время въ Пенджекентѣ, задумалъ вызвать къ культурный жизни обширную равнину Дашты-гусаръ, тянувшуюся по лѣвому берегу Зеравшана отъ устья рѣки Кштутъ, чрезъ Маргидаръ за кишлакъ Гусаръ на западѣ.

Поддерживаемый правительствомъ эмира Гайдара, Халифа Хасанъ успѣлъ въ два года поднять воду р. Кштутъ на равнину закрытымъ арыкомъ (каризѣ), вырубленнымъ на пространствѣ одной версты въ конгломератѣ. На орошенномъ прибрѣжье Кштута товарищи Хасана, выселенцы изъ Кштута и Фальгара, не замѣдили устроить кишлакъ Тогоби-халкъ (пародъ ущелья), но не надолго: независимый въ то время магіяно-киштутскій бекъ Аллаяръ-инакъ, поддерживая ходатайство узбековъ—оставить Дашты-гусаръ для кочевниковъ, запретилъ заниматься землепашествомъ на арыкѣ Халифа Хасана, и разоренные такимъ распоряженіемъ бека жители Тогоби-халкъ разошлись куда кому пришлось. Теперь въ кишлакѣ Шишкатъ, Кштутскаго ущелья, можно встрѣтить стариковъ,

съ горечью рассказывающихъ о напрасно положенныхъ усилияхъ по проведенію арыка изъ устья р. Кштутъ. Но самъ Халифа Хасанъ не смутился этой неудачею и, воспользовавшись перемѣнною правленіемъ въ Магіяно-киштутѣ, заручившись разрѣшеніемъ и даже небольшимъ денежнымъ вспомоществованіемъ бека, въ 1840 году въ той же долинѣ Гусаръ заложилъ арыкъ изъ лѣваго берега Зеравшана.

Тучная мергелевая почва этого побережья, испытанная отчасти въ обработкѣ ея подъ посѣвы богарные (весенніе атмосферического орошенія), привлекла на совершенно удавшійся арыкъ Халифа Хасана безземельныхъ киштутцевъ, узбековъ рода туркъ. Скоро образовалось здѣсь поселеніе, кишлакъ Болясъ; 15 лѣтъ дѣйствовалъ этотъ арыкъ и поддерживалось богатое урожаями землепашество, но холерная эпидемія 1865 года частью разогнала населеніе кишлака Болясъ и теперь арыкъ этотъ остается заброшеннымъ.

Назовемъ еще арыки: Оби-рахматъ, съ кишлакомъ на немъ Ишанъ, въ Самаркандинскомъ отдѣлѣ, противъ Чапанъ-ата, разработанный Халифа Хасаномъ незадолго до переселенія въ Пенджекентъ и завѣщанный имъ, по праву милька-халысъ, въ вакуфъ медрессе Халифа Хасанъ въ Самарканѣ, въ кварталѣ Хожа-зумратъ.

Такъ работалъ Халифа Хасанъ до глубокой старости по проведенію арыковъ въ обезпечепіе чувствительно обезземелнаго уже и тогда горнаго населенія. Улучшилось ли съ тѣхъ поръ землевладѣльческое положеніе горцевъ—скажемъ впослѣдствіи.

Въ домашней жизни Халифа Хасанъ отличался всегда умѣренностью во всемъ и особенною склонностью къ физическому труду. Рассказываютъ, что въ послѣдніе 30 лѣтъ жизни онъ спалъ всего два часа въ сутки и не иначе, какъ сидя и прислонившись къ стѣнѣ своей комнаты. Съ разсвѣтомъ его видѣли уже или работающимъ съ кетменемъ въ полѣ, или собирающимъ хворостъ (хосъ) на топливо для келій, построенаго имъ въ 1821 году въ Пенджекентѣ, въ кварталѣ Халифа Хасанъ, медрессе Чубинъ.

Каждогодно, съ наступлениемъ весны, старикъ перѣзжалъ верхомъ изъ Пенджекента въ Хожа-паншъ и въ теченіи двухъ весеннихъ мѣсяцевъ собирая въ горахъ цѣлебныя травы (*тіл*), которыя раздавалъ обращавшимся къ нему больнымъ, съ настѣніемъ какъ употреблять ихъ въ каждой болѣзни.

Нерѣдко случалось Халифа Хасану приготавлять изъ травъ лѣкарства для эмира Насръ-улла, посланного къ нему гонцовъ каждый разъ при заболѣваніи и при открытии войны, на которую испрашивалось имъ благословеніе (фатиха) Хасана.

Не величая себя ни пиромъ (наставникомъ), ни ишаномъ (учителемъ), Халифа Хасанъ пользовался всегда уваженіемъ и высокимъ довѣріемъ къ каждому сказанному имъ наставленію.

Въ послѣдніе годы его жизни массы туземцевъ, пилигримовъ изъ Бухары, Коканды и Ташкента приходили въ Пенджекентъ на поклоненіе (зіаратъ) маститому старцу, не принимавшему никогда отъ почитателей никакихъ приношеній и поучавшему и словомъ и примѣромъ въ необходимости помочь неимущимъ.

Эмиръ Батыръ-ханъ (Насръ-улла) относился всегда къ Халифа Хасану съ предупредительнымъ вниманіемъ и посыпалъ ему поздравленія по случаю каждого праздника, а въ пріѣздъ свой въ Пенджекентъ, въ 1854 году, самъ отправился къ нему въ домъ за благословеніемъ.

Въ послѣдніе пять лѣтъ жизни Халифа Хасанъ никуда не выѣзжалъ изъ Пенджекента, но посыпалъ аккуратно мечеть и при случаѣ высказывалъ всѣмъ свой эпикурейскій взглядъ на жизнь, уча относиться къ смерти съ равнодушіемъ, такъ какъ по его словамъ: „ни въ жизни, ни въ смерти нѣть зла“.

Этотъ философскій взглядъ на жизнь Халифа Хасанъ проводилъ практически, и когда домашніе плакали надъ трупомъ умершаго его сына, онъ пригласилъ въ домъ музыку и открылъ шумное увеселеніе съ шляской и съ *кок-бури* (скачка съ козломъ).

Въ исходѣ 1865 года, недѣлю спустя послѣ начала уразы (мусульманскій постъ), въ декабрѣ мѣсяцѣ Халифа Хасанъ,

оставаясь совершенно бодрымъ и съ виду здоровымъ, объявилъ своимъ родственникамъ и всѣмъ знакомымъ, что чрезъ недѣлю онъ долженъ умереть. Многіе конечно сомнѣвались въ справедливости его предсказанія и съ неохотой присутствовали на поминкахъ, открытыхъ по себѣ Халифа Хасаномъ еще при жизни.

На этихъ необыкновенныхъ поминкахъ, послѣ раздачи каждому на память по куску ситца и сукна, Халифа Хасанъ простился со всѣми, объявилъ, что онъ умретъ чрезъ недѣлю, въ понедѣльникъ, и просилъ неувѣковѣчивать его имя мавзолеями (мазаръ), а похоронить при дорогѣ, безъ обозначенія могилы, чтобы никто не зналъ, где онъ погребенъ. Въ этотъ же день прощанія съ пенджекентцами отправился къ эмиру Музаффарь-хану въ Гиссаръ гонецъ отъ Халифа Хасана, его сынъ Магометъ-Раджабъ, съ поминальнымъ сукномъ (*иртышъ*) и съ извѣщеніемъ, что отецъ ожидаетъ смерти „въ такой-то день“. Эмиръ Музаффарь принялъ поминальный иртышъ въ тотъ самый понедѣльникъ, начала декабря 1865 года, когда Халифа Хасанъ отошелъ въ вѣчность на 163 году отъ рожденія.

Присутствовавшіе при послѣдніхъ минутахъ жизни Халифа Хасана рассказываютъ, что онъ скончался тихо, безъ малѣйшихъ признаковъ страданія, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Почитатели Халифа Хасана не исполнили завѣщенія своего учителя, похоронили его на видномъ мѣстѣ, на восточной сторонѣ Пенджекента, въ города, а явившійся въ 1873 году изъ Казани на поклоненіе своему наставнику татаринъ Махзумъ построилъ на могилѣ скромнаго учителя окромный гумбезъ (мазаръ), выдающійся своимъ ярко бѣлымъ куполомъ, съ неизбѣжнымъ бунчукомъ (*тузъ*).

Теперь въ этомъ мазарѣ горятъ по пятницамъ свѣчи почитателей, а чрезъ полсотни лѣтъ къ имени Халифа Хасана, безъ сомнѣнія, прибавится эпитетъ *ауліе*, т.-е. святой, и правовѣрные всѣхъ странъ будутъ ходить сюда на поклоненіе (*зіаратъ*) съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ посыпаютъ могилу Ходжа-ахрара въ Ташкентѣ, Данъара—въ Самаркандѣ, и другія.

Всѣ эти вопросы, если они будутъ разобраны по даннымъ дѣйствительности, хотя отмѣткою аналогическихъ случаевъ изъ практики того или другого судебнаго органа, опредѣляютъ съ достаточной правильностью удѣльный вѣсъ мѣстныхъ законоположеній, т.-е. практическое ихъ значеніе для общества; а это, въ свою очередь, уяснило бы достоинство и недостатки организаціи народнаго суда.

Къ сожалѣнію, юридические вопросы и дѣятельность народнаго суда всего менѣе привлекали вниманіе лицъ, занимающихся изученіемъ Туркестана, и этотъ важный предметъ даль до сихъ поръ только три изслѣдованія: „Разборъ русскаго и мусульманскаго законоположеній о находкѣ и о пригульномъ скотѣ, лѣкотѣ“, въ № 18 Турк. Вѣд. за 1871 г., „Юридический обычай киргизовъ“, статья г. Загряжскаго въ Туркестанскомъ Ежегодникѣ за 1876 г., и двѣ полемическія статьи гг. Рейнталя и Загряжскаго, въ вып. III (1874 г.) Туркестанскаго Ежегодника.

Полагаемъ, въ виду такой скучности материаловъ по вопросамъ права въ Туркестанѣ, что этотъ небольшой трудъ нашъ разбора дѣятельности народнаго суда въ Зеравшанскомъ округѣ будетъ нелѣпшимъ и здѣсь, и за предѣлами Зеравшана.

Обширная долина *Міонд-кони*, отъ пограничного урочища *Хаузз-тумглук* на сѣверѣ, со стороны Сыръ-даринской области, до сел. *Аличин* на югѣ, и горная территорія съ верховьями Зеравшана и Ягноба, составляя, по административному дѣленію въ 1868 году, отдѣлы: *Самаркандинский* — въ 18 волостей, *Катта-курганский* — въ 10 волостей, и *Нагорные тюмені* — 10 волостей, какъ известно, кочевого населенія не имѣютъ, а населены исключительно осѣдлыми туземцами преобладающей узбекской народности<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Узбеками зовется тюркское население средне-азіатскихъ провинцій. Въ Зеравшанскомъ округѣ всѣхъ узбековъ насчитывается 92 комѣна съ общимъ числомъ 320,000 душъ приблизительно. За исключеніемъ весьма небольшого

## НАРОДНЫЙ СУДЪ У ТУЗЕМЦЕВЪ<sup>1)</sup>.

Кончившееся 2 мая 1878 года десятилѣтіе Зеравшанскаго округа даетъ случай и возможность отмѣтить тѣ свѣдѣнія о дѣйствіи народнаго суда у туземцевъ, о вліяніи его на соціально-экономические интересы населения, которыя такъ или иначе иллюстрируетъ сама жизнь. Такія свѣдѣнія, если бы они отмѣчались возможно чаще людьми, знающими край, и въ другихъ частяхъ Туркестана, могли бы съ достаточною правильностью уяснить слѣдующіе вопросы, весьма важные, конечно, для успѣха правильной гражданственности, которою задается русская администрація: въ какой степени дѣятельность судовъ соответствуетъ тому идеалу, который имѣло въ виду законодательство (проектъ положенія обѣ управлениіи въ Туркестанскомъ краѣ, дѣйствующій съ 1867 года), — не встрѣчаетъ ли практика народныхъ судовъ (у кочевниковъ судъ *біеоз по зану* — обычаю, у осѣдлыхъ туземцевъ судъ *казіеоз*, по шаригату) какихъ-нибудь затрудненій въ преслѣдованіи задачъ, поставленныхъ положеніемъ, и какимъ образомъ устранить такія препятствія? Въ какой степени взгляды суда па вопросы права, а также и решения судей осуществляютъ ту справедливость, которой домогается и законодательство, и современное общество? Наконецъ, какъ велика та сумма благъ или страданій, которая выцсена въ народную жизнь повышающимъ судебнаго дѣла, и въ чёмъ именно она заключается?

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1879 году.

Въ силу этого, прымѣнительно къ § 214 проекта положенія объ управлениіи въ областяхъ Туркестанскаго края, въ Зеравшанскомъ округѣ искони дѣйствовалъ одинъ только судъ казіевъ, распределенныхъ въ судебные районы такъ: въ Самаркандинскомъ отдѣлѣ казій самаркандинскій для трехъ волостей съ населеніемъ 9,330 дворовъ, казій аборинкентскій для трехъ волостей—5,709 двор., казій ангарскій для трехъ волостей—въ 4041 двор., казій ширазскій для трехъ волостей—5079 двор., казій сунгутскій для двухъ волостей—3914 двор., казій чалекскій для двухъ волостей—2441 двор., казій Яны-курганскій для двухъ волостей—2590 двор.; въ Катта-курганскомъ отдѣлѣ: казій митанскій для одной волости—3240 двор., казій наукинскій для трехъ волостей—6892 двор., казій пенжембинскій для трехъ волостей—6636 двор., казій Катта-курганскій для трехъ волостей—5733 двор.; въ Нагорныхъ тюменяхъ<sup>1)</sup>; казій пенджекентскій двѣ волости—2070 двор., казій ургумскій три волости—4113 двор., казій магіянскій одна волость—704 двор., казій чимутукскій одна волость—625 двор., казій фатмарскій одна волость—5000 двор., казій янобскій одна волость—4300 двор., казій матчинскій одна волость—4800 дворовъ.

Это дѣленіе отдѣловъ па судебные районы, установившееся въ первые годы присоединенія къ Туркестанскому краю Зеравшанской долины, какъ замѣтно, имѣло въ виду скорѣе территориальныя основанія, чѣмъ степень населенности и другія<sup>2)</sup>. Оттого казіи Самаркандинскаго отдѣла, не успѣвающіе справиться съ кибитокъ кочевыхъ узбековъ, занимающихъ стойбищами своими сѣверо-западный уголъ Самаркандинскаго отдѣла, оставались осѣдло изъ кишлакахъ, занимаясь исключительно хлѣбопашествомъ.

1) *Нагорные тюmenы*, получившіе съ 1871 года свое существование какъ административная единица, равная уѣзу, въ составѣ своего населенія имѣютъ преобладающую народность горнаго таджиковъ, болѣе изѣстныхъ здѣсь подъ познаніемъ Газица.

2) Мы привели тѣ достовѣрныя цифры населенности судебныхъ участковъ, которыя получены точнымъ исчислениемъ въ зику 1877—1878 года особыми комиссиями, занимавшимися одновременно и введеніемъ выборнаго положенія.

На основаніи этихъ данныхъ, населенность Зеравшанскаго округа представляется такою: Самаркандинскій отдѣлъ—33,175 дворовъ (г. Самаркандин. 4,360)

ляться съ массою дѣла, должны были дѣлить всегда и судебную практику, и громадные доходы отъ нея, дававшіе, напримѣръ, самаркандинскому казію 15000 руб. годовыхъ сбороў, съ своими муфтіями, число которыхъ съ мирзами доходило у нѣкоторыхъ до 22 человѣкъ. Зато казіи горныхъ волостей, слабо населенныхъ малозажиточными таджиками, имѣли всегда такую ограниченную, бездоходную судебную практику, которая однихъ побуждала къ прекращенію дѣятельности, другихъ—къ грѣховнымъ доходицамъ, едва поддерживавшимъ едипичное существованіе судьи-гуземда.

Слѣдствіемъ такого распределенія судебныхъ районовъ въ рѣзкой противоположности экономическихъ условій ихъ было всегда избытокъ кандидатовъ въ должности казіевъ въ долинахъ и ощущительный недостатокъ ихъ въ горахъ.

Такъ какъ выборы казіевъ и другихъ должностныхъ лицъ изъ туземцевъ въ Зеравшанскомъ округѣ до 1878 года, не практиковались, то первое пъ отмѣченныхъ явленій—достаточное число коекуррентовъ, давало возможность русской администраціи замѣщать должности казіевъ лучшими и преданныѣшими напимъ интересамъ людьми. Въ свою очередь, и казіи, обеспеченные достаточными доходами отъ судебной практики, дорожили мѣстами и, въ большинствѣ, исполняли свои обязанности превосходно, оставаясь въ должностяхъ по нѣсколько лѣтъ.

Это отчасти можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ полной основательности дѣйствовавшаго ранѣе въ Зеравшанскомъ округѣ начала организаціи туземныхъ административно-судебныхъ органовъ простымъ назначеніемъ по представлениямъ начальниковъ отдѣловъ, а не выборной системой, дѣйствующей въ другихъ областяхъ края уже второе десятилѣтіе.

Теперь, когда до нѣкоторой степени туземцы Зеравшана

× 6 душъ = 199,050 душъ. Катта-курганскій отдѣлъ 22,500 дворовъ = 135,000 душъ. Нагорный районъ 21,612 дворовъ = 129,672 душъ. Всего 77,287 дворовъ = 463,722 душъ обоего пола.

освоились съ практикой выборной системы въ соѣднѣй Сыръ-даринской области, признано необходимымъ организовать на тѣхъ же началахъ и населеніе туземное Зеравшанскаго округа, предоставивъ ему выборъ сельскихъ аксакаловъ-старшинъ и казиевъ-судей подачей голосовъ избирателями, т.-е. представителями отъ каждыхъ 30 самостоятельныхъ хозяйствъ.

При этомъ суду дана та организація, съ правильнымъ дѣйствиемъ съѣздовъ, какая установлена § 215—244 проекта положенія.

Такимъ образомъ, со второй половины 1878 года, народный судъ получилъ такую организацію: въ Самаркандинскомъ отдѣлѣ 12 казиевъ съ тремя съѣздами: первый съѣздъ изъ казиевъ самаркандинскаго, махалинскаго, сіабскаго, джумабазарскаго; второй съѣздъ изъ казиевъ ангарскаго, джой-диванинскаго, яны-курганскаго, дагбитскаго; третій съѣздъ изъ казиевъ челеекскаго, сугутскаго, кабутскаго и ширазскаго; въ Катта-курганскомъ отдѣлѣ 6 казиевъ съ двумя съѣздами: первый изъ казиевъ катта-курганскаго, хожа-арыкскаго, калькурганскаго; второй съѣздъ изъ казиевъ наукинскаго, пеншамбинскаго и митанскаго; въ Нагорныхъ тюменяхъ 7 казиевъ съ тремя съѣздами: первый ургутскій, пенджентскій, магіяно-фарабскій; второй съѣздъ изъ казиевъ матчинскаго, фальгарскаго и исандеровскаго; третій съѣздъ изъ казиевъ пенджентскаго, кштутскаго и магіяно-фарабскаго.

Такое устройство народного суда, на началахъ, вполнѣ отвѣчающихъ проекту положенія, дѣйствующему въ областяхъ Сыръ-даринской и Семирѣченской съ 1867 года, потребуетъ, равнымъ образомъ, установленія предѣловъ юрисдикціи суда казиевъ и съѣздовъ, такъ какъ предусмотрѣно §§ 133, 226—234 проекта положенія и послѣдующими разъясненіями Г. Главнаго Начальника края.

На основаніи этихъ узаконеній, суду казиевъ подлежать всѣ гражданскія дѣла, возникающія изъ правоотношеній туземцевъ одной народности (§§ 133 и 214 проекта положенія), и всѣ уголовныя дѣла, предусмотрѣнныя уставомъ о наказа-

ніяхъ, налагаемыхъ мѣровыми судьями, и уложеніемъ о наказаніяхъ, за исключеніемъ дѣлъ обѣ измѣнѣ, нападенія на почты и военные транспорты, убийствъ христіанъ, убийствъ должностныхъ лицъ, разбояхъ, грабежахъ, нападенія на купеческіе караваны, побѣгъ въ чужія владѣнія, поджогахъ, явномъ сопротивлѣніи властямъ, дѣланіи и переводѣ фальшивой монеты, убийствъ, похищенія казеннаго имущества, — всѣ подсудныя военному суду и суду по общимъ уголовнымъ законамъ имперіи (§ 130 и 131 проекта полож.).

Такимъ образомъ, по смыслу § 131 и 133 проекта положенія, юрисдикція народного суда охватываетъ подсудностью и такія уголовныя дѣла (растѣніе, насилие мужеложствомъ, написаніе уевѣчья, лжеприсяга, составленіе шаекъ), за которыхъ уложеніемъ о наказаніяхъ опредѣляется самое тяжелое наказаніе — каторжныя работы. При этомъ, по толкованію § 227 проекта положенія, всѣ уголовныя дѣла, не подлежащія русскому суду, разбираются съѣздами казиевъ, которые, въ силу этого, неминуемо должны обратиться изъ *періодическихъ* въ постоянные съѣзы, такъ какъ дѣль уголовныхъ маловажныхъ, влекущихъ за собою наказаніе отъ денежнаго штрафа до тюремнаго заключенія (оскорблѣніе чести, угрозы, обиды, нарушеніе порядка и спокойствія, самоуправство, кражи, мошенничество), въ практикѣ народныхъ судовъ встрѣчается весьма много.

Казалось бы, въ виду этого, существенно необходимымъ считать подсудными періодическими съѣздами казиевъ только тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, которые влекутъ за собою заключеніе въ смирительный домъ, отдачу въ исправительныя арестантскія роты, ссылку въ Сибирь, — остальная же дѣла предоставить кѣдѣнію единоличнаго суда.

Съ другой стороны, изъ юрисдикціи народного суда слѣдовало бы изѣять тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, которая, оставаясь подсудными казиамъ по смыслу § 131 проекта полож., влекутъ за собою ссылку въ каторжныя работы, т.-е. такую степень уголовной

ответственности, которую судъ казіевъ установить не можетъ въ силу § 232 проекта положенія. Между тѣмъ у осѣдлыхъ туземцевъ дѣла обѣ изнасилованіи растѣніемъ, о панесеніи ранъ тяжкихъ, встрѣчаются весьма часто и во всѣхъ почти случаяхъ оканчиваются полной безнаказанностью обвиняемаго, съ одной стороны по некомпетентности суда (§ 232), съ другой стороны потому, что судъ шаріата единственными доказательными данными въ дѣлахъ о растѣніи считаетъ 4-хъ свидѣтелей такихъ, которые видѣли преступленіе *ipso facto*, — что равносильно конечно отказу въ правосудії.

Изъ соображенія § 129—133 проекта полож. и § 232, расширявшаго юрисдикцію народнаго суда до права назначать наказаніемъ за преступленія ссылку въ Сибирь, представляется также вопросъ о подсудности этому суду такихъ уголовныхъ дѣлъ (лжеприсяга, насилие мужеложствомъ, разрытие могиль, составленіе шаекъ), наказаніе, по которымъ ссылка превышаетъ власть суда. По буквальному смыслу § 133 проекта полож. дѣла этого рода подсудны народному суду и притомъ въ такой градации однако, что совершение того или другого тяжкаго преступленія туземцемъ одной народности съ потерпѣвшимъ влечетъ слабую ответственность предъ судомъ народнымъ, не имѣющимъ для руководства никакого уголовного кодекса (практика наказаній по шариату упразднена § 232); совершение же того же преступленія надъ туземцемъ не одной народности съ обвиняемымъ влечетъ ответственность предъ судомъ русскимъ по уложенію о наказаніяхъ.

Туземцы конечно не постигаютъ сокровенного смысла этого законоположенія, являющагося охранителемъ правъ одной народности отъ угнетенія другою народностью, и, по встрѣчающимся весьма часто примѣрамъ, задаются вопросами: почему напримѣръ киргизъ, изувѣчивъ своего сородича, отѣлывается платежемъ въ его пользу одного верблюда (кунъ), а за то же преступленіе, совершенное надъ сартомъ и осѣдлымъ родственнымъ узбекомъ, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работы (ст. 1477 улож. о

наказ.)? — почему лжеприсяга, учиненная сартомъ по дѣлу сарта же, остается безнаказанною, по невѣдѣнію казіями — какимъ наказаніемъ она преслѣдуется, а случай лжеприсяги въ дѣлѣ сарта съ кочевникомъ оканчивается для обвиняемаго наказаніемъ десятилетнію каторжною работою (ст. 237 улож.)? — почему такъ часто встрѣчающіеся подлоги киргизовъ или сартовъ въ листахъ по дѣламъ между своимъ однородичами остаются совершенно безнаказанными, какъ такія дѣлывія, которыя киргизскій обычай, запрещаютъ, исъ считаетъ преступными, шаріать же во всѣхъ случаяхъ назначаетъ наказаніе не выше ареста, а случаи подлоговъ у туземцевъ, гдѣ обвиняемый и потерпѣвшій разныхъ народностей, подсудны русскому суду со всемъ процедурою слѣдственной, предварительного заключенія, и наказываются по уложенію о наказаніяхъ или тюремнымъ заключеніемъ или же ссылкою въ Сибирь? — почему въ дѣлахъ гражданскихъ, по искушь сарта съ киргиза, дѣйствуетъ въ некоторыхъ случаяхъ десятилетнія гражданская давность, а дая исковыхъ дѣлъ сартовъ между собою остается въ позной силѣ давность сорока лѣтнія для исковъ о движимости, и десятилетнія давность для дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ?

Надъ всѣми этими вопросами, таѣтъ существенно затрагивающими правовые, жизненные интересы народа, возвышается одинъ болѣе общій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый важный вопросъ: въ какой степени проявляеть морализующее влияніе на туземцевъ народный судъ, уменьшилась ли или увеличилась сумма преступлений въ туземномъ населеніи кочевомъ и осѣдломъ со временемъ организаціи народнаго суда на началахъ проекта положенія, стремившагося ввести въ юридический бытъ туземцевъ новые, прогрессивные основы, болѣе удовлетворяющія современнымъ понятіямъ о справедливости, болѣе, казалось, достигающія прямой цѣли всякаго закона — охранять слабаго отъ эксплуатации его личности и имущества болѣе сильнымъ?

Отвѣтить цифровыми данными на вопросъ о степени влияния юрисдикціи и народнаго суда на экономический и нрав-

ственний строй жизни туземного населения мы не можемъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія пока такихъ данныхъ.

Хотя попытки зеравшанской администраціи къ установлению контроля за дѣятельностью казіевъ проявились еще въ 1870 году, но онѣ повели лишь только къ уразумѣнію туземцами нашего желанія знать болѣе, нежели сколько разрѣшаешь шаріатъ, такъ какъ отъ казіевъ требовалась, рядомъ съ юридическими свѣдѣніями, и цифровые данные о рождаемости, смертности, о бракосочетаніяхъ въ туземномъ населеніи, т.-е. такая въ высшей степени полезная и желательная регистрація, которая требуетъ достаточной точности, невозможной однако при условіи всеобщаго отвращенія правовѣрныхъ къ подобнымъ свѣдѣніямъ.

Въ результатѣ такого усердія получить все сразу отъ не-подготовленного къ правильной гражданственности народа было то, что повременные вопросы казіямъ контролирующей администраціи о числѣ совершенныхъ браковъ (поименно), о числѣ бракоразводовъ, о смертности и рождаемости, о числѣ нотаріальныхъ сдѣлокъ, о количествѣ случаевъ купли и продажи лошадей и недвижимости, о числѣ рѣшенній дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, — оставались безъ отвѣта, и только трусливѣйшіе изъ казіевъ умудрялись представлять возвратно, на ревизію, штурковые книги, усердно испещренныя свѣдѣніями по всѣмъ вопросамъ, лишенными разумѣться всякой достовѣрности.

Опираться такимъ образомъ на цифры этихъ книгъ въ вопросахъ юриспруденціи и статистики положительно нельзя, изъ опасенія впасть въ абсурдныя заключенія, и мы должны выразить желаніе, чтобы установленная недавно реорганизація зеравшанского округа въ административно-судебномъ отношеніи радикально коснулась этой важной стороны дѣла — охраненія туземныхъ органовъ управления отъ излишняго канцеляризма, пакогда оставила бы казіямъ только одну книгу, въ трехъ раздѣлахъ, настоятельно обязательныхъ: для дѣлъ исковыхъ — гражданскихъ, для уголовныхъ дѣлъ, для отмѣтки сдѣлокъ нотаріальныхъ, бракосовершенніихъ, бракоразводныхъ.

Соответственно такому установлению и сѣѣзы казіевъ должны быть снабжены одною книгою съ реестрами дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Нельзя не пожелать также обновляющемуся народному суду полной свободы отъ подталкиваній со стороны русской администраціи, и аллюбившій мѣстами этотъ печальный и крайне вредный приемъ до того, что судъ началъ терять необходимую для него самостоятельность, и казіямъ приходилось рѣшать большинство дѣлъ не только уголовныхъ, но и гражданскихъ, не по прямому заявленію истцовъ, а на основаніи „приказовъ“ администраціи отдѣла, отъ которыхъ обязательно еще было отписываться.

Дѣло дошло до того, что туземцы переставали считать судъ правосильнымъ и обращались по всѣмъ, самымъ ничтожнымъ искамъ, къ начальнику отдѣла, въ чаяніи получить приказъ (буриюкъ) и судебное удовлетвореніе чрезъ него.

Въ результатѣ такого, болѣе пожели странного порядка, было полное ослабленіе значенія суда, крайнее утрудженіе туземцевъ необходимостью проходить въ каждомъ дѣлѣ лишнюю инстанцію съ такимъ предваріемъ, чрезъ которое пробраться было не легко, загроможденіе канцелярій пустынѣ безплоднымъ дѣломъ по выдачѣ приказовъ просителямъ, обремененіе казіевъ обязательствомъ „доносить“ объ исполненіи приказа разборомъ того или другого дѣла.

Въ свою очередь и туземная администрація, въ равной съ казіями степени, предвкушала этой чернило-истребительной системы до того, что волостной управитель ожидалъ всегда приказа на допесеніе о такихъ случаяхъ по дѣламъ преступлений, которыя требовали немедленныхъ мѣропріятій. Ни одна сельская полицейская власть (аксакалы, старшины, волостные управители) не считала себя въ правѣ пошевельнуться въ прямой своей обязанности по должности иначе, какъ чрезъ толчекъ приказомъ, который требовался и на предметъ исправленія дороги, моста, и для исполненія рѣшенія суда, и на предметъ оказанія содѣйствія потерпѣвшему отъ преступленія, ви-

новникою которого, часто односелецъ волостного, успѣвалъ увертываться, пока послѣдній ждалъ отъѣта на донесеніе.

Что же оставалось въ утѣшевіе любителей этой бумажной системы? Имъ оставалось право хвастаться высиживаніемъ въ канцеляріи отъ 9 до 4-хъ дневныхъ часовъ „въ ущербъ жалудку“ (какое самоотверженіе!), имъ оставалось развлечеіе перепиской, развлечеіе пріемомъ изрѣдка просителей (гарз-чи), легіоны которыхъ толпились всегда у дверей управліеній, не сознавая, конечно, что ихъ томитъ здѣсь напрасно система.

Къ сожалѣнію, приходится сказать, изъ наблюдений нашихъ за предѣлами Зеравшанскаго округа, что эта крапивная система канцеляризма баррикадируетъ путь къ правильному отправленію административно-судебного дѣла и въ другихъ частяхъ края. Не мало и тамъ встрѣчается дѣятелей, администраторовъ-строчилъ, потирающихъ къ концу года руки отъ удовольствія сказать сосѣду: „у меня 15000 номеровъ въ исходящемъ“.

Взгляните, пожалуйста, въ этотъ мѣритель дѣятельности нѣкоторыхъ уѣздныхъ администраторовъ—въ исходящій, взгляните въ груды дѣлъ по жалобамъ туземцевъ,—и всѣ недостатки этой странной системы опьягнѣнія канцеляризмомъ представляются въ полномъ обнаженіи!

Въ Зеравшанскаго округа, намъ мало приходилось рассматривать исходящіе и входящіе, но тамъ мы видѣли болѣе,—мы видѣли жизнь туземцевъ въ качествѣ неофициального, простого наблюдателя, которому, въ бесѣдахъ съ кочевниками, всѣ радости, всѣ скорби народа представлялись въ натуральномъ объемѣ. Тамъ, рядомъ съ предписаніями губернскихъ властей, съ мудрыми резолюціями уѣздной власти: „положить ко мнѣ на столъ“, „по записѣ подать, хорошошенько исполнить“, мы видѣли (въ 1874—1876 году) цѣлые ворохи доцесеній управителей, казиевъ, подъ пришаровленіемъ ко вкусу заголовкомъ „rapurtz“.

Тамъ мы видѣли такое многообразное, безплодное строченіе канцелярій, какое можно встрѣтить разг҃ѣ только въ

областяхъ Сибири, гдѣ какъ видно „гражданственность“ также прокладывала себѣ постепенно путь чернильной строкой и пріобщила туземцевъ къ канцеляріи настолько, что даже у кочевыхъ старшинъ, управителей, позавелись „исходящіе“, „входящіе“, „разносные“, съ количествомъ душеспокоительныхъ номеровъ немногимъ менѣе того, какое въ уѣздныхъ управліяхъ. Сибирскія управлія опередили остальныя еще тѣмъ, что тамъ формально существующими канцеляріями кочевыхъ киргизовъ правятъ русскіе толмачи (переводчики), которые и строчатъ безъ удержу, благо у волостного нѣть недостатка въ джигитахъ—разсыльныхъ для возки конвертовъ.

Въ частныхъ случаяхъ канцеляризмъ этотъ, вредный крайне по условіямъ жизни туркестанскихъ туземцевъ, проявляеть много смѣхотворнаго даже для простыхъ киргизовъ.

— Удивительный это пашъ хакимъ (начальникъ),—бесѣдовать со мной дустг-бай (дружишще):—что пп слово тебѣ скажеть, то первомъ скребнетъ. Давеча (тeneуки) я едва удержался отъ смѣха: жалуюсь на волостного, что онъ медлитъ исполненіемъ рѣшенія бїя (суды) по дѣлу моему съ Бураки: Хакимъ разспрашиваетъ волостного, слушаетъ его неосновательныя оправданія и, въ концѣ-концовъ, приказываетъ написать для меня предписаніе съ требованіемъ объясненія отъ того же волостного. Я, конечно, не въ первый случай этотъ видѣлъ мегкемэ (управленіе), знаю соль этихъ бумажныхъ порядковъ нашаго хакима, и разсудилъ изорвать въ тахомолку это предписаніе, оставилъ зато въ чистой потерѣ по иску. Не сообразилъ я, бѣднякъ, что надо было дать взятку управителю, а не жаловаться на него.

— А вы думаете, почтеннѣйший дустг-бай, что во многихъ случаяхъ мудрый (акыллы) вашъ хакимъ могъ бы безъ бумаги обойтись?

— Я не только утвердительно объ этомъ думаю, но, мой доброжелательный тюре<sup>1)</sup>, я молю Аллаха избавить нашъ

<sup>1)</sup> Словомъ тюре называютъ здѣсь и офицера, и чиновника.  
Досуги въ туркестанѣ.

простой кочевой киргизской народъ отъ канцелярской бумаги. Вѣдь ясно же и мы видимъ, и разсудительные ваши люди видятъ, что русская бумага мало приносить намъ пользы. Мы получаемъ нескончаемые „приказы“ (буйрюки) хакимовъ и терпимъ отъ воровъ,—терпимъ страшно, потому что, подъ покровительствомъ этой самой бумаги, управители и старшины покровительствуютъ ворамъ, скотокрадамъ, отъ которыхъ получаютъ соколиную долю. Мы страдаемъ отъ неправосудія біевъ, частью по недобросовѣстности ихъ, частью происходящаго оттого, что обычаевъ они не знаютъ, а сборника этихъ обычаевъ до сихъ поръ никто не далъ для руководства имъ. Мы платимъ, клануясь вамъ небомъ, каждогодно, болѣе того количества податей, какое утверждаетъ губернская администрація, потому что раскладка податей существуетъ только въ проектѣ положенія, а на самомъ дѣлѣ волостные берутъ сколько имъ вздумается, и только посмѣиваясь отписываютъ на вопросы хакима по нашимъ жалобамъ. Какъ видите, г. тюре, горечь дня наша не сложна: кражи, неправосудіе, податные поборы. Зачѣмъ же, вместо исправленія этихъ золъ, насъ забрасываютъ бумагою и пишутъ, пишутъ, пишутъ. Жаль мнѣ, право, своего хакима, какъ взгляну на его отощавшую за канцелярскимъ столомъ фигуру, на его вытянутое пустотою дѣла лицо. Жаль мнѣ сердечно и тѣхъ строчуновъ (язучи), его наiba (помощникъ) и др., которые думаютъ, что исцѣляютъ наши общественные недуги своимъ строченiemъ и, сунувъ киргизу бумагу, чуть онъ откроетъ ротъ съ просьбой, считаютъ, что они дѣлаютъ дѣло. Нѣть, это не дѣло, а это вѣчно такое, чему надо бы поскорѣе положить конецъ, чтобы насъ, простыхъ степняковъ, совсѣмъ не потопили въ чернилахъ.

— Успокойтесь, откровенный дустѣ-бай, эти самыя чернила можетъ быть и сдѣлаются для васъ, киргизовъ, то, что требуется сдѣлать, поставить быть можетъ преобладаніе практическости дѣла надъ канцеляріей, подвижность уѣздныхъ начальниковъ надъ косностью.

— Пусть сбудется полностью это предсказаніе ваше, добрый

тюре, пусть скорѣе утвердится и въ нашей степи тотъ порядокъ, тотъ славный пріемъ управления туземцами, какой мнѣ случайно удалось прослѣдить недавно въ одномъ большомъ городѣ Зеравшанской долины. Былъ базарный день, когда я вошелъ съ караваномъ подъ казеннымъ транспортомъ въ этотъ привѣтливый своими окрестностями городъ, богатый архитектурными памятниками временъ тимуридовъ<sup>1)</sup>. Я сдалъ въ полной исправности тяжести каравана, получилъ разсчетъ въ тотъ же день, но рѣшилъ простоять въ городѣ недѣлю, чтобы дать отдыхъ верблюдамъ и поклониться древностямъ. На другой день я началъ осмотръ съ древнихъ загородныхъ мечетей и мазаратаў, которые такъ живописны своею окружающею, полною роскошной растительности мѣстностью, своими развалинами. Я перешелъ затѣмъ къ городскимъ массивнымъ медрессе, у воротъ которыхъ, на площади вымощенной камнемъ, тѣснилась порядочная толпа горожанъ-сартовъ и сельскихъ узбековъ, старавшихся протолкнуться въ тяжелой двери медрессе съ наклеенными листами, только что вышедшими изъ литографіи; это были дополнительныя распоряженія мѣстнаго хакима, объявляемыя во всеобщее свѣдѣніе выставленіемъ такихъ листовъ на базарныхъ площадяхъ, въ медрессе, на дверяхъ управления, въ домѣ посольства. Когда толпа нѣсколько сократилась, я подошелъ къ дверямъ изъ любопытства и слушалъ чтеніе муллою одного листа за другимъ. Вотъ какія распоряженія—„наставленія“ отдавалъ хакимъ: „просьбы туземцевъ выслушиваю отъ 2 до 4 часовъ каждодневно, исключая пятницы и воскресенья. Требую однако, чтобы жители не осаждали меня напрасно жалобами, подлежащими разбору казіевъ, которымъ приказано мною, разъ навсегда, выслушивать просителей и творить безъ промедленій судъ самый справедливый, не ожидая отъ меня приказа (буйрюка) на каждый случай. Жители должны знать также, что въ каждомъ случаѣ грабежа, кражи, обиды, падо обращаться немедленно къ своему

<sup>1)</sup> Эта собесѣдникъ мої—киргизъ простой, но учившійся въ Троицкой народной школѣ и любящій чтеніе.

волостному управителю и аксакалу-старшинѣ, которые обязаны дать потерпѣвшему полное содѣйствіе, на основаніи изданыхъ для этихъ полицейскихъ лицъ правилъ". Далѣе, въ другомъ распоряженіи подтверждалось: „было отдано распоряженіе казіямъ принимать къ разбирательству дѣла, не ожидая отъ меня приказовъ, которыхъ я избѣгаю выдавать, потому что такое писательство приноситъ мало пользы. Такъ какъ жители по привычкѣ продолжаютъ осаждать меня просьбами о выдать буйрюка казію или волостному, по каждому простому случаю, то я повторяю этимъ должностнымъ лицамъ мое требование—оказывать каждому содѣйствіе безъ попужденій и винить жителямъ установленный для ихъ пользы порядокъ". Мнѣ показалось утѣшительною новинкою и слѣдующее распоряженіе: „приказываю всѣмъ волостнымъ управителямъ завести книгу для отмѣтокъ въ ней свѣдѣній о розыскиваемыхъ по моимъ предписаніямъ бѣглыхъ людяхъ и украденномъ скотѣ. По полученіи приказанія о розыскахъ, дѣлать немедленно распоряженіе, кратко записывать въ книгу — кто или что розыскивается и, въ случаѣ нерозысковъ въ теченіи двухъ недѣль, кратко, въ одномъ словѣ „розысканъ" или „не розысканъ", отвѣтчиа на самомъ предписаніи, которое и возвращать ко мнѣ. Но розыски этимъ не заканчиваются, а волостной управитель обязанъ почаше заглядывать въ книгу и давать напоминанія старшинамъ. Изъ получаемыхъ отъ меня предписаній хранить до времени только тѣ, которые требуютъ продолженія исполненія, а остальные немедленно уничтожати, дабы не накопилось много бесполезной бумаги".

Какое кощунство, скажутъ любители архивовъ и разной бумажной гнили, сберегаемой нашими управителями подъ руководствомъ иной системы, а здѣсь это было привѣтствовано какъ залогъ къ осуществленію во всемъ полнаго порядка, активнаго, практическаго дѣятельностью, а не путемъ „отписокъ", совершенno безсильнымъ.

Таковы новые пріемы, такова система управлія, давшая уже въ теченіи семи мѣсяцевъ своего дѣйствія прекрасные

плоды, чтѣ подтверждается и общимъ мнѣніемъ населенія и посторонними правдивыми отзывами.

Мы не только не можемъ оспаривать основательность взглядовъ нашего почтенного собесѣдника изъ Сузакской степи на вредное преобладаніе, гдѣ оно проявляется, мертваго канцеляризма надъ дѣломъ, по поддерживаетъ взглядъ этой искреннѣмъ пожеланіемъ всѣмъ учрежденіямъ перехода къ рациональной системѣ управления, которая избавила бы, въ особенности народный судъ, отъ подавляющаго бумажнаго гнета, избавила бы его отъ подталкиваній приказами.

Если отсутствіе положительныхъ данныхъ регистраціи лишаетъ возможности дать правильные цифровые выводы о вліяніи суда на уменьшеніе или увеличеніе преступлений между туземцами, о степени преобладанія преступлений квалифицированныхъ надъ простыми, о числѣ рецидивистовъ, подвергшихся осужденію, и проч. <sup>1)</sup>, то и общественное мнѣніе по этому

<sup>1)</sup> Находимъ умѣстнымъ дать, хотя за этотъ годъ, свѣдѣнія однодневной переписи по Самаркандинской городской тюрьмѣ, гдѣ 20 января содержалось всего арестантовъ гражданского вѣдомства: 161 муж. и 1 женщина (туземцевъ). Поряду преступлений они распредѣляются:

	Самаркандинскаго отѣска	Кашка-курганскаго	Народнаго	Бухарскаго
	муж.	муж.	муж.	муж.
По убийствамъ . . . . .	18	6	"	1
		1 жен.		
По грабежамъ . . . . .	19	10	3	1
„ разбойничьимъ . . . . .	36	31	"	5
„ кражамъ со взломомъ . . . . .	9	"	"	"
„ кражамъ простымъ . . . . .	17	"	"	"
Побѣгъ изъ тюрьмы . . . . .	2	1	"	"
Побѣгъ изъ Сибири . . . . .	1	3	"	"
За продажу въ рабство туземцевъ . . .	2	"	"	"
За подѣлку монеты . . . . .	2	"	"	"
Итого . . . . .	101	51	3	7

Примѣчаніе: 1) Наибольшая продолжительность заключенія: съ 1871 года — 5 подсудимыхъ по дѣланью, находящимся на ревизіи въ окружномъ штабѣ; съ 1873 года — 6 подсудимыхъ; съ 1874 года — 4 подсудимыхъ. 2) По дѣланью простыхъ кражъ заключены 3 человѣка по приговорамъ уѣзднаго судьи и 14 человѣкъ по приговорамъ народнаго суда.

вопросу, какъ ничѣмъ не подкрепленное, а основанное единственно на молвѣ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія.

Поэтому всѣ воздыханія приверженцевъ старины о минувшемъ времени имущественнаго спокойствія, болѣе успѣшно обезпечивавшагося будто-бы карательными опредѣленіями шаригата, вродѣ заключенія въ клюповникъ, отрубанія рукъ, погъ, рѣзанія ушей, чѣмъ приговорами современныхъ судовъ,—всѣ выводы такихъ суровыхъ криминалистовъ въ пользу необходимости удержанія строгихъ карательныхъ законовъ, какъ соотвѣтственныхъ грубой природѣ среднеазіатскаго туземца, чуждаго, яко-бы, распознаванія началъ гуманности, человѣчности,—всѣ такія сужденія, имѣющія не мало сторонниковъ и въ русскомъ элементѣ края, не заслуживаютъ никакого вниманія.

Эти фанатичные поклонники системы устрашенія, уклоняясь отъ подробнаго анализа извѣстныхъ явлений жизни, подчиненныхъ неизбѣжно опредѣленнымъ законамъ, строятъ свои безотносительныя заключенія подъ первыми впечатлѣніями и, указывая на наши многолюдныя тюрьмы, говорять, что подъ влияніемъ слабыхъ наказаній количество преступленій въ наше время удесятерилось.

Насколько близко къ истинѣ такое соболѣзнованіе—судить трудно, потому что отъ жестокой карательной юриспруденціи мусульманскаго времени никакихъ сѣдовъ, кромѣ разсказовъ, не осталось; но что пазачи и приставники клюповниковъ въ Бухарѣ имѣютъ широкую практику и теперь ... это всѣмъ извѣстно, это каждый можетъ проверить. Извѣстно также многимъ, что, несмотря на частое дѣйствіе шаригата — побиваніемъ камнями женщинъ за прелюбодѣяніе, узы гименея также часто рвутся въ священной Бухарѣ, какъ и въ другихъ городахъ замкнутаго мусульманскаго общества.

Отсюда, да и по всѣмъ наблюденіямъ, слѣдуетъ, что никакой шаригатъ, никакія произвольныя жестокости повелителя, никакая суровая юриспруденція, ни безчисленное множество судовъ и слѣдователей, не уменьшать преступлений уголовнымъ кодексомъ, такъ какъ дѣло судовъ преслѣдовать и наказывать

совершившіе факты, а дѣло общества—не допускать до этихъ фактовъ.

Слѣдовательно, могучими факторами исправленія нравственности каждого общества должны оставаться не суды и тюрьмы, не система устрашенія вообще, а распространеніе грамотности, образования и улучшеніе экономического состоянія.

Къ этому-то, а не къ доставленію практики судамъ и тюремщикамъ, должны стремиться всею силою своего влиянія радители чистоты нравовъ, разсматривающіе часто зло по наружной оболочкѣ его, а не по внутреннему содержанію.

Мы не можемъ, однако, не сказать и послѣ такого вступленія, что у туземцевъ Зеравшанскаго округа и у кочевниковъ сосѣдней области самое серьезное, самое разорятельное, хроническое бѣдствіе составляютъ преступленія кражи разныхъ видовъ и отѣвковъ: скотокрадство — преобладающее, кражи имущества со взломомъ обиталищъ, кражи обрѣзываніемъ кармановъ (кисабури), проявляющіяся чаще всего въ городахъ во время базарныхъ съездовъ, грабежи, разбои, вооруженные нападенія на жилища, дающія наибольшій процентъ случаевъ въ районахъ осѣдлаго населенія съ большимъ числомъ базарныхъ пунктовъ.

Мы не откажемся констатировать и тотъ всѣми усматриваемый фактъ, часто проявляющійся и приводимый туземцами, которыхъ онъ ближе всего касается, что большее или меньшее проявленіе случаевъ преступлений похищенія чужого имущества обусловливается, съ одной стороны, характеромъ дѣятельности полицейскихъ властей, а съ другой — правильнымъ, устойчивымъ въ решеніяхъ отправленіемъ правосудія народнымъ судомъ.

Тамъ, где дѣятельность полиціи, какъ органа предупреждающаго совершение преступлений и разоблачающаго факты совершившіе, обозначается наглядными результатами стремленія къ порядку радикальному, тамъ одно обаяніе на туземцевъ такой бдительной полиціи сдерживаетъ проявленіе преступной воли самыхъ отъявленныхъ людей. И, наоборотъ, по-

лиця разгульная, действующая безъ рациональной, твердой системы, немыслимой въ отсутствіи настойчивости и серьезной требовательности исполненія своего долга каждымъ членомъ этого учрежденія, такая полиція бессильна въ достижениі цѣлей предупрежденія преступлений и успѣшного преслѣдованія ихъ для удовлетворенія интересовъ правосудія и лица потерпѣвшаго. Еще далѣе отъ этихъ насущныхъ цѣлей, еще губительнѣе разумѣется, дѣятельность такой полиціи, хотя бы изъ туземнаго персонала, къ сожалѣнію мѣстами встрѣчающейся, которая намѣренно уклоняется отъ исполненія своего долга, поощряя тѣмъ самымъ развитіе преступлений, оплачивающеъ, конечно, молчаніе такихъ недостойныхъ слугъ общества.

Ручаюсь суммою имѣющими у меня фактическихъ данныхъ по этому вопросу, составляющему первую злобу дnia туземнаго населенія, что развитіе преступлений кражи, въ каждомъ данномъ районѣ, обратно пропорціонально размѣрамъ дѣятельности мѣстной полиціи и степени ея нравственности.

Утверждаю, также изъ наблюденій, что даже при условіи испытываемыхъ населеніемъ покрѣпленыхъ экономическихъ певзгодъ, правильная, предупреждающая дѣятельность полиціи въ значительной мѣрѣ способна ограждать общество отъ проявленія преступлений.

Второй факторъ общественнаго порядка, спокойствія — правильное, скорое, устойчивое правосудіе, ограждая интересы общества возстановленіемъ нарушеннаго права и удовлетвореніемъ потерпѣвшихъ, въ такой же мѣрѣ какъ и дѣятельность полиціи, косвенно составляетъ начало, сдерживающее развитіе преступлений.

Тамъ, гдѣ судъ народный дѣйствуетъ скоро, правдиво, основывая приговоры свои на руководительныхъ законахъ и доставляя скорое и полное удовлетвореніе потерпѣвшимъ, тамъ юриспруденція подобная дѣйствуетъ морализующе и на все общество, тамъ, при условіяхъ одинакового экономического состоянія, одинакового умственнаго развитія общества, замѣчается менѣе преступлений вообще.

Наоборотъ, дѣятельность суда, не знающаго чѣмъ ему руководствоваться въ своихъ опредѣленіяхъ, основывающаго свои заключенія, какъ это дѣлаютъ всѣ казаки, на очистительной присягѣ обвиняемаго, никогда отъ нея не отказывающагося, — конечно, такая дѣятельность, освобождая виновнаго своимъ бессиліемъ отъ всякой ответственности, приносить обществу отрицательную услугу.

Нечего и доказывать, что таъ часто встрѣчающіяся въ степныхъ уѣздахъ народный судъ, жадно ищущій судейской практики только для того, чтобы ободрять и отвѣтчика, и истца, развращаетъ такою дѣятельностью общество и положительно способствуетъ развитію преступлений и за предѣлами района дѣятельности.

Къ сожалѣнію приходится сказать, что виѣ Зеравшанскаго округа, въ степной полосѣ, памъ случалось встрѣчать (1874—1876 г.) и въ туземной волостной полиціи, и въ народномъ судѣ такую дѣятельность, которая всегда и во всѣхъ случаяхъ преслѣдує личные интересы въ явный ущербъ интересамъ общества.

Эти представители народнаго самоуправлениія, заступивъ не совсѣмъ благовидными путями должности старшинь, волостныхъ управителей, бісовъ (судьи), и располагая свою дѣятельность по формулѣ „не согрѣшиши — не прожигаши“, дѣйствуютъ и по дѣламъ предупрежденія и преслѣдованія преступлений изъ побужденій собственной выгоды, по не интересовъ общества и лицъ потерпѣвшихъ. Имъ, усерднымы поклонникамъ рубля, нѣть никакого дѣла до общественнаго спокойствія, они нечувствительны къ представленію о нарушенномъ правѣ, они мало сохранили способности распознаванія нравственного отъ преступнаго, они неуклонно вѣрны лишь своему стремленію „поправить дѣлишки какими бы то ни было средствами“.

Въ приведенной характеристицѣ нѣть ни мало преувеличенности, нимало субъективности въ наблюденіи, усвоенномъ опять-таки не въ кабинетѣ, а частыми разѣздами въ киргизской степи, которая навсегда останется самою правдивою, самою

разумною книгою для ознакомлениј съ дѣятельностью разныхъ властей и учрежденій и примѣнимостью экспериментаций, на-думанныхъ въ кабинетѣ.

Мы лично, по крайней мѣрѣ, въ высокой степени дѣнимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мнѣніе разумныхъ, правдивыхъ туземцевъ, и ужъ конечно не станемъ провѣрять рассказы ихъ о злобѣ дня ни разспросами гг. преуспѣвателей, ни справками въ ихъ канцелярияхъ и архивахъ.

Да повѣрить каждый, что злоба дня туземного населенія, высмотрѣнная и выслушанная среди народа, совсѣмъ не похожа на ту злобу, которая нѣкоторыми господами называется „все обстоитъ благополучно“.

Въ этомъ я убѣдился долголѣтними наблюденіями, обѣ этомъ мнѣ часто сказывалъ мой другой собесѣдникъ въ степи, Берды-бекъ, и этому я вѣрю, потому что ни мои наблюденія, ни почтенный у-скій степнякъ никогда не обманывали меня.

Вотъ что мнѣ пришлось припомнить для этихъ очерковъ изъ разсказа Берды-бека, которого я встрѣтилъ въ 187... году на перекочевкѣ въ одинъ изъ уѣздовъ Туркестанскаго края:

„Наша область, съ большою богатою рыбой рѣкой, назы-  
вается У-скою. Слышали, что самый большой начальникъ  
нашъ живеть постоянно въ городѣ и будетъ скоро объѣзжать  
область. Слышали еще, что самая большія дѣла киргизскія и  
другихъ людей разбираеть по бумагѣ областное правленіе.  
Нашъ уѣздъ, въ 500 верстѣ длины и 300 верстѣ попереч-  
нича, населенъ кочевыми киргизами рода альчинъ, найманъ,  
кипчакъ, и называется У-скій уѣздъ, по главной рѣкѣ У-лѣ.  
Нашъ уѣздный начальникъ живеть съ своимъ управлениемъ не  
въ центрѣ киргизскихъ стойбищъ, въ населенномъ русскими  
же городѣ У-скѣ, а въ областномъ городѣ, на краю уѣзда.  
Русскія власти неѣзжать къ намъ въ кочевья, и знаютъ ли  
онѣ что-нибудь о житѣи напемъ, намъ неизвѣстно. Началь-  
никъ же нашъ, тихогласный (букпа), худощавый (аррикъ),  
наѣзжаетъ въ кочевья чрезъ каждые три года, когда насту-  
паютъ выборы: старшинъ для 200 ауловъ, волостныхъ упра-

вителей для 2000 ауловъ и біевъ-судей для каждой волости  
по четыре человѣка. О времени и мѣстѣ сходовъ для выбо-  
ровъ даютъ знать настолько заблаговременно, что къ прїезду  
въ ставку уѣзднаго начальника все уже бываетъ подготовлено.  
Самое подготовленіе это состоить въ томъ, что искатели долж-  
ности волостного управителя, — а такихъ бываетъ не мало,—  
въ продолженіи нѣсколькихъ дней, а иногда и по мѣсяцамъ,  
задобриваются избирателей, пятидесятниковъ (илю-баши) обиль-  
нымъ угоженіемъ и значительными подарками, какъ вещевыми,  
такъ и денежными, въ суммѣ до 30—40 рублей на каждого  
избирателя. При этомъ идетъ всегда открытый торгъ подкупа  
голосовъ и такой же открытый, ничѣмъ не сдерживаемый  
обманъ избирателями своихъ клиентовъ, затрачивающихъ на  
подкупы отъ 600 руб. до 2000 руб. Самый выборъ всѣхъ  
должностныхъ лицъ производится въ присутствіи начальника  
уѣзда шарами, которые однако нисколько не предупреждаютъ  
избирательныхъ злоупотребленій. Избранные на трехлѣтіе ауль-  
ный старшина и волостной управитель, получая всего содер-  
жанія: первый—120 руб. въ годъ, а второй—300 руб. годовыхъ,  
стремятся прежде всего возвратить сдѣланная на выборахъ  
затраты, и средствъ къ достижению цѣлей обогащенія ко-  
нечно не разбираютъ. Въ результатѣ бываетъ такъ, что волост-  
ной покрываетъ съ избыткомъ свои расходы въ одинъ годъ  
отправлениія должности, а состоящий при немъ писецъ (мирза)  
изъ русскихъ или татаръ (переписка съ уѣзднымъ начальни-  
комъ, съ судью и др., идетъ на русскомъ нарѣчи), получая  
всего содержанія 10 руб. въ мѣсяцъ, живеть не хуже уѣз-  
дныхъ властей. Нечего и говорить, что всѣ источники обога-  
щенія этихъ жалкихъ дѣятелей—не чистые, и я воздержи-  
ваюсь отъ перечисленія ихъ, чтобы не обнажать грязь и во-  
плющую скрбь моихъ сородичей. Скажу только, что, несмотря  
на природныя богатства нашей степи, поддерживающія хоро-  
шее скотоводство, живется намъ плохо. Шовальное воровство  
и невозможность найти правый судъ по самому правдивому  
дѣлу, развратили и одолѣли степняковъ нашихъ до такой сте-

пени, что нѣтъ житья, и волей-неволей приходится возстановлять свое право тѣмъ же единственнымъ средствомъ — захватомъ тайнымъ или открытымъ (барацта) имущества ближняго. Оттого воровство въ нашей степи повальное и неумолкаемое. Не спрашивайте: что же дѣлаютъ суды-біи? Они, въ большинствѣ тѣ самые пятидесятиники, которые такъ постыдно получали избирательную ленту, не имѣютъ у насъ рѣшительно никакого значенія и въ решеніи дѣлъ руководствуются единственно волею волостного управителя. Не трудно понять: почему народъ почти и не ищетъ суда, предпочитая саморасправу, которую легко всегда погасить открытымъ заявлениемъ волостному управителю о воровскомъ подвигѣ. Не трудно также догадаться, кому достается соколиная доля отъ всякаго преступленія, отъ всякаго искового дѣла, дающихъ средства представителямъ самоуправлениій ободрать и истца, и ответчика".

Далѣе, изъ разсказовъ степняка можно было заключить, что дѣятельность выборныхъ судей-біевъ также небезукирзенна. Выяснилось также, что при томъ складѣ распорядковъ жизни злополучныхъ степняковъ, какой обрисовался изъ приведенного выше разсказа, другой дѣятельности и быть не можетъ, потому что все прониклось однимъ стремлениемъ — сорвать во что бы то ни стало. Да и какой вообще дѣятельности можно ожидать отъ народнаго суда, которому назначено "руководствоваться въ решеніяхъ дѣлъ существующими обычаями", т.-е. такимъ началомъ права, которое даетъ возможность решать каждое дѣло и вкрай, и вкось. Это потому такъ, во-первыхъ, что обычай — понятіе широкотолкуемое; во-вторыхъ потому, что не всѣмъ судьямъ обычай известны, а руководительного сборника ихъ нѣть; въ-третьихъ потому, что многіе обычай устарѣли до невозможности примѣнить ихъ въ данное время склада жизни туземцевъ, иныхъ требований русского законоположенія, очевидно направленного къ развитию народа: началь человѣчности и правды.

Поддерживая такимъ образомъ общее мнѣніе и нѣкоторыхъ, знакомыхъ съ народомъ административныхъ дѣятелей

и многихъ кочевыхъ туземцевъ обѣ отсталости и полномъ противорѣчіи, по мѣстностямъ, киргизскихъ обычаевъ, которыхъ, ручаемся, огромное большинство біевъ-судей и не знаетъ вовсе, припомнить, что и памъ лично приходилось выслушивать массу вопросовъ, недоразумѣній изъ судебной практики біевъ, интересовавшихся при введеніи организаций въ степи дѣломъ, какъ новинкою.

Помнится, тогда же въ собраніи біевъ въ при-чуйской степи, былъ предложенъ вопросъ о возможности собрать въ какомъ-нибудь пункѣ съѣздъ, лучшихъ по знанію обычаевъ, киргизскихъ біевъ всѣхъ уѣздовъ Туркестанскаго края и, обсудивъ основательно достоинство разныхъ обычаевъ, признать юридическую силу только за тѣми, которые не противорѣчать современному складу жизни народа и требованиеямъ правительства.

Дополнивъ, если бы случилось за отмѣною обычаевъ проблемы гражданскаго и уголовнаго права, извлеченіемъ въ должностной, соответствующей мѣрѣ подходящихъ постановлений общихъ законовъ имперіи, легко было бы составить сводъ обычаевъ-положений для руководства всего народнаго суда кочевыхъ туземцевъ.

Дѣло это весьма легко осуществимое: корифеи біи конечно не перевелись еще, жизнь киргизовъ, какъ и самая правовая отношенія, не сложна, и выработать кодексъ обсужденіемъ степени примѣнности къ социальному строю обычаевъ и законоположеній, съ которыми туземцы вѣсколько уже знакомы, не такъ трудно, какъ нѣкоторымъ кажется.

Гораздо обширнѣе, сложнѣе вопросъ о возможности введенія въ народный судъ, пользующійся и теперь весьма широкой санкціей, института присяжныхъ, какъ такого юридического общественнаго элемента, въ которомъ кроется та сила, которая и закону и приговорамъ суда даетъ жизнь, прогрессивность.

Мы не беремся судить окончательно, въ какой степени возможна и своевременна была бы повсемѣстно реорганиза-

ція киргизского народного суда на началахъ выше отмѣченыхъ, съ измѣненіемъ предѣловъ подсудности какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, но и не лишаемъ себя права отмѣтить, что какъ всегда, такъ и теперь въ судѣ біевъ по обычай преобладаетъ начало самой широкой гласности, такой гласности, которая позволяетъ принимать участіе въ обсужденіи самого серьезнаго дѣла и постороннимъ, компетентнымъ разумѣется людямъ, — что само законодательство (т. XII, ч. 2) предоставило туземцамъ право суда общества по дѣламъ уголовнымъ надъ такими преступными своими одноаульцами или односельцами (у осѣдлыхъ), отъ которыхъ легко можно избавиться „общественнымъ приговоромъ объ удаленіи ихъ административнымъ порядкомъ“ (ст. 608—616, ч. 2, т. XII).

Правда, что ссылка административнымъ порядкомъ, по приговорамъ общества, практикуется въ степныхъ уѣздахъ весьма слабо, но это объясняется, съ одной стороны, относительнымъ добродушiemъ киргизовъ, склонныхъ прощать и повторяющіяся злодѣянія, а съ другой—неполнотою для Туркестанскаго края самого закона, оставляющаго открытыми слѣдующіе вопросы: какое предѣльное число голосовъ общества достаточно для осуществленія приговора провѣркою его, какъ это установлено, и представлениемъ на утвержденіе высшей власти, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выражениемъ „объ удаленіи изъ своей среды“, т.-с. какой предѣль пространства считать для дѣйствительности приговора; предоставляется ли право киргизскому обществу—и какому именно, по характеру двухъ предшествующихъ вопросовъ,—составлять приговоры на такихъ преступныхъ сородичей, часто встрѣчающихся, которые замѣренно удаляются отъ общежитія и ются гдѣ-нибудь въ сторонѣ, за десятки верстъ отъ общихъ стойбищъ, которымъ отъ нихъ-то и достается. Наконецъ, немалозначающимъ долженъ оставаться и вопросъ о томъ, въ чёмъ именно должна состоять провѣрка приговора: въ дѣйствительномъ ли, непринужденномъ злонамѣренномъ постороннемъ вліяніемъ состав-

леніи его обществомъ, или же, какъ это понимается и практикуется многими, провѣрка приговора требуетъ удостовѣриться въ справедливости обвиненія опросомъ и постороннихъ людей, на которыхъ сделана ссылка какъ на потерпѣвшихъ, и даже окольнымъ дознаніемъ (повальный обыскъ по старой судебной терминологіи), обращающими общественный приговоръ въ формальное слѣдствіе.

Намъ кажется, что обставление дѣла общественныхъ приговоровъ слишкомъ полными требованиями собираенія всякихъ уликъ противъ осужденного общественною совѣтностью умаляетъ, во-первыхъ, значеніе этого закона; во-вторыхъ, приравниваетъ приговоры къ формальнымъ слѣдствіямъ, въ коихъ примѣнность повальныхъ обысковъ (окольныхъ дознаній), по всемъ данимъ, представляется болѣе нежели сомнительно, всѣдствіе исключительныхъ условій жизни туземцевъ, группирующихся осѣдлостями, наприм., въ кварталахъ, по родственнымъ связямъ—всѣдствіе тѣсной солидарности родственниковъ, до готовности, постоянно проявляющейся, давать слѣдователю завѣдомо ложныя показанія, поощряемыхъ отчастіи и одною изъ суръ корана.

Если такимъ образомъ низведеніе общественныхъ приговоровъ на степень слѣдствія представляется средствомъ, гарантирующимъ отъ ошибокъ въ примененіи административныхъ карательныхъ мѣръ, то, съ другой стороны, оно легально отнимаетъ отъ народа, нерасположенного какъ извѣстно къ бумажной процедурѣ, самое дѣйствительное средство охраненія общественного спокойствія и безопасности, — такое средство, которое значительно и совершенно правильно во всѣхъ случаяхъ (намъ по крайней мѣрѣ не встречалось подтасовки въ приговорахъ) облегчаетъ задачи администраціи и суда, служа, равнымъ образомъ, къ исправленію нравственности общества.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить вліянія на соціальныій бытъ населенія неполноты закона по вопросу: что дѣлать обществу селеній соседнихъ съ такимъ, обособленно стоя-

щимъ посельюмъ, который поголовной солидарностью, хотя бы и пассивною, съ преступными односельцами не только не расположено къ удалению ихъ приговорами, но скрывает и самыя дѣянія ихъ.

Вопросъ этотъ безъ сомнѣнія весьма важенъ для интересовъ общества, именно по той сумѣ подобныхъ явлений солидарности дѣлыхъ селеній съ однообщинниками преступной воли, которая замѣчается въ особенности въ районѣ поселеній узбекскихъ.

Казалось бы, что оставленіе права приговоровъ за такими несвязанными родствомъ селеніями надъ туземцами соѣдніхъ кишлаковъ, не радѣющихъ о спокойствіи общемъ, еще въ большей мѣрѣ оградило бы населеніе отъ преступниковъ и упрочило бы общественную нравственность.

Вся эта, не совсѣмъ еще исчерпанная сумма вопросовъ, въ объясненіе правъ народа па легальную самозащиту имущественныхъ своихъ интересовъ путемъ прописенія вердиктовъ, затрагиваетъ общий вопросъ, уже ранѣе намѣченный,— вопросъ слѣдующій: нельзя ли формулировать право положеніе общественныхъ приговоровъ такъ, чтобы голосованіе о виновности, о закоренѣлой несправедливости голосуемаго, передавалось не всему напр. сельскому обществу, какъ теперь, а выборнымъ, хотя бы избирателямъ (пятидесятикамъ), какъ лучшимъ представителямъ общества.

Затѣмъ, далѣе, нельзя ли поставить дѣло такъ, чтобы такая серія избирателей, выбаллотированная на одинъ годъ, не болѣе, входила въ составъ судебныхъ съездовъ для выслушивания судебнаго процесса по дѣламъ, влекущимъ ответственность болѣе тюремного заключенія, и своимъ заключительнымъ „да“ или „нѣт“ решала вопросъ о виновности или невиновности привлеченаго къ народному суду туземца.

Не можетъ быть сомнѣнія, что воспріимчивый ко всему хорошему, ко всему новому, туркестанскій киргизъ, сартъ, узбекъ, скоро уразумѣлъ бы жизненное значеніе обновленія суда такой реорганизацией, оставляющей судьямъ, біямъ, казіямъ

обязанность изучить сборникъ обычаевъ-законовъ, и въ рѣшателямъ (хукмъ-кылгачи), какъ ближайшимъ охранителямъ своихъ интересовъ, отнесся бы съ полнымъ уваженіемъ, съ серьезнымъ довѣріемъ.

Нѣть сомнѣнія и въ томъ, что правильно организованный на такихъ началахъ народный судъ ввелъ бы въ свой составъ „рѣшателей“ лучшихъ представителей общества, то есть такой элементъ, который служилъ бы всегда и регулярнымъ проводникомъ понятій о правдѣ, о законности, и примирителемъ проявленій соціальной жизни съ требованіями законовъ, представляющихъ, какъ шаріатъ, много и слабыхъ сторонъ.

Мы не смыслимъ, конечно, обобщать наши выводы распространениемъ мнѣнія о возможности такой реорганизаціи народного суда и у тѣхъ туземцевъ Туркестанскаго края (Семирѣчье, Ферганы и Аму-даргинскій отдѣль), быть которыхъ и условія жизни намъ мало известны; но по отношенію къ Зеравшанскому округу и къ уѣздаамъ степныхъ, ближайшихъ къ нему, рѣшаемся сказать, что такая реорганизація была бы своевременна, была бы благодѣтельна во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ.

Она была бы своевременна какъ послѣдовательность десятилетнаго дѣйствія въ степныхъ уѣздахъ системы самоуправленія, какъ мѣра, отвѣчающая отчасти и прецедентамъ прошлаго; она была бы благодѣтельна какъ заря юридического объединенія населяющихъ край всѣхъ народностей, представители которыхъ имѣли уже достаточно времени распознать всѣ невыгоды неравенства, въ разныхъ случаяхъ, предъ закономъ.

Мы не станемъ распространяться въ доказательствахъ необходимости такого юридического объединенія, такъ какъ они ввели бы въ повтореніе всѣхъ тѣхъ случаевъ по юриспруденціи, приведенныхъ выше, которыми наглядно уясняются недостатки и полныя несообразности, вытекающія изъ неравенства „народностей“ туземного населенія предъ закономъ, активнымъ охранителемъ нравственного и экономического порядка.

Однако считаемъ нелишнимъ дополнить число отмѣченныхъ въ туркестанѣ.

ныхъ примѣровъ аналогическимъ и часто практикующимся среди осѣдлого населенія вопросомъ: какому суду, русскому или народному, подвѣдомы дѣла, вытекающія изъ брачныхъ правоотношеній (разводъ, требование магра—обеспеченія) татаръ, киргизовъ, персіянъ, афганцевъ съ сартами, а также и дѣла охранительного судопроизводства, и дѣла по наслѣдствамъ?

Хотя всѣ эти вопросы гражданского и уголовного права, близко затрагивающіе интересы туземнаго населенія, всегда и почти повсюду, успокоительно для властей, рѣшаются часто у дверей управлениія уступкою одной изъ спорящихъ сторонъ, но такое вѣковою придавленностью воспитанное миролюбіе вовсе не доказывается, какъ нѣкоторымъ кажется, неспособность народа къ возстановленію права, къ пониманію законности какъ выборными судьями, такъ и тѣжущими.

Напротивъ, всматриваясь подробнѣе въ ходъ жизни туземцевъ, нетрудно подмѣтить, что всѣ классы городского и сельскаго населенія и теперь уже достаточно подготовлены въ способности распознаванія своихъ правъ, пониманія законности, критической оцѣнки достоинствъ и недостатковъ суда, насколько они уясняются для каждого, съ одной стороны, слабымъ въ нравственномъ отношеніи составомъ судебнаго персонала, съ другой—несоответствіемъ законовъ (обычай-занѣадать, шаригать) современнымъ требованиямъ жизни.

Если недостатки организаціи народнаго суда у киргизовъ поясняются наглядными доказательствами полнейшей неподготовленности большинства біевъ къ судебной практикѣ, отсутствиемъ руководительного сборника обычаевъ и правилъ судопроизводства, отсталостью и противорѣчивостью обычаевъ до невозможности примѣняться къ нимъ въ рѣшевіяхъ, въ особенности по уголовнымъ дѣламъ, то судъ казіевъ, пополнившись системою выборовъ исключительно контингентомъ духовенства, какъ знакомаго съ юридической казуистикой шаригата, остается гдѣ можно такимъ же приверженцемъ мусульманскаго кодекса, какимъ застала его пояснительная записка къ проекту положенія, пожеланія которой—„обновленія народнаго суда сар-

товъ элементомъ свободнымъ отъ фанатизма, невѣжества“ (фанатизма собственно нѣть, а невѣжества много) могутъ осуществиться повсюду только тогда, когда параллельно выборному началу будутъ дѣйствовать мѣры распространенія въ народѣ юридическихъ знаній, какъ средства открытія доступа къ баллотировкѣ въ казіи каждому „знающему сборникъ законовъ“ и заслужившему довѣріе общества и правительства.

Осуществленіе этой мѣры требуетъ правильнаго развитія туземныхъ школъ полнымъ участіемъ школовѣдателей и администраціи, требуетъ обстоятельнаго изученія жизни народа, свойствъ его и нуждъ, насколько необходимо это для правильнаго рѣшенія впослѣдствіи вопроса: какія положенія гражданскаго и уголовного права отвѣчаютъ полнѣе современнымъ требованиямъ жизни туземцевъ.

Когда школы подготовятъ достаточно людей, способныхъ понимать цѣли и требования правительства, готовыхъ проводить эти требования въ жизнь простого класса, когда народъ, упѣлѣвъ нравственно отъ вліянія водки и разной разности, проникнется довѣріемъ къ намъ какъ одинъ человѣкъ, когда практика русскаго суда дастъ наглядное, убѣдительное доказательство туземцамъ жизненности нашихъ законовъ, цѣлесообразности судопроизводства у насъ,—тогда вопросъ о реорганизаціи повсемѣстно народнаго суда и упраздненіи шаригата, какъ уголовнаго кодекса, не будетъ страшенъ ни для кого, тогда законъ, выработанный изъ условій жизни въ странѣ пустынь, безлѣсъя, ирригациіи, гармъ-сілей (самунъ), сдѣлается общимъ для всѣхъ народностей, для всѣхъ сословій, для всѣхъ элементовъ населенія, какъ постоянныхъ, такъ и пришлыхъ (мусафиры).

Мы не остановимся здѣсь на безплодномъ предугадываніи близости или отдаленности времени перевоспитанія туземцевъ вліяніемъ правильно устроенныхъ школъ, не станемъ до времени отмѣтить также свѣдѣнія объ успѣхахъ въ краѣ мирового суда, о вліяніи его на экономический и нравственный бытъ населенія, о полномъ несоответствіи тѣхъ или другихъ

постановлений устава 20 ноября 1864 года и общихъ законовъ исключительнымъ условіямъ жизни кочевыхъ и осѣдлыхъ туземцевъ, насколько это уясняется практикою уѣздныхъ судей и мнѣніемъ народа, но считаемъ не безвременнымъ желаніе, чтобы школы скорѣе подготовили контингентъ для народного суда, чтобы выборная система выводила въ судебный институтъ эти прогрессивные элементы предпочтительно духовенству, дающему усердныхъ поклонниковъ старины и мѣстами упорныхъ приверженцевъ самой грубой отсталости, не раздѣляемой даже простымъ "классомъ", — чтобы юридические вопросы встрѣтили поскорѣе изслѣдователей въ специалистахъ науки и знанія жизни туземцевъ Туркестана, для изысканія вполнѣ правильной и соответствующей особенностямъ края организаціи суда, потребность въ которой, смысль утверждать, раздѣляется понимающимъ вародомъ, значительной частью духовенства и многими казіями, ясно сознающими анахронизмъ уголовного шаригата и близость полнаго господства гуманности, прогресса.

Трудно и не сознавать этого народу, исполненному довѣрія, отличающему въ каждой мѣрѣ нововведенія залогъ улучшенія своего положенія — и только, нельзя не покориться требованіямъ времени и приверженцамъ старины, восторгающимся нашей терпимостью религіозныхъ установленій, обычаевъ, и спокойно взирающимъ уже десять лѣтъ на совершиенную непримѣнность многихъ постановлений шаригата, въ особенности по отдѣлу уголовному, потерявшему всякую силу вліяніемъ § 232 проекта положенія, упразднившаго практику наказаній по шаригату, приведшаго большинство казіевъ къ сознанію полной несообразности терпимости шаригатомъ присяги обвиняемаго въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ доказательства невиновности, — къ сознанію полной основательности, утолкованаго нѣкоторымъ принципа рѣшенія каждого дѣла „по внутреннему убѣженію, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ на судебномъ разбирательствѣ“.

При настоящихъ условіяхъ жизни туркестанскихъ туземцевъ и требованій русского правительства — бесѣдоваль со

мною пожилой казій *Абдысаматъ-хожа*: — шаригатъ можетъ остаться въ полной силѣ своихъ постановлений: о правахъ наследственныхъ включительно съ порядками охраненія имущества послѣ умершихъ и установленія опеки, не требующаго, какъ у васъ, „стола и журналовъ“ по дѣламъ этимъ, и действующаго правильно безъ бумажной процедуры; по дѣламъ, вытекающимъ изъ отношеній брачныхъ (брачный договоръ — никохъ, бракоразводы — талакъ); по искамъ гражданскимъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ положенія о „давности“ и порядка доказательства иска свидѣтелями, — порядка отсталаго непринятіемъ въ свидѣтели женщинъ, иновѣрцевъ, гермафродитовъ, музыкантовъ, плакальщицъ, игроковъ въ шахматы, по дѣламъ самымъ обыкновеннымъ.

„Эти мусульманскія законоположенія, ясныя, опредѣленныя, устойчиво охраняющія право, если и страшны кажутся вѣкоторымъ изъ русскихъ своими *ривоятами* (справка толкованія), то единственно потому, что гг. порицатели не усвоили хорошошенько значенія ривоята, упускаютъ также изъ виду существующія и въ другихъ странахъ, какъ я слышалъ, горы томовъ руководительныхъ рѣшеній законодательного межеме — правленія, въ которыхъ противорѣчивость толкованій закона поразительнѣе всякихъ ривоятовъ, вполнѣ опредѣленныхъ, устойчиво обеспечивающихъ вамъ спокойствіе уже второе тысячелѣтіе“.

Чтобы правильно оцѣнить достоинство записанныхъ суждений казія, предсказывающихъ возможность спокойной реорганизаціи суда, необходимо вспомнить исторію мусульманскаго законодательства, необходимо затѣмъ сдѣлать сопоставленіе шаригата съ русскими законоположеніями, необходимо также уяснить значение ривоятовъ.

Обратимся къ исторіи происхожденія и распространенія исламизма, какъ явленія, составляющаго одно изъ чрезвычайнѣйшихъ происшествій въ лѣтописяхъ человѣчества.

Колыбель религіи *Макомета*, полуостровъ *Аравія*, въ древности былъ населенъ племенами эль-арібъ — туземцевъ перво-

жителей, мутеарібъ (сдѣлавшіеся арабами) и мустарібъ, (уподобившіеся арабамъ) съ племенной вѣтвию корейшитовъ, по томковъ Измаила, сына Абраама, отъ которой произошелъ Магометъ, родившійся въ долинѣ Мекки въ 569 г. по Р. Х. отъ Абдуллы, сына Абд-эль-Моталибо, и Амини, дочери Вагиба.

Всѣ эти племена разнаго происхожденія, говорившія разнымъ языкамъ, различались и разнымъ вѣроисповѣданіемъ; нѣкоторые исповѣдавали христіанство; въ колѣнахъ Коройца, Надгиръ, жившихъ въ Мединѣ, преобладала религія Моисея; но огромное большинство было погружено въ язычество, поддерживавшее племенную рознь поклоненіемъ каждого идолу своего племени.

До Магомета всѣ туземныя племена, населявшія Аравію, стояли на самой низкой степени умственного и нравственного развитія: наука, искусства соседнихъ странъ Персіи и Восточной имперіи—едва были известны по наслышкѣ; торговыя сношенія зимою съ Іеменемъ; а лѣтомъ съ Сиріей, установленный Гашимомъ за полтора столѣтія до магометанской эры—слабо поддерживались одними корейшитами. Арабы пустыни не знали никакой письменности, не знали другихъ занятій, кроме войны, набѣговъ на соседей, кроме своихъ генеалогій, старательно обсуждавшихся горячими спорами во время каждой сходки.

Всѣ заботы этого полудикаго народа, уединеннаго географическимъ положеніемъ отъ прочаго міра, состояли въ пастьѣ овцѣ, верблюдовъ, да въ изученіи своей поэзіи и собственнаго языка, благозвучнаго, гибкаго и весьма богатаго.

Отважныя игры, чрезмѣрное употребленіе вина, отвратительная неряшливоность, полная неразборчивость въ пищѣ, порождавшая нерѣдко губительныя болѣзни, общее всѣмъ семитическимъ народамъ многоженство, обычай хоронить дочерей заживо, чтобы избавиться дышнихъ ртовъ во время голода, личная месть, порождавшая часто ожесточенные войны между племенами, разбой и похищеніе, часто подготовленное гостепріимствомъ и отмѣннымъ великодушиемъ—таковы были страсти

и обычаи арабовъ, не имѣвшихъ ни правилъ общежитія, ни политического устройства.

Одно лишь племя корейшитовъ, охранявшее священный храмъ Каабы и поддерживавшее торговыя сношенія съ Сиріей, Месопотаміей и Египтомъ, пользовалось значительнымъ уваженіемъ на далекое разстояніе и сохраняло отъ временъ Коссаля (440 г. по Р. Х.) простое гражданское устройство, состоявшее изъ общиннаго совѣта (*нодда*), где дѣла обсуждались публично, а главенствовалъ уважаемый старѣшина племени, служитель Каабы,—изъ установленій налога *рифада* (помощь) на продовольствіе бѣдныхъ богомольцевъ, на веденіе войны, изъ поддержанія правильнаго порядка въ распределеніи воды (*сикаія*).

Насколько соплеменники Магомета, корейшиты, выдавались предъ остальными племенами Аравіи своимъ главенствомъ въ правахъ охраненія главныхъ идовъ, своимъ относительнымъ устройствомъ быта, опредѣленностью власти, большею сравнительно чистотою нравовъ, какъ слѣдствіемъ частыхъ сношеній по торговлѣ съ цивилизованными соседями, настолько же они оказались упорными противниками ученія восточного пророка. Серьезный и склонный къ уединеннымъ размышленіямъ, Магометъ почувствовалъ призваніе къ реформаторской дѣятельности, для исправленія нравственности общества и правильнаго гражданского устройства его, на сороковомъ году своей жизни, извѣдавшей опытность, наблюдательность во время путешествій съ караванами, упрочившей ему влияніе на общественныя дѣла женитьбою на богатой вдовѣ Хадиджѣ и удачнымъ решеніемъ ожесточеннаго спора корейшитовъ съ другими племенами при перестройкѣ главнаго храма Каабы, послѣ которого предметъ спора, честь постановки въ храмѣ священнаго чернаго камня, была возложена на Магомета.

Въ первые годы проповѣдничества, начатаго изложеніемъ открытой пророку ангеломъ Гавріломъ молитвы предъ омовеніемъ, послѣдователями Магомета были только его близкіе домашніе родственники: жена, Амі (впослѣдствіи зять Магомета), его приемышъ Сеидъ, влиятельный между корейшитами знаниемъ

геноалогії и правдивостю *Абдалла* (служитель Бога) и *Абу-бекеръ* (отецъ дѣвицы) тестъ пророка и первый преемникъ его (*Халифа*).

Эти близкія миссіонеру лица, принявъ основныя положенія новой религіи—единство Бога безъ Троицы и ниспроверженіе идоловъ, хранили ихъ въ тайнѣ въ теченіи трехъ лѣтъ, а затѣмъ эта партія, пополнившись такими важными прозелитами изъ корейшитовъ какъ *Омаръ*, *Абду-Телібъ* и другіе, сдѣлалась распространительницей исламизма и путемъ толкованій, и путемъ меча, къ которому пришлось прибегнуть сначала въ самозашитѣ, во время бѣгства Магомета съ послѣдователями (мугаджыры) изъ Мекки въ Медину, въ первой половинѣ июня 622 г. по Р. Х.

Впослѣдствіи, на двѣнадцатый годъ миссіонерства, имѣвшаго уже достаточно сторонниковъ въ Ятрибѣ (Мединѣ) и Меккѣ, война сдѣлалась необходимымъ средствомъ распространенія исламизма, то укрѣплявшагося одержанными побѣдами при *Бедрѣ*, въ Койбарѣ, то временно ослабѣвшаго вслѣдъ за пораженіемъ при *Огодѣ* и въ другихъ позднѣйшихъ сраженіяхъ, гдѣ Магометъ лишился 600 лучшихъ, ревностнѣйшихъ своихъ союзниковъ (анзары).

Наконецъ, послѣ удачной экспедиціи противъ Мосталика и подчиненія значительной части евреевъ съ пограничными сирійцами, послѣ мирного путешествія Пророка съ учениками въ Мекку, гдѣ онъ выказалъ въ этотъ разъ полную терпимость къ язычникамъ (629 г. по Р. Х.), послѣ похода противъ гасанидовъ, давниковъ римскаго императора—мусульмане начинавали уже такъ много послѣдователей, что когда Магометъ задумалъ подчинить Мекку силою, подъ его знамена собралось 10 тысячъ отборныхъ воиновъ.

На этотъ разъ, разбивъ на голову (630 г. по Р. Х) многочисленное войско непокорныхъ корейшитовъ, Магометъ истребилъ всѣхъ идоловъ, разрушилъ языческіе храмы и, обративъ въ теченіи полумѣсяца всѣхъ меккцевъ и сосѣднія племена къ исламизму, потребовалъ на холмѣ *Софа* присяги въ вѣ-

ности, причемъ женщины обѣщались также не производить воровства, прелюбодѣянія, дѣтоубійства, а сверхъ того, не лгать и не клеветать.

Подчинивъ еще своему владычеству часть христіанъ и страны сѣверной Аравіи: Гадрамаутъ, Іеменъ, Неджъ, и достигнувъ признания себя посланникомъ Бога, Магометъ считалъ свое ученіе совершенно упроченнымъ и, чтобы освятить успехъ мусульманства, въ двадцатый годъ своего проповѣдничества предпринялъ путешествіе въ Мекку.

Здѣсь, на горѣ Арафотѣ, стотысячной паству, въ громкой рѣчи, которую сохранило преданіе, были пояснены главныя положенія корана: правосудіе, человѣколюбіе, снисхожденіе; братство со всѣми мусульманами, хорошее обращеніе съ женщинами, честность въ исправленіи общественныхъ должностей.

„Я вамъ оставляю,—говорилъ Магометъ:—законъ, ограждающій васъ отъ грѣха, законъ ясный и положительный, книгу ниспосланную свыше“. Но эта „книга“ безграмотнаго (омма)<sup>1</sup>), какъ называлъ себя Магометъ, законодателя до послѣднихъ дней его жизни (скончался Магометъ на рукахъ своей жены Айши въ 632 г. по Р. Х., т.-е. 63 лѣтъ отъ роду) представляла отрывочные наброски его проповѣдей, поученій, записанные, какъ утверждаютъ всѣ мусульманскіе ученые, на лопаткахъ бараньихъ костей секретарями: *Али*, *Османъ*, *Сейдъ Обай* и *Моавія*.

Эта книга, коранъ, евангеліе мусульманъ, собранная воедино только вторымъ преемникомъ Магомета, Халифа Омаромъ, и написанная Османомъ на пергаментѣ куфическимъ шрифтомъ,—упразднивъ начавшіе было распространяться всѣ варианты ученія, дало полный систематический сводъ религіозныхъ постановлений, правилъ нравственныхъ и политическихъ<sup>2</sup>).

<sup>1</sup>) Всѣ ученые муллы, мударисы, на основаніи книжныхъ давнихъ (кн. *Маснави*), утверждаютъ, что Магометъ былъ неграмотный.

<sup>2</sup>) Подлинный коранъ Османа въ 200 листовъ, величиною 17 вершк. каждыи, хранился въ Самаркандѣ, въ медрессе Хожа-ахраръ, а съ 1868 года составляетъ драгоценное достояніе С.-Петербургской Императорской публичной библиотеки.

Но коранъ, какъ плодъ непродолжительной двадцати трехъ лѣтней; исполненной при томъ борьбы, миссионерской дѣятельности, не могъ естественно предусмотрѣть въ своихъ опредѣленіяхъ (сурѣ) всѣ проявленія жизни разноплеменныхъ современниковъ и остался только источникомъ законовъ для магометанъ, послужившимъ послѣдующимъ кодификаторамъ (муштагитъ) канвой при разработкѣ права вообще<sup>1)</sup>.

Такими главнѣйшими кодификаторами мусульманскаго права были по порядку времени: имамъ-Ахзамъ, нуиманъ сабитовъ (80 лѣтъ послѣ Магомета), разработавшій вмѣстѣ съ сотрудниками (шагыртъ) своими въ особенности положеніе о священномъ служеніи (гибалатъ) и о правилахъ жизни; имамъ Абу-Юсуфъ, современникъ имама Ахзама, исполняя обязанности казія, трудился надъ разработкою и поясненіемъ грађанскаго и уголовнаго права (маамелатъ); имамъ Магометъ, также современникъ двухъ первыхъ муштагитовъ, при содѣйствіи имамъ Зуфора и Абу-Ляйля привелъ въ систему кодификаціонныя работы своихъ учителей и отдельъ грађанскаго права дополнить самостоятельнымъ трудомъ.

Имамъ-Малекъ и Шафиї, позже нѣсколько, составили книгу *Муата*, т.-е. сборникъ. Эти-то четыре имама, какъ ближайшіе къ эпохѣ восточнаго пророка, какъ ученики отчасти его собесѣдниковъ (сагоба), считаются корифеями мусульманскаго духовнаго и общаго права настолько, что составленные ими толкованія (масала) законовъ, начертанныхъ Магометомъ, остаются неизмѣнно авторитетными и служать руководствомъ въ жизни для каждого правовѣрнаго, какъ откровеніе божіе—шаригатъ.

Послѣдующіе затѣмъ законовѣды, но уже не муштагиты, занимались только составленіемъ отдельныхъ уложеній, давая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свои истолкованія.

<sup>1)</sup> Слово коранъ или кур-анъ значитъ чтеніе. Оно имѣетъ еще съдующія названія: Эль-китабъ—книга, Китабуллахъ—книга Божія, Кильметъ-уллахъ—слово Божіе, Эль-тевзилъ—книга сошедшая свыше, Эль-факръ—увѣщаніе, Эль-форканъ—различіе (между позволительными и непозволительными, между добромъ и зломъ). Эль-мостаджидъ—томъ, сводъ (см. коранъ Магомета, перев. Казмирского).

Такъ 500 лѣтъ позже четвертаго кодификатора, Ваеля-Махмутъ составилъ викоя, т.-е. краткое извлеченіе законовъ, а современникъ его Мавлон-Убайдула издалъ сначала муҳтасаръ-викоя—„сущность“ краткаго извлеченія, а затѣмъ поясненіе къ нему—шархи-викоя.

Хотя трудъ этихъ двухъ законовѣдовъ представляется только лишь компиляцію свода хидоя всѣхъ мусульманскихъ законоположеній, составленного послѣ Магомета Бургандиномъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ юридическихъ вопросахъ казіи обращаются за справками и къ книгѣ викоя.

Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ сводосоставителей и законотолкователей, признаются также авторитетными и позднѣйшіе труды по разработкѣ общаго права: имама Казы-хана, составившаго книгу этого же названія; муллы Джалиль-Гури-Мири и муллы Джалиль-Дованы, написавшихъ отдельныя толкованія законовъ о правѣ наследственномъ и разъясненія по дѣламъ бракоразводнымъ.

Вся эта плеяда законотолкователей, включительно съ Мулла Шамсидиномъ издавшимъ, по заказу государя Бухары, благодѣтеля народовъ Абдула-хана (1538—1597 года), разъясненіе положеній муҳтасари-викоя въ книгѣ джамуль-рамузъ, служащей руководствомъ казіямъ въ вопросахъ судопроизводства и друг., съ авторами книгъ хуляса, муҳимъ, захире, хизана-туль-муфтійнъ, мультакатъ, шубини, баҳрули-манафитъ и аллімъ-гири, находила и почву и канву для своихъ трудовъ въ коранѣ, давшемъ только основныхъ начала законодательства и материалъ въ постепенномъ развитіи требованій жизни, и, наконецъ, поощреніе покровительствомъ, которое оказывали всѣ восточные государи и въ особенности Тимуръ, Абдулла-ханъ и Алямъ-Гири индустанскій, замѣчательный теологъ, составившій сборникъ толкованій грађанскихъ законовъ—фатва Алямъ-Гири.

Мы привели здѣсь только имена главныхъ, авторитетныхъ законотолкователей, и общее значительное число ихъ, наряду съ множествомъ изданій юридическихъ работъ, по характеру

ихъ, уясняетъ такимъ образомъ съ одной стороны, что мусульманское законодательство (шаригатъ) вовсе не оставалось неподвижнымъ отъ временъ пророка Магомета, а вырабатывалось постепенно изъ требованій жизни; съ другой—что оно удержало ненарушимо тотъ характеръ рѣзкой консервативности, какой отпечатался на жизни восточного народа вліяніемъ учения, свергнувшаго языческихъ идоловъ, установившаго прочную религіозную систему, но и поставившаго книгою, „посланною свыше“ (коранъ), твердую точку развитію политической жизни правовѣрныхъ.

Мы не станемъ заниматься въ статьѣ этой, чуждой претензій на законченность, обработанность, оценкою достоинствъ корана, какъ источника законовъ; воздержимся также и отъ критического разбора шаригата, какъ гражданскаго и уголовнаго кодекса, а сочтемъ достаточнымъ пока сдѣлать сопоставленіе мусульманскихъ и русскихъ законоположеній, для нагляднаго уясненія вопроса, если онъ будетъ когда-нибудь поднятъ, въ какой мѣрѣ они могли бы быть примѣнямы казіями и вообще судомъ при разборѣ правостолкновеній туземцевъ и другихъ элементовъ населенія Туркестанскаго края.

Предварительно, однако, приходится повторить высказанное выше, что всѣ законодательные работы восточныхъ юристовъ давно минувшаго времени, давъ множество отдельныхъ рукописныхъ изданий комментаріевъ, остаются несгруппированными въ общей сводѣ и имѣются въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ,—что такие рукописные сборники законовъ мусульманскихъ, какъ мухтасаръ-викоя, шархи-викоя, хидоя и проч., не снабженные ни оглавленіями, ни алфавитомъ, доступны для скораго извлеченія изъ нихъ справокъ только опытнымъ, много практиковавшимъ судьямъ, муфтіямъ, но не казіямъ нашего времени, не только не подготовляющимъ къ судебской дѣятельности теоретическимъ изученіемъ права, но, какъ немало встрѣчается, едва грамотнымъ и слабо знающимъ (въ Сыръ-дарьинской области) персидскій языкъ—этотъ

ключъ, безъ основательнаго знакомства съ которымъ нельзя быть хорошимъ казіемъ, законникомъ.

А кто же станетъ отрицать необходимость для казія, какъ суды, знать настолько шаригатъ для примѣненія постановленій его въ возможныхъ по времени случаяхъ, чтобы не быть въ слѣпой зависимости отъ муфтіевъ и цитируемыхъ ими определеній шаригата или ривоята, преподносимыхъ суду тяжущимся въ каждомъ почти дѣлѣ?

Къ сожалѣнію, такихъ отрицателей, не потрудившихся даже поверхностно познакомиться съ мусульманскимъ правомъ и судоустройствомъ, а вздрагивающихъ лихорадочно отъ однихъ звуковъ словъ „шаригатъ“, „ривоятъ“, встрѣчается немало и въ административномъ персоналѣ.

Большинство у насъ того мнѣнія, что лучше для успѣховъ гражданственности, культуры и т. д. имѣть въ судебнѣмъ институтѣ туземцевъ совершенно невѣжественныхъ, чѣмъ оставлять судьями казіевъ, знакомыхъ съ порядкомъ судопроизводства по шаригату, этому источнику „босности“, „невѣжества“, какъ принято клеймить мусульманскій кодексъ, не отличая въ немъ отсталости, свойственной и другимъ законодательствамъ, отъ преобладающихъ началъ разумнаго и гуманнаго,—такихъ началъ, напр., въ податной идеально справедливой системѣ, о которыхъ ближайшій западъ начинаетъ теперь лишь мечтать, приговариваясь къ подоходной подати, родной сестрѣ подати хераджной и закетной<sup>1)</sup>.

Не станемъ однако уклоняться отъ обѣщаній, приведенныхъ въ началѣ этой статьи, а скажемъ, на основаніи достаточно гнанія жизни туземцевъ, что шаригатъ, казіи и ривоятъ вовсе не страшны для уготованной гражданственности, успѣхъ которой обусловливается не безотчетными вздрагиваніями предъ установленіями и традиціями, дѣйствовавшими тысячуелѣтія, а основательнымъ, спокойнымъ изученіемъ страны во всѣхъ отно-

<sup>1)</sup> Хераджъ—поземельная подать, равная  $\frac{1}{3}$  части урожая съ земель податныхъ. Закетъ—пошлина въ  $2\frac{1}{2}\%$  съ торговаго капитала, какими бы операциами онъ ни обозначался.

шенихъ и оставленіемъ затѣмъ, хотя бы изъ шаригата, законоположеній, вполнѣ отвѣчающихъ исторической жизни, географическимъ условіямъ края и особенностямъ быта коренного населенія этого края.

Посмотримъ же, что такое судъ казіевъ у осѣдлыхъ туземцевъ, какія носить особенности судопроизводство по шаригату, что такое *ривоятъ*.

Въ мусульманское время, во всемъ Туркестанскомъ краѣ у осѣдлыхъ туземцевъ судебный персоналъ состоялъ изъ казія-судью и мұфтієвъ, въ табомъ числѣ, какое требовалось размѣрами судебного района и юридической практики въ немъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе, вступали въ должности не по выбору народа, а по назначению эмиромъ, или, въ небольшихъ районахъ, бекомъ, изъ мулль, окончившихъ учение въ медрессе и выдержавшихъ испытаніе въ знаніи корана и шаригата.

Обязанность казіевъ была: наблюдать чрезъ своихъ мирзъ и мұфтіевъ за правильнымъ дѣйствіемъ на всѣхъ базарахъ торговой мѣры, вѣса и проч., выслушивать просителей, разбирать гражданскія и уголовныя дѣла и постановлять рѣшенія, утверждать имущественные сдѣлки и договоры на всякую сумму и по всѣмъ предметамъ, утверждать акты брачные, бракоразводные, завѣщательные, охранять имущество послѣ умершихъ и распредѣлять его (таксимъ) между наследниками (ворисъ), съ назначеніемъ, въ случаѣ надобности, опекуновъ (веси) къ малолѣтнимъ или неправоспособнымъ по физическимъ и духовнымъ недостаткамъ.

Обязанности мұфтія состояли въ изложеніи письменно просьбъ истцовъ по дѣламъ всякаго рода, въ составленіи договоровъ, подлежащихъ утвержденію казіевъ, въ участіи съ казіемъ по дѣламъ охранительнымъ, въ распределеніи имущества послѣ умершихъ, въ составленіи письменныхъ рѣшеній казія, въ подысканіи въ шаригатѣ, для каждого обращающагося, будь то истецъ или ответчикъ, постановленій (ривоятъ), соответствующихъ положенію искового дѣла<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ некоторыхъ городахъ существовали и остались до настоящаго времени аялями, компетентные юристы, назначение которыхъ — утверждать свою печатью,

атtribуты казія и мұфтія — печать большого формата (отъ 2 до 1 дюйма въ диаметрѣ), изготавляемая на собственные средства и дающая обязательную силу всякому правильно составленному акту.

Судебные участки устанавливались беками съ разрѣшенія эмира или хана, причемъ основаніемъ служили болѣе постоянные расчеты, чѣмъ территоріальность и степень населенности.

Поэтому въ каждомъ бекствѣ, наряду съ районами въ 200—80 т. душъ, въ которые назначались въ казіи, съ титуломъ казыкалянъ (старшій казій), любимцы властей, встрѣчались судебные участки съ незначительнымъ населеніемъ и съ ограниченной практикой.

Вездѣ почти однако замѣчалось преобладаніе большихъ судебныхъ районовъ надъ числомъ малыхъ.

Такъ какъ казіи рѣшительно не успѣвали исполнять судейскія и нотаріальныя обязанности во всемъ районахъ, то имъ предоставлялось назначать, по своему усмотрѣнію, помощниковъ (наибъ), пользовавшихся правами казіевъ въ дѣлахъ, которыхъ эти послѣдніе имъ передавали.

Всѣ же участковые казіи, не исключая и казы-каляна, пользовались одинаковыми юридическими правами.

Получивъ ханскій „ярлыкъ“ (дипломъ), казій становился вторымъ лицомъ въ городѣ, получалъ право сноситься письмами непосредственно съ эмиромъ, пользовался утонченно-вѣжливымъ обращеніемъ хана, недопускающимъ выраженія „ты“ въ сношеніяхъ съ казіями и учеными муллами; но, лишаясь своего званія, казій становился обыкновеннымъ смертнымъ и за неправильное отправление своихъ обязанностей подвергался по смынѣ съ должности тѣмъ же наказаніямъ, по усмотрѣнію эмира, какія назначались и остальнымъ правовѣрнымъ.

Насколько въ наше время выборная система легко открываетъ доступъ къ занятію должности казія каждому, хотя бы и не обладающему достаточными знаніями шаригата, но про-

при возникновеніи сомнѣнія у казія, каждый правильный ривоятъ, дающій въ такихъ случаяхъ рѣшительное и обязательное направление рѣшенію.

нырливому, юркому муллѣ, не знающему другихъ принциповъ, кромѣ скорой наживы на счетъ правосудія, конечно настолько же были строги требование къ кандидатамъ въ казіи въ тѣ времена, когда должности эти замѣщались по назначенію. Были разумѣются исключенія и тогда, но они встрѣчались, по нашему наблюденію, очень рѣдко.

Объясняется это тѣмъ, что казіи пользовались прежде высокимъ общественнымъ положеніемъ, сами стремились создать себѣ имя безупречной дѣятельностью, были подъ контролемъ влиятельного класса общества и властей, не упускавшихъ изъ вида книжныхъ положеній, требующихъ отъ казія знанія шаригата, высокихъ нравственныхъ качествъ, и обязанности жить скромной, несуетливой жизнью, слѣдователь которой можетъ не каждый правовѣрный.

Книга *хилоса* и др. опредѣляютъ все, касающееся частной жизни казіевъ, довольно положительно и приводятъ изреченіе Халифа Алія, что казіи подраздѣляются на три категоріи: „въ первой—знающіе шаригатъ и нарушающіе его, во второй—совершенные невѣжды казіи,—имъ назначень адъ; въ третьей—знающіе шаригатъ и неуклонно дѣйствующіе по немъ,—ихъ ожидаетъ рай“.

Далѣе говорится: правители обязаны назначать въ должности казіевъ людей, твердыхъ отъ всякихъ соблазновъ, усвоившихъ хорошо науки, выдержавшихъ диспутъ (низагъ) съ законовѣдами.

Казій не долженъ быть беспечнымъ, гордымъ, вспыльчивымъ и несговорчивымъ (кн. *шархи-канзидикалкъ*).

Казій не долженъ заниматься другими дѣлами по должности общественной, кромѣ дѣлъ судейскихъ (полож. книги джамуль-рамузъ, соотв. ст. 42 учр. суд. уст. 1864 г.).

Казій не долженъ принимать ни отъ кого подарковъ, не долженъ ходить по гостямъ, но можетъ принимать участіе въ общественномъ празднествѣ и посѣщать больныхъ, уклоняясь однако въ обоихъ случаяхъ отъ всего соблазнительного.

На судѣ казій долженъ быть не суровъ, но серьезенъ.

Безъ улыбокъ, безъ шутокъ, онъ долженъ терпѣливо выслушивать тяжущихся, относиться одинаково и къ ученому и къ неучу, и къ богатому и къ бѣдному, и къ властному и къ безсильному, причемъ тяжущіеся должны сидѣть рядомъ насупротивъ казія, который обязанъ относиться къ нимъ вѣжливо, но не говорить по секрету и не уговаривать (кн. джамуль-рамузъ, іерухиль, конзи).

Казій, уличенный въ намѣренномъ неправосудіи, въ принятии отъ кого-либо взятки, въ вымогательствѣ отъ тяжущихся платы больше той, какая установлена нормою въ употребленіи горячительныхъ (хамръ) напитковъ, въ развратномъ поведеніи—немедленно долженъ быть отрѣшенъ начальствующими отъ должности (кн. джамуль-рамузъ, ибрагимъ-шайхи).

Въ тѣхъ видахъ, чтобы казіи, занимаясь дѣлами судейскими, не теряли познаній въ наукахъ, правителямъ представляется оставлять ихъ въ должностяхъ не болѣе трехъ лѣтъ и затѣмъ опредѣлять на нѣкоторое время въ высшія школы мударисами, допуская впослѣдствіи вновь на судейскія должности.

Получившій должность казія взяткою, недостойнымъ ухищреніемъ, не можетъ оставаться въ этой должности, и всѣ дѣйствія его недѣйствительны настолько, что каждый правильно избранный казій въ правѣ перерѣшить опредѣленіе, постановленное лже-казіемъ (кн. джамуль-рамуль и татаръ-хана).

Каждому казію были подсудны только такія дѣла уголовныя и гражданскія, по которымъ отвѣтчикъ (мудаамай), какой бы онъ народности ни былъ, имѣть въ его участкѣ постоянное мѣстожительство (мокимъ) или временное пребываніе, хотя бы только нѣсколько часовъ, въ теченіи которыхъ онъ застигнутъ истцомъ (соотв. ст. 32 уст. гр. суд. 1864 г.). Въ силу этого основного положенія судопроизводства по шаригату, базарные пункты были всегда ареной судьбища, привлекавшей въ определенный день или два дня въ недѣлю и судебный персоналъ ближайшихъ участковъ, и тяжущихся.

Въ такихъ исцахъ, по которымъ отвѣтчиками являются досуги въ Туркестанѣ.

нѣсколько человѣкъ, живущихъ въ разныхъ судебныхъ участкахъ, истцу предоставляется имѣть дѣло съ каждымъ отдельно, по мѣсту жительства или временнаго пребыванія ихъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ отличительной особенностью судопроизводства по шаригату остается сужденіе преступленія, какое бы оно ни было, не по мѣсту совершенія его (ст. 36 уст. угол. суд.), а по мѣсту пребыванія преступника-отвѣтчика (кн. казы-ханъ), нарушителя правъ частнаго лица, а не государства, какъ мотивируетъ мусульманское законоположеніе, оставляющее вовсе безъ разслѣдованій тѣ случаи преступленій, по которымъ нѣтъ истца, а обвиняемый не признается въ совершенномъ дѣяніи.

Хотя юрисдикція каждого казія расширялась до предѣловъ разбирательства единолично исковъ неограниченно на всякую сумму, возбужденія дѣлъ преступленія по непосредственному усмотрѣнію, преслѣдованія собственною властью нарушителей торговыхъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе правители-ханы позднейшихъ временъ нашли легальное (шарги) право ограничить судебнную власть казіевъ по дѣламъ уголовнымъ, требованіемъ представленія на утвержденіе ихъ каждого приговора, влекущаго наказаніе смертною казнью (катиль). Въ остальныхъ дѣлахъ, приговоры отрубанія рукъ, погъ, наложенія денежной отвѣтственности (діать) въ дѣлахъ неумышленного убийства, изувѣченія, тѣлеснаго наказанія отъ 3-хъ до 100 ударовъ, заключенія въ яму (ховсизинидонъ), хотя бы пожизненнаго,— получали силу постановленіемъ казія, и немедленно приводились въ исполненіе мѣстными административными властями.

Въ силу того широкаго права защиты на судѣ своихъ интересовъ каждымъ тяжущимся, которое, какъ будетъ выяснено позже, даетъ по шаригату дѣйствие ривоята (извлеченіе закона), судъ казіевъ, оставаясь всегда единоличнымъ судомъ, впадалъ въ погрѣшиности весьма рѣдко, только въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ, при запутанности обстоятельствъ дѣла, неправильно осужденная сторона не представила защитительныхъ ривоятовъ. Однако и въ такихъ случаяхъ судебная ошибка

вовсе не исправлялась, а рѣшеніе приводилось въ исполненіе, какъ бы въ послѣдовательность юридическому принципу: „сила судебныхъ рѣшеній важнѣе самой справедливости“.

Если случалась отмѣна судебнаго рѣшенія властью хана, то такое дѣло разбиралось вновь, вѣдь всякихъ вліяній, другимъ казіемъ единолично.

Такимъ образомъ, на основаніи положительныхъ и точныхъ данныхъ, мы можемъ утверждать, что въ прежнее время коллегіальный судъ по шаригату вовсе не былъ извѣстенъ въ Туркестанскомъ краѣ, и заключеніе о существованіи будто бы такого суда, послужившее главнымъ аргументомъ къ учрежденію непрививающейся судебнай инстанціи *сыздовъ казіевъ*, было ошибочнымъ, неизвѣстно на чёмъ основаннымъ.

Складъ формы судопроизводства по шаригату, основной принципъ мусульманского законоположенія — предоставление тяжущимся полной, ничѣмъ рѣшительно не стѣснаемой свободы защиты своихъ правъ цитированіемъ (ривоятъ) соответствующихъ дѣлу законовъ, свобода судопроизводства отъ отяготительного канцеляризма, дѣлающая судъ казіевъ дѣйствительно „скорымъ“ судомъ, не оставляли мѣста коллегіальному суду (сыздѣ), ни какъ инстанціи апелляціонной (§ 232 проекта положенія), ни какъ высшему учрежденію для сужденія дѣлъ гражданскихъ на сумму свыше 100 р. (§ 227 пр. полож.) и дѣлъ уголовныхъ всякаго рода, отъ простой обиды частнаго лица до преступленій растѣнія, нанесенія тажкаго увѣчья, выключая однако, изъ подсудности, по § 131 проект. пол., дѣла по грабежамъ, разбоямъ, доставляющія наибольшую практику слѣдователямъ, отъ которой для туземцевъ остается одно впечатлѣніе безнадежнаго усердія чиновника раскрыть истину тамъ, гдѣ попрекъ его стремленій становится особенности условій края, особенности невѣдомой жизни туземцевъ.

— „Я присмотрѣлся достаточно въ вашимъ порядкамъ,— рассказывалъ мнѣ киргизъ Юлз-Якши (хорошая дорога), переводчикъ слѣдователя: — и въ слѣдственной практикѣ видѣлъ много удивительныхъ примѣровъ по исходу дѣлъ о грабежахъ,

о разбояхъ. Множествомъ данныхъ я остановился на такомъ заключеніи, что по дѣламъ этой категоріи, при полномъ усердіи слѣдователя, открытие преступника, если онъ не оставилъ въ рукахъ потерпѣвшаго фактическаго доказательства виновности своей, въ большинствѣ случаевъ дѣлается невозможнымъ. Сослюсь на недавніе примѣры: сарты *Кудратъ* и *Каримъ* заявляютъ объ ограбленіи ихъ днемъ, въ полѣ, пятью киргизами, причемъ одного изъ грабителей, нанесшаго Кариму ударъ шапкой, оба потерпѣвшіе узнаютъ на другой день на базарной площади. Возбуждается дѣло, и киргизъ, не разъ стоявшій предъ слѣдователемъ, освобождается на другой день отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія, такъ какъ потерпѣвшіе не могли конечно представить обличающихъ свидѣтелей, а со стороны обвиняемаго нашлись свидѣтели киргизы, развязно подтвердившіе присяго на коранѣ, съ прочтениемъ непонятнаго имъ текста, что оговоренный въ „такіе-то часы“, „такого-то дня“ происшествія быть неотлучно съ ними вмѣстѣ.

„Къ благополучію этихъ бѣдняковъ-сартовъ, соучастники грабежа, убоявшись вѣроятно за своего арестованного въ теченіе одного дня товарища, выпустили ограбленныхъ лошадей и они пришли во дворъ своихъ хозяевъ, чтѣ только и надо было сартамъ, извѣдавшимъ разспросы на „дознаніи“, четырехдневное томленіе на слѣдствіи, гдѣ разыгрывалась комедія привода къ присягѣ киргизъ, не признающихъ такой присяги<sup>1)</sup>, комедія обильнаго бумагоистребленія. Чрезъ два

<sup>1)</sup> Слѣдователи Туркестанскаго края практикуютъ тотъ же обрядъ присяги, какой изданъ (прин. II къ ст. 218, кн. II, ч. V свода воен. пост.) для руководства слѣдователей и суда по дѣламъ магометанъ вообще.

Вотъ текстъ этой присяги:

„Клятва“.

„Я, пижепониманный, предъ алкораномъ Всемогущаго, неимѣющаго себѣ равнаго, Великаго Бога, клянусь и обѣщаюсь, что все, о чёмъ у меня спросятъ, несмотря ни на дружбу, родство, свойство, вражду, корысть и страхъ, безъ повторства какой-либо стороны, безъ участья, прибавленія и умаленія и безъ утайки, съ точностью скажу самую сущую правду, дабы на страшномъ судѣ всеобщаго воскресенія, предъ самимъ всемогущимъ Богомъ, съ чистымъ лицомъ помочь дать отвѣтъ въ оной.

дня повторился такой же примѣръ съ иранцемъ *Фазыльбаевъ*. Днемъ въ полѣ четыре киргиза ограбили у него двухъ лошадей. Чрезъ двѣнадцать дней онъ узнаетъ въ городѣ одного изъ грабителей, старого курносаго киргиза, узнаетъ на его лошади и свою ограбленную уздечку. Дѣло кончается тѣмъ, что киргизы свидѣтели подтверждаютъ присягу, будто бы типичный сородичъ ихъ купилъ эту уздечку въ „такомъ-то“ селеніи отъ неизвѣстнаго туземца. Въ результатѣ трехдневныхъ усилий слѣдователя — признаніе киргиза невиновнымъ. Съ формальной стороны, оба эти дѣла привели къ результатамъ можетъ быть и правильнымъ, но цѣлая цѣль въ году такихъ дѣлъ, съ такими же результатами, производить на туземцевъ невыгодное для русскаго суда впечатлѣніе. Въ каждомъ слѣдственномъ процессѣ всѣ видятъ безнадежное усердіе чиновника раскрыть истину, и понять никто не можетъ, къ чему подымается столько шума по поводу грабежа, разбоя, по поводу случаевъ смерти отъ нанесенной въ дракѣ раны, когда сложныя кражи и другія тяжкія преступленія оставлены въ вѣдѣніи народнаго суда“.

Вместо безплоднаго рѣшенія этого, отовсюду раздающагося вопроса о такомъ разграничениіи подсудности уголовныхъ дѣлъ, направленномъ къ уничтоженію значенія единоличнаго суда, въ ущербъ правосудію, какъ этого конечно не ожидали, возвратимся къ описанію порядка судопроизводства по шаригату у казіевъ осѣдлаго населенія.

Въ подтвержденіе однако вывода, что дѣйствующее въ краѣ разграничение подсудности уголовныхъ дѣлъ отяготительно

„Биллаги, Вазлаги, Таллаги, буду отвѣтать по справедливости и покажу сущую истину“.

Не буду предугадывать о томъ, какое религіозно-нравственное взяніе оставляетъ прочтение текста этой присяги на татаръ и другія народности, но скажу, на основаніи знамія, что киргизы совершили *минорикуюнъ* этотъ обрядъ присяги, всегда остававшейся чуждымъ пись, рыцарски уважающимъ простой обрядъ присяги по обычая, обрядъ, требующій выпить въ подтвержденіе своихъ словъ обыкновенную чашку воды, подойти къ ногамъ уважаемаго сородича; сарты же, и въ особенности таджики и узбеки, считаютъ такую присягу неимѣющей никакого значенія, такъ какъ въ ней „все зашнее“ до слова *Ногъ*, которое повторяется три раза въ нарушеніе шаригата и всѣхъ религіозныхъ обрядностей.

отзываются на правосудії, можемъ сослаться на тотъ же проееть положеній, поясняющій (§ 228), что время, мѣсто и число съездовъ опредѣляется военнымъ губернаторомъ. Что же получается?

При разбросанности осѣдлостей и, слѣдовательно, судебныхъ участковъ, назначеніе частыхъ съездовъ, хотя бы въ центральномъ пункѣ, не представляется возможнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ участки, подвѣдомственные призванымъ на съездъ казіямъ, лишены были бы суда для самыхъ обыкновенныхъ исковыхъ дѣлъ, каждодневно возникающихъ. Областнымъ властямъ приходится поэтому назначать съезды очередями въ два мѣсяца одинъ разъ, на срокъ двухнедѣльный, и конечно тамъ, где дѣйствуютъ такие, только и возможные сроки открытия суда коллегіального, ему приходится обсуждать только свѣжіе случаи уголовныхъ дѣлъ; всѣ же происшествія и правостолкновенія, возникающія за два мѣсяца до открытия дѣйствій съезда, или предаются потерпѣвшими забвению, или, какъ это часто бываетъ въ дѣлахъ преступлений кражи, погашаются возмездіемъ—саморасправой.

Такое судоположеніе о съездахъ, нисколько не достигая, какъ задавалась пояснительная записка (стр. 168), уничтоженія значенія одноличной власти казія, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ населеніе скораго, правильнаго суда и, возбуждая часто самосуды, подрываетъ уваженіе къ законности. Это и нетрудно подмѣтить тамъ, где, какъ въ киргизской степи, съезды и біи-суды возсѣдаютъ постоянно въ городѣ, резиденціи уѣздныхъ властей, за сотни верстъ отъ своихъ судебныхъ районовъ. Въ такихъ уѣздахъ самосуды кражей практикуются весьма часто, а баранта, не вмѣняемая въ наказаніе, какъ „рыцарскій поединокъ за нарушеніе правъ лица или рода“ (проектъ положенія и стр. 165 пояснительной записки), уже съ давнихъ временъ и мѣстами задолго до введенія положенія превратилась въ простой, отважный грабежъ открытымъ угономъ цѣлыхъ табуновъ скота, не имѣющимъ ничего общаго съ принципами древнѣяго киргизскаго рыцарства.

Мы не станемъ приводить фактовъ, подтверждающихъ высказанное, а ограничимся заявленіемъ, что все разсказанное въ статьѣ первой этихъ очерковъ о недостаткахъ киргизскаго народнаго самоуправлія и тѣжкихъ послѣдствіяхъ отъ него для кочевого народа, совершенно вѣрно, нисколько не преувеличено. Вѣрно также и то, что учрежденіе съездовъ, какъ судебной инстанціи для суда у осѣдлыхъ туземцевъ, не вѣжется съ обрядностью юриспруденціи по шаригату и не достигаетъ намѣченной положеніемъ цѣли ослабленія значенія единоличной власти казіевъ.

Повсюду съезды казіевъ открываются не только безъ участія уѣздныхъ начальниковъ, не имѣющихъ для такого дѣла свободного времени, но и въ отсутствіи, не имѣющихъ въ составѣ уѣздныхъ управлений чиновниковъ, участіе которыхъ безъ внимательства въ решеніе дѣла, но съ обязательствомъ следить, чтобы съездъ не выходилъ изъ границъ законныхъ своихъ обязанностей, требуется § 231 проекта положенія.

Такимъ образомъ въ съездахъ дѣйствуетъ тотъ же порядокъ судопроизводства по шаригату, какой практикуется и судомъ единоличнымъ, съ тою разницей, что сторона, выигравшая дѣло, платить гонораръ не одному казію, а тремъ-пяти, по числу приложенныхъ печатей, причемъ казій, въ участіѣ котораго собирается съездъ, обращается въ хозяина, а остальные—въ гостей его, готовыхъ утвердить своей печатью какое бы то ни было рѣшеніе.

Тамъ, где съезды составляются неуклонно по изданному расписанію, туземцы выносятъ всѣ неудобства и послѣдствія продолжительного ожиданія суда, и послѣдствія необходимости разыскивать судъ за сотни верстъ отъ своего селенія, — необходимо ждать часто безъ всякаго результата явки ответчика, — и невыгоды двойныхъ судебныхъ издержекъ по дѣламъ самыми обыкновенными, рѣшающимъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и каждымъ казіемъ единолично.

Этотъ порядокъ судопроизводства, основанный на требованиихъ шаригата, остается неизменнымъ отъ временъ первыхъ

мусульманскихъ кодификаторовъ, разрабатывавшихъ законо- положенія подъ вліяніемъ корана, не примѣняясь къ условіямъ страны и свойствамъ народа, населявшаго ее.

Посмотримъ же, въ чёмъ состоить этотъ всѣхъ удовлетво- ряющій порядокъ судопроизводства (мурофига).

По всѣмъ дѣламъ, какъ гражданскимъ-исковымъ, такъ и уголовнымъ, истецъ (мудон) обращается къ казю по мѣсту жительства или временнаго пребыванія (джон-аманатъ) отвѣтчика (мудо-алай).

Возсѣдая на полу по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета, окруженный муфтіями и миразами, казій выслушиваетъ усѣвшагося съ поджатыми ногами просителя или просительницу при открытыхъ дверяхъ своей сакли, на порогѣ которой, соблюдая ташину, толпятся обыкновенно сторонники тяжущихся и праздные любители развлечений.

Если оба тяжущіеся имѣются на лицо, казій, приступая безотлагательно къ разбору дѣла, предлагаетъ истцу обратиться къ одному изъ муфтіевъ для написанія прошенія, (махзарь), передающаго только сущность дѣла: „я, Узакъ-бай, по сему прошенію, ищу Мирза-Нуръ-Мухамедова, проживающаго въ селеніи Ривачъ, Самаркандинскаго отдельна, принадлежащаго мнѣ быка, выкраденного и находящагося нынѣ въ рукахъ отвѣтчика. Почему прошу васъ, казій, приказать отвѣтчику возвратить мнѣ быка. Муфтій Камалединъ, приложившій къ маҳзару сему печать, прошу казія о допущеніи Узакъ-бая въ разбору этого дѣла и обѣ удовлетвореніи истца, если заявленіе будетъ доказано“ (книга эмоди).

Принявъ исковое прошеніе, оплаченное истцомъ 20—40 копейками, казій старается склонить тяжущихся къ миру, чтд весьма часто и достигается, какъ въ самой камерѣ (казы-хана), такъ и вѣнѣ ея, при содѣствіи родственниковъ и людей по- стороннихъ, авторитетныхъ.

При неуспѣхѣ въ примиреніи, казій, разбирая дѣло, выслушиваетъ возраженія отвѣтчика, требуетъ доказательствъ (далиль) отъ истца. Доказательствами въ каждомъ искѣ могутъ

быть документы, не оспариваемые въ подлинности, или два нравственныхъ, добросовѣстныхъ свидѣтеля (шагитъ) мужскаго пола (допускаются въ свидѣтели двѣ женщины вмѣсто одного мужчины, но съ тѣмъ, чтобы быть также и одинъ свидѣтель мужскаго пола), или непринятіе отвѣтчикомъ принудительной (гамусъ) присяги (касамъ) въ опроверженіе иска.

Въ дѣлахъ незначительныхъ, казій, не доказываясь особенно въ качествахъ свидѣтелей, назначаетъ одному изъ нихъ, а также истцу, присягу, если отвѣтчикъ настоятельно потребуетъ того, и на основаніи показаній составляетъ рѣшеніе (пишты маҳзаръ, т.-е. надпись на прошеніи), которое прописывается миразою на оборотѣ искового прошенія по существу: „въ ма- садѣ джамадіаль-аввеля (май) 1295 г. (1878), въ камерѣ казія Сугутскаго участка, Самаркандинскаго отдѣла, по дѣлу о быкѣ съ примѣтами: рыжий, рога короткіе, бѣ лѣтъ, согласно шаригата, этотъ быкъ перешелъ въ собственность истца, хотя отвѣтчикъ и заявлялъ, что быкъ принадлежитъ ему, ибо онъ купилъ за деньги, но истецъ, въ доказательство сего иска, представилъ свидѣтелей, проживающихъ въ кишлакѣ Джуріатъ: Мулла-Бабаяра, смуглого, съ малою бородой, и Мулла-Халь-Мухамеда, цѣста пшеничного, съ козлиной бородой, среднаго роста, кои люди добродорядочнаго поведенія, подтвердили искъ вмѣсть съ истцомъ подъ присягою. Почему казій рѣшилъ передать быка исцу, Узакъ-баю, а отвѣтчику предоставить право по сему документу сиджилию (удостовѣреніе) искаТЬ съ того, у кого онъ купилъ. За рѣшеніе взято 80 к. Приложены печати: казія Мулла-Абдуллѣ-Хакима, муфтія Мирза-Магометъ-ходжа. При этомъ присутствовали: Сулейманъ Назібай, Ата-Авзаль. Истецъ изъ селенія Баги-балаидъ, Сіабской волости, отвѣтчикъ—изъ кишлака Ривачъ“.

Такъ разрѣшаются въ полчаса времени всѣ почти мелкие иски, когда истецъ является съ своими свидѣтелями, а отвѣтчикъ добровольно слѣдуетъ за нимъ къ казію.

Но иски сложные, по торговымъ разсчетамъ, по возста- новленію правъ нарушенаго владѣнія, по дѣламъ о наслед-

ствъ, обь установлениі опеки (воси), по дѣламъ бракоразвод-  
нымъ (талакъ) и браковѣнчальнымъ (никохъ), продолжаются  
нѣсколько дольше и порядокъ судопроизводства дѣлается вѣ-  
сколько сложнѣе.

При неявкѣ отвѣтчика по иску, заявленному письменнымъ  
прощенiemъ (махзаръ), казій дѣлаетъ ему словесный вызовъ  
(чакру) чрезъ своего посыльного (мулязимъ), получающаго вѣ-  
вознагражденіе съ призываемаго 80 коп. за каждыя 8 верстъ  
сдѣланнаго разстоянія.

Отвѣтчикъ или обвиняемый, не являющійся (мутаморидъ) и  
послѣ двухкратнаго вызова, приводится чрезъ полицейскую  
власть и можетъ быть наказанъ, по усмотрѣнію администра-  
тивной власти (хакима), арестомъ за ослушаніе казія (кн. джа-  
муль-разумъ).

Обыкновенно такого ненадежнаго отвѣтчика, вѣ ограж-  
деніе интересовъ истца, казій съ первого же дня судебнаго  
разбирательства или отдаетъ на поруки (кафиль), или обязы-  
ваетъ его ходить неотлучно съ истцомъ (мула-замотъ), или,  
при несогласіи на это отвѣтчика, подвергаетъ его аресту  
(ховзъ) (кн. мухтасаръ-викоа).

Заочныхъ рѣшеній не существуетъ по шаригату, исключая  
случаевъ: оставленія мужемъ жены своей безъ всякихъ средствъ,  
случаевъ иска къ имуществу безъѣстно отсутствующаго.

Въ большихъ и сложныхъ искахъ примирительное судо-  
производство охраняется такой же широкой санкціей, какъ и  
вѣ малыхъ. Предварительно разбирательства, казій, совмѣстно  
съ муфтіями и съ посторонними, принимаетъ всѣ мѣры къ  
примиренію сторонъ, вѣ случаѣ осуществленія котораго ми-  
ровая (сулхъ) излагается кратко на оборотной сторонѣ мах-  
зара и передается отвѣтчику, который и уплачиваетъ гово-  
рарь<sup>1)</sup> казію.

<sup>1)</sup> Казій Зеравшанской долинѣ пользуются за исполненіе судебныхъ обяза-  
нностей вознагражденіемъ по такой таѣ, установленной шаригатомъ: 1) брачный  
договоръ дѣвицы (хаты-никохъ-бокара) — 2 р.; 2) брачный договоръ вдовы (ни-  
кохъ-санба) — 1 р.; 3) расторженіе брака (хаты-талакъ) — 1 р.; (подъ двумя руб-  
риками такое вознагражденіе установлено эмиромъ Насръ-Уллои (1850 г.) вдвое

При неуспѣхѣ примиренія, тяжебное судопроизводство  
открывается выслушиваніемъ сначала объясненій истца, а за-  
тѣмъ и возраженій отвѣтчика. Если послѣдній заявляетъ вѣ  
своихъ объясненіяхъ *встрѣчный* искъ, то онъ разбирается  
послѣ совершеннаго окончанія первоначальнаго иска, и тѣмъ  
же порядкомъ, какъ этотъ послѣдній.

Истецъ, доказывающій свое право свидѣтелями (шагитъ),  
обязывается доставить ихъ вѣ судъ лично, вѣ объявленный  
казіемъ срокъ, и безъ всякаго вліянія и участія послѣдняго  
настолько, что казій не вѣ правъ даже предложить вопросъ: по-  
чему не явились свидѣтели, а обговаръ рѣшить дѣло по тѣмъ  
доказательствамъ, какія представлять сами тяжущіеся (кн. казы-  
ханъ).

Въ каждомъ иску, исключая дѣль обь изнасилованій, гдѣ  
свидѣтелями должны быть 4 человѣка, видѣвшіе самое дѣ-  
ствіе, требуется непремѣнно два свидѣтеля (две женщины за-  
мѣняютъ одного мужчину свидѣтеля, какъ пояснено выше),  
вполня добропорядочные, не продажные, не беззравственные,  
иерѣе противъ назначенаго шаригатомъ); 4) разводъ съ мужемъ по причинѣ  
безъѣстнаго отсутствія послѣдняго вѣ теченіе 7 мѣсяцевъ (хаты-амръ) — 2 руб.;  
5) разводъ съ мужемъ съ обязательствомъ для послѣдняго давать содержаніе женѣ  
(хаты-фарзи-нафоха) — 20 коп.; 6) возобновленіе брака послѣ развода (никохъ) —  
1 р.; 7) раздѣлъ наследства (хаты-торахо) — 1/2% съ стоимости наследства; 8) наз-  
наченіе второго опекуна, вѣ случаѣ если первый растратитъ часть вѣреннаго  
ему имущества (хоты-восоатъ) — 80 к.; 9) довѣренности (вогъ-хоты) — 20 к.; 10) за-  
кладная (бай-коть-байджа-исъ-гороу) — 1/2% съ суммы стоимости залога; 11) де-  
нежная поручительства (кафильтъ-хоты) — 1/2% съ суммы сдѣлки; 12) отчужденіе  
недвижимости куплей и продажей (хаты-бон-богон) — 1/2% съ стоимости отчуж-  
деннаго; 13) отчужденіе недвижимости путемъ залога — 1/2% съ суммы залога;  
14) засвидѣтельствованіе долговой расписки (хаты-пхраръ) — 1/2% съ суммы, про-  
писанной вѣ актѣ; 15) временное отчужденіе собственности вѣ аренду или вѣ  
иаемъ (хаты-иджара) — 1/2% съ стоимости аренды; 16) запеченіе дѣтей наследства  
(хаты-бизаръ или махруми-мирозъ) — 40 к.; 17) рѣшеніе по иску гражданскому  
(хаты-абра) — 1/2% съ стоимости предмета иска; 18) рѣшеніе по дѣламъ уголов-  
нымъ — 40 к.; 19) свидѣтельство (саджиль) — 1 р.; 20) повѣстка для вызова отвѣт-  
чика вѣ судъ (хаты-пхзарь) — 5 коп.

Взиманіе уѣздными судьями платы за исполнительные листы и разные су-  
дебно-потаріальныя дѣйствія вполнѣ соответствуетъ понятіямъ туземцевъ обь оби-  
зательной оплатѣ всякаго разрѣщающаго право документа. Мы вспомнимъ обь  
этомъ подробнѣе, когда придется быть можетъ говорить о дѣятельности вѣ браѣ  
мирового суда.

исполняющіе намазы (пятикратная молитва). Поэтому, въ случаѣ возраженія отвѣтчика противъ доброкачественности свидѣтелей, казій обязывается провѣрить заявленіе обстоятельнымъ дознаніемъ (таскія), чрезъ одного лучшаго изъ своихъ муфтіевъ. Если заявленіе не подтверждится спросомъ околодочныхъ людей, выставленные свидѣтели допускаются къ разбирательству.

Казій спрашиваетъ каждого свидѣтеля порознь объ известныхъ имъ обстоятельствахъ дѣла, убѣщиваетъ говорить правду а затѣмъ одному изъ свидѣтелей, по своему выбору, а также и истцу, предлагаетъ присягу.

Присяга исполняется по шаригату (книга мухтасаръ-викоя) простымъ предложеніемъ казія принимающему присягу повторить за нимъ одно изъ словъ: Билаги, Талаги, Валаги „въ подтверждение сказанного“.

Дѣло, конченное такою присягой, вызываетъ рѣшеніе (хукумъ), которое, до введенія проекта положенія, считалось всегда окончательнымъ (мужма-алой), на какую бы сумму оно ни было, и если подвергалось въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обжалованію эмиру, какъ лицу всевластному (имамъ), то вызывало только пересмотръ опредѣленія однимъ изъ казіевъ, по назначенію эмира.

Если въ обжалованномъ опредѣленіи обстоятельства дѣла изложены были согласно съ дѣйствительностью, безъ подлоговъ, то оно и приводилось немедленно въ исполненіе.

При невозможности доказать искъ свидѣтелями и неоспоримыми въ подлинности документами, такое дѣло решается присягою отвѣтчика (кн. хидоя); причемъ молчаніе его или неотвѣтъ категорически на троекратный вопросъ казія—принимаетъ ли онъ присягу, считается отказомъ отъ присяги (радъ) и служить доказательствомъ правдивости иска (кн. хидоя).

Постановленное такимъ образомъ казіемъ рѣшеніе считается обязательнымъ къ исполненію (миннадарь) властями и отвѣтчикомъ, для понужденія котораго къ платежу присужденаго шаригатъ (кн. казы-ханъ) разрѣшаетъ примѣнять и мѣры

наказанія: водить неподчиняющагося рѣшенію по городу (тамиръ), заключить въ тюрьму (ховзъ) на срокъ, пока не уплатить долга, наказать тѣлесно (мина-зорба).

Однако, при достаточномъ миролюбіи туземцевъ и господствующей склонности разсчитываться съ долгами безъ понужденій, въ особенности по дѣламъ исковыемъ, кончающимся у казіевъ, такія мѣры понужденій прежде практиковались весьма рѣдко, а въ наше время и вовсе оставлены.

Выше было отмѣчено, что иски сложные, съ участіемъ тяжущихся мало развитыхъ, несговорчивыхъ, каковы напримѣръ сельскіе туземцы-узбеки, продолжаются иногда довольно долго, не болѣе однако 3—5 мѣсяцевъ, въ силу неизмѣнно дѣйствующаго въ судопроизводствѣ по шаригату принципа представленія тяжущимся всѣхъ средствъ (барча-иляджъ) защищты своихъ правъ (ихтіоръ). Каждый конечно этимъ и пользуется, насколько возможно и насколько по дѣлу требуется, чрезъ муфтіевъ, которые въ юрисдикціи по шаригату являются такимъ образомъ легальными защитниками (мадатъ) интересовъ тяжущихся, получающихъ отъ нихъ за ничтожное вознагражденіе<sup>1)</sup>, кроме маузара—прошенія, нужная указанія предъ судоговореніемъ, а главное—выписки (ривоятъ) изъ законовъ шаригата, соответствующія положенію дѣла.

Здѣсь-то, когда дѣло переходитъ въ фазу противопоставленія ривоятовъ—опредѣленій шаригата, оно и отдѣляется постановленіе рѣшенія до времени, пока цитированіемъ корифеевъ мусульманскаго законодательства не выяснятся все обстоятельства дѣла, не выяснится правильный для суда путь къ рѣшенію тяжбы.

Вследствіе существованія при казіяхъ значительного числа муфтіевъ, которымъ надо же зарабатывать средства, хотя ничтожнымъ гонораромъ въ 20—40 коп. за приложеніе печати

<sup>1)</sup> Собственпо, на основашіи шаригата (кн. баорузъ-монафія, хозанотузъ муфтію), муфтіиъ предстаиваетъ брать вознагражденіе „по размѣрамъ неполнаго труда (мигноты) въ составленіи акта и по взаимноу, непринужденному уговору съ клиентомъ“. Въ практикѣ дѣйствуетъ вознагражденіе для муфтіевъ отъ 10 коп. до 20 руб. за самый серьезный ривоятъ въ большомъ исковомъ дѣлѣ.

къ махзару—прощенію, за составленный ривоять,—послѣдніе въ значительномъ ходу повсюду, гдѣ только дѣйствуетъ судъ казиевъ. Но мы скажемъ, что отъ этого судопроизводство никаколько не страдаетъ, а напротивъ выигрываетъ. Казій, обязанный подчиниться правильному ривояту—указателю правильнаго (шарги) закона, активно сдерживается отъ неправосудія, въ народѣ поддерживается уваженіе къ законности устойчивостью принципа свободной защиты правъ, и развиваются познанія въ законахъ съ несравненно, съмѣмъ утверждать, большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ судопроизводствѣ по уставамъ 20 ноября, чрезъ разсылаемыхъ судьями-чиновниками повѣскамъ съ текстами законовъ, отпечатанными только по-русски,—чрезъ истолкованіе туземцамъ законовъ разными ходатаями-обирателями (рибочиръ), какъ называетъ ихъ здѣсь народъ, у которыхъ взгляды на дѣло защитника совершенно конечно не тѣ, какіе у муфтіевъ, скромныхъ составителей краткихъ ривоятовъ—и только <sup>1)</sup>.

Добровольно избираемый одною изъ сторонъ муфтій-защитникъ, узнавъ изъ разспросовъ въ какомъ положеніи дѣло, составляетъ защитительный ривоятъ: „если Рахимъ-джанъ продалъ 1 танапъ ( $\frac{1}{4}$  десятины) земли Тагай-баю за 475 тенегъ (95 р.) и, получивъ таковые сполна, не отдаетъ землю, то казій, по удостовѣреніи свидѣтелями, или признаніемъ продавца, или по внутреннему убѣждѣнію, приказываетъ ввести покупщика во владѣніе означенной землею. Торгъ считается дѣйствительнымъ по согласію сторонъ, а купленное переходить въ собственность покупщика. Книга никакая и хозяинатуль-муфтойнъ. Къ ривояту сему приложилъ печать муфтій Абдулла-Кадыръ-хожа“. Казій, совершившій незадолго актъ (vasika) этой купли-продажи, убѣждень (ильми-короръ) въ правильности поданнаго ривоята и исполняетъ заявленное въ немъ требование.

„Если при иску довѣреннымъ женшинѣ Куреанз-ай,

<sup>1)</sup> На основаніи правилъ шаригата, муфтіи не принимаютъ никакого участія въ судоговореніи, отличающемся простотою, отсутствіемъ многословія.

Халыкъ-Назаромъ приводится еще ривоятъ о магрѣ <sup>1)</sup> съ Ніязъ-Мухамеда, послѣдній протестуя заявить, что она изъявила желаніе не получать съ него магрѣ и, обязавшись представить въ трехдневный срокъ свидѣтелей въ доказательство, не исполнить этого, то казій, согласно шаригата (кн. видоя, хуласа, имамъ-казы, хона, алямъ-гири), вызвавъ Куреанз-ай долженъ дать ей присягу въ томъ, что она не говорила этого, и рѣшить дѣло въ пользу довѣреннаго Халыкъ-Назара. Печать приложилъ Мусса-Хожа-муфтій“.

Какъ и выше было сказано, ривояты составляются соотвѣтственно положенію дѣла, и обозначающимъ неправильностямъ въ судопроизводствѣ, на которыя представляется возможность и поводъ для тяжущихся указать, чрезъ муфтіевъ, разъясненіемъ съ ссылкою непремѣнно на того или другого изъ авторитетныхъ законотолкователей.

Такой письменный ривоятъ имѣть обыкновенно форму полулиста писчей бумаги и составляется по существу весьма кратко, въ 4—10 строчекъ: „такъ какъ Байджанъ и Алимджаанъ состояли между собою въ компаніи по торговымъ дѣламъ вообще, то Бай-бекъ имѣть полное право предъявить иску за купленныя Алимджааномъ четыре шубы и къ Байджану. Если же послѣдній не признаетъ себя компаньюономъ, то истецъ обязанъ доказать обратное свидѣтелями или можетъ дать присягу отвѣтчику въ подтвержденіе отказа (кн. шархиникоя, никоя)“. Приложили печати 5 муфтіевъ. Примѣръ еще: „если Джурабай изнасиловала дѣвочку Таш-ай (камышекъ), то она можетъ требовать магрѣ (обеспеченіе, выдаваемое женихомъ невѣстѣ при фактическомъ вступленіи въ бракъ) въ 200 рублей и она обязана уплатить, подвергаясь все-таки наказанію (кн. хуляса, джамуль-римузъ)“.

Но какое же наказаніе могутъ опредѣлить казіи?

По шаригату, за изнасилованіе растѣніемъ несовершеннолѣтней дѣвочки виновный подвергается наказанію въ 100 уда-

<sup>1)</sup> Обезначеніе въ 200 р., выдаваемое или поставляемое женихомъ въ пользу невѣсты при фактическомъ вступленіи въ бракъ.

ровъ плетей; но если изнасилование будет совершено надъ женщиной или девицей не совсѣмъ чуждыми обвиняемому, напримѣръ надъ невѣстою, надъ укрывающейся женою своею, то виновный не подвергается наказанію плетьми, а только платить девице магръ (кн. амрухалангъ, алямъ-гири, багруль-мунафигъ).

По ст. 1523 улож. о наказ., растѣніе несовершеннолѣтней девицы насилиемъ влечетъ за собою ссылку въ каторжныя работы, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Примѣнить это наказаніе судъ казиевъ не можетъ, какъ выходящее за предѣлы предоставленной ему власти (§ 232 пр. полож.). Примѣнить наказаніе, опредѣленное шаригатомъ, ни въ данномъ случаѣ и ни въ какомъ другомъ, судъ казиевъ не въ правѣ, потому что, во-первыхъ, руководительный проектъ положенія, въ отдѣлѣ 5-мъ: „о народномъ судѣ у осѣдовъхъ туземцевъ“ (ст. 214—244), ни единымъ словомъ и намекомъ не упоминаетъ о шаригатѣ, отмѣтивъ его въ пояснительной запискѣ „грубымъ“ (стр. 156); во-вторыхъ, потому, что давъ къ § 232<sup>1)</sup> примѣчаніе объ отмѣнѣ наказаній по шаригату, которая должны замѣняться арестомъ, штрафами и ссылкою въ Сибирь, не разъяснилъ, какая градація наказаній соотвѣтствуетъ известнымъ преступленіямъ.

Можно ли удивляться, что при такой неопредѣленности и сбивчивости судоположенія, несмотря на поданные пострадавшую, въ приведенномъ случаѣ, стороною ривояты, съездъ рѣшилъ дѣло о растѣніи девятилѣтней девочки, изъ мести къ родителямъ ея, такимъ „окончательнымъ“ опредѣленіемъ: „главнаго виновника Джурабая выдержать подъ арестомъ 8 мѣсяцевъ, а трехъ пособниковъ его освободить отъ наказанія, взыскавъ съ нихъ въ пользу девицы Таш-ай 200 руб. въ магръ“.

<sup>1)</sup> § 232 проекта полож.: съездъ рѣшаєтъ дѣло окончательно. Примѣчаніе: тѣлесныя наказанія, истязанія, отсѣченіе членовъ и смертная казнь, постановляемыя прежде рѣшеніемъ казиевъ, отменяются. Взамѣнъ означенныхъ наказаній полагается брѣстъ, штрафы, отдача въ заработки и ссылка въ Сибирь.

Эта несчастная должна, конечно, благодарить казиевъ и за такое рѣшеніе, такъ какъ они, чуждые фанатизма, чуждые приверженности въ буквѣ отжившихъ свой вѣкъ постановленій уголовнаго мусульманскаго кодекса, рѣшили дѣло не по статьѣ шаригата, требующей въ такомъ дѣлѣ четырехъ свидѣтелей мужчинъ, видѣвшихъ происшествіе въ положеніи ipso facto, а по внутреннему убѣждѣнію (Ильми-короръ), основанному на совокупности обстоятельствъ, вполне доказывающихъ виновность Джурабая.

Можно ли удивляться и тому, что судъ мѣстныхъ евреевъ-аборигеновъ, имѣющій по некоторымъ дѣламъ также свою особую юрисдикцію, разбирая дѣло объ изнасилованіи мужемъ еврейскаго мальчика взрослымъ евреемъ же, обойдя талмудъ, опредѣляющій виновному смертную казнь, назначилъ въ наказаніе штрафъ въ 30 руб., который не трудно было разумѣется внести преступнику-богачу.

Не станемъ однако вдаваться въ припоминаніе, не мало встрѣчавшихся нашему наблюденію, грустныхъ во всѣхъ отношеніяхъ курьезовъ изъ судебной практики народныхъ судовъ Туркестанскаго края, блуждающихъ въ невѣдѣніи, что требуется отъ нихъ проектъ положенія 1867 года, какими законоположеніями руководствоваться имъ,—а возвратимся къ дальнѣйшему изложенію судопроизводства по шаригату.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что основное правило шаригата требуетъ отъ суда, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, одѣнки заявленного иска по доказательствамъ, представленнымъ тяжущимися, и совершенно устраиваетъ казія отъ собиранія такихъ доказательствъ или напоминанія тяжущимся обстоятельствъ, полезныхъ для дѣла. Положеніе это распространяется и на тѣ дѣла, въ которыхъ защитниками правъ тяжущихся являются ихъ посѣренные (уакиль).

Относительно повѣренныхъ мусульманское законоположеніе ограничиваетъ право тяжущихся требованіемъ, чтобы они передавали защиту своихъ правъ только въ определенныхъ слу-  
досуди въ туркестанѣ.

чаяхъ, предусмотренныхъ шаригатомъ; случаям эти следующи: несовершеннолѣтіе, умственная и старческая немощь, неопытность и угнетенность, подмѣченная самимъ казиемъ, ненахожденіе на мѣстѣ, а также болѣзни, препятствующія явиться въ камеру суда. Только эти условія, при неоспариваніи ихъ другою стороною, допускаютъ замѣстительство тѣжущихся на судѣ повѣренными ихъ.

Передача правъ повѣренному совершаются или словеснымъ объявленіемъ объ этомъ подлежащему казію, или же письменной довѣренностью (хати-аукалять), засвидѣтельствованою какимъ бы то ни было казиемъ (кн. джамуль-рамузъ и др.). Каждому казію однако предоставляется отстранять и не допускать къ разбору дѣла такихъ повѣренныхъ, которые известны въ обществѣ за людей сомнительной нравственности, за людей, живущихъ на счетъ обмановъ (фирибѣ), хотя бы путемъ постоянного предъявленія своихъ услугъ—ходатаевъ по дѣламъ. Равнымъ образомъ, казій обязанъ устраниить такого повѣренного, въ дѣйствіяхъ которого по исковому дѣлу обозначилась злонамѣренность въ ущербъ интересамъ довѣрителя. Другихъ поводовъ устраниенія повѣренныхъ для суда по шаригату не представляется.

Обязанности повѣренного ограничиваются поддержаніемъ правъ своего довѣрителя въ предѣлахъ довѣренности, причемъ довѣрителю предоставляется право устраниенія повѣренного при всякомъ положеніи дѣла и безъ права для послѣдняго вступать повѣреннымъ противной стороной.

Снимая съ повѣренныхъ обязанность доказывать искъ присягою, которая въ случаѣ необходимости обязательно предоставляетъ довѣрителю истцу или отвѣтчику (кн. казы-ханъ багруль-монафія), мусульманское законоположеніе требуетъ отъ повѣренныхъ совершеннолѣтія, способности отвѣтчать на вопросы судьи и полныхъ нравственныхъ качествъ, не помраченныхъ преступленіями, развратной и разгульной жизнью (кн. джамуль-рамузъ). Всѣ эти постановленія о повѣренныхъ, при всей своей ясности, опредѣленности, весьма часто служатъ

повородомъ къ осложненію процесса разными домогательствами сторонъ, также посредствомъ ссылки на шаригатъ и авторитетныхъ толкователей его.

Если *Назры-ай*—женщина хорошаго поведенія, не имѣла дѣлъ съ мужчинами (такъ составляется *ривоятъ*), то, какъ неопытная, она можетъ назначить съ своей стороны повѣреннаго (кн. фотвы-шайхъ-уль-исламъ, шархи-даруль, фотва нокшонды). Если же истецъ будетъ заявлять, что она опытная женщина, а послѣдняя станетъ все-таки отвергать это, то по шаригату она обязана представить двухъ свидѣтелей, и за неимѣніемъ ихъ надлежитъ дать присягу истцу.

Нерѣдко заявляется протестъ и отводъ повѣренного уже къ исходу дѣла, и казій не можетъ отказаться выслушать основанія отвода, предъявляемыя словесно или письменно здѣсь же составляемымъ актомъ, не остающимся безъ отвѣта контрапривоятомъ: „два свидѣтеля со стороны Халь-Мама, явясь къ казію подтвердили, что она назначила своимъ повѣреннымъ Кой-богара; казій согласился съ заявлениемъ, выдать довѣренность, допустилъ къ судоговоренію безъ возраженія противной стороны, и на основаніи шаригата (кн. хуляса, алямъ-гири), не можетъ затѣмъ устраниить этого повѣренного по требованію отвѣтчика“.

Сказавъ, что никакое заявленіе тѣжущихся о намѣреніи представить *ривоятъ*, соответствующій положенію дѣла, не можетъ быть отвергнуто казиемъ, пояснимъ, что послѣднему предоставляется шаригатомъ (кн. казы-ханъ и др.) право назначать тѣжущимся срокъ для исполненія заявленій, срочъ отъ одного дня до двухъ мѣсяцевъ, сообразно съ характеромъ дѣла и серьезностью доказываемаго или опровергаемаго ривоятами случая или довода.

Хотя поводовъ къ составленію защитительныхъ ривоятовъ, какъ извлеченій законоположеній, въ каждомъ исковомъ дѣлѣ, по характеру судопроизводства у казіевъ, можетъ представляться весьма много для каждой изъ сторонъ, тѣмъ не менѣе

никому и нигдѣ не приходится слышать, чтобы туземцы злопотребляли этимъ правомъ свободной защиты на судѣ.

Какъ бы ни были настойчивы въ своихъ требованіяхъ тяжущіеся, какой бы ни былъ сложный споръ, онъ не останавливаетъ судъ въ разсмотрѣніи и опѣнкѣ юридическихъ достоинствъ каждого ривоята, въ признаніи за ними доказательной силы, насколько опредѣляется она соотвѣтствіемъ цитированного постановленія шаригата обстоятельствамъ дѣла, послужившимъ поводомъ къ предупрежденію судебной ошибки. Не каждый ривоятъ конечно имѣетъ юридическая достоинства, не каждый получаетъ поэтому и рѣшающее значеніе, несмотря на приведенный въ концѣ текста источникъ извлечения того или другого толкованія.

„При исковыхъ дѣлахъ (защищается повѣренный противъ денежнаго иска) отвѣтчикъ, не признавая иска въ первый разъ, можетъ послѣ опровергать иску заявленіемъ объ уплатѣ, что и принимается казiemъ во вниманіе, даже по решеніи дѣла въ пользу истца (бн. фатва мустафа)“. Казій находитъ правильное основаніе согласиться съ этимъ доводомъ защиты, отвергнувъ по неосновательности контрь-ривоятъ, доказывавшій, что отвѣтчикъ долженъ былъ воспользоваться правомъ опроверженія въ теченіи трехъ дней (кн. ловамигуль-баянъ).

„Если при иску А объ имуществѣ, доставшемся ему по наследству, отвѣтчикъ Б протестуя заявить, что дѣло это онъ окончилъ однажды миромъ, то по шаригату истцу следуетъ дать присягу въ томъ, что онъ не кончалъ миромъ, а потомъ уже приступить къ разбору“ (кн. казы-ханъ, хазина-туль-муфтиенъ). Казій подчиняется доводамъ этой защиты, несмотря на представленное опроверженіе, что „по исковымъ дѣламъ объ имуществѣ, доставшемся по наследству, отвѣтчикъ можетъ не допустить истца къ присягѣ, опровергающей заключеніе ранѣе мировой, и казій обязанъ приступить къ разбору дѣла безъ такого вступленія“ (кн. даруль-мухтаръ, махтруль-фатви).

„Свидѣтели, если люди честные, добросовѣстные, словомъ,

вполнѣ соответствующіе требованиямъ шаригата о свидѣтеляхъ, могутъ быть рѣшающими доказательствами безъ приведенія къ присягѣ (кн. даруль мухтаръ)“, — требуетъ одна изъ сторонъ, опасаясь, что свидѣтели, какіе-нибудь именитые сосѣди, уклонятся отъ свидѣтельства изъ опасенія присяги, которую туркестанскіе горожане принимаютъ вообще крайне сдержанно.

Казій однако не поддается на уступки, соглашаясь съ правильнымъ вполнѣ контрь-ривоятомъ, настаивающимъ на обязательствѣ для суда привести свидѣтелей къ присягѣ, хотя бы казій и былъ увѣренъ и убѣжденъ дозваніемъ (таскія) въ ихъ порядочности и соотвѣтствіи по образу жизни требованиямъ шаригата (кн. бахруль-монафинъ, шархи-канзъ).

„По дѣламъ прелюбодѣянія вообще и изнасилованія женщинъ, обязательно должны быть четыре свидѣтеля мужскаго пола“ (кн. мухтасаръ, толкованіе шомуни, глава шагодотъ), съ чѣмъ и соглашается судъ, несмотря на поданное опроверженіе, что въ дѣлахъ объ изнасилованіи могутъ быть допущены три человѣка мужскаго пола и двѣ женщины (кн. мухтасаръ, толкованіе Шомуни).

„Исковыя дѣла о наследствахъ, вакуфахъ и заложенномъ имуществѣ пользуются давностью девяностолѣтіемъ“ (кн. бахруль-монафинъ), правильно доказываетъ истецъ, отвергая неосновательное требованіе отвѣтчика примѣнить давность тридцатишестилѣтнюю (кориъ<sup>1</sup>), согласно поясненію въ книгѣ бахруль-монафия.

„На основаніи шаригата и толкованій кн. бахруль-монафинъ, глава талакъ, кн. мухитъ-бурхани, фатва оскарія, этимъ ривоятомъ настаиваю на разводѣ съ мужемъ, какъ зараженномъ сифилитической болѣзнью, опасною для всего дома, для всей семьи“. Требованіе оказывается совершенно законнымъ, и казій безъ промедленія совершає разводную (талакъ),

<sup>1</sup>) Давности тридцатишестилѣтняя распространяется на всѣ остальные дѣла, за исключениемъ дѣлъ о возстановленіи правъ вакуфовъ, объ отысканіи наследства, обу имуществѣ, оставшемся въ закладѣ.

отклоняя сопротивление мужа, представившаго неправильный ривоятъ.

Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь нѣсколько защитительныхъ протоколовъ изъ судебной практики зеравшанскихъ казіевъ, чтобы уяснить по нимъ и характеръ составательного судопроизводства, крайне простого, не обремененного слово-преніями, скоро разрѣшающаго тяжебныя дѣла, и приемъ определенія юридической силы каждого ривоята или защитительного протокола.

Такъ какъ въ статьѣ этой приходится обращаться часто бѣ дѣйствующему въ краѣ съ 1867 года проекту положенія, выработанному трудами особой „степной комиссіи“, то, предварительно окончательного заключенія о значеніи въ юрисдикціи по шаригату защитительныхъ ривоятовъ, мы считаемъ обязательнымъ для себя привести изъ пояснительной записки къ проекту положенія соотвѣтствующее мнѣніе по этому же вопросу.

„Для полноты юридической характеристики Ташкента (читаемъ на стр. 253) необходимо присовокупить нѣсколько словъ о способѣ, посредствомъ котораго правовѣрные и ихъ правительство обходятъ постановленія шаригата. Лицо, желающее нарушить законъ, не выходя изъ предѣловъ строгой легальности, просить обыкновенно известнаго муфтія присказать въ юридическихъ сочиненіяхъ случай, когда буквальный смыслъ шаригата былъ нарушенъ такимъ лицомъ или при такой обстановкѣ, что это нарушение можно считать не грѣховнымъ. Найдя подобный случай, муфтій выписываетъ его изъ шаригата или составляетъ „ривоятъ“. Засимъ ривоятъ подносится известному казію или сбору казіевъ, и у нихъ испрашивается согласіе на то, что цитированный случай дѣйствительно былъ, что онъ легаленъ и что, следовательно, имъ можно руководствоваться. Когда казій приложитъ къ ривояту печати, онъ становится „фотовою“, т.-е. сепаратнымъ постановленіемъ, имѣющимъ силу закона. При обилии разнообразныхъ случаевъ, которые можно почерпнуть какъ изъ жизни имамовъ (?), такъ изъ многотом-

ныхъ толкованій на коранъ, существуетъ всегда возможность обойти шаригатъ. Этого нельзя забывать всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ бороться съ кораномъ“.

Мы не можемъ сказать положительно, на чёмъ эти выводы пояснительной записки основаны; не беремся также доказывать, въ какой мѣрѣ удерживался въ тѣ времена такой взглядъ на шаригатъ въ судебнѣмъ персоналѣ Ташкента, но и не отклоняемся отъ обязанности высказать, что эти выводы проекта положенія о значеніи ривоятовъ, какъ „вылазки“, дающія каждому легальное право бороться съ шаригатомъ, останутся совершенно оригиналными для всѣхъ, кто, выслушавши отъ какого-нибудь лукаваго муллы разсказы, между прочимъ, „о ничтожествѣ шаригата сравнительно съ русскими законами“, о „невѣжествѣ и фанатизме казіевъ“, задастъ себѣ еще трудъ познакомиться съ мусульманскимъ законоположеніемъ по книжнымъ источникамъ, познакомиться съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ по шаригату. Въ самомъ дѣлѣ, если мусульманскій кодексъ представить себѣ слабымъ до возможности нарушать его во всѣхъ случаяхъ „легальнымъ путемъ“, подыскиваніемъ оснований нарушений въ многотомныхъ толкованіяхъ на коранъ, то представляется и для простого наблюденія послѣдовательный вопросъ: почему же этотъ фиктивный кодексъ былъ стойкимъ охранителемъ правъ магометанского народа въ теченіе тысячи слишкомъ лѣтъ? Почему этотъ кодексъ представляется для массы осѣдлаго населенія Туркестанскаго края настолько соотвѣтствующимъ условіямъ ихъ жизни, что наблюдателю представляется повсюду одно правильное, стройное отправленіе правосудія казіями по дѣламъ гражданскимъ, тамъ въ особенности, гдѣ администрація не гнететь судъ своимъ вторгающимся контролемъ, своимъ бюрократизмомъ, своей теоріей вводить въ судебнѣй персоналъ элементы невѣжественные?

Если судъ шаригата дѣйствительно не удовлетворяетъ населеніе, то почему решения казіевъ и въ искахъ сложныхъ, значительныхъ, вызывающихъ несравненно меныше обжалованій въ съзы, чѣмъ решения местныхъ уѣздныхъ судей по дѣламъ

туземцевъ же, постановленныя на основаніи уставовъ 20 ноября и. толкованій правительствующаго сената?

Почему десятилѣтніе архивы всѣхъ судей Туркестанскаго края загромождены „дѣлами“ и „настольными реестрами“ только по искамъ, возникающимъ изъ правостолкновеній „разныхъ народностей“, преимущественно индійцевъ, евреевъ-ростовщиковъ съ туземцами, и вовсе не встрѣчается случаевъ разбирательства судьями дѣлъ, на основаніи § 233 проекта положенія, „при изъявленії тѣжущимися обоюднаго желанія обратиться къ русскому суду?“

Почему въ параллель опасенія той же пояснительной записки, что казіи останутся такими же упорными проводниками невѣжества, фанатизма, какими они всегда были какъ представители духовенства, противопоставляется, даже на страницѣ 156 записки и изъ фактовъ гораздо позднѣйшихъ, полная, индифферентная терпимость тѣми же казіями чуждой имъ самимъ, чуждой всему среднеазіятскому народу, организациіи въ Ташкентѣ „въ видѣ опыта“, въ 1865—1866 годахъ, коллегіального суда изъ казіевъ подъ предсѣдательствомъ русского чиновника, при переводчикѣ разумѣется,—противопоставляются факты десятилѣтнаго периода терпимости всѣми казіями нарушения шаригата, какъ уголовнаго кодекса, въ постановленныхъ ими же рѣшеніяхъ,—факты всѣгдашей преданности казіевъ изъ духовенства интересамъ русскихъ?

Потому,—следуетъ прямой отвѣтъ,—что слово „фанатизмъ“ было вѣкогда въ Туркестанѣ моднымъ словомъ, потому, что заключенія голосъ имѣющихъ наблюдателей, „образъ мыслей“ духовенства вообще и казіевъ въ частности, вышли вѣроятно изъ того же источника, какой послужилъ для заключеній о благодѣтельномъ для успѣховъ цивилизациіи значеніи ривоятовъ.

Что же такое однако ривоятъ?

Дабы покончить наконецъ съ этимъ юридическимъ терминомъ, уже нѣсколько уяснившимся для читателей изъ всего предыдущаго; ограничимся краткимъ поясненіемъ. Ривоятъ

есть письменная справка—указаніе судьямъ на законъ, соответствующій положенію тѣжебнаго дѣла, поступившаго на разсмотрѣніе суда.

Ривоятъ, признанный казіемъ правильнымъ, получаетъ юридическую силу, даетъ требуемое направленіе дѣлу, вовсе не нуждаясь въ санкционированіи его приложеніемъ печати казія; наоборотъ, справка, не соответствующая положенію рассматриваемаго судомъ дѣла, остается безъ всякаго на него влиянія и возвращается предъявителю ея.

Для составленія правильнаго ривоята, мuftiю требуется хотя поверхностное знаніе обстоятельствъ данного дѣла, требуется, главное, знаніе шаригата. Такіе мuftiи, при добросовѣстномъ отношеніи къ обязанностямъ защитника, пользуются громадной популярностью въ обществѣ, имѣютъ огромную юридическую практику съ годовымъ доходомъ въ 800 рублей maxima, получаютъ отъ своихъ клиентовъ, являющихся иногда за сотни верстъ, и больший гонораръ, и подарки вещами.

Руководительнымъ началомъ къ отличію правильныхъ ривоятовъ, къ постановленію законныхъ опредѣленій, служить основное правило, по которому казіи и мuftiи, по каждому возбуждающемуся дѣлу, должны подыскивать подходящіе законы сначала въ книгахъ матунъ (коренные законы), какъ-то: мухтасаръ-викоя, никоя, кудурп, ашба, канзуль-дабаскъ, тавибуль-абзаръ, ваери и другихъ.

Если въ этихъ основныхъ законахъ разъясняющихъ статей не отыщется, въ такомъ случаѣ обязательно обращаться за справками къ поясненіямъ (шархи) основныхъ законовъ, кои изложены въ книгахъ хидоя, тарикатъ, шархи-викоя, Джамуль-рамузъ, абдуль-алій, мулла алій-коры, шамуни, джалинъ гури-мири, фахридини-айни и другихъ. Если же и эти книги не дадутъ требуемыхъ разъясненій, въ такомъ случаѣ суды должны подыскивать справки въ другихъ, болѣе авторитетныхъ судебныхъ книгахъ, какъ-то: хуляса, имамъ-казыханъ, мухитъ, захира, хизанатуль-муфтінъ, мульта-котъ, кинія, боззазія, бурханн алямъ-гири, съ тѣмъ, чтобы

разъясняющіе тексты въ этихъ послѣднихъ судебныхъ устахъ были обозначены отмѣтками: „биги-юфна” — въ этомъ было сдѣлано постановлѣніе“, „вала-уль-ботво” — на ономъ постановлено“, „хуваль-сагихъ” — оно твердо, т.-е. правильно“, „хуваль-асхъ” — оно вполнѣ правильное“. Если однако на одинъ и тотъ же юридическій вопросъ въ книгахъ послѣдней категоріи встрѣтятся два различныя толкованія, то судъ обязательно отдаетъ предпочтеніе тому изъ нихъ, въ которомъ имѣется отмѣтка „биги-юфна“, и вообще предшествующій терминъ, въ порядкѣ выше постановленномъ, имѣеть юридическую силу преимущественно надъ послѣдующимъ.

Все высказанное на этихъ послѣднихъ страницахъ, во-первыхъ, далеко расходится съ заключеніями проекта положенія о значеніи ривоята; во-вторыхъ, отводить мусульманскому законоположенію и судопроизводству по шаригату то уваженіе, которое принадлежитъ ему по праву, какъ законодательству, охранявшему право многочисленнаго народа въ сколько вѣковъ, — какъ древнему законодательству, въ которомъ, наряду съ суровой жестокостью карательныхъ законовъ, наряду съ частными недостатками, сознаваемыми и мусульманскими юристами, встрѣчается и много прогрессивныхъ, много гуманныхъ началъ.

Теперь, для совершившаго и послѣдовательнаго выполненія программы этой статьи, чуждой, повторяемъ, вскихъ претензій на законченность изслѣдованія по всемъ вопросамъ судебнаго положенія, намъ остается цитировать уголовный кодексъ шаригата и сравнить его постановленія съ постановленіями законовъ Уложенія о наказаніяхъ. Въ предѣлахъ программы очерковъ постараемся выполнить это простымъ сопоставленіемъ двухъ законоположеній.

Въ шаригатѣ установлена слѣдующая лѣстница наказаній за преступленія (гунон-калянъ) и проступки (гунон-хурдъ): 1) смертная казнь (кетль) чрезъ повѣшеніе (салыпъ), чрезъ отрѣзаніе головы (кетль), чрезъ побѣженіе камнями или сбрасываніе съ значительной высоты (санкаръ); 2) кисоси-мадуни-

нафсъ — лишеніе какой-нибудь части тѣла; 3) ходъ — тѣлесное наказаніе въ 100 ударовъ плетей; 4) тахзиръ-аксами — наказаніе тѣлесное отъ 3 до 39 и до 75 ударовъ плетью; 5) хибса — арестъ до 6 мѣсяцевъ или на срокъ по усмотрѣнію властей, сообразно обстоятельствамъ дѣла; 6) кишондъ — арестъ съ наложеніемъ кандаловъ; 7) замѣчаніе, выговоръ (субайсъ); 8) тахзиръ-ашрафулъ-ашрафъ — приводъ въ камеру суда; 9) раджиси-дахти — арестъ на срокъ, до полнаго раскаянія преступника, и вѣчный арестъ.

Каждому преступленію и проступку соответствуетъ определенное наказаніе (джаза), причемъ шаригатъ не различаетъ главныхъ виновныхъ (зачинщиковъ), сообщниковъ, пособниковъ, укрывателей, попустителей (ст. 13—15 улож.), назначая имъ наказаніе не по мѣрѣ участія, а по мѣрѣ содѣяннаго всѣми въ совокупности.

1) За умышленное убийство (кушть) родного отца или дѣда, матери или бабушки, виновный приговаривается къ смертной казни (кетль) и лишается наследства отца (ст. 1449 улож. опредѣляетъ каторжныя работы безъ срока).

2) За умышленное убийство своего сына или внука, дочери или внучки, виновные отецъ или мать, дѣдъ или бабушка не подвергаются наказанію, а только платить 2000 руб. въ діатъ (цѣна крови, уплачиваемая родственникамъ или близкимъ людямъ убитаго) и лишаются наследства, оставленнаго пострадавшимъ. Кн. казы-ханъ, азамъ-гири, мухтасаръ-викоя. (По ст. 1451 улож. о наказ. соответствующее наказаніе — каторжныя работы безъ срока).

3) За умышленное убийство во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, кроме случая необходимости обороны, виновный наказывается смертною казнью. Кн. джамуаль-рамузъ (ст. 1452—1455 улож.) разграничаютъ наказанія отъ двадцатиѣтнаго каторжныхъ работъ до ссылки въ Сибирь).

4) За убийство неумышленное, нечаянное, виновный отвѣтаетъ только уплатою діата — вознагражденія за кровь. За мужчину діать назначается шаригатомъ въ 2000 р. или во

сто верблюдовъ; за женщину платить половину. Определение размѣра діата зависитъ отъ казиа, а срокъ платежа назначается три года. Кн. бахруль-мунафигъ, алямъ-гири, казы-ханъ (по ст. 1476 ул., убийство случайное не наказуемо).

5) Если кто-нибудь въ дракѣ изувѣчилъ своего противника, и потерпѣвшій лишился возможности работать, то обвиняемый долженъ, впредь до выздоровленія, кормить его и платить діатъ сообразно изувѣченной части тѣла, и во всякомъ случаѣ, кроме платежа вознагражденія, виновный подвергается наказанію—уничтоженіемъ соответствующей части тѣла (кисоси-мудони-нафсъ). Кн. джавагибуль-фотво, бахруль-мунафигъ, мухтаруль-фотво (ст. 1477—1496 улож. опредѣляютъ наказаніе отъ шестидесяти каторжныхъ работъ до тюремного заключенія, смотря по свойству увѣчья и обстоятельствамъ дѣла, причемъ изувѣченный получаетъ вознагражденіе и расходы лечения).

6) За изнасилованіе, хотя бы *растѣніемъ* (зинокортъ), хотя бы несовершеннолѣтней и притомъ совершило посторонней для обвиняемаго женщины или девицы, не жены и не невѣсты, виновный подвергается наказанію—сто ударовъ плетью (дорга). Но если изнасилованіе будетъ совершено надъ невѣстою, то виновный не подвергается тѣлесному наказанію, а только платить *махръ*—обеспечение девицы. Кн. бахруль-мунафигъ, амруль-халамъ, химодія (ст. 1523—1526 улож. соответственно опредѣляютъ наказаніе за растѣніе и изнасилованіе—каторжная работы до двадцати лѣтъ).

7) Обвиняемый въ *сводничествѣ* (даюсь) жены своей, дочери, родственницы, за плату, подвергается наказанію въ 79 ударовъ плетью и арестовывается на время, пока не раскается. За повтореніе наявности къ сводничеству и послѣ тѣлесного наказанія, виновный приговаривается къ смертной казни или къ высылкѣ въ другія мѣста, если сводничество вынуждено крайностью—недостаткомъ материальныхъ средствъ къ жизни. Кн. даруль-мухтаръ, джамуль-рамузъ, бахруль-мунафигъ

(ст. 999—100 улож. назначаютъ наказаніемъ— ссылку въ Сибирь или отдачу въ арестантскія роты).

8) За *насильственный увоз* чужой жены или невѣсты, виновный наказывается арестомъ на время, пока не выдастъ увезенной. Кн. бахруль-мунафигъ и казы-ханъ (ст. 1530 уложения) наказываетъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ до двухъ лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ).

9) Совершенно лѣтняго мусульманина, замѣченаго въ *прелюбодѣяніи* съ чужой женою или вообще съ женщиной, добровольно раздѣляющею такую связь, слѣдуетъ обвинять присяжными показаніями о самомъ фактѣ такихъ четырехъ свидѣтелей, которыхъ добросовѣстность подтверждалась дознаніемъ (таскія). Затѣмъ обвиняемыхъ выводятъ на площадь и побиваютъ каменьями (санкаръ), которые бросаютъ каждый изъ присутствующихъ при казнѣ. Такому же наказанію подвергаются и виновные, сознавшіеся въ четырехъ мѣстахъ въ совершеніи преступленія прелюбодѣянія. Если же оба совершившіе прелюбодѣяніе окажутся безбрачными, то, при тѣхъ же доказательствахъ 4-мя свидѣтелями, наказываются 100 ударами плетей. Кн. худъ, мухтасаръ-викоя (ст. 1584—1885 улож. опредѣляютъ наказаніемъ тюремное заключеніе до восьми мѣсяцевъ).

10) За *противогественное совокупленіе* (живота) съ женщиной или же съ мальчикомъ, доказанное двумя свидѣтелями, виновный подвергается аресту на срокъ пока не раскается. Если же обвиняемый втянулся въ этотъ развратъ и остался неисправимъ и послѣ двухкратнаго наказанія, то онъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни, для примера прочимъ. Кн. худъ, даруль-мухтаръ (ст. 995—996 улож. назначаютъ наказаніе— ссылку въ Сибирь или каторжн. раб. до 12 лѣтъ, если преступленіе сопровождалось насилиемъ или же совершено надъ малолѣтнимъ).

11) За *созершеніе скотоложства* (ваты-багпма) виновный подвергается наказанію до 39 ударовъ или аресту до одного мѣсяца, по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ (хакима), а

животное убивается. Кн. хуляса, бахруль-монафигъ и канія (ст. 997 улож. опредѣляетъ наказаніемъ — ссылку въ отдаленныя мѣста Сибири).

12) За присвоеніе и растрату чужаго имущества и за самовольное срываніе чужихъ плодовъ виновный вознаграждается потерпѣвшаго и подвергается толькоувѣщанію. Кн. бахруль-монафигъ, алямъ-гири (ст. 177 устав. о наказ., налаг. мир. судьями, опредѣляетъ за присвоеніе и растрату до 300 руб. заключеніе въ тюрьмѣ до одного года, а по ст. 1681 улож. высшая мѣра наказанія — ссылка въ Сибирь; за срываніе плодовъ денежное взысканіе до 10 руб. (ст. 145).

13) За кражу (дѣлъ) простую или же осложненную взломомъ, подкопомъ и проч., на сумму болѣе двухъ рублей, виновный подвергается: въ первый разъ отрѣзанію правой руки по кисть (катчи-ядъ) съ прижиганіемъ; во второй разъ — отрѣзанію лѣвой ноги (катчи-раджъ) по щиколку съ прижиганіемъ; въ третій разъ — тѣлесному наказанію до 100 ударовъ или аресту отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного года. Такимъ же наказаніемъ подвергаются всѣ безъ различія соучастники кражи, если, послѣ дѣлѣжа украденнааго, каждому досталось добычи на сумму болѣе двухъ рублей.

Шаригать предоставляетъ также правителю страны наказывать неисправимыхъ воровъ, изобличенныхъ въ третьей кражѣ, смертной казнью. Кн. мухтасаръ-викоя, джамуль-рамузъ, бахруль-монафигъ, худъ (ст. 170 уст. мир. суд. увеличиваетъ наказаніе за кражи до одного года, смотря по обстоятельствамъ дѣла, а по ст. 1644—1664 улож. высш. мѣра наказ. за кражи — квалифицированная ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири).

14) За покушеніе на грабежъ, не удавшееся по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, виновные наказываются тѣлесно до 100 ударовъ и, кроме того, арестомъ, на срокъ, пока не раскается. Кн. джамуль-рамузъ.

15) За разбой, или грабежъ (толафъ) въ полѣ или въ домѣ, удаившійся вполнѣ, съ дѣлежемъ ограбленнааго, давшимъ

каждому добычу на сумму болѣе двухъ рублей, виновные подвергаются отрѣзанію до кисти правой руки и лѣвой ноги до щиколки. За повтореніе грабежа, разбоя, или же за убийство во время грабежа, хотя бы и неосуществившагося, виновные могутъ быть приговорены къ смертной казни. Кн. хидоя, сираджія, мхиты-бурхани (ст. 1627 — 1643 улож. опредѣляютъ за разбой высшее наказ. каторж. раб. безъ срока; за грабежъ высш. наказ. катор. раб. до 12 лѣть).

16) Человѣка, не навлекшаго на себя обвиненія, но стыущаго въ народѣ за вора или соучастника безнравственныхъ дѣлъ и преступлений вообще, шаригать, называя мутахамъ, т.-е. завѣдомо преступникомъ, предоставляетъ властямъ изять изъ общества — арестованіемъ, хотя бы пожизненнымъ, безъ всякихъ судебнаго преслѣдованія. Кн. худъ, бархуль-монафигъ.

17) За поджогъ (харкъ) умышленный и за истребленіе чужаго скота и имущества виновный отвѣчаетъ только уплатою вознагражденія потерпѣвшему. Кн. алямъ-гири (ст. 1606 — 1615 улож. о наказ., за поджогъ назначаютъ высш. мѣр. наказ. каторжная работа до 12 лѣть).

18) За подлогъ (тольбизъ) въ документахъ, за поддѣлку монетъ и за мошенничество вообще, виновные подвергаются тѣлесному наказанію отъ 3-хъ до 39 ударовъ плетей, или же аресту до двухъ мѣсяцевъ. Книги алямъ-гири, джамуль-рамузъ (по улож. о наказ. высшая мѣра наказ. ссылка въ Сибирь).

19) За лжесвидѣтельство и ложную присягу (косами-тымусъ), виновный приводится къ раскаянію увѣщеваніемъ объ ожидающемъ его наказаніи въ вѣчномъ мірѣ. Кн. джамуль-рамузъ-захира (ст. 236 — 240 улож. опредѣляютъ высшую мѣру наказанія за лжеприсягу — катор. раб. до 10 лѣть, смотря по обстоятельствамъ дѣла).

20) За неисполненіе законныхъ требованій властей виновный наказывается по усмотрѣнію власти (рои-хакимъ). Кн. бахруль-монафигъ (ст. 29 уст. мир. суд. опредѣляетъ наказ. денежное взысканіе не свыше 15 руб.).

21) На основании шаригата, начальствующая лица обязаны проверять ежемесячно правильность въсовъ и вообще торговыхъ мѣръ, а въ случаѣ замѣченного отступленія отъ таковыхъ или же обманной фабрикаціи и недоброкачественности продуктовъ, употребляемыхъ въ пищу, наказывать виновныхъ арестомъ до одного мѣсяца или наказаніемъ тѣлеснымъ отъ 3-хъ до 39 ударовъ плетей, требуя исправленія злоупотребленій и вознагражденія обманутыхъ. Кн. бахруль-монафигъ (ст. 173—175 уст. мир. суд. назначаютъ вышею мѣрою наказанія—тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ для дѣлъ не выше 300 руб.).

22) За оскорблевіе кого-либо дѣйствиемъ или же ругательствомъ и вообще на словахъ, виновный, при доказанности проступка сознаніемъ или же двумя свидѣтелями, наказывается арестомъ до одного мѣсяца или же тѣлесно до 39 ударовъ. Но никто не преслѣдуется за оскорблевіе дѣйствиемъ или словомъ человѣка, застигнутаго при нанесеніи обиды дѣйствиемъ другому. Кн. джамуль-рамузъ и алямъ-гири (ст. 130—138 уст. мир. суд. назначаютъ вышею мѣрою наказанія—арестъ не выше 3-хъ мѣсяцевъ).

Необходимо замѣтить здѣсь, что преступлеія и проступки вовсе не вмѣняются шаригатомъ въ вину несовершеннолѣтнимъ, т.-е. не достигшимъ 12 лѣтъ для муж. и 9 лѣтъ для женщ. Карательную власть надъ ними мусульманское законоположеніе оставляетъ родителямъ, слагая съ нихъ однако обязанность удовлетворенія потерпѣвшихъ вознагражденіемъ за ущербъ, нанесенный какимъ бы то ни было преступленіемъ, хотя бы убийствомъ.

Такое вознагражденіе взыскивается изъ собственности обвиненныхъ, при полученіи ими таковой по достижениіи совершенолѣтія. Кн. алямъ-гири, нисабуль и ихникабъ (ст. 10 уст. мир. суд. не вмѣняетъ проступка въ наказ. малолѣтнимъ до 10 лѣтъ, а несовершеннолѣтнимъ до 17 лѣтъ наказаніе назначается въ половинномъ размѣрѣ. Ст. 136—146 улож. также смягчаютъ наказаніе несовершеннолѣтнимъ за преступлевія).

При опредѣленіи наказаній за проступки, согласно шаригата (кн. казы-хавъ и алямъ-гири), казій сообразуется съ общественнымъ положеніемъ обвиняемаго, принимая за основаніе тотъ мотивъ, что людямъ развитымъ, людямъ высшаго общественного положенія, одно сознаніе о совершенномъ ими проступкѣ и въ особенности приводъ въ камеру суда составляютъ уже чувствительное наказаніе, равнозначущее съ тѣми карательными взысканіями, которыя налагаются, по установленной шаригатомъ градациіи, на простой классъ. Казію однако предоставляетъ отличать, при опредѣленіи наказаній, и въ высшемъ классѣ—людей совѣсти отъ безнравственныхъ людей. Кн. бахруль-монафигъ и шариханъ (ст. 14 уст. мир. суд. признаетъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину между прочимъ, известную степень образованности и болѣе или менѣе высокое общественное положеніе).

Приближаясь къ окончанию нашего труда, не упустимъ сказать нѣсколько словъ о порядке дѣйствія по шаригату судопроизводства охранительнаго. Порядокъ этотъ, отличаясь простотою, ясностью, имѣеть довольно близкое сходство съ правилами охранительнаго судопроизводства по уставу 1864 года.

Дѣйствія казія по охраненію имущества, оставшаго послѣ смерти проживавшаго въ его участкѣ собственника, открываются или по приглашенію одного изъ наследниковъ, при сомнѣніи о безспорномъ исходѣ дѣлежа, или же по непосредственному усмотрѣнію чрезъ дошедшій слухъ объ оставшихся несовершеннолѣтнихъ наследникахъ. Въ первомъ случаѣ, дѣйствія ограничиваются сперва приведеніемъ въ извѣстность, чрезъ одного изъ муфтіевъ, съ участіемъ не менѣе двухъ добросовѣстныхъ незainteresованныхъ (халысъ) свидѣтелей, всего имущества наследственнаго (миросы), а затѣмъ въ дѣлежѣ этого имущества на точномъ основаніи правилъ шаригата о наследствѣ, изложенныхъ въ книгахъ: джамуль-рамузъ, алямъ-гири, мавляви-фохридинъ, фараизъ, даруль-мухтаръ.

При этомъ отсутствующимъ, гдѣ бы они ни были, вызовъ не дѣлается, а по выдѣленіи ихъ долей наследственныхъ при досугѣ въ туркестанѣ.

общемъ дѣлежѣ, какъ движимое (макулать), такъ и недвижимое (акоро) передается казiemъ одному изъ односельцевъ, который и вступаетъ во владѣніе, какъ лицо довѣренное, со всѣми однако обязанностями опекуна. При неявкѣ наследниковъ къ имуществу въ теченіе одного года для мѣстностей очень отдаленныхъ, оно дѣлается вымороочнымъ (бойтульмаль) и, по опредѣленію казія, поступаетъ въ казну.

Во второмъ случаѣ, при оставшихся малолѣтнихъ наследникахъ, по приведеніи въ извѣстность тѣмъ же порядкомъ всего имущества, совершаются безъ промедленій полный раздѣлъ, съ передачею взрослымъ ихъ наследственныхъ долей, а къ имуществу несовершеннолѣтнихъ (саби) назначается, по выбору казія, чрезъ совѣщеніе съ достовѣрными людьми, опекунъ (vasи) изъ людей разсудительныхъ, добросовѣстныхъ и бережливыхъ. Назначенный опекунъ, принявъ по описи все имущество и капиталы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣтей круглыхъ сиротъ (сагыръ), обязанъ, подъ страхомъ отвѣтственности, заботиться неупустительно о сохранности имущества и объ увеличеніи прибылей, въ чемъ онъ соображается чрезъ совѣщеніе съ аминемъ, назначаемымъ казiemъ изъ лучшихъ людей для наблюденія за дѣйствіями опекуна.

Общее охранительное наблюденіе за имуществомъ несовершеннолѣтнихъ или безумныхъ (мажнунъ), или безвѣстно-отсутствующихъ (мафкуть), принадлежитъ виолиѣ и обязательно участковому казію, который следить за дѣйствіями опекуна, выслушиваетъ и проверяетъ отчетъ его чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ, вписывая въ свою книгу постыднія свѣдѣнія о прибыляхъ и убыткахъ и устранивая опекуну при малѣйшемъ нарушеніи имъ своей обязанности.

По мѣрѣ достижения совершеннолѣтія каждымъ изъ наследниковъ, имъ выдѣляются полностью ихъ доли съ прибылями, за вычетомъ соотвѣтственной части затратъ, отчисленной на уплату долговъ и погребеніе оставившаго наследство.

Ни опекунъ, ни аминъ, хотя бы принудительно назначенные, къ чemu уполномочивается казій правилами шаригата,

не пользуются определеннымъ вознагражденіемъ, но могутъ получить его съ наследниковъ, при согласіи ихъ на это.

Въ практикѣ такъ и бываетъ, что опекунъ получаетъ отъ вступившихъ въ права наследниковъ добровольное вознагражденіе по размѣрамъ наследственной доли, бывшей подъ опекою, и по размѣрамъ прибылей, принесенныхъ опекуномъ. Исковыя претензіи если и возникаютъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, то оканчиваются полюбовно, при содѣствіи родственниковъ вступившаго въ права наследника, а иногда и чрезъ примиряющее вліяніе казія.

Этимъ мы закончимъ наши замѣтки о народномъ судѣ у осѣдлыхъ туземцевъ, и не уклонимся передать здѣсь отовсюду раздающееся желаніе, чтобы этотъ судъ, съ полными задатками суда скораго и праваго,— суда вполнѣ удовлетворяющаго туземцевъ,— получилъ правильную и положительную организацію.

## ЦИСТЕРНЫ ВЪ КАРШИНСКОЙ СТЕПИ<sup>1)</sup>.

Междурѣчье Мовера-унъ-негръ, какъ называли его въ древности, тянущееся на пространствѣ пятисотъ верстъ отъ лѣваго берега Сырь-дары до праваго берега Аму-дары, пересѣкается хребтомъ горъ Туркестанскаго края, который и опредѣляетъ географическое очертаніе этихъ двѣхъ обширныхъ долинъ Средней Азіи.

Мы скажемъ въ этой замѣткѣ о голодныхъ степяхъ этихъ долинъ, Джизакской и Каршинской столько, сколько они заслуживаютъ, привлекая вниманіе путника своей безлюдностью, необработанностью и вообще тѣми рѣдкими качествами, которыя упрочили теперь за ними название „голодныхъ“ степей, хотя до посѣщенія Джизакской степи русскими, она этого названія не носила, а называлась туземцами просто Джизакъ-чуль, какъ вторая степь называется и теперь Карши-чуль. Очевидно, туземцы никогда не поражались тѣми типичными свойствами этихъ степей, которые бросились вниманію первыхъ западныхъ гостей, какъ не поражаются и теперь кочевники безпредѣльными азіатскими равнинами, выѣщающими ихъ огромныя стада скота и отчасти аулы. Все зависѣло только отъ правильнаго, своевременнаго пользованія номадами благами этихъ степей. Ранней весной и зимой обѣ названныя степи-чуль положительно благодѣтельствуютъ кочевнику обиліемъ подножнаго корма для всевозможнаго скота; лѣто выгоняетъ ихъ

въ горы и горѣ тому, кто не поторопится отогнать свой скотъ съ этихъ степей до мая мѣсяца; тутъ-то запоздавшій и постигнетъ, что такое голодная степь, въ особенности въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ вѣтъ колодцевъ.

Разумѣется, такихъ чудаковъ-скотоводовъ не бываетъ, зато и не зачѣмъ было имъ давать своей привольной степи устрашающее название голодной степи.

Всякій скажетъ, что такъ-называемая голодная Джизакская степь не представляетъ и теперь ничего ужаснаго и не оправдываетъ такимъ образомъ своего названія уже потому, что по этой самой голодной степи неизмѣнно дѣйствуетъ почтовый и караванный трактъ и сотни тысячъ ежегодныхъ путниковъ отдаютъ единичныя свои жертвы разбойникамъ, но никакъ не физическимъ свойствамъ этой степи.

Совершенно то же самое мы можемъ засвидѣтельствовать и о Каршинской степи, имѣющей такое же протяженіе между окраинами культурной полосы бухарскихъ владѣній, какое имѣеть Джизакская чуль отъ озеръ Малекъ до Учъ-тюпе, въ десяти верстахъ отъ Джизака. Равнина каршинская носить степной характеръ своей невоздѣланностью и пригодностью только для скотоводства отъ селенія Касанъ, въ двадцати-двухъ верстахъ на юго-западъ отъ города Карши до Кунджакъ-куля, въ шестнадцати верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Бухары, оттуда тянется сплошная, положительно образцовая, земледѣльческая культура. На этомъ сто-сорока верстномъ пространствѣ большого караванного тракта существуетъ всего одинъ жалкій кишлачекъ Хожа-мубаракъ, въ 80 дворовъ, имѣющихъ землепашество въ двадцати верстахъ на востокъ отъ селенія, и, конечно, не земля кормилецъ этой степной голи, а кое-какая торговля всякой мелочью, спрашиваемой каждымъ путникомъ. Оттого вся жалкія постройки въ Хожа-мубаракѣ представляютъ собою маленькіе забѣжные дворы, гдѣ каждый найдетъ себѣ кое-какой пріютъ безъ особой постной платы, по ужъ зато съ обязательствомъ покупать необходимое для себя и лошадей непремѣнно у хозяина пріюта.

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1881 г.

Нечего и говорить, что благодаря самой первобытной простотѣ этихъ двородержателей, незнакомыхъ съ монополіей, со стачками, эксплуатациіи путника не можетъ быть здѣсь никакой и каждый можетъ только удивляться: изъ-за чего хлопочетъ со-держатель заѣзжаго сарая, получая за все тою же платою, какою разсчитываются путники и въ населенныхъ, полныхъ достатка мѣстахъ? Такъ, можемъ отмѣтить, что въ августѣ мѣсяцѣ въ Хожа-мубаракѣ продавали клеверъ по пяти руб-лямъ за сотню сноповъ, ячмень по 40 копѣекъ за пудъ, мясо 4 руб. за пудъ, и цѣны на эти предметы, по общему увѣре-нію, всегда согласуются съ цѣнами, существующими въ Касанѣ, хотя большой поселокъ этотъ расположень въ тридцати вер-стахъ отъ Хожа-мубарака и этотъ участокъ тракта имѣеть трехверстную залежь довольно затруднительныхъ для колесной Ѣзыды песковъ.

Собственно говоря, на этотъ разъ Каршинская степь, а съ нею и голодная Джизакская степь, вызвала наше вниманіе и коротенькое поясненіе вовсе не своей угрюмостью и без-пріютностью, о которыхъ нечего конечно и сокрушаться, тѣмъ болѣе, когда наши ирригаторы обѣщаютъ превратить ихъ въ сады, а внимание это, признаемся, сталкивается съ практи-ческимъ вопросомъ, почему цистерны (сарабы) Джизакской степи превратились почти въ клоаки, тогда какъ нѣсколько такихъ же точно цистернъ въ Каршинской степи хорошо дѣй-ствуютъ и теперь.

Дѣйствительно достойно вниманія, съ одной стороны, обѣ-щаніе ирригаторовъ дать степи орошеніе, съ другой—лишеніе этой же степи того, что она раньше имѣла, безъ чго она дѣйствительно страдаетъ, потому что путникамъ или прихо-дится везти воду изъ Сыръ-дары и Джизака, или же вода достается въ гомеопатическихъ дозахъ изъ мурза-рабатскаго и агачинскаго колодевъ, отъ которой заболѣваетъ скотъ, не только люди. Наоборотъ, намъ вовсе не приходилось замѣтить, чтобы путники везли съ собою воду чрезъ Каршинскую степь, изъ Бухары или Касана, не приходилось слышать, чтобы

умирали жаждою или отравленіемъ колодезной водою, имѣю-щуюся только въ Хожа-мубаракѣ, на глубинѣ двадцати-пяти аршинъ.

Теперь Каршинская степь, не имѣя воды арычнаго оро-шенія, въ отношеніи водоснабженія путниковъ находится въ условіяхъ несравненно лучшихъ, чѣмъ Джизакская степь.

Какъ извѣстно, обѣ эти одиохарактерныя степи, съ самыхъ отдаленныхъ временъ не только проходились полчищами раз-ныхъ азіатскихъ завоевателей, но и служили также кратчай-шимъ путемъ для торговли Бухары съ Кокандомъ и Таш-кентомъ.

Однако, потребность въ улучшениіи этого важнаго пути водоснабженіемъ была сознана и осуществлена впервые только въ 1578 году, въ ханствованіе Абдулла-хана, сына Искан-деръ-хана. Какъ замѣчательный воинъ и администраторъ, этотъ эмиръ, удерживая бухарскія владѣнія въ границахъ отъ Меш-хеда до Ташкента, считалъ разныя улучшения въ своемъ хан-ствѣ такимъ же важнымъ дѣломъ, какъ и успешныя побѣды. Въ сорокатрехлѣтнее свое царствованіе Абдулла-ханъ успѣль дать много удачныхъ сраженій, но и построилъ болѣе тысячи разныхъ общественныхъ зданій.

Эти-то цистерны и при нихъ караванъ-сараи, которые останавливаются и теперь внимание каждого въ Джизакской и Каршинской степяхъ, построены заботами вышеназванаго Абдулла-хана.

Мы не станемъ доказывать причинъ, почему заброшены цистерны Туркестанской степи, какъ не станемъ доказывать, какимъ образомъ ихъ легко можно было бы реставрировать, но передаемъ здѣсь нелѣпнія свѣдѣнія о сохранившихся еще цистернахъ (сарабахъ) Каршинской степи. Въ упрекъ бухарской апатичности мы также можемъ сказать, что славное дѣло рукъ Абдулла-хана мало встրѣчаетъ вниманія, заботливости въ со-временномъ правительствѣ и обществѣ. Это наглядно доказы-вается тѣмъ, что изъ шести цистернъ въ настоящее время вполнѣ дѣйствуютъ только двѣ, какъ самыя необходимыя: Ке-

кирз, въ 24-хъ верстахъ оть Хожа-мубаракъ<sup>1)</sup>, и Каравулг, въ 20-ти верстахъ оть Кекира, по дорогѣ въ Бухару; остальная промежуточная цистерны: между этими двумя Кошъ-сардаба, Бузачи, Ашукъ, Уста-ачикъ, хотя заброшены отъ недосмотра, но легко могутъ быть реставрированы, потому что рука разрушения разныхъ строителей станцій не добралась еще до нихъ.

Бухарцы утверждаютъ, что теперь, съ возникновенiemъ степного селенія Хожа-мубаракъ, нѣть надобности въ промежуточныхъ цистернахъ, а потому они, оставаясь безъ всякаго присмотра, время отъ времени запосятся, какъ и замѣтно, пескомъ и щебнемъ; но стоитъ только расчистить люки цистерны весною—и всѣ они наполняются водою дождевыхъ стоковъ.

Какъ дѣйствующія, такъ и заброшенныя цистерны Каршинской степи той же архитектуры, какъ и цистерны Джизакской степи. Даже размѣры сводовъ и водопріемниковъ соблюдаены тѣ же, да и характеръ кладки изъ жженаго, сартовской формы кирпича, безъ желѣзныхъ скрѣплений, одинаковъ. Приблизительно радиусъ каждой такой цистерны имѣеть 12 арш., а глубина до 16 арш. при каменной лѣстницѣ въ 25 ступеней. Два люка, диаметромъ въ полъ-аршина, обращены въ каждой цистернѣ въ направленіи наибольшей горизонтальной покатости, вливающей весенніе стоки (силь) въ сардабу въ такомъ количествѣ, что весь водопріемникъ наполняется въ теченіе семи часовъ времени. Задача строителей состояла именно въ томъ, чтобы обратить люки цистернъ къ сторонѣ наибольшаго паденія, которое мѣстами пришлось сдѣлать искусственно и съ проведеніемъ къ люкамъ стоконаправляющихъ каналъ. Затѣмъ

<sup>1)</sup> Сардаба Кекирг построена не при Абдулла-ханѣ, въ 16-мъ столѣтіи, а при отцѣ вышняго эмира Насрѣ-Узла-ханѣ. Это легко заметить по совершенно свѣжему виду сардабы, сохранившей даже свою штукатурку. Лѣстница ея также не избита и не сложена, тогда какъ во всѣхъ цистернахъ Абдулла-хана, дѣйствующихъ и новыхъ, пристройка надъ входомъ въ цистерну уже обрушилась, а лѣстница представляетъ собою одну щебневую покатость, безъ ступеней. Таковы сардабы: въ Карши въ Бурдалыкѣ (напр., Чуль-гумбезъ) изъ Бухары и Чарджуй, за аму-даринскія сардабы, и т. д.

обязанность наслѣдниковъ всѣми чимаго Абдулла-хана состоить въ наблюденіи, чтобы въ цистерну не гоили животныхъ, чтобы хотя лѣстница поддерживалась бы въ порядкѣ, чтобы люки и водонаправляющія канавы расчищались каждогода. Достаточно и такого незначительного досмотра для сохраненія еще на сотню лѣтъ этихъ грандіозныхъ сооруженій, исполненныхъ простыми мастерами безъ всякихъ проектовъ и сметъ.

Сказавъ, что въ Каршинской степи дѣйствуютъ теперь только двѣ цистерны, пояснимъ въ заключеніе, что они удерживаютъ воду круглый годъ, при огромномъ потребленіи войсками бухарскими (до 10 тысячъ), проходящими два раза ежегодно, и массою проходящихъ этимъ трактомъ каравановъ и разнаго скота, отправляемаго въ Бухару.

## ЗАМѢТКИ ОБЪ ИРРИГАЦИИ ВЪ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ<sup>1)</sup>.

Сколько известно, въ первые же годы послѣ присоединенія къ Туркестанскому краю части Зеравшанской долины, мѣстную администрацію не переставалъ занимать вопросъ о положеніи въ округѣ ирригациі. Условія пользованія водою изъ главной оросительной артеріи Зеравшана, какъ подъдомственного намъ населенія, такъ и сосѣдней дружественной Бухары, настолько оказались сложными, что представилось нужнымъ учредить особую ирригационную администрацію съ определеннымъ штатомъ и правами.

Въ первые же годы привялись за изученіе сначала исторіи Зеравшанской ирригациі, а потомъ и свойствъ ея. Были составлены, какъ сказываютъ, ирригационныя карты, были опредѣлены, кажется приблизительно конечно, площади пахоты, орошающей каждымъ изъ большихъ арыковъ; пытались даже давать временяя свѣдѣнія о количествѣ воды, приносимой Зеравшаномъ въ разные периоды года, издавались циркулярныя увѣдомленія о томъ, что, по показаніямъ водомѣрительныхъ знаковъ „въ такомъ-то мѣсяцѣ“, Зеравшанъ несетъ 39 кубическихъ сажень въ секунду и слѣдовательно воды должно быть достаточно вполнѣ на все посѣвы.

Въ тотъ памятный годъ ирригационныхъ бюллетеней, благодаря значительному выпаденію зимою снѣга и продолжительной работѣ въ горахъ гармѣ-силля. (теплый вѣтеръ) въ срединѣ лѣта, действительно воды было достаточно въ Зеравшанѣ на-

столько, что недостатка не ощущалось даже въ низовыхъ бухарскихъ тюменяхъ. Половодье обозначилось тогда рельефно положеніемъ воды относительно береговъ и такихъ естественныхъ ничего не стоящихъ водомѣрителей, какъ большие, побережные камни, которыми и пользуются туземцы для своихъ наблюдений, столь важныхъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ.

Помнится, что въ тотъ счастливый по урожайности годъ, какъ всегда, еще весною туземцы предсказывали многоводье Зеравшана изъ наблюдений разспросами горцевъ о характерѣ зимы въ горахъ.

Конечно, никто не могъ отгадать въ тотъ разъ сколько именно несетъ воды Зеравшанъ въ секунду, но всякий убѣжался отчетливо, простымъ глазомъ, что воды вдоволь и усилившіяся съ весною запашки рису (шалы) засухи не потерпять.

Такими наблюденіями изъ года въ годъ, отъ периода до периода лѣта, заняты всѣ землепашцы, безъ малѣйшаго утружденія себя поѣздками къ водомѣрителямъ, вычисленіями по формуламъ. И конечно, кому же какъ не пахарю лучше знать— больше ли или менѣе несетъ воды Зеравшанъ въ данное лѣто. Онъ знаетъ это по признакамъ зимы и весны, по признакамъ береговымъ, по степени тѣхъ усилий, какія приходится прилагать ему каждое лѣто на поддержаніе начальныхъ плотинъ (банда) въ каждомъ изъ главныхъ арыковъ. Объ этихъ каждогодныхъ усиленіяхъ населенія на поддержаніе ирригациі въ данной мѣстности мы имѣемъ пока вообще очень мало свѣдѣній, такъ какъ прямыхъ, непосредственныхъ наблюдений не производилось, а туземцы, изстари привыкшіе ни во что не ставить напряженіе для такого дѣла своихъ спинъ и мышцъ, подавно не въ состояніи выяснить: во что обходится каждовесеннее заложеніе плотины въ верховьяхъ большихъ арыковъ.

Приблизительно каждый скажетъ, что арыки Тюе-тартаръ, Мирза-арыкъ, Полванъ, вытекающіе изъ праваго берега Зеравшана, не требуютъ никакихъ почти усилий на поддержаніе постоянного уровня въ нихъ воды, тогда какъ арыки лѣваго берега (Саразмъ, Яны-казанъ, Аазъ-абатъ), сопровождающіяся

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1887 г.

мѣстами порогами (*нишибз*), ставить въ крайнее затрудненіе земледѣльческое населеніе и поддержаніе начальныхъ плотинъ ихъ.

При отсутствіи точныхъ выводовъ стоимости плотинъ на всѣхъ арыкахъ лѣваго берега, мы можемъ привести здѣсь только совершенно вѣрныя цифры каждого изъ нихъ издержекъ жителей нагорного района на содержаніе плотинъ большихъ арыковъ Яны и Казанъ, берущихъ начало изъ Зеравшана почти на меридианѣ города Ургута.

Оказывается, что орошеніе 5400 десятина земли, дающей валовой доходности 128200 рублей въ годъ, обходится населенію около 12000 р. ежегодно.

Огромная эта цифра, составляющая 10% доходности орошаемой земли, получается выводомъ изъ такихъ крайне умѣренныхъ и отвѣчающихъ дѣйствительности разсчетовъ: для удержанія начальной плотины системы Яны-казань-арыка и для расчищенія русла его, волость высылаетъ въ теченіи весны и лѣта 460 рабочихъ, 10 разъ, на 12 дней, что составить въ сложности 55900 поденныхъ рабочихъ, или считая по 20 коп. въ день за работника 11040 рублей.

Прибавляя къ этой цифре, кажущейся незамѣтною при отбываніи этой обязанности натураю, 1000 рублей на наемъ лошадей для подвозки за 20 — 10 верстъ хвороста (*шокъ*), рисовой соломы, жердей — получимъ стоимость работъ этихъ въ 12040 рублей.

Цифра каждогодной затраты этой весьма внушительна въ сопоставленіи ея въ особенности съ незначительной земельной доходностью отъ крайне низкихъ цѣнъ на хлѣбъ и табакъ, съ громадными лишеніями рабочихъ туземцевъ въ периодъ работы весною, когда приходится работать нѣсколько часовъ дnia по грудь въ водѣ.

Необходимость однако поддерживать регулярно эту, какъ называемую ирригацию, прокармливающую слишкомъ 60 селеній, пріучила жителей этой юго-восточной части долины Зеравшана переносить безъ расчета стоимости и такой гигантскій трудъ,

также точно, какъ переносить здѣшній туземецъ нелегкій трудъ земледѣльца.

Естественно однако ожидать, что тѣ же свычные къ труду туземцы всегда окажутся отзывчивыми ко всѣмъ мѣрамъ улучшенія ирригации путемъ устройства на главныхъ арыкахъ совершившихъ плотинъ такого типа, какой соответствуетъ мѣстнымъ условіямъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что настолько же встрѣтилось бы и въ бухарцахъ материальной отзывчивости къ рациональному устройству плотинъ на Акъ и Кара-дарьѣ, противъ Самарканда, стоящихъ говорятъ Бухарѣ до 40000 рублей каждогодно.

Все это такъ, но пока бухарцы будутъ возлагать въ дѣлѣ ирригации всѣ надежды лишь на Аллаха, имъ не мало придется отчислять такихъ каждогодныхъ взносовъ на алтарь терпѣнія, ивертисти, неумѣнья; не мало послано будетъ еще челобитныхъ съ повременными воплями о томъ, что воды нѣтъ даже въ прудахъ, для питья.

„Бѣда — по заслугамъ“, сказали однажды бухарцамъ.

Что дѣлать? Таковъ удѣлъ всѣхъ обществъ, погруженныхъ въ апатію, всѣхъ предпріятій, сопровождающихся одной лишь трескотней фразъ, да бумагонистребленіемъ на отписы и отчеты.

Пока въ такомъ дѣлѣ, какъ ирригация, надъ практическостью, надъ строгимъ знаніемъ техники и проч. будутъ преобладать эти одолѣвающія особенности дѣятельности, до тѣхъ поръ участъ всей долины Зеравшана останется въ зависимости отъ капризовъ стихій, отъ степени каждогоднаго напряженія труда обрабатывающимъ населеніемъ. Можно ждать такимъ образомъ, что съ понижениемъ, напримѣръ, русла какого-нибудь арыка Аязъ-абатъ (называемый Даргамъ), проходящаго весьма рыхлыхъ породы, сотни селеній этой части лѣваго побережья горы-милизы золотоноски, должны устремиться къ скотовъдству, и прекрасно культивированная теперь огромная полоса земли, помѣщающая тюмены Ангаръ и Шавдаръ, обратится въ такую

же пустыню, какъ и степь (дашъ) Джамъ, отжившая свой производительный вѣкъ единственно отъ истощенія ирригациі.

Надо радоваться еще предпріимчивости нѣкоторыхъ туземцевъ въ сооруженіи арыковъ вновь, въ реставрированіи заброшеныхъ каналовъ, хотя тѣми небогатыми средствами простаго навыка, какимъ владѣютъ эти, по истинѣ богатыри ирригаторы, успѣвающіе въ трудной работе этой безъ всякихъ теорій.

Можно ли въ самомъ дѣлѣ не отнести съ уваженіемъ къ такому почтенному предпріятію по орошенню площади земли въ 400 десятинъ, на восточной сторонѣ Пенджекента, какое выполнилъ въ 1871 году пенджекентскій туземецъ Мулла-Каримъ Рязаповъ.

Этотъ энергичный таджикъ безъ всякихъ знаній, съ однамъ навыкомъ и настойчивостью въ задуманномъ дѣлѣ, давно посматривалъ съ скрытой досадой на запустѣлую дашть (степь) Совраѣ-суфіянъ, когда-то пользовавшуюся орошениемъ, про-веденнымъ туванелемъ изъ лѣваго берега рѣки Магіанъ. Долго онъ держалъ совѣтъ съ своими односельцами касательно возможности возстановленія этого арака, прорытаго впервые 950 лѣтъ тому назадъ вѣкіемъ Умаромъ Ахметовымъ, но къ активному сочувствію никого все-таки не вызвалъ, такъ какъ по разсчету работа эта требовала большой денежной затраты.

Наконецъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ у мѣстныхъ земледѣльцевъ въ задуманномъ дѣлѣ, Рязаповъ обратился съ ходатайствомъ къ бывшему въ то время начальникомъ Зеравшанскаго округа генералъ-маіору Абрамову. Получивъ разрешеніе на возстановленіе орошениія изъ р. Магіанъ и поддержку въ 1000 рублей изъ мѣстныхъ общественныхъ суммъ, Рязаповъ принялъ за дѣло раннею весною 1871 года. Безъ всякихъ понуканій, безъ всякихъ доворныхъ, часть жителей Пенджекента и ближайшихъ селеній Суджина, Суфіянъ и Кокъ-ташъ вышла на работы кариса<sup>1)</sup> въ мартѣ мѣсяцѣ

<sup>1)</sup> Название карисъ (сверление) прилагается ко всѣмъ арыкамъ, идущимъ закрытыми галлереями.

1871 года. Составили соглашеніе, и подъ непосредственнымъ руководствомъ Мулла-Карима принялись отрывать начальные колодцы-арыки, отъ которыхъ послѣ трехсотлѣтнаго бездѣствія кариса остались лишь на поверхности одни слабые признаки. Распредѣлившись по десяти человѣкъ на каждый колодецъ, рабочіе сначала углублялись насколько требовалось по разсчету о положеніи dna арыка относительно берега рѣки Магіанъ, пропускали времепами воду по мѣрѣ движенія впередъ и отрывали подземное сообщеніе между двумя рядомъ заложенными колодцами. Получилась такимъ образомъ въ конгломератѣ сплошная галлерея, протяженіемъ въ западномъ направлении до двухъ верстъ и отъ поворота на сѣверо-западъ до выхода воды на поверхность, противъ кишлака Суфіянъ, одна верста.

Въ профиля карисъ представляется такимъ: глубина начальныхъ колодцевъ, вытянутыхъ въ одну линію, 55 аршинъ, и среднихъ 40 аршинъ; ширина каждого колодца 5 аршинъ; высота подземной галлереи-арыка  $2\frac{1}{2}$  аршина, а ширина 3 аршина. Расстояніе между подошвами колодцевъ 55 аршинъ, что опредѣляетъ, по числу 80 колодцевъ, длину всей галлереи въ 1500 саж.

Безъ всякаго надзора чиновниковъ и техниковъ работы продолжались, съ перерывами въ холодные дни, до весны 1872 года, т. е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Отдыхавшая 300 лѣтъ безъ орошениія дашть Совраѣ-суфіянъ, благодаря материальной отзывчивости генералъ-маіора Абрамова и настойчивости достопочтеннаго пенджекентца Мулла-Карима Рязапова, обогатившись притокомъ воды на 400 батмановъ запашки<sup>1)</sup>, зажила съ тѣхъ поръ культурной жизнью и, благодаря бдительности въ каждогоднемъ прочищеніи галлереи въ теченіе десяти дней, продолжаетъ благоденствовать высокими урожаями и въ наши дни. Нѣкогда пустынная, эта

<sup>1)</sup> Хотя пишутся кажется карты ирригаций, но вопросъ о количествѣ воды, потребляемой известными районами хлѣбоземства, остается открытымъ.

дашть (степь) теперь даетъ пенджекентцамъ около 15000 рублей-каждогоднаго дохода и представляетъ цѣнность пахатной земли и усадьбъ въ 26000 руб. тишиши. И это сдѣлано по почину туземца, безъ чертежей и плановъ, безъ всякихъ смѣть; безъ понуканій. Да, посмотрѣвъ на пенджекентскій карисъ, на прекрасные арыки въ горахъ, проходящіе мѣстами длинные скалистые туннели и такие разрыхленные горные склоны, по которымъ требуется вести арыкъ деревянными жолобами, справедливо признаешь въ незнакомыхъ съ нивеллярами туземцахъ практическихъ ирригаторовъ.

Надо всегда желать, чтобы они и остались исключительно на этой почвѣ практическости, настойчивости, и не пріобщаясь бы въ такомъ почтенномъ дѣлѣ къ сферамъ фразерства и самообмана бумажной мезавпкой.

Надо поддерживать въ туземцахъ расположение къ ирригационнымъ работамъ хотя на старыхъ началахъ, безъ выѣшательства смѣть и просвѣщенныхъ вычислений о количествѣ кубическихъ футовъ воды, безъ содѣствія которыхъ изрѣзанъ арыками весь Туркестанскій край, всѣ площащи земли, оказавшіяся способными къ орошению.

Нечего и говорить, что ирригационныя сооруженія, произведенные самими туземцами безъ содѣствія смѣть, обойдутся въ 10 разъ дешевле, по крайней мѣрѣ для специальнаго кредита. Въ этомъ убѣждаютъ многія precedенты прошлаго и отчасти незначительность затратъ изъ зеравшанскихъ суммъ на реставрированіе кариса.

По точному разсчету, со словъ Мулла-Карима, это серьезное сооруженіе потребовало въ теченіе десяти мѣсяцевъ 150 каждодневныхъ рабочихъ, а слѣдовательно всего 45000 поденщиковъ, умудрившихся прокормиться на 600 рублей отъ казеннаго вспомоществованія въ 1000 руб., изъ которыхъ 400 руб. потрачено на масло зигирное, для освѣщепія галлерей, на арканы, торбы, на желѣзныя кирки (митынг), на плетеные восилки (замборз) и на брусы для үбичаній колодцевъ.

По истинѣ изумительная дешевизна, недоступная конечно для другого способа подобныхъ работъ, такъ какъ стоимость однихъ рабочихъ, при поденной платѣ въ 20 коп., составляетъ уже 9000 рублей.

Зная также, что тотъ же Мулла-Каримъ, безъ всякаго денежнаго пособія отъ казны, 12 лѣтъ тому назадъ, реставрировалъ въ четырехъ верстахъ выше описанного подземнаго арыка еще другой карисъ, орошающій теперь 200 десятинъ земли Дашты-санги-марваръ, мы склонны допустить, что онъ вызывается на возстановленіе заброшенного арыка Кыштудакъ, въ 40 верстахъ на востокъ отъ Пенджекента, съ полнымъ обдуманнымъ разсчетомъ, съ твердой увѣренностью въ успѣхѣ этого капитального дѣла, для которого онъ просить отъ казны только 1200 рублей.

Къ сожалѣнію, мотивомъ отказовъ на подобные просьбы туземцевъ служило до сего времени не столько отсутствіе средствъ на ирригационныя работы, сколько невозможность дать снова орошеніе заброшенныхъ долинъ, напримѣръ, Дашты-казы, Дашты-гузарь и Дашты-рабатъ-хоза, безъ чувствительного ущерба въ водѣ для Бухары.

Конечно, это совершенно постыдновательно вытекаетъ изъ характера современного пользованія водою для поливки пашень, по которому  $\frac{5}{8}$  приблизительно <sup>1)</sup> всего орошенія затрачивается съ крайней небрежностью на поливку рисовыхъ плантаций округа. Но съ приведеніемъ въ извѣстность, какъ предполагается кажется, общаго количества потребленія воды рисовыми полями, съ сокращеніемъ этого рода запашекъ хотя на  $\frac{9}{5}$  остатокъ орошенія можетъ быть смѣло пущенъ на обработку всѣхъ пустырей, перечисленныхъ подробно въ № 51 Турк. Вѣд. за 1876 годъ.

Намъ кажется, что такое именно строго правильное пользованіе водою, съ ограниченіемъ по возможности обработки рису, и должно предшествовать всѣмъ проектамъ сооруженія

<sup>1)</sup> О кубическихъ футахъ воды туземцы не имѣютъ представления.  
досуги въ ТУРКЕСТАНѢ.

для цѣлей ирригациіи дистернъ, въ родѣ Мерида озера. Иначе, пока будемъ разговаривать объ этомъ грандиозномъ проектѣ, Бухара подъ дѣйствиемъ засухъ и песковъ окончательно обратится въ пустыню.

Нибѣтъ разумѣется не становить возражать, что мысль поддержания ирригациіи запрудами водныхъ источниковъ на время зимы—мысль болосальнаа, почтенная; но когда она ограничивается одними разговорами, разгадываніемъ только въ кабинетѣ о томъ, гдѣ такую запруду устроить — мечта останется мечтою.

Зная достовѣрно, что всѣ размышленія объ устройствѣ большого резервуара, для цѣлей усиленія орошенія Зеравшанской долины, сталкивались до сихъ поръ съ капитальнымъ вопросомъ—гдѣ то естественное ложе въ бассейнѣ Зеравшана, которымъ можно было бы воспользоваться безъ особенно большихъ затратъ, мы, не вдаваясь въ подробные выводы, решаемся отвѣтить, что это ложе—озеро есть Искандеръ-куль<sup>1)</sup>.

Топографическое положеніе этой огромной котловины и ясно очерченная на скалистыхъ берегахъ окружная линія прежняго уровня поверхности воды Искандеръ-куля не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что озеро это было когда-то замкнутое. Съ другой стороны, нагроможденной валунами выходъ изъ сѣверной окружности озера значительной рѣки Искандеръ-дары<sup>2)</sup> ясно указываетъ, что пониженіе уровня озера есть прямое слѣдствіе совершившагося когда-то частнаго геологического переворота, давшаго ходъ изъ озера значительной массѣ воды.

Такіе признаки образованія рѣкъ въ горахъ, чрезъ про-

<sup>1)</sup> Озеро Искандеръ-куль лежитъ въ южной части Фана, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ моря и образуется стокомъ въ котловину водъ рѣчекъ Обикантатъ, Хожа-ишваръ, Карап-куль, Арчъ, Хазаринъ, Сара-тагъ и Санги-деваль. Окружность озера 9 верстъ, наибольшая глубина озера 40 сажень. Окружающіи озеро крутыя высоты достигаютъ 3500 футовъ надъ его уровнемъ.

<sup>2)</sup> Искандеръ-дары выходить изъ озера водоадомъ, течетъ 17 верстъ въ сѣверо-восточномъ направлении до моста Пулн-туркиентъ, гдѣ соединяется съ р. Лягобъ-дары, принимающею отсюда название рѣки Фанъ. Среднее паденіе Искандеръ-дары 53,8 футовъ на версту.

рваніе замкнутыхъ озеръ, замѣчаются еще на притокѣ Искандеръ-дары, рѣкѣ Пасрутъ<sup>1)</sup>, прорвавшейся изъ огромной также котловины Кули-аллаутдинъ чрезъ скалистую тѣснину Танги-юбанъ.

Такъ распорядилась когда-то природа, чтобы вызвать быть можетъ искусство въ осуществленію на этихъ мѣстахъ задачъ, важныхъ для экономического развитія долины Зеравшана отъ Самарканда до береговъ Аму-дары.

Огромная площадь земли въ 21370 танановъ или 5342 десятины, занимаемая хлѣбопашествомъ 62-хъ селеній Яны-казанъ-арыкской волости, пользуется такимъ орошеніемъ системы арыковъ Яны съ вѣтвью Вотакъ и арыка Казанъ съ вѣтвью Рахматъ-бабатъ, которое, какъ свидѣтельствуетъ намъ давно-прошлое, при малѣйше нерадивомъ досмотрѣ за головою арыковъ въ периодъ прибыли въ Зеравшанъ воды,<sup>2)</sup> разрушаетъ всю эту систему, оставляя волость безъ всякаго орошенія. Производительность немалой части долины Зеравшана находится такимъ образомъ въ полной зависимости отъ количества труда и усилий, положенныхъ каждый годъ населеніемъ на поддержаніе нормального уровня воды въ Яны и Казанъ-арыкахъ, что строго обусловливается характеромъ теченія Зеравшана, въ высшей степени непостояннымъ. То онъ несетъ массу воды подъ самымъ берегомъ конгломерата Рабатъ-хожа, и разбивая начальную плотину, отступаетъ отъ русла Яны-казанъ-арыковъ, то онъ переносится къ правому берегу и тогда приходится закладывать плотину на протяженіи двухъ верстъ противъ Парманъ-тюбе. Въ первомъ случаѣ всѣ усилия 460

<sup>1)</sup> Пасрутъ-дары беретъ начало у Кштуцкаго перевала (11640), принимаетъ съ сѣвера 11 ручейковъ, а съ юга 6 притоковъ и вливается въ Фанъ-дарью у крѣпости Сорвада, нѣсколько ниже впаденія Искандеръ-дары. Длина теченія Пасрута 24 версты.

<sup>2)</sup> Рѣка Зеравшанъ испытываетъ каждогодно 3 periodическихъ разлива: первый отъ половины марта до половины апреля, второй, самый сильный разливъ отъ таянія вѣтнѣхъ снѣговъ, когда вода подымается до 15 футовъ, начинается въ послѣднихъ числахъ мая и продолжается до половины июня, и третій разливъ въ сентябрѣ.

рабочихъ<sup>1)</sup> въ течениі 20—16 дней направляются къ удержанію головы арыковъ плотиной, въ 240 аршинъ длины, изъ хворосту, древесныхъ вѣтвей, рисовой соломы и камня, и прочисткѣ отъ наносовъ части русла въ 380 аршинъ, непосредственно слѣдующей за плотиной; во второмъ случаѣ требуется закладывать плотину, хотя и небольшой профили, но на значительномъ протяженіи, что требуетъ также не менѣе 300 рабочихъ на 6—8 дней и то же количество материала.

Если взять въ разсчетъ, что при непостоянствѣ течеїя Зеравшана, часто перемѣняющаго свое русло, для удержанія плотинъ, для направленія воды въ Казанъ-арыкъ и для прочищенія арыковъ, волости приходится высылать 10 разъ въ годъ по 460 рабочихъ на 12 дней, то, суммируя затраты на эти гидравлическія работы труда и материала, получимъ за 55200 поденныхъ рабочихъ, по 20 коп. въ день, 11040 рублей<sup>2)</sup>, за 9600 лошадей для своза древесныхъ вѣтвей съ доставкой 960 руб., за 400 споловъ рисовой соломы 40 руб., а всего 12040 рублей, затрачиваемыхъ каждогодно волостью на поддержаніе ирригациіи, что составить по 10 руб. съ дома, или по 57 коп. съ танапа обрабатываемой земли. Цифра эта тѣмъ болѣе внушительная, что рабочимъ приходится отрываться отъ своего хозяйства въ самое дѣловое, страдное время, когда вольнымъ наймомъ не достать рабочаго за 30 коп. Кроме того, ранняя весенняя и поздняя осенняя работа въ водѣ, въ теченіи всего дня, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье, а хозяйства лишаются на время и лошадей, высылаемыхъ на подвозку вѣтвей (*шахъ*), хвороста (*хосъ*) и соломы (*поколъ*).

При всемъ этомъ необходимость добывать хлѣбъ и переносливость гигантскаго труда, подъ давленіемъ особенно приказаний, обезпечиваетъ постоянную исправность этой причудливой ирригациіи изъ Зеравшана въ хорошо развитыхъ земле-

<sup>1)</sup> По дѣйствующему издавно порядку, каждый собственникъ коша земли (48 танаповъ) обязанъ высылать одного рабочаго съ кетменемъ.

<sup>2)</sup> Беремъ среднія цифры, правоминая года, когда по 460 рабочихъ высылались 16—20 разъ въ году на 20—30 дней.

дѣльческихъ хозяйствахъ 2168 семействъ Яны-казанъ-арыкской волости.

И только тяжелые года эпидемическихъ болѣзней, какъ холера 1871 года, да переселеніе хотя части туземцевъ на другія водные системы, могутъ разрушительно подѣйствовать на ирригацию Яны-казанъ-арыка и не болѣе какъ въ два года обратить въ пустыню эту прекрасно воздѣланную садами, табачными и рисовыми плантациими, немалую полосу земли.

Чтобы избавиться отъ такихъ совершенно возможныхъ случайностей, которая стоили бы краю потери производительности въ 120000 руб. каждогодно, надо заранее обеспечить систему Яны-казанъ-арыковъ устойчивою головной плотиной, хотя въ той части русла, которая проходитъ подъ берегомъ Рабатъ-хожа. Вопросъ о направленіи плотины, о профиляхъ ея, о материалѣ для сооруженія,—слишкомъ специаленъ для этой краткой замѣтки, имѣвшей только цѣлью выяснить стоимость и характеръ современныхъ работъ по ирригациіи въ западной части нагорныхъ тюменей; тѣмъ не менѣе я отмѣчу здѣсь тѣ мнѣнія, которыхъ мнѣ пришлось слышать по вопросу: изъ какого материала должна быть устроена плотина. Вопросъ этотъ въ такой же степени важенъ какъ и вопросъ о направленіи гидравлическихъ сооруженій, такъ какъ онъ затрагиваетъ цифры 260000 руб. *maximum'a* и 15000 р. *minimum'a* стоимости работъ.

Противъ мнѣнія однихъ о необходимости заложенія для системы Казанъ-арыка плотины изъ рижскаго цемента, на протяженіи пяти верстъ отъ Парманъ-тюбе, съ цѣлью привлечь къ лѣвому берегу рѣки большую массы воды Зеравшана для увеличенія притока воды какъ въ Казанъ-арыкъ, такъ и въ Аязъ-абатъ (Доргамъ)-арыкъ, возражаютъ не безъ основанія, что такая плотина изъ привозного цемента обойдется въ сотни тысячъ, не менѣе, чего населеніе ни подъ какимъ видомъ дать не можетъ; кроме того, отводъ воды Зеравшана къ лѣвому берегу можетъ при сильномъ половодье поднять уровень

Яны и Казань-арыковъ до выступлениі изъ береговъ и слѣдовательно до затоплениі засѣянныхъ полей и селений.

Возражающіе противъ цементной плотины пятиверстнаго протяженія собственно за дороговизну ея, безъ обсужденія технической стороны дѣла, предлагаютъ ограничиться заложеніемъ въ началѣ Казань-арыка, на правомъ берегу его, противъ Рабатъ-хожа, плотины на сваяхъ изъ тута, съ запущенными въ пазы арчевыми досками. Принимая протяженіе такой плотины въ 150 сажень, исчисляютъ для нея потребность 180 тутовыхъ столбовъ съ желѣзными башмаками, 5800 арчевыхъ досокъ, а всего съ постановкой—13000 рублей.

Проектъ этотъ, при обсужденіи его на мѣстѣ, встрѣтилъ небездоказательныія возраженія туземцевъ: что такая плотина неосуществима, такъ какъ, во первыхъ, при сильномъ паденіи воды въ этой части Казань-арыка<sup>1)</sup> столбы не устоять, будуть подмыты, а во вторыхъ, и при условіи устойчивости столбовъ, плотина можетъ быть загромождена камнями и галькою до затруднительности потомъ расчистить ее для освобожденія русла арыка отъ наносовъ. Какъ первое возраженіе туземцевъ противъ отвода воды Зеравшана къ лѣвому берегу, такъ и второе, противъ деревянной плотины, нельзя безусловно игнорировать въ виду совершенной основательности доводовъ, выработанныхъ многолѣтними наблюденіями и практикою вадъ устройствомъ плотинъ.

Туземцы говорятъ, что въ годы уклоненія всей массы воды къ правому берегу Зеравшана и слѣдовательно оставленія Яны-казань-арыкомъ своего начальнаго русла подъ берегомъ Рабатъ-хожа, для нихъ вдвое менѣе работы по отводу воды въ арыки посредствомъ заложенія одноверстной небольшой плотины, чѣмъ когда Зеравшанъ несетъ воду чрезъ пороги (*нишибз*) подъ лѣвымъ берегомъ, гдѣ образуются такие промоины, что мѣстами профили плотины даютъ  $5\frac{1}{2}$  аршинъ заложенія и 6 аршинъ высоты.

<sup>1)</sup> Нивелировкой 1873 года определено паденіе въ 3 сажени на одну версту.

По мнѣнію туземцевъ, Яны-казань-арыкъ требуетъ устройства на правомъ берегу его, противъ Рабатъ-хожа, головной плотины такого типа (изъ вѣтвей, хворосту и камня), какой практикуется ими уже тысячи лѣтъ, но болѣе сильной профиля и непремѣнно со шлюзами (*ништакъ*), которыхъ въ соображенію они устраивать не умѣютъ, хотя и высказываются, что шлюзы должны быть сдѣланы такъ, какъ дѣлаются ворота, дабы сразу можно было отпирать ихъ и своевременно освобождать плотину отъ чрезмѣрного напора воды, составляющаго все бѣдство для ирригациіи Яны-казань-арыка.

Предоставляя специалистамъ разобрать эти недавно заявленныя нами мнѣнія объ устройствѣ плотинъ на системѣ Яны-казань-арыка, мы не можемъ не выражить желанія, чтобы серьезный вопросъ этотъ: объ улучшениіи ирригациіи въ Зеравшанскомъ округѣ, озабочивающей теперь администрацію, былъ рѣшенъ на практикѣ возможно скорѣе и возможно цѣлесообразнѣе.

Надо имѣть въ виду, что кормилица Зеравшанскаго округа и Бухары, рѣка Зеравшанъ, причудливостью своего теченія, то развертывающагося въ небольшіе ручейки, то собирающагося въ одно срединное русло, вслѣдствіе недосмотра за ирригацией, уже обратила въ безжизненную степь не мало культурныхъ земель и между ними—огромную полосу земли, тянувшуюся отъ Рабатъ-хожа, на пенджикентско-самарканскомъ трактѣ, за Джамъ, на протяженіи 130 верстъ.

Нѣкогда, какъ сказываютъ, 1200 лѣтъ тому назадъ, эта долина, орошавшаяся арыкомъ Монасъ, имѣла такую же роскошную культуру, какая существуетъ теперь въ долинѣ Міянкаль<sup>1)</sup>. О большихъ размѣрахъ заброшенной ирригациіи этой долины можно судить по тому, что даже чрезъ 1000 лѣтъ своего бездѣйствія арыкъ Монасъ сохранилъ профиль въ 7 аршинъ ширины и 6 аршинъ глубины. Начало его изъ лѣ-

<sup>1)</sup> Міянкаломъ или правильнѣе: Міанъ-кавн (въ переводѣ—средняя розсыпь) считаютъ обработанную колосу земли, тянувшуюся по обоимъ берегамъ Зеравшана, чрезъ Катта-курганъ до Кермине.

ваго берега Зеравшана, выше Яны-казанъ-арыка, между кишлаками Пенджекентской волости, Тигерманъ и Чукуръ. Огибая послѣдній кишлакъ съ востока и пересѣкая трактовую дорогу, слѣдъ арыка Монасъ поворачиваеть на юго-западъ и въ такомъ направленіи проходитъ чрезъ кишлаки Ургутской волости, Гаибъ-ата и Бишъ-копа, где онъ теряется въ сгруппированномъ здѣсь землепашествѣ по системѣ горныхъ ручейковъ (*чашма-обб*): Чипъ-су, Гыждуванъ-су, Муминъ-абатъ-су и Гусъ-су.

Непрерывающійся на всемъ протяженіи хорошо обработанной съверной границы Ургутской волости, слѣдъ Монаса явственно сохранился также въ западной части Яны-казанъ-арыкской волости, где онъ представляется какъ бы визовьемъ арыка Казанъ.

Время первоначального сооруженія, равно какъ и годъ разрушенія ирригациіи арыка Монасъ, никому неизвѣстны, такъ какъ никакихъ письменныхъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Поясная, что арыкъ Монасъ былъ заброшенъ вслѣдствіе, какъ замѣтно и на мѣстѣ, значительного пониженія уровня воды лѣваго берега Зеравшана, туземцы разсказываютъ, что 25 лѣть тому назадъ пенджекентскій бекъ Мирза-Сабиръ, собравъ 600 человѣкъ узбековъ западной части бекства, поднялъ воду въ Монасѣ устройствомъ въ теченіи 35 дней дамбы на правомъ берегу южнаго рукава Зеравшана; но арыкъ дѣйствовалъ въ долинѣ (*даштѣ*) Рабатъ-хожа всего двѣ недѣли. Независимый въ то время ургутскій бекъ Адиль-Шарманачи просилъ эмира Насруллу воспретить пенджекентцамъ пользоваться для хлѣбопашства долиной Рабатъ-хожа, служившей ургутцамъ для пастьбы барановъ, и арыкъ Монасъ былъ брошенъ. Какъ бы ни было, поражающая теперь путника своей полной безжизненностью огромная долина въ 6000 десятинъ, простирающаяся отъ Яны-арыка на югъ и востокъ до предгорья Зеравшанскаго кряжа, была когда-то хорошо культивирована и густо населена, въ такой же вѣроятно степени, какъ и пастьбеная теперь долина Джама, также орошавшаяся ары-

комъ Монасъ. Считая приблизительно весь бассейнъ этого арыка, включительно съ долиной Джама, въ 260000 танаповъ земли и опредѣляя доходность одного танапа въ 6 руб., получаемъ потерю отъ непроизводительности этой долины въ 1560000 рублей.

А сколько еще наберется въ Зеравшанскомъ округѣ такихъ долинъ (*даштѣ*), отжившихъ свой культурный вѣкъ!

По нагорнымъ тюменямъ мы отмѣтили также свѣдѣніе о заброшенной ирригациіи долины Гусаръ на лѣвомъ берегу и долины Дашты-казы на правомъ берегу Зеравшана.

Первая изъ этихъ равнинъ, превосходной тучной мергелевой почвы, тянется у подгорья Кштутско-магіанскихъ горъ Зеравшанскаго кряжа, полосою въ 26 верстъ длины и 8 верстъ ширины, начинающеюся отъ берега рѣки Кштутъ и замыкающеюся склономъ отроговъ Магіанскихъ горъ, за бишлакомъ Гусаръ. Въ глубокой древности эта населенная долина (теперь пастьбеная степь) съ достаткомъ орошалась арыкомъ изъ лѣваго берега рѣки Кштутъ, впадающей въ Зеравшанъ. Но какимъ причинамъ ирригациія эта перестала дѣйствовать, куда исчезло земледѣльческое населеніе долины Гусаръ—ни книжные источники, ни народная память намъ не разъясняютъ этого. Можемъ догадываться только, что нахлынувшія въ тѣ времена въ долину Зеравшана орды кочевыхъ узбековъ вынудили земледѣльческій людъ укрыться въ горахъ Фальгара, Кштута, Фана, Матчи и Магіана, где съ тѣхъ поръ и началась земледѣльческая жизнь, рядомъ съ которой въ низовьяхъ рѣки Кштута, на привольныхъ подгорныхъ мѣстахъ, осѣли со своими стадами узбеки колѣна Мингъ и Мангытъ, потомки коихъ остаются и теперь въ кишлакахъ Маргидарь, Гусаръ, Турки-галвача и Зульфандай.

Много позднѣе этого вторженія, всего 50 лѣть тому назадъ, предпріимчивый пенджекентскій таджикъ Халифа Хасанъ реставрировалъ этотъ безъимянный арыкъ, оросилъ прибрежье Кштута, положивъ начало кишлаку Тагоби-халъ, но не на долго: независимый магіано-кштутскій бекъ Аллаяръ-инаакъ,

поддерживая ходатайство узбековъ оставить дашты-Гусаръ для пастбибы скота, воспретилъ заниматься земледелиемъ на арыкѣ Халифа Хасанъ, и жители Тагоби-халкъ выселились обратно въ Киптутское ущелье (Тагоби), гдѣ составили кишлакъ Шашкетъ. Однако первая неудача эта, стоявшая большихъ затратъ, не смущила Халифа Хасана, и чрезъ 20 лѣтъ онъ заложилъ въ той же долинѣ Гусаръ арыкъ изъ лѣваго берега Зеравшана. Арыкъ этотъ начался выше кишлака Гусаръ подземнымъ каналомъ (каризъ), протяженіемъ 390 сажень, и орошалъ 800 танаповъ земли, разработанныхъ поселившимися здѣсь 50 семействами рода Туркъ колъна Баласъ. Къ сожалѣнію, по смерти Халифа Хасана въ 1865 году <sup>1)</sup>, въ холерную эпидемію, большинство жителей кишлака переселились въ Гиссаръ и теперь отъ этой осѣдлости остались на берегу Зеравшана, при началѣ заброшенаго арыка, одни развалины. Съ тѣхъ поръ никто не пытался возстановить арыкъ Халифа-хасанъ-баласъ, хотя по мнѣнію знатоковъ-туземцевъ проведеніе этихъ арыковъ изъ Зеравшана и Киптута вполнѣ возможно и теперь.

Такимъ образомъ и степь Дашты-гусаръ, называемая иначе Чаръ-тутъ (4 тута), прокормливающая теперь стада узбековъ, ждетъ орошения, которое могло бы поднять къ производительности 12000 танаповъ тучной земли.

О будущемъ долины Дашты-казы, тянущейся 5 верстъ по лѣвому берегу Зеравшана, отъ урочища Якъ-дарахъ на востокѣ до кишлака Дашты-казы на западѣ, и занимающей пространство въ 1500 танаповъ, мало можно сказать утѣшительнаго. Эта степь, когда-то густо населенная, орошалась арыкомъ, проведеннымъ по словамъ горъ Туркестанскаго края изъ рѣки Киптудакъ, впадающей въ Зеравшанъ. Проходя мѣстами рыхлыхъ горныхъ породы, арыкъ этотъ растрачивалъ на пути такое количество воды, что не удовлетворялъ всей по-

<sup>1)</sup> Мы надѣемся сообщить въ скоромъ времени свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго таджика, провелшаго 120 лѣтъ въ путешествіяхъ по разнымъ странамъ востока и умершаго въ Пенджекентѣ на 163 году отъ роду.

требности земледѣлія и былъ потому надолго заброшенъ. Но въ 1816 году урмитанскій правитель Абды-Шукуръ-бекъ заставилъ горцевъ Фальгара, терпѣвшихъ недостатокъ въ пахотной землѣ, возстановить арыкъ Киптудакъ, устройствомъ на водопроницаемыхъ мѣстахъ деревянныхъ желобовъ (нау). Фальгарцы недолго однако пользовались своими трудами. Бурная распри между правителемъ Пенджекента и Урмитана, въ 1822 году положили конецъ существованію арыка Киптудакъ и съ тѣхъ поръ никто уже не пытался возстановлять его. Осмотрѣ въ прошломъ году пути этого арыка убѣдилъ въ невозможности воспользоваться имъ для орошения Дашты-казы, такъ какъ сопровождающая его горная порода представляеть во многихъ мѣстахъ такія разсыпи и трещины, обойти которыхъ нельзя и желобами. Къ тому же осыпающійся съ крутыхъ скатостей мелкій щебень (ризъ) постоянно засыпаетъ арыкъ. Долинѣ Дашты-казы, въ 1500 танаповъ прибрежья Зеравшана, суждено такимъ образомъ остаться непроизводительной навсегда, и всякия попытки къ возстановленію арыка Киптудакъ могутъ повести только къ напраснымъ затратамъ большихъ денегъ и рабочей силы.

Вообще правый берегъ Зеравшана, выдающійся выше селенія Гарібакъ (противъ Пенджекента) своей рыхлой, водопроницаемой горной породой, не представляетъ удобствъ для проведения арыковъ изъ обильныхъ здѣсь источниковъ. Такъ, арыкъ, выведенный 53 года тому назадъ изъ праваго берега рѣки Миндана, для орошения прилежащей къ кишлаку Йори равнины Чокаранъ 3800 танаповъ, прослужилъ только два года и затѣмъ, при всѣхъ усилияхъ Халифа Хасана поддержать его желобами, онъ кончилъ свою роль въ 1843 году, вѣроятно навсегда.

Для полнаго приблизительнаго опредѣленія размѣра площадей земли нагорныхъ тюменей, лишившихся искусственного орошения по тѣмъ или другимъ причинамъ, остается сказать о другихъ лощинахъ, встрѣчающихся вверхъ по Зеравшану, въ горахъ Фальгара. Противъ Урмитана, на лѣвомъ берегу

Зеравшана, Даштъ-аинъ (аинъ—слово арабское и значить *мазъ*) въ 120 танаповъ, была орошена впервые 28 лѣтъ тому назадъ изъ ручья Вошанъ и обрабатывалась 15 лѣтъ. Со смертью урмитанца Мулла-Артыка, разработавшаго этотъ арыкъ, 12 лѣтъ тому назадъ, онъ совершенно брошенъ, по затруднительности поддерживать его. Прилегающая къ лѣвому берегу Зеравшана Дашты-варзъ въ 900 танаповъ, предшествующая кишлаку Варзиминоръ, была орошена 75 лѣтъ тому назадъ изъ рѣки Зироватъ фальгарскимъ правителемъ Абды-Шукуръ-бекомъ. Арыкъ этотъ дѣйствовалъ однако недолго, такъ какъ проведеніе его ослабило ирригацию кишлака Зироватъ, еще раньше заложившаго арыкъ на лѣвомъ берегу рѣки того же названія. Предъ кишлакомъ Засунъ участокъ земли въ 50 танаповъ, орошенный впервые 40 лѣтъ тому назадъ арыкомъ Нугрокъ изъ рѣки Путхинъ, остается необработаннымъ 36 лѣтъ, вслѣдствіе отколовшихся на дѣлѣ арыка по склону горы трещинъ, поглощавшихъ всю воду.

Суммируя вышеупомянутыя цифры показаній количества земли въ нагорномъ районѣ, лишившися арычного орошенія, получимъ всего 42370 танаповъ или 10580 десятинъ, которые въ периодъ культурной жизни представляли производительность въ 22800 рублей. Изъ общаго количества такой земли 24000 танаповъ долины Рабатъ-хожа и 12000 танаповъ Дашты-Гусаръ, по мнѣнію свѣдущихъ туземцевъ, могли бы быть орошены и теперь.

Мы могли бы насчитать по верховьямъ Зеравшана еще до 10 небольшихъ, извѣстныхъ намъ въ верхнемъ Фальгарѣ и въ Матчѣ, земельныхъ участковъ, никогда обрабатывавшихъ арычнымъ орошеніемъ, прекратившимъ дѣйствіе по причинѣ разрушенія горныхъ породъ, которое серьезно угрожаетъ также будущему „Зеркалу земли“ (Самарканду) съ его „срединной розсыпью“ долиной Міанъ-кони.

Тотъ же неудержимый законъ геологическихъ отложений и перемѣщеній слоевъ, сдвинувшій на земномъ шарѣ не мало горныхъ массъ, скажется конечно и на Зеравшанѣ.

Прошлое постепенного развитія культуры въ долинѣ Зеравшана, по книжнымъ источникамъ остается неразъясненнымъ. Такія событія, какъ перемѣщеніе осѣдлостей съ одного обширнаго оазиса, лишившагося силъ къ земледѣльческой производительности, въ другой, поднятый къ жизни грандіознымъ искусственнымъ орошеніемъ, считались весьма обыкновенными и остались неотмѣченными даже тѣми мусульманскими летописцами, которые съ полнотою обстоятельностью вели хронику кровавыхъ событій, измѣнявшихъ не только политическое положеніе страны, но часто и самыи рельефъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Мы напрасно стали бы искать поэтому въ разныхъ тарихи, матль-эсъ, содейнъ, шейбания-намахъ и др. книгахъ разъясненія вопросовъ о давности того или другого изъ капитальныхъ ирригационныхъ сооруженій, о причинахъ упадка земледѣльческой культуры въ разныхъ мѣстностяхъ и зависи-  
мого перемѣщенія осѣдлостей изъ одного района въ другой.

Если путнику, во время разѣздовъ его по долинѣ Міанъ-кони, представляются такимъ образомъ оголенные отъ всякой древесной растительности даштъ—равнина—степь, онъ можетъ узнать приблизительно о ея прошломъ въ культурной жизни отнюдь не изъ книгъ, а прослѣдивши, хотя простымъ обозрѣніемъ, остатки существовавшихъ селеній, обозначающіеся рельефно отдѣльными возвышенными курганами, остатки арыковъ, удерживающихъ въ табихъ даштъ свои профиля и чрезъ сотни лѣтъ.

Что такие курганы, встрѣчающіеся въ долинѣ Зеравшана, и отдѣльными группами, и цѣпью тянущихся на равнинѣ бугровъ, ничто иное, какъ правдивые памятники существовавшихъ въ такихъ мѣстахъ кишлаковъ-осѣдастей, это каждому легко проверить, всмотрѣвшись въ совершенный рельефъ равнины, тянущейся у подножья горъ Зеравшанскаго кряжа, отъ селенія Чукург-кишлакъ, близъ лѣваго берега Зеравшана, по пенджекентской дорогѣ, чрезъ Кара-тюбе на шахрисябской дорогѣ, за Джамъ до Карши и далѣе.

На этой равнинѣ, непосредственно обозначающейся своимъ степнымъ характеромъ за *Даргамомъ* и имѣющей въ длину до 300 верстъ, а въ поперечнибѣ до 40 верстъ, тянутся не-прерывной цѣпью группы кургановъ, характеризующихъ всю эту громадную площадь земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, какъ отжившую свой производительный периодъ вслѣдствіе причинъ, которыхъ и теперь представляются вполнѣ интересной загадкой.

По всему трехсотверстному протяженію этой степной равнины, отъ *Тигерманъ-кишлака* на востокѣ, близъ Пенджекента, до селенія *Касанъ* въ Каршинскомъ бекствѣ, на юго-западѣ, можно прослѣдить со всею наглядностью дѣйствіе когда-то огромнаго арыка такой же профиля какъ *Даргамъ*, или какъ ташкентскій *Боссу*. Арыкъ этотъ, одними называемый *Монасъ*, другими — *Кафиръ-арыкъ*, а нѣкоторыми — *Масъ-арыкъ* (шальной арыкъ), начался, какъ намъ удалось прослѣдить, тонелью въ скалистомъ берегу Зеравшана, ниже селенія *Чукуръ-кишлакъ*, прорвался, пройдя шесть сотъ саженъ закрытаго пути, на поверхность вышеописанной равнинѣ съ глинисто- песчаной почвой и несъ огромное, очевидно, количество воды за Карши.

Несомнѣнно, по тѣмъ признакамъ пониженія мѣстности въ районѣ кургановъ, которыми характеризуется въ здѣшней полосѣ продолжительность обработки почвы, что арыкъ Монасъ, оставившій чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ наглядную профиль даже боковыхъ оросительныхъ каналовъ, дѣйствовалъ на всемъ пространствѣ древней *Трансоксаніи* не одно столѣtie.

Несомнѣнно, по встрѣчающимъ остаткамъ корней виноградной лозы, что въ древности на всемъ пути теченія названного арыка существовала такая же богатая разнообразіемъ земледѣльческая культура, какая характеризуетъ долину *Монъ-кони* и теперь. Тѣмъ важнѣе представляется и вопросъ, куда, вслѣдствіе какихъ причинъ политическихъ, или же простого ослабленія дѣйствія ирригации, перемѣстились всѣ эти

десятки тысячъ осѣдостей съ населеніемъ, болѣшимъ навѣрное населенія Зеравшанскаго округа.

Къ сожалѣнію, какъ замѣчено и выше, никакіе книжные источники не разъясняютъ даже намекомъ этихъ и другихъ вопросовъ о прошломъ *Даштъ-монасъ*, какъ слѣдуетъ называть описанную подгорную равнину, и только достовѣрное преданіе называетъ нѣкоторая изъ бывшихъ здѣсь осѣдостей тѣми именами *Нойза*, *Каракчи*, *Найманъ*, *Ханъ-чарбокъ*, которые позволяютъ заключить, что въ отдаленный периодъ культурной жизни этой части долины Зеравшана въ ней проживало населеніе тюркской расы. Какъ это обстоятельство, таѣ равно и близкое сосѣдство съ остатками названныхъ узбекскихъ осѣдостей загородныхъ садовъ эмира *Тимура* (Тамерланъ) позволяетъ заключить, что въ описываемой мѣстности, ограниченной Даргамомъ на сѣверѣ и хребтомъ горъ Зеравшанскаго кряжа на югѣ, арыкъ Монасъ прекратилъ свое дѣйствіе нѣсколько позже эпохи *Тимуридовъ* (1500 г.).

Для рѣшенія хотя приблизительно вопроса о томъ, было ли перемѣщеніе населенія слѣдствіемъ паденія земледѣльческой культуры въ этой полосѣ лѣваго берега Зеравшана, или же оно вызвано было безпрерывными войнами того времени, надо вспомнить и события исторіи послѣ Тимура, и ходъ развитія въ тотъ периодъ земледѣльческой производительности въ другихъ частяхъ Зеравшанской долины, насколько онъ обозначился значительными ирригационными сооруженіями.

По малочисленности еще данныхъ, мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности разъяснить теперь хотя приблизительно постепенный и послѣдовательный ходъ развитія культуры въ долинѣ Зеравшана, послѣдовательное развитіе ирригациіи въ этой долинѣ, а должны ограничиться пока простымъ перечисленіемъ главныхъ оросительныхъ каналовъ Зеравшанскаго округа.

Какъ известно каждому, главную оросительную артерію долины *Монъ-кони* составляетъ рѣка Зеравшанъ, древній *Согдъ*, берущая начало въ ледникахъ горнаго кряжа на высотѣ 8000

фут. надъ уровнемъ океана. Кроме множества мелкихъ арыковъ, выпускаемыхъ рѣкой-золотоносной до окончательного вступленія ея въ долину на меридіанѣ *Джизака*, Зеравшанъ, не доходя магистрального водораздѣла на *Акъ и Кара-дарью* у подножья возвышенности *Чупанъ-ата*, вблизи г. Самарканда, выдѣляетъ слѣдующіе большие оросительные каналы: Тюя-тартарь, Тайланъ, Бишъ-арыкъ, Ташъ-арыкъ, Янги-арыкъ, Карапыкъ, Артукъ, Мирза, Акъ-арыкъ, Токузъ,—всѣ вытекаютъ изъ праваго берега и орошаютъ земли девяти волостей съ населеніемъ 16000 дворовъ. Арыки Янги-казанъ, Даргамъ, Баги-заганъ, Рабатъ, Ярымъ-тукъ, Гаръ-гуша вытекаютъ изъ лѣваго берега и орошаютъ земли тѣхъ же девяти волостей. Отъ водораздѣла, близъ Самарканда, установленного въ давно прошедшія времена искусственной простой туземной плотиной, Зеравшанъ несетъ воду до предѣловъ *Бухары* двумя значительными вѣтвями (Акъ—западная, Кара—восточная), огибающими островъ длиною 46 верстъ, шириной 30 верстъ, который помѣщаетъ богатое землепашество семи волостей самарканского отдѣла съ населеніемъ 19000 дворовъ. О размѣрахъ поглощаемаго землепашствомъ этого острова арычнаго орошенія можно составить приблизительное представление принявъ въ соображеніе, что площадь земли въ 40000 десятинъ приблизительно подъ рисовой обработкой поливается слѣдующими большими арыками: изъ *Акъ-даръи*: Курбанъ-абатъ, Шахабъ, Кошъ-курганъ, Пасъ, Янги, Джанъ-бекъ, Кіятъ, Норъ-кисикъ, Кутуръ-булавъ, Кори, Чаука, Акъ-курганъ, Урастай, Янги-курганъ, Катаганъ; изъ *Кара-даръи*: Форошъ, Дарья, Каига, Чаръ-джай, Раватъ, Джой-дивана, Нагмаль, Ала-берды-кара, Ябу, Кара, Джамалыкъ, Ханъ и Атамъ-хожа. Мы назвали здѣсь только тѣ изъ главныхъ арыковъ ирригационной сѣти, которые орошаютъ собственно земли самарканского отдѣла и, не перечисля арыковъ другихъ административныхъ районовъ, сообщимъ относящіяся къ вопросу историческія свѣдѣнія.

По тѣснымъ рамкамъ настоящаго очерка, перечислять по-

следовательно, подробности исторического прошлаго Самарканда и всей области Міонъ-кони, мы конечно не станемъ. Достаточно напомнить, что непосредственно послѣ смерти Тимура, царствованіе (1363—1405 г.) котораго считается самымъ счастливымъ для культуры Трансоксаніи, начинается бурный periodъ междоусобныхъ войнъ за наслѣдство Цезаря востока. Единственный сынъ Тимура, *Шахъ-Рухъ-мирза*, правившій въ Хорасанѣ, принужденъ былъ вести продолжительныя войны съ своими родственниками *Пиръ-Магомедомъ*, управлявшимъ Кабуломъ, *Султанъ-Халилемъ*, правителемъ Ташкента, и только къ концу царствованія своего (1446 г.) ему удалось соединить подъ своей скіпетръ владѣнія отца, за исключениемъ Сиріи и Арабистана. Преемнику Шахъ-Руха, Улугъ-беку, не имѣвшему вовсе наклонности къ войнѣ, пришлось однако защищать свои владѣнія отъ мятежнаго *Абдыса-Тара*, который, управляя провинціей Балха, стремился подчинить своей власти всю Трансоксанію, чего и достигъ кратковременнымъ однако правленіемъ, послѣ открытаго убийства своего отца въ 1449 г. Послѣдніе годы *Трансоксаніи* подъ владычествомъ династіи *Тимуридовъ*, продолжавшемся всего одно столѣтіе, закончились войнами *Абдулъ-Сеїда* и его сына *Султанъ-Ахмета* съ знаменитымъ *Баберъ-мирзою*, который перенесъ свое владычество изъ Ферганы сначала въ Бухару и позже въ Индію. Въ этотъ periodъ наиболѣе истребительную войною была борьба *Шейбани-хана* (1500 г.), родоначальника этой династіи, сначала съ Баберомъ, а затѣмъ съ персидскимъ шахомъ *Исмаиломъ*, завоевательные стремленія втораго, послѣ одержанной победы при Мервѣ, едва были остановлены *Обейдула-ханомъ* (1512), которому удалось даже овладѣть *Мешхедомъ*.

Сорокалѣтнее царствованіе затѣмъ (1553—1597 г.) величайшаго изъ шейбанидовъ *Абдулъ-хана*, хотя и не дало странѣ полнаго спокойствія, но оставило прочный слѣдъ разработкою дорогъ, постройками дистернъ и общественныхъ зданій, развитіемъ торговли. Послѣ Шейбанидовъ выступаетъ на сцену досуги въ туркестанѣ.

династія Аштарханидовъ (1597 — 1680 г.), все царствование которой прошло въ постоянныхъ войнахъ, то искателями трона между собою, то съ персами шаха Абаса, огромная полчища которого доходили до Самарканда и были прогнаны наконецъ (1611 г.) Иманкули-ханомъ, тридцативосьмилѣтнее правленіе которого считается самымъ счастливымъ для края.

Въ 1737 году умираетъ насильственной смертью послѣдній изъ фамиліи аштарханидовъ, Эбульфегизъ-ханъ, и на политическую арену выступаетъ изъ племени Мангытъ-Рахимъ-бій, съ которого начинается періодъ царствованія династіи Мангытъ, поныне управляющей Бухарою.

Всѣ эти потрясенія *Трансоксаніи* постоянными войнами сопровождались четырехсотлѣтняго періода, безъ сомнѣнія задерживали культурное развитіе, нерѣдко сдвигали коренное населеніе, уступившее свои земли и осѣдлости пришлымъ завоевателямъ, но такая перетасовка элементовъ населенія не лишала все-таки страну тѣхъ установившихся разнѣровъ земледѣльческой производительности, какими обусловливалось наличное существование осѣдлостей съ ихъ населеніемъ. Можно считать такимъ образомъ, что войны имѣли упраздняющее влияние только на тѣ осѣдлости, которые по какимъ-либо причинамъ не имѣли выгодныхъ естественныхъ условій для своего дальнѣйшаго существования. Тѣ же города и селенія, которые удержали доставленныя имъ природой и отчасти искусствомъ руки человѣка условія для земледѣльческой или торговой промышленности, продолжали свою хотя и незавидную жизнь, несмотря на самыя разрушительныя бури войны. Иначе и нельзя объяснить совершенное исчезновеніе однихъ древнихъ осѣдлостей, какъ Джандъ, Ашнась, Езкендъ, Сигнакъ, Товансъ, Бейкендъ<sup>1)</sup>, и твердую стойкость отъ всякихъ неизгодъ въ другихъ, какъ Самарканда, Дагбитъ, Челекъ, Пенджекентъ и проч., просуществовавшихъ уже нѣсколько тысячелѣтій подъ тѣми же тяжелыми испытаніями войнъ расовыхъ,

<sup>1)</sup> Остатки этихъ значительныхъ когда-то городовъ на сѣверо-западѣ отъ Бухары видны и теперь.

религіозныхъ и династическихъ, какія известны всей долинѣ Зеравшана. Относительно вліянія войнъ вообще на культуру страны можно отмѣтить также, что оно было сильно, гибельно въ Трансоксаніи въ періодъ отъ вторженія арабовъ (666—714) включительно съ нашествіемъ Чингиз-хана (1218) до окончательного изгнанія калмыковъ и воцаренія Тимура (1363), при которомъ, какъ и въ періодъ царствованія послѣдующихъ династій Тимуридовъ (1405 — 1500), Шейбанидовъ (1500—1597), Аштарханидовъ (1597 — 1680), культурное развитіе шло если и не особенно быстро, подъ вліяніемъ естественныхъ природныхъ условій, то и не регрессивно.

Можно отмѣтить напротивъ, что Самарканда обязана своимъ памятниками лучшими медрессе, своимъ окрестными прекрасными садами эпохи Тимура, какъ часть долины Зеравшана, выѣщающаяся на юго-западѣ Самарканда, обязана своимъ плодородiemъ эпохи царствованія Мирза-Улугъ-бека, внука Тимура, украсившаго Самарканда обсерваторіей и обогатившаго Трансоксанію капитальными ирригационными сооруженіями, орошающими въ данное время каналами Мирза-арыкъ площадь земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. То же самое можно сказать и объ эпохѣ царствованія Абдулла-хана изъ династіи Шейбанидовъ, много положившаго заботъ на проведение дорогъ, устройство цистернъ на всѣхъ караванныхъ путяхъ, на сооруженіе канала *Тюя-тартаръ*, который несъ когда-то воду лѣваго берега Зеравшана за Джалакъ, а теперь ограничиваетъ свое оросительное дѣйствіе семидесятиверстнымъ теченіемъ до селенія Куюбадъ близъ Челека.

Отмѣтивъ такимъ образомъ изъ совершенно точныхъ данныхъ (преданіе и надпись на плитѣ, открытой въ развалинахъ древняго кладбища на берегу Тюя-тартара) время проведения арыка *Тюя-тартаръ* періодомъ 1575—1597 годовъ, — взявъ въ соображеніе, что голова этого канала въ лѣвомъ берегу Зеравшана, близъ селенія Хурьми, лежитъ выше на 5 верстъ головной части тонели арыка Монасъ, — можно заключить, что этотъ послѣдній арыкъ прекратилъ свое дѣйствіе, уступивъ

равное количество воды арыку *Тюя-тартар*, орошающему еще 80 лѣтъ назадъ такую же площадь земли, какую орошалъ и Монастырь. Отмѣтивъ выше, что вѣшнія причины войнъ и неурядицъ периода послѣ изгнанія изъ Трансоксаніи монголовъ оказывали весьма слабое влияніе на упадокъ культуры и смѣны одинѣми осѣдлостями другихъ, скажемъ, что и занимающее на此刻 явленіе упраздненія однихъ ирригационныхъ системъ (Монастырь, низовье Тюя-тиртара въ Джизакѣ и мн. др.) и возникновенія другихъ на мѣсто первыхъ слѣдуетъ объяснять влияніемъ только естественныхъ разнообразныхъ причинъ, выставляемыхъ самою природою и, отчасти, условіями земледѣльческаго хозяйства. Такъ, прослѣдивши въ головной части путь теченія нѣкоторыхъ заброшенныхъ большихъ арыковъ, не трудно усмотреть, что они покончили свое дѣйствіе и уступили воду другимъ или вслѣдствіе чрезвычайного пониженія русла своего, или же вслѣдствіе прорыва во многихъ мѣстахъ береговъ, дававшаго совершенно другое направленіе ирригациіи. Первое явленіе мы замѣчаемъ между прочимъ и па арыкѣ Монастырь, второе, рядомъ съ чрезвычайнымъ пониженіемъ русла, особенно замѣтно обозначилось на арыкѣ *Даргамъ*, прорѣзывающемся на 8 верстъ съвериѣ арыка Монастырь ту же глинистопесчаную почву, которая сгубила и этотъ послѣдній арыкъ съ его многочисленными поселеніями. Замѣчая въ частныхъ случаяхъ на боковыхъ вѣтвяхъ *Даргама* (ар. Чандаръ, Арабъ-хана въ Даульской волости), какими усилиями проводится на поверхность вода названного арыка, имѣющаго высоту береговъ въ среднемъ течениіи до двѣнадцати сажень, оцѣнивая гигантскіе труды населенія двухъ волостей по укрѣплению каждого года береговъ Даргама, гдѣ они, противъ селенія *Міонг-кау*, дали промоины (Толли-углопъ), измѣняющія совершенно положеніе этой системы орошенія, можно предсказать, что осѣдлости волостей *Даульской*, *Ангарской*, тянущіяся по обоимъ берегамъ средняго и нижняго течениія Даргама, чрезъ два-три десятка лѣтъ простигнетъ судьба осѣдлостей смежной Дапиты-монастырь.

Признаки близкаго осуществленія опасеній населенія за бу-

дущее ирригациіи *Даргама* сказываются наглядно уже и теперь на той части *Ангара* въ низовьяхъ названного арыка, начиная отъ селенія *Читъ-арыкъ*, которая, поддерживаясь одними колодцами, годъ отъ года уступаетъ свою древесно-растительную опояску непощадной засухѣ, годъ отъ года сокращаетъ запашки, свсдя сложный съвооборотъ озимыхъ посѣвовъ къ простой обработкѣ ярового съ прибавкою *ду-носича*, т.-е. яровой пшеницы, обрабатываемой съ поливкою.

Общій характеръ этой части Міонгъ-каля, по Даргаму называемой теперь *Иски-Ангаръ*<sup>1)</sup> (старый заброшенный Ангаръ), крайне безотрадный своею пустынностью, своимъ отпечаткомъ безсилія борьбы культуры съ естественнымъ бичемъ ирригационнымъ—бездьемъ.

Тѣмъ обиднѣе представляется наблюдателю это явленіе вымиранія растительной природы и жизни вообще, что онъ видеть въ немъ не только на Ангарѣ, но и въ другихъ мѣстахъ результатъ оскудѣнія ирригациіи низовьевъ оросительныхъ системъ отъ такихъ причинъ, борьба съ которыми кажется вполнѣ возможной.

Здѣшнему населенію, преобладающей узбекской, сравнительно примитивной расы, никогда не была известна та строгая, освященная давностью опредѣленность правъ пользованія для орошенія полей арычною водою, какая практикуется, напримѣръ, безъ малѣшихъ уклоновъ, въ оазисахъ маловодныхъ, какъ *Туркестанъ*, *Джизакъ*, *Ура тюбе*, *Ауліэ-ата*.

Въ этихъ и сопредѣльныхъ съ ними осѣдлостяхъ густого населенія порядокъ пользованія орошениемъ настолько точный, настолько правильно выработанный, не силою канцелярскихъ требованій, разумѣется, а цѣлою сложностью разнообразныхъ факторовъ, изслѣдованиемъ которыхъ надлежало бы заняться, что арычная вода обходитъ каждый участокъ и въ сложности

<sup>1)</sup> Надо догадываться, что Ангаръ, какъ Ширатъ, Кабутъ, получилъ свое название со временемъ Тимура, который далъ эти имена дозинѣ Міонгъ-каля въ память павшаго вѣт. въ 1402 году пораженія султану Баязеду на равнинѣ Ангари, въ Малой Азии.

десятки тысяч десятинъ обрабатываемой земли съ замѣчательною точностью, соблюдение которой не требуетъ ни ирригаторовъ, ни подталкивателей, а выполняется силою взаимнаго уваженія чужихъ правъ, замѣтнаго для каждого въ туркестанской земледѣльческой общинѣ. Только этотъ конкретный стимулъ и можетъ удерживать, успѣшнѣе всякихъ инструкцій и устрешеній, такой скрупулезно точный порядокъ пользованія орошениемъ, какой дѣйствуетъ въ оазисахъ густого населенія съ малыми водными источниками (Ура-тюбе, Нурата). Въ этихъ и подходящихъ къ нимъ бѣдностью орошенія оазисахъ, пользованіе арычною поливкою доведено исконными внутренними хозяйственными распорядками до такой правильности, что въ сезонъ обработки полей и садовъ ни одно ведро арычной воды не растрачивается непроизводительно, не уходитъ безвременно за предѣлы своего питавшагося ею района, а совершаеть въ немъ свой путь посѣщеніемъ каждого участка въ соотвѣтствующій, установленный весеннимъ жребиемъ часъ. Въ такихъ мѣстахъ эта ирригационная аккуратность установила въ земледѣльческихъ обществахъ и соотвѣтствующій взаимный контроль пользованія, выражаемый терминами биръ-су — одна вода, ярымъ-су — полъ-воды, черикъ-су — четверть воды, нимча-су — одна восьмая воды. Такимъ образомъ, подъ выраженіемъ земледѣльца уратюбинца, напримѣръ: „у меня имѣется одна вода (биръ-су) слѣдуетъ разумѣть право этого собственника на пользованіе въ очередь чрезъ 15—20 дней, смотря по количеству собственниковъ-земледѣльцевъ, водою обыкновенного полевого арыка въ теченіи однихъ сутокъ (биръ-кича, биръ-кундузъ); полъ-воды составляетъ право поливки отъ восхода лѣтняго солнца до 5 часовъ пополудни (намазъ-дигерь); четверти воды составляеть поливку отъ восхода солнца до 12 часовъ (пишинъ); восьмая воды — трехчасовая поливка отъ восхода солнца. Право каждого собственника известной общинѣ на пользованіе тѣмъ или другимъ количествомъ воды известно однообщинникамъ: оно выражено тѣми же терминами биръ-су, ярымъ-су, въ завѣщательныхъ или въ купчихъ документахъ; оно и неоспоримо

иначе какъ въ порядкѣ судебнаго процесса. Оазисовъ такого своеобразнаго распорядка пользованія орошениемъ встрѣчается въ Туркестанѣ не много, исключительно въ такихъ уѣздахъ, где при густотѣ населенія общее количество орошениія стоитъ въ рѣзкомъ несоответствіи съ плошадью всей обрабатываемой земли данного района. Въ силу условій полной зависимости земледѣльческаго производства отъ искусственнаго орошениія, въ такихъ районахъ обыкновенно право орошениія получаетъ такую цѣнность, что часто является совершенно самостоятельнымъ предметомъ купчай сдѣлки, отмѣщающей тогда въ хотъ-васика: отчуждается ли только биръ-су (одна вода), ярымъ-су, которая потребовалась быть можетъ для усиленія орошениія собственной земли покупщика, или же право орошениія уступается выѣсть съ землею. Какъ первый, такъ и второй видъ отчужденія встрѣчается въ оазисахъ маловодья рядомъ съ временными — арендными отчужденіями одного только права орошениія. При этомъ замѣчается преобладаніе первого вида отчужденія надъ вторымъ, какъ въ количествѣ случаевъ, такъ и въ размѣрахъ платы, доходящей какъ намъ известно въ Уратюбинскомъ районѣ до 500 р. за суточное орошеніе (биръ-су) полнаго потомственаго отчужденія. Размѣръ платы какъ за отчужденіе права на воду, такъ и поземельной, обусловливается конечно близостью отчуждаемой собственности къ городу и характеромъ земледѣльческой культуры данного района. Для полноты изложенія скажемъ еще, что очереди пользованія орошениемъ изъ того или другого водного источника устанавливаются каждогодно въ февралѣ мѣсяцѣ, предъ открытиемъ посѣвовъ, и дѣйствуютъ до совершеннаго окончанія озимыхъ запашекъ, въ октябрѣ, когда въ поливѣ полей, садовъ и виноградниковъ надобности не представляется. Для открытия очередей, въ условное время, составляются сельскіе сходы изъ всѣхъ наличныхъ собственниковъ орошениія, которые по истолкованіи аксакаломъ, какъ традиціоннымъ, а не казеннымъ выборнымъ старшиною, цѣли сходки, вынимаются изъ рѣшета помѣченныя палочки жребія, указывающаго — кому начинать

поливку и въ какомъ порядке стоять затѣмъ остальные земледѣльцы.

Если руководитель сходки—аксакалъ или заступающій его мѣсто одинъ изъ собственниковъ—пользуется уваженіемъ мѣстнаго населенія, вліяніемъ на него въ общественныхъ дѣлахъ, метаніе жребія оканчивается и скоро, въ нѣсколько часовъ, и безспорно, какъ въ опредѣленіи порядка очереди, такъ и въ присужденіи размѣра вознагражденія надсмотрщику за соблюденіемъ очередной поливки.

Обыкновенно вознагражденіе мирабу, надсмотрщику поливки, опредѣляется платою съ каждого хирмана — вымолота или съ каждого танапа садовъ. Если мирабъ исполняетъ свое дѣло усердно, добросовѣтно, общество расплачивается съ нимъ по уборкѣ хлѣбовъ аккуратно, безъ всякихъ напоминаній, безъ всякихъ оспариваній. Находясь въ такой зависимости отъ всего сельского общества, какъ условіемъ выбора открытымъ голосованіемъ, безъ всякаго къ счастію вмѣшательства властей, такъ и существеннымъ условіемъ получения гонорара отъ самихъ земледѣльцевъ, каждый мирабъ несетъ свою обязанность съ отмѣннымъ усердіемъ. Совершенно обратное явленіе замѣчается тамъ, гдѣ мирабы обратились въ исполнителей приказаний чиновниковъ, гдѣ они назначаются разными „усмотрѣніями“. Такіе мирабы, потерявъ реальную связь съ тѣмъ обществомъ, къ которому они приставлены, дорожатъ естественно мнѣніемъ о нихъ „подлежащихъ“ властей, но не этого общества. Если сообразить затѣмъ, что подлежащая власть ирригациіи составляетъ органъ „управлениія“ самостоятельный, не подчиненный ближайшей къ населенію власти администраційной, то и легко представить, чего стоитъ земледѣльческому классу избавиться отъ такого казеннаго мираба чрезъ „сношенія“ между собою подлежащихъ властей. Мы не стали бы заводить рѣчь объ этомъ предметѣ, если бы наблюденія въ Зеравшанскаго округа<sup>1)</sup> не привели насъ къ тому убѣждѣнію,

<sup>1)</sup> Мы съ особыми удовольствіемъ обизательства отычаемъ здѣсь наслышанную нами многократно признательности Бухарскаго и Зеравшанскаго населенія

что вторженіе приказовъ, казеннаго начала, съ безконечнымъ бумагоистребленіемъ, съ атрибутомъ формы и окладовъ, въ хозяйственные и прочие распорядки сельскихъ обществъ, въ особенности въ дѣлѣ ирригациіи, приносить крайне слабые плоды, пріучая также населеніе къ автоматическому отношенію къ задачамъ самоуправлениія.

Когда намъ приходилось говорить такими доводами опасеній, мы выслушивали отъ вѣкоторыхъ объясненія о неумѣлости туземцевъ въ дѣлѣ ирригациіи. Указывалось обыкновенно на отсутствіе у туземцевъ самого элементарного представлениія о нивелировкѣ, на непроизводительную оттого въ частыхъ случаяхъ затрату силъ въ попыткахъ проведенія арыковъ тамъ, гдѣ „научный глазъ“ не допускаетъ возможности и думать о такой затѣѣ; говорилось о „несовершенствѣ“ рѣчныхъ и арычныхъ плотинъ, о преобладаніи вообще у туземцевъ въ дѣлѣ ирригациіи „инстинкта и опыта“, а не дѣйствительнаго знанія. Но я бы рекомендовалъ господамъ „спеціалистамъ“, отрѣшившись отъ ужасной болѣзни „административной гордости“, всмотрѣться въ положеніе ирригациіи въ горахъ верховьевъ Зеравшана, а затѣмъ отвѣтить на вопросъ: что же сдѣлано спеціалистами, не говоря въ горахъ, но въ долинѣ, гдѣ работа арыковъ технически проще, за все время управлениія ими ирригацией при помощи смыть и широкихъ затратъ на ирригационный штатъ?

Можетъ быть этотъ вопросъ и встрѣтится когда-нибудь съ успокоительнымъ разъясненіемъ, а пока нашему наблюденію представлялось только слѣдующее: обильное словоизверженіе, размашистые проекты возможности осчастливить такой-то оазисъ, перебросивъ въ него чрезъ горные хребты, то-нелько въ нѣсколько сотъ верстъ, „такую-то“ рѣчу, — проекты устройства цементныхъ плотинъ, стоимости, равной доходамъ всего Туркестанскаго края, попытки регулировать пользованіе водою повременными и крайне сомнительной достовѣрности

шія пррігатору Зеравшанскаго округа З. Э. Жижемскому, неутомимая дѣятельность котораго и правильный взглядъ на дѣло известна всему краю.

вычислениями о количествѣ кубич. футовъ воды въ главной оросительной артеріи, неудавшіяся попытки устройства „постоянныхъ“ водомѣрительныхъ знаковъ, вовсе не дававшихъ показаній, и, наконецъ, унесенныхъ чрезъ 3—4 мѣсяца догадливой стихіей, неудавшіяся попытки устройства на счетъ зимнихъ и весеннихъ водныхъ стоковъ большого резервуара, названного однако туземцами *Курук-куль* (сухое озеро), потому что накопленная въ немъ вода продержалась только одну недѣлю и ушла затѣмъ въ подпочву аллювіальной горной породы. Предоставляя каждому дополнить эту лѣтопись фактическихъ неудачъ „специалистовъ“ воспоминаніемъ изъ личныхъ наблюдений въ краѣ, я задаюсь еще вопросомъ: гдѣ та искусственная ирригација въ Самарской и въ Харьковской губерніяхъ, надъ которой работалъ нѣсколько лѣтъ, съ большими затратами отъ земствъ, одинъ изъ туркестанскихъ специалистовъ горнаго, но не ирригационнаго дѣла?

Ни на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ отвѣта конечно не послѣдуетъ, потому что опровергать констатированные факты однихъ только дорого ставшихъ неудачъ невозможно, а доказывать благодѣтельное вліяніе на ирригацию канцелярскаго механизма и нарожденного имъ штата съ окладами, никто вѣроятно не рѣшился. Отъ нѣкоторыхъ защитниковъ системы досмотра за ирригацией чрезъ специалистовъ

особенности въ дѣлѣ податномъ, располагавшемъ къ воровству и взяточничеству, несовершенствомъ также и приемовъ хераджной и закетной системъ, что мѣстами были даже попытки замѣны сборщиковъ податей туземцевъ-серкераовъ, амлякдаровъ, также русскими чиновниками и офицерами. Но уже однодличный опытъ показалъ всю несостоятельность такой попытки, и возвращеніе къ тѣмъ же амлякдарамъ не только не ободрило ихъ этою неудачею къ злоупотребленіямъ, но время отъ времени, поступательно нашему изученію и краю и народа, поставило ихъ въ условія невозможности злоупотреблять какимъ бы то ни было путемъ. Такъ было и съ мирабами, пока воспріимчивый къ хорошимъ начальамъ туземецъ не уразумѣлъ, что онъ можетъ обороняться отъ разныхъ хапуновъ покровительствомъ русскихъ властей, русскихъ законовъ. Теперь проявленія злоупотребленій со стороны мирабовъ даже въ районахъ сложной ирригациіи (Ходжентъ, Уратюбе, Джизакъ), свободной пока отъ чиновничьяго досмотра, не замѣчается вовсе и водоснабженіе идетъ такъ стройно, правильно, безобидно, какъ и требуется. Оно иначе и быть не можетъ, потому что мирабы, выбранные обществомъ, получая опредѣленное вознагражденіе отъ него и становясь подъ контроль этого общества и властей, заинтересованы продолжительностью своей службы, а не временной подачкою, способною вызвать всякий

обязанныхъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ самому обществу, съумѣвшему устроить и правильно поддерживать ирригaciю, безъ всякаго соглядатайства чиновниковъ, роль которыхъ въ дѣлѣ ирригaciи можетъ быть только техническая, мы должны сказать однако, что занимающей судьбы всей долины Зеравшана вопросъ правильного распределенія орошенія чрезъ регулированіе самимъ земледѣльческимъ обществомъ запашекъ— вопросъ сложный, вопросъ ищущій отвѣта правильного, беспристрастного для интересовъ всей долины Зеравшана, включительно съ ханствомъ Бухарскимъ.

Этотъ колоссальный вопросъ, взывающій къ народному голосу, къ знатокамъ дѣла всею сложностью очевидныхъ послѣдовательствій неравномѣрнаго пользованія орошеніемъ, конечно, сложнѣе трафаретной программы составленія „требованій“ на содержаніе мирабовъ, требованій наряда рабочихъ отъ населения,—сложнѣе, безъ сомнѣнія, всякихъ смѣтъ на устройство дорогихъ водомѣрительныхъ знаковъ, смѣтъ на подрядное исправленіе плотинъ<sup>1)</sup>,—но зато и результатъ правильного рѣшенія такого вопроса можетъ сказаться въ соотвѣтственной мѣрѣ капитальнымъ обогащеніемъ всей долины Зеравшана, чрезъ поднятіе на счетъ избытка орошенія къ производительной жизни нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ степныхъ оголенныхъ даштъ.

Пожелаемъ же, чтобы этотъ вопросъ сталъ скорѣе въ очредь изученія и радикальной осторожной разработки<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Да будетъ известно всѣмъ отечественнымъ любителямъ подрядовъ, что Средняя Азія никогда не примѣняла ихъ къ дѣлу ирригаций, не примѣняетъ и до нашихъ дней тамъ, где зашахъ чиновника не распространился еще.

<sup>2)</sup> Съ крайнимъ удивленіемъ неизонианіи пуждъ туземшаго населенія, его свойствъ, мы встрѣчаемъ также и попытки иѣкоторыхъ гг. ирригаторовъ края передавать обязанности мирабовъ, бандъ-бановъ (надсмотрщиковъ за плотинами) безсрочно-опускными нижнимъ чинамъ. Только этого недоставало, чтобы въ конецъ искошеркать то грандиозное дѣло ирригаций рукъ туземцевъ, которое началось, развилось, стройно поддерживалось безъ подталкиваній чиновниками, а силою практическихъ лицъ, силой настойчивости и терпѣнія.

## О МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ ПОЗНАНІЯХЪ ТУЗЕМЦЕВЪ<sup>1)</sup>.

Извѣстно, что туземцы рѣшительно не имѣютъ никакого представлениія о вліяніи разныхъ теллурическихъ условій на количество и на повторяемость дождей, не знаютъ теоріи о предсказаніяхъ погоды по склоненіямъ луны, незнакомы съ научными наблюденіями надъ распределеніемъ дождевыхъ дней по фазамъ луны такимъ образомъ, что наибольшее число дождей приходится на время отъ первой четверти до полной луны, а затѣмъ вліяніе луны уменьшается<sup>2)</sup>, и т. п.

Туземцамъ невѣдома также классификація облаковъ; имъ неизвѣстны самые элементарные приемы метеорологическихъ наблюденій надъ состояніемъ температуры воздуха, воды, надъ показаніями барометра, и проч.

Поэтому космическая воззрѣнія туземцевъ весьма скучны; по ихъ мнѣнію, вселенную (*дунія*) составляютъ земля, солнце, луна, небо съ большими и малыми звѣздами; земля въ два раза, а луна въ  $1\frac{1}{2}$  раза менѣе солнца; земля представляетъ шаръ (*кури*), остающійся неподвижнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ нагромоздилъ на него горы, составляющіе такимъ образомъ приколъ (*казыкъ*) этого шара; солнце также неподвижно, во распространяетъ на землю свѣтъ и теплоту, оставленную тамъ Богомъ, чрезъ облака, которые обходять вмѣстѣ съ луною вокругъ солнца и земли по двѣнадцати колеямъ (*бурджа*);

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1879 г.

<sup>2)</sup> Шюблерь, Гаспаренъ, Гоурдъ

оттого и бываетъ, что луна, очутившись позади земли, не свѣтить; затмѣніе же солнца посыпается Аллахомъ за очень тяжкіе грѣхи людей.

О распределеніи на земномъ шарѣ суши и морей составляютъ представление бросая въ прудъ (*хаусъ*) тыкву: насколько тыква выдается изъ воды, столько на землѣ суши, осталъвое—моря:  $\frac{1}{4}$  часть всей земли обитаема людьми (*рубій маскумъ*), а остальные  $\frac{3}{4}$ —пустыны (*джазифа*). Землетрясеніе производятъ ангелы (*малаика*); по приказанію Бога, за грѣхи людей; но ученые муллы допускаютъ однако, что оно бываетъ и вслѣдствіе стремленія подземныхъ испареній (*бухоротъ*) прорваться наружу; мозгія (*чакмакакъ*) и громъ происходятъ отъ борьбы между собою облаковъ (*блудъ*); градъ (*джалия*) — явленіе небъяснимое.

И эту мудрость однако постигаютъ очень немногіе изъ туземцевъ, именно только тотъ классъ пытливыхъ людей, которые вопреки одной изъ суръ корана, дерзаютъ разбирать тайны міра, или самостоятельнымъ мышленіемъ, или по запрещеннымъ для мусульманъ книгамъ — *ильми-хикметъ*, *китаби-нуджумъ* (астрономія), встречающимся въ Бухарѣ у нѣкоторыхъ мулль какъ библиографическая рѣдкость, увернувшаяся отъ дозорнаго преслѣдованія раиса, казіевъ и прочаго сонма „блестителей вѣры“.

Каждый почти городъ, каждое большое селеніе, каждый районъ кочевьевъ имѣть своего, не то метеоролога, не то астронома (у сартовъ—*хисапданъ*, у киргизовъ—*исычи*), который предсказываетъ погоду съ такой смѣлостью, какая внушиается легковѣріемъ и суевѣрной податливостью однообщинниковъ.

У кочевниковъ, напримѣръ, интересующихся знать, къ какой зимѣ, суровой или легкой, они должны готовиться, исычи смѣло уверяютъ въ непогрѣшиности ихъ метеорологическихъ предсказаний на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Обыкновенно исычи заботливо хранять въ тайнѣ секретъ предсказыванія погоды, и передаютъ эти знанія въ мужскую линію своего

потомства, отъ отца къ сыну. Вотъ отчего, и отчасти вслѣдствіе материальной обезпеченности, у кочевниковъ эта профессія имѣть мало adeptовъ.

У сартовъ же, гдѣ познанія *хисапдана* (времяисчислителя) существенно необходимы для цѣлей религіозныхъ: правильного опредѣленія дней годовыхъ праздниковъ (рамазанъ, курбанъ, саиль), для точныхъ расчетовъ землепашцами времени посева разныхъ хлѣбныхъ злаковъ, времяисчислители (они же бываютъ и предсказывателями погоды) встрѣчаются, кромѣ городовъ, почти въ каждомъ селеніи. Ихъ дѣятельность ограничивается точнымъ опредѣленіемъ по луннымъ склоненіямъ начала каждого магометанскаго мѣсяца, наступленія праздниковъ, а предсказанія погоды основываются на заключеніяхъ стариковъ (*каряларъ*), выведенныхъ будто бы изъ долговременныхъ наблюдений.

Въ Пенджекентѣ, напримѣръ, можно услышать отъ хисапдановъ такую метеорологическую теорію: если въ послѣдніе часы мѣсяца сауръ (апрѣль), до полудня 9 мая по старому стилю, небо будетъ облачно, то надобно ожидать суровой, сѣрѣйной зимы; если первые дни мая (*джауза*) дождливы, то будутъ дожди и въ ноябрѣ (*каузъ*), а въ противномъ случаѣ надо ожидать дождей въ началѣ октября (*окупъ*). Если горячій вѣтеръ (*гармсилъ*) начнется около 25 мая по старому стилю, то октябрь будетъ очень холодный; если же въ половинѣ октября разразится снѣгъ и холода, то надо ожидать очень многосѣрѣйной зимы.

По наблюдению пенджекентскихъ хисапдановъ, весеннему (въ мартѣ) дождю предшествуетъ западный (*кибла*) вѣтеръ; апрѣльские дожди предсказываются тучами на южной сторонѣ небосклона; молнія (*чакмакакъ*) и громъ (*мама-куидракъ*) происходить отъ ударовъ плетью по облакамъ надсмотрщикомъ, ангеломъ Карканлемъ; гроза никакихъ предсказаний не даетъ, а градъ (*джалия*) есть просто: „Аллахи пберганъ офотъ“ (Богомъ посланная кара неба); гармсилъ (горячій вѣтеръ), по общему заключенію прорывается въ Зеравшанскую долину изъ Голод-

ной степи, чрезъ ущелье Джеланъ-ута (въ Джизакскихъ горахъ), огибаетъ порою западные склоны Туркестанскаго кряжа на Зеравшанѣ и устремляется въ ущелья Фальгара, проникая также по пути въ боковыя горныя щели Магіана и Кштута. Туманность горъ Фальгара въ маѣ и юль мѣсяцахъ служить, по наблюденіямъ туземцевъ, вѣрнымъ предсказаниемъ за нѣсколько дней впередъ движенія съ запада горячаго вѣтра, продолжительность котораго здѣсь не бываетъ болѣе трехъ порывовъ въ день, причемъ случается, что гармсиль дуетъ нѣсколько дней сряду, носится по вершинамъ горъ и это обозна-чается половодьемъ (лойобз) Зеравшана, усиливающимся обыкно-венно въ маѣ и августѣ мѣсяцахъ таяніемъ верхнихъ снѣговъ, подъ ваяніемъ жаркаго вѣтра.

Горцы Фальгара и Кштута замѣчаютъ еще, что сгущеніе облаковъ, наблюдаемое въ апрѣль и маѣ мѣсяцахъ, предше-ствуетъ грозѣ (раадѣ); что облака полосатыя (алаблудѣ) или перистыя предвѣщаютъ въ апрѣль дождь, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ — снѣгъ, что бездождная весна (съ 15 марта по 20 апрѣля) обѣщаетъ дожди въ юнѣ, августѣ мѣсяцахъ и силь-ные, сухіе холода зимою.

Вотъ все, что можно услышать отъ зеравшанскихъ тузем-цевъ по части метеорологии.

Если, ориентируясь по этимъ скучнымъ знаніямъ, основан-нымъ на продолжительныхъ наблюденіяхъ, вы укажете хисап-дану на какое-нибудь экстраординарное явленіе, какъ напр. утренникъ-морознякъ 1 мая (1875 г.), или крупный градъ въ теплый майскій вечеръ, то онъ, при очевидности доказа-тельствъ на помераломъ виноградѣ и побитомъ хлѣбѣ, не ста-нетъ отвергать, что такія явленія случились, но скажетъ только, что „это — кара за грѣхи людей“. Больше никакихъ объясне-ний и не требуйте, чтобы не услышать искренняго признанія, съ вздоханіемъ, что познаніе міра вселенной (дунія) за-прещено кораномъ, что за такое еретическое стремленіе ша-ріатъ назначаетъ тяжкое наказаніе, а общество считаетъ та-кихъ людей отверженными, неугодными мусульманству.

Таковы оковы, разобщающіе восточнаго человѣка съ міромъ разумности! Только школа и осмыслиенно-нравственное вліяніе на туземцевъ способны будуть когда-нибудь извлечь этотъ мла-денческій народъ изъ умственного мрака на путь чистыхъ знаній; свободныхъ отъ вліянія религіи, суевѣрій и разныхъ фантастическихъ примѣсей.

Надо желать этого духовнаго обновленія туркестанскихъ туземцевъ, надо стремиться къ скорѣйшему выполненію его!

Только вліяніе русской школы и распространеніе истин-ныхъ знаній способно выполнить эту миссію надъ туземцами, погруженными въ невѣжество, мѣстами близкое къ фетишизму. Напримеръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Матчи горцы умилостивляютъ природу къ ниспосланію снѣжной зимы, необходимой для того, чтобы озимая (*тиромац*) пшеница (*гондумъ*) хорошо уродилась, слѣдующимъ дикимъ обычаемъ, аккуратно выполняемымъ каждогодно осенью, въ праздніе рамазанъ: послѣ полдневнаго намаза, которымъ заканчивается мусульман-скій 30-ти-дневный постъ, все населеніе кишлака прямо изъ мечети отправляется на площадь, куда выносятъ большое корыто (*корсанъ*), съ мѣшалкою изъ муки, называемой *атала*. Каждый изъ присутствующихъ, малые и большие, долженъ по-пробовать пятерней это даровое угощеніе; затѣмъ тоша сква-тываетъ кого-нибудь изъ стариковъ, владѣть его въ корыто, гдѣ онъ добровольно и лежитъ, пока эта оригинальная коzy-бель не будетъ раздавлена ногами всѣхъ присутствующихъ, умилостивляющихъ такою жертвою Аллаха.

Намъ не удалось пока выяснить, откуда и съ какихъ вре-менъ забрался въ горы дикой Матчи этотъ странный обычай, не существующій у ближайшихъ ихъ сосѣдей, горцевъ Филь-гара, Фана и Ягноба; но можно догадываться, что онъ есть грубое извращеніе установленія (угощенія бѣдныхъ), дѣйствую-щаго въ долинѣ. Въ Пенджекентѣ это дѣлается раза три въ годъ и имѣеть цѣлью также умилостивленіе Аллаха къ ниспо-сланію дождя. Обыкновенно въ апрѣль мѣсяцѣ, подъ впечат-лініемъ бездождя, столь губительнаго для большинства посѣ-  
досугъ въ туркестанѣ.

вовь, созыватели на молитву (*суби*) всѣхъ мечетей города или селенія условливаются сдѣлать въ опредѣленный день угощеніе бѣднымъ. Извѣщенные объ этомъ прихожане мечети, отправляютъ добровольныя жертвованія деньгами, мукою, лепешками или овощами. Распорядитель покупаетъ припасы, приглашаетъ повара (*оиз-пазз*), приготовляетъ въ большомъ количествѣ пшеничную кашу съ мясомъ (*ходыса*) и въ назначенный часъ раздаетъ эту пищу чашками каждому прихожанину. Затѣмъ послѣ угощенія (*дарәиши-ана*) молятся Богу о ниспосланіи дождя.

Отдельно дѣти до 11-ти-лѣтняго возраста, обнаживъ головы, умилостивляютъ Аллаха предъ каждымъ домомъ хоро-  
вою прѣснею:

„Янгуръ яксунъ  
Сусь хатынъ.  
Арпа пимсунъ  
Сусь хатынъ.  
Сиръ ійсунъ  
Сусь хатынъ“.  
Т.-е. въ перевѣздѣ:  
„Дождикъ иди,  
Подай хозяйка.  
Ячмень дозрѣвай,  
Подай хозяйка.  
Корова наѣдайся,  
Подай хозяйка“.

Каждый увѣренъ, что мольбы безгрѣшныхъ (*гунамз*) дѣтей будутъ услышаны Богомъ, высылаетъ такому разгуливающему по городу хору мальчиковъ, кто—одну чеку ( $\frac{1}{3}$  коп.), кто—яичко, кто—лепешку, кто—горсть муки.

Въ осѣдлостяхъ Зеравшанской долины, во время продолжительной засухи, въ апрѣль мѣсяцѣ практикуется также и такое средство умилостивленія Аллаха: мулла подвѣшиваетъ къ вѣтвямъ деревьевъ (обыкновенно на талѣ) *тумаръ*, т.-е. свертокъ молитвы, и безмолвно побрызгиваетъ на него снизу водою, по крайней мѣрѣ въ теченіе около получаса; это дѣлается въ увѣренности, что Богъ въ свою очередь окропить сверху дождемъ *тумаръ*, оставленный на деревѣ.

Конечно, эти и разныя другія умилостивленія Аллаха будуть исполняться туземцами до тѣхъ поръ, пока представление туземцевъ о видимой природѣ и физическихъ явленіяхъ ея будуть такими, каковы они теперь; пока архангель (*малаика*) *Каркаиль* будетъ хлестать облака плеткой, чтобы вызвать молнию и громъ, пока радуга будетъ считаться *камони* (лукъ стрѣльчатый) *Хасанд-Хусейнъ*. Въ цѣлахъ радуги туземцы видятъ сочетаніе яда (зеленый цвѣтъ) съ кровью (красный цвѣтъ). Зеленый цвѣтъ — это ядъ, которымъ былъ отравленъ своею женой внукъ Магомета, Хасанъ, а красный цвѣтъ есть кровь второго внука пророка, Хусейна, убитаго Шибръ-Ляиномъ.

Къ сказанному о метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ-горцевъ, можно прибавить еще свѣдѣнія о наблюденіяхъ ихъ надъ вліяніемъ погоды на конечные результаты сельскохозяйственной дѣятельности данного года. Многоснежная зима (съ декабря по 15 февраля) считается земледѣльцами истиннымъ благодѣяніемъ, какъ покрывало (*курпе*) для озимыхъ посѣвовъ и источникъ лѣтнаго половодья рѣкъ. Ранніе, весеніе (февраль и мартъ) дожди безусловно полезны для земледѣства, но частые дожди въ первой половинѣaprѣля неблагоприятны для злаковыхъ посѣвовъ на тучной, перегнойной почвѣ по берегамъ Зеравшана; отъ излишней сырости посѣвы эти подвергаются болѣзни, называемой *зерда* (родъ ржавчины).

Нераспознанная здѣсь еще болѣзнь эта, поражающая огромныя площади посѣвовъ ячменя и шпеницы, во время налива колоса, имѣть послѣдствиемъ окончательное истощеніе зерна. Каждый, кто пройдетъ по такой, зараженной пашнѣ, окрашивается оранжевымъ цвѣтомъ отъ пыли, спадающей съ большихъ колосьевъ.

Разсмотренный нами въ лупу пораженный колось вмѣшалъ въ себѣ массу микроскопическихъ красныхъ, шестионогихъ насѣкомыхъ, вѣроятно и окраивающихъ пораженное хлѣбное растеніе своими экскрементами. Несомнѣнно, что эти насѣкомыя высасываютъ зерно при наливѣ.

Не менѣе гибельно для густыхъ посѣвовъ пасмурное небо въ апрѣль мѣсяцѣ: отъ недостатка солнечнаго свѣта (этіоли-рованіе) клѣточки растенія вытягиваются, ткани дѣлаются мяг-кими и хлѣбъ полегаетъ тогда.

Дождевые ливни во второй половинѣ апрѣля крайне не-благопріятны для огородовъ, гряды которыхъ притоптываются до того, что всходы арбузовъ, дынь и овошней не пробиваются сквозь земляную, твердую кору.

Іюльскій дождь гибельенъ для дозрѣвающаго винограда, ко-торый лопается отъ него и быстро сгниваетъ.

Частые дожди въ послѣдней половинѣ сентября весьма неблагопріятны для дозрѣвающаго риса, который напитывается сыростью (намѣ) и подъ пестомъ круподерни (*абджуазз*) пре-вращается въ муку. Гармъ-силь (горячій вѣтеръ) безусловно вреденъ для землепашства.

Такимъ образомъ много атмосферическихъ явлений, до самой почти жатвы, держать задѣшняго земледѣльца въ страхѣ за его урожай, опредѣляющійся только по обмолотѣ хлѣба. По-этому задаваться съ февраля мѣсяца, какъ по заведенному порядку дѣлается, вопросами „о видахъ на урожай“, значить тратить напрасно бумагу и время и вводить себя въ обманъ въ такомъ важномъ для разныхъ цѣлей вопросѣ.

Много бѣдъ причиняетъ земледѣльцу этотъ гармъ-силь, сродственный аравійскому самуну, египетскому шамсину, южно-европейскому солоно (Испанія), сирокко (Італія) и фенъ (Альпы).

Не мало также причиняетъ бѣдствія для землепашцевъ такой бѣврѣменный градъ, какой разразился въ горахъ 5 мая. Этому, довольно рѣдкому здѣсь явлению, предшествовало вѣ-сколько вѣтряныхъ, облачныхъ дней, обѣщавшихъ, по наблю-деніямъ, обильный дождь. Замѣчалось, что разорванныя съ ве-чера перистыя облака, опускались и собирались къ утру на южной сторонѣ небосклона въ облака кучевые, въ видѣ кони-ческихъ клубовъ, подымающихся на горизонтальномъ осно-ваніи. Наконецъ, съ полдня 5-го числа, подъ дѣйствіемъ за-паднаго довольно сильнаго вѣтра, облака начали уплотняться,

перешли въ форму грозовыхъ облаковъ и, при неумолкающемъ сѣверо-западномъ вѣтре; въ  $7\frac{1}{4}$  часовъ вечера, при темпе-ратурѣ  $+16^{\circ}$  R., разразились сильной грозой на юго-западѣ и градомъ, величиною съ голубиное яйцо, смѣнившемся чрезъ 6 минутъ легкимъ дождемъ.

Изъ разспросовъ оказалось, что грозовые осадки эти — градъ и дождь, прошли вечеромъ 5 мая полосами, начиная съ Ургута, гдѣ былъ только небольшой дождь, направившійся на сѣверъ чрезъ Яны-казанъ-арыкскую волость и повернувшись затѣмъ отъ Рабатъ-хожа на востокъ, по Зеравшанскому ущелью, чрезъ Пенджекент<sup>1)</sup>). Здѣсь близость высокихъ горъ, при непрерывной грозѣ, способствовала превращенію дождя въ крупный градъ, тянувшійся полосою, въ 4 версты ширины и 40 верстъ длины, начиная отъ развалинъ селенія Рабатъ-хожа<sup>2)</sup> до селенія Іори. Одновременно былъ только слабый порывъ дождя въ селеніи Суджина, въ 7 верстахъ на востокъ отъ Пенджекента и въ одной верстѣ отъ южнаго края полосы града. Въ ближайшихъ же къ Пенджекенту горахъ, въ южныхъ селеніяхъ Зибанъ и Сауръ, прошла только гроза.

Дорого обошлось землепашцамъ нагорныхъ тюменей вообще, и Пенджекенту въ особенности, это необыкновенное здѣсь явленіе — градъ (*джаля*), о которомъ самые умные мѣстные метеорологи могли только сказать, что это явленіе „Алланы иберганъ офотъ“ (Богомъ посланное наказаніе).

Немногіе русскіе дома въ Пенджекентѣ лишились 200 окон-ныхъ стеколъ. Озимые, злаковые посѣвы, фруктовые сады, виноградники, клеверъ сильно пострадали.

Захваченные полосою града уже налившіеся пшеница и ячмень, какъ будто срѣзаны во второй трети стебля серпомъ. Такіе посѣвные участки на нынѣшній годъ останутся совер-шенно бездоходными, такъ какъ не представляется возмож-ности даже собрать солому, которая начинаетъ уже гнить.

<sup>1)</sup> Въ 22 верстахъ на востокъ отъ Пенджекента.

<sup>2)</sup> Двумя часами раньше пенджекентскаго града въ Самарканѣ, въ западной части города, прошелъ сильный дождевой гроза.

Изъ посевовъ риса уцѣлѣли только тѣ, которые оставались еще подъ водою; ранніе же всходы, застигнутые открытыми, побиты градомъ до того, что пришлось снова ихъ подсѣвать.

Фруктовыя деревья (урюкъ, яблоки, груши, сливы, миндаль) и виноградники сильно порѣдили плодами.

Горе еще въ томъ, что вслѣдствіе поздняго времени невозможно теперь уже перепахать землю подъ рисъ, а при невыгодности обработать ихъ подъ дешевый тарыкъ (просо) или морковь, придется оставить поля подъ паромъ (*шудчаръ*) до осени. Тогда потерпѣвшіе земледѣльцы разсчитываютъ посѣять на этихъ земляхъ пшеницу.

---

### ЗАМѢТКА О МОСТАХЪ НА ЗЕРАВШАНЪ<sup>1)</sup>.

---

Въ Пенджекентскомъ районѣ, между кишлаками Суджина и Йоры, когда-то были устроены чрезъ рѣку Зеравшанъ три моста: бревенчатый-перекидной, каменный арочной системы Ду-пуля, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ первого, и деревянный, накатной системы Туркменъ-пуля, въ 9-ти верстахъ выше второго. Всѣ три моста сооружены единичными средствами частныхъ лицъ, какъ бы въ жертву обществу, и даже говорятъ „худай“, слѣдовательно изъ религіозно-филантропическихъ побужденій, и этими же жертвователями поддерживались.

Народная память говорить намъ, что мостъ бревенчатый выстроенъ 10 лѣтъ тому назадъ узбекомъ рода Туркъ, изъ кишлака Зульфаабай-джамои (на правомъ берегу Зеравшана) Зульфанбаємъ Нуровымъ; мостъ Ду-пуля сооруженъ 56 лѣтъ тому назадъ женой узбека рода Туркъ, Баба-бека, по имени Шарифа, изъ кишлака Зауронъ (на лѣвомъ берегу Зеравшана), и третій мостъ Туркменъ-пуля выстроенъ 20 лѣтъ тому назадъ жителемъ кишлака Дардаръ (въ верховьяхъ Зеравшана, на правомъ берегу) Шукурбаємъ Худай-Бердіевымъ. Съ прѣсъченіемъ, лѣтъ 20 тому назадъ, прямыхъ потомковъ строительницы моста Ду-пуля, онъ никакъ не наблюдается и оттого, вслѣдствіе неремонтированія со временъ постройки, годъ отъ году приближается къ разрушению. Уже въ настоящее время, отъ обрушения лѣваго бока западнаго крыла этого моста, юза

---

<sup>1)</sup> Надеч. 1875 г.

по немъ небезопасна и три года тому назадъ стоила жизни одному урмитанцу, упавшему въ Зеравшанъ вмѣстѣ съ ишакомъ.

Дальнѣйшее неремонтированіе этого моста, повлечетъ чрезъ годъ совершенное его паденіе и мы лишимся дарового капитального сооруженія, реставрація которого путемъ инженерныхъ смыть обойдется въ десятки тысячъ, никакъ не менѣе, а поддержаніе теперь, ремонтируяiemъ посредствомъ туземныхъ мастеровъ, потребуетъ не болѣе 700 рублей и сохранить его еще на полвѣка.

О мостѣ Туркменъ-пули можно сказать еще менѣе утѣшительного: только торчащіе на обоихъ берегахъ Зеравшана громадные тополевые лежни свидѣтельствуютъ, что онъ когда-то существовалъ.

Постройка этого придаточнаго моста Туркменъ-пули вызвана, безъ сомнѣнія, прежде всего практическими соображеніями необходимости обеспечить постоянную переправу чрезъ Зеравшанъ даже въ случаѣ ремонтировочныхъ работъ на Ду-пуль, или совершенного его разрушенія, а ближайшая цѣль сооруженія была открытие скотопромышленникамъ кратчайшаго пути прогона баановъ съ пастьбы одного берега на другой. Постройка магистральнаго моста Ду-пуля, хотя и исполненная частнымъ лицомъ, въ силу разумнаго безучастія правительства капиталомъ въ подобныхъ сооруженіяхъ, вызвана столько же экономическими, сколько и политическими соображеніями правительства эмира Гайдаръ-Сеида.

Мостъ этотъ необходимъ былъ и тогда, нуженъ и теперь, какъ для интересовъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и для укрѣпленія, чрезъ безпрепятственное сношеніе, связей съ нагорной стороной, которая иначе, при отсутствіи этого средства сообщенія, осталась бы совершенно изолированной отъ торговыхъ центровъ долины Зеравшана и по необходимости вошла бы сначала въ промышленное сношеніе, а затѣмъ и въ политическое сопряженіе съ торгово-административными центрами долины р. Сыръ-Дарьи: Ура-тюбе, Кока-

номъ, Джизакомъ, чрезъ перевалы Аучинскій, Янги-собакскій и Санзарскій.

Въ наше время, если сношеніе населенія верховій Зеравшана съ долиной Сыръ-дары безразлично съ экономической стороны, то такія же промышленныя сношенія ихъ съ Карагандиномъ и Гиссаромъ, кроме того, что невыгодны для насъ въ меркантильномъ отношеніи, но и опасны въ политическомъ, какъ закрѣпляющія нежелательное тяготеніе этой окраины къ бухарскимъ провинціямъ, на постоянную дружбу которыхъ едва ли можно разсчитывать.

Прямой интересъ нашъ, слѣдовательно, обеспечить верховьямъ Зеравшана постоянное удобное сообщеніе съ Самаркандомъ, надѣляющимъ горцевъ русской мануфактурой и местными произведеніями, въ обмѣнъ на закъ-квасцы, сѣру, а въ будущемъ вѣроятно и на каменный уголь, существующій со временемъ оживить экономически эту обездоленную окраину.

Въ виду того, что для горцевъ единственнымъ перевозочнымъ средствомъ служить и навсегда останется ишакъ, неспособный справляться при переправѣ съ теченіемъ глубокихъ и быстрыхъ рѣкъ, слѣдуетъ весь путь отъ Польдарака до Пенджекента обеспечить прочными, незатѣлывыми мостами (существующіе мосты — перекидной и накатной системы) и прежде всего реставрировать мостъ Туркменъ-пули, затѣмъ исправить Ду-пули и уже послѣ этого перенести работы по улучшенію пути за Урмитанъ. Все это можно и даже слѣдуетъ исполнить такъ, чтобы правительственное участіе было только наблюдательное; активное же, материальное содѣйствіе потребовать отъ народа, для интересовъ котораго производятся эти сооруженія, который свыше исторически съ этой обязанностію до того, что породнилъ ее съ религіознымъ догматомъ и когда-то безъ понуканій строилъ мосты, цистерны и арыки также охотно, какъ и мечети. Ослабленіе этой благодѣтельной для народа и для правительства традиціи, утвердивъ въ населеніи ложное сознаніе права продавать намъ то, что немедленно къ нимъ же и возвращается, неизбѣжно по-

влечетъ за собою умышленное разрушение дорожныхъ, ирригационныхъ и другихъ сооружений, изъ тѣхъ очень простыхъ расчетовъ, чтобы при дополнительныхъ работахъ снова получить поденное вознагражденіе. Туземцы на этотъ счетъ смѣливы и, при общей внимательности ко всѣмъ нашимъ распоряженіямъ, не замедлять воспользоваться средствомъ легкой наживы, лишь увидя возможность получить выгоды, оставаясь безнаказанными за совершенное преступленіе, которое не обнаружатъ тогда никакие слѣдователи, если бы даже были поставлены мостовые будочники съ платою по 10 руб. въ мѣсяцъ. За доказательствами ходить не далеко: надо всмотрѣться только, какъ въ силу принятой въ началѣ системы разсадки по трактовымъ дорогамъ деревьевъ на отпускаемые каждогодно суммы, дѣло это подвигается медленно, и каждую весну приходится производить значительныя подсадки, по причинѣ истребленія деревьевъ частію умышленной порубкой, частію неполивкой, неуходомъ за молодняками изъ тѣхъ расчетовъ, чтобы получить 5 коп. за талевый черенокъ, иногда просто выбрасываемый, и 20—30 коп. за поденщину. Наша щедрость въ этомъ случаѣ не можетъ быть названа благотворною, какъ отдаляющая искусственное облѣсеніе мѣстностей и деморализующая все населеніе; да и къ чему она, когда туземцы свыклись уже и за наше время съ обязанностью отбыванія натуральной повинности, путемъ которой съ ничтожными денежными затратами въ 3—4 года обстроены такъ практично и благовидно весь Зеравшанскій округъ.

Денежное вмѣшательство наше въ дѣло устройства и поддержания дорожныхъ и мостовыхъ сооружений въ такихъ мѣстностяхъ, какъ участки Фанскій, Матчинскій, Фальгарскій и вообще верховья Зеравшана, можно назвать прямо гибельнымъ для горного населенія, такъ какъ въ концѣ-концевъ оставить ихъ совершенно безъ дорогъ, безъ мостовъ, а слѣдовательно и безъ хлѣба; намъ же это неумѣстное попеченіе будетъ обходиться каждогодно десятки тысячъ руб. (въ верхнемъ Зерав-

шанѣ всего 30 мостовъ) <sup>1)</sup>, и столько же дознаній, донесеній о крушениі „такого-то“ моста, „такого-то“ карниза (*пасхантая*), „такого-то“ балкона. Прежніе правители хорошо сознавали необходимость оставленія за народомъ обязанности самопопеченія, и такие дѣятели, какъ урмитанскій бекъ Коноатъ (1860 года) оставили въ народѣ добрую и прочную о себѣ память вовсе не денежнымъ участіемъ въ дѣлѣ сооруженія, напримѣръ, дороги въ Урмитанѣ, въ обходъ труднаго подъема на Джанъ-чигаръ (душа вонъ), а распорядительностью, подвигнувшую фальгарцевъ къ исполненію его плановъ. Для обеспеченія горцевъ дорогами отъ насъ требуется такимъ образомъ немнogo: каждогоднаго посыщенія властями верховьевъ Зеравшана и неупустительнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы горное населеніе отбывало наряды по исправленію дорогъ, мостовъ, карнизовъ тѣмъ же порядкомъ, по путевымъ участкамъ, какимъ исполняли они это дѣло всегда и прежде; затѣмъ непремѣнно потребовать отъ горцевъ разсадки тополей (въ верховьяхъ Зеравшана хорошо растетъ пирамidalный тополь) повсюду, гдѣ позволяетъ достатокъ воды и мѣстность, такъ какъ тополь составляетъ тамъ единственный строительный материалъ, особенно обильно истребляемый мостовыми сооруженіями. Поддержаніе же въ народѣ такой благодѣтельной старины, какъ сооруженіе частными жертвователями дорожныхъ участковъ, мостовъ, карнизовъ съ благотворительными разсчетами, для насъ положительно обязательно, какъ надежное ручательство за исправность тѣхъ путевыхъ сообщеній. Наша роль въ этомъ случаѣ должна быть наблюдательно-наставительная, безъ малѣйшей попытки къ поощренію такихъ благотворителей халатами и проч., а тѣмъ паче денежно,

<sup>1)</sup> Мости эти слѣдующіе: Урмитанъ 2 м., Хойработъ 1 м., Дордоръ 1 м., Хишкентъ 1 м., Каразиниоръ 1 м., на Фанской дорогѣ 1 м., Сангистанъ 1 м., Зосунъ 1 м., Раръ 2 м., Пахутъ 1 м., Шоботка 2 м., Вишобъ 1 м., Самтичъ 1 м., Фатъма 1 м., Томинъ 1 м., Гузарибатъ 1 м.; всего въ Фальгарскомъ участкѣ 19 мостовъ. Матчинскіе мости: Обурданъ 1 м., Комодонъ 1, Пастигау 1 м., Хозр. шааръ 1 м., Рогафъ 1 м., Римаутъ 1 м., Пудгифъ 1 м., Исанъ 1 м., Лангаръ-юзъ 1 м., Мадрушкотъ 1 м., Дафонъ 1 м., Рогъ 1 м.

иначе чрезъ какія-нибудь 2—3 года потребуется болѣе сильное средство къ поддержанію усердія благотворительности, а потомковъ жертвователей мы и ничѣмъ не пріохотимъ къ поддержанію предкамъ въ этомъ общеблагодѣтельномъ дѣлѣ.

Безъ всякаго искусственнаго подогрѣванія, въ туземцахъ утвердилось сознаніе важности обязательствъ жертвователя по наблюденію за исправностью того или другого путеваго сооруженія настолько, что отказавшійся отъ такого обязательства подвергается всеобщему и постоянному порицанію, надолго упрочивающему о немъ народную память. Такое порицаніе громко раздается теперь въ Фальгарѣ и Фанѣ о жителѣ кишлака Пити, Шодманбаѣ, отказавшемся реставрировать карнизъ Пасхантай-магометъ-муминъ, длиною въ 15 сажень, на Варзиминаро-фанскої дорогѣ, по правому берегу р. Фанъ.

Нарушеніе воли завѣщателя Магометъ-мумина, построившаго этотъ карнизъ 6 лѣтъ тому назадъ, настолько возмутило горцевъ, что нашлись соперники изъ другого, отдаленнаго кишлака Дордоръ, вызвавшіеся исполнить всѣ работы по исправленію этого важнаго участка дороги собственными средствами и тѣмъ понудили Шодманбая принять участіе въ работахъ пожертвованіемъ лѣсу, желѣза и содержанія мастерамъ. Отклоненіе подобнаго обязательства потомками строителя по несостоятельности вызываетъ обыкновенно содѣйствіе родственниковъ и нерѣдко всего кишлака, оставляющихъ памятниками своего участія надписи на такихъ сооруженіяхъ, обозначающія время постройки, имена строителя, жертвователя и тѣхъ, которые участвовали впослѣдствіи въ исправленіи сооруженія. Такихъ надписей не мало встрѣчается на предметныхъ скалахъ въ Матчѣ, что доказываетъ сооруженіе тамошнихъ мостовъ единичными средствами самихъ горцевъ, безъ малѣйшаго вмѣшательства правительства.

Оставаясь такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, при томъ мнѣніи, что мости Ду-пуля и Туркменъ-пуля слѣдуетъ исправить при материальномъ содѣйствіи населенія нагорныхъ тюменей безъ пособія отъ казны, пола-

гаю, что участіе это должно быть справедливо уравнительное, соразмѣренное съ благосостояніемъ сельскихъ обществъ, съ величиной предшествующаго вклада ими труда и капитала на такое общественное дѣло, какъ дорожные натуральные и денежныя повинности, посадка деревьевъ и проч.

Проведеніе въ туземномъ населеніи, хотя бы путемъ податнаго обложенія, началъ справедливости, привычныхъ имъ по дѣйствовавшей ранѣе системѣ подоходнаго налога, укрепить надолго наше нравственное вліяніе на нихъ и уже во всякомъ случаѣ не расшатаетъ экономической ихъ строй жизни.

Вглядываясь же въ порядокъ отбыванія населеніемъ податей, приходится остановиться на такомъ заключеніи, что вся масса налоговъ, повинностей ложится исключительно на бѣднѣйшій и наиболѣе трудящійся классъ—на земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ; скотопромышленники, самый защищенный сельскій элементъ, остаются лишь въ положеніи созерцателей напряженного труда своихъ сородичей, связавшихъ съ землей, и, со временемъ упраздненія зякета, ничѣмъ не раздѣляютъ участія въ пополненіи бюджетовъ, въ отбываніи повинностей. Такое положеніе скотовладѣльцевъ настолько соблазнительно для люда трудящагося, не чуждаго однако человѣческой слабости—лѣни, что они скоро сообразятъ всю его выгодность и отъ земледѣлія обратятся къ скотоводству, въ чёмъ мы въ силахъ будемъ убѣдиться чрезъ 2—4 года наблюденій за поступлениемъ доходовъ съ земли.

Такимъ образомъ, казалось бы совершенно необходимымъ обложение осѣдлыхъ узбековъ и вообще туземцевъ, занимающихся скотоводствомъ, хотя имѣющихъ и землю (такіе землевладѣльцы скотоводы встречаются во множествѣ), сборомъ если не „савамъ зякета“, то подъ другой рубрикой, но исходящимъ изъ того же податнаго принципа—платежа по доходности имѣнія.

Основаніе къ такому обложенію—необходимость постройки мостовъ на Зеравшанѣ, исправленіе дорогъ вообще.

Узбеки никогда не были чужды этой дорожной повинности, какъ убѣждаемся изъ того, что всѣ три моста на Зеравшанѣ построены ими, и теперь только удивляются такому рѣзкому повороту къ нимъ судьбы въ ущербъ культурному развитію страны.

### ЗАМѢТКИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ ВЪ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ<sup>1)</sup>.

Въ прошломъ году въ Пенджекентѣ и въ Ургутѣ<sup>2)</sup> впервые были произведены опыты посѣва сѣмянъ американского хлопка, высланныхъ отъ начальника Зеравшанскаго округа. По неизвѣстности пенджекентскимъ жителямъ, никогда прежде не сѣявшимъ хлопокъ, приемъ воздѣлыванія его и ухода за нимъ, а отчасти и вслѣдствіе поздняго доставленія сѣмянъ, пришлось ограничиться раздачей ихъ только тремъ землевла-дѣльцамъ.

Собственно въ городѣ Пенджекентѣ посѣвомъ 15·ти фунтовъ сортовъ: Sea Island, Mai Shans, Holms proliifis занялся безсрочно-отпускной Лебедевъ. Подъ посѣвъ былъ выбранъ за городомъ открытый со всѣхъ сторонъ участокъ въ два танапа глинисто-песчаной почвы, обработавшійся въ предшествовав-шие года подъ пшеницу.

Пропахавъ землю три раза обыкновенной туземной сохой, разбивъ грядки, согласно наставленію книги Лаймана о воздѣлываніи хлопка въ Сѣв.-Амер.-Соед.-Штатахъ, Лебедевъ вы-сѣялъ названные сорта 26 апрѣля правильными рядами, не подвергая сѣмянъ искусственному пророщенію и оставилъ грядки безъ удобренія. Всходы, показавшіеся 22 мая, полу-чились неровные, и большинство грядокъ, засѣянныхъ сѣ-мянами Sea Island, совершенно не давъ всходовъ, обильно

<sup>1)</sup> Напечатано 1875--1878.

<sup>2)</sup> Горные города Зеравшанскаго округа.

покрылись разновидными сорными травами. Поливка съ предварительным окучиванием хлопчатника и очищением плантаций от сорныхъ травъ производилась всего пять разъ въ лѣто. Зацвѣтие въ началѣ августа кусты хлопка Mai Shans и Holmes prolific хотя и дали въ концу мѣсяца по 20 коробочекъ на каждый стволъ, поднявшись до  $2\frac{1}{2}$  футовъ высоты, но наступившіе въ концѣ сентября холодные дожди помѣшили окончательному дозрѣванію и такимъ образомъ Лебедеву не удалось снять ни одной, вполнѣ зрѣлой коробочки.

Въ Ургутѣ, на сѣверномъ склонѣ Зеравшанскаго хребта, въ 35 верстахъ западнѣе Пенджекента, посѣвы сортовъ Petit golf и Mai Shans были сдѣланы 22 апрѣля казіемъ Ишанъ-Джаномъ и мѣстнымъ жителемъ Ніязъ-Куломъ. Они выбрали въ городской окрестности бывшую подъ паромъ землю глинисто-известковой почвы и, удобривъ ее навозомъ, высѣяли искусственно пророщенные сѣмена не по грядкамъ, а въ разбросъ, тѣмъ же способомъ, какимъ вообще засѣвается хлопокъ въ Зеравшанской долинѣ.

Поливка производилась въ первые два мѣсяца чрезъ 10—12 дней и всходы, показавшіеся 17 мая, тщательно охранялись все время отъ сорныхъ травъ. Въ началѣ августа на высокихъ кустахъ окончательно образовались коробочки, которые и успѣли дозрѣть у Ишанъ-Джана къ концу сентября. Плантация же Ніязъ-Кула, какъ закрытая со всѣхъ сторонъ постройками и деревьями, не дала ни одного зрѣлаго плода. Собранный съ двухъ танаповъ въ количествѣ 16 фунтовъ хлопокъ (*пахта*) оказался высоко хорошихъ качествъ, такъ какъ на испытаніи волокно этого хлопка вытянулось до  $4\frac{1}{2}$  дюймовъ, бухарскій же хлопокъ разрывается на 3-хъ дюймахъ. Къ сожалѣнію, Ишанъ-Джанъ не далъ свѣдѣній о времени первого разцвѣтанія кустовъ, о величинѣ хлопковыхъ коробочекъ и о количествѣ ваты, полученной съ одного куста. А такъ какъ вслѣдствіе несовершенной обработки хлопка, безъ окучиванія, всходы получились рѣдкіе, самый сборъ ваты слѣданъ, по разсказамъ, небрежно, то и нельзя вывести даже

приблизительнаго заключенія о доходности 2 танаповъ отъ посѣва 20 фунтовъ хлопка.

Высланныя въ этомъ году на испытаніе сѣмена сорта Petit golf, собранные въ 1874 году съ самаркандской казеннай плантацией, были разданы пяти туземцамъ, при наставлѣніи:

1) Выбрать для посѣва землю глинисто-песчаную или глинисто-известковую (въ возвышенной части города), свободную отъ щебня, мягкую и со всѣхъ сторонъ открытую къ солнцу.

2) Избранную для посѣва землю пропахать три раза и половину участка унавозить.

3) Чрезъ 6 дней послѣ вспашки слегка полить участокъ и на другой день начать посѣвъ тѣмъ же способомъ, какими сѣютъ хлѣбъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы на танапъ было высѣяно не болѣе 15 фунтовъ.

4) Половину сѣмянъ, отпущеныхъ для посѣва, вымочить два дня въ смѣси изъ золы и соли.

5) Чрезъ 10 дней послѣ всхода сѣмянъ пройти хлопковое поле и сорвать стебли тамъ, где они взошли густо, а также вырвать дикия травы.

6) Хлопокъ любитъ тепло и поливки частой не требуетъ. Послѣ поливки вода не должна застаиваться, такъ какъ можетъ вызвать болѣзнь хлопка, червей и вши. Болѣе частая поливка, въ недѣлю разъ, требуется когда хлопокъ зацвѣтѣтъ, чтобы онъ повыше поднялся.

7) Когда лопнутъ коробочки, надо выбрать изъ нихъ вату (*пахта*), держать ее въ сухомъ мѣстѣ и не очищать отъ сѣмянъ раннѣе, какъ чрезъ 20 дней.

8) Время всходовъ, зацвѣтанія, образованія коробочекъ и выѣденія отъ нихъ пахты рекомендуется помнить для доставленія своевременно этихъ свѣдѣній.

Примѣняясь къ этимъ наставлѣніямъ три землевладѣльца въ Пенджекентѣ высѣяли 4, 6 и 12 апрѣля 28 фунтовъ хлопка сорта Petit golf, причемъ сѣмена средняго посѣва прощращивались въ теченіи четырехъ дней въ смѣси двухъ частей золы съ одной частью поваренной соли, и высѣяны въ раздосуги въ Туркестанѣ.

брось на унавоженой, глинисто-песчаной почвѣ. Всходы этого посѣва показались 24 апрѣля и къ концу мѣсяца хорошо выровнялись, но послѣдовавшій 1 мая утренникъ (Реомюръ опустился тогда до 0) все поморозилъ. Этимъ же утренникомъ истреблены всходы хлопка и въ Ургутѣ, гдѣ было высѣяно 6 апрѣля 34 фунта *Petit golf*.

Посѣвъ 4 апрѣля, безъ удобренія почвы и пророщенія сѣмянъ, далъ первые всходы 3 мая, а посѣвъ 12 апрѣля взошелъ только 17 мая. Всходы обѣихъ посѣвовъ были ровные, но настолько густые, что пришлось вырывать лишніе стебли, а это, вмѣстѣ съ очисткой плантаций отъ сорныхъ травъ, потребовало въ сложности три дня работы двухъ мальчиковъ - работниковъ на 4 тавапахъ. Отъ каждонедѣльной поливки хлопокъ подымался скоро; къ 19 іюля кусты достигли 3-хъ футовъ и обильно зацвѣли, а 10 августа образовались коробочки, величиною въ большой грекій орѣхъ. Подрѣзанные въ верхушкахъ кусты остановились въ ростѣ, скорѣе и обильно покрывались коробочками (нѣкоторые дали по 50 коробочекъ), но ранніе сентябрскіе холода<sup>1)</sup> помѣшили позному созреванію ихъ, и съ четырехъ ташаповъ было собрано только 30 коробочекъ, правильно лопнувшихъ и выдѣлизшихъ совершенно бѣлую, нѣжную мягкую вату (*pahsta*).

Наблюдавшееся подъ микроскопомъ волокно этого хлопка вытянулось до 4-хъ дюймовъ и до разрыва сохранило спирально-трубчатую форму. Эту длину волокна нельзя однако считать нормальною, такъ какъ вата очищалась отъ сѣмянъ неумѣзмыми руками и притомъ очень рано, чрезъ 5 дній послѣ сбора ея.

Такимъ образомъ и въ этомъ году, вслѣдствіе случайныхъ неблагопріятныхъ условій погоды (такіе апрѣльскіе утренники и ранніе сентябрскіе холода бываютъ чрезъ десятки лѣтъ и оставляютъ слѣды истребленія на всей садовой растительности),

<sup>1)</sup> Температура понижалась такъ: 10 сентября въ 6 ч. утра Реон: +12; 15 сент. Р.+13,5°; 18 сент. Р.-11,5°; 22 сент. Р.-8°; 24 сент. Р.-6, 5; 26 сент. Р.+5°.

опыты посѣва американского хлопка не дали такихъ полныхъ результатовъ, которые позволяли бы заключить о выгодности воздѣлыванія хлопка въ нагорной части Зеравшанскаго округа. Но оставлять эти опыты, не требующіе никакихъ денежныхъ затратъ, не слѣдуетъ, такъ какъ неудача двухъ посѣвовъ никакъ еще не доказываетъ неспособности американского хлопка акклиматизироваться въ этой полосѣ. Напротивъ, глинисто-песчаная и глинисто-известковая почва въ Пенджекентѣ и Ургутѣ оказываются весьма удобными для культуры хлопка сорта *Petit golf* (надо бы еще испытать сортъ *Upland* „нагорный“), а дальнѣйшіе опыты потребуютъ только рѣшительно отказаться отъ американскихъ приемовъ посѣва его и ухода за нимъ, какъ совершенно не соответствующихъ мѣстнымъ условіямъ.

Слишкомъ рѣзкія метеорологическія колебанія въ горахъ заставлять, кажется, отказаться отъ продолженія опытовъ культивированія въ нагорныхъ тюменяхъ американского хлопка. Включительно съ настоящимъ годомъ, трехлѣтніе опыты посѣва *Petit golf* и другихъ сортовъ *Upland*'а, дали отрицательные результаты единственно подъ влияніемъ раннихъ весеннихъ и осеннихъ холодовъ: то майскій утренникъ-морознякъ (въ 1875 году) уничтожалъ всходы, то раннее (28 августа 1876 года) выпаденіе снѣга въ ближайскихъ горныхъ высокихъ Кыштута и Магіана, мѣшало дозрѣванію хлопчатника, и въ концѣ-концовъ затраты на воздѣлываніе не окупались никакъ. Что же остается дѣлать? Остается отказаться отъ попытокъ, хотя бы и ничего не стоющихъ администрацій, проведенія такой культуры, которая не сродни ни климатическимъ, ни почвеннымъ условіямъ данной мѣстности. Здѣшний туземецъ-горецъ знакомъ съ своей землей-корышицей настолько, что ему удается получать урожаи самъ 15 пшеницы, самъ 26 ячменя, самъ 40 шалы<sup>1)</sup> (рисъ).

Туземцы, надо отдать имъ справедливость, настолько сооб-

<sup>1)</sup> Въ Зеравшанской долинѣ практико высеивать на одинъ ташапъ 2 пуда сѣмянъ хлѣбныхъ продуктовъ, отъ 10-ти до 20-ти фунтовъ малопроизводящихъ.

разительны, отзывчивы ко всякому дѣлу, способному реализоватьсь въ капиталъ, что съ готовностью испытываютъ и потомъ принимаютъ всякую новинку, если она даетъ сравнительные выгоды; но они враги всего декоративнаго, дорого стоящаго, и потому, какъ ни старайтесь провести въ ихъ земледѣльческое хозяйство машинный инвентарь, они отвѣтятъ вамъ такъ же, какъ одинъ фермеръ отвѣтилъ въ Техасѣ русскому путешественнику (см. № 18 Земледѣльческой Газеты, за 1875 годъ) на вопросъ о допущеніи въ хозяйство уродливой „бреші“ (щетки<sup>1)</sup>) вместо боронъ или смыка: „Смыкъ дорого стоитъ и у насъ непримѣнимъ“. Но если показать здѣшнему туземцу, рядомъ опытовъ, при дешевизнѣ обработки въ посѣвѣ, превосходство того или другого хлѣбнаго, злаковаго, овощнаго, маслодающаго растенія— и они охотно начнутъ его воздѣлывать, хотя бы пробная культура и потребовала отступить отъ ихъ традиціонныхъ приемовъ обработки почвы. Это отсутствіе косности въ туземцахъ въ дѣлѣ сельскохозяйственныхъ операций, можно прослѣдить отчасти на томъ разнообразіи съвооборотовъ, какое замѣчается въ ихъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Вотъ перечень хлѣбныхъ, злаковыхъ и огородныхъ растеній, воздѣлываемыхъ жителеми нагорнаго района, отъ Пенджекента (3200' надъ уровнемъ моря), внизъ по долинѣ Зеравшана:

- 1) пшеница озимая (*трамаи*), арычнаго орошенія (*оби*).
- 2) пшеница яровая (*богары*) атмосферического орошенія (*лязми*).
- 3) пшеница озимая красная, крупно-зернистая (*хабытъ, сурхакъ*); засѣвается въ Магіянѣ и Фарабѣ.
- 4) ячмень-трамаи.
- 5) ячмень-богары.
- 6) просо обыкновенное (*тарынъ*).
- 7) „ мелкое (*кунакъ*).

<sup>1)</sup> Большое срубленное, вѣтвистое дерево, положенное комлями на двухколесный ходъ; употребляется яѣстами въ Америкѣ для выравниванія почвы, какъ борона.

- 8) мелкій плоскій горохъ (*машъ*).
- 9) крупный бѣлый горохъ (*лубія*).
- 10) рисъ (*шалы*).
- 11) джугара.
- 12) кукуруза (*мажка-джупара*).
- 13) нахуть.

#### Маслодающія растенія:

- 1) ленъ (*зыгиръ*).
- 2) конопля (*бангъ*).
- 3) индау.
- 4) кунжутъ.
- 5) мокасарь.

#### Наркотическія растенія:

- 1) бангъ.
- 2) макъ (*кукнаргъ*).
- 3) табакъ.

#### Огородныя:

- 1) лукъ (*піазз*).
- 2) морковь (*сабзы*).
- 3) огурцы (*боордингъ*).
- 4) свекла (*ляблія-би*).
- 5) рѣпа (*шалинъ*).
- 6) рѣдька (*турпъ*).
- 7) капуста (*карамъ*).
- 8) арбузы (*тарбузъ*).
- 9) дыня (*каюнъ*).
- 10) тыква продолговатая для посуды и издѣлій (*таизъ-каду*).
- 11) тыква съѣдобная (*ашъ-каду*).

Отъ Пенджекента, вверхъ по Зеравшану, въ горахъ Фальгара (крайнее селеніе Урмитанъ 4100' и Самтичъ 6000' высоты надъ моремъ) съются: озимую и яровую пшеницу, озимая ячмень, нахудъ, купчъ (*Lathyrus sativus*), бакалы-бобы (*Vicia faba*), машъ (мелкій, синій горохъ), тарыкъ (просо), итальян-

ское просо *Setaria italica*), индау, зыгирь, арбузы, дыни, лукъ, морковь, тыква, рѣпа.

Въ Матиль, на истокахъ Зеравшана, воздѣлываютъ (крайнее селеніе Оббурданъ 6020 фут. и Польдаракъ 7960 футовъ высоты надъ моремъ), озимую пшеницу и ячмень, бакаля (бобы), горохъ сладкій (*мулка*), купчъ, насѣкъ (мелкій горохъ), тарыкъ (просо) и зыгирь. Предѣль воздѣлыванія двухъ послѣднихъ продуктовъ — Мадрушкатъ, 7000 фут. надъ уровнемъ моря. Кроме того, здѣсь воздѣлываютъ: черный овесъ (*ласичъ*), который сѣютъ вверхъ отъ кишлака Пакшифъ (7890 фут. надъ моремъ).

Отъ селенія Хрштапъ (7560' надъ моремъ), вверхъ по Ягнобу, до селенія Кирюнте сѣютъ озимую пшеницу, озимый ячмень, яровыя: бурчакъ, бакала, насѣкъ, индау, зыгирь.

По долинѣ Киптутъ, отъ селенія Куляли до сел. Пенджрутъ (5620' надъ моремъ) воздѣлываютъ: пшеницу-трамай и богары, ячмень-трамай, зыгирь, арбузы, дыни, лукъ, морковь.

По рѣкѣ Искандеръ-даръ отъ селенія Саратагъ (7100' надъ моремъ) до сел. Аизобъ (6700' надъ моремъ), на рѣкѣ Ягнобъ, не далеко отъ соединенія ея съ Искандеръ-су, обрабатываютъ посѣвы: озимые: ячмень, пшеницу, яровые: зыгирь, индау, нахутъ, бурчакъ, морковь и лукъ въ небольшомъ количествѣ.

Съ 1873 года испытывается въ посѣвѣ, въ сел. Іорд. въ 20 верстахъ отъ Пенджекента, мексикское крупно-зернистое просо съ стеблями въ 9 футовъ высоты, а въ самомъ Пенджекентѣ въ настоящемъ году испытывался посѣвъ французского такъ-называемаго суходольного риса, изъ сѣмянъ, полученныхъ отъ военного губернатора Сыръ-даринской области, ген.-лейт. Головачева; 30 фунтовъ этого риса были высѣяны 16 мая на  $\frac{1}{2}$  танапъ тучной почвы прибрежья (*курута*) Зеравшана, выдерживавшей уже много лѣтъ такой сѣвооборотъ: послѣ весенней запашки дынь, на обильно удобренной навозомъ и перегноемъ рисовой плантациіи въ августѣ мѣсяцѣ на смѣну засѣваются безъ удобрения трамайную пшеницу, по снятіи ко-

торой, въ іюль мѣсяцѣ, запахиваются въ первой половинѣ мая слѣдующаго года шалы (рисъ).

Почва подъ суходольный рисъ была приготовлена такъ какъ обыкновенно приготавляютъ ее для посѣва туземнаго шалы (риса): земля, испытавшая пропашку при посѣвѣ дынь 14 разъ въ продолженіи апрѣля и въ посѣвѣ пшеницы 1 разъ, предъ посѣвомъ шалы пропахивается въ апрѣль мѣсяцѣ еще 3 — 4 раза, причемъ въ послѣдній разъ употребляется при обработкѣ земли сошникъ и борона (*маля*); затѣмъ посѣвъ производится въ напускной водѣ (сѣмена бросаются въ воду), не спускаемой въ продолженіи всего лѣта до окончательного созрѣванія шалы во второй половинѣ сентября.

Въ этомъ году, вслѣдствіе раннаго выпаденія въ горахъ снѣга, какъ шалы, такъ и суходольный рисъ не вполнѣ созрѣли; тѣмъ не менѣе отъ 30 фунтовъ посѣва получено чистаго урожая  $12\frac{1}{2}$  пудовъ, т.-е. 25 пудовъ съ одного танапа или 10 руб. валового дохода, тогда какъ рядомъ и одновременно высѣянный обыкновенный рисъ далъ урожай только 23 пуда съ танапа въ Пенджекентѣ и 16 пудовъ съ танапа въ узбекскихъ селеніяхъ Хурмы, Чангаль, Чубатъ, Саразмъ, гдѣ ведется еще хищническое хозяйство, безъ удобренія, съ каждогодней запашкой тучнаго побережья только рисомъ, безъ отыска для полей.

Сбрасывая стоимость обработки одного танапа: 2-хъ однодневныхъ рабочихъ для пропашки три раза — 40 коп., двѣ пары быковъ на одинъ день 1 р. 20 к., 200 каповъ или 700 пудовъ навоза (пару) 4 р. и за доставку навоза на плантацию (4 версты) 2 руб., 1 рабочій для удобренія навозомъ за одинъ день 20 к., 1 рабочій на одинъ день для высѣва сѣмянъ и бороны (*маля*) 20 к., за очищеніе въ іюнь мѣсяцѣ одного танапа земли отъ сорныхъ травъ 15-ти мальчикамъ всего 60 копѣекъ, за жниту (урокка) и уборку на токъ (*хурманг*) 2 рабочими однодневнымъ 40 коп., за обмолотъ и уборку въ амбаръ (*янъчимакъ*) двумъ однодневными рабочими 40 к., и за двѣ пары быковъ для молотьбы 1 р. 20 к., аренда одного

танапа 12 р. поземельной подати 1 р. 65 к., всего расхода 22 р. 60 к. Вычитая отсюда 12 руб. стоимости въ данное время 40 пудовъ, получимъ, при среднемъ урожаѣ, чистаго убытка съ одного танапа 10 р. 60 к. Приведенный разсчетъ совершенно наглядно доказываетъ во что можетъ обходиться воздѣлываніе земли въ долинѣ Зеравшана на арендныхъ началахъ, съ наемнымъ скотомъ, съ покупкой удобренія и т. д. Земледѣльческое хозяйство здѣсь возможно только для тѣхъ собственниковъ, которые обходятся безъ наемныхъ рабочихъ, ведутъ его своей семьей, имѣютъ рабочій скотъ, не расходуются на приобрѣтеніе удобренія. Такіе хозяева, дѣйствительно получаютъ чистой ренты съ одного танапа, напримѣръ, шалы, при наилучшемъ (*агла*) урожаѣ съ 80 пудовъ 20 рублей <sup>1)</sup>, отъ средняго урожая (*аусатъ*), въ 32 пуд. получаютъ они 8 руб., а отъ низшаго (*адна*), въ 16 пудовъ—3 р. 20 коп.

Принявъ въ разсчетъ тотъ громадный трудъ въ продолженіи 220 дней въ году, который требуется отъ земледѣльца для полученія достаточнаго урожая, справедливо задасшися вопросомъ: почему тяжелая доля платежа податей, въ размѣрѣ 10%, падаетъ исключительно на земледѣльческій классъ, а скотовладѣльцы ничего не платятъ отъ своихъ огромныхъ капиталовъ ни въ государственную казну, ни на общественные нужды?

Изъ опыта первого года надѣй культуры суходольного риса, по степени его урожайности, туземцы вывели заключеніе о высокихъ качествахъ этого злака, дающаго въ колосѣ до 50 крупныхъ, превосходно обдирающихся зеренъ, и многіе собственники рисовыхъ плантацій, какъ въ самомъ Пенджекентѣ, такъ и въ побережныхъ селеніяхъ, заявили желаніе сдѣлать въ будущемъ году пробные посѣвы, въ чёмъ конечно имъ будетъ оказано полное содѣйствіе.

Значительный сборъ зерна суходольного риса отъ посѣва

<sup>1)</sup> Принимая стоимость 1 пуда 30 к., получимъ всего 24 руб., изъ которыхъ 1 р. 65 к. на уплату податей и 2 р. 35 к. на случайный расходъ.

1876 года позволилъ продолжить <sup>1)</sup> опыты надъ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ злакомъ и въ настоящемъ году.

На этотъ разъ въ Пенджекентѣ представилась возможность прослѣдить весь процессъ культивированія иѣкоторой части посѣва именно такъ, какъ того требуетъ главная цѣль введенія этого риса въ сѣвооборотъ, т.-е. съ уменьшеніемъ затраты арычнаго орошенія на рисовыя плантаціи.

Дѣйствительно, если бы удалось краю вытѣснить залісной рисъ суходольнымъ, требующимъ ровно въ половину меныше орошенія, положеніе землепашства Зеравшанской долины и въ особенности низовой (*паянг-обз*) ея части, съ Бухарою, значительно облегчилось бы.

Такъ или иначе, введеніемъ ли въ сѣвооборотъ злаковъ, требующихъ меныше орошенія, сокращеніемъ ли запашекъ рисовыхъ, развившихся въ послѣдніе четыре года до крайнихъ, неизвѣстныхъ въ точности предѣловъ, усиленіемъ ли водою главной артеріи орошенія, но ирригациѣ постоянно нуждается въ поддержкѣ тѣмъ или инымъ путемъ, для регулярнаго обеспеченія материальнаго существованія Бухары.

Такимъ образомъ вопросъ о введеніи въ туземный сѣвооборотъ суходольнаго риса, по связи своей съ вопросомъ ирригационнымъ, представляется вдвойнѣ важнымъ, и тѣмъ съ большимъ интересомъ можно слѣдить за развитіемъ этого благого дѣла.

Посѣвъ суходольнаго риса былъ сдѣланъ въ Пенджекентѣ туземцами *Мулла-Каримомъ-Рязановымъ* и *Мулла-Абдухаликомъ-Халимбаевымъ* въ низовой, сѣверной части городскихъ окрестностей, называемой *курукъ* (осушеннная) въ обозначеніе того, что побережная полоса эта, лѣтъ 30—50 тому назадъ, представляла затонъ (*тогай*) Зеравшана, поросшій лиственными древесными породами и кустарникомъ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Отчетъ вѣ. № 42 Туркест. Вѣд. за 1876 г.

<sup>2)</sup> Расхищеніе горнаго лѣса, съ одной стороны, и стремленіе населенія къ развитію землепашства, съ другой, сдѣлали то, что всѣ тогоры исчезли и все правое и лѣвое побережья Зеравшана, отъ селенія Давыты-казы, чрезъ Пенджекентъ, къ Самарканду обрабатываются подъ рисоу (шазы).

Почва для посева подготовлена была такъ, какъ подготавляется обыкновенно и для шалы. У обоихъ туземцевъ на этихъ избранныхъ для суходольного риса клиньяхъ, въ  $\frac{1}{4}$  танапа величиною каждый, воздѣлывалась въ 1876 году пшеница, по снatiи которой земля оставалась на отдыхъ (*шудгарз*) съ юна прошлаго года. Въ этотъ девятимѣсячный періодъ шудгарныхъ, т.-е. выгонныхъ земли пользуются нѣкоторымъ удобреніемъ отъ пастьбы на нихъ скота.

Но для такой обработки какъ огороды, клеверные и рисовые плантациі, оставляемаго выгономъ навоза весьма недостаточно, а приходится подбавлять на каждый танапъ до 860 пудовъ (200 каповъ<sup>1)</sup> навознаго удобренія<sup>1)</sup>). Такъ было сдѣлано и для пробныхъ посѣвовъ суходольного риса. Ранней весною (*руи-багарз*) на каждый участокъ въ  $\frac{1}{4}$  танапа выброшено 220 пудовъ экскрементовъ рогатаго скота и лошадей отъ трехгодичной заготовки.

Разбросавъ удобрение вровень, прошли первой вспашкой обыкновеннымъ туземнымъ плугомъ (*умачъ*) 10 апреля и повторили эту сухую крестообразную вспашку еще два раза чрезъ каждые четыре дня. Оставивъ затѣмъ достаточно перебитый почвенный слой подъ дѣйствиемъ солнечныхъ лучей въ теченіе десяти дней, сглаживали тѣмъ временемъ выдававшіяся неровности (*галютокъ*) и приподымали на  $\frac{1}{4}$  аршина берега плантациі, въ обѣихъ случаяхъ для удержанія напускной воды въ одинаковомъ постоянно уровнѣ. На одиннадцатый день послѣ третьей вспашки приступили къ окончательному раздробленію почвенныхъ комковъ четвертой, рѣдкой вспашкой (*лон-умачъ*) тѣмъ же плугомъ и послѣ зубчатой бороной (*донданамаля*),пущенными въ напускной до глубины полуфута водѣ. Одновременно съ постепеннымъ окончаніемъ своего дѣла боронаторомъ, другой рабочій высѣвалъ въ разбросъ сѣмена и тѣмъ законченъ былъ послѣдній актъ обработки. Послѣ этого

<sup>1)</sup> Рисовая плантациі, удабриваемыя только перегнойной землей, синимающей съ береговъ арыковъ, обычно зарастаютъ камышемъ, чего совершение не бываетъ при навозномъ удобреніи.

пришлось держать плантациі въ теченіе 26 дней до всходовъ подъ водою, не столько для ускоренія проростанія зерна, сколько для предохраненія его отъ птицъ<sup>1)</sup>.

Когда всходы проглянули изъ воды, пришлось, еъ немалому удивленію туземцевъ, осушить плантацию неполивкою въ теченіе четырехъ дней, повторяя такой приемъ также и во все время до 25 юля, когда рисъ началъ колоситься. Съ этого времени поливка была уменьшена до пятидневныхъ промежутковъ.

Высѣянный одновременно съ посѣвомъ шалы суходольный рисъ проглянулъ изъ воды своими ровными всходами шестью днями раньше, и хотя ростомъ соломы отсталъ отъ шалы на три дюйма, но окончательно дозрѣлъ 28 августа, отвѣдавъ такимъ образомъ того благодѣтельного вѣтерка (*симбуля-шамалъ*), который, по замѣчанію землепашцевъ, необходимъ для ускоренія дозрѣванія всѣхъ посѣвовъ какъ поздняго сбора (шалы, джугара, бангъ и просо) включительно съ камышемъ.

Давъ простоять суходольному рису на корню до 12 сентября, начали одновременно жатву, и по обмолотѣ чрезъ 10 дней, обыкновеннымъ способомъ топтанія быками, получили съ каждой четверти танапа 12 пудовъ на 20 фунтовъ высѣянныхъ сѣмянъ.

Имѣя въ виду, что въ этой же полосѣ урожайность шалы получилась въ самъ-22, результаты посѣва суходольного риса надо считать вполнѣ удовлетворительными.

Превосходныя же качества легкообирающагося крупнаго зерна и совершенно бѣлой крупы суходольного риса признаны туземцами еще въ прошломъ году, послѣ первого пробнаго посѣва. Тѣми же приемами обработки почвы, но съ болѣе усердной традиціонною поливкою, культивированъ въ первый разъ суходольный рисъ въ Яны-казанъ-арыкской волости, что въ 35 верстахъ на югъ отъ Самарканда. Здѣсь результаты получились нѣсколько слабѣ: каждый изъ восьми землемѣщевъ получилъ съ 10 фунтовъ посѣвныхъ сѣмянъ по четыре

<sup>1)</sup> Туземный рисъ (*шазнъ*) заимствуется по тѣмъ же причинамъ водою на сорокъ дней.

пуда, т.-е. сажь-16, тогда какъ шалы дала въ этой полосѣ сажь-26.

Съ полною вѣроюностью можно допустить, что слабый урожай суходольного риса въ Яны-казанъ-арыкской волости, на тучной почвѣ, есть слѣдствіе обильной поливки.

Введеніе въ съвоображеніе мѣстнаго землепашства суходольнаго риса встрѣчаетъ трудности, съ одной стороны, въ приверженности туземцевъ ко всѣмъ приемамъ воздѣлыванія шалы, заливного риса, а съ другой—и въ некоторомъ недовѣріи къ устойчивости этого новаго продукта отъ перерожденія. Мѣстные земледѣльцы разсуждаютъ, что рисъ не выдержитъ безводья и выродится по тому же будто бы закону, по которому сѣмена озимыхъ продуктовъ не даютъ всходовъ будучи высѣянны въ яровое, и наоборотъ. Пока перерожденія такого не замѣчено и во второй годъ опытовъ надъ сѣменами, собранными въ Пенджекентѣ въ 1876 году, а что будетъ дальше, посмотримъ.

Нелишнимъ будетъ, полагаемъ, подѣлиться съ читателями и свѣдѣніями о стоимости всѣхъ издержекъ по обработкѣ  $\frac{1}{4}$ , танапа ( $\frac{1}{16}$  десятины) подъ суходольный рисъ и по уборкѣ урожая съ поля. Предварительно слѣдуетъ оговориться однако, что обработка земли и расходы всѣ ведены самими туземцами, безъ всякаго посторонняго вліянія, безъ всякой поддержки субсидіей, которая въ подобномъ дѣлѣ является всегда только помѣхой. Этимъ невмѣшательствомъ въ хозяйственныя распорядки опытопредпринимателей и можно объяснить, что обработка плантаций суходольного риса вызвала ровно столько же затратъ, сколько и обработка шалы; а именно:

За 50 каповъ = 220 пуд. навоза заплачено на мѣстѣ 1 р. 25 к.; за перевозку 50 каповъ на плантацию, на разстояніи четырехъ верстъ 40 к.; за трехкратную вспашку  $\frac{1}{4}$ , танапа <sup>1)</sup> 26 к.; за вспашку лай-умачъ въ водѣ, за боровью и высѣвъ 12 к.; за наемъ одной пары быковъ (джуфф-кашъ) на

<sup>1)</sup> Въ Зеравшанской долинѣ одной парой быковъ одинъ рабочій испахиваетъ одинъ день 4 танапа (1 десятина).

два дня 1 р. 20 к.; за  $\frac{1}{2}$  дня жнивы одному рабочему 8 к.; за одинъ день молотьбы одному съ тремя быками 75 к.; за  $\frac{1}{2}$  дня провѣйки и уборки въ капы одному рабочему 8 к., а всего расхода 4 р. 14 к.

Вычитая цифру расхода изъ базарной стоимости 11 пуд. 20 фунт., собранныхъ (посѣвныя 20 фунт. зерна отброшены) получимъ въ остаткѣ 4 р. 60 к., не очищенныхъ еще по-датами.

Значитъ, въ дѣйствительности на долю мѣстнаго землепашца остается отъ полеводства весьма немного и земледѣльческое хозяйство немыслимо потому для собственника, лишившагося почему-либо рабочаго скота.

Туземцамъ, производившимъ опытные посѣвы и осталось на 2 р. 65 к. больше прибыли только потому, что навозъ у нихъ не покупной, а быки были не наемные.

Въ этомъ же году были сдѣланы впервые въ Пенджекентѣ опыты посѣва кукурузы;  $\frac{1}{4}$  фунта американскихъ сѣмянъ сортовъ конскій зубъ (желтая крупнозернистая) и сахарной (белая мелкозернистая) были выданы узбеку Бай-Магомету-Абдырахимову, известному по весьма удачнымъ опытаамъ падъ культивированіемъ метельчатаго проса (мекка-тарыкѣ). Бай-Магометъ распорядился и въ этотъ разъ очень практично: онъ посадилъ сѣмена кукурузы 18 апрѣля по грядкамъ огородины дынь, арбузовъ, обыкновенной тыквы. Какъ вообще и для этого огорода, въ  $\frac{1}{4}$  танапа величиною, земля была приготовлена десятикратной вспашкою, съ разбиваніемъ комковъ кетменемъ и зубчатой бороной. Для удобренія былъ взятъ изъ ближайшаго кладбища земляной перегной. По высадкѣ сѣмянъ, заборонили обыкновенной досчатой бороной (маля) и въ продолженіи трехъ недѣль не обильно поливали арыкомъ, чрезъ каждые четыре дня.

2 мая проглянули повсюду всходы, ростъ которыхъ шелъ замѣтно быстро подъ вліяніемъ очевидно частой поливки, остановленной потому. Это и не было еще поздно: первое зацвѣтаніе кукурузы началось 10 іюня, а чрезъ 12 дней об-

значились уже початки. Но та часть грядъ, которая по своему окрайному положенію продолжала напитываться влагою изъ близко проходившаго здѣсь аркана, подняла ростъ кукурузы до  $4\frac{1}{2}$  аршинъ и такие стебли выпустили по два початка только 20 іюля, причемъ много экземпляровъ было свалено вѣтромъ, что не помѣщало имъ однако продолжать жить.

Съ того времени, когда початки окрѣпли, поливка была прекращена совершенно; лишнія листья подламывались и отдавались рогатому скоту, пожиравшему ихъ съ большой охотою.

10 августа было снято нѣсколько десятковъ дозрѣвшихъ початковъ сорта конскій зубъ<sup>1)</sup>, а окончательная уборка за поздавшаго дозрѣваніемъ сорта сахарной кукурузы протянулась до 30 августа.

Съ  $\frac{1}{4}$  фунта сѣмянъ, высѣянныхъ очень рѣдко на  $\frac{1}{4}$ , танапа, между огородиной, собрано всего зерна кукурузы  $6\frac{1}{2}$  пуд. и стеблей около 30 пудовъ<sup>2)</sup>. Цифры урожайности этой на землѣ, давшей двойную доходность отъ злаковыхъ и овощныхъ продуктовъ, понятны сдѣвались туземцамъ настолько, что съ будущаго года посѣвы кукурузы на огородинѣ усилиятся, надо ожидать, въ 20 разъ.

Я ожидаю этого тѣмъ съ болѣшею увѣренностью, что туземцы отчетливо уразумѣли весьма простые приемы воздѣлыванія кукурузы и пользованія ею для цѣлей хозяйственныхъ. Въ день уборки кукурузы съ огорода Баймета, приглашенными мѣстнымъ земледѣльцамъ были уяснены поразительно хорошия результаты посѣва этого злака, дающаго съ одного зерна 2—5 початковъ въ 400 зеренъ каждый.

Закончивъ четырьмя рабочими уборку въ теченіе двухъ часовъ, отрыли яму и заквасили стебли способомъ, описанымъ подробно въ № 11 Турк. Вѣд. за 1887 г.

<sup>1)</sup> Початки этого сорта кукурузы получились величиною до 6 вершк. съ 480 зернами. Сахарная же кукуруда дала па каждомъ початкѣ только до 100 зеренъ, а иногда только по 10—20 зеренъ. Это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что лишніе початки не обламывались своевременно.

<sup>2)</sup> Такий образою, при нормальному урожаѣ одна десятина можетъ дать отъ посѣва между огородиной 120 пудовъ зерна и около пятисотъ пудовъ стеблей.

Здѣсь же на мѣстѣ, и старые и малые съ большимъ удовольствиемъ пробовали отваренную въ водѣ сахарную кукурузу и въ каждомъ проглядывало удивленіе прекраснымъ качествамъ вкуса и питательности ея.

Всѣ присутствовавшіе на уборкѣ поспѣшили запастись сѣменами обоихъ сортовъ кукурузы, и ясно каждый понялъ, что заботливость о введеніи кукурузы въ сѣвооборотъ не праздная забава, а дѣло живое, вполнѣ производительное.

Сообщая эти сѣдѣнія о пробныхъ посѣвахъ въ Пенджекентѣ риса французскаго и кукурузы, остаемся въ увѣренности, что и будущіе отчеты о культурѣ этихъ прекрасныхъ продуктовъ будутъ строго отвѣтывать действительности, будутъ имѣть въ виду общее желаніе безъ большихъ денежныхъ затратъ дать краю все то полезное, что средви климатическимъ, почвеннымъ и бытовымъ условіямъ жизни туземцевъ.

Если вѣрна примѣта туземцевъ, что при обильномъ выпаденіи дождей ранней весною, лѣто должно быть сухое, то нагорному району надобно этого ожидать въ нынѣшнемъ году, со всѣми послѣдствіями такихъ явлений природы для полеводства. Въ противоположность безводной веснѣ прошлаго года, сопровождавшейся холоднымъ, влажнымъ лѣтомъ, въ нынѣшнемъ году весна у насъ необыкновенно дождливая. Едва юго-восточный теплый вѣтеръ, называемый за свое свойство оживлевія растительности, „золотую лопаткою“ (*алтын-курекъ*), очистилъ въ долинѣ и на предгорьяхъ обильный снѣгъ, какъ начались въ послѣднихъ числахъ января сильные дожди, повторяющіеся и до настоящаго времени чрезъ небольшие промежутки.

24 февраля утренній проливной дождь, понизившій температуру до  $0^{\circ}$  Р., смѣнился частымъ, хлопьевиднымъ снѣгомъ, продолжавшимся 4 часа, въ теченіе которыхъ горы совершенно покрылись снѣгомъ, а подгорное низовье достаточно напиталось влагой. Все это было бы хорошо, если бы за выпаденіемъ снѣга не послѣдовалъ ночной морозъ (въ 2 часа ночи на 25 февраля Рейнмуръ показывалъ  $-3^{\circ}$ ), отъ кото-

раго пострадали ильско́лько яровые (*богарные*) посевы и отчасти сады. Потери впрочемъ должны быть не особенно велики, та́к какъ яровые хлѣба недавно лишь, дней 20, высѣяны и побитыхъ всходовъ не можетъ быть много, а въ садахъ потерять свои рано раскрывающіеся почки (*муджса*) только миндалъ, на который въ нынѣшнемъ году можно предвидѣть неурожай. Сборъ миндаля доставляетъ обыкновенно до 4 руб. дохода за 30 фунтовъ, отъ пятнадцатилѣтняго большого дерева.

Дожди послѣднихъ десяти дней принесли для полеводства, однако же и много пользы: озимые посевы (ячмень, пшеница), поднявшіеся уже на полчетверти, напитавшись влагой, не потребуютъ поливки до налива колоса; высѣянный на дняхъ ленъ скорѣе взойдетъ, а яровые—ячмень и пшеница, питающіеся въ нашей нагорной полосѣ только атмосферною влагою (*ляльми*), успѣютъ раньше пустить колосья и будуть урожайны, если въ периодъ налива зерна (*доңз*), въ послѣдней половинѣ апрѣля, раза два выпадетъ хотя небольшой дождь.

Отъ характера погоды въ апрѣль завишиятъ также и урожай тѣхъ озимыхъ хлѣбовъ, высѣянныхъ въ большомъ количествѣ на предгорьяхъ Зеравшанскаго кряжа, къ востоку отъ Пенджекента за Кара-тюбе, которыми недостаетъ искусственнаго (*оби*) орошенія. Апрѣльские дожди также крайне необходимы и для проса—кунакъ (*Setaria italicica*), посевы котораго обыкновенно начинаются въ концѣ апрѣля.

Бѣда землепашцу зеравшанскому, если первые мѣсяцы лѣта (апрѣль и май) будутъ чрезмѣрно знойные, совершиенно безъ дождей: озимыя низовыя пашни потребуютъ тогда еженедѣльной поливки, озимые нагорные посевы нальются слабо, дадутъ тощее (*аррыкъ*) зерно, яровыя поля могутъ не дать ни зерна, ни соломы, красные злаки (просо, кунакъ, джугара) взойдутъ плохо. Такими же послѣствіями отзыается апрѣльское бездождѣе и на землепашествѣ горцевъ Магіана и Фараба, (6000' надъ уровнемъ моря) по южному склону Зеравшанскаго кряжа, начинаяющихъ вспашку полей во второй половинѣ марта, посевъ въ началѣ апрѣля и снимающихъ хлѣбные злаки въ сентябрѣ

мѣсяцѣ. Въ годы достаточно влажнаго лѣта горцы Фараба снимаютъ на этой плодородной, черноземной почвѣ до 150 пудовъ яроваго зерна съ одной десятины, а при малосѣйной зимѣ, при весеннемъ бездождѣ, урожай ограничивается только 60 пудами съ десятины<sup>1)</sup>.

Въ настоящемъ году, независимо продолженія культивированія суходолинаго риса<sup>2)</sup>, землепашцами Пенджекента и Яны-казанъ-арыкъ (въ долинѣ, на меридианѣ Самарканда) будутъ сдѣланы въ первой половинѣ апрѣля опытные посевы кукурузы (сахарной и „конский зубъ“) американскихъ сѣмянъ, полученныхъ отъ В. В. Самолевскаго.

При несложныхъ приемахъ воздѣлыванія этого растенія, весьма сходственныхъ съ приемами культуры распространенной здѣсь джугары, туземцамъ, подъ руководствомъ данныхъ имъ наставлений, и на первый годъ нетрудно будетъ довести опытные посевы и примѣненіе культуры до такихъ желательныхъ результатовъ, которые дали бы этому благодатному растенію подобающее ему сельско-хозяйственное и промышленное значеніе.

Въ послѣдніе годы, въ полеводствѣ южныхъ провинцій Франціи, въ Испаніи, въ Италии и въ южной Россіи кукурузѣ отведено столько места, примѣненіе ея для корма рогатаго скота, лошадей, свиней и овецъ получило такоеши-

<sup>1)</sup> Въ Херсонской губерніи средній урожай шеводы 46 пудовъ съ одной десятины.

<sup>2)</sup> Наибольшее количество сѣмянъ суходолинаго риса, до 3 пудовъ, раздано землепашцамъ Яны-казанъ-арыкской волости, гдѣ, при достаточно интенсивномъ полеводствѣ, и при песовершенствѣ ирригациіи (Си. Турк. В. № 51-й, 1876 г.), количество воды, приносимое иль Зеравшана двумя главными арыками, не удовлетворяетъ всей потребности землепашства и рисовыхъ полей страдаютъ отъ безводья. Мы еще разъ указываемъ на необходимость неотложного усовершенствованія ирригациіи въ нагорномъ районѣ и пониженія податныхъ окладовъ въ тѣхъ волостяхъ (Яны-казанъ-арыкской и Ургутской), гдѣ земледѣльцу приходится нести двойные изатѣжи отъ полеводства.. Надо иметьъ въ виду, что выселеніе хотя небольшой части туземцевъ изъ такихъ кашризныхъ системъ орошения, въ два года можетъ обратить въ пустыню высокую культурную полосу земли, въ 3000 десятинъ. Судьба заброшенаго арыка Манасъ, съ развалинами иѣ когда большого города Рабатъ-хожа (при устьѣ Яны-арыка, на берегу Зеравшана) и безживописная степь (*дашти*) Джамъ, могутъ служить тому живымъ доказательствомъ.

рокое развитие, что этому растению вѣроятно суждено вытѣснить собою остальные кормовые растения, какъ болѣе требовательные къ почвѣ, не выдерживающія засухъ и уступающія кукурузѣ по степени питательности. Какъ кормовое растеніе, кукуруза можетъ давать два продукта: зерно (въ среднемъ урожай до 360 пудовъ съ десятины) и стебли съ листовой (до 3000 пудовъ съ десятины). Зерна кукурузы, содержащія питательныхъ веществъ болѣе нежели овесъ на 10% (по Вольфу), могутъ идти въ кормъ лошадямъ, а заквашенные стебли составляютъ превосходный, питательный кормъ для рогатаго скота и овецъ.

Кукурузу слѣдуетъ задавать лошадямъ нѣсколько меныше овса, и непремѣнно раздробленною, такъ какъ выяснено, что скормливаніе цѣльными зернами производить различного рода разстройства пищеварительныхъ органовъ, а съ другой стороны, слишкомъ измельченная, мучнистая кукуруза обращается въ кишкахъ животнаго въ плотные, липкіе комки и производить засореніе кишечка. Поэтому раздробленіе должно быть умѣренное, чтобы каждое зерно разбилось на 3—6 кусковъ.

По дорожизнѣ плющильныхъ машинъ Рансома и Willcher (стоимость которыхъ на мѣстѣ изготошенія = 150 р.), на первое время приходится испробовать для этой цѣли мѣстныя туземныя круподерни толчей (*обз-джуазз*), а впослѣдствіи могли бы быть легко устроены и настоящія зерноплющильни.

Замѣчено наблюденіями ветеринара, д-ра Клейна, въ Берлинѣ<sup>1)</sup>, что рабочія лошади, вскормленныя кукурузою взамѣнъ овса, „держали лучше тѣло, уставали гораздо рѣже, а послѣ работы казались бодрыми, питаніе мускуловъ было замѣтно лучшее, волосъ отличался гладкостью, глянцовитостью и сравнительной короткостью даже зимою“. Кромѣ того, кормленіе кукурузой оказывало благопріятное вліяніе на здоровье лошадей; колики были рѣже, чѣмъ при кормленіи овсомъ и смертность отъ этой болѣзни была гораздо меныше. Изъ числа

лошадей Берлинскаго общества извоющихъ экипажей, въ пятимѣсячный періодъ, при кормленіи овсомъ, пало отъ колики 3,10%, а при кормленіи же кукурузою, въ тотъ же періодъ пало только 0,90%. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что кукурузный кормъ не только удобоваримѣе овса, но и гораздо питательнѣе для организма, какъ это видно и изъ того, что неработающія животныя въ короткое время округляются въ формахъ, достигаютъ откормленнаго состоянія. Для скаковыхъ лошадей кукуруза также представляеть благопріятный кормъ, способствующій выдѣленію воды чрезъ кожу и легкія при усиленной мускульной работе.

Хозяйственное значеніе второго продукта кукурузы—стеблей, также не малое. Превосходство этого корма, по питательности, предъ такими кормовыми средствами какъ бурякъ, камышъ, ячменная и пшеничная солома, не подлежитъ сомнѣнію, послѣ многихъ наблюденій, произведенныхъ въ послѣдніе три года между прочимъ и на югѣ Россіи.

Въ Зеравшанской долинѣ, не изобилующей какъ известно хорошими выгонами для рабочаго и мелкаго скота, при дорожизнѣ льняныхъ жмыховъ (*кунжала*), скормливаемыхъ рабочимъ быкамъ, квашеная кукуруза была бы важнымъ въ хозяйствѣ кормовымъ подспорьемъ.

Приготовленіе квашеной кукурузы совершенно простое, доступное туземцамъ. Вотъ одинъ изъ способовъ, практиковавшійся въ Херсонской губерніи<sup>1)</sup>: въ глинистомъ грунтѣ была вырыта яма, шириной и глубиною въ три аршина и длиною въ три сажени. Въ видахъ предупрежденія непосредственнаго соприкосновенія заквашеннаго корма съ землею, бока и дно ямы были цементированы слоемъ извести, почти въ одинъ футъ толщиною (у насъ вместо цементированія можно обшивать бока ямы рисовой соломой, выбрасываемой и не идущей въ кормъ скоту, вслѣдствіе своего свойства производить у животныхъ изнурительное мочеиспусканіе). Стебли куку-

<sup>1)</sup> Земледѣльческая газета, 1876 годъ, № 28.

<sup>1)</sup> См. Земледѣльч. Газет. № 13, за 1876 годъ.

рузы были сняты въ полномъ сою и ихъ наплотно утискивали слоями въ яму, пересыпал каждый слой солью (на 1000 пудовъ стеблей 8 пудовъ соли; озерная, джизакская = 60 коп.).

По совершенномъ наполненіи ямы, верхній слой, возвышающійся на одинъ аршинъ надъ берегами, слѣдуетъ прикрыть достаточно соломой, присыпать слоемъ земли въ одинъ аршинъ толщиною и сверху смазать, какъ дѣлаютъ это туземцы съ запасами самана (соломы) и льда.

Чрезъ два мѣсяца, когда окончится броженіе, по мѣрѣ потребности, можно задавать заквашенную такимъ образомъ кукурузу въ кормъ скоту и даже лошадямъ. Но при этомъ не слѣдуетъ раскрывать всю яму, чтобы не подвергнуть весь запасъ корма гниенію, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, а можно вынимать стебли чрезъ отверстіе, которое и закрывать чѣмъ-либо по мінованіи надобности.

Во Франціи, гдѣ приготовленіе квашенаго корма получило въ послѣдніе годы очень большое распространеніе, вѣкоторые хозяева, для корма скота и свиней, прибавляютъ къ заквашенной кукурузѣ соломенную рѣзку, мякину, небольшое количество соли и измельченные жмыхи. Такой кормъ оказывался чрезвычайно питательнымъ и его охотноѣли всѣ домашнія животныя, не исключая овецъ и телятъ.

Такимъ образомъ, при условіи нетребовательности къ почвѣ, способности переносить засуху, при значительной сравнительно урожайности и при высокихъ кормовыхъ качествахъ, кукурузѣ предстоитъ огромное распространеніе не только въ Америкѣ и Европѣ, но навѣрно и въ Азіи.

Воздѣлываніе кукурузы въ Туркестанскомъ краѣ могло бы получить широкое развитіе въ особенности въ тѣхъ уѣздахъ (Туркестанскій, Ходжентскій, Зеравшанскій округъ), гдѣ ирригациѣ не удовлетворяетъ всей потребности землепашства и гдѣ местами почвенные условия (глинисто-песчаныя, сухія почвы) мало благопріятны для хлѣбныхъ растеній. Въ первый годъ надо лишь истолковать туземцамъ приемы культуры не-

знакомаго имъ растенія <sup>1)</sup>), руководить ихъ въ примѣненіи этихъ приемовъ на практикѣ, уяснить результаты его воздѣлыванія по сравнительной урожайности, истолковать примѣненіе этого кормового растенія, превосходство его зерна и стеблей предъ зерномъ и соломой ячменя.

Такая задача нетрудна, и рядомъ съ отправлениемъ служебнаго дѣла, она можетъ быть успешно выполнена безъ всякаго ущерба для канцелярской механики.

Своевременно замѣчавшаяся и туземцами недостаточность атмосферическихъ осадковъ въ горахъ въ началѣ зимы 1877 года обозначилась прежде всего сравнительно низкимъ уровнемъ воды въ Зеравшанѣ, повлиявшимъ въ теченіи лѣта прошлаго года на хлѣбные посѣвы Зеравшанской долины вообще и Бухары въ особенности.

Уже въ началѣ минувшаго лѣта, при изслѣдованіи послѣдствій градобитія въ нагорномъ районѣ для земледѣльческаго хозяйства туземцевъ <sup>2)</sup>, на основаніи общихъ выводовъ наблюденія характера зимы въ горахъ, пришлося отыскать эмпирическія предсказанія для Бухары тяжелыхъ послѣдствій полной зависимости ея низовыхъ на Зеравшанѣ земель отъ слабаго уровня воды въ этой рѣкѣ, кормилицѣ густо населенной долины Міонъ-кони (Міянкаль).

Дѣйствительно, въ то время, когда добрая половина всей площиади воздѣлываемой земли средней части Зеравшанской долины, весь отдель Самаркандскій и часть нагорныхъ тюменей, благодаря неизмѣнному все еще дѣйствію нерадіозавального распорядка хозяйства земледѣльческаго, была сплошь залита на все лѣто водою, для укрытия рисовыхъ (шалы) посѣвовъ, низовые бухарскія бекства и самый рисообильный городъ Бухара, томясь отъ безводья, посылали усердные арзы (просьбы) уѣздить воды для спасенія посѣвовъ, для спасенія

<sup>1)</sup> Кукурузу (макка-джугару) сѣютъ подъ Ташкентомъ, въ Бухарскомъ ханствѣ, Іссарѣ, и въ особенности много — въ Ферганской области у подошвы Южно-Кокандскихъ горъ.

<sup>2)</sup> См. № 22 Туркест. Вѣд. за 1877 годъ.

здоровья населенія, довольствовавшагося гнилой водою изъ прудовъ (хаузъ), не освѣжавшихся по три недѣли.

Въ Зеравшанскомъ округѣ къ просьбамъ подобнымъ были всегда одинаково отзывчивы, и въ теченіи лѣта прошлаго года не разъ дѣйствовали распоряженія о закрытіи на 5—6 дней плотинъ арыковъ Зеравшана для предоставленія воды Бухарѣ.

Но естественно, что, при всей старательности, бдительности, зоркости гг. ирригаторовъ, мирабовъ и надсмотрщиковъ, вода Зеравшана просачивалась въ низовье долины лишь въ количествѣ остатка отъ громадной, непроизводителѣной затраты ее въ выше отмѣченной земледѣльческой полосѣ для экспенсивной (это относится къ Самарканскому отдѣлу) обработки заливнаго риса, которому въ противномъ случаѣ отъ недостатка орошенія грозилъ бы сплошной неурожай.

Результаты такого исконнаго порядка вещей въ Зеравшанской долинѣ сказались къ концу сельско-хозяйственнаго 1877 года отчетливыми, наглядными послѣдствіями неурожая позднихъ посѣвовъ (джугара, тарыкъ, кунакъ, гуза и кунджутъ) въ бухарскихъ владѣніяхъ и, съ другой стороны—переполненія рисомъ всѣхъ рынковъ Самарканскаго и др. отдѣловъ. При этомъ обозначилось въ Самарканскомъ отдѣлѣ, что при хорошемъ въ самъ-22 прошлогоднемъ урожаѣ риса (шалы) плантациіи загромождены были до того, что хозяева, при всемъ колективномъ напряженіи усилий, не успѣли его убрать зарлаговременно съ полей и огромное количество зерна погибло.

При всемъ этомъ, прошлый годъ, обильный урожаеъ въ Зеравшанскомъ округѣ всѣхъ злаковъ вообще, при крайне ограниченной обработкѣ посѣвовъ пшеницы, ячменя, далъ такой значительный сборъ риса, что еще въ октябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ на всѣхъ рынкахъ округа стояли такія цѣны на хлѣбные продукты:

За 1 пудъ.

а) Мука . . . . .	55	коп.
б) Пшеница озим. . . . .	50	"
в) Пшеница яровая . . . . .	55	"
г) Ячмень . . . . .	34	"
д) Просо . . . . .	30	"
е) Кунакъ . . . . .	30	"
ж) Машъ . . . . .	40	"
з) Джугара . . . . .	40	"
и) Шалы-рисъ . . . . .	32	"
к) Крупа рисовая . . . . .	70	"

Одновременно въ Бухарѣ продавались: пшеница 70 к. за пудъ, ячмень 42 к., джугара 42 к., рисов. крупа 80 к. за пудъ.

Сопоставленіе приведенныхъ цифръ ясно обозначаетъ:

- 1) что въ 1877 году земледѣльцы Зеравшанскаго округа выработали риса въ количествѣ, значительно превышающемъ потребности населенія всей долины включительно съ Бухарою;
- 2) что воздѣлываніе риса въ такихъ размѣрахъ пошло въ ущербъ обработки другихъ злаковыхъ продуктовъ, общая потребность въ которыхъ осталась непокрытою на очень значительное количество; 3) что таюю неправильную системою хозяйства, при большей сравнительно затратѣ труда на обработку заливнаго риса, чистый доходъ плантаций рисовыхъ получился почти на половину менѣе дохода отъ воздѣлыванія полей подъ пшеницей,—объ этомъ нельзя, конечно, не пожалѣть сочувствіемъ и землевладѣльцамъ, значительно проигравшимъ отъ усердія въ расширеніи запашекъ риса, и, еще болѣе, класса безземельныхъ горожанъ промышленниковъ (харида-хуръ), для которыхъ гораздо важнѣе всегда дешевизна пшеницы, чѣмъ рисовой крупы.

Всѣ эти однако ненормальные условия хозяйства на Зеравшанѣ перетерпѣлись бы и земледѣльцами, и горожанами, если бы осення и зимнія атмосферические явленія природы были вѣсколько умѣреніе.

Къ сожалѣнію, рано установившіеся безснѣжные (карасуки) морозы, доходившіе въ началѣ ноября мѣсяца пр. гд. до  $-12^{\circ}$  по Рейм., убили всходы значительной части озимыхъ (терамаи) посѣвовъ пшеницы и ячменя въ особенности, какъ въ Зеравшанскомъ округѣ, такъ отчасти и въ бухарскихъ бекстахъ.

Еще болѣе неблагопріятнымъ вліяніемъ подѣйствовали на посѣвы сильные дожди въ первой половинѣ января настоящаго года, сдвинувшіе сразу массы снѣжныхъ накопленій, которые и устремились потоками на равнину. Гибельные послѣдствія разливовъ ручьевъ и горныхъ потоковъ (силь) сказались почти одновременно разрушениемъ 3-хъ селеній въ Самаркандскомъ отдѣлѣ и 22 кишлаковъ въ западныхъ бекстахъ бухарскихъ владѣній. При этомъ пострадала и значительная часть посѣвовъ равнины, задавленныхъ осадками разлива потоковъ.

Такимъ образомъ, когда вліяніе двухъ вышеотмѣченныхъ атмосферическихъ явлений начало обозначаться съ полною опредѣленностью плохими предсказаніями на урожай озимыхъ посѣвовъ, съ первыхъ чиселъ февраля мѣсяца началось рѣзкое возвышение цѣнъ на всѣ хлѣбные продукты, на фуражъ и на мясо, какъ слѣдствіе усилившагося спроса на этотъ послѣдній продуктъ подъ вліяніемъ дороговизны хлѣба.

Чрезмѣрному возвышению цѣнъ въ Самаркандѣ и на рынкахъ другихъ торговыхъ пунктовъ отдала способствовалъ въ особенности значительно усилившійся въ январѣ мѣсяцѣ вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ въ Бухару и Карши, поднявший въ февралю мѣсяцу цѣны въ округѣ такъ:

*За 1 пудъ.*

Мука . . . . .	1 р. 30 коп.
Пшеница озим. . . . .	1 " 12 "
Пшеница яров. . . . .	1 " 20 "
Прoso . . . . .	70 "
Кунакъ. . . . .	70 "
Машъ . . . . .	90 "

*За 1 пудъ.*

Джугара. . . . .	80 "
Шалы-рисъ . . . . .	50 "
Ячмень . . . . .	80 "
Клеверъ . . . . .	46 "
Солома. . . . .	22 коп.

Мѣстные хлѣбоскупщики (амбордоры), сдѣлавшіе заблаговременно большиѣ заготовленія, потирали конечно руки въ ожиданіи большихъ дѣлъ, воздерживались иѣкоторое время отъ сбыта хлѣбныхъ запасовъ и тѣмъ еще болѣе усилили дороговизну. Нѣсколько дней первыхъ чиселъ февраля мука продавалась по 1 р. 50 к. за пудъ, а цѣны на остальные продукты поднялись въ такомъ же соотвѣтствіи. Къ счастію городскаго населенія, этихъ тяжелыхъ дней было не много. Разобравъ своевременно причины чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ подъ вліяніемъ отчасти стачки хлѣбоскупщиковъ, бухарское правительство пустило немедленно въ ходъ карательныя мѣры и регламентаціи, скоро понизившія цѣны съ 15 р. до 10 р. за 1 батманъ муки въ 8 пудовъ. Объявленное въ то же время въ Зеравшанскомъ округѣ, по распоряженію высшей власти, запрещеніе вывоза хлѣбныхъ продуктовъ изъ Самарканда въ бухарскіе бекства косвенно ослабило жадность амбордоровъ и къ 10 февраля цѣны понизились на 30%.

Эти благодѣтельныя мѣры, выручившіе своевременно изъ тяжелой бѣды наиболѣе нуждающійся классъ городской-промышленный, не могли однако повлиять на пониженіе цѣнъ на ячмень, такъ какъ земледѣльцы окончательно уѣхали въ несомнѣнности признаковъ предсказанія слабаго урожая. Равнымъ образомъ непонижаются въ цѣнѣ и пшеница яровая (богары), вслѣдствіе, съ одной стороны, значительного сравнительно расхода на нее для хлѣбопеченія у туземцевъ (изъ пшеницы озимой лепешки получаются и черные и невкусные), съ другой—подъ вліяніемъ большаго спроса на это зерно для весеннихъ посѣвовъ.

Эта послѣдняя потребность ощущается населеніемъ въ такой степени, что землевладѣльцы подгорныхъ мѣстностей, не позволяющіе обрабатывать рисъ вслѣдствіе слабаго орошенія, обращаются ко всевозможнымъ попыткамъ пріисканія зерна. Къ сожалѣнію, успѣхъ ихъ въ этомъ не особенно велики: администрація не можетъ пока <sup>1)</sup> помочь обращающимся съ просьбами туземцамъ-земледѣльцамъ ни деньгами, по неимѣнію той вспомогательной кассы, которая могла бы сослужить здѣсь дорогую услугу, ни тѣмъ болѣе зерномъ, по неимѣнію хлѣбныхъ магазиновъ, которые, правда, и не могутъ существовать здѣсь на тѣхъ началахъ, на которыхъ дѣйствуютъ они въ Европейской Россіи <sup>2)</sup>; индузы, прижатые еще съ ноября прошлаго года радикальными мѣрами противъ хищничества ихъ въ дѣлѣ предлагаемаго ими кредита туземцамъ, заканчивая дѣла, чтобы отправиться, какъ большинство разсчитываетъ, въ Кашгаръ, не даютъ болѣе въ ссуду ни денегъ, ни зерна; нисколько не уступающіе индійцамъ въ приемахъ обирательства простоватаго туземнаго населенія, мѣстные евреи также воздерживаются пока отъ большихъ дѣлъ кредита, какъ бы въ ожиданіи, что мѣры ограниченія денежнаго хищничества съ индійцевъ перейдутъ вскорѣ и на нихъ. Зажиточные сельскіе хозяева, приберегши достаточно зерна, благодаря большому земельному хозяйству, не рѣшаются давать его въ ссуду съ условиемъ процента, потому что дѣло это отмѣчено кораномъ „ве чистыъ“ (харамъ), отказываютъ бѣднякамъ и въ безпроцентной ссудѣ въ опасеніи возможности неурожая богары и потери такимъ образомъ розданнаго зерна.

Тяжелая и трудная доля ждетъ тѣхъ бѣдняковъ, которые, поддерживаясь искони только лишь хозяйствомъ яровыхъ посѣвовъ, не раздобудутъ зерна къ 10 марта, когда заканчивается запашка богары. Имъ, этимъ и безъ такихъ экстраор-

<sup>1)</sup> Представленіе объ отпускѣ на этотъ предметъ денегъ сдѣлано и есть надежда, что потребность будетъ удовлетворена своевременно.

<sup>2)</sup> При существованіи вспомогательной кассы не были бы затрудненія, въ предвидѣніи такой потребности въ посѣвномъ зернѣ, приобрѣсти его сноскременно и раздавать нуждающимся.

динарныхъ явленій кое-какъ прозывающимъ (тыричиликъ) труженикамъ, для спасенія жизни остается собрать пожитки, бросить домъ и отправиться на заработки житвой въ хлѣбородную полосу, будь она хоть за сотни верстъ.

Нельзя сказать, конечно, чтобы значительный отплывъ изъ данной мѣстности земледѣльческаго трудащагося класса не отзывался въ ней самыми невыгодными экономическими послѣдствіями, и устраненіе потому такихъ явленій желательно въ общихъ интересахъ.

Смѣемъ высказать, что такія явленія сдѣлаются невозможными, когда доступъ туземцамъ къ кредиту будетъ облегченъ правильнымъ дѣйствиемъ вспомогательной кассы, устроенной на такихъ началахъ, отвѣчающихъ требованіямъ жизни туземцевъ, какія намѣчены въ статьѣ: „Замѣтки по Зеравшанскому округу“, помѣщенной въ № 44 и 45 Турк. Вѣд. за 1877 годъ.

Повторляемъ открыто, что только правильное дѣйствіе такого кредита, имѣюще въ виду специальныи интересы туземцевъ, способно принести ожидаемую пользу, обращеніе же кассы въ фондъ для удовлетворенія разныхъ прихотливыхъ потребностей гг. чиновниковъ, волостныхъ управителей и другихъ лицъ служебнаго персонала сослужить земледѣльческому классу самую неблагодарную службу, да и неправильную въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ этимъ обозначилось бы, что деньги, собственность населенія-вкладчиковъ, употребляются не по прямому ихъ назначению.

Какъ въ каждомъ дѣлѣ, если оно выполняется не для усилокенія только предержащихъ властей, не для одного удовлетворенія модѣ, не для убаюкиванія трескотней фразъ любителей послушать, результаты должны обозначаться соответственные цѣли, такъ и въ дѣлѣ открытия народу организованнаго кредита, преслѣдуя одну цѣль—интересы населенія, можно достигнуть со временемъ полнаго улучшенія благосостоянія его.

Къ вопросу, вызвавшему эту корреспонденцію, мы должны добавить мнѣніе, уже высказанное ранѣе, что экономическое

развитіе Зеравшанской долины стоять въ такой же зависимости отъ правильного доступнаго кредита, въ какой и отъ системы полеводства; что Бухара съ ея бекствами томится въ засухѣ, часто испытываетъ неурожай, какъ послѣдствіе недостатка орошенія, вовсе не подъ влияніемъ метеорологическихъ причинъ, такъ или иначе дѣйствующихъ на колебаніе уровня въ главной оросительной артеріи, а вслѣдствіе небрежнаго, нерационального пользованія водою въ срединной части долины Зеравшана, превратившейся въ сплошную рисовую плантацию.

Поэтому, вопросъ о регулированіи правъ пользованія водою изъ Зеравшана для землепашства составляетъ вопросъ экономической жизни или смерти Бухары.

Этотъ вопросъ настолько капитальный, настолько сложный, настолько широко затрагивающій интересы земледѣльческаго класса, что решить его правильно, радикально можетъ только добросовѣстное, основательное изслѣдованіе, но никакъ не предписанія уменьшить огульно на 1/3, запаски риса, дать „такія-то и такія-то“ свѣдѣнія къ вопросу о размѣрахъ пользованія водою для орошенія рисовыхъ полей и т. п.

Нѣтъ, канцелярямъ надо предоставить посильныя дѣла, а изслѣдованія экономическихъ вопросовъ края отдать лицамъ знающимъ край, лицамъ преданнымъ дѣлу не для прожеекторства, не для фразы, не для отличій; надо отдать этотъ вопросъ изслѣдователямъ, которые были бы заинтересованы въ своихъ трудахъ не слабенькимъ газетнымъ гонораромъ, едва окупающимъ вечернее кабинетное освѣщеніе, а солидной преміей.

Нерѣдко приходится слышать и читать неподдѣльныя сѣтования разныхъ благожелателей на плохое будто бы состояніе сельскаго хозяйства, какъ прямое слѣдствіе отсутствія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и отсутствія агрономическихъ знаній у туземцевъ. Всѣ такие упреки подкрѣпляются обыкновенно доводами исключительно первыхъ впечатлѣній о неблаговидномъ, правда, омачѣ (плугѣ) и прочихъ примитивныхъ мѣстныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Нимало не отстаивая виѣш-

ность этихъ первобытныхъ орудій, мы однако рѣшаемся сказать, что прежде чѣмъ проводить примѣненіе такихъ утонченныхъ лѣкарствъ, какъ образцовая ферма и сады, какъ введеніе въ хозяйство туземцевъ машиннаго инвентаря, послѣдовательно было бы разобрать слѣдующіе вопросы: 1) какой получается результатъ обработки земли „первобытными“ орудіями, приводящими въ ужасъ знатоковъ сельскаго хозяйства; 2) сколько ястричиваютъ каждогодно туземецъ на поддержаніе въ надлежащей исправности сохи, боронъ и проч.; 3) позволяютъ ли условія хозяйства у туземцевъ мечтать объ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ; 4) что въ состояніи сдѣлать образцовая ферма для сельскаго хозяйства, достаточно интенсивнаго и лишеннаго возможности заводить и держать гогенгеймскіе плуги и прочее?

Если бы гг. благожелатели разобрали предварительно и совершенно спокойно эти вопросы, порывы ихъ къ прописыванію лѣкарствъ для мѣстнаго сельскаго хозяйства навѣрное значительно ослабѣли бы и къ допотопному омачу они отнеслись бы съ болѣшимъ уваженіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разбирая первый вопросъ по даннымъ дѣйствительности, мы видимъ, что при обработкѣ земли существующими у туземцевъ орудіями получаются урожаи отъ самъ-шест до самъ-двадцать, т.-е. съ одной десятины можно получить 96 пудовъ пшеницы или ячменя, 160 пудовъ риса (шали), 80 пудовъ проса (тарыкъ), 200 пуд. джугары (сорго), 60 пуд. табаку, 50 пуд. льну (зыгиры), 140 пуд. дженушки (моцерна), 800 пуд. винограда, 60 пуд. хлопка.

Антагонисты туземнаго плуга могутъ сказать, пожалуй, что главнымъ факторомъ такой урожайности служить баснословная плодородность почвы съ одной стороны, а съ другой—нечеловѣческое усердіе туземнаго пахаря въ подниманіи подпочвы до четырехъ разъ.

Но допуская даже полную основательность этихъ доводовъ, съ отмѣткою, однако, фактовъ полученія лучшихъ урожаевъ только на земляхъ, хорошо обработанныхъ троекратно вспаш-

кою и удобренныхъ навозомъ, мы не можемъ не задаться, въ свою очередь, вопросомъ: зачѣмъ же туземцу англійскій плугъ? Почему ему не работать своимъ простымъ плугомъ?

Знатокъ сельского хозяйства улыбнется, ожидая, такому невѣдѣнію основныхъ положеній земледѣльческаго производства: меньшей затраты труда для полученія одинаковыхъ результатовъ, и скажетъ въ защиту англійскаго плуга, что одна вспашка имъ равняется, для цѣлей паханія, четыремъ вспашкамъ туземнаго плуга, что послѣдній не пашетъ, а роетъ землю, оставляя массу грѣховъ, что, напримѣръ, борона въ работе заставляетъ боронатора выдѣлывать самые причудливыя позы, и т. п.

Не будучи совершенно специалистомъ, я и не стану доказывать, способенъ ли какой бы то ни было плугъ замѣнить въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, съ своими рѣзкими особенностями климата и почвы, одной вспашкой, о которой ратуютъ знатоки, то число вспашекъ: отъ трехъ — для пшеницы, до шести — для рису, которое принято въ земледѣльческомъ хозяйстве туземцевъ.

Эмпирически мнѣ кажется, однако, что урожаи въ здѣшней полосѣ глинисто- песчаныхъ почвъ обусловливаются именно неглубокимъ паханіемъ и частымъ, отъ 4 до 7 разъ, переворачиваниемъ почвенного слоя, для насыщенія его воздухомъ и обогащенія этимъ путемъ нужными для растенія питательными веществами.

Насколько такимъ образомъ загадочна способность англійскаго плуга замѣнить омачь въ меньшей затратѣ времени на паханіе, настолько же очевидна неудобопримѣнимость этого плуга при ограниченномъ, слабосильномъ мѣстномъ скотѣ, при совершенномъ бездорожье въ районѣ хлѣбопашства, не затрудняющемъ однако пахаря теперь, когда плугъ свой, въсомъ въ  $1\frac{1}{2}$  пуда, онъ навьючивается на ишака и свободно переправляется такимъ образомъ чрезъ рѣтыни; чрезъ канавы, нерѣдко за десятокъ верстъ отъ своего дома.

Если бы гг. рецептаріусы всмотрѣлись хорошенько: въ ка-

комъ видѣ, съ какимъ жалкимъ рабочимъ скотомъ возвращается каждый разъ съ поля пахарь-туземецъ, они конечно разсчитали бы, что при такихъ размѣрахъ хозяйства мѣстному землевладѣльцу нечѣмъ поднять благодѣтельный западный плугъ, пригодность которого отъ этого въ здѣшнемъ краѣ болѣе неожидала сомнительна.

Если порицатели туземнаго плуга и боропы усомнятся въ достовѣрности вышеприведенныхъ цифръ урожайности въ Зеравшанскомъ округѣ, получаемой плодоперемѣнной системой хозяйства съ паромъ и навознымъ удобреніемъ только для риса и огородовъ, они повѣрятъ вѣроятно или убѣдятся опросомъ, что косвенный виновникъ такихъ результатовъ, туземный плугъ или омачь стоитъ всего 1 р. 10 к. въ первоначальномъ обзаведеніи и отъ 40 к. до 4 р. 20 к., смотря по размѣрамъ хозяйства, каждогодно на перемѣну чугуннаго башмака (*тынгъ*)<sup>1</sup>); остальная земледѣльческая орудія: борона изъ доски (*малля*), ярмо (*муюнг-турукъ*), борона съ жѣлезными зубьями (*дондона*) стоять 5 р. 40 к. и служить, какъ и плугъ, 3—6 лѣтъ.

Выходитъ, такимъ образомъ, что земледѣлецъ съ одной парой быковъ затрачиваетъ на хозяйственный инвентарь около 7 р. при обзаведеніи и отъ 60 до 80 коп. на каждогодное исправленіе.

Отвѣчая на третій вопросъ, скажемъ, что туркестанскій земледѣлецъ не въ состояніи и мечтать объ улучшенныхъ западныхъ орудіяхъ, такъ какъ отдать изъ полученной ренты необходимую сумму на такой инвентарь онъ решительно не можетъ.

При условіи до крайности мелкаго землевладѣнія, при условіи поразительной дешевизны продуктовъ сельского хозяйства, вслѣдствіе отсутствія возможности сбыта хлѣба на отдаленные рынки, здѣшнему туземцу приходится сдерживать порывы къ комфорту домашнему, хозяйственному, и строго сообразовать затраты съ количествомъ ртовъ своей семьи.

<sup>1)</sup> На вспашку каждой десятины земли требуется два тына = 15 коп., съ прѣдачей старого сошника.

Пока такие условия останутся неизменными, пока пустыри Туркестанского края будут оставаться въ неспособности принять на свою новь огромный чилюмъ безземельный классъ, предлагающій свои услуги земледѣльцамъ по 8—12 коп. за четырнадцати-часовой трудъ въ полѣ, до тѣхъ поръ ви одинъ туземецъ не шевельнется къ предпочтенію дорогихъ земледѣльческихъ орудій весьма дешевымъ, но выполняющимъ свое назначение вполнѣ удовлетворительно.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ для примѣра хотя бы въ Самаркандскомъ районѣ хозяйство въ 80 танаповъ — крупного землевладѣльца и въ 8 танаповъ — малаго состоянія.

Изъ общаго количества земли первый земледѣлецъ оставить по установленному порядку 26 танаповъ подъ паромъ (*шударз*); остальные 54 танапа онъ засѣть: пшеницею озимою — 16 танаповъ, ячменемъ озимымъ — 6 танаповъ, подъ ленъ (*зыгирз*) — 4 танапа, подъ рисъ (*шалы*) — 26 танаповъ, подъ огороды — 2 танапа.

Допустимъ, что при хорошемъ урожаѣ такой землевладѣлецъ соберетъ пшеницы 360 пудовъ, ячменя 100 пудовъ, льну 46 пудовъ, рису 1040 пудовъ, арбузовъ и дынь до 1000 штукъ, соломы (*саманъ*) 1000 каповъ. При существующихъ, напримѣръ, въ данное время цѣнахъ на продукты, это составитъ всего 700 рублей.

Для полученія чистой прибыли отъ такого хозяйства, вычтемъ изъ 700 р. годовую стоимость поддержанія обрабатывающихъ орудій — 12 р., стоимость самой обработки пятью годовыми рабочими (*итымъ*) — 160 р., за житву поденныхъ жнедамъ — 40 р., стоимость навоза для удобренія рисовой плантациі — 94 р., стоимость содержанія трехъ паръ быковъ (*3 коша*) — 10 р., а всего расхода 396 р.; получимъ въ остаткѣ 304 р. Выдѣлимъ отсюда: 100 р., т.-е. 33% въ подати окладныя, поземельныя, земскія и общественные, 4 рубля по количеству зерна, получаемаго приходскимъ муллою съ каждого хирмана (токъ) въ знакъ превращенія тѣмъ хлѣба изъ *харамз* (отъ помета быковъ при обмолотѣ) въ *халимъ* (очищенный),

4 р., по количеству хлѣба, получаемаго орденскимъ ишаномъ, не опускающимъ случая посѣтить, по снятіи хлѣбовъ, каждый кишлакъ и наказать простодушнымъ жителямъ, что подати сокращены по его, ишана, молитвѣ.

Такимъ образомъ, за всѣми обычновенными расходами, у собственника 80 танаповъ, т.-е. 20 десятинъ, останется 196 р. чистой годовой ренты отъ хозяйства.

При самомъ умѣренномъ образѣ жизни, съ семьей изъ двухъ женъ, изъ четырехъ дѣтей, изъ трехъ родственниковъ, этой суммы едва достаточно, чтобы прокормиться согласно требованіямъ гигіены, чтобы одѣться всѣмъ въ халаты такъ, какъ требуютъ этого отъ *бадавлета* (богатый и могущественный) общественные установленія и обычай.

Если принять къ вычисленію доходности такого хозяйства также и стоимость аренды 80 танаповъ земли 600 руб., то остается только одинъ вопросъ: почему же туземцы не отдаютъ безхлопотно свою землю въ аренду, а предпочитаютъ обрабатывать сами, чтобы получить доходъ въ 1½ раза меныше.

Потому, отвѣчаютъ землевладѣльцы, что нѣтъ такого обычновенія (*таюмула*) давать землю, такъ какъ каждый разсчитываетъ на повышение цѣнъ, кормится отъ земли хлѣбомъ, овошами и, въ-третьихъ, ваконецъ, земля, отданная въ аренду, приходитъ скорѣе въ запустѣніе, истощается.

Туземцы разсчитываютъ изъ этого, что малое хозяйство въ 20—28 танаповъ (4—7 десятинъ), обрабатываемое большею частью съ членами семейства, съ помощью родственниковъ, при маломъ числѣ рабочаго скота приноситъ относительно большій доходъ.

Каково же, благодаря условіямъ землевладѣльцы продуктовъ, положеніе малаго землевладѣльца?

При 8 танапахъ, не оставляя ничего подъ паромъ, а обрабатывая все съ удобреніемъ подъ рисомъ и пшеницей, онъ, при условіи обработки этого клана съ помощью своихъ родственниковъ, безъ наемныхъ рабочихъ, можетъ получить наи-

большее 60 р. годового дохода, очищенного податями, муллами и ишанами.

Можно ли тут думать о гогенгеймскомъ плугѣ, объ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ, для которыхъ неизбѣжно вужны усовершенствованныя руки, усовершенствованныя дороги, усовершенствованный рабочій скотъ, усовершенствованная достаткомъ жизнь? Конечно яѣть, отвѣтить всякий, вѣрюющій въ приведенныя цифры доходности большихъ и малыхъ хозяйствъ здѣшней полосы.

Рѣянные поклонники фермъ и всякихъ усовершенствованій безъ опредѣленія ихъ практическости, выгодности, скажутъ по-жалуй, что, со введеніемъ „раціональныхъ“ пріемовъ обработки почвы, туземные хозяйства реорганизируются и существующее теперь раздробленное до *minimam*'а одной десятины мелкое землевладѣніе будетъ поглощено крупнымъ, которое позволить держать машинный инвентарь. Но такія мечтанія граничатъ уже прямо съ галлюцинаціями. Проводить въ этомъ краѣ, изъ какихъ бы то ни было видовъ, теоріи развитія крупнаго земледѣлія на счетъ сокращенія мелкихъ собственниковъ — значитъ стремиться къ созданію аграрной путаницы, къ низведенію значительной доли туземцевъ на степень паріевъ или рабовъ зажиточнаго класса, къ извращенію всего общественнаго строя жизни туземнаго населенія.

Намъ кажется, на основаніи иѣкотораго знанія быта туземцевъ и экономического положенія края, что подобное стремленіе, какими бы то ни было путями, не можетъ обойтись безъ упорной, продолжительной борьбы между неравенствомъ состояній, такъ какъ эта борьба будетъ борьбою за существование въ тѣсномъ смыслѣ этого опредѣленія.

Приходится заботиться такимъ образомъ о развитіи размѣровъ земледѣльческихъ хозяйствъ не на счетъ уточненаго захвата, а путемъ развитія ирригациі, для обращенія къ производительной жизни того огромнаго количества необработанной земли, которое сопровождаетъ берега Сыра, Аму и отчасти Зеравшана.

Слѣдовательно, въ настоящей фазѣ экономического положенія края и населенія, требуются прежде всего мѣры увеличенія благосостоянія народа чрезъ возможное расширение сельско-хозяйственной, кустарной, торговой, фабричной промышленности, требующихъ соответственнаго сбыта, невозможнаго однако безъ дорогъ, и быстрого сообщенія съ отдаленными рынками.

безвременная облачность неба, іюльской горячій вѣтеръ,—дѣйствующія въ разной степени на урожайность и лишающія не-рѣдко труженика-пахаря жатвы. Столько же, если не больше, приходится выдерживать земледѣльцу усиленной борьбы въ охраненіи полей отъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, какъ-то гусеницъ, краснаго шестиногаго насѣкомаго зарда и въ осо-бенности отъ саранчи (*Pachytylis migratorius*).

Какія изъ этихъ явлений: силы стихій или представители міра насѣкомыхъ держать въ большей зависимости земледѣльца—опредѣлить трудно. Можно сказать только, что появленіе такихъ насѣкомыхъ, какъ саранча, зарда, случающееся и въ здѣшней полосѣ чрезъ періоды 10 — 12 лѣтъ, захватываетъ бѣдствіемъ огромный районъ населенности, тогда какъ дѣйствіе метеорологическихъ явлений—большею частію мѣстное, ограниченнное незначительнымъ райономъ. Послѣднія явлѣнія, какъ напримѣръ: зимнія стужи, бураны и гололедицы гораздо въ большей мѣрѣ губительны для скотоводческаго класса, лишающагося весьма часто всего своего состоянія. Но вообще довольно трудно сказать, какая отрасль хозяйства: земледѣльческая или скотоводческая менѣе подвержена разнымъ роковымъ случайностямъ.

По отношенію къ Зеравшанской долинѣ известны, напримѣръ, повсюдное истребленіе злаковъ саранчою въ 1869. году и безснѣжною холодною зимою въ 1870 году; но также памятны и для скотоводовъ суровыя зимы 1856, 1868 и 1871 годовъ, истребившія буранами, въ Джалакской степи, весь мелкій скотъ.

Однако слѣдуетъ засвидѣтельствовать изъ тщательно про-вѣренныхъ разспросовъ, что бѣдствія населенія отъ неурожаевъ и истребленія посѣвовъ, были всегда несравненно серьезнѣе потерь скотоводовъ. Такъ, напримѣръ, неурожай 1870 года повлекли за собою такое возвышение цѣнъ на хлѣбъ, до трехъ рублей за пудъ зерна пшеницы, что населеніе всей Зеравшанской долины, включительно съ Бухарою и ея бѣкствами, жило впроголодь почти два года. Приходилось туземцамъ или

## О КРЕДИТЕ У ТУЗЕМЦЕВЪ<sup>1)</sup>.

Каждому, безъ сомнѣнія, приходилось слышать давно изреченную аксиому, что экономическая препятствія дѣйствуютъ вообще не только въ материальномъ отношеніи, создавая нищету и голодъ, но и ставятъ почти неодолимыя преграды развитію умственному и нравственному.

Было доказано неоднократно изслѣдованіями и наблюденіями, что явленія, препятствующія свободному развитію народнаго благосостоянія, происходятъ съ одной стороны отъ вліянія внешнихъ силъ природы, съ другой—отъ условій общественного строя, составляющихъ исторический результатъ жизни цѣлаго народа.

Хотя препятствія, поставляемыя человѣку природою, являются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ до того, что приходится бороться съ силами природы за свое существованіе, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ туземцамъ, безъ труда они могутъ быть отмѣчены съ большей или меньшей точностью. Кто не знаетъ, напримѣръ, какихъ постоянныхъ усилий стоитъ мѣстному землепашцу поднятіе земли къ производительности, какихъ периодическихъ затратъ труда и капитала требуетъ отъ земледѣльца поддержаніе искусственного орошенія, безъ которого немыслима никакая производительность почвы! Извѣстны также безчисленные метеорологическія явленія, какъ-то безвременный холодъ, весенне морозяки-утренники, лѣтній градъ

<sup>1)</sup> Напечатано 1877.

закабаливать себя на нѣсколько лѣтъ въ должники разныемъ благодѣтелямъ, или, какъ большинство распорядилось, довольствоваться малопитательной мукой изъ проса, джугары (*завара*), а также смѣсью тертой соломы, кислаго растенія ривачъ съ весьма небольшимъ количествомъ какой попало муки. Не всѣмъ впрочемъ доставалась даже такая порція; нѣкоторые питались дикими луковицами *замбарукъ*, растущими въ поемныхъ мѣстахъ, или корнемъ растенія *матинъ*, откапываемаго въ горахъ Магіана, и тотъ-годъ повсюду было не мало жертвъ скорбута, не мало преступленій, вынужденныхъ борбою съ нуждой за себя лично и за цѣлую семью.

Тотъ несчастный годъ памятенъ населенію общими, самыми ужасными бѣдствіями, памятенъ округу вторженіемъ голодныхъ людей, шайками преступниковъ и партіями рабочихъ, предлагающими услуги дневнаго труда за 3 горсти муки, за нѣсколько лепешекъ.

Въ Бухарѣ каждодневно разыгрывались тогда, на городскихъ площадяхъ и въ оградахъ мечетей, самыя ужасныя драмы. Голодный народъ, съ женами и дѣтьми, съ утра собирался предъ дворцомъ эмира, предъ домами знатныхъ, богатыхъ людей и просилъ хлѣба. На глазахъ властей родители запрдавали за нѣсколько чашекъ муки своихъ дочерей, пригоожихъ мальчиковъ. Оборвавшійся до наготы людъ отогревался зимою, среди площадей, предъ даровыми кострами и все-таки каждодневно было нѣсколько умершихъ жертвъ голода. Частная благотворительность не въ силахъ была уже помочь бѣднымъ. Правительству пришлось изыскивать средства къ уменьшенію бѣдствія. Громадныя толпы голодныхъ были отправлены въ одинъ день на арбахъ въ ближайшіе мазары, гдѣ поддерживались нѣсколько мѣсяцевъ на счетъ вакуфныхъ средствъ. Въ то же время, остальнымъ неимущимъ, махрамы <sup>1)</sup> раздавали каждодневно чашками пищу въ оградѣ главной городской мечети *Калянъ*, и все-таки голодающіе вопили, оставляли украд-

кою своихъ дѣтей у дверей богатыхъ, у воротъ цитадели. Пришлось издать строгія запрещенія противъ дороговизны хлѣбныхъ продуктовъ и установить, чрезъ раисовъ, преслѣдованія оптовыхъ торговцевъ (*алибордары*) за нарушение постановленій таксы. Эти регламентации, однако, и мѣры конфискованія, въ пользу голодныхъ, запасовъ вѣкоторыхъ жадныхъ хлѣботорговцевъ принесли пользу только раисамъ, полицейскимъ чиновникамъ, но не народу. Къ концу кризиса, глухой сначала роптѣя населенія началъ принимать характеръ открытаго голоднаго волненія. Явилась необходимость усилить размѣры раздачи пищи на счетъ правительства, но въ то же время пришлось воспретить исконный обычай отчиганія предъ главной мечетью погребаемыхъ мусульманъ.

Можно представить себѣ, что было бы затѣмъ, если бы неурожай продолжался, и если бы всегда усугубивая въ такихъ случаяхъ холера (*воба*) не спровадила въ 1872 году добрую части изможденныхъ голодомъ людей.

То было тяжелое время, памятное бѣдствіемъ активными страданіями, а наблюдателямъ — потрясающими картинами бѣдствій. Тогда не извѣдали роковыхъ бѣдствій только горцы всегда богатаго хлѣбомъ Фараба и Магіана, да желтолицые сыны Будды, пировавшіе насчетъ всеобщаго несчастія. Первые сняли въ тотъ годъ хорошую жатву и продавали хлѣбъ зерномъ на мѣстѣ, въ своихъ кишлакахъ, отъ 1 р. 40 к. до 2 р. за пудъ, индійцы же открыли свои амбары и сбывали хлѣбное зерно по 3 руб. за пудъ на наличные деньги, или въ долгъ, подъ документальное условіе, по которому рубль превращался чрезъ 10 мѣсяцевъ въ 4 р., чрезъ 14 мѣсяцевъ въ 4 р. 80 коп., чрезъ два года въ 7. руб. 60 коп.

Чтобы судить, насколько для жителей Самарканской долины было тяжело время послѣдняго неурожая, насколько поживились тогда отъ этого всеобщаго бѣдствія ростовщики, достаточно убѣдиться въ томъ, что большая часть населенія и теперь, чрезъ 6 лѣтъ обильныхъ урожаевъ, въ значительномъ долгу у индійцевъ.

Чтобы судить, съ другой стороны: въ какой мѣрѣ отвѣ-

<sup>1)</sup> Придворная прислуга.

чаетъ нуждамъ народа и интересамъ края вообще тотъ единственный пока кредитъ, который находитъ каждый у процентщиковъ-индійцевъ (долина Зеравшана, Ходжентъ и Ташкентъ) и у бухарскихъ евреевъ (Чимкентъ, Ауліе-ата и Туркестанъ), необходимо разобрать этотъ вопросъ детально, не отклоняясь ни на іоту отъ действительныхъ фактовъ, доступныхъ каждому въ проверкѣ.

Прежде всего надо сказать, что неопровергимой, типичной особенностью характера всего осѣдлого сельского населенія края служить скромность, воздержность въ обыденномъ образѣ жизни, въ потребностяхъ пищи, одѣжды и домашней обстановки.

Кому неизвѣстна стойкость туземца въ перенесеніи всевозможныхъ лишеній, включительно съ прародительскими нуждами—голодомъ и холодомъ? Кому не приходилось наблюдать геройски терпѣливо превращеніе, вслѣдствіе житейскихъ неудачъ, богача туземца, задававшаго тонъ на доходной должности, въ совершенного нищаго? Кто не видѣлъ домашней обстановки зараженныхъ туземцевъ, мало чѣмъ отличающейся отъ такой же обстановки его односельца съ весьма ограниченнымъ состояніемъ? Кому не приходилось наблюдать, и вѣроятно удивляться, способности туземного землевладѣльца или работника-мардекера отбывать каждодневно четырнадцатичасовой тяжелый трудъ, оплачиваемый къ тому же, точно въ шутку, 8—12 коп. у сартовъ, 20—25 коп. на работахъ у русскихъ?

А трудовая, полная лишеній жизнь горцевъ Фальгара, Матчи и Ягноба—что это такое, какъ не самая рельефная борьба за существованіе, какъ не геройская выносливость, опредѣляющая крѣпость физической и отчасти духовной природы таджика?

Съ этими-то особенностями характера, отчасти прирожденными, отчасти выработавшимися условіями исторической жизни народа, стоять въ прямомъ отношеніи наклонности туземцевъ къ накопленію состоянія, достаточная скучность, доходящая у многихъ до жадности, замѣтная обособленность интересовъ и, какъ слѣдствіе также замкнутости быта, совершенная неспо-

собность къ солидарности въ предприятияхъ, къ корпоративному труду.

При такихъ отличительныхъ свойствахъ этической природы туземнаго осѣдлого населенія, естественно видѣть пряммыи и единственными поводами кредитоваться—нужду, во всѣхъ ея разнообразныхъ отг҃ынкахъ включительно съ традиціонными и податными обязательствами. Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ общему голосу, разспросите людей правдивыхъ, близко стоящихъ къ народу, разспросите казіевъ, совершающихъ долговые акты—и вы услышите отовсюду, что туземецъ прибегаетъ къ кредиту не ради прихотливыхъ затѣй, а „башига иши түчи-ретуланъ“, т.-е. подъ давлениемъ какихъ-нибудь житейскихъ невзгодъ. „Хлѣбушка нѣтъ, валился домъ“—надо добыть денегъ, чтобы успокоить рты, прикрыться отъ непогоды. Пропалъ быкъ—надо добыть денегъ, чтобы не остаться безъ пашоты, безъ хлѣба. Украли лошадь—надо купить другую, чтобы при постоянной надобности не одолжаться у сосѣдей. Умеръ кто-нибудь въ семье—надо добыть денегъ, чтобы справить поминки, такъ какъ требуетъ того обычай, т.-е. съ раздачею на могилѣ поминального артыма (аршинъ сатцѣ, алачи, бязи) съ угощеніемъ, чрезъ три дня постъ погребенія, знакомыхъ. Пришло время выдавать замужъ дочь, женить сына или совершиТЬ обрѣзаніе подростку—нужно не мало на все это деньги, чтобы отбыть празднества эти такъ, какъ принято обычаемъ, какъ требуетъ того давно установленнійся порядокъ жизни. Наѣхали ишаны, пристаетъ приходской мулла и мектебъ-даръ (учитель)—надо ублаготворить первого, чтобы избавиться отъ проклятій, надо дать лепту и двумъ послѣднимъ, по долгу прихожанина, по долгу обязательства платежа за обученіе дѣтей грамотѣ. Пришло время, иногда слишкомъ не въ пору, платежа податей—надо добыть денегъ, чтобы сбросить съ себя, цѣною какихъ бы ни пришлось жертвъ, долгъ казнѣ, котораго туземцы боятся больше всего.

Вотъ какія единственно обстоятельства вынуждаютъ туземца-землевладѣльца, торговца и кустаря, при неимѣніи ип-

чего къ продажѣ, при отсутствіи поддержки у родныхъ, обращаться къ кредиту, который встречается исключительно у индійцевъ и евреевъ, въ силу существованія первой суры корана, предрекающей вѣчный адъ тому правовѣрному, который воспользуется процентомъ отъ ссуды.

Нельзя сказать однако, чтобы эта предусмотрительная сура действовала на всѣхъ сартовъ одинаково сдерживающе. Какъ противъ каждого положенія шаригата можно найти толкованіе (*ривоята*), исключающее его, такъ и противъ суры находить душупускающую вылазку, и я знаю не мало правовѣрныхъ въ Туркестанѣ и Чимкентѣ, обирающихъ простодушныхъ киргизовъ съ тою же жадностью, съ тѣмъ же нахальствомъ въ обманахъ, съ какими грабятъ степныхъ рыцарей пришлии евреи-ростовщики. Въ этомъ случаѣ для сарта, еврея и индійца служитъ непремѣнно общая заповѣдь: „забудь все, но помни, что есть деньги и загребай ихъ безъ разбора средствъ“. Такъ ростовщики Туркестанскаго края и действуютъ. Требуется, напримѣръ, бѣдному землемѣльцу зерно для посѣва, и если онъ взялъ у индійца 8 пудовъ, то чрезъ четыре мѣсяца возвращаетъ 16 пудовъ, а при невозможности рассчитаться полностью въ срокъ, индіецъ тащитъ свою жертву къ суду и совершаетъ документальную сдѣлку платежа чрезъ 6 напримѣръ мѣсяцевъ, стоимости деньгами уже 40 пудовъ. Такимъ образомъ, не рассчитавшійся по случайности въ срокъ бѣднякъ возвращаетъ, чрезъ 10 мѣсяцевъ отъ первой сдѣлки, ссуду въ самъ-пять. То же самое и при займахъ денегъ, съ тою особенностью, что съ богатаго ростовщика береть меньшій процентъ, чѣмъ съ бѣдного, по тѣмъ конечно соображеніямъ, что первый пригодится и на будущее время, тогда какъ съ бѣдняка надо успѣвать содрать послѣднее. Такъ это и дѣлается. Простоватый сельскій землевладѣльцъ получаетъ отъ индійца на четыре мѣсяца, напримѣръ, 24 рубля подъ условіе платежа въ мѣсяцъ по 10 коп. съ рубля, т.-е. 120%<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ пору общей потребности въ деньгахъ платить въ по 15 коп. съ рубля, т.-е. 180%.

Заемодавецъ и ссудополучатель отправляются къ участковому казю, объявляютъ содержаніе сдѣлки и такъ какъ шаригатъ считаетъ проценты безусловно нечистымъ (*харамз*) дѣломъ, оскверняющимъ и плательщиковъ и казиевъ, допускающихъ подобные обязательства, то здѣсь, отъ временъ первого мусульманскаго кодификатора (*муштафитъ*), муллы Шамендына, придумана довольно простенькая вылазка: правовѣрный объявляетъ въ судѣ, что онъ получилъ отъ заемодавца такую-то сумму подъ временное отчужденіе (бай джансъ горау) своей недвижимости (домъ, садъ, земля пахатная), которую береть отъ залогопринимателя въ пользованіе на „такой-то“ срокъ, за „такую-то сумму“. Какъ видите, оборотная сторона сдѣлки весьма прозрачна: залогодавецъ-мусульманинъ пользуется застравленной недвижимостью, какъ разъ за выговоренный ростовщикомъ процентъ. Но самый благочестивый казій и мuftій, подыскиватель риоятовъ, считаютъ такую софистическую редакцію сдѣлки вполнѣ отвѣчающею требованіямъ шаригата и совершаютъ закладную, получая за приложеніе печати отъ 2 руб. до 20 коп.

Въ случаѣ неуплаты въ срокъ по закладной, должникъ или опутывается новой сѣтью полученія на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочки, подъ одинаковые съ первой ссудой проценты, подъ усиленную закладную, или же, въ случаѣ несостоительности къ платежу, лишается залога.

Обыкновенно бываетъ такъ, что нѣсколько первыхъ послѣ выдачи ссуды мѣсяцевъ индіецъ предупредительно любезенъ съ должникомъ, напѣваетъ ему обѣщенія снисхожденія по займамъ на будущее время, получаетъ съ своей жертвы каждомѣсячные проценты безъ отмѣтокъ полученія, и когда дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, взыскиваетъ капитальную сумму, а также вторые проценты. И такихъ несчастныхъ жертвъ нахального обмана, уплачивающихъ, по простотѣ души и невѣдѣнію ст. 409 устава гражданскаго судопроизводства<sup>2)</sup>,

<sup>2)</sup> Ст. 409 уст. гр. суд. свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы

240% на капиталъ, немало. У индійцевъ вошло также въ неизмѣнное правило залавливаніе клиентовъ получениемъ, вмѣсто денежныхъ долей процентовъ, продуктовъ хозяйства, удешевляемыхъ въ такихъ случаяхъ на половину базарной стоимости ихъ.

Сплошь и рядомъ, окончательно простоватые должники, какихъ между узбеками не мало, уплачиваютъ съ аккуратностью помѣсячно не только проценты, но и части ссуды, и когда по расчету подойдетъ погашеніе долга—простягъ выплачиваетъ за свою оплошность во второй разъ.

Каждый почти индіецъ, предъ оставленіемъ района своихъ подвиговъ, обыкновенно чрезъ 5—8 лѣтъ, систематически опутываетъ такими продѣлками своихъ должниковъ, предоставляемъ окончательный расчетъ съ ними въ двойныхъ полученіяхъ ссуды и % своимъ преемникамъ, родственнику или вѣрному приказчику. Эти послѣдніе, получивъ отъ своего предмѣстника за ничтожное вознагражденіе давно оплаченныя росписки, представляютъ взысканія по нимъ, и такимъ образомъ въ короткое время изъ ничего составляютъ средства, на которыхъ залавливаютъ туземцевъ во всю ширь своего прирожденного и воспитанного нахальства.

Хотя, при отсутствіи какихъ бы то ни было мѣстныхъ положеній о ростовщикахъ и при совершенномъ пока игнорировании влиянія такого грабительского кредита на благосостояніе населенія, у насъ ни въ одномъ управлениі не имѣется данныхъ къ уясненію размѣровъ зла по валовымъ доходамъ индійцевъ, тѣмъ не менѣе представляется и теперь возможность сдѣлать приблизительный учетъ общимъ оборотамъ ростовщиковъ. Правда, единственными данными къ этому служатъ для насъ поясненія самихъ туземцевъ и отчасти наблюденія за ростовщичествомъ во время двухгодичной судебной доказательствомъ тѣхъ только событий, для которыхъ по закону не требуется письменного удостовѣренія".

Такие случаи на судѣ у казія оканчиваются всегда или новой сдѣлкой тажущихся, или предложеніемъ отвѣтчику присяги, которой обыкновенно не принимаютъ.

практики въ Туркестанѣ; но потому-то предлагаемые выводы и останутся только приблизительными, съ цифрами скорѣе уменьшенными по осторожности, чѣмъ увеличенными.

Принимая въ разсчетъ изъ многочисленныхъ объясненій туземцевъ и казіевъ, что всѣ индіцы, промышляющіе въ Зеравшанскомъ округѣ, среднимъ числомъ вырабатываютъ въ годъ чистой прибыли 1700 рублей каждый, получимъ на 266 индійцевъ, живущихъ въ Самарканскомъ отдѣлѣ, 452200 руб. (на 68 человѣкъ катта-курганскихъ—115600 руб., на 9 человѣкъ проживающихъ въ Пенджекентѣ—15300 рублей, на 32 человѣка, промышляющихъ въ Ургутѣ—54400 р.), а всѣ 375 индійцевъ собираютъ съ населенія Зеравшанского округа 537500 рублей каждогодно. Въ шесть лѣтъ, послѣ которыхъ индійцы ликвидируютъ обыкновенно свои дѣла, это составить 3225000 рублей, безвозвратно уплачивающихъ въ Индію въ образѣ только лишь русскаго золота <sup>1)</sup>.

Повторяемъ, что мы никакъ не страшимся за эту довольно аккуратную цифру, такъ какъ всѣ данные и долголѣтнія наблюденія говорятъ намъ, что множитель вычисленій сравнительно весьма умѣренный.

Зная хорошо болѣе нежели скромный образъ жизни индійцевъ, обуславливающей возможность накопленія средствъ, мы въ виду, что индійцы не вывозятъ къ себѣ на родину изъ Туркестанскаго края никакихъ русскихъ и мѣстныхъ товаровъ—мы не колеблемся утверждать также, что все количество золота вывозится периодически исключительно въ Индію.

Для возможно яснаго освѣщенія дѣла, остается привести

<sup>1)</sup> Въ противоположность городамъ при-сырь-даргинскимъ, где кочевое населеніе обираютъ исключительно евреи, вырабатывающіе въ годъ чистой прибыли отъ 6 до 1 тысячи руб. каждый, въ дозинѣ Зеравшана собираютъ давъ одни индійцы. Евреи же, оставаясь съ давнихъ временъ при такихъ занятіяхъ, какъ приготовленіе шелковой пряжи, окраска бумажной и шелковой пряжи, торговля,—пользуются въ этой послѣдней промышленности довольно высокимъ процентомъ отъ продажи въ дозгъ краснаго товара. Отпуская товаръ по мелочамъ, въ дозгъ на 4 жѣсяца, лавочники евреи взимаютъ въ процентѣ на каждый аршинъ: съ ситца по—б коп., съ тика по—10 к., съ каждой джуры ахраса—60 к., съ одного куска канавуса—80 коп.

здесь еще цифры годовой общей производительности Зеравшанского округа. Принимая изъ официальныхъ данныхъ общее количество ежегодно обрабатываемой земли въ округѣ въ 150000 десятинъ и помножая эту цифру на 20 руб. чистой ренты, получаемъ 3000000 руб. годового поземельного дохода, плюсъ 450000 руб. дохода отъ скотоводства и кустарныхъ производствъ = 3.450000 руб. валовой доходности, безъ торговли, съ округа. Сбрасывая съ этой цифры 537500, собираемыхъ ежегодно индійцами, убеждаемся, что кредитъ обходится населенію въ 15½% отъ общаго заработка.

Мы не станемъ загромождать эту замѣтку цифровыми выводами о вліяніи такого же совершенно кредита на благосостояніе кочевого населения, но и не откажемся сказать, что среди этой части туземцевъ такой кредитъ еще губительне для материального и нравственного положенія местнаго населения. Доказательствами на эту тему распространяться здесь не будемъ, вѣрюя въ нетрудность для каждого прийти къ такимъ поучительнымъ выводамъ собственнымъ ни мало не утомительнымъ наблюдениемъ.

Если бы, подъ вліяніемъ достовѣрныхъ цифръ, уяснившихъ вѣсколько значение современнаго кредита для благосостоянія населения и интересовъ края, выработался когда-нибудь вопросъ о томъ, какъ помочь съ этой серьезной стороны дѣлу, мы поспѣшили бы отвѣтить самыми простыми доводами, доводами, нисколько не сложнѣе жизни туземцевъ, къ которой всякия экспериментальные пробы прививаются, какъ для всѣхъ очевидно, весьма слабо. Иначе и быть не можетъ. Историческая рость среднеазіатскаго народа поднялся не вдругъ, а по известнымъ фазамъ, обозначавшимся определенными особенностями жизни общества, вырабатывавшимися подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ исключительныхъ условій. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, жизньnomадовъ и осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края сложилась въ тѣ формахъ, въ какой мы видимъ ее теперь. Надъ этими типичными во всемъ формами неизмѣнно громоздится вліяніе природы, особенностей климата, отвѣчаю-

щихъ географическому положенію страны, и всякое ожиданіе скораго переформированія такой жизни, подъ дѣйствіемъ разныхъ иногда весьма дорогихъ экспериментовъ — совершенная иллюзія.

Исходя изъ этого положенія къ интересующему насъ предмету, не остановимся высказать, что вопросу о доставленіи туземцамъ такого кредита, который способствовалъ бы развитію народнаго благосостоянія, должны отвѣтить не западныя экономическія теоріи объ ассоціаціяхъ, отъ Société de resistance и ферейна до ссудо-сберегательныхъ товариществъ и потребительныхъ обществъ, а положенія вѣсколько иныхъ, прымѣнительныя во всемъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ соціального быта туземнаго населения.

Если на западѣ одна изъ экономическихъ теорій прививались, какъ у насъ въ Россіи ссудо-сберегательные товарищества, вполнѣ успѣшно, другія же, какъ напр., потребительные общества, оканчивали свое дѣйствіе въ самомъ началѣ, единственно по непримарованности ихъ къ потребностямъ и развитію большинства, то востокъ можетъ оказаться еще менѣе воспріимчивъ къ несоответствующимъ ему теоріямъ, хотя бы съ очевидной ихъ заботливостью только о благѣ.

Намъ кажется поэтому, что для того, чтобы прийти къ правильному разрѣшенію задачи о доставленіи населенію средствъ развитія благосостоянія, недостаточно еще сказать, что „требуется дешевый кредитъ“, а необходимо серьезное и точное изслѣдованіе экономическихъ условій труда и производства въ краѣ, необходимо выясненіе всѣхъ препятствій, встрѣчаемыхъ народомъ къ достижению благосостоянія.

Встрѣчаясь, напримѣръ, съ такими явленіями, какъ периодической голодъ, какъ прогрессирующее годъ отъ году раздробленіе поземельной собственности до крайняго минимума, съ которого начинается скитальчество безземельныхъ туземцевъ, не скажемъ же мы, что единственнымъ средствомъ противъ этихъ явлений будетъ правильный кредитъ.

Никто также не станетъ утверждать, думаемъ, что только

одинъ доступный кредитъ и угодливый протекціонізмъ въ состояніи вызвать торговлю изъ застоя, обусловливаляемаго, напримѣръ, причинами, не поддающимися ни дѣйствію кредита, ни вліянію протекціонизма. Голодающему, при общемъ голодѣ, деньги мало помогутъ; точно также не поможетъ кредитъ и торговцу, оторванному не скоро проходимой далъю отъ рынковъ сбыта. И можно сказать, такимъ образомъ, что кредитъ, благодѣтельно дѣйствующій въ одиныхъ случаяхъ, теряетъ всякое полезное значеніе въ другихъ. Повторяемъ эту давно извѣдannую аксиому, касающую вступление къ тѣмъ аbrisамъ положенія о кредитѣ, которые мы допытаемся дать въ этомъ коротенькомъ очеркѣ, ни мало конечно не претендующемъ на законченность, на совершиенную обработанность.

Въ первомъ отдѣлѣ настоящей замѣтки было отмѣчено, что туземцы Зеравшанской долины, при нуждѣ, встречаются у индійцевъ кредитъ денежный и кредитъ хлѣбомъ. Было выяснено цифрами, что послѣдній кредитъ разорительнѣе для туземцевъ чѣмъ первый, что населеніе прибегаетъ къ ростовщикамъ и хлѣботорговцамъ за ссудами зерна, или при недостачѣ почему либо въ хозяйствѣ для посѣва, или въ случаѣ общихъ неурожаевъ, застающихъ обыкновенно данный районъ врасплохъ, безъ всякихъ такихъ предсказаний, которыхъ дали бы возможность подготовиться къ бѣдствію путемъ сбереженій, путемъ заготовленій. Но естественно, что въ настоящее время, въ первомъ случаѣ, неимѣнія зерна на посѣвѣ, туземцу приходится обращаться къ индійцу единственно потому, что для покупки зерна на базарѣ надо добыть денегъ отъ тѣхъ же ростовщиковъ на условіяхъ, столько же тяжелыхъ для бѣдняковъ, какъ и ссуда натурой. Отсюда слѣдуетъ, что правильный, дешевый кредитъ способенъ будь сослужить земледѣльцамъ первую службу въ этой, такъ часто встречающей населеніемъ, ординарной нуждѣ—недостачѣ почему либо къ началу сельско-хозяйственного года посѣвнаго зерна, нерѣдко вызывающей земледѣльца къ крайнему средству — продажѣ земли.

Какъ сказано было и выше, вліяніе дешеваго кредита въ годину бѣдствій отъ повсюдного неурожая будетъ слабѣе, но все же благотворнѣе, чѣмъ зависимость отъ индійцевъ и оптовыхъ хлѣботорговцевъ.

Неспорно, конечно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужды, гораздо большую долю пользы могли бы принести хлѣбные запасы, амбары, но по этому вопросу мы теперь можемъ сказать только, что для такого дѣла существенно необходимо полная подготовленность народа къ самоуправлению, которой нѣть пока и признаковъ.

Народъ, прожившій тысячелѣтія подъ давленіемъ рабства, подъ гнетомъ легальной зависимости отъ варварскихъ порядковъ прежнихъ олигархическихъ правительствъ, воспиталъ въ себѣ одну забитость и совершиенную пока неспособность къ выполненію всѣхъ функций самоуправлениія, къ усвоенію и осуществленію принциповъ самопомощи путемъ группированія въ ассоціаціи.

Какъ въ формахъ семейной жизни зеравшанскихъ туземцевъ преобладаетъ начало личное, а не общинное, такъ во всѣхъ большихъ и малыхъ предприятияхъ туземцевъ ясно обозначается всегда полная разобщенность, неспособность къ труду на общинныхъ артельныхъ началахъ и отсутствіе всякаго стремленія къ улучшенню материальнаго положенія средствами, отличающимися отъ практикуемыхъ со временемъ прадѣдовъ.

Словомъ, какъ для каждого замѣтно, чрезъ всю жизнь земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ мѣстнаго населенія проходитъ непреодолимая, при настоящемъ уровнеѣ умственнаго развитія народа, косность, отчасти апатія, притупленность.

Понятно, что при такихъ отличительныхъ особенностяхъ духовнаго развитія народа ожидать отъ него скораго перерожденія, лишь подъ дѣйствиемъ открытія права выбора старшинъ и судей, трудно, какъ нельзя надѣяться и на успѣхъ отъ теоретического ознакомленія массы съ самыми простыми формами ассоціацій, основанныхъ на началахъ самопомощи. Этого тѣмъ труднѣе ожидать, что такимъ пробамъ пришлось

бы встрѣтиться прежде всего съ упорнымъ недовѣріемъ туземцевъ, съ утвердившимся понятіемъ, что всякие денежные сборы, какими бы успокоительными приказами они ни осуществлялись, поступаютъ исключительно на казенные нужды.

Такимъ образомъ, разсчитывать въ дѣлѣ обеспеченія края правильнымъ кредитомъ на иниціативу самого населенія невозможно. Въ этомъ достаточно убѣждаетъ все, начиная отъ теоретического разбора характера туземцевъ, ихъ нравовъ, распорядковъ жизни, до совершенной неизвѣстности никому случаевъ вполнѣ самостоятельного почина туземца въ какомъ бы ни было большомъ общественномъ дѣлѣ, предпріятіи, исключая, впрочемъ, очень немногихъ примѣровъ лукаваго либеральничанья какого нибудь отжирѣвшаго подрядчика, готоваго предложить въ извѣстныхъ видахъ не только „реформу“, но и гораздо больше.

Словомъ, при настоящемъ уровнѣ умственного и нравственного развитія туземцевъ участіе ихъ въ дѣлѣ улучшенія экономического положенія можетъ существенно выразиться только неподдѣльнымъ объясненіемъ на вопросы о всѣхъ тѣхъ условіяхъ жизни, которыхъ составляютъ тормазъ свободному развитію благосостоянія.

На долю же администраціи должно выпасть установление самихъ средствъ экономической защиты населенія, средствъ, вполнѣ отвѣчающихъ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ жизни народа, средствъ настолько же простыхъ въ своей организаціи, насколько проста жизнь всѣхъ классовъ туземного населенія.

По отношенію къ Зеравшанскому округу, достаточно подробно изслѣдованныму уже самою пріимѣнительную и самою простою формою экономической помощи туземцамъ, было бы, кажется, учрежденіе въ каждомъ изъ отдѣловъ вспомогательной кассы на слѣдующихъ началахъ:

#### Цѣль учрежденія.

Учрежденіе вспомогательной кассы имѣть цѣлью доставить какъ земледѣльческому, такъ и торговому туземному населенію дешевый и всегда доступный кредитъ въ видахъ развитія земледѣльческаго хозяйства, торговли и промысловъ, а главнымъ образомъ для обеспеченія земледѣльцевъ отъ тяжелыхъ послѣдствій случайности неурожая.

На этомъ основаніи вспомогательная касса, во всякое время, со дня открытия, доступна туземцамъ: а) собственникамъ земли, ежегодно обрабатывающимъ ее, и даже такимъ, которые подъ ручательствомъ состоятельныхъ односельцевъ обяжутся обрабатывать на взятую ссуду заброшенную свою землю; б) собственникамъ строительной недвижимости (мельницы, толчей, маслобойни, кожевенного завода, лавки, дома и сарая); в) купцамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ на мелочной торговль и ниже, а также и тѣмъ туземцамъ, которые одновременно съ выдачею ссуды возьмутъ документы на такого рода торговлю; г) туземцамъ безземельнымъ, предпринимающимъ артелью (не менѣе 10 человѣкъ) проведеніе на свободныхъ земляхъ, изъ свободныхъ водныхъ источниковъ, оросительныхъ каналовъ, если они представятъ: вполнѣ надежное удостовѣреніе 2—3 туземцевъ въ томъ, что начнутъ предпріятіе на полученную ссуду, а также ручательство состоятельного лица въ обеспеченіе ссуды.

Въ годы мѣстнаго неурожая, предсказанія котораго устанавливаются обыкновенно въ началѣ весны, ссуды выдаются преимущественно земледѣльцамъ, потергѣвшимъ отъ неурожая, въ чёмъ можно удостовѣриться чрезъ волостныхъ и другими средствами. Въ годы падежа скота классъ земледѣльческій также имѣть преимущественное предъ другими право на ссуду.

#### Фонды вспомогательной кассы.

Основнымъ капиталомъ вспомогательной кассы послужить добровольный вкладъ землевладѣльцами, въ теченіе трехъ лѣтъ,

по 6 копѣекъ съ танапа садовъ, виноградниковъ, клевера, по 5 коп. съ танапа промысловой ирригационной земли, по 3 коп. съ танапа болгарной земли дождевого орошения.

Или же, вместо этого поземельного сбора, привлечь къ учрежденію кассы оптовыхъ скототорговцевъ, освобожденныхъ съ 1875 года отъ всякихъ пошлинъ. Въ первомъ случаѣ, обложенія земли,— это дасть въ Самаркандскомъ отдѣлѣ 20000 руб. въ годъ, во второмъ получится фондъ въ 10000 руб. или  $6\frac{1}{2}\%$  отъ годовыхъ оборотовъ гуртовой торговли скотомъ.

#### ПРАВО НА ССУДУ.

Ссудой можетъ воспользоваться тотъ изъ туземцевъ, право имѣющій по § 31 устава, кто представить удостовѣреніе мѣстнаго казія въ количествѣ недвижимости ея и доходности, причемъ, для предупрежденія двойного получения ссуды, казій ведетъ журналъ тѣхъ удостовѣреній. Не допускается кромѣ случая а) § 1-го, выдача ссудъ безъ ипотечныхъ удостовѣреній, подъ одно лишь поручительство, въ тѣхъ видахъ, главнымъ образомъ, чтобы выдача поручительствъ туземцами не сдѣлалась средствомъ спекулятивнымъ, къ чему туземцы имѣютъ наклонность.

Здѣсь принимается также во вниманіе, что неимѣющій собственности недвижимой не лишается возможности воспользоваться ссудой подъ удостовѣреніе владѣльцевъ недвижимости, родственниковъ или близкихъ людей.

#### СРОКЪ ССУДЫ.

Ссуда можетъ быть выдана на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года.

#### ОСРОЧКА ВОЗВРАЩЕНИЯ ССУДЫ.

Отсрочка возврата ссуды допускается до предѣльного срока; свыше же одного года отсрочка допускается не иначе какъ съ разрѣшенія начальника отдѣла, послѣ представленія надежного ручательства въ своевременномъ возвратѣ ссуды и процентовъ.

#### РАЗМѢРЪ ССУДЫ.

Ссуда можетъ быть выдана одному лицу въ размѣрѣ отъ трехъ рублей до 100 рублей, и артели, независимо отъ числа предпринимателей, до 200 рублей.

#### РАЗМѢРЪ ПРОЦЕНТОВЪ.

Взявшій ссуду уплачиваетъ при возвратѣ оной, или при полученіи отсрочки, по 1-й копѣйкѣ съ рубля въ мѣсяцъ или  $12\%$  годовыхъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ дѣлъ кассы, процентъ можетъ быть пониженъ до 8 коп. съ рубля годовыхъ.

#### ПОСЛѢДСТВІЯ НЕСВОЕВРЕМЕННОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ ССУДЫ.

Невозврашеніе въ срокъ ссуды и процентовъ влечетъ поудильное взысканіе оной, съ  $\%$  и пеною по  $\frac{1}{2}$  коп. съ рубля за просроченный день <sup>1)</sup>, а въ случаяхъ крайнихъ— обращеніе такого взысканія, чрезъ сношеніе съ администрацией, на имущество или самого ссудополучателя, или поручителей. При этомъ не подвергаются продажѣ только ежедневно носящая одѣжда, жизненные припасы, необходимые для дома на двѣ недѣли, орудія обработки земли, а также орудія кустарныхъ производствъ.

#### ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПОДСТАВНЫХЪ ССУДОПОЛУЧАТЕЛЕЙ.

Обнаруженное и доказанное полученіе ссуды для другихъ лицъ, не-туземцевъ, влечетъ немедленное возвращеніе ссуды съ  $\%$  по день пользованія и уплата пени по 2 копѣйки съ рубля за каждый день такого пользованія ссудой. При этомъ подставной ссудополучатель лишается права кредитоваться въ теченіе одного года.

#### ЗАВѢДЫВАНІЕ КАССОЮ.

Завѣдываніе вспомогательной кассой въ отношеніи приема вкладовъ, выдачи ссуды, учета процентовъ, приема платежей,

<sup>1)</sup> Проценты поступаютъ на приращеніе капитала и содержаніе кассы, а пена — въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій.

отчетности, возлагается на одного изъ письмоводителей, подъ наблюдениемъ начальника отдѣла, какъ въ отношеніи исполненія устава, такъ и въ отношеніи каждомѣсячной ревизіи кассы совмѣстно съ старшимъ помощникомъ.

Впослѣдствіи, съ развитіемъ дѣлъ кассы, представится возможность, изъ части % отъ оборотовъ, отчислять опредѣленную сумму до 1300 руб. на содержаніе кассира съ канцеляріей. Въ первые же три года письмоводитель могъ бы получить добавочные 400 рублей изъ общественныхъ суммъ. Содержаніе переводчика въ 300 рублей также можно было бы отнести на суммы общественные.

#### ВРЕМЯ ОТКРЫТИЯ ДѢЙСТВІЙ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ.

Выдача ссудъ и приемъ платежей производится каждодневно, исключая среды и воскресенія, отъ 12-ти часовъ до 3-хъ часовъ дня..

#### ПОРЯДОКЪ ЗАВѢДЫВАНІЯ КАССОЙ.

Завѣдывающій кассою принимаетъ отъ волостныхъ управителей вклады кредитными билетами и серебромъ подъ квитанцію книги, которая, какъ и всѣ остальные книги, выдается начальникомъ округа. На завѣдывающаго кассою возлагается: а) веденіе дѣлъ, книгъ и счетовъ, б) приемъ, выдача и храненіе денежныхъ суммъ, в) выдача денежныхъ ссудъ, г) разрѣшеніе отсрочекъ по ссудамъ до одного года, д) принятие мѣръ ко взысканію ссудъ съ неисправныхъ должниковъ.

Наличныя деньги хранятся при управлениі и подъ часовымъ.

Въ кассѣ обязательно вести слѣдующія книги:

- а) главную приходную книгу для записыванія въ послѣдовательномъ порядке всѣхъ поступающихъ денегъ;
- б) главную расходную книгу для записыванія въ послѣдовательномъ по времени порядке расхода денегъ;
- в) разсчетную книгу по оборотамъ ссудъ;
- г) дѣлъ квитанціонная книга приема денегъ.

Счетный годъ кассы считается съ 1-го января по 31-е декабря.

Завѣдывающій кассой ежегодно 31 декабря заключаетъ всѣ счетные книги, хранимыя затѣмъ при дѣлахъ управлениі, и составляетъ изъ нихъ отчетъ, который представляется начальникомъ отдѣла на разсмотрѣніе начальника округа и ревизіи въ окружной канцеляріи.

Отчетъ долженъ содержать въ себѣ приходъ, расходъ и остатки по произведеннымъ въ теченіе года кассовымъ оборотамъ, а равно выводъ прибыли и убытковъ.

Мы рѣшились изложить въ этой замѣткѣ только общія начала къ установлению правильнаго дешеваго кредита для туземцевъ и, не считая этотъ трудъ нашъ непогрѣшимъ, будемъ счастливы, если онъ откроетъ путь къ дальнѣйшему изученію этого важнаго для края вопроса.

Къ великому благу туркестанскаго туземца, эксплуатація его индѣйцами хищническимъ кредитомъ обратила на себя вниманіе и высшей администраціи края. 28 октября 1887 г., послѣдовалъ циркуляръ генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана слѣдующаго содержанія:

„Считая необходимымъ устранить вредное влияніе на туземное населеніе, въ экономическомъ отношеніи, индѣйскихъ выходцевъ, которые, занимаясь ростовщикствомъ и взимая незаконнымъ образомъ громадные проценты, могутъ въ будущемъ, при настоящемъ порядке вещей, довести небогатый земледѣльческій и ремесленный классъ населенія до совершенного разоренія и завладѣть значительною частью земель въ краѣ, я нашелся вынужденнымъ, примѣняясь къ существующимъ законоположеніямъ, ввести въ видѣ временной мѣры слѣдующія правила объ огражденіи населенія вѣреннаго моему управлѣнію края отъ эксплуатаціи индѣйцевъ.

- 1) Приобрѣтеніе земельной собственности индѣйцами и отдача имъ таковой, хотя бы во временное пользованіе, по какимъ бы то ни было договорамъ, обязательствамъ и залоговымъ записямъ—не дозволяется.

2) Всякая земельная собственность, доставшаяся индѣйцамъ по наслѣдству, дареніемъ или другимъ какимъ родомъ, должна быть ими продана въ теченіе шести мѣсяцевъ.

3) Принимать въ залогъ земельные участки и брать тако-  
вые въ арендное содѣжаніе индѣйцамъ воспрещается.

4) Продажа недвижимыхъ имуществъ туземцевъ, по искамъ  
индѣйцевъ, съ аукціоннаго торга даже въ томъ случаѣ, если  
индѣйцы, при подачѣ ими взысканія на неисправныхъ долж-  
никовъ, указали на недвижимую собственность послѣднихъ, не  
допускается.

5) Въ замѣнъ же этой продажи, полагаемой ст. 653 вѣ-  
сельного устава, должники обязуются выплачивать землевладѣ-  
цамъ-индѣйцамъ, чрезъ посредство полицейскихъ или замѣ-  
няющихъ ихъ властей, взятую у индѣйцевъ ссуду изъ дохода,  
получаемаго съ принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имуществъ,  
не болѣе одной трети дохода ежегодно.

6) Личное задержаніе туземцевъ до окончанія этой уплаты  
не допускается.

7) Изъ движимаго же имущества не могутъ быть обра-  
щены въ продажу по аукціонному торгу слѣдующія: ежеднев-  
ная одежда, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, сѣмена  
для засѣва, сѣстные припасы, потребные для пропитанія, ра-  
бочій и вообще домашній скотъ, необходимый для полевыхъ  
работъ и пропитанія, если въ немъ нѣть явнаго излишества.

Послѣдній пунктъ долженъ быть соблюденъ не только  
по отношенію въ искамъ индѣйцевъ, но и при всѣхъ вообще  
искахъ, предъявленныхъ на земледѣльческое населеніе края.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для ограниченія притязаній богатыхъ  
сартовъ, изъ коихъ некоторые, прельстившись легкой наживой,  
стали по примѣру индѣйцевъ также заниматься ростови-  
чествомъ, я призналъ необходимымъ распространить на земле-  
дѣльцевъ Туркестанскаго края льготу, предоставляемую госу-  
дарственнымъ крестьянамъ ст. 943 II ч. X т., по которой  
удовлетвореніе взысканія обращается сначала на доходъ, по-  
лучаемый съ недвижимаго имущества, а затѣмъ уже и на

самыя имущества. Такимъ образомъ, при небольшихъ долгахъ,  
которые могутъ быть покрыты доходомъ съ недвижимыхъ иму-  
ществъ, аукціонная продажа самыхъ имуществъ устраивается.

Увѣдомляя объ этомъ ваше превосходительство, прошу  
васъ, милостивый государь, принять всѣ изложенныя правила  
къ свѣдѣнію и надлежащему руководству."

Благотворное вліяніе этого распоряженія выразилось вскорѣ  
весма существенными результатами: съ первыхъ же дней его  
дѣйствія индѣйцы прекратили выдачу туземцамъ ссудъ, испо-  
довольствіе стали ликвидировать свои дѣла, возвращаясь на родину,  
и къ концу 1882 года изъ общаго числа 7000 этихъ ростов-  
щиковъ въ Зеравшанскомъ округѣ оставалось только 20 человѣкъ,  
заканчивавшихъ свои дѣла по ссудѣ. Къ такимъ же по-  
~~следствіямъ, какъ въ первомъ, привѣтъ это благотворное~~  
мѣра и въ другихъ частяхъ края. Туземецъ избавился отъ  
ростовщиковъ - піявокъ, и экономическая жизнь края пошла  
правильнѣе, потому что на смынку хищническому кредиту яви-  
лись доступныя дешевизною ссудныя кассы въ уѣздахъ. Не  
можетъ быть и сомнѣнія, что эти мѣры, сослуживъ великую  
службу населенію, реально дали ему почувствовать заботли-  
вость о немъ русскаго правительства, которую онъ не испы-  
тывалъ прежде. Въ Зеравшанскомъ округѣ ссудныя кассы  
образовались въ 1877 году изъ ежегоднаго платежа земле-  
пашцами, сверхъ государственныхъ податей, по 20 копѣекъ  
съ каждой десятины земли, обработанной подъ яровыми (бо-  
гара) посѣвами дождевого орошенія. Приращаясь годъ отъ  
года, капиталъ этотъ накопился и теперь (въ 1884 году) со-  
ставляетъ свыше 100000 рублей. По числу населенія округа  
въ 400000 душъ, по развитію промышленности, сумма эта  
не могла бы считаться достаточною для нуждъ всего народа,  
еслибы доступъ къ этому дешевому кредиту изъ 6% годо-  
выхъ, не былъ ограниченъ предоставленіемъ ссуды, главнымъ  
образомъ, земледѣльцамъ.

Для облегченія населенію доступа къ ссудной кассѣ, при-  
мѣнительно къ его быту, изданъ слѣдующій уставъ:

§ 1. Ссудные кассы въ отдельахъ учреждаются съ цѣлью вспомоществованія бѣднѣйшему туземному населенію, а равно для поддержавія развитія его хозяйства и промышленности, за исключеніемъ торговли посредствомъ выдачи ссудъ на определенный срокъ подъ проценты.

*Примѣчаніе.* Чины туземной администраціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ пользоваться ссудою.

§ 2. Оборотный капиталъ ссудныхъ кассъ составляется изъ свободныхъ остатковъ отъ общественныхъ и другихъ суммъ, образовавшихся изъ поступлений сельского населения.

§ 3. Ссудные кассы состоять при управленияхъ начальниковъ отдельовъ. Расходование суммъ, веденіе отчетности и вообще дѣлопроизводство возлагаются на одного изъ чиновъ управлений по назначению начальниковъ отдельовъ и непосредственномъ ихъ наблюденіемъ.

§ 4. Ежемѣсячная и внезапная ревизія капитала и документовъ лежитъ на обязанности начальниковъ отдельовъ, которые приглашаются для этого, въ качествѣ депутатовъ, другихъ чиновъ управлений и двухъ почетныхъ туземцевъ.

§ 5. Книги кассы ведутся по прилагаемой формѣ. По истечении каждого полугода, завѣдывающими кассами составляются подробные отчеты о движении капиталовъ и о количествѣ поступившихъ процентовъ и представляются начальникамъ отдельовъ, которые, по сличеніи съ кассовыми книгами, утверждаютъ правильность отчетовъ. По истеченіи же года, общий годовой отчетъ представляется начальнику Зеравшанскаго округа съ заключеніемъ начальниковъ отдельовъ и публикуется чрезъ пропечатаніе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ на русскомъ и туземномъ языкахъ.

§ 6. Такъ какъ цѣль выдачи ссудъ—вспомоществованіе бѣднымъ туземцамъ для поддержанія ихъ хозяйства, то ссуды производятся въ небольшомъ количествѣ, а именно до пятидесяти рублей одному лицу.

§ 7. Выдачи ссудъ производятся въ порядке поступления заявлений. Въ случаѣ же, если требования превышаютъ сред-

ства кассы, то преимущества въ удовлетвореніи даются, по усмотрѣнію начальниковъ отдельовъ, бѣднѣйшимъ и просящимъ ссуды въ меньшихъ размѣрахъ.

§ 8. Ссуды выдаются лицамъ, въ § 1-мъ указаннымъ, до 5 руб. безъ всякаго поручительства по одному лишь удостовѣренію въ благонадежности мѣстного волостного управителя; ссуда же на большую сумму должна быть обеспечена поручительствомъ однообщественниковъ: на сумму до 30 руб.—двухъ лицъ, а на сумму до 50 руб.—трехъ лицъ. Если же ссуду просить одновременно не менѣе половины однообщественниковъ, то таковая можетъ быть обеспечиваема приговоромъ общества за круговою порукою.

§ 9. Волостные управители, свидѣтельствуя благонадежность заемщиковъ, поручителей и правильность общественныхъ приговоровъ, должны вести списки лицамъ, получившимъ ссуду, съ обозначеніемъ сроковъ уплаты.

§ 10. Прошенія о ссудѣ, съ приложеніями поручительствъ, подаются начальникамъ отдельовъ, которые, по полученіи отъ завѣдывающихъ кассами справки о наличномъ состояніи кассы, разрѣшаютъ или не разрѣшаютъ выдачу ссуды въ просимомъ или меньшемъ количествѣ, смотря по числу прошеній.

§ 11. Поручительства и заявленія должны быть, для единообразія, составлены и отпечатаны по прилагаемой формѣ, въ нужномъ числѣ экземпляровъ для выдачи въ потребномъ количествѣ аксакаламъ и аульнымъ старшинамъ:

§ 12. По полученіи разрѣшений начальниковъ отдельовъ, завѣдывающіе кассами выписываютъ разрѣщенную сумму въ расходъ по шнуровой книжѣ и подъ росписки въ ней выдаютъ просителямъ, или ихъ довѣреннымъ по довѣренностямъ, свидѣтельствованнымъ мѣстными волостными управителями; за неграмотныхъ получателей росписываются постороннія лица по ихъ просьбѣ и довѣрію. Проценты же ссудъ уплачиваются при возвращеніи самыхъ ссудъ, а потому для учета % ведется особый алфавитъ заемщиковъ.

§ 13. Ссуда выдается не болѣе, какъ на срокъ до 1-го

января слѣдующаго года, за 6% годовыхъ съ рубля. Въ случаѣ удостовѣренія о такихъ народныхъ бѣдствіяхъ, какъ пожаръ, наводненіе, падежъ скота и т. п., ссуда можетъ быть отсрочена, съ разрѣшенія начальника округа, только на одинъ годъ.

§ 14. При наступленіи срока уплаты, взявшіе ссуду представляютъ деньги при объявлѣніи начальникамъ отдѣловъ, которые передаютъ ихъ завѣдывающимъ кассами для записи на приходъ въ шнуровые книги, а плательщикамъ выдаютъ квитанціи. А такъ какъ волостные старшины ведутъ списки получающимъ ссуды съ обозначеніемъ сроковъ уплаты, то наблюденіе за своевременными взносами полученныхъ ссудъ вмѣняется въ ихъ обязанности.

§ 15. По истеченіи срока ссуды, если деньги не будутъ возвращены, завѣдывающіе кассами на другой же день докладываютъ начальникамъ отдѣловъ для распоряженій о взысканіи.

§ 16. Взысканіе обращается первоначально на имущество должника, а въ случаѣ недостаточности его—на поручителей; въ крайнемъ же случаѣ на имущество лица, засвидѣтельствовавшаго ихъ благонадѣжность.

§ 17. Не возвращаются вносить ссуды и ранѣе того срока, на который взята ссуда, съ уплатою процентовъ по день сдачи, причемъ проценты исчисляются за цѣлые мѣсяцы, и время менѣе 15 дней въ разсчетѣ процентовъ не принимается.

§ 18. Изъ суммы годовой прибыли кассы 4% присчитывается въ капиталу для его увеличенія и 2% выдаются завѣдывающимъ кассами въ вознагражденіе и канцелярскіе расходы по веденію кассового дѣлопроизводства. Выдача вознагражденій производится по-полугодно.

§ 19. Суммы ссудныхъ кассъ хранятся въ кладовыхъ мѣстныхъ казначействъ, въ особомъ ящиѣ, за печатью и замкомъ завѣдывающаго ссудною кассою и начальника отдѣла. На рукахъ у завѣдывающихъ можетъ быть не болѣе 50 руб., и то только въ ожиданіи выдачи ссудъ.

*Примѣчаніе.* Впредь до открытия въ Пенджекентѣ кассы

министерства, финансова, ссудный капиталъ нагорныхъ тюменей долженъ храниться въ самаркандинскомъ казначействѣ депозитомъ управляющаго нагорными тюменями, причемъ пересылка денегъ должна относиться на проценты съ выдаваемыхъ ссудъ. Подлинный подпись правитель канцеляріи Несторовскій и дѣлопроизводитель Ивановъ.

Насколько населеніе нуждается въ кредитѣ, насколько доступенъ онъ для него по действующему уставу, насколько туземецъ исправенъ въ платежѣ долга, можно судить въ частности по оборотамъ ссудной кассы въ Самаркандинскомъ уѣздѣ. Въ 1887 году самаркандинской ссудной кассой, состоящей въ завѣдываніи секретаря уѣзданого управления, въ теченіе февраля—апрѣля (въ периодъ запашки полей), выдано 65000 рублей. Всѣхъ ссудополучателей было свыше четырехъ тысячъ. Къ концу года вся ссуда съ процентами поступила безнедоимочно.

По отчетамъ о дѣятельности ссудныхъ кассъ въ другихъ уѣздахъ края, ежегодно публикуемыхъ въ мѣстной газетѣ, можно судить, насколько оказались благодѣтельными распоряженія генерала Кауфмана относительно ростовщичества индѣйцевъ, послѣдовавшія вскорѣ послѣ вышедшаго изслѣдованія о кредитѣ у туземцевъ.

## РОЛЬ НАСЕЛЕНИЯ ВЪ ДОВОЛЬСТВИИ ВОЙСКЪ<sup>1)</sup>.

Всегдашнее стремление къ сокращению той ежегодной приплаты въ четыре миллиона изъ общегосударственныхъ доходовъ, которую вызываетъ, главнымъ образомъ, содержание въ Туркестанѣ войскъ, обратилось между прочимъ и къ удешевлению стоимости провіантскаго довольствія,—этой главной расходной статьи мѣстнаго интендантства. Первые попытки къ этому начаты въ Зеравшанскомъ округѣ, по предложению мѣстной администраціи.

Исходя изъ того основанія, что получение довольствія изъ рукъ самихъ производителей всегда удешевляетъ его и даетъ продукты лучшихъ качествъ, и въ виду, съ другой стороны, слишкомъ высокихъ цѣнъ, заявленныхъ подрядчиками на провіантъ въ 1878 году, когда въ Самарканѣ былъ сосредоточенъ значительный отрядъ войскъ, администрацией отдана было предложено воспользоваться обилиемъ урожая яровой (богары) пшеницы и принять ее отъ населенія въ счетъ „хераджка“, т.-е. подати, по дешевымъ базарнымъ цѣнамъ. Интендантству такое предложеніе показалось тогда весьма выгоднымъ, какъ избавляющее его отъ дорогихъ услугъ подрядчиковъ; для администраціи жеказалось возможнымъ выполнить его, такъ какъ, во-первыхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ осталась система вычисленія подати съ урожая продуктовъ дождевого орошенія (ляльми, богары), а во-вторыхъ, взиманіе податей зерномъ на

мѣстѣ практиковалось въ долинѣ Зеравшана еще во времена хановъ, следовательно было дѣломъ не новымъ для земледѣльческаго населенія.

Въ то время, когда со введеніемъ въ Туркестанѣ положенія 1867 года, оставаясь при полной неизвѣстности о платежныхъ силахъ страны и размѣрахъ землевладѣнія, повсюду спѣшили перейти къ новой окладной системѣ податей,—предусмотрительная осторожность въ Зеравшанскомъ округѣ продолжала изученіе вѣковой системы податей, хераджной.

Подать съ урожая, действующая на востокѣ со временъ ассирийскихъ царей, а можетъ быть и раньше, имѣя въ основавіи своеъ идеальный экономический принципъ выдѣленія въ пользу правителей; или же землесобственниковъ, известнаго процента въ видѣ чистой ренты,—подъ вліяніемъ ханскаго произвола и злоупотреблений сборщиковъ, всегда подвергалась такимъ искаженіямъ, которыя значительно умалили ея достоинство подоходной подати.

Въ первые годы послѣ занятія Зеравшанской долины, русской администрациѣ также пришлось испытать всѣ трудности практики хераджной системы, какъ открывавшей для сборщиковъ самое широкое, почти безконтрольное поле злоупотребленій. Испробовавъ всѣ средства борьбы съ такими злоупотребленіями преслѣдованіемъ виновныхъ и строгими наказаніями, денежными пачетами и усиленіемъ надзора изъ чиновниковъ за дѣятельностью сборщиковъ, администрація все же скоро нашлась вынужденною усовершенствовать хераджную систему вычисленіемъ подати не съ умолота (хирманъ),—что давало возможность и самимъ земледѣльцамъ скрывать собранные продукты,—а опредѣленіемъ доходности каждого земледѣльческаго хозяйства. Для этого приходилось, предъ наступленіемъ жатвы, измѣрять всѣ поля каждого хозяйства, опредѣлять средній урожай для цѣлаго сельскаго района отъ каждого засѣянаго продукта и по современной базарной цѣнѣ вычислять стоимость одного танапа ( $\frac{1}{4}$  десятины) всѣхъ продуктовъ; этимъ опредѣлялась доходность того или другого хозяйства, получивъ ко-

<sup>1)</sup> Напеч. 1885:

торую, нетрудно уже было осуществить денежный сборъ въ  $\frac{1}{10}$ . часть валового дохода.

Введение этихъ приемовъ вычислениія хераджа, хотя и дало въ первые же годы лучшіе сравнительно результаты значительнымъ увеличеніемъ податей въ округѣ, тѣмъ не менѣе потребовало больше издережекъ на взиманіе податей, больше рабочихъ силъ на составленіе записей по всемъ продуктамъ каждого хозяйства, больше времени на сборъ податей, такъ какъ записи всегда запаздывали, вслѣдствіе чего и накоплялись огромныя недоимки пятилѣтней давности. Тѣмъ не менѣе, при всей сложности этой видоизмѣненной хераджной системы, она все же была близка къ подоходной подати, оставаясь въ зависимости отъ правильности измѣренія засѣянныхъ площадей, отъ правильности вычислениія урожая, отъ соотвѣтствія цѣнъ, принятой для вычислениія дохода, базарной цѣнѣ.

Сославшись свою пятилѣтнюю службу доставленіемъ зеравшанской администраціи богатаго материала о размѣрахъ и видахъ землевладѣнія, объ урожайности, о характерѣ культуры, эта видоизмѣненная хераджная податная система была замѣнена въ 1876 году окладною поземельною податью, вычисленною, на основаніи вышесказанныхъ данныхъ, по средней доходности предшествовавшихъ лѣтъ.

Однако, устанавливая окладную податную систему для земель ирригационныхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ не нашли возможнымъ распространить ее и на земли неорошаемыя, а признали болѣе основательнымъ оставить ихъ на прежнемъ положеніи платежа хераджа съ урожая. Къ такому рѣшенію склоняли слѣдующія соображенія: прежде введенія поземельного устройства и размежеванія всѣхъ земель, обширная пространства неорошае мой земли не могутъ быть приписаны къ селеніямъ, пока право владѣнія ими не опредѣлено законоположеніемъ; земли не орошенныя засѣваются не каждогодно, даютъ урожай съ яровыхъ посѣвовъ (пшеница, ячмень, ленъ) крайне измѣнчивый, отъ самъ 80 до полнаго неурожая; следовательно, установление для нихъ постояннаго оклада, хотя

бы въ значительно уменьшенному размѣрѣ, во всякомъ случаѣ весьма рисковано, потому что достаточно двухъ неурожайныхъ годовъ кряду, чтобы населеніе, получившее такой неблагодатный надѣлъ, оказалось не въ состояніи уплатить съ него окладъ; тогда ему ничего болѣе не останется, какъ отказаться отъ надѣла, что въ некоторыхъ мѣстностяхъ равносильно переходу въ кочевое состояніе или же переселенію. Такимъ образомъ, въ силу этихъ вскихъ обстоятельствъ и дабы не терять значительный въ урожайные годы доходъ съ земель дождевого орошенія, ирригационныхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ, для этихъ земель, рядомъ съ окладной системой, оставлена хераджная подать такого характера, посредствомъ составленія ежегодно танапныхъ записей каждого посѣва, какъ сказано выше.

Продолжительная практика этой вѣковой системы податей, при хорошемъ подборѣ людей, даетъ каждогодно одинаково хорошия результаты правильного вычислениія подати и исправнаго поступленія ея, при затратѣ всего 1000 рублей на танапные измѣренія, посредствомъ командируемыхъ въ волости, въ началѣ лѣта, специалистовъ-танапчиковъ.

Для уясненія вопроса, въ какой степени колеблется доходность такъ-называемыхъ, базарныхъ полей (яроваго посѣва), остающихся въ зависимости отъ весеннихъ дождей, отъ направлениія и силы вѣтра, отъ облачности неба, действующихъ на умолотъ, приведемъ свѣдѣнія за послѣднія семь лѣтъ о яровыхъ посѣвахъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ:

Въ году.	Измѣрено засѣянныхъ танаповъ.	Всего собрано пудовъ зерна.	Всего уплачено податей.
1878	100000	1.200000	50.680 руб.
1879	5204	15000	1.208 "
1880	100000	600000	32.206 "
1881	105000	400000	32.800 "
1882	140000	800000	47.000 "
1883	164000	1.000000	65.100 "
1884	164500	900000	45.000 "

Анализируя эти цифры, не трудно видеть значительное колебание урожая от самъ 30 въ 1878 году до полнаго неурожая, какъ было въ 1879 году, когда изъ общей площади посѣва въ 120000 танаповъ, представилось возможнымъ внести въ записи только 5000 танаповъ, давшихъ урожай самъ 3.

Эти же цифры уясняютъ намъ также, что отчисляемый въ казну доходъ въ  $\frac{1}{10}$  часть урожая, плюсъ действующій здѣсь общественный сборъ въ 25% съ государственного дохода, составляетъ по базарной стоимости продукта окладъ съ одного танапа въ 50 копѣекъ,—окладъ не малый для земель, дающихъ непостоянныи доходъ, едва обеспечивающій землевладѣльца въ годъ средняго урожая и заставляющій искать заработковъ на сторонѣ въ неурожайные годы.

Если затѣмъ принять въ разсчетъ, что съ ожидаемымъ положеніемъ, послѣ инструментальной съемки, количество яровой земли утроится, такъ какъ въ надѣль должна войти и земля, остающаяся подъ паромъ и цѣлина (майта), то при обложеніи каждого танапа двадцатью-пятью копѣйками, по валовому исчисленію, на десятину обрабатываемой земли упадетъ окладъ государственной подати въ шесть рублей. Справится ли съ такимъ обложеніемъ неорошенной земли трудолюбивое и выносливое узбекское населеніе—покажетъ будущее. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду, во-первыхъ, что урожай богарныхъ (яровыхъ) посѣвовъ подверженъ рѣзкимъ колебаніямъ; во-вторыхъ, что одинъ неурожайный годъ повлечетъ за собою тягостную недоимку на такой землѣ, а два неурожайные года кряду вызовутъ и болѣе серьезные послѣдствія. Такъ говорять цифры.

Еще рѣзче колебанія приведенныхъ цифръ урожая въ южной, низменной части округа, гдѣ землевладѣлецъ разбрасываетъ свой батманъ высѣвнаго зерна на участкѣ въ 4—6 десятинъ „на авось“, такъ какъ въ низовьяхъ долины весеніе дожди бываютъ не обильны, а для богары обязательно требуется и вполнѣ достаточно два дождя въ мартѣ и четыре

дождя въ апрѣль, какъ говорятъ землепашцы: „бу бураны хамяль, чаръ бураны сауръ“.

Только такое нагорье, какъ Магіанъ-Фарабъ въ Зеравшанскомъ округѣ, какъ Джизакскій и Ура-тюбинскій участки, вполнѣ остаются всегда спокойны за свои яровые посѣвы, дающіе тамъ урожай лучшей пшеницы въ самъ 40 и гораздо болѣе, причемъсосѣднее джизакское населеніе получаетъ въ общемъ такую массу хлѣба, что снабжаетъ своимъ избыtkомъ Самаркандъ, Бухару и отчасти Ташкентъ. Оно могло бы, казалось, снабжать дешевымъ зерномъ и интенданцкіе магазины. Однако до сихъ поръ этотъ трудъ поставки пшеницы, не только для самарканскихъ, но и для ташкентскихъ войскъ, ложится, вотъ уже седьмь лѣтъ, только на населеніе Зеравшанского округа, только на администрацію отдѣловъ.

Что трудъ этотъ не малый и, таکъ сказать, не урочный, потому что въ законоположеніяхъ вовсе не предусмотрѣнъ такой видъ отбыванія податей, это не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ объ этомъ заявляетъ само населеніе и заявляетъ ближайшая къ землепашцу администрація.

Посмотримъ же, во что обходится туземному населенію система взиманія податей *каждуро*, поставкою для интенданства зерна, принятая по предложенію начальника отдѣла въ 1878 году, какъ мѣра временная и чрезвычайная, въ виду большой потребности въ провіантѣ для войскъ и въ виду покушеній подрядчиковъ получить тройные барыші.

Получая въ началѣ года заказы отъ интенданства о поставкахъ въ мѣстные магазины пшеницы и ячменя, администрація выполняетъ ихъ привлеченіемъ къ этому дѣлу населенія въ томъ предположеніи, что для туземца рѣшительно все равно: везти ли свой хлѣбъ для продажи на базарѣ, или же въ городъ для сдачи въ счетъ казенной подати.

Смотря по размѣру заказа, поставка выполняется или богарнымъ (яровымъ) зерномъ, вычисляемымъ по именнымъ записямъ податеплательщиковъ послѣ танапнаго измѣренія, вызывающаго провѣрку чрезъ чиновниковъ отдѣла,—или же ози-

мымъ (трамай) зерномъ, которое приходится сдавать въ ноябрь мѣсяцѣ, въ счетъ окладной поземельной подати, собственникамъ ирригационной земли.

Сдача богарной пшеницы начинается обыкновенно въ половинѣ августа, причемъ очереди подвоза зерна къ магазину назначаются для волостей съ тѣмъ разсчетомъ, что интенданский чиновникъ въ состояніи принять въ одинъ день (съ 10 до 5 часовъ) не болѣе 8000 пудовъ. Зерно подвозится каждымъ подательщикомъ въ исчисленномъ записями количествѣ, отъ  $\frac{1}{2}$  пуда до 100 пудовъ, смотря по размѣру запаски, причемъ для дневного количества сдачи собираются такимъ образомъ на крѣпостной эспланадѣ Самарканда, предъ магазиномъ, тысячи узбековъ, оставляющихъ свое село, свой домъ, свое хозяйство на нѣсколько дней.

Какъ ни говорять иногда малосвѣдущія лица, что узбеки считаютъ для себя удовольствіемъ пожить день-два въ городѣ, что ускореніе сдачи зависитъ отъ распределенія очередей подвоза администрацией и отъ самихъ сдатчиковъ, но, конечно, такія разсужденія не серьезны, во-первыхъ, потому, что на счетъ „удовольствія“ надо спросить самихъ узбековъ, а на счетъ проволочки сдачи—надо сообразить, что узбеки не солдаты, строевой точности не знаютъ. Надо отрѣшиться отъ пристрастія и отнести всѣ проволочки не къ сдатчикамъ, а къ приемщикамъ, или, правильнѣе опредѣляя, къ невыясненности весьма многихъ вопросовъ въ этомъ, не новомъ уже дѣлѣ и къ неподготовленности порою интенданства до того, что для ускоренія сдачи приходилось администраціи ссуживать приемниковъ гирями, вѣсами, приходилось вести неудобные переговоры съ горожанами обѣ отводѣ мечетей для ссыпки казенного зерна, приходилось помогать въ пріисканіи мѣшковъ...

Всякій пойметъ, что при такой несовершенной постановкѣ этого важнаго дѣла со стороны самого интенданства, когда приемку въ 150000 пудовъ приходится вести на однихъ вѣсахъ, съ количествомъ гирь всего въ 26 пудовъ, хлопотами

одного смотрителя магазина, который, какъ единственное ответственное за храненіе лицо, старается принимать зерно лично и въ то же время отрываетъ выдачей въ войска довольствія, приемкой какихъ-нибудь этапныхъ кошемъ, праздниками, и т. п. — всякий согласится, что при такихъ условіяхъ вина замедленности сдачи зерна падаетъ отнюдь не на узбековъ подвозителей, а еще менѣе на распоряженія администраціи, которая, неся такой огромный трудъ сверхъ своихъ узаконенныхъ обязанностей, все-таки всѣми силами содѣйствуетъ къ правильному ходу этого важнаго дѣла.

Кто же, въ самомъ дѣлѣ, нося въ душѣ хоть малую толику справедливости и порядочности, рѣшился заподозривать тормазъ дѣлу въ тѣхъ распорядителяхъ его, которые, во-первыхъ, предложили эту систему какъ мѣру чрезвычайную, а во-вторыхъ, удѣляютъ и праздничный досугъ на удовлетвореніе заказовъ интенданства, требующихъ отъ администраціи разѣздовъ и усиленной дѣятельности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Повторяемъ, на основаніи подробнаго знанія всего дѣла, что если система поставки населеніемъ пшеницы для войскъ не чужда и до сихъ поръ нѣкотораго несовершенства, то непосредственными распорядителями этого дѣла всегда и заявлялось объ этомъ интенданству. Слѣдовательно, если этой системѣ суждено утвердиться вообще въ браѣ надолго, потребуются обоюдныя усиленія къ такой правильной постановкѣ ея, чтобы населеніе не чувствовало для себя тяготы въ ней, чтобы довольствіе войскъ обходилось дешевле подряднаго, чтобы непосредственные сдатчики зерна, чиновники уѣздныхъ управлений, посвящая на это дѣло поздніе часы холоднаго ноябряскаго дня, получали бы соотвѣтственное трудамъ вознагражденіе, а вѣ одни лишь тщетныя упованія на „канцелярскіе остатки“, отъ которыхъ никогда ничего не остается...

Суждено ли этой системѣ утвердиться—это вопросъ, которому слѣдуетъ помочь прежде всего правдивымъ вычислѣніемъ: во чѣ обходится земледѣльческому населенію этотъ новый видъ подати, устранимы ли и каковы тѣ осложненія

практики этой системы, которая тяжела для населения и вызывает заявления его въ такой впрочемъ скромной формѣ, что крайніе оптимисты вообразили, будто и въ самомъ дѣлѣ для узбека составляетъ великое удовольствіе, отбываніе подати натурою.

Посмотримъ же теперь, какъ идетъ вся эта операциѣ погашенія подати натурою и во что обращается при этой системѣ государственная подать въ  $\frac{1}{10}$  часть дохода, какъ установлено § 281 положенія 1867 года.

Такъ какъ требованія интенданствомъ пшеницы на годовой періодъ превышаютъ всегда количество боярнаго зерна, исчисляемаго въ подать, то къ подвозу этой пшеницы привлекаются рѣшительно всѣ землепашцы боярныхъ полей; потому  $\frac{3}{4}$  всего числа ихъ везутъ свой хлѣбъ къ назначенному числу въ городъ за 80—100 верстъ, дѣляя путь этотъ, съ выюкомъ верблюжьимъ или лошадинымъ, въ два дня, потерявъ предварительно одинъ день или менѣе, смотря по количеству подвоза, на перечистку зерна у себя дома.

Расположившись въ городѣ, среди до крайности пыльной площади, гдѣ происходитъ приемка, узбекъ принимается на другой день за прокѣйку зерна, пуская въ ходъ рѣшето, лопату, сиво, и наконецъ—собственные пальцы, когда надо отѣлить легкія щетинистыя зерна сорной травы. Эта работа занимаетъ неизбѣжно и слѣдующій день, во-первыхъ, потому, что такая очистка среди тучи пыли, какую требуетъ приемщикъ по кондиціямъ книги XII св. воен. пост., сама по себѣ весьма трудна, а во-вторыхъ и потому, что одновременно приходится старшинамъ сельскимъ сводить разсчетъ и уяснить, сколько каждому придется сдавать, причемъ конечно случается пополнять недостачу покупкой на базарѣ.

Такимъ образомъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, всякий подвозъ можетъ поступить на вѣсы только въ половинѣ третьаго дня, такъ какъ послѣ совершенной очистки не мало теряется времени на подробный осмотръ пшеницы приемщикомъ, на выдачу казенныхъ мѣшковъ, на засыпаніе зерна, на

зашивание мѣшковъ, которое почему-то выполняется неумѣлыми руками самихъ сдатчиковъ, на подвозъ, наконецъ, къ вѣсамъ, гдѣ ведутъ отмѣтки по дневнымъ тетрадямъ и запись чиновника уѣзднаго управления и волостного управителя.

Съ вѣсовъ тѣ же трудовые руки, тѣ же выносливые спины узбековъ тащутъ пятипудовые мѣшки за десяти сажень и укладываютъ въ восьми-ярусные бунты, подъ раздражительную команду вахтеровъ, послѣ чего сдатчикъ освобождается, получая лишь напоминаніе старшины: поторопиться доставить денежный кипсень (общественный сборъ) въ 25% подати. Такъ, въ напряженномъ труде, проходить эти три дня „для счастливыхъ“ сдатчиковъ; а если сдатчики прибыли не сразу, если ненастье или слишкомъ вѣтряные дни помѣшили очисткѣ зерна, если приемщикъ увидѣть страшный сонъ и станетъ требовать упорно, чтобы пшеница была „сухая, не лежащая, не затхлая, не подмоченная, чистая и безъ всякой примеси не только пыли, земли, песку, горошковъ, но и зерна такъ называемой ярины“—тогда узбеку приходится провѣивать зерно всѣми способами 5—6 разъ и жить для этого въ городѣ, проводя холодныя ночи подъ небеснымъ сводомъ, не менѣе пяти дней, а случалось и всѣ восемь дней, когда приемка задерживалась недостачей мѣшковъ, гирь, людей. Какое испытывается при этомъ удовольствіе сельскій узбекъ, отрываясь въ страдное время, для пятидневнаго проживанія въ городѣ, при самыхъ суровыхъ условіяхъ—пусть рѣшаютъ знатоки, а мы добавимъ отъ себя, что и для узбека всегда въ „гостяхъ“ хорошо, а дома лучше“, и что рѣшеніе вопроса объ „удовольствії“ отбыванія подати натурою лучше предоставить самимъ землепашцамъ и людямъ, близко стоящимъ къ народу по своимъ обязанностямъ.

Продолжая наши изслѣдованія и вычисленія стоимости населенію отбыванія податей натурою и заявивъ предварительно, что при сдачѣ въ самарканскіе интенданскіе склады пшеницы, приемщики руководствуются тѣми самыми кондиціями, которые установлены закономъ для поставокъ чрезъ подрядчи-

ковъ, получающихъ разумѣется барыши, скажемъ, что хотя въ кондиціяхъ вовсе не говорится ничего объ „усушкѣ“ будто бы зерна при храненіи, тѣмъ не менѣе населеніе покрываетъ такую гадательную усушку надбавкою трехъ фунтовъ на каждый батманъ, вѣсомъ въ восемь пудовъ.

Намъ сдается, что такъ какъ податное населеніе, доставляющее интенданству самую лучшую пшеницу по приказанію, а не по своему желанію, не можетъ быть приравниваемо къ подрядчикамъ, то вышесказанная трехфунтовая надбавка должна бы избавлять его отъ слишкомъ требовательной очистки зерна, какая установлена нормальными кондиціями. Намъ кажется, что это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что вѣдь сдатчикъ узбекъ ничего не получаетъ съ интенданства за работы по зашиванію мѣшковъ и по укладкѣ ихъ въ бунты. Но, конечно, пока будетъ дѣйствовать эта система, принципы интенданства останутся вѣроятно при своихъ требованіяхъ, основанныхъ на ен. XII; сдатчики же будутъ нести на себѣ весь трудъ и потери, не оплаченные, какъ слѣдовало бы, соотвѣтственной платой, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ поддается вычислению.

Зная, что въ осеннюю, рабочую пору каждый поденщикъ и жнецъ получаетъ до сорока копѣекъ дневныхъ, такъ и слѣдуетъ цѣнить каждый рабочій день узбека-сдатчика, проведенный имъ съ зерномъ въ дорогѣ и въ городѣ.

Зная, что траты узбека въ городѣ на довольствіе свое и коня достигаютъ двадцати копѣекъ въ сутки *minim*, а наемъ выючнаго животнаго обходится неимѣющимъ таковыхъ или же крупнымъ сдатчикамъ въ 50 копѣекъ дневныхъ, приходится имѣть это въ виду и считать чистую потерю узбека, чрезъ проживаніе въ городѣ, не менѣе 60 копѣекъ въ день, счи-тая и стоимость рабочаго дня.

Принимая, что хлѣбные продукты, какъ базарные, такъ и предназначаемые хозяевами въ сдачѣ въ счетъ подати, даютъ сорного отброса 20 фунтовъ на каждый батманъ въ 8 пудовъ; прибавляя къ этому три фунта, накидываемые сдатчикомъ на

усушку, вычисляемъ стоимость потери въ зернѣ въ 20 копѣекъ, по современной цѣнѣ.

Соглашаясь не считать стоимость выючной перевозки зерна изъ селенія въ городѣ, въ томъ разсужденіи, что все равно, для уплаты подати пришлось бы везти этотъ же батманъ на ближайшій, впрочемъ, базарь и оцѣнивая, во всякомъ случаѣ, каждый день отсутствія узбека изъ своего села въ 60 копѣекъ, мы наконецъ опредѣляемъ потери дальнѣаго сдатчика такъ: четыре дня въ пути—2 р. 40 коп., три дня въ городѣ—1 р. 80 коп. въ растрата зерна—30 копѣекъ, а всего 4 р. 50 коп.

Надѣюсь, что эти выводы возраженій не встрѣтятъ, такъ какъ нами взяты самыя умѣренныя цифры стоимости рабочаго дня въ 40 коп., стоимости довольствія съ лошадью въ 20 коп., а потому день сдатчика оцѣнивается въ 60 коп.; это, кажется, уяснилось заявлениемъ, что сдатчикъ работаетъ въ городѣ, при приемныхъ вѣсахъ, болѣе чѣмъ въ своемъ хозяйствѣ.

Теперь ясно, слѣдовательно, какое удовольствіе испытываетъ узбекъ-сдатчикъ отъ проживанія въ городѣ; теперь убѣдительно для интенданскихъ приемщиковъ, почему администрація отдѣла хлопочетъ не задерживать узбековъ болѣе двухъ дней.

Вѣдь нетрудно и каждому, послѣ приведенныхъ доводовъ, рассчитать, что та масса сдатчиковъ, которая была задержана въ городѣ восемь дней, по случаю неготовности мѣшковъ или хранилища, потеряла отъ этой проволочки около *восьми* рублей на каждого человѣка! Развѣ это не крупная потеря для землепашца, весь годовой бюджетъ котораго въ 80 рублей, среднимъ счетомъ.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенного достовѣрнаго расчета, мы теперь знаемъ, во что обращается установленная § 281 поземельная подать, при взысканіи ея натурою; она обращается въ  $\frac{1}{6}$  дохода плюсъ 25% общественнаго сбора.

Отсюда будетъ понятно, почему ближайшая къ народу администрація, всегда отвѣтственная и служебно и нравственно не только за настоящее, но и за будущее его спокойствіе и

благоденствие, зная бытовые порядки народа, его нужды и экономическое положение, настойчиво доказывает, что система, действующая теперь регулярно, безспорно хороша была въ 1878 году, когда она сослужила безвозмездно важную службу, для которой население и напредки всегда готово въ чрезвычайных случаяхъ.

Но каждогодная практика такой податной системы, безъ справедливаго вознаграждения, размѣръ которого мы намѣтили, поселяетъ въ населеніи недовѣріе къ нашимъ увѣреніямъ, что мы беремъ съ него въ подать всего  $\frac{1}{10}$  часть дохода; развивается конечно и бѣдность, потому что обложение въ  $\frac{1}{4}$  дохода слишкомъ отяготительно.

Конечно, намъ могутъ на это сказать, что все же здѣшнее населеніе платить значительно менѣе, чѣмъ коренное населеніе имперіи, что туземецъ свободенъ отъ воинской повинности, отъ воинскаго постоя, отъ разорительного кабака. Да, это безспорно такъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, взамѣнъ косвенныхъ налоговъ, здѣшний земледѣлецъ несетъ огромный трудъ натуральной повинности<sup>1)</sup>: арычной, дорожной, лѣсоводственной, что не Богъ вѣсть какая и зажиточность здѣшняго бережливаго туземца создается напряженнымъ трудомъ, не знающимъ дней праздничныхъ, создается разумной предпріимчивостью, какой можетъ позавидовать иной обездоленный русский человѣкъ.

Но, во всякомъ случаѣ, кто же можетъ желать этому благоразумному, трудолюбивому населенію, создавшему съ единственнымъ руководителемъ—природнымъ соображеніемъ,—высоко интенсивную культуру, кто можетъ желать ему худшаго материального положенія? Нѣтъ, мы съ своей стороны сердечно желаемъ этому достойному народу полнаго материального и духовнаго благосостоянія, и да будетъ оно при немъ всегда.

А если хотите знать, какія явленія и настроенія населенія

<sup>1)</sup> У насъ, въ западной Россіи, повинности эти отбываются денежными сбормъ; но зато чего же и стоитъ земству поддерживать исправность дорогъ, борьба съ саранчей и кузькой?

вызываютъ отсутствіе необходимаго достатка, пожалуйте на уборку риса по системѣ арыковъ Зеравшана.

Вотъ вы видите массы согнутыхъ, полуобнаженныхъ спинъ жнецовъ, торопливо снимающихъ созревшій рисъ.

— Здравствуйте, почтенные люди! Откуда вы сюда пришли? Сколько взяли за житво?

— Мы знатинские, пришли на работы весною. Жнемъ вотъ артелью, вчетверомъ — на каждого приходится 40 копѣекъ въ день и харчи хозяйскіе.

— Да развѣ у васъ нѣть своей земли?

— Какъ не быть! Есть, только очень ужъ много береться нась падша (эмиръ), потому и нѣть возможности кормиться своей землей.

— А сколько онъ береть, поди не больше  $\frac{1}{4}$ ?

— Ой, нѣть! — половину береть.

Вотъ какія явленія рождаются податной несправедливостью, заставляя массы бросать землю, идти на заработки или бросать окончательно родину и переселяться въ лучшія мѣста.

Такихъ обездоленныхъ податною тяготой или разстройствомъ ирригациіи искателей заработка и выселенцевъ изъ сосѣднихъ бекствъ въ Зеравшанскомъ округѣ весьма много. Они составляютъ главный контингентъ поденщиковъ въ городахъ, они пополняютъ недостатокъ рабочей силы въ кишлакахъ, они же, эти искатели хлѣба (нанъ-талабъ), доставляютъ 20% населения мѣстнымъ тюрьмамъ. Приливъ такихъ временныхъ переселенцевъ въ началѣ лѣта всегда обозначаетъ дурныя предсказанія въ бекствахъ: неурожай отъ безводья, отъ саранчи и другихъ бѣдствій, къ которымъ, какъ оказывается, добавляются еще и отяготительные подати. Такія выселенія увеличиваются годъ отъ году, совершаются и массами, съ полнымъ фатальнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на лучшее будущее, которое, конечно, сразу не дается. Эти выселенія висколько не озабочиваютъсосѣднее правительство, потому что система управления его основана на стремлении извлечь возможно большие доходы, безъ всякой заботы о будущемъ

А вѣдь выселеніе даже 20% земледѣльцевъ ирригационныхъ районовъ способно превратить эти послѣдніе въ пустыни въ самое непродолжительное время. Вотъ чего и слѣдуетъ повсюду остерегаться пуще дефицитовъ.

Итакъ, уяснивъ себѣ значение для туземного населенія новой податной системы, дѣйствующей исключительно въ Зеравшанскомъ округѣ, мы конечно признаемъ за нею одно лишь несомнѣнное достоинство: значительного удешевленія и улучшенія довольствія войскъ, а слѣдовательно, и сокращеніе дефицита по русскому Туркестану.

Если нась спросятъ: можетъ ли эта система установиться окончательно, мы отвѣтимъ: полагаемъ, что можетъ, если, во-первыхъ, сдатчики зерна будуть получать базарную стоимость его плюсъ не менѣе двухъ рублей вознагражденія за каждый батманъ, а во-вторыхъ, если интенданство измѣнитъ кондиціи и усовершенствуетъ приемку такъ, чтобы подвозители зерна не задерживались въ городѣ болѣе двухъ дней; въ-третьихъ, если размѣръ общественного сбора съ полей дождевого орошенія будетъ пониженъ, тамъ гдѣ онъ остается, до 10%. При такой постановкѣ дѣла, можно ручаться, что населеніе и не одного Зеравшанского обруга само заявить желаніе сдавать свой яровой хлѣбъ, можетъ быть, и дешевле намѣченной стоимости. Озимаго же хлѣба и ячменя нечего и требовать съ него!

Какъ высказано выше, интенданству слѣдовало бы ограничивать свои требованія, а администраціи—свои предложенія только въ то количество богарнаго зерна, которое даетъ данный податной годъ. Практиковавшаяся же до сихъ поръ слача также и пшеницы озимой (трамай) до крайности осложняла дѣло слишкомъ строгими требованіями приемщиковъ. Эти строгости сводились къ тому, что населеніе ирригационныхъ земель, поставляя свой продуктъ въ счетъ окладной подати, по базарной цѣнѣ, вынуждалось опасеніями задержекъ въ городѣ сдавать, вместо обыкновенной озимой, или богарную пшеницу, или посѣвное зерно трамай, стоимость которыхъ выше открытої интенданствомъ цѣны на 10%. Такимъ образомъ, по-

ставка трамайной пшеницы для многихъ сдатчиковъ увеличивается платимый ими окладъ вдвое, считая вычисленныя выше потери рабочихъ дней и отбросъ зерна.

Трудно рѣшить вопросъ: на комъ собственно остается отвѣтственность за строгость приемки пшеницы озимой, которая поражаетъ всѣхъ своимъ темнымъ видомъ, сравнительно съ бѣлой пшеницей, богарной. Наші приемщики, читая въ кондиціяхъ гоненія на ярицу и считая ее очень вредной, бракуютъ обыкновенную, хозяйственную обихода озимую пшеницу, предполагая, что темное зерно и есть ярица. Мы очень сомнѣваемся, чтобы такое предположеніе было вѣрно, пока оно не будетъ утверждено специалистами по агрономіи. Мы можемъ засвидѣтельствовать отъ себя, что обыкновенной, темноватой, трамайной пшеницей питается, какъ и всѣмъ известно,  $\frac{3}{4}$  населенія Туркестанскаго края и не отравляется этой миной ярицей, пригорѣлымъ (джаугары) зерномъ, а напротивъ, совершенно правильно считаетъ озимую пшеницу питательнѣе яровой, чего вѣроятно не рѣшатся оспаривать и мѣстные врачи, если въ особенности они сдѣлаютъ анализъ этого и другого продукта. Мы добавимъ еще, что поставка пшеницы озимой отяготительна для мѣстнаго земледѣльца и потому, что въ самое жаркое время поздняго жнитва она отвлекаетъ его отъ своего хозяйства.

Затруднительность для населенія поставлять ячмень скаживается сама собою потому, что въ Зеравшанской долинѣ ячменя засѣвается очень мало; онъ и при хорошемъ урожаѣ въ самъ-12 не покрываетъ всей мѣстной потребности, а подвозится на продажу изъ Карши и Джизака, причемъ мѣстный ячмень получается настолько тонкій, нечистый, что дѣйствительно совершенно правильно бракуется приемщиками; тогда сдатчикамъ, „во исполненіе приказаний“, приходится покупать этотъ продуктъ на базарѣ изъ привозовъ, а свой или сбывать за ничто, или же везти домой, за десятки верстъ.

Въ минувшемъ году населеніе было избавлено отъ поставки ячменя, по ему и до сихъ поръ памятенъ 1882 годъ, когда,

по первоначальному затребованію, въ 63750 пудовъ, пришлось закупить, по дорогой цѣнѣ, джизакскій ячмень, чтобы чрезъ нѣсколько дней продать его по дешевой цѣнѣ, потому что требование ограничилось всего 19514 пудами. Всѣ эти фактическіе доводы даютъ тотъ выводъ, что если дѣлать обязательнымъ для населенія удовлетвореніе провіантскихъ нуждъ интенданства, то лишь такимъ продуктомъ, какой имѣеть въ своемъ хозяйствѣ землепашецъ, а не базарнымъ.

Но я полагаю еще, что обязательная поставка легко можетъ быть замѣнена поставкою добровольной, если будетъ усовершенствована приемка, если заблаговременно предупредить земледѣльцевъ о нормѣ вознагражденія на батманъ, въ томъ размѣрѣ, какой вычисленъ, или же въ уменьшенномъ размѣрѣ, по соглашенію съ производителями чрезъ администрацію.

При этомъ заказы поставокъ со стороны интенданства должны, во-первыхъ, быть заблаговременны, во-вторыхъ, должны быть такъ разсчитаны, чтобы самарканскому населенію и администраціи не приходилось работать, какъ было до сихъ поръ, за сырь-даръинцевъ, потому что это крайне невыгодно для самого интенданства. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году интенданство отправило изъ Самарканда въ Ташкентъ 11360 четвертей пшеницы, поставленной населеніемъ, причемъ путь перевозки шелъ разумѣется чрезъ тотъ самый хлѣбородный Джизакъ<sup>1)</sup>, который загромождаетъ зеравшанскіе рынки своей прекрасной, дешевой пшеницей.

Казалось бы, почему не предложить джизакскому населенію сдавать свой хлѣбъ по базарной цѣнѣ плюсъ вознагражденіе, хотя бы даже въ два рубля на восемь пудовъ, въ джизакскіе интенданскіе склады, которые и могли бы снабжать дешевой пшеницей не только Ташкентъ, но даже Казалинскъ, если бы это потребовалось.

Скажутъ, что такая надбавка къ базарной стоимости про-

<sup>1)</sup> За перевозъ 1 пуда изъ Самарканда до Джизака (100 верстъ) берутъ 20 копѣекъ.

дукта какъ разъ равняется подрядной цѣнѣ. Но если бы это было и вѣрно, то во всякомъ случаѣ поставка непосредственными производителями даетъ такой продуктъ, какого не дастъ конечно никакой подрядчикъ.

Предложивъ выше минимальный размѣръ вознагражденія сдатчиковъ, мы полагаемъ, что онъ никакъ не можетъ быть уменьшенъ безъ отягощенія населенія, такъ какъ эта надбавка въ 25 копѣекъ съ пуда оплачиваетъ только дорожные расходы туземца и потерю вѣса зерна отбросомъ.

А если положеніе поставки хлѣба для войскъ будетъ современемъ узаконено вмѣсто воинской и квартирной повинности, въ такомъ случаѣ вопросъ о вознагражденіи самъ собою упраздняется; но тогда это дѣло потребуетъ тщательной разработки для равномѣрного распределенія въ населеніи такой продовольственной повинности.

Заканчивая съ этимъ вопросомъ, продолжающимъ занимать и различные органы управлениія, и печать, сообщимъ свѣдѣнія о количествѣ поставленной для интенданства, населеніемъ Самарканского отдѣла, лучшей пшеницы въ счетъ податей:

Годъ	пд.	цѣна	стоим.	одн. чет.
1878	72484	31892 руб.	3 руб.	30 коп.
1880	131500	71154 "	4 "	31 <sup>1</sup> / <sub>4</sub> "
1881	38356	21096 "	4 "	12 <sup>1</sup> / <sub>2</sub> "
1882	113992	65551 "	4 "	23 <sup>3</sup> / <sub>4</sub> "
1884	227035	111786 "	3 "	52 <sup>1</sup> / <sub>2</sub> "
Всего .	583367	300479 "	—	—

Какія сбереженія даѣтъ базнѣ этотъ исключительный способъ заготовленія, легко конечно разсчитать сопоставленіемъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ съ цѣнами, заявленными подрядчиками, и съ цифрами сравнительной стоимости подрядныхъ заготовленій за тѣ же года въ Джизакѣ, Ташкентѣ и Ферганѣ.

## ЭКСПЛУАТАЦІЯ ГОРНОГО ЛѢСА ВЪ ЗЕРАВШАН- СКОМЪ ОКРУГѢ<sup>1)</sup>.

### I.

Значеніе лѣсовъ въ климатології подтверждается научно и исторически. — Лѣса поддерживают водные источники.—Разрушительное дѣйствіе потоковъ и ручьевъ въ Пенджакентѣ и въ верховьяхъ Зеравшана, какъ результатъ истребленія горной древесной растительности.—Борьба горца съ природой обозначилась на его физическомъ и духовномъ развитіи.

Бассейнъ Зеравшана, занимающій со всѣми притоками и хребтами площасть земли въ 6540 квадр. верстъ<sup>2)</sup>, представляетъ такую бѣдность лѣсной растительности горной и низменной, что въ интересѣ поступательного культурнаго развитія этой части Туркестанскаго края вопросъ лѣсной не долженъ оставаться послѣднимъ, что совершенно и признается администрацией. Значеніе вообще лѣсовъ въ климатології, какъ причины, охлаждающей воздухъ, защищающей данную мѣстность отъ вѣтровъ и поддерживающей источники, раздѣляется многими авторитетами науки, многими наблюденіями и историческими данными, подтверждающими, что чрезмѣрная вырубка лѣсовъ въ странѣ оставляетъ вліяніе на измѣненіи климата. По Бекрелю<sup>3)</sup>, уничтоженіе лѣсовъ на всемъ протяженіи сѣверной Америки сдѣлало зимы менѣе жестокими и умѣ-

рило лѣтніе жары, измѣнивъ и направление вѣтра западнаго на господствующее теперь восточное. Шлайденъ, приводя въ своемъ сочиненіи „Дерево и лѣсъ“ многія историческія данные въ подтвержденіе губительнаго вліянія истребленія лѣсовъ на измѣненіе климата, говоритъ: „во внутренней Греціи сухость воздуха постоянно возрастаетъ, горные ручьи исчезаютъ, замѣна древесной растительности приземистыми кустарниками распространяется.“

На многихъ горахъ выше 3000 фут. находятся еще слѣды прежняго растительнаго міра, даже замѣты еще русла прежнихъ ручьевъ, но вода и многолѣтняя растительность уже исчезла. На страницѣ 40 того же сочиненія (Дерево и лѣсъ) мы читаемъ: „въ Египтѣ, отступая предъ болѣе и болѣе распавшимся воздухомъ пустыни, исчезли знаменитые виноградники, восхваленные Атенеемъ, Страбономъ и даже Горациемъ. Только въ Александрии выдѣлывались еще грубое и тяжелое черное вино“. Далѣе: „акаціи въ долинахъ пустыни, ростъ которыхъ превозносилъ Теофрастъ, стали корявѣть. Причины этихъ явлений легко сыскать, если вспомнить, что въ дельѣ верхнаго Египта, вслѣдствіе посадки Магометомъ-Али 20 миллионовъ деревъ, число дождливыхъ дней въ году поднялось съ 5 и 6 на 46. Такоже и въ построенной на песчаной пустынѣ Измайліи, вслѣдствіе пропитанія почвы водою Суэзскаго канала, появились сами собою разнообразныя деревья, кусты и травы, а съ возрожденіемъ растительности стала измѣняться и климатъ: прежде дождь въ этой мѣстности былъ совершенно неизвѣстенъ, а теперь съ мая 1868 года по май 1869 г. дождь падалъ 14 разъ и однажды такой проливной, что арабы, никогда не видѣвшіе ничего подобнаго, были поражены ужасомъ! Геродотъ, въ 469 году до Р. Х. изображалъ Крымъ и Украину цѣпенѣющими въ семимѣсячной суповой зимѣ, покрытыми на 2 сажени снѣгомъ, причемъ и въ остальные мѣсяцы было не тепло, а небо покрыто было туманомъ.“

Въ подтвержденіе того, что климаты способны измѣняться въ некоторыхъ мѣстностяхъ, Араго, въ своемъ сочиненіи: „Sur les climats de Turkestan“.

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1877 г.

<sup>2)</sup> Г. А. Амановъ: Туркестанскій Ежегодникъ, вып. III.

<sup>3)</sup> Des climats et de l'influence qu'exercent les sols boisés et non boisés; par Besquerel.

*l'état thermometrique du Globe terrestre*<sup>1)</sup> указываетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи въ настоящее время количество лѣтнаго выпаденія дождя менѣе, чѣмъ въ прошлое время и это объясняется ничѣмъ инымъ, какъ истребленіемъ горныхъ лѣсовъ, вышавшихъ въ себѣ множество озеръ, болотъ и прудовъ въ низовьяхъ, при огромномъ пространствѣ необработанной почвы.

Въ Америкѣ, по свидѣтельству Буссенго, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что истребленіе въ большомъ размѣрѣ лѣсовъ всегда соединяется съ уменьшеніемъ количества выпадающаго дождя.

Извѣстный водонскатель, саксонскій горный инженеръ Генохъ, въ статьѣ: „отыскиваніе подземныхъ источниковъ“<sup>1)</sup>, говоритъ: „въ какой мѣрѣ лѣса способствуютъ образованію воды, доказываютъ озеро Токаригуа въ Аррогуанской долинѣ Венесуэлы. Вслѣдствіе уничтоженія лѣсной растительности на окружающихъ высотахъ и распространившагося здѣсь земледѣлія, озеро менѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ такъ обмелѣло, что множество бывшихъ на немъ островковъ обратились въ отдельно стоящіе холмы; это же самое озеро представляетъ другой поразительный фактъ въ обводнительномъ вопросѣ. Многолѣтнія политическія смуты новѣйшаго времени сильно уменьшили трудолюбивое населеніе и на запущенныхъ мѣстахъ, при благопріятномъ дѣйствіи тропического солнца, снова выросъ лѣсъ, благодаря которому озеро опять наполнилось водою, вытѣснивъ индиго и сахарный тростникъ, пріютившіеся на его изсушенныхъ берегахъ“.

По мнѣнію Гумбольдта<sup>2)</sup>, обнаженная и бесплодная полоса земель, окружающая бассейны Средиземнаго, Каспійскаго и Аральскаго морей, можетъ служить типомъ явлений сухости воздуха, происходящей отъ уменьшенія величины водныхъ поверхностей, вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ, которая, какъ причина охлаждающая, могутъ дѣйствовать троекратъ образомъ:

<sup>1)</sup> Туркестанскій Ежегодникъ, выи. III.

<sup>2)</sup> Asie centrale, т. III.

защищая почву отъ прямаго дѣйствія солнечныхъ лучей, производя довольно значительное испареніе листьями деревьевъ и, наконецъ, излучая тепло листьями по ночамъ. Касательно тѣни, отбрасываемой деревьями и охлаждающаго дѣйствія, производимаго ею, наблюдается наибольшее развитіе этого явленія въ умѣренномъ поясѣ весною и въ началѣ лѣта, когда снѣгъ лежитъ еще въ лѣсахъ даже во время повышенія средней температуры мѣсяца до 15°. Въ этомъ случаѣ тѣнь, бросаемая вершинами деревьевъ, мѣшающая дѣйствію солнечныхъ лучей, дѣлается причиной, косвенно дѣйствующею на климатъ, а образующіеся застои воды служатъ естественными питомниками источниковъ. Испаренія воды, производимыя древесными листьями лѣсовъ экваторіальныхъ странъ, служать, по мнѣнію Гумбольдта, причиной, что небо этихъ странъ представляется покрытымъ густыми облаками и что между вершинами деревъ дѣственныхъ лѣсовъ нерѣдко среди дня показываются перистыя облака (*cirris*). Относительно излученія растеніями теплоты, наблюдаютъ, что деревья, охлаждая излученіемъ тепла атмосферу, окружающую ихъ вершины, заставляютъ охлажденный воздухъ стремиться къ почвѣ, который препятствуетъ излучать въ пространство теплоту густыя листья и вѣтви расстущихъ на ней деревьевъ. Нѣсколько иное явленіе производятъ злаки, остающіеся погруженными въ той атмосфѣрѣ, температура которой понижена ихъ собственнымъ теплоизлученіемъ. При этомъ наблюдаютъ, что перепончатые ланцетовидные и острые листья однодольныхъ растеній имѣютъ очень сильную излучающую способность, которая въ соединеніи съ уплотненіемъ пара, происходящемъ отъ излученія теплоты этими растеніями, производить то, что ляяносы тропическаго пояса, въ теченіи самого сухаго периода времени, остаются покрытыми свѣжею зеленью.

Въ наше время не можетъ быть болѣе мѣста существовавшему когда-то предположенію, что все источники беруть свою воду изъ подземныхъ хранилищъ, существующихъ отъ сотворенія міра. Сдѣлавшая большіе успѣхи въ послѣднія 20

лѣтъ физическая географія признаетъ, что источники не вытекаютъ изъ первобытныхъ водохранилищъ, но суть не болѣе какъ скопившаяся вода, принятая земною поверхностью изъ атмосферы, въ видѣ дождя и снѣга. Такимъ образомъ облѣсенные горы, способствуя образованію водныхъ источниковъ, ручьевъ, рѣчекъ, рѣкъ<sup>1)</sup>, составляютъ истинное благодѣяніе для окружающей мѣстности, служить кормилицей для низменности, которую они питають и оберегаютъ отъ разрушенія наносами. Горныя высоты лишены лѣсной растительности, хотя также извлекаютъ воду изъ проходящихъ надъ ихъ вершинами облаковъ, но вода эта, скатываясь по голымъ скальнымъ строительными потоками, не только не приносить никакой пользы равнинѣ, но нерѣдко причиняетъ ей страшный бѣдствія разрушеніемъ жилищъ цѣлыхъ селеній, истребленіемъ навсегда пахотныхъ полей наносами щебня и камня, чemu такъ часто подвергаются юго-восточная провинція Франціи, „единственно всѣдствіе обнаженія вершинъ“, какъ свидѣтельствовали объ этомъ французскому правительству Лоренцъ и профессоръ Бланки.

Каждому, побывавшему въ горахъ бассейна Зеравшана, разрушительное дѣйствіе горныхъ потоковъ представляется по всему течению рѣки совершенно явственнымъ. Уже въ самомъ Пенджекентѣ (3200 ф. надъ моремъ), разразившійся впервые въ 1873 году, и съ тѣхъ поръ каждогодно повторяющійся разливъ въ маѣ мѣсяцѣ ручья Чашма-Шурчасай (длина течения 12 верстъ и паденіе 2,5 саженей на одну версту) далъ почувствовать мѣстнымъ жителямъ значеніе для потоковъ преградъ. Безводный въ теченіи всего лѣта, осени и зимы и едва замѣтный по своему каменистому руслу, ручей Шурча береть начало на юго-востокѣ отъ Пенджекента, изъ горъ Зеравшанскаго кряжа, окончательно потерявшихъ въ этомъ мѣстѣ свою древесную растительность лѣтъ 10 тому назадъ, съ развитиемъ здѣсь углеобжиганія. Теперь мѣстные жители-туземцы и сами

<sup>1)</sup> У туземцевъ Зеравшанской долины этой номенклатурѣ соответствуютъ названія: чашма-оби, су, даръ.

заботчены поддержаніемъ растительности по теченію Шурчасай; но сознаніе этой необходимости досталось имъ чувствительнымъ, тяжелымъ опытомъ: въ 1873 году разливъ названаго ручья причинилъ опустошеніе, оцѣненное въ 2000 рублей и навсегда отнялъ восемь десятинъ пахатной земли.

Подымаясь отъ Пенджекента вверхъ по Зеравшану, картины разрушительного дѣйствія горныхъ потоковъ, въ особенности по правому берегу, сопровождающемуся совершенно обнаженнымъ Туркестанскимъ кряжемъ, представляются глазу и ушамъ путника, отъ заявленій туземцевъ, все чаще и чаще. Въ селеніи Йори половина базарной площади загромождена громадными камнями, нанесенными потокомъ незначительного ручья Ду-обѣ, завладѣвшаго пятью десятинами хлѣбопахатнаго участка чабаронъ. Въ селеніи Хожа-Хальваи (въ 5-ти верстахъ выше Йори) жители плачутся каждому путнику на опустошеніе пахотныхъ полей наносами щебня и песку каждовесеннимъ разливомъ ручья Хожа-Хальваи. Такое бѣдственное положеніе этихъ землевладѣльцевъ, каждый годъ затрачивающихъ напрасно трудъ и средства на обработку полей, вызывало даже освобожденіе ихъ отъ платежа податей съ той части посѣва, какая, по засвидѣтельствованію мѣстной власти, дѣйствительно оказывалась поглощеною нескромнымъ ручейкомъ. Съ 1873 года по 1877 годъ хожа-хольванцы лишились отъ весеннихъ разливовъ этого ручья, проходящаго десятиверстнымъ теченіемъ известковыя породы, всего тридцать танаповъ земли, т.-е. 200 рублей ежегоднаго чистаго дохода. Удастся ли имъ огородиться отъ заноса полей возводимыми мѣстами баррикадами изъ крупнаго камня покажетъ будущее. Пока мы только замѣтили гигантскую борьбу этихъ настойчивыхъ земледѣльцевъ со стихіей ручья, поощренной на такой захватъ дорогой имъ земли уничтоженіемъ по отрогамъ его бассейна нѣбогда обильной хвойной и лиственной растительности.

Выше селенія Хожа-хальваи, въ кишлакахъ Миндана и Вишиспѣ, протоки Зеравшана, вытекающіе изъ обнаженныхъ здѣсь отроговъ горъ твердой породы Туркестанскаго кряжа, также

свирипствуютъ въ весенне время борьбою съ землепашцемъ, но особенныхъ потерь не причиняютъ только потому, что опытъ заставилъ жителей отодвинуть свои пашни и клеверные посѣвы отъ затапливаемыхъ береговыхъ склоновъ рр. Минданаи, Вишнѣсть на возвышенные покатости. Тѣмъ не менѣе такой опытъ обошелся не даромъ; двѣ названныя рѣчки, имѣющія теченіе всего 12 верстъ, въ два года (1874 -- 1875 г.) отвоевали у туземцевъ селеній Миндана и Вишнѣсть всего шесть десятинъ лучшей побережной земли, обработавшейся подъ люцерной. Это составляетъ потерю въ 300 рублей каждогодно. Въ 10 верстахъ на востокъ отъ Вишнѣста, равнинная, весьма плодородная площадь Дашты-казы, въ 150 десятинъ, съ 1822 года отжила свой культурный вѣкъ, потеряла поселокъ въ 30 домовъ, не вслѣдствіе политическихъ причинъ, за что ручается изслѣдованіе, а съ одной стороны по причинѣ заноса разливомъ ручья Рузи-обкобъ 15 десятинъ пахоты въ западной части долины, -- съ другой вслѣдствіе обнаружившагося 55 лѣтъ тому назадъ рызрыхленія породы той части хребта Туркестанскаго кряжа, по которой былъ проведенъ изъ рѣки Кштудакъ и дѣйствовалъ 13 лѣтъ по орошенію восточной части Дашты кара арыкъ Кштудакъ. Дорого цѣнія всякий ключекъ земли, способный въ обработкѣ, горцы пытались не разъ реставрировать арыкъ Кштудакъ проложеніемъ на водопроницаемыхъ мѣстахъ пути деревянныхъ желобовъ (*нау*); но полная неудача была слѣдствіемъ столько же геологическихъ законовъ, сколько и хищническаго истребленія въ этой части горъ даже кустарной растительности.

Три года трудолюбивые борцы за существованіе, землевладѣльцы Дашты-казы, отстаивали громадными усилиями, подкладываніями желобовъ и расчисткою арыка плодородный, удобный для обработки ключекъ земли, и наконецъ должны были уступить... Чему же? — осыпямъ (*ризъ*), неудержимо завалившимъ и желоба, и грунтовый путь арыка. Не знаю, насколько вѣрно, но рассказываютъ, что въ послѣдній годъ, 55 лѣтъ тому назадъ, борьба горцевъ за спасеніе отъ безводья своей

пахоты въ долинѣ Дашты-казы, наканунѣ совершенного остановленія поселка Иски-Дашты-казы (здѣсь жили переселенцы изъ Карагене, Фана, Кштуга), жители, прочувствовавъ практическіи, мозолями своихъ рукъ, истинную причину усилившихся на этой покатости осыпей, разорили дома сосѣдняго узбекскаго кишлака Кштудакъ, истребившаго въ этой части горъ лѣсъ на углеобжиганіе и пастбищъ скота. Я совершенно допускаю вѣроятность такого заключенія драмы, зная изъ бѣсѣдъ съ туземнымъ населеніемъ, что истребленіе лѣсовъ они считаютъ гибельнымъ для землепашства и признаютъ, что „лѣсъ есть мать воды“ (суны анасы дарахъ). Да и можетъ ли быть иначе въ той земледѣльческой странѣ, где лѣсамъ, по спорадическому расположению ихъ, не можетъ быть поставлено въ укоръ осушеніе окружающей ихъ почвы<sup>1)</sup>, где значение лѣсовъ, какъ регуляторовъ правильнаго, спокойнаго теченія ручьевъ, доказывается такими наглядными фактами грустныхъ послѣдствій оголенія горъ отъ древесной и кустарной растительности, какіе можно отыскать въ верхнемъ бассейнѣ Зеравшана.

Выше Дашты-казы, въ ущельѣ Фальгара, начинающемся въ 56 верстахъ отъ Пенджекента, бартина разрушительного дѣйствія ручьевъ, притоковъ праваго берега Зеравшана, представляется еще болѣе наглядно. Въ этой тѣснинѣ, рѣзко опредѣляющейся отъ высокаго подъема Джанъ-чигаръ, при впаденіи многоводнаго притока Кштудакъ, горы праваго берега представляютъ крутые скаты, мѣстами съ вертикально стоящими пластами кремнистаго сланца, прорѣзываемаго незначительными ручьями и кое-гдѣ покрытаго хвойной растительностью, тянущеюся до Урмитана. Уже въ этой первой осѣдлости Фальгара, самимъ типомъ расположения построекъ селенія выразительно обозначается борьба обитателей его со стихіей потоковъ. Селеніе Урмитанъ живописно разбросано на уступахъ довольно-обширной террасы, наиболѣшее протяженіе которой въ длину

<sup>1)</sup> Отечественные Записки, мартъ мѣсяцъ, 1877 года, ст. Костычева стр. 21.

на востокъ занято сплошными садами абрикосовъ, персиковъ, тута (шелковичного дерева), черешни, вишни, орѣха, яблонь, груши, винограда и разныхъ дикихъ древесныхъ породъ, между которыми величаво выдается пирамидальный тополь и серебристая джина (лохъ). Подъ сѣнью этой растительности садовъ все лѣтъ поддерживается зеленый коверъ различныхъ травъ.

Всѣ сады обнесены невысокими стѣнками изъ булыжнаго камня, которымъ укрѣплены также уступы (берега) террасъ. Стѣны сажель и всѣхъ дворовыхъ построекъ прочно сложены изъ камня на глиѣ, а дворы обнесены высокими стѣнами, толщиною въ основаніи до двухъ аршинъ. Въ томъ мѣстѣ на сѣверо-востокѣ, откуда годами обильного выпаденія дождей устремлялся въ сады разливъ ручья *Лянгаръ*, выведены каменные траверсы, доволено сильной профиля. Мѣстами эти предохранительные стѣны имѣютъ двѣ сажени толщины въ основаніи и 2 аршина высоты. Такія приспособленія вызваны многолѣтнимъ, тяжелымъ опытомъ потерпѣть отъ разлива бурнаго весеннаго ручья *Лянгаръ*, и тѣмъ не менѣе поля Урмитана нерѣдко подвергаются затопленію, послѣ которого требуются всякий разъ новыя, немалыя усилія на очищеніе ихъ отъ наноснаго щебня и глины. Въ послѣдніе три года, однако, урмитанцы прочно огородились со стороны, угрожавшей имъ частыми разливами и зато теперь спокойны за свои поля и сады.

Кишлаки *Дардаръ*, *Искандеръ*, въ 16-ти верстахъ выше Урмитана, послѣ продолжительной и усиленной борьбы съ периодическими разливами ручьевъ Искадеръ, Тогматъ, Дардаръ, питающихъ хлѣбопашество ихъ, испытавъ весною 1868 года разрушеніе сѣверной половины селенія (Дардаръ), обеспечили себя возведеніемъ мѣстами сильныхъ каменныхъ траверсовъ и укрѣпленіемъ брусьями и камнемъ береговъ той части горныхъ скатовъ (на сѣверной сторонѣ), съ которой поля подвергались часто заносамъ щебня. Въ огражденіе отъ напора потоковъ, селенію Искадеръ особенно помогло укрѣпленіе окраинъ горныхъ скатовъ густыми насажденіями тута и тополя, которое вызвало подраженіе и въ другихъ селеніяхъ. Кишлакъ *Хиш-*

кетъ, расположенный въ 6-ти верстахъ отъ Искадера, на уступѣ горы, съ крутыми скатами глинистаго сланца, такъ часто подвергался затопленію и заносамъ во время сильныхъ весеннихъ дождей, что готовился въ перенесенію построекъ на другое мѣсто, ближе къ устью рѣки *Хишкетъ*, впадающей у селенія Варзиминоръ въ правый берегъ Зеравшана; но затѣмъ, по примѣру Дардара и Искадера, ограничился укрѣпленіемъ скатовъ частью траверсами, частью насажденіями садовыхъ деревьевъ, и остался на томъ же мѣстѣ, рѣже испытывая теперь разливы потоковъ. Сосѣдній съ Хишкетомъ кишлакъ *Варзиминоръ* занимаетъ своими садами и пахотными полями обширную площадь, настолько удаленную отъ горныхъ уступовъ, выгодно для него расположенныхъ, что совершенно обеспеченъ отъ затопленія даже при сильныхъ дождяхъ. Зато вышестоящіе по правому берегу Зеравшана селенія *Сенгистанъ* и *Засунъ* поѣстились такъ близко къ крутымъ горнымъ скатамъ глинистаго сланца, что почти каждогодно испытываютъ весенне затопленіе части полей, то отъ дождевыхъ потоковъ, устремляющихся по скатамъ горъ, то отъ разлива немноговодной въ обычное время рѣки *Сангистанъ*. Къ счастью жителей этихъ селеній, глинистые наносы потоковъ не лишаютъ возможности вести землепашество и даже, какъ сказываютъ, способствуютъ удобрѣнію полей.

Но въ 1872 году дождевой потокъ настолько былъ сильный и продолжительный, что всходы большинства полей погибли подъ толстымъ слоемъ наносной глины и жителямъ пришлось отправиться въ долину на отхожіе заработки и обычное попрошайство (*гадай-чиликъ*)—этотъ якорь спасенія горцевъ въ трудные годы. Въ такихъ случаяхъ безнадежья на урожай хлѣба или фруктовъ (урюка и тута), которыми фальгарцы ведутъ значительную торговлю со всѣми городами Зеравшанской долины, съ Ура-тюбе и Ходжентомъ<sup>1)</sup>), горецъ не

<sup>1)</sup> Всѣхъ сортовъ сушеный урюкъ, продавающійся въ городахъ Зеравшанской долины въ Ура-тюбе—произведеніе Фазъгара, приготовляющаго также сушеный тутъ (ягода шелковицы), называемый *тумъ-мансъ* и прессованную, очень сладкую муку изъ тута (*тумъ-ташканъ*).

долго задумывается: онъ оставляетъ дома при хозяйствѣ, семейство — женщинъ съ дѣтьми и стариковъ, а все молодое мужское населеніе отправляется съ небольшимъ запасомъ сушенаго сыру (крутъ) и съ котомками на плечахъ одни на заработки поденными работами, житвой, другие просто собираютъ милостыню и каждый возвращается черезъ 3—4 мѣсяца съ 10—20 рублями. Нѣтъ такого населенія въ Фальгарѣ, которое не давало бы каждогодно извѣстнаго контингента на отхожіе заработка въ дѣлѣнѣ, и чѣмъ условія землепашства данного кишлака труднѣе, тѣмъ болѣе онъ отпускаетъ гадаевъ (наиціхъ). Такъ, селенія *Фатимы*, *Томинь*, *Испаганъ*, расположенные въ съсѣдствѣ, по правому берегу Зеравшана, въ трехъ верстахъ выше селенія Сангистанъ, подвергаясь частымъ неурожаямъ, то отъ заноса полей щебнемъ разлива рѣкъ Испаганъ, Томинъ, то отъ болѣзни злаковъ, называемой „зарды“ (родъ ржавы), высылаются въ долины Зеравшана и Сырь-дары  $\frac{3}{4}$  мужскаго населенія. Нѣсколько выше Фатимы, кишлакъ *Рарзъ*, чаще другихъ испытывая бѣдствія отъ затопленія, не имѣть гадаевъ, будучи хорошо обеспечены весьма обширнымъ землепашствомъ въ ущельи Тогаби-Рарзъ, на лѣвомъ берегу Зеравшана. Однако значительныя потери этого кишлака отъ уничтоженія въ 1866 году построекъ и виноградниковъ, вынудили часть жителей перенести свои дома въ сторону отъ ручьевъ *Гариканъ* и *Ноги-Сакиджанъ*, протекающихъ чрезъ этотъ многолюдный кишлакъ (380 дворовъ) на западной и восточной сторонѣ его. Послѣ затопленія, испытанного жителями Разря въ 1870 году, стоявшаго жизни 13 гордамъ (6 мужчинъ, 2 женщины, 5 дѣтей) и сопровождавшагося значительной потерей скота и домашнихъ запасовъ, было предположено совершенно перенести отсюда кишлакъ; но затѣмъ, по неимѣнію болѣе удобнаго мѣста, ограничились искусственнымъ поднятіемъ береговъ наиболѣе опасной рѣчки Гориконъ и посадкою деревьевъ въ той сѣверной части горныхъ скатовъ, съ которой дождевые потоки беспокойны были для селенія. Въ тотъ несчастный годъ жители Разря

опредѣляли свои потери скота, запасовъ домашнихъ, винограда и посѣвовъ (затопленіе случилось въ маѣ мѣсяца) въ 1600 рублей, что составляетъ для горцевъ большой капиталъ. Не меньшая потеря пришлось испытать въ 1869 году и съсѣднему съ Рарземъ кишлаку *Пахутъ*, расположенному частю по берегу р. *Корутъ*, частю на уступахъ совершенно пологой горной покатости, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки. Всѣдствіе своего положенія при рѣкѣ, имѣющей отлогіе берега, часть низняго кишлака нерѣдко затапливается наводненіемъ, но вынуждена оставаться здѣсь по ограниченности мѣста въ верхнемъ кишлакѣ, совершенно неподвергающемся затопленію.

Въ 6 верстахъ выше Пахута, кишлакъ *Шабатки-паянъ* прислонился къ скалистымъ, крутымъ возвышеннымъ скатамъ, покрытымъ густою древесною растительностью и благопріятно расположенныхъ для этого селенія. Однако часть полей Шабатки, прилегающая къ правому пологому, берегу быстрого и многоводнаго ручья Шабатки, подвергается иногда затопленію, оставляющему огромные наносы щебня. На всѣхъ почти поляхъ и въ садахъ этого селенія сложенъ въ огромныя пирамиды этотъ наносный камень, отяявший такимъ образомъ у жителей немалую часть пахотной земли. По словамъ жителей, этотъ камень, складываемый сначала на мѣстѣ собирания, они время отъ времени перетаскиваютъ въ Зеравшанъ, за полверсты отъ селенія.

Такова нужда горца въ пахотной землѣ. Она сказывается впрочемъ во всей Зеравшанской долинѣ, гдѣ земельная собственность раздроблена до минимума<sup>1</sup>), съ котораго, въ силу экономическихъ законовъ, начинается скитачество земледѣльческаго класса и прочія послѣдствія бездолья.

Отмѣченная выше типичность Шабатки-паянъ, какъ послѣдствіе наносовъ,—общая почти всѣмъ селеніямъ Фальгара, отъ Урмитана до Оббурдана (80 верстъ). Предшествующія этому послѣднему кишлаку, начальному пункту Матчи, селенія *Вишабъ* и

<sup>1</sup>) Въ горахъ на каждого жителя приходится около 0,80 десятины земли, годной для залашка.

Самичъ, картино разбросанныя по обоимъ берегамъ многоводныхъ ручьевъ того же названія, также загромождены наноснымъ камнемъ, сложеннымъ въ прочныя стѣны, для огражденія садовъ и пахотныхъ полей. А самыи кишлакъ Вишабъ, слишкомъ близко примкнувшій съ восточной стороны къ крутымъ скатамъ гребна обнаженныхъ сланцевыхъ горъ, нерѣдко затапливается дождевыми потоками, смывающими иногда (въ 1869, 1872 и 1875 годахъ) зыбкія постройки горцевъ, часто лишающихся при этомъ всего имущества. Жители же селенія Самичъ, въ 6 верстахъ выше Вишаба, также памятно съ 1870 г. сильное весеннее наводненіе ручья, разрушившее 12 дворовъ, потерявшихъ тогда весь скотъ, (дѣло было ночью) домашніе запасы, 3 мужчинъ, 4 женщины и 2 дѣтей. Эта сѣверная часть селенія такъ и остается съ тѣхъ поръ брошенною, привлекая вниманіе посѣтителя неисчезнувшими еще слѣдами разрушенія.

И въ такой-то постоянной, упорной борьбѣ съ природой проходитъ вся придавленная нуждой жизнъ горца, отражающая на большинствѣ особенности тѣлосложенія, типа, формы черепа, темперамента и духовнаго развитія.

## II.

Разрушительное дѣйствіе потоковъ и ручьевъ въ Матчѣ и по системѣ рр. Янгобъ, Фанъ, Кштути, Магіанъ.—Замѣтное оскудѣніе воды рр. Зеравшана, Карап-тюбе и другихъ отразилось на уменьшениѣ землепашства въ Зеравшанской долинѣ.—Слѣдее преданіе о богатствѣ горной древесной растительности — Перецисленіе видовъ древесныхъ породъ, встречающихся въ Зеравшанскихъ горахъ.—Характеръ потребности углі у туземцевъ.

Прослѣдивъ разрушительное дѣйствіе ручьевъ, рѣкъ, потоковъ, вытекающихъ изъ Туркестанского кряжа, сопровождающаго правый берегъ Зеравшана, остается сказать для полноты обзора, что выше Обурдана въ Матчѣ, изъ 23-хъ селеній, разбросанныхъ на пространствѣ 100 верстъ по подножью названнаго горнаго массива, чаще другихъ испытываетъ дѣйствіе

разливовъ только кишлакъ Постигау и примыкающій къ нему кишлакъ Хоти-Шагаръ. Оба эти селенія, экономничая пахотная землей, отдалили для полей и роскошныхъ садовъ огромную площадь, примыкающую къ Зеравшану, а постройки придвигнули къ крутымъ, обнаженнымъ склонамъ, съ которыхъ и устремляются въ селеніе дождевые потоки, никогда не причинявши впрочемъ такихъ бѣдствій, какія испытывали фальгарцы. Дальше Хоти-Шагаръ, за Польдаракъ, горы, отступая отъ береговъ Зеравшана на 300—600 сажень, представляютъ на своемъ подножїи достаточно места для удобнаго размѣщенія построекъ и пахотныхъ полей (предѣль садовъ — кишлакъ Исызъ, 6500 фут. надъ моремъ), не испытывающихъ потому въ этой части Матчи ни затопленій, ни заносовъ. Въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ находятся почти всѣ селенія и поля Фальгара, расположенные на лѣвомъ берегу Зеравшана. Сопровождающія этотъ берегъ Гиссарскій (въ Матчѣ) и Зеравшанскій кряжи, представляя въ  $\frac{2}{3}$  своего протяженія породы известняковъ каменноугольной почвы, перерѣзаны рѣчками — притоками съ такими широкими лощинами, въ которыхъ открылось достаточно места и для самихъ кишлаковъ садами и для пахотныхъ полей. Съ другой стороны, сохранившаяся на сѣверномъ склонѣ обѣихъ кряжей хвойная растительность обеспечиваетъ жителей селеній лѣваго берега топливомъ и кормомъ для скота, что въ общемъ поддерживаетъ благосостояніе этихъ горцевъ и даже ихъ за�иточность. То же самое можно сказать о горцахъ Фана, Кштути и Магіана, занявшихъ селенія и широкіе и богатые древесной растительностью лощины бассейна рр. Нижній Янгобъ (отъ кишлака Аязобъ), Искандеръ-су, Фанъ-диръя (отъ сіянія ниже селенія Рабатъ рр. Янгоби и Искандеръ-су). Царсунъ-су (вливается близъ Сарводы въ рѣку Фанъ), Артучъ, Бистутъ, Магіанъ, Шинъ.

Большая относительно пологость склоновъ горъ Зеравшанскаго кряжа, при значительной ширинѣ и глубинѣ поперечныхъ долинъ, позволила развиться землепашству въ та-

кой степени, что въ урожайные годы жители Фана и Магіана отпускаютъ въ большомъ количествѣ хлѣбные продукты въ со-сѣдній Фальгаръ, Ягнобъ и отчасти въ Кштутъ, гдѣ раздробленное до крайности землевладѣніе не вполнѣ удовлетворяетъ спросу густого населенія этой части горъ.

Изъ вышеизведенныхъ наблюдений видъ разрушительнымъ дѣйствиемъ въ горахъ потоковъ и разливовъ рѣкъ, по описанію положенія населенныхъ пунктовъ и угодій относительно береговъ водныхъ источниковъ и скатовъ горъ, безъ погрѣшиности можно заключить, что наибольшую борьбу съ разливами водъ испытываютъ мѣста, незащищенные отъ потоковъ древесной растительностью, и что одною изъ мѣръ противъ разлитія потоковъ, жители признаютъ и примѣняютъ насажденіе по склонамъ горъ деревьевъ (Искандеръ, Дардаръ, Хшикетъ), а также укрѣпленіе горныхъ скатовъ вертикальными брусьями (Дардаръ) и искусственное поднятіе береговъ рѣкъ (Пахутъ, Шабатки).

Не можетъ быть такимъ образомъ и сомнѣнія въ важномъ значеніи для горъ лѣсовъ, между прочимъ, какъ оплата отъ разрушительного дѣйствія потоковъ. Къ этой, самой существенной и наглядной услугѣ, оказываемой деревьями человѣку, присоединяется также вліяніе лѣсовъ на поддержаніе источниковъ, какъ естественныхъ питомниковъ рѣкъ.

Можно сказать, что то значительное уменьшеніе количества воды въ Зеравшанѣ, которое подтверждается столько же современнымъ положеніемъ русла этой рѣки, относительно береговъ, сколько и образовавшимся въ этой долинѣ пастбищными степями<sup>1)</sup>, составляетъ прямое слѣдствіе совокупности трехъ причинъ: 1) значительной водопоглощаемости разрыхленными аллювіальными горными породами; 2) постепеннымъ сокращеніемъ верхнихъ ледниковыхъ; 3) значительнымъ уменьшеніемъ количества воды въ притокахъ Зеравшана вслѣдствіе уничтоженія въ горахъ лѣсовъ, способствовавшихъ прежде образо-

ванію источниковъ. Предполагаемое дѣйствіе этой послѣдней причины можно отчасти видѣть на другомъ примѣрѣ: вытекающая изъ сѣвернаго склона Зеравшанскаго кряжа, на меридіанѣ Самарканда, когда-то многоводная рѣка Кара-тюбе, текла за кишлакъ Кенегесъ, на пространство 30 верстъ въ въ длину и 24 версты въ ширину. Въ то время, 26 лѣтъ тому назадъ, во время многоводья этой рѣки, берега истоковъ ея ручьевъ Шахакъ (восточный), Тахта-Карача, (западный) и весь сѣверный склонъ этой части Зеравшанскаго кряжа покрытъ былъ густою хвойною и лиственной растительностью, сберегавшею и источники, которыми питалась р. Кара-тюбе, и травяную растительность, прокармливавшую стада скотовладѣльцевъ. Съ вырубкою, 20 лѣтъ тому назадъ, лѣса до совершенного оголенія горъ, количество воды въ Кара-тюбе уменьшилось, по сказанію стариковъ-землепашцевъ, значительно, что обозначается и положеніемъ русла относительно береговъ и замѣтнымъ сокращеніемъ западокъ, вызвавшимъ въ 1869 году переселеніе въ Самарканскій отдѣлъ половины землепашцевъ изъ кишлаковъ: Иляни, Кара-найманъ и Кенегесъ, расположенныхъ въ низовьяхъ р. Кара-тюбе.

Мы не станемъ отрицать возможности доказать изслѣдованиемъ вліяніе вырубки лѣсовъ на уменьшеніе воды въ р. Кара-тюбе, а также и геологического закона разрыхленія горной породы, но столь явственная убыль воды одновременно съ вырубкою лѣса не можетъ также оставлять сомнѣнія въ преобладающемъ вліяніи этой послѣдней причины—оголенія сѣвернаго склона Зеравшанскаго кряжа.

Хотя гидрографическія изслѣдованія въ Зеравшанскомъ округѣ и не дали еще опредѣленныхъ выводовъ о количествѣ воды, приносимой главными притоками въ Зеравшанъ, во время наибольшаго поднятія уровня его, тѣмъ не менѣе разспроенія данныя и положеніе русла относительно береговъ до некоторой степени подтверждаютъ наблюденіе уменьшенія въ нихъ количества воды, обусловливаемаго тою же главною причиной—

<sup>1)</sup> Замѣтка объ Ирригациї въ Зеравшанскомъ округѣ ст. 9 на 250 стр.

сильного истребления горных лесовъ, встрѣченного къ счастью мѣрами ограничения, действующими уже шесть лѣтъ.

До какой степени быстро уничтожался горный лѣсъ, можно судить теперь по совершенно обнаженнымъ склонамъ Зеравшанскаго и Туркестанскаго кряжей, которые, по достовѣрнымъ рассказамъ старожиловъ туземцевъ<sup>1)</sup>, еще 20 лѣтъ тому назадъ были густо покрыты хвойными и лиственными деревьями на всемъ 140-верстномъ протяженіи отъ Парманъ-тюбе<sup>2)</sup> до Оббурдана въ Матчѣ по Туркестанскому кряжу и отъ селенія Анджили за Кара-тюбе до Фотьмаута въ Фальгарѣ, по Зеравшанскому кряжу.

По свидѣтельству многихъ туземцевъ, до развитія въ нагорномъ районѣ углепромышленности, растительность южнаго склона Туркестанскаго кряжа, протить Пенджекента, покрывая густо покатости, спускалась къ Зеравшану и занимала широкое побережье его богатыми лиственными породами, скрывавшими фазановъ (кызылъ-таукъ), зайцевъ, гусей и кабановъ. Здѣсь росла тогда въ ущельяхъ береза (муша), чинаръ, орехъ, миндаль горкій, зыркъ, фисташки, фаркъ, зарангъ, мальгомъ, иргай, шитанъ, загоса, хорча, шунгъ, можжевельникъ (арча) и другія мелкія породы деревьевъ, расположавшіяся одни тѣсной семьей (миндаль, фисташки, чинаръ) по ущельямъ, получившимъ потому и название „жилище миндаля“ (уйбодамъ) „розсыпь фисташки“ (кони-фиста), другія, какъ береза, боярышникъ—въ сообществѣ хвойныхъ. И вотъ теперь, послѣ 20 лѣтъ хищничества, не только эта часть кряжа, на меридианѣ Пенджекента, но и все пространство горъ до Урмитана совершенно оголено отъ всякой древесной и кустарной растительности. Кое-гдѣ лишь въ тѣсинахъ, на трудно доступныхъ скатахъ, укрывается еще отъ безпощаднаго топора отдѣльными

<sup>1)</sup> Разспросы съѣзда для этой статьи получены отъ пенджекентского волостнаго управителя, Кары-Алияна, жителя сел. Хожа-Папышъ-Шамис и отъ жителей Фальгара, Надѣ-Улла, Рахматъ-Улла, Акрамъ-Мира-Хуръ, жителя Фана. Давлетъ-Токсаба.

<sup>2)</sup> Кипчакъ Самарканскаго отдѣла у подошвы Туркестанскаго кряжа, на меридианѣ Ургута.

группами можжевельникъ, но о березѣ и чинарахъ осталось только одно преданіе.

Теперь перечисленіе мѣстонахожденій лѣса, спорадически разбросанныхъ въ бассейнѣ Зеравшана, займетъ не много строкъ, даже какъ мы попытаемся это сдѣлать, при опредѣленіи видовъ древесныхъ породъ.

Начнемъ отъ истоковъ рѣкъ: верховье Зеравшана, начиная отъ ледниковъ, сопровождается верстъ на 20, до селенія Ди-Гиссаръ, горами съ достаточно пологими скатами, мягкой, мѣстами черноземной, влагообильной почвы, характеризующейся густыми побережными порослями корзинчатой ивы (*Salix viminalis* — бѣлоталъ), кустарныхъ ивъ: шелючи (*S. Acutifolia*), песчаной (*S. agrestis*) и ломкой ивы (*S. fragilis*), а также кустарниками черной смородины и барбарису (*Berberis vulgaris*). Далѣе, внизъ на пути отъ селенія Лянглибѣ до селенія Ди-минора (7800 фут. надъ моремъ), къ названной растительности присоединяются сережчатыя: осина (*Populus tremula*), бредина (*Salix caprea*), серебристый тополь (*Populus alba*), на нижнихъ склонахъ горъ и можжевельникъ или яловецъ (*Juniperis communis*) отдѣльными группами, въ верхнихъ скалистыхъ тѣсинахъ. Но изъ перечисленныхъ породъ только барбарисъ сопровождаетъ берега рѣки почти непрерывной лентой; остальные кустарники и представители древесныхъ породъ располагаются отдѣльными экземплярами; можжевельникъ же совершенно не встрѣчается на скатахъ горъ, обращенныхъ къ Зеравшану, а прерываясь отъ Мазари-Шарифа до Польдарака, попадается затѣмъ ниже Мадрушиката густыми рощами, укрывшимися по ущельямъ горъ. Выше Исазя, почти до Оббурдана, склоны горъ обоихъ кряжей и самые берега Зеравшана носятъ крайне безжизненный характеръ съ полнымъ отсутствиемъ даже кустарной растительности; но поперечные теплые ущелья Арпахунъ, Гузунъ, Сурхкатъ на лѣвомъ берегу и Комаданъ на правомъ берегу, густо поросли бересой (*Betula verrucosa*), серебристымъ тополемъ, осиной, козьей ивой (бредина), шиповникомъ, барбарисомъ, смородиной, костяной и синей жимолосуки въ Туркестанѣ.

лостью (*Lonicera*), занимающими узкую полосу обоихъ береговъ рѣчекъ, и можжевельникомъ, растущимъ по скатамъ горъ твердаго сланца. Широкое ущелье Оббурдана, выходящее къ лѣвому берегу Зеравшана, также богато можжевельникомъ, тополю серебристой, барбарисомъ и иргаемъ, но зато ущелье этого кишлака, упирающееся въ правый берегъ, лишено всякой растительности. Отъ Оббурдана по Фальгару до самаго Урмитана Зеравшанъ идетъ въ такой тѣснинѣ, что по берегамъ его нѣтъ мѣста для растительности, и скаты горъ, обращенные къ этой рѣкѣ, на всемъ 80-верстномъ пути, также совершенно обнажены. Но въ поперечныхъ ущельяхъ обоихъ береговъ встречаются обильныя поросли лиственныхъ породъ деревьевъ и кустарниковъ по берегамъ притоковъ Зеравшана, и можжевельника по скатамъ горъ. Особеннымъ обиліемъ хвойной растительности выдаются въ Фальгарѣ ущелья: Дархъ, Самтичъ, Фатъмаутъ, Тагоби, Рарзъ и Гузарибать — все на лѣвомъ берегу Зеравшана. Туркестанскій кряжъ въ этой части бѣднѣе растительностью. Только въ Урмитанѣ ущелье Лянгаръ, упирающееся въ правый берегъ Зеравшана, богато можжевельникомъ, достигающимъ Санзарскаго перевала, на которомъ оно очевидно входить въ связь съ хвойными порослями длиннаго ущелья Санзарь, загроможденаго крупными деревьями можжевельника и боярышника до затруднительности проѣзда этимъ путемъ верхомъ. Отъ Урмитана до Пенджекента склоны горъ, обращенные къ Зеравшану, носять, если всмотрѣться, только слѣды существовавшей недавно растительности, но въ перспективѣ представляются совершенно обнаженными отъ всякой, даже чахлой кустарной растительности; не пощаженной, какъ видно, топоромъ углеобжигателей.

Въ поперечныхъ ущельяхъ этой части горъ можжевельникъ, боярышникъ, дикая груша, глоговина, удерживаются еще, до поры до времени, только въ верхнихъ частяхъ склоновъ и то въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что, безъ охраны отъ хищныхъ угольщиковъ, этого запаса достанетъ не болѣе, какъ на три года, послѣ чего мѣстные жители обратятся къ

присканію топлива другого рода: фруктовыхъ деревьевъ (тараша), или хворосту отъ буряна (хасъ). Это время очень и очень близко.

Въ отдаленныхъ отъ городовъ горахъ Фана, нижняго Ягноба (отъ селенія Хршатоекъ до Равата), Искандеръ-куля, Кули-Ал-утдинъ (иначе Кули-калянъ)<sup>1)</sup>, куда не достигаетъ спросъ на уголь и строевой лѣсъ, древесная растительность держится хорошо. Скаты и ущелья горъ, сопровождающихъ названныхъ рѣки, помѣстили довольно густую, повсюду встрѣчающуюся хвойную растительность, а по берегу Искандеръ-дары и озера Кули-искандеръ растетъ въ большомъ количествѣ береза обыкновенная, береза кустарниковая (*B. fruticosa*), обыкновенная ясень (*Fraxinus excelsior*), серебристый тополь, ива, вязъ, и изъ кустарниковъ — барбарисъ, разные виды шиповниковъ и два вида жимолости.

Въ противоположность Фану и Ягнобу, горы Кштута и Магіана годъ отъ году замѣтно бѣdnѣютъ дровесною растительностью, энегично вырубляемой и мѣстными жителями, и пришлыми промышленниками на углеприготовление и для строительныхъ потребностей. Еще 20 лѣтъ тому назадъ сѣверные склоны хребта, составляющаго водораздѣль между Кштуромъ и Магіаномъ, были обильно покрыты можжевельникомъ (арча) и лиственными породами деревьевъ, а теперь приходится слышать сѣтованія угольщиковъ, что арча „бѣжала вверхъ, въ тѣснинѣ“ и промыселъ сдѣлся труднѣе. Дѣйствительно, вся часть горъ лѣваго берега Зеравшана, отъ Пенджекента до ущелья Кштуть, совершенно оголена до послѣдняго деревца и кустарника, а въ Кшутскомъ ущельѣ большія семейства арчи можно встрѣтить только на вершинахъ горъ и въ боковыхъ ущельяхъ: *Вару*, *Артучъ*, *Гуйтанъ*, где попадаются также отдельными экземплярами: боярышникъ, миндальное де-

<sup>1)</sup> Правильное название этого озера Кули-калянъ (большое озеро), а не Куликуланъ (озеро куланотъ), какъ до сихъ поръ называютъ. Степные куланы въполнѣ образомъ не могли забраться на Кули-калянъ (9220 в. м.).

рево, фисташки, глоговина, и по берегамъ ручьевъ разная кустарная растительность.

Нагляднымъ свидѣтельствомъ недавняго существованія въ горахъ Магіана густой хвои и листы служать теперь сохранившіеся мѣстами пни деревьевъ на склонахъ скалистыхъ горъ, сопровождающихъ рѣку отъ селенія Суджина, гдѣ Магіанъ-су вливается въ лѣвый берегъ Зеравшана. Въ настоящее время, по системѣ Магіана, древесная растительность укрывается еще въ верховьяхъ ручьевъ: Шингъ, Кара-су, Фильмандаръ, Косоторачъ, причемъ распределеніе ея здѣсь такое же, какъ и по всѣмъ горамъ: нижніе склоны заняты боярышникомъ (тудоня), глоговиной (зараикъ), фисташковымъ деревомъ, верхніе можжевельникомъ, а по берегамъ растетъ въ изобилии барбарисъ или джина, шиповникъ, лохъ (*Eleagnus angustifolium*), песчаная ива и тополь.

Часть Зеравшанскаго кряжа, отъ Магіана чрезъ Пенджекентъ, Ургутъ до Кара-тюбе, совершенно обнажена отъ всякой растительности и только по верховьямъ ручьевъ: Мисрекъ, Забанъ, да близъ Ургута, въ трудно доступныхъ ложбинахъ хребта, встрѣчается отдельными экземплярами можжевельникъ-арча, дикая яблонь (*Pirus*) и фисташки.

Глядя теперь изъ Ценджекента на эту ужасъ наводящую голь обоихъ хребтовъ, на эти солидные по размѣрамъ, но круглый годъ совершенно сухія русла ручьевъ: Шурча, Зибанъ, Мисрекъ на западной и восточной сторонѣ города, живо почувствуешь значеніе лѣса для Зеравшанской долины и согла- сиши съ землевладѣльцемъ, что горный лѣсъ — мать (ана) водныхъ источниковъ. Вѣчному труженику-пахарю фактъ зависимости источниковъ отъ лѣсистости горныхъ вершинъ понятъ безъ книжки, по оскудѣнію рѣкъ, по сокращающемся оттого землепашству, и онъ чувствуетъ, что чрезъ полсотни лѣтъ ему, и никому болѣе, придется дорого расплатиться за хищничество нѣсколькихъ десятковъ угольщиковъ и лѣсоторговцевъ, себя не обогатившихъ, а край разорившихъ въ конецъ.

Чтобы судить о размѣрахъ каждогоднаго уничтоженія гор-

наго лѣса, необходимо возвратиться къ главному предмету замѣтки и дополнять вышепомянутую иллюстрацію современ-наго состоянія горной растительности свѣдѣніями о лѣсо- и углепромышленности.

Всѣмъ, полагаю, известна стойческая, геройская способ-ность туземца бороться со всевозможными нуждами, начиная отъ прародительныхъ нуждъ человѣчества — голода и холода. Поцѣпываетъ ли туземецъ лѣтомъ, сидя верхомъ на лошади, ягоды тута, растущаго по улицамъ, угрѣзть ли онъ до основа-ния арбузную корку, которую доканчиваетъ затѣмъ его ко-рова, присаскиваетъ ли, проглатывая горьковатый дикий коре-шокъ та-торакъ, чмокаетъ ли испивая настой корня дикой клубники, замѣняющей чай, ежится ли онъ отъ холода въ рубицахъ „ужаснаго вида“<sup>1)</sup>, спить ли онъ безъ всякой под-стилки, прикрытый тѣми же „ужасными рубицами“, — все это, такъ часто встрѣчающаяся намъ геройская борьба съ пра-родительными нуждами, борьбѣ, вызывающая на всевозможныя изворотливости. Матчинецъ, получающій зачастую вместо по-сѣянной пшеницы рожь <sup>1)</sup> (робахунъ), а часто и ничего не получающій отъ посѣяннаго, откошаль на высотѣ 11000 фут. надъ моремъ корень та-торакъ, замѣняющей хлѣбъ во всѣхъ его образахъ, твердыхъ и жидкихъ. Польдаракцы (7960 фут. надъ моремъ), не имѣющіе представленія о фруктахъ, ово-щахъ, дыняхъ, арбузахъ, отрываютъ весною на берегахъ верх-наго Зеравшана и їдятъ съ наслажденіемъ какую-ту <sup>2)</sup> дикую, сладкую луковицу. Оббурданцы попиваютъ даровой чай изъ корня дикой клубники, фалыгарцы сосутъ дикий кислый корень ризатчи, бѣдняки долины все лѣто пробавляются только даро-выми плодами растущими по улицамъ, при мечетяхъ и калян-дарь-хана тутовыхъ и урюковыхъ деревьевъ. А кто станетъ сомнѣваться, что тотъ же горецъ предпочтеть, если дадутъ,

<sup>1)</sup> Это фактическое превращеніе случается съ озимою пшеницею въ без-спѣжные, холодные (кара-саукъ) зимы. Въ кишлакѣ Сурхатъ засѣянная осенью пшеница всегда даетъ рожь робахунъ.

<sup>2)</sup> Луковицы эти отосланы, въ числѣ другихъ сельско-хозяйственныхъ пред-метовъ узгорнаго района, въ Ташкентскій музей и намъ объѣзжано опредѣлить ихъ.

хлѣбъ та-торану, дыню луковицѣ самичъ, вкусный чай фантастическому клубничному; что бѣднякѣ долины охотнѣе пойти хлѣба печенаго, чѣмъ приторного, обманно-сытнаго тута. Также и въ нуждѣ холодной: ягнѣцы отъ селенія Ди-калянъ (8000 ф. надѣ моремъ), матчинцы и польдаракцы замѣнили древесное и хворостовое топливо, по неимѣнію его, кизякомъ (чальма). Всѣ сельскіе жители долины довольствуются во всѣхъ случаяхъ топливомъ собираемаго въ полѣ хвороста (хось), по неимѣнію дровянаго. Тоже и въ частныхъ случаяхъ: пока горы находились въ условіяхъ невозможности эксплуатировать растительность ихъ, кузнецы (ропъгеръ), чугуноплавильщики (дигрезъ), самоварчи и хлѣбопеки обходились въ своихъ потребностяхъ топлива углемъ степнымъ, саксаульнымъ, доставлявшимся въ Самаркандъ нуратинскими кочевниками. Съ открытиемъ, 20 лѣтъ тому назадъ, горъ зеравшанскихъ для углепотребителей, дигрези настаиваютъ, что для ихъ производства годенъ только уголь изъ лиственныхъ, горныхъ породъ деревьевъ (миндалъ, боярышникъ, фисташки, фаркъ); кузнецы бракуютъ саксаульный уголь, находя, что онъ медленной теплопроводности (суть) и работаютъ съ арчевымъ, можжевельнымъ углемъ; самоварчи, хлѣбопеки отказываются отъ арчеваго угля за выдѣление имъ копоти, отъ саксаульнаго—за быстрое сгораніе и жгутъ только уголь лиственныхъ породъ (манкаль). Въ противоположность борьбѣ съ нуждой, это привередничанье, оголившее горы Зеравшанского округа, развивается только потому, что спросъ находить большое предложеніе. Нѣть въ городахъ бухарскихъ владѣній угля арчеваго и лиственныхъ деревьевъ, и всѣ дигрези, кузнецы, самоварчи, хлѣбопеки, работаютъ съ углемъ саксаульнымъ, стенимъ. Тоже будетъ рано или поздно и съ самарканскими углепотребителями, продолжающими пока привередничать на счетъ горнаго лѣсу, отдающаго, по нашему разсчету, ежегодно 340000 деревьевъ на углеобжиганіе.

### III.

Давность углепромышленности въ горахъ.—Углепроизводители (кумыръ-чи) углескупщики (кумыръ-джалафъ) и углепотребители.—Распределеніе участковъ угле-приготовленія.—Процессъ выжиганія угля сильной теплопроводности изъ лиственныхъ породъ деревьевъ (кумыръ-манкаль) и угля слабаго изъ хвойныхъ деревьевъ (арча-кумыръ).—Доходъ углепроизводителей и углескупщиковъ.—Три безземельныхъ углепроизводителя: Бай-Магометъ Асатовъ (манкаль-чи) и Ашуръ Дурбашевъ (кумыръ-чи).

Немногихъ, всего до 300 человѣкъ, туземцевъ-углепромышленниковъ, по роду операций ихъ въ этомъ занятіи, можно раздѣлить на двѣ категоріи: углеобжигатели и углеотправители-скупщики. Въ первой категоріи состоять преимущественно мѣстные туземцы нагорныхъ тюменей, ищащіе какого-либо посторонняго, хотя малодоходнаго занятія, по недостатку земельной собственности, не обезпечивающей даже скромное прозябаніе. Ко второй категоріи принадлежать преимущественно туземцы Самарканского отдана, кишлаковъ Тайлякъ и Баги-заманъ, имѣющіе достаточно средствъ для покупки угля изъ первыхъ рукъ на мѣстѣ, въ горахъ или въ Пенджекентѣ, и для отвоза его на своихъ вьючныхъ животныхъ на базары Самарканда и Ургута. Такимъ образомъ, какъ во всякомъ торгово-промышленномъ предпріятіи у туземцевъ, и здѣсь нашлись посредники между производителями и потребителями, тайлякцы, которые и пользуются львиною долею въ этомъ истребленія лѣсовъ, оставляя производителямъ самый ничтожный процентъ за трудъ. Та же типичная неспособность туземца въ составленію для известнаго предпріятія артелей, та же наклонность къ замкнутости, къ обособленности, обозначается вполнѣ и въ дѣлѣ углепромышленности: каждый работаетъ или въ одиночку, или же съ членами своего семейства, озабочиваясь не столько раздѣленіемъ труда, обусловливающимъ скорость работы, сколько стремленіемъ оставить у себя, хотя относительно ничтожный, но весь заработокъ. Словомъ, ни малѣйшей солидарности между углепроизводителями неѣть и быть не можетъ. Это народъ благодушный, почитающій

градаций ставлю же, сколько и ~~шарахт~~, и не преступающей ихъ ни въ какомъ случаѣ. Спросите горца-угольщика: зачѣмъ они не составляютъ изъ продуктовъ своего производства складовъ въ Самаркандѣ или въ Пенджекентѣ, а, ограничиваются только самой трудной операцией угледыжиганія, чтобы взять за свой трудъ отъ скупщика-тайлякца 13 копѣекъ въ день, и вы услышите обычный, тупой отвѣтъ: „наше занятіе (коснѣ) жечь, а ихъ занятіе возить и продавать“. И довольно. Никакой аргументаціей, никакими цифрами не сокрушимъ замкнутой преданности своему косну (занятію), какъ вытекающему изъ поклоненія обычаю (занѣ-росимъ), которому противиться туземецъ не рѣшился. И вотъ; въ силу этой косности, да еще незаботливости о будущемъ, да еще отчасти по лѣни и несообразительности, приемы угледыжиганія остаются и до днесъ такими же варварскими, какими были они въ первые годы возникновенія этого дѣла, когда угольщикъ сваливалъ въ яму ~~дѣсь~~ въ десати шагахъ отъ своего дома.

Вотъ какъ ведется это дѣло: безземельный или малоземельный кишлачный людъ, отбывъ чужie или свои полевые работы, съ первыхъ дней сентября мѣсяца принимается за угольное дѣло. Стараясь приготовить уголь къ кануну пенджекентскаго базара (въ четвергъ, каждонедѣльно) кумырчи отправляется съ ишакомъ, топоромъ и провизіей изъ Пенджекента, или изъ своего кишлака, въ горы, верстъ за 10—35 въ пятницу, дней на шесть. Забравшись въ убѣжище лиственныхъ деревьевъ (*барчи*), кумырчи принимается рыть въ мягкой отлогости горы яму (*кура*) въ  $2\frac{1}{2}$  аршина высоты и 4 аршина ширины, исполняя эту работу въ одинъ день. Нарубивъ и подтащивъ на ишакъ къ ямѣ въ одинъ день до 10 большихъ (5 вершковъ въ диаметрѣ) или до 26 малыхъ, исключительно миндальныхъ (*бодамъ*), фисташковыхъ (*писта*), грушевыхъ, боярышниковыхъ (*дулона*) деревьевъ, угольщикъ обрубаетъ ихъ, насколько надо, и ставить въ ямѣ стоймя, до совершенного наполненія ямы. Затѣмъ прорубливается въ сводѣ ямы круглое отверстіе (*дутгъ-бурдъ*), диаметромъ въ 5 вершковъ, зажигаются

объсердини дрова, зажигается камень и плотно замыкается входъ въ яму, и все подготовлено! Угольщику остается только посматривать, когда изъ верхняго отверстія ямы начнетъ пробиваться синій дымъ (*кукъ-дутгъ*). Обыкновенно на третій день яму открываютъ и изъ 10 ишаковъ натасканныхъ въ вышепоказанной пропорціи деревьевъ только лиственныхъ породъ, получаютъ 2 батмана, т.-е. 16 пудовъ привилегированаго угля, называемаго *манкаль*.

Да, уголь манкаль дѣйствительно привилегированный и по сравнительной дорогоизнѣ его, и по спросу его специально чугуноплавильщиками, хлѣбопеками, въ чайхано; и по приемъ производства, весьма близкимъ къ нормальнымъ. Бѣдному, загнанному можжевельнику менѣе посчастливилось, чѣмъ листѣвѣ; съ нимъ такихъ церемоній откапыванія сводчатой ямы и установлениія входной двери не наблюдаются, а просто-напросто выберутъ ложбинку, навалить въ нее крестообразно 4—6 крупныхъ экземпляровъ арчи, подожгутъ, бросить сверху, точно изъ вѣжливости, 10—15 лопать земли и къ вечеру того же дня получаютъ 2 кана или 4 пуда углей, называемыхъ *арча-кумыргъ*. 4 пуда углей отъ 5 деревьевъ, вѣсомъ въ 120 пудовъ<sup>1)</sup>). Это просто варварство, это глумленіе надъ растительной природой, надъ будущностью края! А каково же мы себя почувствуемъ, если скажемъ изъ точныхъ данныхъ, что въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году еженедѣльно, среднимъ числомъ, отправляется изъ Пенджекента и Кара-тюбе въ Самаркандъ 112 ишаковъ или 160 пудовъ угля манкаль и 176 ишаковъ или 880 пудовъ углей арчевыхъ. Въ годъ это составить 13440 пудовъ манкаля, 21120 пудовъ арчеваго угля, т.-е. отпуска или истребленія 16800 деревьевъ лиственныхъ породъ и 17000 экземпляровъ можжевельника<sup>2)</sup>). Предъ этими цифрами обращаются въ ничто всякие восхлипателные

<sup>1)</sup> Мы извѣсили одинъ экземпляръ можжевельника средней величины, съ полной кропой и получили 25 цудовъ вѣсу.

<sup>2)</sup> Мы сделали это вычисление на цифрахъ совершенно умѣренныхъ, принимая порцію — закладку только въ 20 деревьевъ лиственныхъ и 8 деревьевъ можжевельника.

знаки, и намъ остается подойти поскорѣе къ окончательнымъ выводамъ объ углопромышленности, чтобы сказать затѣмъ кое-что и о лѣсопромышленности въ тѣхъ же Зеравшанскихъ горахъ.

Определить въ точности, какъ было бы это желательно, какая цифра истребленія лѣса приходится на ту или другую часть горъ, пока невозможно для насъ, а потому ограничиваемся приблизительнымъ решеніемъ этого вопроса по даннымъ о количествѣ пунктовъ углеприготовленія въ каждомъ изъ горныхъ кряжей и по числу углеобжигателей въ каждомъ изъ пунктовъ.

Въ Туркестанскомъ кряжѣ углеприготовленіемъ занимаются всего до 100 человѣкъ изъ селеній праваго берега Зеравшана: Хожа-панишъ (противъ Пенджекента), Раджъ, Амандара, Майката, Магилянъ, Йори, Миндана, Вишнѣсть, Даштыказы (46 верстъ отъ Пенджекента); изъ нихъ Раджъ и Миндана приготавливаютъ исключительно уголь манкаль (лиственныхъ породъ). Принимая изъ разспросовъ, что каждый человѣкъ приготавливаетъ въ одну недѣлю 12 пудовъ манкали или 10 пудовъ арчевыхъ углей, получаемъ въ годъ среднимъ числомъ 9000 пудовъ<sup>1)</sup> манкаль отпуска, или 11200 деревьевъ уничтоженія и 2240 пудовъ арчевыхъ углей или 1800 деревьевъ уничтоженія. Остающееся количество истребляемыхъ деревьевъ безъ большой погрѣшности можно распределить такъ: 7000 деревьевъ арчевыхъ и 2600 деревьевъ лиственныхъ на Киптутскія горы, гдѣ, при обилии еще лѣса, занимается углеобжиганіемъ  $\frac{1}{5}$  часть жителей всѣхъ селеній, расположенныхъ по ущелью, на пространствѣ 28 верстъ; 6200 экземпляровъ арчи и 2100 деревьевъ лиственныхъ на Магіанская горы съ Шиномъ и на кишлаки Зеравшанского кряжа: Зибанъ, Шурча, Сауръ и Чинарь Пенджекентской волости. Остальное количество—2000 экземпляровъ хвойныхъ и 1000 деревьевъ лиственныхъ—придается на Карагабинскія горы, въ которыхъ

<sup>1)</sup> Цифра выведена по расчету 24 рабочихъ недѣль по 8 пудовъ среднимъ въ памѣтъ на каждого изъ 80 углопромышленниковъ-манкаль-чи.

занимаются углеобжиганіемъ 18 человѣкъ селеній Кызыльбашъ, Винекъ, Хожа-духъ и Казычи.

Сопоставленныя съ цифрами уничтоженія деревьевъ цифры оборотовъ углепроизводителей, а равно и углескупщиковъ, представляются совершенно ничтожными, благодаря единственно все той же типичной чертѣ въ дѣятельности туземца—отсутствію солидарности интересовъ, отсутствію артельного начала въ предпріятіяхъ. На мѣстѣ, въ своемъ кишлакѣ, угольщикъ рѣдко продаетъ недѣльную добычу угля, а накапливаетъ и везетъ его въ Пенджекентъ, гдѣ получаетъ отъ скупщиковъ за 8 пудовъ арчевыхъ углей 80 коп., и за 8 пуд. углей манкаль 1 р. 20 к. Слѣдовательно, всѣ углепроизводители зарабатываютъ въ теченіе одного года 4152 р., что, по разсчету, основанному на разспросахъ, составить  $7\frac{1}{2}$  коп. заработка въ день на одного человѣка, а при продажѣ на мѣстѣ въ своемъ селеніи, на 50% ниже противъ цѣнъ пенджекентскихъ, поденный заработокъ угольщика понижается до 4 коп. Выводы эти могутъ вагалянѣе уясниться слѣдующими двумя примѣрами: 1) безземельный пенджекентецъ Бай-Магометъ-Аситовъ занимается приготавленіемъ манкаля 6 лѣтъ, причемъ въ году онъ отдыхаетъ отъ этого занятія три мѣсяца (май, іюнь и іюль), во время уборки съ полей хлѣба, въ которой этотъ угольщикъ принимаетъ участіе, зарабатывая въ 3. мѣсяца 8 пудовъ пшеницы. Въ остальные 9 мѣсяцевъ въ году Бай-Магометъ отправляется каждонедѣльно, въ пятницу, съ раннаго утра въ ущелье кишлака Миндана, въ 26 верстахъ отъ Пенджекента, и на другой день съ своимъ сыномъ и съ тремя ишаками принимается за работу. Въ первый день оба угольщика рубятъ топоромъ на длинномъ топорищѣ (*табард*) деревья заранѣ (глобовина), миндалъ (бодамъ), фархъ (дикая груша), а на второй день подвозятъ нарубленное къ своей много мѣсяцевъ дѣйствующей уже *курп* (сводчатой ямѣ) и въ тотъ же день наполняютъ ее дровами и зажигаютъ. Въ среду, рано утромъ, уголь накладывается въ ками (мѣшки) и къ вечеру того же дня привозится въ Пенджекентъ. Бай-Магометъ

имѣть такимъ образомъ одинъ свободный день въ недѣлю для отдыха своего и ишаковъ. Изъ одной ямы онъ вырабатываетъ еженедѣльно, въ теченіе 6 дней, 16 пудовъ угля манкаль, за которые получаетъ отъ скучищиковъ 2 руб. 20 к., расходуя изъ нихъ 1 р. 9 к. на недѣльное продовольствіе такой пропорціи: 2 человѣка, отправляясь въ горы съ тремя ишаками на 6 дней, берутъ съ собою: 25 фунтовъ лѣпешекъ—22 к., 2½ фунта мяса—15 к., 1½ фунта сала бараньяго—15 к., 1 капъ саману—10 к., 1½ пуда ячменя—35 к., для трехъ ишаковъ. Всего расхода 1 р. 9 к. и остатка на 5 человѣка семьи 1 р. 11 к. въ недѣлю. Общий годовой заработокъ Асатова съ сыномъ 52 рубля, т.-е. по 16 рублей на человѣка (20 р. годового расхода на трехъ ишаковъ исключены изъ цифры годового дохода) за 576 пудовъ угля манкаль или 935 уничтоженныхъ деревьевъ.

Примѣръ 2-й: горецъ *Ашуръ-Дурбишевъ*, наслѣдовавъ отъ своего отца одну неприкрытую бѣдность и ни аршина земли, ни одного домашнаго животнаго, до 32-лѣтняго возраста проживалъ въ своемъ кишлакѣ Мазари-Шарифъ, въ работникахъ, съ годовою платою въ 10 руб., съ придачею одного поношенаго хозяйствскаго халата, одной пары такого же достоинства сапоговъ и одной пары бѣлъя. Женившись на такой же голи, какъ и самъ, Дурбишевъ почувствовалъ необходимость увеличить свои средства и, извѣдавъ тяжелый трудъ мардекера-поденщика и жнеда, поселившись въ Пенджекентѣ, избралъ занятіемъ своимъ выжиганіе арчеваго угля, для чего предварительно пришлось запродать въ невѣсты малолѣтнюю дочь и купить 2 ишака. И вотъ уже шесть лѣтъ Дурбишевъ регулярно каждую недѣлю привозить изъ горъ Миндана въ Пенджекентъ, за 35 верстъ, 4 капа, т.-е. около 10 пудовъ арчевыхъ углей, за которые и получаетъ отъ скучищиковъ 80 коп., слѣдовательно въ мѣсяцъ 3 руб. 20 коп. или въ годъ среднимъ 34 руб., что сравнительно съ 12 руб., работника (*итымъ*) составляетъ богатство. Этотъ угольщикъ, имѣя въ Пенджекентѣ семью изъ одной жены и 3-хъ малолѣтнихъ

дѣтей, работаетъ самъ. Каждую недѣлю, въ субботу съ раннаго утра, онъ отправляется съ двумя ишаками, съ двумя арканами, однимъ топоромъ и одной деревянной лопатой въ горы Миндана, имѣя на 4-хъ дневное довольствіе для себя только 20 фунтовъ лѣпешекъ (воду онъ добываетъ въ горахъ)—17½ к., а для двухъ ишаковъ 10 фунтовъ ячменя—6¼ к., 1 снопъ клеверу—4 коп. и 1 капъ саману—5 коп.; весь расходъ его слѣдовательно простирается до 32¾ коп.

Нарубивъ въ воскресенье, сколько надо, арчи и очистивъ ее отъ коры (*посту*), которая не прогораетъ и портить по тому уголь, Ашуръ выбираетъ ложбинку, отрываетъ въ ней на 3 вершка землю и къ вечеру подвозить на двухъ ишакахъ, въ 25 выючекъ, приготовленную арчу, всего приблизительно 130 пудовъ. Рано утромъ, въ понедѣльникъ, угольщикъ наполняетъ яму, діаметромъ въ 3½ аршина, арчей, подкладываетъ огонь, бросаетъ сверху открытую изъ ямы землю для укрытия горящей арчи отъ вѣтра—и ждетъ результатовъ. При безвѣтріи, къ вечеру понедѣльника получается отъ 25 ишаковъ или отъ шести деревьевъ арчи, діаметромъ 5 верш., 4 капа или 10 пудовъ углей, съ которыми угольщикъ отправляется во вторникъ домой. Но въ вѣтрены дни случается и ничего не получить отъ сожженной такимъ способомъ арчи, и тогда Ашуръ остается въ горахъ еще на недѣлю, подкѣпясь довольствиемъ изъ ближайшаго сезенія. На спросясь: почему не сжигаютъ арчу въ закрытой ямѣ,—всѣ угольщики отвѣчаютъ, что по свойству рыхлой древесины этого дерева, въ закрытой ямѣ арча не даетъ вовсе угля, а превращается въ золу.

Кстати сообщимъ здѣсь инвентарь хозяйства спрошеннаго нами Ашура, о его прозабаніи, *тиричилликъ*. Своего дома у него нѣть, а приходится жить въ маленькой, дырявой саклѣ, уступленной однимъ пенджекентцемъ безвозмездно (*аманатъ*); сакля отапливается въ той мѣрѣ, сколько нужно топлива для приготовленія мучного супа (*атала*) даровыми дровами, доставляемыми Ашуромъ изъ горъ. Хозяйство состоитъ изъ двухъ

рабочихъ ишаковъ, трехъ курицъ и одного пѣтуха; ни коровы, ни овцы, ни козы не имѣется, а двое малыхъ ребята довольно-ствуются молокомъ матери. Вся утварь состоитъ изъ небольшого казана, двухъ деревянныхъ чашекъ, одной ложки и тыквенного ведра. Постелью служить плетенка изъ осоки, срываемой лѣтомъ на рисовыхъ поляхъ, и очень старой кошемки, также выполняющей, вмѣстѣ съ рисовой соломой (*похолъ*), обязанность подушки; укрываются халатами, ежедневно носимыми. Вотъ обстановка жизни семейства Ашура. Самъ онъ спитъ дома всего три ночи въ недѣлю, а остальное время проводить въ горахъ, довольствуясь постелью изъ вѣтвей арчи. Вырабатывая среднимъ счетомъ 2 руб. 80 коп. въ мѣсяцъ, Ашуръ затрачиваетъ изъ нихъ 70 коп. лично на свой желудокъ, 61 коп. на двухъ ишаковъ, а остальные 1 руб. 49 коп. на пропитаніе семьи. Пропитаніе это состоитъ ежедневно изъ мучного супа (*атаца*), подкрашенного нѣсколькими каплями льняного масла (*зигирь-май*) и, разумѣется, крупицей соли. Для этого продовольствія затрачивается ежемѣсячно 2 пуда муки 70 коп., 5 фунтовъ соли  $3\frac{1}{4}$  коп., 1 фунтъ льняного масла 7 коп., при счастливой добычѣ угля, 1 фунтъ мяса 6 коп., а всего на продовольствіе семьи  $86\frac{1}{4}$  коп. +  $2\frac{3}{4}$  коп. за 2 свѣчи = 89 коп. ежемѣсячнаго расхода. На годовой остатокъ въ 7 р. 20 коп. необходимо надобно завести Ашуру 1 сапоги (*чирити*) 1 руб., рубашку со штанами изъ бязи 65 коп., тибетейку 5 коп., шерстяныя портнянки 13 коп., простой шерстяной халатъ (*чакмень*) 1 руб. 20 коп., халатъ старый алачевый, исподній 67 коп., 4 кана для углей, на перемѣну старыхъ 1 руб. 50 коп., два аркана 20 коп., 1 лопату 10 коп., а всего расхода на виѣшность Ашура 5 руб. 50 коп. и въ остатокъ 1 руб. 70 коп., которые всеполно идутъ на обновы женѣ и дѣтямъ, о виѣшности коихъ ничего сказать не можемъ, такъ какъ не удалось видѣть ихъ. Я готовъ однако вѣрить, что и семья Ашура имѣеть кое какую одежду, такъ какъ къ 1 руб. 70 коп. годового остатка отъ заработка мужа прибавляется еще 3 рубля отъ заработка соб-

ственno жены, приготовленіемъ бумажной пряжи (*калафа*). Такова картина съ натуры того тиричилыка, имъ же есть числа, который выпадъ на долю безземельныхъ.

Говоря безотносительно, на долю скupщика (*джалафѣ*) приходится также не особенно большой процентъ за посредничество и провозъ: онъ получаетъ въ Самаркандѣ съ 4-хъ пудовъ (одного ишака) углей манкаль 30 коп. и съ того же количества углей арчевыхъ 60 коп. чистаго дохода, вознаграждающаго его за провозъ въ теченіе трехъ дней, слѣдовательно при одномъ рабочемъ ишакѣ по 16 коп. среднимъ въ день, что сравнительно съ заработкомъ углепроизводителя, лазающаго цѣлые недѣли по горнымъ утесамъ, достаточно. Не упустимъ сказать, что зимніе мѣсяцы, когда чугуноплавильщики прекращаютъ работы, по случаю холодовъ, цѣны на уголь измѣняются въ обратномъ отношеніи: арча-кумыръ продается по цѣнѣ манкаля и наоборотъ. Цѣнность же стального саксаула, употребляемаго исключительно на согреваніе сакель, постояннымъ подкладываніемъ въ яму, закрытую табуретомъ (*сандали*), остается отъ осени и до весны постоянно, 1 р. 60 к. за 8 пудовъ. Количество ввоза въ Самаркандъ этого угля изъ Джизакскихъ и Нуратинскихъ степей, намъ неизвѣстно.

Подводя валовой итогъ доходности отъ углепромышленности, существующей въ нагорныхъ тюменяхъ, получимъ всего 6916 р. ежегоднаго оборота, за 3400 древесныхъ жизней.

#### IV.

Лѣсопромышленность для строительныхъ потребностей — Лѣсодобыватели (чулъ-камъ) и лѣсоскупщики (чулъ-джалафѣ). — Порядокъ отправленія лѣсныхъ плотовъ въ низовые пункты. — Размѣры ежегодныхъ доходовъ отъ лѣсопромышленности и ежегоднаго уничтоженія древесной растительности. — Быстрое уничтоженіе горныхъ лѣсотъ есть результатъ недоразумѣнія мусульманскаго правительства. — Возможность искусственнаго лѣсоразведенія въ горахъ. — Необходимость отмѣны запрещенія солова въ Бухару строевого садоваго лѣса. — Необходимость уменьшенія за горными лѣсомъ лѣсоводственного значенія. — Настоятельная необходимость развитія въ Зеравшанской долинѣ ирригациіи.

Переходимъ теперь ко второму, не менѣе свирѣпому врагу горной, древесной растительности — лѣсопромышленности. На-

блудая эту отрасль занятія туземцевъ въ нагорныхъ тюменяхъ, мы встречаемся и здѣсь съ тѣми же вызывающими ее факторами, какіе проходятъ чрезъ всѣ роды дѣятельности, предпріимчивости туземцевъ. То же безземелье и искательство посторонняго занятія для поддержанія существованія (*тиричилыкъ*) вызвало классъ производителей; то же поклоненіе этого класса традиціонному распорядку занятій и стремленію къ обособленности вызвало классъ посредниковъ между производителями и потребителями — скупщиковъ. Какъ въ углепромышленности, такъ и въ лѣсоторговлѣ, производители — круглые бѣдняки, добывающіе гигантскимъ трудомъ заработокъ, едва поддерживающій существованіе, полное самыхъ ужасныхъ лишений; посредники — скупщики, городскіе капиталисты, унаследовавшіе традиціонно это занятіе, не столько какъ средство къ жизни, вполовь обеспеченной хорошимъ хозяйствомъ, сколько изъ приверженности къ корпоративности, изъ какой-то мистической нерѣшимости оставить то дѣло, которымъ занимались предки. Отъ этого численное распределеніе производителей и посредниковъ поражаетъ крайностями: первыхъ насчитывается до 600 человѣкъ, вторыхъ 12 (въ Пенджекентѣ 8 и въ селеніи Суджина 4).

Наибольшее число, до 300 человѣкъ, лѣсопродавцевъ приходится на туземцевъ Кштутихъ горъ, въ тѣснинахъ коихъ, на Турушъ-дара и по верховьямъ притоковъ Кштута, Вару, Паджрутъ, Завронъ, Зинтутъ, укрываются еще огромныя кучи крупной арчи-можжевельника, составляющаго главный предметъ лѣсной торговли. Остальная часть, 300 человѣкъ туземцевъ Магіана, эксплуатируютъ также только арчевый лѣсъ верховьевъ рр. Шингъ и Карап-су, вытекающихъ изъ Магіанскихъ горъ. Такимъ образомъ все лѣсопользованіе для строительныхъ потребностей сосредоточивается въ горахъ Зеравшанского кряжа, по системѣ рѣкъ Кштута и Магіана, вливавшихся въ лѣвый берегъ Зеравшана, первая — въ 45 верстахъ, вторая — въ семи верстахъ выше Пенджекента. Такъ какъ оба притока эти имѣютъ очень извилистое теченіе, проходятъ на

всемъ пути пороги, то лѣсоторговцамъ и не представляется никакой возможности воспользоваться ими для сплава лѣсу<sup>1)</sup>, который подвозится потому на ишакахъ и лошадяхъ или прямо въ Пенджекентъ или въ селеніе Суджина при устьѣ Магіанъ-су. Въ этихъ двухъ пунктахъ на берегу Зеравшана существуютъ пристани и складъ — сарай, гдѣ горцы и сбываютъ привозный лѣсъ скупщикамъ, получая за двѣ большихъ лѣсины балочныхъ (балард) отъ 1 руб. 40 коп. зимою, до 2 руб. 40 коп. лѣтомъ; за двѣ лѣсины средней величины (4 аршина длины и 3 вершка толщины) для столбовъ (*сунукъ*) отъ 40 до 70 коп., за 4 штуки мелкой арчи (*калама*) для каркасныхъ стѣнъ, отъ 20 до 50 коп., причемъ продаваемый лѣсъ долженъ быть обтесанъ.

Принимая въ разсчетъ, что горцу Кштута на добычу, приготовленіе и на привозъ въ Пенджекентъ двухъ лѣсинъ на одномъ ишакѣ требуется шесть дней, находимъ, что дневной заработка его ограничивается среднимъ числомъ 30 коп., изъ которыхъ приходится удѣлять четыре коп. на кормъ ишака-спутника. Допуская, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, что усердный горецъ доставить въ Пенджекентъ въ теченіе полутора 25 паръ (*джура*) лѣсинъ, найдемъ максимумъ въ его годовомъ заработкѣ 50 руб., изъ которыхъ 16 руб. получаетъ лошадь или ишакъ, 2 руб. 40 коп. отходить въ подати<sup>2)</sup>, а 31 руб. 60 коп.. остается на годовое пропитаніе съ семьей. Въ чёмъ состоитъ это пропитаніе горца, этотъ „тиричилыкъ“, пробирающій фибрь наблюдателя — мы сообщимъ впослѣдствіи, а теперь простѣдимъ за лѣсоскupщиками.

Подчиняясь тому же закону-расму (обычаю), тому же несознанію важности въ предпріятіи взаимопомощи, оставаясь съ

<sup>1)</sup> Въ 1870 году лѣсоторговецъ Бабаджанъ попытался спустить плоты по Зеравшану, отъ устья рѣки Кштути; но опытъ стоилъ потерпѣ трехъ плотовъ, разбившихся о пороги въ томъ мѣстѣ, где чрезъ Зеравшанъ перекинутъ мостъ Ду-пула.

<sup>2)</sup> Собственно съ лѣсо- и углепромышленности пошлины язбакихъ не взимаются, а приведенная цифра подати есть окладъ такъ-называемаго херадж-иозазифа (постоянныи хераджъ), уплачиваемаго всѣми горцами съ незапамятныхъ временъ и съ 1876 года обратившагося въ „окладную подать“ (*уильмана*).

прирожденными наименостями къ замкнутости, къ стремлению оставлять заработка лично для себя, лѣсоскупщики (азачъ-джалагъ) не составляютъ товарищества по торговлѣ лѣсомъ, а дѣйствуютъ въ одиночку. Скупивъ въ теченіе зимы и весною достаточно лѣсу, джалаевъ разсчитываетъ: въ какое количество плотовъ онъ можетъ связать его, и по разсчету этому назначаетъ рабочихъ сплавщиковъ (аматъ-чи), по 2 человѣка на каждый плотъ. На обязанности рабочихъ-сплавщиковъ лежитъ, прежде всего, продыравленіе остроконечнымъ топорикомъ (болта) вомяя всѣхъ лѣсинъ, приготовленіе изъ тонкихъ побѣговъ (чилиги) растущей по берегамъ Зеравшана ивы крученыхъ веревокъ въ два пальца толщиною, увязываніе лѣсинъ въ плоты этими хворостовыми веревками и короткими крученками изъ вѣтвей можжевельника (кирчинъ).

Полный плотъ составляется всегда изъ шести звеньевъ (чиликъ), каждое въ два ряда лѣсинъ: нижній 25 штукъ, верхній 15 штукъ для крайнихъ звеньевъ и 20 и 12 штукъ крученыхъ лѣсинъ для двухъ среднихъ звеньевъ, которыхъ приходится выдерживать и подъемъ тяжестей рабочихъ съ провизіей, и удары по пути о каменные выступы русла и береговъ. Въ этихъ среднихъ звеньяхъ, расположенныхъ въ одной линіи съ крайними, боковая продольная бревна-скрѣпленія (аспакашъ) значительно толще всегда, чѣмъ въ крайнихъ звеньяхъ. Головные части каждого звена, выступающія внаружу толстыми концами, крѣпко связываются съ продольными бревнами крученками изъ арчи (кирчинъ), пропущенными чрезъ дыры, выдолбленныя въ концахъ каждого бревна; внутренніе же тонкіе концы арчи привязываются къ продольному бревну арчевыми крученками на-крестъ. Всѣ звенья прикрѣпляются одно къ другому длиннымъ арканомъ изъ побѣговъ ивы (чилигинъ), пропущеннымъ въ каждое изъ четырехъ скрученныхъ изъ арчи колецъ (галка) звена. Этотъ арканъ обхватываетъ такимъ образомъ снаружи весь плотъ и потому разрывъ его въ пути, нерѣдко случающійся отъ ударовъ о берега, вслѣдствіе неумѣлаго управлѣнія рабочими отталкивательными шестами (пишанігъ),

всегда губителенъ для плота. Въ такихъ случаяхъ крушенія, рабочимъ остается привязать къ берегу уцѣльвшія звенья и, собравъ, насколько удастся, унесенный теченіемъ лѣсина, подтащить ихъ къ мѣсту остановки, для убранія вновь въ звенья. Умѣлый сплавщикъ (сучи), если онъ достаточно знакомъ съ фарватеромъ рѣки, осмотрительно управляетъ рулевыми (хода) шестами, имѣющимися на каждомъ углу плота, засѣтло останавливается на вочлегъ, не допустить разрыва аркана и крушенія плота.

Такимъ образомъ каждый плотъ имѣеть въ длину 16 арш., въ ширину 9 арш. и содержать 226 лѣсинъ, при отправлѣніи въ половодье (лой-оба), отъ начала мая до половины августа, 200 лѣсинъ для маловодья, въ теченіе сентября, марта и апрѣля мѣсяцевъ. Плоты тополеваго лѣса составляются также точно, какъ и арчевые, въ шесть звеньевъ въ 25 лѣсинъ каждое, пополамъ съ арчею въ половодье и по 18 штукъ въ маловодье<sup>1)</sup>). По изготовлѣніи плота въ теченіе обыкновенно 8 дней, рабочіе получаютъ отъ хозяина въ путевое продовольствіе (хураки) 12 пудовъ лепешекъ, 2 пуда крупы машъ, 30 фунтовъ сала, 10 фунтовъ мяса, все на трехъ человѣкъ до Бухары и отправляются въ плаваніе, управляясь съ плотомъ на трудныхъ мѣстахъ у Бурлюша, противъ селенія Саразмъ и у Чапанъ-ата, при помощи длинныхъ шестовъ (пишанігъ).

Во время половодья плоты приходятъ изъ Ценджекента въ Самаркандъ въ 4 дня, въ Катты-бурганъ въ 8 дней и въ кишлакъ Гурбунъ, въ 8 верстахъ отъ Бухары, въ 25 дней. Въ маловодье же сроки плаванія измѣняются такъ: въ Самаркандъ въ 7 дней и въ Бухару въ 35 дней.

Добравшись до пристани на берегу большого арыка Шагрутъ, въ кишлакъ Гурбунъ, рабочіе оставляютъ плоты или на отвѣтственности аксакала пристани, получающаго съ каждого

<sup>1)</sup> Сварженіе плота съ покупкою въ Ценджекентѣ и въ побережныхъ селеніяхъ тополей обходится съ доставкою въ Гурь-увъ 155 руб., что при существующей теперь въ Бухарѣ цѣнѣ, 3 руб. за одну балку шести аршинъ длины и шести вершковъ тощины, составить частаго дохода 85 руб. отъ каждого плота или 55% по капиталу.

плота по 40 коп. за място и хранение, или же довѣреному, знакомому отправителя, извѣщенному заблаговременно объ условіяхъ продажи и расчета съ рабочими. Не высоко оплачивается тяжелый, тридцатидневный трудъ этихъ бѣдняковъ-сплавщиковъ, поставляемыхъ преимущественно Бухарою. Заснаряженіе и доставку плота въ Гурбунъ, откуда лѣсъ отправляется въ Бухару на арбахъ, они получаютъ: старшій (*су-чи*) 16 рублей и младшій 10 рублей, кромѣ провизіи, т.-е. отъ 50 до 30 коп. въ день на человѣка. При этомъ лѣсосплавщики-рабочіе не упускаютъ случая увеличить свой незначительный заработка доставкой въ Бухару на плотѣ или хлѣбныхъ продуктѣвъ, или подѣлочного мелкаго горнаго дерева (*иргай*, *зарангъ*, *гуля*). Но это удается только въ пору дешевизны (*арзакчиликъ*) продуктовъ въ Бухарѣ, а въ годы неурожайные плотоотправители и сами сплавляютъ хлѣбные продукты въ низовья Зеравшана. Здѣсь мы должны сказать, что высказанное въ № 41 „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ за 1876 годъ сѣтованіе на неумѣніе горнаго населения пользоваться Зеравшаномъ для сплава произведеній, мы раздѣлить не можемъ, зная, что въ той мѣрѣ, въ какой Зеравшанъ позволяетъ сплавъ на плотахъ, они пользуются имъ въ пору выгодности такого занятія. Такъ, напримѣръ, въ 1869 году, во время большого неурожая въ Бухарѣ, изъ Самарканда было отправлено къ границамъ Бухары очень много хлѣба.

Но собственно Пенджекенту, и въ это спорое, выгодное по спросу хлѣба времія, пришлось играть пассивную роль; такъ какъ давно испытано, что плоты, обремененные тяжестью болѣе 16 пудовъ (трое рабочихъ и провизія) терпѣли всегда крушеніе въ тѣхъ мѣстахъ, Бай-биче-камаръ, Бурлюшъ, Санзарь и Чапанъ-ата до Самарканда, где Зеравшанъ имѣетъ паденіе до трехъ саженей на одну версту. Уже это одно условіе упраздняетъ всякое стремленіе воспользоваться Зеравшаномъ для судоходства съ плоскодонными баржами, начиная отъ Суджини, выше Пенджекента.

Намъ остается закончить съ лѣсоспромышленностью подве-

деніемъ ціфръ дохода лѣсоскупщиковъ и вычисленіемъ общаго количества лѣса, ежегодно отправляемаго изъ Пенджекента въ города низовыя.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лѣсопромышленниковъ и тщательно провереннымъ, доходы ихъ опредѣляются такимъ разсчетомъ:

#### *Расходъ по отправленію одного плота:*

За 25 большихъ лѣсинъ, для среднихъ звеньевъ	36 р. — к.
„ 200 обыкновенныхъ лѣсинъ . . . . .	50 „ — „
„ одного выручного ишака чильни (хворостовая веревки) . . . . .	— „ 40 „
„ 1000 штукъ арчевыхъ крученокъ (кирчины). . . . .	2 „ <sup>1)</sup>
Двумъ рабочимъ плотосплавщикамъ . . . . .	26 „ — „
Одному проводнику до Самарканда . . . . .	2 „ — „
Двумъ рабочимъ путевая провизія . . . . .	11 „ 20 „
За сбереженіе плотовъ въ Гурбунѣ. . . . .	— „ 40 „
<hr/>	
Всего расхода . . . . .	128 р. — к.

#### *Доходъ:*

Отъ продажи 225 лѣсинъ, по 80 коп. за каждую лѣсину, всего . . . . . 180 р.

Слѣдовательно съ одного плота въ 225 лѣсинъ, скупщикъ получаетъ чистаго дохода 52 рубля или 40% на затраченный капиталъ.

Но конечно такой доходъ нельзѧ считать постояннымъ и, при большемъ переполненіи лѣсомъ бухарскихъ рынковъ, лѣсо-отправители нерѣдко едва сводятъ концы съ концами <sup>2)</sup>. Принимая норму дохода 40% и умножая 52 руб. дивиденда на 10 плотовъ, ежегодно отправляемыхъ каждымъ лѣсопромыш-

<sup>1)</sup> Кирчины привозятъ на продажу исключительно жителямъ селеній: Андарь, Гыждарва, Косоторачъ изъ Магіанскихъ горъ. Эти крученки, въ 1½, аршина длины и въ 1½, дюйма толщиною, приготавляются изъ тонкихъ побѣговъ арчаможжевельника, очищаемыхъ отъ кожи и разогреваемыхъ на огнѣ для удобства крученія.

<sup>2)</sup> Въ 1876 году арча продана была въ Бухарѣ по 50 коп. за штуку и лѣсо-отправители получали убытку 15 руб. съ каждого плота.

ленникомъ, получимъ 520 руб. годового дохода на одного лѣсоскупщика, а весь оборотъ лѣсной торговли опредѣляется вышеприведенными цифрами въ 26000 рублей дохода лѣсопродавцевъ-горцевъ (чулъ-камз) и 6600 рублей дохода лѣсоскупщиковъ=32600 руб.

Эти же цифры помогутъ подвести и окончательный итогъ лѣсонастrebленію. Опредѣляя, на основаніи точныхъ свѣдѣній, все количество ежегодно сплавляемыхъ изъ Пенджекента и Суджаны плотовъ въ 123 по 220 лѣсины въ каждомъ, получимъ 30000 деревьевъ арчевыхъ+34000 экземпляровъ хвойныхъ и лиственныхъ, пожираемыхъ углепромышленностью, т.-е. 64000 древесныхъ жизней, погибающихъ ежегодно. Можно представить будущность горъ чрезъ 15—20 лѣтъ такой хищнической эксплуатации лѣсовъ, поддерживавшейся долгое время искусственно, въ силу крайняго заблужденія, защищавшаго прежде садовую древесную растительность, на счетъ истребленія горной!

До присоединенія къ Туркестанскому округу Самарканда, и отчасти въ наше время, въ Зеравшанской долинѣ дѣйствовалъ налогъ въ  $\frac{3}{10}$  части со стоимости срубленного строевого садового лѣса. Въ бухарское время налогъ этотъ имѣлъ значеніе не столько охранительное, сколько финансовое, а у насъ онъ облекся въ первые годы его дѣйствія во всеоружіе протекціонизма, охраны отъ порубокъ садовыхъ деревьевъ. Мѣра эта вполнѣ достигла своей цѣли, такъ какъ продажа лѣсу съ немедленной уплатою въ казну 30% стоимости его, при условіи запрещенія сплава въ Бухару, подъ опасеніемъ конфискаціи, заставляла, конечно, владѣльцевъ садовъ воздерживаться отъ пользованія этою собственностью своей. Жителямъ культурной долины оставалось поглядывать съ завистью на горцевъ, зарабатывавшихъ тѣмъ временемъ кое-что отъ безпошлиновой продажи арчи, спрось на которую по всему низовью и въ Бухарѣ развелся до того, что пришлось наложить запрещеніе на сплавъ горного лѣса за предѣлы Зеравшанского округа. Эта мѣра, стоявшая разоренія тремъ-четыремъ бухар-

скимъ туземцамъ, лишившимся капитала отъ конфискаціи плотовъ, оказалась все-таки совершенно палліативною, такъ какъ стремление къ наживѣ немедленно выставило противоядіе въ контрабандѣ, съ которой не было никакой справы, даже и послѣ установленія рѣчной стражи.

Надо было обратиться въ болѣе радикальнымъ мѣрамъ охраненія горнаго лѣса, въ уменьшенію за нимъ лѣсоводственнаго значенія на счетъ свободной продажи низменнаго лѣса.

Исходя изъ того совершенно правильного основанія, что возобновленіе низменнаго лѣса совершается сравнительно легко, что охраненіе его налогомъ въ 30% достигаетъ отрицательныхъ результатовъ, удерживая жителей отъ заботливости насажденія строительного тополя, какъ неприносящаго никакого дохода, зеравшанская администрація достигла отмѣны охранительныхъ для низменнаго лѣса постановленій и тѣмъ спасла до некоторой степени отъ совершенного истребленія горный лѣсъ.

Можно ручаться, что свободная торговля съ Бухарою низменнымъ лѣсомъ, на раду съ установленіемъ положительныхъ и обязательныхъ для всѣхъ правилъ посадки 3—4 молодняковъ на мѣсто срубленного тополя, отзовется значительнымъ развитіемъ благосостоянія населенія долины<sup>1)</sup> и, понизивъ лѣсоводственное значеніе горнаго лѣса, послужить къ сбереженію его. А что горный лѣсъ вуждается въ такомъ абсолютномъ отдыхѣ на 15—25 лѣтъ, какой намѣрены дать ему воспрещеніемъ углепромышленности въ горахъ, въ этомъ сознаніи можно укрѣпиться, взглянувъ на оголенные повсюду хребты горъ, на результаты этого оголенія: оскудѣніе водныхъ источниковъ и разрушительное дѣйствіе ихъ на земледѣльческое хозяйство.

Определить въ точности все количество горнаго лѣса, имѣю-

<sup>1)</sup> Примеромъ можетъ служить Ташкентъ, гдѣ чрезмѣрное развитіе спроса на строительный тополь расплодило очень много лѣсоводовъ и понизило стоимость тополевой балки съ 12 руб. (1867 г.) до 4 руб. (1876 г.). Надо также иметь въ виду способность тополя производить обильные корневые отприски.

щагося въ Туркестанскомъ, Зеравшанскомъ и Гиссарскомъ кряжахъ, пока невозможно, а приблизительно слѣдуетъ считать 0,06 десятинъ на каждого домовладѣльца Зеравшанского округа, что нельзя признать изобилиемъ.

Зная изъ теоріи, что представитель здѣшней хвойной породы—можжевельникъ или яловецъ (арча), при наклонности къ жизни обществомъ, лишенъ способности давать поросль изъ шишки и корня<sup>1)</sup>, растетъ очень медленно, хотя не имѣетъ особенного притязанія на плодородіе почвы; что изъ листевыхъ горныхъ, однодомныхъ породъ боярышникъ (тудана), глоговина, дикая яблонь (Rugus), липкая груша, рябина (Sorbus), миндаль, фисташки, бѣлый кленъ (*Acer pseudoplatanus*) растутъ чрезвычайно медленно, требуютъ питательной почвы, располагаются не группами, а единичными экземплярами,—нельзя ожидать скораго естественного возрожденія древесной растительности на мѣстахъ оголенныхъ, а слѣдуетъ приложить неотложную заботливость искусственного лѣсовозращенія. Выполненіе этой важной въ культурномъ отношеніи задачи мы признаемъ, по условіямъ мѣстности, свойству горной почвы и климату, вполнѣ возможнымъ. Рыхлые, свѣжія почвы глинистыхъ и известковыхъ горныхъ породъ обоихъ кряжей могли бы пріютить невзыскательную, какъ извѣстно, ни къ почвеннымъ, ни къ климатическимъ условіямъ, обыкновенную сосну (*Pinus silvestris*), распространенную въ Крыму и въ горахъ Кавказа. Рядомъ съ этой, важной въ лѣсохозяйственномъ отношеніи представительницей семейства шишконосныхъ, могла бы помѣститься богатая смолой и скрипидаромъ сосна-ерникъ или малорослая сосна (*Pinus pimilio*), оказывающая великую услугу задержаніемъ на брутыхъ склонахъ горъ массы тающаго снѣга.

Въ нижнихъ покатостяхъ горъ и по берегамъ ручьевъ можно было бы испробовать распространеніе существующей мѣстами въ горахъ, также мало притязательной къ почвѣ, обыкновенной березы (*Betula verrucosa*), не подвергающейся

болѣзнямъ, растущей быстро съ обильными порослями и имѣющей весьма важное лѣсохозяйственное значеніе. Изъ семейства сережчатыхъ могла бы также найти для себя почву во многихъ мѣстахъ кустарниковая береза (*Betula fruticosa*), встрѣчающаяся на высотѣ 9000 надъ моремъ, по верховью ручья Махшиватъ, впадающаго въ правый берегъ Искандеръ-су, въ горахъ Фана. Въ низовьяхъ, по берегу Зеравшана, и въ той части долины, ниже Пенджекента, гдѣ послѣднія 6—8 лѣть, подъ влияніемъ обработки почвы и отчасти наносами, увеличились пески, слѣдовало бы испытать разведеніе черенками шелюги (*Salix acutifolia*) и песчаной ивы—*S. agenaga*, пріобрѣвшихъ и у насъ въ южной Россіи громкую извѣстность, какъ укрѣпители сыпучихъ песковъ.

Для укрѣпленія песковъ можно было бы воспользоваться также акаціей или робиніей, вывезенной въ Европу изъ Канады 275 лѣть тому назадъ Робиномъ, и китайскимъ ясенемъ *Ailanthus*, какъ деревьями, крайне непрятзательными, быстро растущими и служащими къ успѣшному удобренію почвы обильно опадающимъ листомъ. Горы и Зеравшанская долина богаты всячими почвами и, принимаясь за лѣсоразведеніе, надо имѣть только прежде всего въ виду основное лѣсоводственное правило: выборъ для каждого растенія соответствующей почвы.

Мы не откажемся повторить и еще разъ, что искусственное возвращеніе горамъ древесной растительности представляется, по нашему мнѣнію, вполнѣ возможнымъ и необходимымъ въ такой же степени, какъ и проведенный уже администрацией мѣры охраненія существующаго горнаго лѣса, какъ предпринятое въ тѣхъ же видахъ уменьшение лѣсоводственного значенія горной растительности, геологическое изслѣдованіе Зеравшанскихъ горъ, имѣющее между прочимъ цѣлью открытие залижей каменнаго угля; этого могучаго двигателя цивилизациіи<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Богатыя, повидимому, залежи каменнаго угля, открытны въ Фанѣ, близъ селенія Ровать, по обонѣ берегамъ нижнаго теченія рѣки Янъ-объ, не разрабатывается по дороговизнѣ доставки угля въ Пенджекентъ, за 120 верстъ отъ мѣста добычи. Произведенными опытами определена стоимость одного пуда угля съ доставкой въ Самаркандъ, въ 55 копѣекъ.

<sup>1)</sup> Россмеслеръ: „Лѣсъ“, стр. 308.

Съ этими лѣсоохранительными мѣрами должно идти въ точной послѣдовательности и возможное развитіе ирригациіи для возвращенія къ производительной жизни тѣхъ 80000 десятинъ земли долины Зеравшана<sup>1)</sup>, которая отжили свой культурный вѣкъ единственно вслѣдствіе оскудѣнія водныхъ источниковъ.

## ВЪ ГОРАХЪ ДАРВАЗА-КАРАТЕГИНА.

(На верховья Аму-Дарьи).

Въ началѣ 1882 года намъ представился случай посѣтить юго-восточныя бекства Бухарскаго ханства.

Выступивъ изъ Самарканда 20 марта, имѣя съ собою секретаря, г. Введенскаго, для офиціальной переписки, переводчика Джадаль-Этдина Камалединова и 10 конныхъ джигитовъ изъ самарканскихъ туземцевъ, я проѣхалъ чрезъ Китабъ и Шахрисаъбъ въ Карши, гдѣ, послѣ личной аудіенціи, выяснивъ эмиру цѣль своей поѣздки и предположенный маршрутъ, окончательно заручился и согласіемъ Музафаръ-хана и обѣщаніемъ полнаго вездѣ содѣйствія, которымъ дѣйствительно пользовался и за которое приношу мою глубокую признателность эмиру. Мой путь шелъ изъ Каршишель, чрезъ Бухару, въ Чордажунъ и отсюда вверхъ по Аму-дарѣ, чрезъ бекства Наразимъ, Бордалыкъ, Керки, Келифъ, Ширабатъ, Кободіанъ, Кургантьюп, Кулябъ, Бальджуанъ, Дарвазъ, Карагинъ, Хисартъ, Бойсунъ и Гузаръ. При знаніи языковъ тюркскаго и персидскаго, при достаточномъ навыкѣ къ разспросамъ туземцевъ, имѣя опытныхъ развѣдчиковъ изъ самарканцевъ и пользуясь содѣйствіемъ бухарскихъ властей, мнѣ удалось собрать весьма полныя этнографическія, статистическія и экономическія свѣдѣнія въ пройденныхъ бекствахъ. Занимаясь теперь разработкою этихъ свѣдѣній, для составленія описанія современаго состоянія Бухарскаго ханства, я представляю пока вни-

<sup>1)</sup> См. „Замѣтку объ ирригациіи“ въ № 51 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1876 годъ.

манію общества описание наименѣе извѣстныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, восточныхъ странъ *Дарваза* и *Каратегина*, занимающихъ верховье рѣкъ *Панджа* и *Сурхъ-объ*<sup>1</sup>). Не станемъ описывать здѣсь весь пройденный путь южной и восточной частей ханства, такъ какъ онъ извѣстенъ изъ прекраснаго очерка Н. А. Маева<sup>2</sup>), а ограничимся сообщеніемъ свѣдѣній о пути, ведущемъ изъ Куляба, чрезъ Бальджуанъ, въ Дарвазъ и Каратегинъ. Сдѣлавъ въ одинъ день, безъ привала, переходъ въ 80 верстъ отъ уроцища Ташъ-рабатъ, черезъ горный кряжъ *Джилоны-тау* (эмбиная гора)—водораздѣлъ рр. Вахшъ и Кызылъ-су (*Кчи-сурхъ-объ*), съ роскошной пастбищой и рощами фисташковаго дерева, состоящими въ общественномъ пользованіи обширной промышленности добычей фисташекъ и красильного бузъ-гунчъ,—въ вечеру 12 мая мы добрались до селенія Гуль-багъ, на правомъ берегу Кызылъ-су. Этотъ переходъ былъ очень утомителенъ и для людей, и для лошадей, благодаря постояннымъ подъемамъ и спускамъ, отсутствію на всемъ пути воды, кроме глинистой рѣченки Топръ, пересѣкающей дорогу на сороковой верстѣ отъ Ташъ-рабата. Чувствовалась всѣми потребность въ отдыхѣ, и такъ какъ Гуль-багъ, разбросанный группами жилищъ по берегу рѣки, не представлялъ необходимыхъ удобствъ, то мы и оставили его на другое же утро, чтобы расположиться въ Кулябъ—резиденціи бека, бывшей столицѣ самостоятельного хана Сорыхана. Переездъ до Куляба въ 22 версты, обойдя небольшой междурѣчный кряжъ Сарь-тизъ съ соляными ломками, представлялъ не мало затрудненій, потому что этотъ единственный путь въ Кулябъ пересѣкаетъ протоки рр. Кызылъ-су и Яхъ-су, которые, соединившись въ 15 верстахъ ниже Гуль-бага, у подошвы соляной горы Хожъ-муминъ, впадаютъ подъ именемъ Кызылъ-су въ Аму-дарью, близъ селенія Саятъ, въ южной части Кулябскаго бекства. Обѣ рѣки эти несутъ въ этомъ

мѣстѣ, противъ Куляба, весьма много воды и представлялись бы очень значительными, еслибы природа не разбила ихъ на множество протокъ съ пологими берегами, поросшими кустарникомъ, камышемъ и обильной травой, укрывающими лѣтомъ массы кабановъ и тигровъ, а зимою—кочевья стойбища скотоводовъ корлыковъ и узбековъ, спускающихся сюда въ октябрѣ мѣсяцѣ съ горъ Куляба и Бальджуана. Переправившись на лѣвый берегъ Яхъ-су и пройдя нѣсколько небольшихъ поселковъ, живописно окутанныхъ зеленью плавучей ивы, вѣковыхъ чинаровъ, раскидистыхъ виноградниковъ и серебристой джигды, мы поднимались пологими низкими холмами величайшаго водораздѣльного хребта Имамъ-оскаръ. На этихъ холмахъ, въ 5-ти верстахъ отъ берега Яхъ-су, на горныхъ влюкахъ Кулябъ-дарья, дающихъ пѣную сѣть арыковъ, пріютился Кулябъ съ небольшою глиняною крѣпостью, съ роскошными фруктовыми садами и виноградниками, съ типичными постройками прі двухскатныхъ камышевыхъ крышахъ, съ небольшимъ довольно грязнымъ базаромъ. Городъ, въ 460 дворовъ, весь разбросанъ въ садахъ, прорѣзанъ широкими улицами и арыками для половицъ усадебныхъ пашенъ, которыхъ впрочемъ не особенно много, потому что главное занятіе кулябцевъ составляетъ шелководство, ткачество превосходной шелковой алачи для халатовъ, торгашество мѣновое и съ денежными знаками, въ которыхъ преобладаетъ издавна старинная мѣдная русская монета, неизвѣстно какъ и откуда забравшаяся только въ Кулябъ. Значительная часть кулябцевъ, какъ типичныхъ таджиковъ съ чисто персидскою рѣчью, такъ и узбековъ болѣна Кессемиръ, занимается также и скотоводствомъ, выселаясь на лѣто изъ лихорадочнаго городскаго и кашлячнаго побережья въ восточные, ближайшія горы вѣчно снѣжнаго хребта Камарау-имамъ-оскаръ, тянущагося отъ верховьевъ лѣваго берега Яхъ-су до Аму-дары. Обилие водныхъ ключей и роскошной травы на этихъ горахъ, съ постоянной прохладой, притягиваетъ сюда на лѣтовки и осѣдлыхъ, и кочевыхъ жителей долинъ Кызылъ-су и Яхъ-су, отличающихся крайне нездоровымъ климатомъ съ

<sup>1</sup>) Статья „Дарвазъ и Каратегинъ“ напечатана яже на стр. 497.

<sup>2</sup>) См. „Ежегодникъ Туркестанскаго края“ за 1879 годъ.

сильной жарой, съ болотными испарениями отъ тогаевъ и рисовыхъ полей; порождающими злокачественную ревматическую лихорадки и всякия болѣзни. Оттого лѣтомъ кулябскіе кишлаки изъ камышевыхъ коническихъ кибитокъ (кашпа), вместо построекъ, представляются совершенно безлюдными, и если встрѣчаются въ нихъ 5—10 человѣкъ мужчинъ, то это или рабочій людь, остающійся для поливки рисовыхъ полей, или же недавніе переселенцы, не отѣдавшіе еще табата ревматической лихорадки и съ жадностью набросившіеся на хлѣбопашественное приволье съ тучной, свободной для всѣхъ землей. Тотъ же характеръ безлюдья въ селеніяхъ носить и путь въ 64 версты отъ Куляба до Бальджуана, идущій сначала, верстъ 15, правымъ берегомъ Яхъ-су, по небольшой возвышенности Сарътизъ, пересѣкая на 35 верстѣ ручей Узунъ-ахуръ, вливающійся въ Яхъ-су на высотѣ Гуль-бага. Все это обширное нагорье въ 160 верстѣ поперечника, съ горнымъ плато Докгора, благодаря близости подпочвенной воды, запахивается раннею весною и въ началѣ мая пшеницей, ячменемъ, льномъ, хлопкомъ, кунжутомъ и огородиной, дающими, при одной вспашкѣ послѣ высева, обильный урожай въ самъ 25—50. Свободной земли на этомъ нагорье такъ много, однако, что она даетъ и прекрасныя пастьбы для овецъ, для рогатаго скота и для значительныхъ конскихъ табуновъ скотоводовъ — узбековъ обширнаго Бальджуанскаго бекства. Самый Бальджуанъ — резиденція бека — представляетъ горный поселокъ въ 300 дворовъ, съ небольшою цитаделью на правомъ берегу р. Кызыль-су, при впаденіи въ нее значительной горной рѣчки Талхокъ<sup>1)</sup>, берущей начало въ 30 верстахъ на сѣверѣ отъ Бальджуана, при селеніи Муй-рокъ, жители которого исключительно занимаются разработкою мѣстныхъ свинцовыхъ рудниковъ<sup>2)</sup>.

Бальджуанцы, таджики и узбеки довольно зажиточны, по-

<sup>1)</sup> На 40-верстной картѣ Туркестанскаго воен. округа, Бальджуанъ показанъ на лѣвомъ берегу, а р. Талхокъ вовсе не обозначена.

<sup>2)</sup> Добываемый здесь прекрасныхъ качествъ свинецъ переливается въ шинкѣ и везется въ Карши, гдѣ его продаютъ въ казну и частнымъ лицамъ по 4 р. 60 к. за пудъ.

тому что, имѣя свое значительное хлѣбопашество, занимаются также дешевою скучкою пшеницы, ячменя и льна, отправляемыхъ на продажу въ Карши, чрезъ Душанѣ, Миръ-шады, Дербентъ и Гузаръ (8. дней пути). Послѣ достаточнаго отдыха въ Кулѣбѣ, намъ незачѣмъ было оставаться долго въ нездоровомъ Бальджуанѣ, и мы, воспользовавшись два дня любезнымъ гостепріимствомъ бека, заслуженнаго генера (датха) Рахманкуль-бека, и собравъ необходимыя свѣдѣнія о бекствѣ, отправили усталыхъ выюковъ на отдыхъ въ Файзабадъ и рано утромъ выступили, совершенно на-легкѣ, безъ всякихъ ягтновъ (выючные азіатскіе кожаные сундуки), для путешествія въ Дарвазъ, который рисовали намъ до брайности трудно проходимымъ въ этотъ periodъ, когда скалистыя горы сбрасываютъ снѣжные обвалы (тарна), закрывая окончательно путь на нѣсколько недѣль. Дорога въ Дарвазъ изъ Бальджуана считается все же лучшую, чѣмъ изъ Куляба, и намъ пришлось ее предпочтеть, хотя послѣдній путь и короче.

Перейдя въ одной верстѣ отъ крѣпости три протока Кызыль-су (кичикъ Сурхъ-объ), сопровождающейся на лѣвомъ берегу снѣжнымъ хребтомъ Дарвазіонъ, мы поднялись далѣе по ея притоку Хавалынгъ<sup>1)</sup>, надъ которымъ громоздится съ юга нагорье Санджидыбакъ и Койку, отдѣляющее эту послѣднюю рѣку отъ Яхъ-су, съ сѣвера гряды Пишиты-дарвазіонъ. Довольно сносная для конниковъ дорога тянется частью по горамъ глинисто-песчаной почвы, достаточно обработанной, съ группами дико растущихъ чинаровъ, яблонь, дулона и кара-гача, а частью идетъ тропинкой по высокимъ берегамъ Хавалынга, занятымъ поселками въ 20—40 дворовъ, окутанными искусственными садами съ виноградникомъ, грушей, яблоней, миндалевыми и орѣховыми деревьями. До селенія Хавалынга въ 500 дворовъ, съ базаромъ и роскошной чинаровой рощей, гдѣ у. нась первый ночлегъ, сельскія постройки носятъ тотъ же типъ легкихъ сакель съ двухскатными крышами, какъ и

<sup>1)</sup> Заявленіе г. Маева на стр. 215 ст. „Очерки Гисарскаго края“ (Ежегодникъ 1869 г.), что р. Хавалынгъ не существуетъ — вполнѣ невѣрно.

въ Кулабъ, а зажиточность населения не уступает Бальджуану, къ которому относится этот горный районъ верховьевъ рр. Хавалынга и Яхъ-су. Оставивъ рано утромъ Хавалынгъ съ его одноименной, семидесятиверстной рѣчкой, истокъ которой вѣнчается блескѣнной горой Хазреты-султанъ, и взявъ направление на юго-востокъ, мы поднимались 12 верстъ не высокимъ плоскогорьемъ Санджиды и вышли на правый берегъ Яхъ-су. Отсюда до поселка Соры-пуль, гдѣ назначень почлегъ, 8 верстъ дорога вѣтается по крутымъ высокому берегу, чащей густого кустарника барбариса, шиповниковъ, боярышника и джигды, перемѣшанныхъ съ серебристымъ тополемъ и дудоной, поднимающимися отдельными рощицами до самыхъ высшихъ точекъ нагорья, по которому лѣпятся небольшие кишлаки и пашни ихъ.

Весь восьмиверстный путь до Соры-пуля прорѣзывается частыми протоками Яхъ-су, которая сопровождается на югъ чрезвычайно красивымъ свѣжнымъ гребнемъ Чиль-дохтеронъ, съ цѣлой группой величественныхъ образованій самыхъ прічудливыхъ формъ. Назовемъ протоки верховьевъ Яхъ-су отъ Соры-пуля: Якунчъ, Кодара, Питауды, Пульдара, Хоргушъ, Фахтамаль, Шугнобъ, Полизакъ (левый берегъ); далѣе: Руми, хочанбъ, Чондыронъ, Сырго, Дивлохъ, Которокъ, Софитъ-ойланъ, Сиобъ, Дивдора, Тольварь (правый берегъ). Въ селеніи Соры-пуль, въ 50 дворовъ, съ небольшою крѣпостью на берегу впадающей здѣсь въ Яхъ-су рѣки Якунчъ, надъ которой громоздится пивъ Повросъ, жизнь горца носить уже характеръ вполнѣ суровой, трудной борьбы съ дикой природой, съ малоземельемъ, по отсутствію удобныхъ мѣстъ для пахоты, и съ ужасающей нищетой. Поднимаясь вверхъ отъ Соры-пуля по левому берегу Яхъ-су, имѣющей во многихъ мѣстностяхъ легкіе деревянные мости, встрѣчаешь поселки хотя и частые, но видъ ихъ крайне жалкій, а быть горцевъ, удѣляющихъ въ своеемъ жильѣ—плоскокрытой саклѣ—мѣсто для скота, вполнѣ дикий, чуждый намека на самыя скромныя удобства обыденной жизни, придавленной здѣсь нуждой, голодающей, борьбой

съ суровой, многоснѣжной зимой. Немногие лишь кишлаки имѣютъ кое-какое землемѣщество, обеспечены топливомъ, получаляемымъ изъ густыхъ рощъ (орѣха, яблони, горькаго мѣндула, дулона, арчи и зоронгъ клена), занимающихъ побережье и нагорье; верхніе же поселки отъ Калаихома (30 верстъ отъ Соры-пуля), гдѣ уже начинаются голыя скалы и морены истоковъ Яхъ-су, существуютъ только золото-добычею. Этимъ дѣломъ занимаются до 30 кишлаковъ верховьевъ Яхъ-су и самого высшаго протока Шугнобъ, которые и теперь носятъ по берегамъ слѣды большихъ когда-то работъ золотопромыванія. Эти работы горцы ведутъ самымъ примитивнымъ способомъ, промывая лѣтомъ побережный песокъ надъ шерстяной подстилкою, прополоскиваемой потомъ, и зарываясь зимою въ шахты на глубину 20 аршинъ—не болѣе, причемъ никакихъ приспособленій для предупрежденія обваловъ не полагается, и, разумѣется, рабочіе гибнутъ частенько. Золотопромываніе, наружное и шахтовое, ведется обыкновенно артелью въ 6 человѣкъ, которая вырабатываетъ въ день не болѣе рубля, получая пластинки металла величиною не крупнѣе льняного зерна. Видя ужасную бѣдноту и полудикий образъ жизни этихъ тружениковъ, называющихъ себя давнинными выселенцами изъ Самарканда и Карши, не усунвшись, что они вырабатываютъ очень мало, иначе тольварецъ<sup>1)</sup> Ѣль бы мясо не одинъ только разъ въ годъ, какъ теперь, и завелъ бы себѣ хотя вторую сѣмьюни нижняго бѣлья. Отъ кишлака Шугнобъ мы поднимались полверсты на востокъ, по берегу истока Яхъ-су, которая, повернувъ подъ прямымъ угломъ на югъ, принимаетъ здѣсь въ левый берегъ значительную вѣтвь Тальборъ-оби, вытекающую, какъ и Шугнобъ, изъ хребта, составляющаго водораздѣль рр. Яхъ-су и Хингобъ и отдѣляющаго дарвазскую провинцію Хуласъ отъ Больджуанскаго бекства. Чѣмъ больше приближаешься къ замыкающему нашъ путь на югъ перевалу Полизакъ въ 12800 ф., тѣмъ труднѣе становится подъемъ на

<sup>1)</sup> Тольварь—самый верхній кишлакъ на р. Яхъ-су.  
догуи въ туркестанѣ.

первой  $\frac{1}{3}$  дороги по мягкому, щебнистому грунту, а далѣе по залежамъ снѣга, который окончательно сходитъ, говорять, въ концѣ июня; теперь же (20 мая) скрываетъ своей толщой норы бурыхъ сурковъ (сугуръ), доставляющихъ мѣстному населенію охоту на нихъ съ собаками и капканами. Южный склонъ перевала Полизакъ богаче сѣверного древесною растительностью березы (беруджъ), влена, арчи, орѣха, тополя, дикой яблони и кустарниковъ, обильнѣе залежью снѣга, питающаго рѣчку Полизакъ, вливашуюся при селеніи Табль-дора въ р. Хингобъ. Спускъ по рѣкѣ Полизакъ въ Хулясь, хотя довольно крутой, достаточно удобенъ мягкостью тропинки и отсутствиемъ частыхъ переходовъ въ бродъ, которые такъ затруднительны и опасны въ горахъ вслѣдствіе быстроты теченія рѣчекъ и массы камня отъ обрывовъ скаль, загромождающаго русло. Для горца, впрочемъ, всякая дорога хороша. И верхомъ на своихъ маленькихъ, цѣпкихъ, неподкованныхъ коняхъ, и пѣшкомъ въ чорибахъ безъ каблуковъ, на тонкой подошвѣ, съ палкой за спину, горецъ съ одинаковою ловкостью и неустрашимостью пробирается по козьимъ тропинкамъ, надъ пропастью, по льдамъ и снѣгамъ величайшихъ горныхъ хребтовъ. Но жители долины, какъ и ихъ лошади, попавъ въ горы верховьевъ хотя бы Зеравшана, долго испытываютъ борьбу съ головокружениемъ и сильнымъ сѣщеніемъ полной опасности на каждомъ шагу такого путешествія—прохожденія по карнизамъ и щебнистымъ осыпямъ (ризы) надъ рѣкою, съ берегомъ въ 10—30 сажень высоты. Табль-дора — селеніе въ 40 домовъ, съ небольшою глиняною крѣпостью, резиденціей правителя провинціи Хулясь, расположено на берегу Хингоба, ширина которого здѣсь около 30 сажень, у подошвы грандіознаго столовиднаго пика въ 16500 футовъ. Я предложилъ бы назвать эту вершину „пикъ Абрамовъ“, въ честь известнаго завоевателя въ Средней Азіи и администратора, военнаго губернатора Ферганы, генерала А. К. Абрамова. Какъ и у всѣхъ кишлаковъ Дарваза, типъ построекъ Табль-дора не отличается ничѣмъ отъ другихъ горныхъ поселковъ. Единственная

особенность селеній Хуляса — сравнительная зажиточность туземцевъ, позволяющая имъ, при доставкѣ строевого лѣса, держать зимою скотъ въ отдельныхъ скотникахъ (огуль-хома), а лѣтомъ — во дворахъ, огороженныхъ плетнями, для которыхъ служить здѣсь таль и обильно растущая по берегу Хингоба пла��учая ива. Изъ долины Хингоба въ долину Пянджа и южный Дарвазъ путь въ 50 верстъ идетъ чрезъ водораздѣльный хребетъ Рубать, съ сѣжными переваломъ Регокъ, выпускающимъ на сѣверо-востокъ р. Хорсонгъ, а на юго-востокъ р. Сагрыдашъ, проходящую небольшое горное плато того же имени, съ шестью селеніями у подножья перевала Рубать, на высотѣ 10000 футовъ. Отъ Табль-дора до Сагрыдашта подъемъ въ 12 верстъ и спускъ около 10 верстъ довольно затрудняются крутизами оголенныхъ горъ съ сѣжными вершинами и съ частыми переправами въ бродъ быстрыхъ рѣчекъ, берега которыхъ носятъ слѣды значительныхъ когда-то давнихъ работъ золотопромыванія. Еще труднѣе тридцативерстный путь изъ Сагрыдашта въ Калон-хумъ, первые пять верстъ чрезъ перевалъ Рубать и затѣмъ 25 верстъ узкимъ скалистымъ ущельемъ по берегу бьющей оглушительными каскадами рѣки Хумгау, вливавшейся въ правый берегъ Пянджа въ самомъ Калон-хумѣ, которому предшествуютъ 10—12 другихъ поселковъ южнаго Дарваза, живописно расположенныхъ въ этомъ дикомъ ущельѣ и охваченныхъ зеленью искусственныхъ садовъ, чрезъ которую картина проглядываютъ смазанныя бѣлой глиной сакли горцевъ. Утомившись до-нельзя эквилибристикой коннаго и пѣшаго хожденія въ этомъ узкомъ ущельѣ съ коридорами сѣжныхъ глыбъ, съ оглушительной рѣкой Хумгау, которую часто переходишь въ бродъ и по качающимся мостикамъ, мы вѣхали, наконецъ, въ Калон-хумъ, подъ звуки музыки парандириующаго бухарского баталiona сарбазовъ. Гостепріимный, распорядительный бекъ Мурадъ-бій и говорливый командиръ баталиона, генералъ Абдыкадыръ-датха, проѣхавъ съ нами единственную улицу этой горной столицы Дарваза, любезно предложили намъ расположиться въ роскошномъ, обширномъ беков-

скомъ саду съ обильною тѣнью абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ, съ верандой виноградной лозы, укрывающей здѣсь массы соловьевъ, гѣніе которыхъ — единственная услада для заброшенныхъ сюда служилыхъ бухарцевъ. Калон-хумъ, съ небольшою дитаделью, расположено на самомъ берегур. Пянджъ, ширина которой здѣсь не болѣе двадцати сажень, а теченіе довольно ровное. Самая мѣстность Калон-хумъ, съ пятью ближайшими селеніями на западѣ, представляетъ котловину, замкнутую со всѣхъ сторонъ нависшими массивными обнаженными горами, усиливающими лѣтній удушливый зной и умѣряющими зимній холодъ, задерживая токъ вѣтра. Благодаря заботливости бека, записавъ нужные свѣдѣнія по разспросу людей; собранныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей долины Пянджа, мы, послѣ трехдневнаго отдыха, двинулись обратно тѣмъ же путемъ по Хумтау, чрезъ Сагрыдашъ и Табль-дора, въ Карагатгинъ. Изъ Сагрыдашта мы взяли путь не чрезъ знакомый перевалъ Регокъ, а болѣе легкій, по берегу Хингоба, принимающаго здѣсь слѣва р. Сафидъ-сангъ. Послѣ ночлега въ Табль-дора, перейдя по солидному деревянному мосту на правый берегъ Хингоба, мышли въ виду этой значительной рѣки до селенія Чиль-дора при впаденіи въ Хингобъ рѣки Шокая, вытекающей изъ хребта Карагатгинъ-тау. Изъ Чиль-дора, почти крайней осѣдлости Хуляса, сорока-верстный путь въ Гармъ, столицу Карагатгина, ведетъ по берегу Шокая, чрезъ густыя древесныя и бустарниковые рощи, на перевалъ Шахъ-кондоги въ 12000 футовъ. Весь путь довольно трудный, съ крутыми уступами и скалистыми обнаженіями, на которыхъ устроены въ опасныхъ мѣстахъ карнизы (посхолтой) и помосты изъ арчи и хвороста. Зато сѣверный склонъ перевала, хотя и загражденъ снѣгомъ, но достаточно пологий, съ мягкимъ черноземомъ, всюду распаханнымъ земледѣльцами ближайшихъ къ нему осѣдлостей долины Сурхъ-оба, въ которую мы спустились 30 мая. Путь изъ Гарма чрезъ нижній Карагатгинъ и Хисаръ мы не станемъ описывать здѣсь, такъ какъ онъ достаточно известенъ изъ отчетовъ путешествія предшественниковъ нашихъ.

## ДАРВАЗЪ И КАРАТЕГИНЪ.

(Этнографический очеркъ).

Вѣчные ледники хребта Алай и высі Памира въ южной части горнаго массива Тянь-шань выдѣляются на юго-западѣ значительныя рѣки Кызылъ-су или Сурхъ-объ (красная вода) и южнѣе ея Пянджъ (Пять), отъ слиянія которыхъ при поселкѣ Сарай-катагонъ, въ бѣкствѣ Курганъ-тюпе, получается величайшая рѣка Средней Азіи Аму-Дарья<sup>1)</sup>, древній Оксъ (по гречески), или Джеихунъ (по арабски). Которая изъ двухъ названныхъ рѣкъ, Сурхъ-объ или Пянджъ, должна считаться началомъ Аму — для многихъ остается пока вопросомъ всѣдствіе малоизвѣстности верхняго теченія ихъ, а туземное горное населеніе рѣкъ признаетъ верховьемъ Аму-Дарьи Пянджъ, какъ дающую большую массу воды, какъ сопровождающуюся болѣе значительными хребтами горъ, какъ имѣющую путь теченія въ полтора раза длиннѣе теченія Сурхъ-оба. Водораздѣлы этихъ двухъ рѣкъ, горный хребеть Петра-Великій, со

<sup>1)</sup> Г. Вамбери, въ своей книгѣ „Исторія Бухары“ (стр. 19), распространяясь доказательствами о раннемъ существованіи на берегахъ Окса туранскихъ элементовъ, говоритъ, между прочимъ, что Аму, какъ называлася будто бы Оксъ въ древности, — слово турецкое и означаетъ рѣку. Думаемъ, что объясненіе это произвольное. Во-первыхъ, турецкое слово Аму въ переводѣ значить дада съ отцовской стороны (см. словарь г. Будагова), и откуда г. Вамбери заимствовалъ, что слово Аму означаетъ по-турецки рѣку — неизвѣстно. Почему же не считать Аму словомъ аракскимъ, означающимъ „заблудившійся въ пуги“ (см. словарь арабско-персидскихъ нарѣчий Мунтахабиль-ягаты-шаги Джиган сост. Абдирашитомъ). Въ горахъ намъ приходилось слышать, что Аму есть искаленное въ долинѣ слово ау (объ — тоже), которое по-дарвазской означаетъ „вода“.

множествомъ развѣтвлений, имѣющихъ мѣстныя названія, на меридианѣ Коканда составляетъ съ долиной Хингобъ поперечникъ въ 120 верстъ.

Такъ какъ по принятой у туземцевъ номенклатурѣ горные хребты и развѣтвленія ихъ носятъ названія рѣкъ, вытекающихъ изъ нихъ, то перечисленіе притоковъ системы Сурхъ-оба и Пянджа въ связи съ послѣдними географическими свѣдѣніями изъ путешествій на Алай, въ Карагинъ и Дарвазъ естествоиспытателей гг. Ошанина, Смирнова и д-ра Регеля, имѣвшихъ при себѣ топографовъ, уяснить, надѣемся, и общий характеръ горнаго нагроможденія верхняго бассейна Аму-Дарьи.

1) Рѣка Кызылъ-су, принимая въ среднемъ Карагинъ название Сурхъ-оба и далѣе, отъ селенія Дюрткуль до слиянія съ Пянджеемъ, называемая Вагишъ (Вашъ), вытекаетъ изъ Алтайскихъ горъ и принимаетъ въ правый берегъ слѣдующіе притоки: Занку, Ковутъ-асманъ, Хынчъ, Соръ-бугъ, Тагаба, Пумбачи, Муджигароръ, Хакими, Лугуръ, Обигармъ. Въ лѣвый берегъ Кызылъ-су-Сурхъ-объ вливаются: Мукъ, Нушаръ, Фатхаботъ, Куглиевъ, Хиджбаракъ, Рунау, Хингобъ, Зимонакъ, Роганъ, Хожа-валиша. Изъ перечисленныхъ притоковъ болѣе значительные по массѣ воды, по количеству вѣтвей считаются: Мукъ, Занку, Соръ-бугъ, Ковутъ и Хингобъ, вливающійся въ Сурхъ-объ при селеніи Пандаучи, пройдя Вахію и Хулясь<sup>1)</sup>.

2) Рѣка Пянджа, на территории Дарваза, стѣсненная мѣстами до ширины десати сажень, вѣчно снѣжными хребтами горъ, принимаетъ, начиная сверху, слѣдующіе притоки: справа— Язгилонъ, Ванчъ (100 верстъ длины), Шишхарвъ, Кыргаватъ, Вулхорукъ, Джарфъ, Джарфъ-пая, Химбау, Паткунау, Ягыть,

<sup>1)</sup> Въ № 38 „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ за 1878 г. г. Ошанинъ, упоминая о рѣкѣ Хулясь, вливающейся въ лѣвый берегъ Сурхъ-оба, пишетъ, что верхнее теченіе ея, отъ селенія Тоби-дора (правильнѣе Табль-дора) въ Дарвазѣ называется Вокія. Это не совсѣмъ такъ: упоминаемая г. Ошанинъ рѣка носятъ название въ Дарвазѣ Хингобъ, а въ Карагинѣ называется Хулясь потому только, что проходитъ провинцію Вокію и Хулясь съ 70-ю осѣдлостями.

Джокау, Загарау; слѣва: Джаштакъ, Маймой, Джаваху, Ходоръ, Гумай, Савлычъ, Фулонъ, Куфау (150 верстъ длины).

Все нагорье верхняго Пянджа съ притоками и вѣтвями ихъ занято селеніями крайняго восточнаго Бухарскаго бекства Дарвазъ, къ которому примыкаетъ на сѣверѣ, по системѣ Кызылъ-су—Сурхъ-объ, бекство Карагинъ.

Упираясь южной границей въ горы Бадахшана, сѣверной—въ Карагинъ, восточной—въ Раушанъ-Шугнонъ и западной—въ бекства Кулябъ и Бальджуанъ, территорія Дарваза имѣеть общее протяженіе въ длину около 400 верстъ, въ ширину съ продольными хребтами отъ 120 до 60 верстъ.

Въ Дарвазѣ, наиболѣе широкія долины Пянджа и Хингоба, имѣя направленіе съ востока на юго-и сѣверо-западъ, прорѣзываютъ горы кремнистаго, глинистаго сланца, съ выходами мѣстами тальковаго сланца, то вертикальныхъ пластовъ, то опрокинутыхъ. Изъ кристаллическихъ породъ обнаружается во многихъ мѣстахъ (по Хингобу, Хумбау, Сагрыдашту, Куфау) большими пространствами гранітъ, а также встрѣчаются известняки каменноугольной почвы. Наибольшее развитіе кристаллическихъ породъ замѣчается въ южной части Дарваза, причемъ наклоны сѣверныхъ пластовъ по системѣ Пянджа и Сурхъ-оба положе южныхъ, чѣмъ и объясняется, что лѣвые притоки этихъ рѣкъ и длиниѣ и многоводнѣе правыхъ. Такъ, въ Дарвазѣ наиболѣшій лѣвый притокъ Пянджа рѣка Куфау, въ 140 верстахъ ниже Калонъ-хумъ, имѣеть 150 верстъ длины. Прорѣзывающій территорію Дарваза съ востока на сѣверо-западъ лѣвый притокъ Сурхъ-оба, рѣка Хингобъ, имѣеть длины около 250 верстъ и 15 болѣе или менѣе значительныхъ вѣтвей, а именно: Арзунгъ, Лянгаръ, Равнау, Луги-хары, Сабзы-хорфъ, Хома-пудать, Язганъ, Рибатъ-наль, Шуръ, Шокай—праваго берега; Гундара-согрыдашъ, Полизакъ, Хорсонгъ—лѣваго берега.

Почти всѣ верхніе притоки Пянджа и Сурхъ-оба питаются боковыми ледниками, залегающими въ ущельяхъ на высотѣ

12—15 тысячъ футовъ и сопровождающимися маренами изъ валуновъ различныхъ породъ.

Нѣкоторые притоки (Хингобъ, Сагридашть, Язилонъ, Куфау) несутъ мелкія зерна и тонкія пластинки золота, промытаго горцами изъ берегового конгломерата, отдѣляющаго этотъ минералъ. Кроме золота, какъ предмета разработки, встрѣчается въ Дарвазѣ сѣра (по Хингобу) и богатая желѣзная руда на рѣкѣ Ванизъ верховьевъ Пянджа.

Древесная и кустарная растительность какъ Дарваза, такъ и Каратегина весьма бѣдна для общей площади горъ. Деревья (арча, береза, кленъ, дикая яблонь, груши, орехъ, серебристый тополь, ива, ясень) нигдѣ не встрѣчаются сплошными рощами, а располагаются по склонамъ горъ и въ неприступныхъ трещинахъ отдѣльными экземплярами, довольно далеко другъ отъ друга. Изъ культурныхъ породъ деревьевъ имѣются въ садахъ: весьма сахаристая шелковица, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблони, изрѣдка виноградъ.

Наибольшее количество кустарной растительности (барбарисъ, боярышникъ, миндаль колючій, можжевельникъ, иргай, разные шиповники, облепиха, гребенщикъ) залегаетъ по обоимъ берегамъ Хингоба и его притоковъ, но вообще недостатокъ древесной и кустарной растительности ощущителенъ для дарвазцевъ-каратегинцевъ въ потребностяхъ и строительныхъ, и даже топлива, для котораго за всѣхъ почти осѣдлостяхъ служить кизякъ.

Зато зона травъ горъ Каратегина и въ особенности системы Хингоба въ Дарвазѣ и обильная и разнообразная съ преобладаніемъ кипца мареновыхъ и полынныхъ, что притягиваетъ изъ Гисара, Бальджуона, Кулаба, Бойсана въ эти бекствы, на лѣтнія пастбибы (съ половины мая до половины сентября) массы барановъ, рогатого скота (по Хингобу) и лошадей (въ долинѣ Дастаны-бидона ниже впаденія Хингоба въ Сурхъ-объ) частью съ хозяевами-кочевниками, частью же съ однimi пастухами. Крупные курдючные бараны, рослые, горбоносые, широкобѣстые лошади гисарцевъ, разгуливая здѣсь

гуртами и табунами по берегамъ рѣкъ и на склонахъ горъ, скоро нагуливаютъ жиръ и привлекаютъ сюда скушниковъ изъ Бухары, Самарканда, Уратюбе, получающихъ въ обмѣнъ на привозимые товары (ситцы, мата, алача, тикъ, коленкоръ, гребни, зеркальцы, простые браслеты и ожерелья) хорошаго барана за 4—6 руб., лошадь за 20—40 рублей, рогатый скотъ по 8—20 рублей за штуку. Гуртовая скупка существуетъ только на барановъ, козловъ, отчасти рогатый скотъ; лошадей же покупаютъ не болѣе десятка въ одинъ руки. Скупщики гонять свои гурты и табуны братчайшими, давно проложенными путями, чрезъ горы, уплачивая въ установленныхъ пунктахъ (мостъ Нуракъ чрезъ р. Сурхъ-объ на трактѣ изъ Бальджуона въ Каратегинъ, Гисарь, долину Сыръ-дары, степной пунктъ въ Гисарь-Пиршадъ на трактѣ въ Бухару) попутныхъ бекствъ правительственный сборъ (баджъ) въ размѣрѣ 20 коп. съ лошади, 10 коп. съ рогатаго скота и ословъ, 5 коп. съ мелкаго скота.

Хотя бухарскіе чиновники и увѣряютъ, что сборы баджа идутъ исключительно на починку мостовъ по пути прогона скота, но въ дѣйствительности вся сумма, около 60,000 руб. баджа съ двухъ пунктовъ, поступаетъ къ бекамъ или косвенно въ эмировскую казну, а дѣйствія сборщиковъ-баджгировъ внимательно контролируются не только беками, но и особыми чиновниками по порученію самого эмира.

Отсутствие въ Дарвазѣ лѣсовъ, незначительность вообще древесной растительности, свойство климата съ продолжительной многоснежной зимой (съ 15 сентября по 1 мая), съ дневной температурой лѣта въ 16°, съ зимнимъ холодомъ до 35° при частыхъ бурахъ,—все вмѣстѣ отразилось на царствѣ животныхъ, на образѣ жизни и характерѣ горца, какъ отмѣтили ниже. Изъ дикихъ животныхъ встрѣчаются въ горахъ Дарваза и Каратегина барсъ, бурый медведь, волкъ, лисица, куница, дикий баранъ, горные козлы, сурки, кабаны и зайцы.

Въ семействѣ рыбъ преобладаетъ маринка.

Междудомашними животными первое мѣсто занимаетъ до-

вольно мелкой рогатой скотъ, разводимый, благодаря обилию кормовъ, въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ, для продажи, для хозяйственныхъ нуждъ, для получения кизяка-топлива; затѣмъ идетъ очень мелкая порода некурдючныхъ (гидыкъ) овецъ, козъ, отличающихся превосходнымъ пухомъ. Лошади и ослы имѣются въ самомъ незначительномъ количествѣ только у служилыхъ или очень зажиточныхъ горцевъ, и то не болѣе одной у домохозяина. Изъ птицъ встречаются всюду въ горахъ каклыки, изрѣда—улары, альпийскія галки, горлица, голубь и проч., вѣсъ почти съ опереніемъ по закону мимитизма, рѣзко отличающимъ ихъ отъ пернатыхъ низовьевъ долины, какъ это замѣтно даже и по домашней обыкновенной курицѣ.

Изъ домашнихъ птицъ встречается еще павлинъ, завезенный въ Дарвазъ изъ Индіи, какъ и собаки породы сетера, значительно, впрочемъ, выродившіяся, измельчавшія, но не утратившія способности къ охотѣ, которая широко практикуется горцами.

Намъ приходится говорить здѣсь одновременно о Дарвазѣ на верховьяхъ рѣкъ Цянджа, Хингоба и о Карагинѣ, занимающемъ узкую долину Кызылъ-су-Сурхъ-объ въ 350 верстъ длины, вслѣдствіе тѣсной ихъ связи географической, политической, этнографической, вслѣдствіе близкаго сходства природы этихъ странъ, тождества строя жизни, мировоззрѣнія и этическихъ свойствъ народа, населяющаго ихъ.

Прежде чѣмъ говорить о жизни горцевъ, обычаяхъ, характерѣ, занятіяхъ и отношеніяхъ къ соседямъ, отмѣтимъ, насколько возможно полное, политическую судьбу этихъ странъ въ прошломъ и настоящемъ, познакомимъ съ административнымъ положеніемъ ихъ теперь, съ размѣрами производительности и видами дѣйствующихъ податей.

При отсутствіи какихъ бы то ни было историческихъ материаловъ о Дарвазѣ-Карагинѣ, политическая прошлая жизнь ихъ можетъ быть очерчена только по однимъ преданіямъ, весьма достовѣрнымъ вслѣдствіе общей склонности замкнутаго

народа передавать поколѣніямъ разсказы о подвигахъ предковъ, о судьбѣ ихъ родной и сосѣднихъ странъ.

Географическое положеніе Дарваза-Карагина, съ вѣчно снежными горами, опасными дорогами, замкнутость, удаленность отъ ареи стенныхъ подвиговъ арабскихъ, монгольскихъ, турецкихъ, узбекскихъ завоевателей, вполнѣ опредѣляютъ его историческую судьбу, его ничтожество въ политическомъ отношеніи. По всемъ свѣтѣніямъ, можно утверждать, что Дарвазъ съ Карагиномъ не участвовали въ общей исторіи Средней Азіи, имѣли на ея развитіе только косвенное вліяніе, укрывшись въ своихъ тѣснинахъ отъ разныхъ нашествій иноземцевъ, абorigеновъ долинъ Оксуса и Яксарта, древне-персидскія племена культа Зороастра и остатки полчищъ Александра Македонского, удѣрживающихъ о себѣ преданіе, обособленность господствовавшей вѣкогда иноземщины, оставившей имъ название Ша-Авлады-Искандеръ (правители потомковъ Александра).

Однако и при своей изолированности, вслѣдствіе крайней бѣдности земледѣльческаго производства, общей скучности средствъ къ жизни, какъ Дарвазъ, такъ отчасти и Карагинъ всегда были связаны экономическими связями съ сопѣдними бухарскими, кокандскими бекствами, и это обстоятельство неотразимой жизненной зависимости издавна втягивало ихъ въ тѣ политическія колебанія, которые были такъ часты въ Средней Азіи, которые отражались, хотя и въ очень слабой степени и на ихъ судьбѣ.

Изъ отдаленного прошлаго извѣстно, что нѣсколько лѣть Дарвазъ состоялъ подъ управлѣніемъ намѣстника предпримчиваго завоевателя и искуснаго администратора бухарскаго хана Абдулла-хана (1538—1597 г.), срднаго сына его Кыргиз-хана, который и назвалъ свою резиденцію-столицу (пайтакта) Калой-Хумъ (горшокъ) потому, вѣроятно, что засталъ въ ней сохранившійся здѣсь и теперь огромный, выѣланній изъ гранита горшокъ, работы, какъ увѣряютъ, сподвижниковъ Александра Македонскаго, нашедшихъ убѣжище въ зинданіи (темницѣ) Хазреты-Сулеймана, какъ называютъ Дарвазъ

сами горцы за его недоступность и дикую природу. Дарвазъ, обманувший ожидания Абдула-хана найти въ немъ минеральные богатства, проложить кратчайший путь въ Индию, какъ стремился этотъ завоеватель, успѣвъ построить кирпичные караванъ-сарай и на пути въ Бадахшанъ, скоро освободился отъ владычества бухарцевъ и до позднейшаго времени оставался подъ управлениемъ своихъ родовыхъ ша (шахъ—государь). Для дарвазцевъ это была самая блестящая, но и самая тревожная политическая эпоха. Эти родовые ша захватывали въ свои руки власть то открытымъ узурпаторствомъ и истреблениемъ, разумѣется, противниковъ, то интригами партій, междоусобицами и въ послѣднемъ случаѣ олигархія пировала на счетъ слабыхъ, пока партія нового претендента не усилилась, не взбралась на командующую цитадель (аркъ) Колаи-хума гору Ношъ-ваминъ, чтобы прокричать правителю ультиматумъ: „выходи ша, мы тебя не желаемъ“.

Никогда въ периодъ управления дарвазомъ родовыхъ ша горцы не были спокойны, то вслѣдствіе междоусобицъ родственниковъ правителя, получавшихъ обыкновенно подъ свое управление отдельныя области страны (Хуласъ, Вахія, Ванчъ) и силившихся, въ свою очередь, захватить болѣе привлекательный Колаи-хумъ, то по случаю постоянныхъ стремленій, болѣе энергичныхъ, ша подчинить своей власти и сосѣднія владѣнія Шугнона съ Роушономъ, Карагеина, Бальджуона, гдѣ также господствовала всегда самая беспорядочная олигархія, облегчавшая выносливымъ дарвазцамъ выполнение грабительскихъ плановъ ихъ неугомонныхъ правителей.

Обходя историческія подробности о Дарвазѣ послѣ Кыргизъ-хана, назовемъ только родовыхъ ша послѣдняго столѣтія. Самымъ мудрымъ правителемъ народная память считаетъ Музрабъ-ша (1812—1822 г.); затѣмъ управляютъ: Ша-Туркъ (1822—1830 г.), Ибрагимъ-ша (1830—1837 г.), Султанъ-ша (1837—1845 г.), Измаилъ-ша-Ибрагимъ-шаховъ (1845—1863 г.), Ша-Дарвазъ-Измаилъ-шаховъ (1863—1870 г.) и наконецъ Сыраджидинъ-султанъ-шаховъ (1870—1876 г.).

При Измаилѣ-ше дарвазцамъ посчастливилось не только обратить въ намѣстничество Карагеина съ Шугнономъ, но и сдѣлать своими данниками, хотя не надолго, Кулябу съ Гисаромъ. Однако, упоенный вѣсколькими удачными стычками съ кулябцами, Измаилъ-ша, стремившійся распространить свое владычество и далѣе на западъ, кончилъ тѣмъ, что былъ взятъ въ пленъ родовымъ правителемъ Куляба Сарыханомъ, и Дарвазъ лишился не только Карагеина, но и своихъ наилучшихъ областей по Хингобу (Вахія, Хуласъ). Послѣ такого сильнаго, чувствительнаго отпора со стороны неровнаго борца Сарыхана, успѣвшаго побѣдой надъ Дарвазомъ сплотить подъ свою власть и Гисаръ съ Бальджуаномъ и Карагеиномъ, преемники Измаилъ-ша, стараясь удержать за собою хотя центральный Дарвазъ, начинаютъ искать покровительства у эмира бухарскаго. Эта политика Сыраджидинъ-ша привела къ тому, что онъ обратился сначала въ вассала, явившагося бѣ эмиру въ Шахрисабзъ съ приношеніями (тартукаами), а впослѣдствіи утратилъ всякую самостоятельность, лишенъ Музабаръ-ханомъ званія ша, водворенъ на жительство въ бухарской цитадели, а самый Дарвазъ, бакъ и Гисаръ съ Кулябомъ (въ 1868 г.) и Карагеинъ (въ 1869 г.), обращены въ Бухарское бекство, заняты зимою 1877 года, послѣ незначительного сопротивленія горцевъ, отрядомъ эмировскихъ войскъ генерала Худой-Назара-Парманачи.

Теперь Дарвазъ управляетъ эмировскимъ бекомъ, энергичнымъ Муратъ-біемъ, который живеть постоянно въ Колаи-хумъ, имѣя въ своемъ распоряженіи гарнизонъ изъ баталіона бухарскихъ пѣхотинцевъ (сарбазовъ), съ неудовольствиемъ отбывающихъ очередную трудную службу въ этой отдаленной горной „темницѣ“, лишенной въ теченіе полугода, по случаю снѣжныхъ заносовъ и высокихъ обваловъ, какого бы то ни было сообщенія даже съ ближайшимъ Карагеиномъ<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Назовемъ здѣсь горные перевалы, начиная сверху, связывающіе Дарвазъ съ Карагеиномъ и послѣдній съ Ферганой и долиной Зеравшана: 1) Агба (перевалъ), Кардони-кафтаръ изъ селенія Д. Жигаиды (Карагеинъ) въ Лянторъ (верх-

Устная история о Карагинѣ гласитъ, что первые основатели обитаемости здѣсь были кокандскіе киргизы Кара и Тегинъ, по именамъ которыхъ и называлась страна. Всѣ преданія о прошломъ этой горной области впослѣдствіи передаются, что до 1868 года владѣнія Карагина были независимы и управлялись олигархіей потомственныхъ ша. Но какъ претендентовъ на такое властованіе было всегда весьма много и въ самомъ Карагинѣ, и въ Дарвазѣ, то каждый разъ, со смертью ша, вбзникали раздоры соискусателей и междуусобія со всѣми оттѣнками. Это ослабило политическое существованіе Карагина настолько, что самъ народъ почувствовалъ необходимость въ болѣе прочномъ правительстве. Въ свою очередь, и сильные сосѣди Бухары и Кокана не прочь были поживиться этимъ кускомъ территории въ 500 верстъ протяженія въ длину. Нынѣ властующій въ Бухарѣ эмиръ Музафаръ-ханъ былъ счастливѣе въ этомъ своихъ предшественниковъ.

Въ 1868 году независимый правитель Куляба, Сарыханъ, оберегая свои владѣнія отъ обозначавшихся покушеній бухарского эмира, пытался заключить военный союзъ съ Карагиномъ. Но тогдашній Ша, Музафаръ, счелъ рискованнымъ для себя принятие такого предложения и отправилъ письмо Сарыхана къ бухарскому эмиру. Возмущенный такимъ вѣролом-

ніемъ Вахія, 2) Агба-Агатай изъ селенія Уталь въ Аргонку (Вахія), 3) Аг. Саганази изъ сел. Алмалыкъ въ Лайрунъ (Вахія), 4) Аг. Люзи-Харви изъ сел. Ганиша въ Иштіонъ (Вах.), 5) Аг. Фалума изъ сел. Фалума въ Сабзы-хоръ, 6) Аг. Душахаузъ изъ сел. Зигбитъ въ сел. Ду-ша-хапу (Вах.), 7) Агба Шахъ-кондати изъ сел. Махоя въ Шакау (Хулісь), 8) Аг. Ядучъ изъ сел. Ядучъ въ Посуунъ, 9) Аг. Тувдакъ изъ сел. Яхакъ (Карагег.) въ сел. Гондара (Балъджуанъ), 10) Аг. Намокъ изъ сел. Рогонъ (Карагег.) въ сел. Шайдонъ (Балъджуанъ), 11) Аг. Хошхарфъ изъ сел. Талхъ-Чашма въ сел. Кутдузъ-Заманъ (Балъджуанъ),—всѣ по лѣвому берегу Сурхъ-оба; 1) перевалъ Кичикъ-кара-мукъ въ селеніе Уаугъ-кара мукъ (Маргеланскаго уѣзда), 2) Гадайли изъ сел. Шитокуль (р. Запку) въ сел. Хазреты-Шан-марданъ (Ферганѣ), 3) Кумбелъ изъ сел. Таанды-куль (рѣка Запку) въ сел. Сухъ (Ферганѣ), 4) перев. Кара-кушъ-хапа изъ сел. Шауръ въ сел. Зардоли, 5) пер. Тутакъ изъ сел. Ярхичъ въ Зардоли (Ферганѣ), 6) пер. Матча изъ сел. Назаръ-айлякъ въ Хазретъ-Мусса (на верховья Зеравшана), 8) пер. Пакширъ изъ сел. Гарифъ въ сел. Пакширъ (Зерав.),—всѣ перевалы на правомъ берегу Сурхъ-оба.

нымъ поступкомъ своего тестя, Сарыханъ вторгнулся съ значительнымъ отрядомъ въ Карагинъ и въ нѣсколько дней овладѣлъ имъ, взявъ въ плѣнъ Ша-Музафара. Однако, дѣла Куляба нисколько не поправились. Надо было торопиться возвращеніемъ, въ виду слуховъ о наступленіи войскъ эмира. Сарыхану пришлось отказаться отъ завоеваній и, заручившись уже обѣщаніемъ поддержки, оставить Карагинъ подъ управлѣніемъ того же Музафара, своего родственника. Вскорѣ, почти одновременно, несговорчивымъ владельцамъ пришлось окончить свое властованіе. Чрезъ полтора мѣсяца Карагинъ былъ занятъ отрядомъ кокандскѣхъ войскъ, подъ начальствомъ Ширъ-али-Пансата, а въ это же время войска бухарскаго эмира заняли, безъ особыхъ усилий, Кулябъ. Сарыханъ успѣлъ бѣжать въ Кабулъ, а Музафаръ-ша былъ отправленъ военноплѣннымъ къ кокандскому хану Худояру.

Но и Ширъ-али-Пансатъ оставался въ Карагинѣ недолго. Съ приближеніемъ, послѣ занятія Куляба, войскъ эмира въ крѣпости Оби-гармѣ на западной границѣ, Пансатъ бѣжалъ съ незначительнымъ своимъ отрядомъ въ Кокандское ханство, тѣмъ же путемъ, чрезъ пограничный Киччи-барамукъ, какимъ прошелъ при наступленіи. Карагинъ былъ занятъ бухарцами, и правителемъ сдѣлался, по назначенію эмира, Магометъ-Рахимъ-Шукъ (буриносый). Съ тѣхъ поръ эта значительная и сравнительно богатая часть Когистана остается въ полной фактической зависимости отъ Бухары.

Со времени фактическаго занятія бухарцами Дарваза, всѣ горцы Пянджа, Хингоба, Сурхъ-оба и даже шугнанцы, доставлявшіе набѣгами дарвазцевъ не мало работъ въ Бухару, за jakiли вполнѣ мирною, спокойною, трудовою жизнью. Эмировскій бекъ, контролируемый и системою шпионства, столь развитого у бухарцевъ, и посыпаемыи каждогодно какъ для войскъ, такъ и для самого бека контрольными чиновниками, зная уже примѣръ казни въ 1880 году его предмѣстника Давлетъ-бека, дѣйствуетъ осторожно, оберегая населеніе отъ обидъ и притѣсненій со стороны своихъ подчиненныхъ амлякдоровъ.

Современное административное устройство Дарваза и Карагатеица такое же, какъ и въ другихъ бухарскихъ бекствахъ. Весь Дарвазъ раздѣляется на 6 амлякдарствъ—уѣздовъ, а Карагатеинъ на 7 уѣздовъ съ однимъ амлякдаромъ въ каждомъ, назначаемыхъ изъ родственниковъ бека,—съ определеннымъ числомъ наукеровъ, т.-е. конниковъ-милиционеровъ, назначаемыхъ изъ именитыхъ мѣстныхъ жителей, не столько для какой бы то ни было службы, сколько для поддержанія чрезъ нихъ вліянія на все населеніе.

Въ наукеры причисляются горцы добровольной, а не принудительной вербовкой, причемъ болѣе родовитые, или же отличившіеся какой-либо услугою, получаются бухарскіе чины, заложенные халаты и соотвѣтственные чинамъ оклады годового содержанія отъ 100 батмановъ (400 пудовъ) хлѣбнаго зерна для полковника (бій), до 48 пудовъ зерна для аламана, т.-е. простого наукера.

Всѣхъ наукеровъ считается по спискамъ въ Дарвазѣ съ Вахіей и Хуласомъ 600 человѣкъ, въ Карагатеинѣ 4000 человѣкъ, причемъ постѣдніе получаютъ содержаніе въ половину менѣе противъ дарвазцевъ и комплектъ ихъ постепенно сокращается вслѣдствіе происковъ карагатеинскаго бека Худой-Назара-диванъ-беки (генералисимусъ), по личнымъ разсчетамъ изъ желанія увеличить доходы съ своего бекства. Конечно, система, принятая теперь въ Карагатеинѣ въ отношеніи наукеровъ, вполнѣ оправдывается совершеннымъ замиреніемъ этой страны, отсутствиемъ для нихъ какой бы то ни было службы, ненадобностью болѣе ихъ вліянія на горцевъ, безпользною тратою на ихъ содержаніе  $\frac{3}{4}$  доходовъ, но эмировское правительство не скоро еще однако рѣшился упразднить окончательно во всѣхъ бекствахъ этотъ многочисленный и мало-полезный-контингентъ „служилыхъ“, списочныхъ милиционеровъ конниковъ, наслѣдие завоевателя Чингизъ-хана. Тѣмъ болѣе не можетъ теперь еще послѣдовать примѣру Карагатеина недавно покоренный Дарвазъ, гдѣ наукеры служатъ до нѣкоторой степени посредниками между населеніемъ и правительственными

властями, гдѣ сборъ податей только и возможенъ при содѣйствіи чиновниковъ изъ среды самихъ горцевъ.

Система податей въ Дарвазѣ и Карагатеинѣ остается и теперь та же самая, какая дѣйствовала всегда раньше. Амлякдоръ, получая въ свое вѣдѣніе уѣздъ изъ нѣсколькихъ десятковъ или сотни селеній (вишлакъ), собираетъ чрезъ своихъ людей во время жатвы хераджъ въ  $\frac{1}{10}$  часть съ урожая каждого хлѣбнаго продукта и съ собираемыхъ плодовъ тута (шелковица), а также и по одному барану, независимо отъ ихъ количества въ хозяйствѣ, съ каждого домовладѣльца (танха). Кромѣ этихъ прямыхъ, исконы установленныхъ податей, каждый домохозяинъ обязанъ доставить къ зимѣ своему наукеру дровъ, соломы для скота, обязанъ еще дать 20 копѣекъ единовременно на путевые расходы при поѣздахъ, если случится, за предѣлы Дарваза или Карагатеина. Случается, конечно, что эти конные милиционеры, и въ особенности чиновные (амальдары) наукеры, собирая непосредственно для себя хераджъ съ назначенныхъ имъ бекомъ селеній, злоупотребляютъ, вымогаютъ у своихъ подвластныхъ болѣе положеннаго, и эта система податей вообще тягостна для населенія, но теперь, по крайней мѣрѣ, простой народъ свободенъ отъ поденщины, которую онъ легально отбывалъ своимъ помѣщикамъ-наукерамъ, въ прежнее время управлениія горцами, потомственными ша.

Собственно доходы правительства съ этихъ горныхъ бекствъ совершенно ничтожны, а сборы Дарваза не покрываютъ даже расходовъ на содержаніе въ Колай-хумѣ одного баталина.

Если къ вышеописаннымъ двумъ видамъ податей хераджной поземельной и окладной (танха) заключить еще сборъ по пяти рублей каждогодно съ домовладѣльцевъ, занимающихся постоянно отхожей промыслью золота по рр. Сурхъ-объ-вагишъ (Вахшъ), верхній Пянджъ, Яхъ-су,—то, по нашимъ свѣдѣніямъ, годовые доходы съ этихъ бекствъ выражаются въ цифрахъ такъ:

	Батмановъ.	Пудовъ.	Рублей.	
Хераджа съ пшеницы, ячменя.	75,000	3,000,000	30,000	Карата-
Танха . . . . .	10,740 козловъ	—	10,740	гина.
(Окладной залогъ) сборъ съ про- мывания золота . . . . .	—	3,000	Въ генна-	
Всего. . . . .		43,700		
Хераджа съ пшеницы, ячменя.	25,000	100,000	20,000	Дар-
Танха . . . . .	6,000 козловъ	—	6,000	ваза.
Сборъ въ $\frac{1}{20}$ ч. съ тута . . . . .	—	—	1,000	
Сборъ за промывание золота . . . . .	—	—	5,000	
Всего. . . . .		31,000		

Исключивъ изъ общаго количества собираемыхъ податей  $\frac{3}{4}$  хераджа и танха, отдаваемаго правительствомъ въ годовое содержание наукеровъ, вычитая также содержание амлякдоровъ съ прислугою ихъ, опредѣлимъ чистый валовой доходъ съ Карагина въ 10000 рублей, съ Дарваза въ 6000 рублей наибольшее. Незначительные доходы эти поступаютъ въ безотчетное распоряженіе мѣстныхъ бековъ, которые покрываютъ огромные расходы на тартуки (приношенія) эмиру изъ другихъ источниковъ. Такъ, карагинскій правитель завѣдываетъ сборомъ сорокового закета со скота всѣхъ кочевниковъ Гиссара, Кулаба, Бальджуона, Карагина и, кроме того, собираетъ подати, чрезъ своего родственника, съ бывшаго когда-то бекства Курганъ-тюбе, обращеннаго эмиромъ въ амлякство специально для усиленія средствъ своего любимаго и заслуженного старшаго генерала Худой-Назара-диванъ-беги.

Въ общемъ, съ остатками отъ закета, который представляется съ отчетомъ эмиру въ количествѣ 300000 рублей каждогодно, доходы карагинскаго бека настолько все-таки значительны, что позволяютъ ему представлять своему повелителю тартуки не хуже прочихъ бековъ. Эти каждогоднія, установленныя, традиціонныя приношенія состоять обыкновенно изъ девяти уловъ съ халатами (въ каждомъ по десяти халатовъ разныхъ достоинствъ отъ 200 рублей до 10 рублей халатъ), изъ девяти лошадей съ богатой серебряной сбруей и вышитой подсѣдельной попоной, изъ 2 — 5 буйволовъ, или яковъ, изъ мѣшка съ бухарской серебряной монетой отъ

4000 до 10000 рублей. Общая цѣнность такого тартука въ 10000—15000 рублей часто колеблется, потому что бывають случаи приношенія такой доли эмиру и болѣе трехъ разъ въ годъ, но меньшими, конечно, порціями.

Доходы дарвазскаго бека настолько незначительны, что онъ избавленъ отъ представлія тартуковъ и самъ еще получаетъ отъ эмира небольшую прибавку къ своему содержанію, едва достаточному на продовольствие себя, семьи и многочисленной дворни съ конными посыльными.

Теперь, послѣ выясненія размѣра податей, собираемыхъ бухарцами съ Карагина и Дарваза, чтобы покончить съ описаніемъ административнаго устройства ихъ, скажемъ, что кроме амлякдоровъ, для полицейской службы, для приведенія въ исполненіе судебныхъ решений, въ каждомъ селеніи существуютъ подчиненные имъ выборные арбабы-старшины безъ определенного содержанія, но съ правомъ пользоваться иѣ, которой подачкой отъ своихъ сельчанъ при продажѣ земли, при раздѣлѣ наслѣдства, при исполненіи домашнихъ празднествъ. Въ сложности доходъ арбаба не болѣе 30 рублей въ годъ.

Для отправленія правосудія по шаригату существуетъ въ Дарвазѣ и Карагинѣ по четыре казія (судья) съ назначенными ими же помощниками (наибъ) и муфтіями — законоподыскивателями.

Для наблюденія за народною нравственностью въ духѣ, разумѣется, корана, бухарцы завели раисовъ, которые успѣли уже утвердить и между горцами систему шпіонства и всѣ строгія обрядности мусульманства,—успѣли познакомить и дарвазокъ съ чашбаномъ (вуаль изъ чернаго конскаго волоса), никогда раньше не примѣнявшимся въ горахъ свободной жизни. Пока только этимъ и обозначилась миссія бухарцевъ въ Карагинѣ и Дарвазѣ. Въ остальномъ жизнь горца остается такою же первобытною, какою она была тысячу лѣтъ тому назадъ.

Горецъ — дитя суровой, дикой природы. Его типъ, его ха-

рактеръ, мировоззрѣніе—все отражаетъ на себѣ вліяніе физическихъ особенностей страны, съ которыми приходится вести вѣчную борьбу, приходится и приспособляться. Заброшенные неизвѣстными историческими событиями, вѣроятно религіозными гоненіями, древніе аборигены Средней Азіи не утратили и теперь свою типичность древне-персидскихъ племенъ. Горца никакъ не слѣдуетъ считать такимъ же таджикомъ-метисомъ, представители которыхъ, горожане Ходжента, Ургута и друг. осѣдлостей Туркестана, рѣзко отличаются отъ каратегинцевъ, въ особенности отъ дарвазцевъ, какъ типомъ, такъ и строемъ рѣчи, обильной въ горахъ провинціализмомъ<sup>1)</sup> настолько, что

<sup>1)</sup> Въ виду того интереса, который представляютъ для лингвистики вопросы о конструкціи рѣчи горныхъ племенъ верховьевъ Аму-даръи, сохранившей отчасти характеръ древне-персидского нарѣчія, мы приводимъ образцы ея, записанные въ Дарвазѣ въ 1882 году:

Русский.	Персидскій.	Дарвазскій.	Язеланскій.
Селеніе	ободи	кишлакъ	дуга
Домъ	хона	бұна	бутъ
День	дуть	ду	заль
Вода	объ	ау	хахъ
Земля	заминъ	зуминъ	заминъ
Огонь	аташ	алазу	этисъ
День	рузъ	резъ	минъ
Ночь	шовъ	шау	шугбъ
Вечеръ	шамъ	"	"
Утро	субъ	сабхъ	рохондъ
Хлѣбъ	ванъ	вунъ	зуганъ
Молоко	ширъ	шаръ	датъ
Масло	гуштъ	гышть	куфтъ
Мужчина	мардъ	мердъ	вахукъ
Женщина	занъ	зөвъ	ианджикъ
Отецъ	падоръ	баба	видъ
Мать	мадаръ	иума	нагнъ
Братъ	бродоръ	біеръ	вридъ
Сестра	хогоръ	хогоръ	форокъ
Сынъ	висарь	бача	потисъ
Дочь	дукторъ	дахтаръ	агакъ
Гора	кугъ	көгъ	горчукъ
Камень	сангъ	сангъ	гарръ
Рѣка	дарья	дарье	дарье
Годъ	соль	солъ	салъ
Мясадъ	могъ	мугъ	мить
Праздникъ	гадъ	годъ	гидъ

жители средняго Дарваза мало понимаютъ чисто персидскую рѣчь каратегинцевъ, затрудняются объясняться съ горцами Ванча, совершенно не понимаютъ рѣчу соседнихъ шугонцевъ<sup>1)</sup>.

Типъ дарвазцевъ и каратегинцевъ почти сходственный: кожа смуглая; волосы прямые, густые, черные, рыжие и каштановые; глаза черные и светло-каріе; лицо правильное, выразительное, съ открытымъ крутымъ или низкимъ лбомъ, съ крутымъ носомъ; ростъ выше средняго, тѣлосложеніе крѣпкое, съ развитой грудью, съ сильной мускулатурой, съ тонкими икрами; станъ стройный, чаще худощавый, но никогда не тучный.

Намъ случалось видѣть въ Дарвазѣ, Каратегинѣ также женщинъ, и между ними встрѣчалось не мало очень красивыхъ лицъ.

Характеръ природы, свойства горнаго климата, съ прохладнымъ лѣтомъ, съ очень холодной зимой, при обильномъ, глубиною въ восемь аршинъ, снѣгѣ, съ частыми дождями, привучили горца къ жизни замкнутой, трудовой, которая выработала, въ свою очередь, сильную привязанность къ родинѣ

Гость	макмавъ	макмонъ	мусмусъ
Свѣтъ	барфъ	бурфъ	зоахъ
Дождь	боронъ	бровъ	баяда
Лошадь	аспъ	аспъ	варка
Баранъ	гусфондъ	мешъ	му.
Корова	мода гау	гау	гаю
Звѣрь	доронда	доронда	вурезъ
Дайте мнѣ	біоръ-манъ	овумъ-бледъ	хахъ-минъ
пять	обихурдонъ	(тождествен.)	аджобъ-розинъ
Принеси яровъ	хизумъ-біернъ	(тождествен.)	шоптъ-воритъ
Накормите	асон-маро-ногары		воркъ-моро-нагиръ
мою зошадь	биди гиандъ	(тождествен.)	брида ой.
Въ вашихъ и- стахъ очень	деръ джоишумо		кочишумо бисюръ
холодно	бисюнеръ фунукъ	(тождествен.)	ахой.

Счетъ дарвазской тождественныи съ персидскимъ, а язеланскій совершенно иной; 1—вукъ, 2—зу, 3—суй, 4—чаръ, 5—тианджъ, 6—пу, 7—хутъ, 8—гуптъ, 9—ну и 10—дусъ.

<sup>1)</sup> Вполнѣ сохранившійся горецъ-таджикъ — первообразъ древне-иранца съ примѣсью, по мѣстностямъ, только крови блокураго арійца, тогда какъ таджикъ долинъ — разновидность персидской народности, сильно перемѣшанной съ арабской и турецкой породой.

(вотонь), терпимость, мрачность, но незлобивость характера, сильную волю, выносливость во всевозможных лишенияхъ, отважность, неутомимость въ ходьбѣ въ своихъ горахъ до способности дѣлать по 80—120 верстъ въ одинъ день пѣшкомъ съ божанымъ мѣшкомъ на спинѣ для провизіи, или съ выювомъ за спиною въ три пуда. Читатель можетъ усомниться въ приведенныхъ сейчасъ свѣдѣніяхъ<sup>1)</sup>, и я самъ не вѣрилъ въ такую способность горцевъ въ ходьбѣ, пока не посѣтилъ Дарвазъ, гдѣ дѣлать дневныѣ перѣезды съ пѣшими горцами въ 80 верстъ, чрезъ снѣжные перевалы въ 14000 футовъ, гдѣ мнѣ представили знаменитаго ходока Боби-Караульбеки, 36 л., который, будучи посланъ своимъ бекомъ, умудрился пройти, въ половинѣ мая, изъ Калон-хума въ Ховалингъ (на р. Яхсу), сдѣлавъ безъ отдыха съ трехъ часовъ утра до семи часовъ вечера 140 верстъ чрезъ перевалы Рубатъ, Ригонъ, Полязакъ въ 13500 футовъ каждый. Боби сознается, впрочемъ, что то быть въ 1880 году единственный случай въ его жизни такой ходьбы по службѣ и онъ долго чувствовалъ боль сухожилій своихъ тонкихъ икръ, но готовъ всегда повторить такой опытъ, причемъ поясняетъ, что въ ходьбѣ по горамъ главное условіе не садиться для отдыха, что подыматься вверхъ, заложивъ руки на тонкую трость за спину, гораздо легче, чѣмъ спускаться съ перевала внизъ, въ чёмъ, впрочемъ, пришлось убѣдиться и мнѣ самому.

Сила привычки и способность къ ходьбѣ горцевъ выработались, конечно, необходимостью взбираться на подобличные крутизны для посѣва хлѣба, необходимостью скитаться по не-дѣлямъ въ скалистыхъ хребтахъ на охотѣ за дикими баранами, горными козами, медвѣдями, необходимостью уходить на зимній периодъ, за сотни верстъ, въ Кулябъ, въ Гисаръ, въ Коканъ.

<sup>1)</sup> Кстати ужъ мы сообщимъ, что та же сила привычки и условія жизни вырабатываются и въ нась, русскихъ колонистахъ Туркестана, такую же выносливость въ ходьбѣ и верховойѣ їздѣ. Мнѣ самому приходилось дѣлать пѣшкомъ переходы въ горахъ Зеравшана въ 40 верстъ, приходилось дѣлать, по экстрѣнной надобности, перѣезды верхомъ въ 260 верстъ въ одни сутки на перемѣнныхъ конахъ, въ 120 верстъ въ день на одной степной лошади.—Авт.

и даже въ Бухару для заработка въ 20—40 рублей, на которые горецъ купить своей семье бязи для рубахъ, платковъ женѣ, муки, соли, но ничего больше, потому что въ такой суровой жизни, при маломъ достаткѣ вообще, излишество не полагается.

Спросите же побывавшаго въ Бухарѣ, почему онъ не перетащить свою семью туда, гдѣ людямъ лучше живется, гдѣ легче зарабатывать,—вы получите такой отвѣтъ: „знаемъ, что въ Бухарѣ и въ Самаркандѣ лучше живется: есть тамъ пахатная земля, есть рисъ, бараны, крупнѣе нашихъ, но для насъ дорогъ нашъ сладкій (ширинъ) „вотанъ“ родина, и когда случается жить въ Бухарѣ, мы скучаемъ, какъ въ зиндовѣ—темницѣ, спѣшимъ вернуться“.

Прежде чѣмъ сообщать о домашней жизни дарвазца-каратегинца, о ихъ бытѣ, характерѣ, міровоззрѣніи, понятіяхъ и обычаяхъ, скажемъ, что и въ горахъ земледѣліе составляетъ главное занятіе населенія.

Повсемѣстно въ Дарвазѣ и Каратегинѣ пахатная арычная и дождевого орошенія (ляльми) земля состоить на правѣ полной собственности владѣльца, частбищная земля въ опредѣленномъ районѣ считается собственностью всего селенія. Хотя переходъ земли въ наследникамъ и покупателямъ совершается всегда безъ всякихъ документовъ, простой словесной сдѣлкой при двухъ-трехъ свидѣтеляхъ, тѣмъ не менѣе случаи поземельныхъ споровъ весьма рѣдки и всегда оканчиваются не судебнымъ понужденіемъ, а посредничествомъ сельскихъ стариковъ.

Густота населенія какъ въ Дарвазѣ, такъ и въ Каратегинѣ, доказывающая давность здѣсь культурной жизни, настолько значительна, что землепашество заняло все, что только можно поднать сохой (джуфтѣ) въ низинѣ, на побатостяхъ, на высотѣ 9000 фут., и тѣмъ не менѣе крупныхъ собственниковъ не встрѣчается, а владѣлецъ 400 танаповъ (100 десятинъ) пахоты считается уже богачемъ.

Въ особенности ощущается недостатокъ земли въ южномъ

Дарвазъ, по Пянджу. Земледелие здѣсь настолько ничтожно, что не покрывает потребностей сельчанъ, и горецъ замѣняетъ муку пшеничную и ячменную мукой изъ ягодъ шелковицы, изъ корня дикорастущаго татарника (семейства крестоцвѣтныхъ), вкусомъ напоминающаго брюкву, а бухарскій баталонъ, квартирующей въ Калон-хумъ, получаетъ хлѣбное зерно изъ Вахіи или Карагина, гдѣ запашки сравнительно больше, сбыть же такой ничтожный, что батманъ въ четыре пуда, доставленный за 140 верстъ труднаго горнаго пути, чрезъ снежные перевалы Шахъ-кондаги, Рогонъ, Руботъ, продается едва по пяти рублей.

Какъ въ Карагинѣ, такъ и въ Дарвазѣ земледелие исключительно весеннее, съ атмосферическимъ орошеніемъ, безъ арыковъ, которые встречаются только въ садахъ нижнихъ селеній, гдѣ вѣ очень маломъ размѣрѣ обрабатываютъ огородину (огурцы, тыквы, морковь, лукъ) и люцерну, дающую только двѣ жатвы въ лѣто, а не шесть, какъ на Зеравшанѣ.

Горецъ привыкъ къ своему дѣлу и не считаетъ для себя труднымъ подыматься на крутизну въ 6000—10000 футовъ высоты съ легкой сохой, съ мѣшкомъ сѣмянъ за спину, съ парой бывковъ или ишаковъ (ословъ) для распашки и засѣвъ въ половинѣ мая, для жатвы затѣмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ<sup>1)</sup>. Пашутъ только одинъ разъ послѣ высѣва, а въ Карагинѣ два раза—до и послѣ посѣва зерна. Преобладающій посѣвъ—пшеница и ячмень, но въ Хулясѣ, Вахіи и на Ванчѣ сѣютъ также просо, просянку (кунокъ), бобы (бекали) и даже мелкій хлопокъ, получая урожай отъ самъ-10 до самъ-40, смотря по количеству дождей. Въ Карагинѣ же урожайность въ половину слабѣе, вслѣдствіе запашекъ безъ отдыха земли, безъ удобрѣнія, вслѣдствіе также частаго бездождя лѣтомъ, въ особенности въ нижней части этого бекства, начиная отъ Гарма, резиденціи бека.

Какъ и подобаетъ столицѣ бухарскаго бекства, въ Гармѣ

<sup>1)</sup> Въ Карагинѣ высѣваютъ въ періодъ съ октября по мартъ и снимаютъ въ июль, августъ.

имѣется базарь (по четвергамъ), единственный во всемъ Карагинѣ и Дарвазѣ. Какъ на базарѣ, такъ и въ селеніяхъ, при случаяхъ, торговыя сдѣлки совершаются преимущественно обмѣномъ мѣстныхъ продуктовъ хозяйства и охотничей добычи на товары (бязь, алача-крапенина, ситцы, кисея индійская, жевательный сакычъ, никотиновый табакъ, перецъ, лекарства). По расценкѣ товаровъ на базарѣ Гарма, лѣтомъ 1882 года стояли такія цѣны: корова—отъ 10 до 15 руб., быкъ—отъ 10 до 30 руб., лошадь—отъ 20 до 40 руб., баранъ—отъ 2 до 1 руб., козель—отъ 1 руб. до 60 коп., пшеница 20 коп. за пудъ, ячмень 1 руб. за четыре пуда, мулькъ (чечевица) 60 к. за четыре пуда, ленъ (для масла) 1 р. 60 к. за 4 пуда.

Земля продается въ Карагинѣ по 20 руб. за десятину ляльми, по 40 руб. за десятину арычной; въ Дарвазѣ южномъ нѣсколько дороже, а цѣнность садовъ зависитъ отъ количества тутовыхъ (шелковичныхъ) деревьевъ; тѣль, въ Дарвазѣ садъ въ 20 деревьевъ продается за 100 кусковъ (1200 аршинъ) бази или за 40 рублей.

Такъ какъ горцамъ вовсе невѣдома ни мѣра длины, ни мѣра емкости и вѣса, ни денежные знаки, то, какъ и сказано выше, при мѣновыхъ сдѣлкахъ единицей мѣры вѣса служить головная ермолка (калятушъ), а единицей расчета принимается кусокъ бязи (карбазъ) въ 12 аршинъ, сколько идетъ на одну пару нижнаго бѣлья. На деньги же такой кусокъ бази стоитъ въ Дарвазѣ 40 копѣекъ, кусокъ алачи, бумажной крапенины (на халатъ) 60 копѣекъ, чулки шерстяные (джулябъ) 20 коп. за пару, сапоги изъ сыромятіи 40 коп. за пару.

Если мы добавимъ, что запашка и уборка жатвы въ значительныхъ хозяйствахъ выполняется поддогой родственниковъ за дневные харчи только, что за перемолъ зерна или тута на водяной, самой примитивной мельницѣ уплачиваются  $\frac{1}{20}$  часть, что для освѣщенія служить льняное или орѣховое масло, что садоводство (шелковица, яблони, сливы, вишни, абрикосы)<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Шелковица созреваетъ въ половинѣ июня.

въ Карагинѣ, и въ особенности въ Дарвазѣ, весьма ничтожно,— то о земледѣліи болѣе ничего не остается сказать.

Размѣры же земледѣльческаго производства мы приблизительно вычислимъ такъ: принимая населенность въ Карагинѣ въ 512 селеній, въ 10740 домовъ, въ 60000 душъ обоего пола, а въ Дарвазѣ—въ 350 селеній, въ 6000 домовъ, въ 40000 душъ<sup>1)</sup>, и считая запаску среднимъ въ 60 пудовъ на хозяйство (домъ) для первого, въ 20 пудовъ для второго, при урожаѣ въ самъ-5 и въ самъ-10, опредѣляемъ валовой сборъ зерна въ Карагинѣ въ 3.000,000 пудовъ, въ Дарвазѣ съ Вахіей, Хулсомъ и Ванчемъ въ 1.000,000 пудовъ. Скотоводство, стѣсненное главнымъ образомъ условіями продолжительной, многоснѣжной зимы, недостаткомъ зимнихъ подножныхъ и заготовительныхъ кормовъ, совершенно незначительное въ Дарвазѣ и весьма ограниченное въ Карагинѣ, гдѣ киргизамъ на верховье Сурхъ-оба (Кызылъ-су), свободномъ и зимою отъ снѣга вслѣдствіе постоянныхъ бурь, удается заводить не только барановъ, но и верблюдовъ, и рогатый скотъ. Въ общемъ, по Сурхъ-обу, на одно хозяйство приходится среднимъ числомъ по 20 барановъ или козловъ, по четыре штуки рогатаго скота, по одной лошади на 40 дворовъ; въ Дарвазѣ же самый за житочный горецъ имѣеть только четыре коровы, две пары быковъ, лошадь, 20 барановъ, 30 козловъ; большинство же, кроме коровы и одного-двухъ быковъ, собственно для навоза-топлива, другого скота не держитъ, потому что заготовленіе травы хлопотливо, а строить большиє зимніе скотники еще труднѣе, вслѣдствіе общаго недостатка лѣса въ горахъ.

При ограниченности, такимъ образомъ, самыхъ насущныхъ

<sup>1)</sup> Принята въ Средней Азіи, для вычисления населенности, формула помноженія числа дворовъ на пять „душъ“ даетъ не вполнѣ правильная показанія. Изъ долговременныхъ наблюдений мы рѣшаемся утверждать, что этотъ множитель колеблется, по мѣстностямъ, между тремя и семью, въ зависимости отъ зажиточности населенія, которая даетъ возможность держать домохозяину двухъ-трехъ женъ, въ зависимости отъ общихъ санитарныхъ условій, влияющихъ на приростъ населенія, въ зависимости, наконецъ, отъ бытовыхъ порядковъ или раздробляющихъ домохозяйства выѣздами или же удерживающихъ общий семейный союзъ (тирокъ) нѣсколько поколій.

средствъ въ жизни въ недостаткѣ земледѣлія и скотоводства, дарвазцамъ приходится пополнять ихъ или отхожими заработками, промывкою золота на верховье Пянджа, дающею 4—8 разъ болѣе на одного человѣка въ два мѣсяца, или разработкой желѣзной руды на рекѣ Ванчъ, или тканіемъ бязи<sup>1)</sup>, или, наконецъ, охотою на лисицъ, куницъ, медведей, дикихъ барановъ и козъ.

Охота, сопряженная въ горахъ съ физическими трудностями, съ лишеніями вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, недоступности мѣсть, для горца составляетъ тѣмъ не менѣе такое же любимое, увлекающее занятіе, какъ и для каждого истаго охотника степной долины. У горцевъ охота на звѣрей составляетъся или облавой (халъ-шикоръ), или въ одиночку скрытою (дузы-шикоръ). Первый видъ охоты въ районѣ горъ, ближайшемъ къ селенію, практикуется тогда, когда достаточно убѣдиться въ появлѣніи стада дикихъ барановъ или козловъ. Въ этомъ случаѣ, разсчитывая возможно больше принести домой добычи, собираются на облаву всѣ старые и малые одного селенія или нѣсколькихъ кишлаковъ, распредѣляются на партии и, подъ руководствомъ старыхъ, опытныхъ охотниковъ, оцѣниваютъ съ своими собаками нѣсколько возвышеностей, стараясь направить дичь по указанному пути на засаду стрѣлковъ (мергенъ), роль которыхъ выжидать на своей позиціи и бить изъ фитильныхъ ружей въ разстояніи 40—80 шаговъ. Такая охота, если оканчивается, какъ бываетъ часто, добычей въ день 5—6 штукъ дичи, вызываетъ всегда ширъ не только участниковъ охоты, но всѣхъ сельчанъ, а разговоровъ послѣ облавы остается на нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ способъ охоты не такъ утомителенъ, потому что облава оканчивается обыкновенно въ одинъ день, начинаясь съ разсвѣтомъ. Гораздо рискованнѣе, не говоря о трудностяхъ, охота въ одиночку, воровская охота (дузы-шикаръ), какъ выражаются горцы. Для такой охоты одиночка-стрѣлокъ (мергенчи), прикрѣпивъ на спинѣ

<sup>1)</sup> Одна чеювѣкъ таетъ въ зиму (шесть мѣсяцевъ) отъ 40 до 60 кусковъ бязи изъ ваты, покупаемой въ Кулабѣ и Гисарѣ.

небольшой кожаный мешокъ съ хлѣбомъ, съ нѣсколькими комками тутовой муки, съ запасомъ сѣрныхъ спичекъ для разведенія, гдѣ придется, огня, пристроивъ сбоку своеобразныя лыжи-кружки изъ лозы по размѣрамъ ступни, взявъ палку и ружье, углубляется, несмотря на время года, на походу, въ самыя недоступныя ближайшія или отдаленныя на сотню верстъ горы и, высѣживая медвѣдя, барса или барановъ, бѣгъ ихъ извѣрняка, близко подкравшись. При скромъ успѣхѣ охотникъ волокетъ свою добычу домой, а если въ два три дня удастся свалить нѣсколько штукъ козловъ или барановъ, охотникъ зарываетъ ихъ, приводитъ изъ дома людей и затѣмъ уже оканчиваетъ охоту.

При неудачѣ же, охотникъ-горецъ пропадаетъ въ горахъ, бродить въ глубокихъ снѣгахъ, ночуя въ иорѣ или подъ камнемъ, недѣлю и больше, пока не истощится провизія.

Серьезной опасности охотникъ-горецъ подвергается, если попадется неудачно на медвѣдя, не приготовивши свой фитильный мултукъ, если промахнется выстрѣломъ въ барса, который настолько отважный (гайрять) звѣрь, что бросается въ такомъ случаѣ на грудь охотнику и, ошеломивъ ударами своего длиннаго хвоста по головѣ жертвы, кончаетъ съ нею, какъ это нерѣдко и бываетъ.

Весьма распространенная въ Карагинѣ охота на лисицъ производится обыкновенно въ осенне и зимнее время, съ собаками, облавой и оканчивается всегда успешно, а куницъ заставляютъ на приманку въ особые капканы, устроенные изъ камней или сѣтей.

Охотничья добыча продается или на мѣстѣ разѣзжающимъ скучищикамъ изъ Бухары, Самарканда, или же отвозомъ, при случаѣ, въ Кулабъ, Гисаръ. Обмѣномъ на товары шкура медвѣдя сбывается за 5 руб., лисица за 80 к., куница за 3 руб., барсъ за 2 руб.

Въ теченіе года въ горахъ Дарваза и Карагина убивается приблизительно до 3000 лисицъ, до тысячи куницъ, до ста медвѣдей, до сорока барсовъ, до тысячи дикихъ козъ.

и барановъ. Охота на горныхъ куропатокъ съ палками, на утокъ съ ястребами по берегамъ рекъ, также довольно развитая, составляетъ любимое занятіе горцевъ, въ особенности въ Карагинѣ и въ Хузасѣ по р. Хингобу. Распространенная охота съ собаками ищѣками на сурковъ (сугуръ), живущихъ большими семействами въ норахъ на границѣ вѣчнаго снѣга, доставляетъ массу шкурокъ, скучаемыхъ по пяти копѣекъ, для ковровъ и шубъ.

Вообще же охота для горцевъ составляетъ столько же потребность духовную, какъ развлечѣніе въ однообразной жизни, сколько и подспорье въ очень ужъ ограниченныхъ средствахъ къ существованію, вслѣдствіе замкнутости и недостатка рынковъ для сбыта своихъ произведеній земледѣлія по такимъ цѣнамъ, которые позволяли бы пополнять хотя скромный домашній инвентарь съ одеждой и постелью.

Подъ влияніемъ дикой природы, суроваго климата, неподдающейся бѣдности—и жизнь горца столько же дикая, чуждая намека на изящество, полная упорной, энергичной борьбы за существованіе не съ людьми однако, а съ самой природой, скудною древесною растительностью, но зато обильной снѣгомъ и весенними ливнями (сили), снѣжными обвалами (тарна), подъ которыми гибнутъ иногда люди не только въ одиночку, но цѣлыми селеніями (Лахъ, Буной, Марумъ, Мориданъ).

Сообразно этимъ неумолимымъ требованіямъ природы устроены и осѣдлости, и жилища горцевъ.

Селенія въ Дарвазѣ и Карагинѣ располагаются одни внизу, по берегамъ главныхъ рекъ и ихъ вѣтвей; другія—почти на высотѣ вѣчнаго снѣга, всегда на такой покатости, которая представляетъ менѣе опасности отъ дождевого силя (ливня), отъ снѣжныхъ обваловъ (тарна), несущихъ цѣлые скалы.. По количеству домовъ селенія не велики (отъ 10 до 100 домовъ), но зато многолюдны, потому что у горцевъ совершенно не практикуется выѣздъ изъ хозяйства женившихся сыновей, не практикуется и раздѣлъ наслѣдства, а действуетъ кооперативный законъ.

Типъ селеній горныхъ нѣсколько иной, чѣмъ въ долинѣ, потому что не имѣется дворовъ (въ особенности въ Дарвазѣ), а постройки связаны въ одно не только въ отдаленномъ хозяйствѣ, но почти въ цѣломъ селѣ. Самыя постройки для людей и скота своеобразны, каркасныя съ толстыми стѣнами, низенькия, тѣсныя, съ одной общей плоской земляной крышей, съ окномъ въ потолкѣ сакли для выхода дыма.

Зайдемте же въ комнату-саклю (шантъ) и поглядимъ обстановку жизни горца, его убожество материальное, посидимъ и посмотримъ, чтѣ кушаетъ дарвазецъ, прислушаемся къ его міровоззрѣнію, въ его радостямъ и горю:

Насъ провели къ дому „зажиточнаго“ чиновнаго дарвазда *Сафаръ-Карауль-беки*, поспѣшившаго спровадить своихъ женъ, невѣстокъ, дочерей къ сосѣду, откуда и заглядываетъ съ испугомъ, съ удивленіемъ весь прекрасный поль села. Усердно пригнувшись, чтобы не стукнуться о косякѣ двери, входимъ въ жилище; оно расположено такъ: нальво стойло для лошади или коровы, направо загородка для барановъ и вѣтка для домашней птицы, а прямо противъ входной двери, подъ общей крышей, „комната“ для семьи, отдѣленная отъ животныхъ тонкой полустѣнкой. Эта общая семейная комната съ землянымъ поломъ на аршинъ выше отъ предкомнатника—скотника, такъ что размѣры ея представляютъ пять квадратныхъ аршинъ, а высота  $2\frac{1}{4}$  аршина. Если же изъ общаго пространства комнаты исключить столько, сколько занимаетъ въ углу очагъ, дѣтская глиняная люлька и съ боковъ глиняные шкафы—съ мукою и всякимъ скарбомъ, то для людей остается поль-аршина на человѣка. Глиняныя стѣны сакли, толстый потолокъ, поддерживаемый въ каждомъ домѣ крѣпкими столбами, прокопчены дымомъ, оставившимъ изрядный слой маслянистой копоти по всемъ щелямъ. Сыростъ, рѣзкій дурной запахъ держится и лѣтомъ, слѣдовательно зимою, когда въ эту общесемейную комнату ставятъ и скотъ, никакой европейскій носъ не въ состояніи выдержать этой дарвазской атмосферы. Въ такой-то маленькой комнатѣ живетъ семейство

Карауль-беки изъ шести душъ разныхъ возрастовъ. Днемъ лѣтомъ гнѣздятся здѣсь обыкновенно однѣ женщины, мужчины же въ полѣ на работѣ, а дѣти на привольѣ (улицѣ нѣть, и дворовъ нѣть) играютъ съ собаками, валяются въ навозѣ, бѣгаютъ въ-запуски по скаламъ; на ночь же все устраиваются плотно въ повалку, ложась одни прямо на солому, другие на кожаную или изорванную кошемнью подстилку, всѣ прикрываясь ежедневно носимыми халатами и ватнымъ тряпцемъ, остатками кое-какихъ одѣялъ.

Запасовъ одѣжды въ домѣ никакихъ, потому что она состоить у каждого горца изъ одной пары нижнаго бѣлья, шерстяныхъ портковъ, или чулокъ, одной пары сапогъ, ермолки головной съ трапкой бязевой вмѣсто чалмы, верхнаго шерстяного халата (чекмень) съ шерстяными же штанами, все на одинъ годъ для мужчины; а для женщины—изъ одной пары нижнаго бязеваго же бѣлья, изъ платка бязеваго, изъ шерстяной верхней рубахи (ягта) и калошъ. При табомъ несложномъ гардеробѣ перемѣнъ бѣлья, разумѣется, не полагается, а стирка выполняется въ годъ три раза, и тогда горецъ и горянка или жмутся гдѣ нибудь въ углу голыми, закрывшись, конечно, трапками, или же, какъ это бываетъ, впрочемъ весьма рѣдко, выпрашиваютъ лишнюю рубаху усосѣда.

Домашняя утварь дарвазда-каратегинца состоитъ неизбѣжно изъ чугуннаго котла, такого же кунгона (родъ чайника) для кипяченія воды, изъ нѣсколькихъ разной величины глиняныхъ горшковъ для воды, для прохіщенія молока, для разной незатѣйливой стряпни, изъ 2—3 глиняныхъ самодѣльныхъ чашекъ, изъ мѣшечковъ съ сѣдѣбными<sup>1)</sup> и лѣкарственными травами, изъ небольшого запаса самодѣльнаго мыла, изъ сыроятной кожи, на которой заправляютъ тесто, крошатъ лапшу, изъ кожанаго продовольственнаго мѣшка, неразлучнаго спутника

<sup>1)</sup> Травы, употребляемыя горцами въ пищу, имѣется 15 видовъ, а именно: коревишъ, галалатичъ, зиркъ, пои-пурмишъ, мушундъ, гурусокъ, турумати-агу, зиркъ-сурхъ, гишви-тухмакъ, пишумъ, тазъ-куги, гульбуй, матаръ, сантичъ, сагоса, човоры, камаръ, корикъ, таронъ, татаронъ, гуларъ, котъ, зубудъ, зифи.

горца при всѣхъ продолжительныхъ отлучкахъ изъ своего дома. Въ домѣ и вѣтвяхъ горца можете встрѣтить еще фитильное ружье, саблю, нѣсколько тонкихъ палокъ для ходьбы чрезъ перевалы, вольцеобразныя лыжи изъ тальника и высокіе деревянные галоши для зимы, первобытный небольшой ткацкій станокъ, припѣленный въ углу сакли надъ ямой для сидѣнья ткача, запасъ въ 5—6 свѣтильныхъ луchinъ, но больше ужъ ничего не найдете.

Съ обстановкой гармонируетъ и матеріальная, и духовная жизнь горца.

Нѣсколько лучше живутъ каратегинцы, благодаря достатку хлѣба, сбываemаго даже въ Матчу верховьевъ Зеравшана, благодаря отчасти близкому сосѣдству съ ковандскими осѣдлостями и съ Гиссаромъ, но жизнь дарвазцевъ Пянджа, остающихся часто и безъ хлѣба, который замѣняется мукой изъ шелковицы, и безъ соли, безъ мяса и молока, безъ достаточнаго зимнаго отопленія, безъ одѣжды,—истинно трагическое прозябаніе, познане мученій дѣя старыхъ и малыхъ, полное терпѣливої борьбы съ суровой природой. Однако горецъ переносить все, и только полный неурожай хлѣба и тута (шелковицы), дающаго 15 фунтовъ муки съ одного большого дерева, вынуждаетъ его бросить съ семьей свой кишлакъ, чтобы, поправившись средствами гдѣ нибудь въ Гиссарѣ, Кулябѣ, Маргеланѣ на счетъ заработка, снова вернуться въ свой притягательный, но непривѣтливый вотонъ (родина), къ которому горецъ чувствуетъ такую же инстинктивную привязанность, какъ тигръ къ камышамъ, какъ барсъ къ горамъ.

Несмотря однако на такія тяжелыя условія жизни, на отсутствіе у горцевъ правильной, хотя бы туземной, какъ въ долинѣ, врачебной помощи отъ губительныхъ, въ особенности эпидемій оспы, тифа, отъ злокачественной упорной лихорадки съ тобетомъ—лихорадочной водянкой, заболѣваемость, смертность въ горахъ слабѣе заболяваемости и смертности въ долинѣ, а средняя жизнепродолжительность такова, что въ Карагатгинѣ въ каждомъ селеніи на 100 дворовъ встрѣчается

3—4 старика свыше 100 лѣтъ, а въ возрастѣ 60—80 лѣтъ встрѣчается много и въ Дарвазѣ, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами. Впрочемъ, мы должны оговорить, что эти свѣдѣнія о жизнепродолжительности приблизительны, потому что горцы не умѣютъ опредѣлять свои лѣта.

Особенно здоровый видъ носятъ каратегинцы селеній, ближайшихъ къ Оби-Гарму, гдѣ всѣ, съ малыхъ лѣтъ, пользуются каждодневнымъ и зимою похлебнымъ купаньемъ въ открытыхъ ваннахъ (хаузи) горячаго (температура 28—32° Ремюра) сѣрнаго источника, привлекающаго лѣтомъ массу больныхъ изъ разныхъ мѣстностей Бухарскаго ханства, Самарканда и Ферганы.

Разнообразіе жизни горца опредѣляется только лишь лѣтними полевыми занятіями, да для мужчинъ охотою отчасти; зимою же у горца нѣтъ другого дѣла, кроме постоянного отгребанія отъ сакли снѣга,—время идетъ однообразно, а все же полудивій дарвазецъ не скажетъ, что ему дома скучно: онъ вполнѣ счастливъ своей судьбой, если сытъ, если имѣеть дѣтей.

Дни горца проходятъ такъ: семья встаетъ въ 4—5 часовъ утра, хозяйка разогреваетъ на тѣвшіхъ всю ночь угольяхъ небольшого очага бульонъ (ширъ) изъ горсти муки съ небольшимъ количествомъ горнаго зуку, моркови, а мужчины провѣдаютъ скотъ, подложить ему корму, выпустить изъ вѣтвушки птицу и барановъ, причемъ не обходится безъ затрещинъ малышамъ за баловство. Управившись, сколько требовалось, всѣ усаживаются въ сакль въ кружокъ и, передавая ложку одинъ другому, завтракаютъ этой постной похлебкой съ лепешкой изъ пшеничной или ячменной муки, выпеченной вое-какъ въ котлѣ и часто съ примѣсью къ злаковой мукѣ шелковицы или муки корня дикаго растенія татинъ, очень распространеннаго, очень употребительнаго по своей питательности, очень любимаго горцами, хотя и горьковатаго. Въ полдень дарвазцу приходится съѣсть ту же лепешку въ  $\frac{1}{4}$  фунта не болѣе для взрослаго, а вечеромъ—или тотъ же пустой

бульою, или лапшу (аши-ардъ) съ кислымъ молокомъ и травами, или просто комокъ тутовой муки, какъ довольствуется большинство бѣднѣковъ<sup>1)</sup>). Мясо скотское или баранье, или отъ дичи, дарвазцу приходится бѣть умѣренно, не болѣе двухъ разъ въ году у себя дома, не болѣе пяти разъ у сосѣдей по случаю празднествъ свадебныхъ, поминальныхъ, обрѣзальныхъ.

Эти три основные акта жизни каждого магометанина совершаются и въ горахъ почти тѣмъ же въ сущности порядкомъ, какъ и у другихъ осѣдающихъ туземцевъ долины.

Горецъ жениится обыкновенно въ возрастѣ отъ 16 лѣтъ, выдаетъ дочерей когда исполнится 12 лѣтъ, что для горъ, съ суровымъ относительно климатомъ, нѣсколько рановато, потому что женщины позднѣе развиваются, чѣмъ на равнинѣ, но и позднѣе старѣются, несмотря на слишкомъ трудныя условія жизни. Невѣсть просватыаютъ родители или въ дѣскомъ возрастѣ (говоро-бахшъ), и это служить часто поводомъ къ тѣжбамъ по сватовству, если дѣвица отказывается выйти замужъ за назначенаго ей отцомъ жениха (даматъ), или же сватовство совершается по достижениіи дочерью совершенолѣтія, безъ всякаго принужденія родителей, и такой брачный союзъ всегда почти устанавливается правильную семейную жизнь. Въ первомъ случаѣ, за общанную въ невѣсты калымъ уплачивается женихомъ будущему тестю постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, во второмъ—сватовство сопровождается предварительными справками, иногда секретными свиданіями сватающагося съ своимъ предметомъ, переговорами съ родителями невѣсты.

Заручившись свѣдѣніями о говорчivости родителей невѣсты, посыпаютъ къ нимъ 2—3 близкихъ родственниковъ въ качествѣ сватовъ (заучи—по каратегински, гобросонь—по дарвазски).

Если родители намѣченной въ невѣсты изъявятъ согласіе, сваты приглашаются остатся въ мигманханѣ (внѣшняя ком-

<sup>1)</sup> Въ Дарвазѣ, зажиточная семья изъ шести ёдоковъ потребляетъ въ годъ около 100 пудовъ хлѣба.

ната для гостей) и угощаются разными яствами, отвѣчающими, конечно, зажиточности хозяина. По объявленіи довѣрителемъ согласія другой стороны, этимъ же сватамъ предстоитъ, чрезъ 3—4 дня, пристроиться къ посольству уже 8—10 человѣкъ сосѣдей, отправляемыхъ въ домъ невѣсты съ блюдами лепешекъ, каши молочной (ширь-брюнчъ), пилава, сушеныхъ фруктовъ и проч. съѣдобнаго. Всѣ гости усаживаются въ сакѣ, читаютъ предварительно про себя коротенькое благодареніе Аллаху, съ символическимъ поглаживаніемъ бороды, и затѣмъ уже залпомъ привѣтствуютъ хозяина дома поздравленіемъ. Поднесенные дары отправляются на женскую половину, чтобы, послѣ нѣкотораго переформированія, явиться снова въ ту же мигманхану для угощенія посланцевъ, которые, не вдаваясь въ отвлеченности, вступаютъ въ переговоры относительно размѣровъ калынга (калымъ), т.-е. платы женихомъ родителямъ невѣсты. Обыкновенно соглашеніе устанавливается довольно скоро, и того же дня родители жениха узнаютъ отъ довѣренныхъ (гуавокаль) размѣры предстоящихъ на свадьбѣ расходовъ. Они не особенно велики; у людей средняго состоянія въ колынгъ уплачиваютъ: одну лошадь, два быка, одну корову, ружье, три куска алачи, три куска бязи, три батмана (12 пудовъ) муки, одного быка для зарѣза, да подарки невѣстѣ изъ нѣсколькихъ аршинъ ситцу на рубаху и штаны, изъ четырехъ аршинъ тику на верхнюю надевку, называемую кальтча, изъ двухъ бумажныхъ или простыхъ шелковыхъ платковъ (румаль), изъ двухъ паръ галошъ. Къ вечеру дня, назначенаго для вѣнчанія (никохъ), собираются въ домъ родителей невѣстысосѣди или всѣ кишлакчные, пріѣзжаютъ женихъ съ своими товарищами, всѣ усаживаются, кое о чёмъ потолкуютъ, а затѣмъ мулла спрашиваетъ невѣсту, чрезъ двухъ довѣренныхъ отъ нея (подарь-вокиль), по своей ли волѣ решается выходить замужъ за „такого-то“, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спрашиваетъ также жениха: береть-ли онъ въ жены „такую-то“ и сколько уплатилъ въ мохръ (обеспечение жены). Составивъ вѣнчальный актъ (никохъ-хать), со

включениемъ въ него свѣдѣній о сдѣланныхъ женихомъ издержкахъ, мулла читаетъ молитву (худба) — и обрядъ вѣнчанія надѣтъ отсутствующей въ другой сакѣ невѣстой совершенъ. Этотъ вечеръ гости мужской и женской половины обильно угощаются запашей (угра) въ кисломъ молокѣ съ зеленью, молочной кашей и въ заключеніе пилавомъ. Къ 10 часамъ вечера, пиръ, обозначающійся только жеваньемъ и разговорами, оканчивается, женихъ получаетъ отъ родителей невѣсты халатъ и отправляется въ свой домъ, подъ звуки пѣсней товарищѣ, получающими раньше выступленія изъ дома родителей процессіи кишлачныхъ женщинъ, сопровождающихъ „молодую“ въ домъ жениха при факельномъ освѣщеніи. Здѣсь, въ отдельной комнатѣ, перегороженной на этотъ случай занавѣской, „молодой“, въ первый разъ, вскоро привѣтствуетъ свою жену и представляетъ ей оставаться эту ночь съ своими подругами, угощающимися отъ всего усердія и достатка домохозяина. На другой день изъ дома невѣсты доставляется приданое, за которое „молодые“ отплачиваются родителямъ скромными подарками. Чрезъ 15—20 дней молодые навѣщаются родителямъ невѣсты съ приношеніемъ барана, 100 лепешекъ, сладостей и получаютъ въ отвѣтъ корову, одного козла, пять барановъ, одинъ платокъ, галоши. Далѣе жизнь идетъ проторенной вѣкамъ колеей со всевозможными поворотами въ радостямъ и въ огорченіямъ, стоящимъ при всѣхъ случаяхъ опредѣленныхъ издержекъ.

Разводы (талонь) между горцами бываютъ очень рѣдко, если жена злая, плохая работница, неуживчива съ другими женщинами своего мужа. Получившая разводъ судейскимъ, казиевскимъ автомъ (хаты-талокъ), пользуется правомъ полной свободы выхода замужъ за другого, такъ это всегда и бываетъ, потому что разведенная стоитъ дешевле, да и разводъ подготавливается тайнымъ вліяніемъ какого нибудь возлюбленного, хотя, надо сказать, случаи нарушенія супружеской вѣрности вообще очень рѣдки между горцами.

Уѣганіе молодыхъ женъ въ домъ родителей своихъ, вслѣд-

ствіе неуживчивости, практикуется также и въ горахъ, но чаще оканчивается примиреніемъ безъ всякихъ судебныхъ понужденій, которыхъ вообще избѣгаютъ дарвазды, какъ народъ незлобивый, хотя и очень вспыльчивый до самозабвенія.

Въ жизни горца, какъ у всѣхъ правовѣрныхъ, наиболѣе торжественное событие составляетъ празднество обрѣзанія сына (той хаты насырь), совершаемое надъ подростками въ 8—10 лѣтъ. По заведенному обычаю, на этотъ праздникъ приглашаются не только односельцы, но и всѣ жители ближайшихъ селеній. Къ богатымъ собираются такимъ образомъ иногда до 500 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и всѣ угощаются въ продолженіе трехъ сутокъ разными лучшими яствами съ пловомъ, въ размѣрѣ, смотря по достатку домохозяина. На такомъ празднике, въ то время, когда на женской половинѣ идетъ трескотня о разныхъ обыденныхъ дѣлишкахъ, мужчины, отъ старого до малаго, ристаютъ верхами на классической игрѣ разрыванія козла, называемой кош-коры-улакъ. Въ Дарвазѣ этой забавой терзанія козла занимаются пѣши любители мужчины. Къ вечеру третьего дня празднство кончается, гости расходятся и разъѣзжаются по домамъ, а на слѣдующій день, въ тишинѣ, цирюльникъ (сартарашъ) дѣлаетъ надъ мальчикомъ свое дѣло. Хозяинъ сводить тщательно счеты издержкамъ и благодарить Аллаха, что празднство обошлось только въ 20 барановъ, 2 батмана рисовой крупы, 12 козловъ, 2 батмана лепешекъ и проч., всего на 140 руб. для средняго состоянія, на 10 рублей для бѣдняка.

Поминки погребальные, съ раздачею на кладбище по одному аршину алачи, или базы на память (иртышъ), съ угощеніемъ чрезъ три дня сосѣдей, также вызываютъ расходъ отъ 30 до 60 рублей для средняго состоянія и въ пять разъ больше для богатыхъ, раздающихъ въ поминальный иртышъ адресъ или ситецъ. На такія поминки и народа является, конечно, больше, и угощеніе обильнѣе.

Поминки продолжаются въ теченіе года, выражаясь жертвованіемъ имаму и молящимся прихожанамъ большой чашки супу

и десяти лепешекъ каждую пятницу. Горцы Дарваза-Каратегина всѣ мусульмане, сунитского толка, не особенно однако религіозны,—мало заботливы о своихъ молитвенныхъ домахъ (мечетяхъ), плохо устроенныхъ, о своихъ имамахъ, получающихъ крайне скудное вознагражденіе отъ прихожанъ за исполненіе требъ вѣнчанія, погребенія, за обученіе мальчиковъ грамотѣ. Весь годовой доходъ имама съ приношеніями (фитири-рузъ) въ постъ уразы по одной чайной чашкѣ хлѣбного зерна съ каждой души прихода, по одной шкурѣ барана, козла, убиваемыхъ жертвоприношеніемъ въ годовой праздникъ Куронъ-бойрамъ, едва составляетъ на деньги 20 рублей. Имаму прихожане помогаютъ, однако, въ обработкѣ земли, въ уборкѣ жатвы, въ заготовленіи топлива на зиму, съ большимъ трудомъ добываемаго въ скалистыхъ высочайшихъ горахъ, за тричетыре перехода отъ селенія.

Приходская мечеть каждого селенія въ Дарвазѣ и Каратегинѣ служить также и соборищемъ молодежи на вечеринки (гоштакъ) для собесѣданія и затѣмъ для ночлега.

Обыкновенно, по установившемуся издавна обычаю,—всѣдствіе тѣсноты домашнихъ помѣщевій горцевъ, въ которыхъ часто бокъ-о-бокъ раздѣляютъ супружеское ложе 2—3 семьи,—всѣ подростки съ 10-ти лѣтъ и вся холостежь вообще съ вечера отправляется съ кое-какой подстилкой, съ горстью топлива (поочередно), съ одной лепешкой въ сельскую мечеть, гдѣ весело по своему проводятъ время въ разговорахъ, шуткахъ и пѣніи, засыпая въ повалку на полу предъ общимъ костромъ и удаляясь на разсвѣтъ къ себѣ домой, чтобы освободить мечеть для молящихся стариковъ.

Въ горахъ эти вечеринки въ мечетяхъ во время продолжительной зимы замѣняютъ тѣ очередныя соборища (гоштакъ), которые устраиваются любителями во всѣхъ городахъ и большихъ селеніяхъ Средней Азіи на артельныхъ началахъ съ непремѣннымъ участіемъ танцовъ-батчей, пригожихъ мальчиковъ, которые служатъ у сартовъ и для увеселеній, и какъ

предметъ страстнаго ухаживанія поклонниковъ и соревнователей-батчабазовъ.

Обыкновенная же забавы горцевъ состоять въ бѣганы по горамъ съ терзаніемъ прирѣзанного козла, въ борьбѣ (гуши) силачей, въ плаваніи съ пѣснями на кожанныхъ турсукахъ (мѣшкахъ) на Пяндже, Хингобѣ и Сурхъ-обѣ. Другихъ развлечений у горцевъ нѣть, а для горянокъ и еще меныше этихъ развлечений, потому что съ 12-ти-лѣтнаго возраста, сдѣлавшись женами, они поглощены заботами о семье, о домашнемъ хозяйствѣ, о призрѣніи старииковъ, къ которымъ относятся всѣ вообще съ большимъ уваженіемъ.

Для полноты этнографического очерка Дарваза и Каратегина необходимо сказать, сколько известно намъ изъ знакомства на мѣстѣ, объ отличительныхъ чертахъ характера горцевъ, о мировоззрѣніи ихъ, о духовномъ творчествѣ.

Какъ и у всѣхъ первобытныхъ, неиспорченныхъ народовъ, въ характерѣ горцевъ особенно выдается добродушіе съ общественнымъ призрѣніемъ сыrotъ, вспыльчивость, кровомщеніе (хундоръ), уваженіе къ старшимъ, къ чужой собственности, правдивость, твердость въ словѣ, отважность на всѣ случаи опасности съ полнымъ презрѣніемъ трусовъ, терпѣливость, стоническая выносливость всяческихъ лишеній въ борьбѣ съ природой, съ соціальными явленіями, расположение къ гостепріимству до готовности каждого подѣлиться, хотя бы и съ случайнymъ гостемъ, послѣдними крохами домашнаго хозяйства.

Умственныя способности горцевъ выражаются большою понятливостью, наклонностью къ наблюденіямъ, обширною памятью, которою отличаются дарвазцы-каратегинцы и въ знаніи своей генеалогіи, преданий, легендъ и въ изученіи восточныхъ наукъ, привлекающихъ въ бухарскія и самарканскія медрессе множество молодыхъ людей, оканчивающихъ полный курсъ наукъ и скорѣе и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ товарищи изъ туземцевъ долины, просиживающіе обыкновенно въ медрессе надъ зубреніемъ богословія, законовѣданія, восточной философіи 16—25 лѣтъ:

Мировоззрение горцевъ, отвѣчая полной замкнутости ихъ жизни, отсутствію правильныхъ понятій о естественныхъ законахъ природы, исполнено суевія и боязни злого духа, „мистического“ (латгоръ) и „покровительственного“ (патохгоръ).

Въ Дарвазѣ не знаютъ ни года магометанской эры, ни названія мѣсяцевъ, ни названія странъ свѣта. Въ мірѣ свѣтиль солнце (афтобъ) считаютъ источникомъ жизни, свѣта; луну—убѣжищемъ усопшихъ; полярную звѣзду (куторъ)—указательницей пути. Молнию и громъ приписываютъ попыткой чорта подняться на небо, причемъ ангелы бросаютъ въ него огненосные камни. Весна и лѣто посылается Богомъ изъ отдѣленія рая, а осень и зима изъ ада. Землетрясеніе, часто причиняющее своею продолжительностью (5—10 минутъ) горные обвалы и гибель цѣлыхъ селеній (муманъ-абатъ), приписываютъ вздрагиванію ада отъ муки грѣшниковъ.

Умственное творчество дарвазцевъ отражаетъ въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ угнетеніе материальное, отчасти зависть къ живущимъ въ доволѣствіи и стремленіе освободиться отъ влияния тяжелыхъ условій жизни и несправедливостей судьбы. Вотъ наиболѣе любимыя пѣсни горцевъ въ четыре стиха:

Потомки благородныхъ семействъ, чистыхъ, какъ серебро, теперь хуже зараженнаго жегъза.

Ницій, бродившій изъ дома въ домъ, превратился въ богача и єсть сахар-ниакомства.

Старая лисица была ничтожнѣе ишака и собаки,—посмотрѣши, превратилась теперь въ тигра.

Пользовавшійся когда-то обѣдками сдѣлался важнымъ гордымъ шахомъ.

Щедрый человѣкъ, раздававшій всегда хлѣбъ нуждающимися, самъ сдѣлался нищимъ и не встрѣчаетъ помощи; въ это время пѣть ни совѣти, ни стыда.

У лошадей завязаны рты и они не ржутъ, а откорыченный быкъ реветь во все горло.

Кромѣ этихъ морализующихъ пѣсень, есть не мало и веселыхъ куплетовъ, воспѣвающихъ о жизни цветовъ, о прелести голоса влюбленного соловья, о семейной заботливости голубя.

## С П И С О КЪ

населенныхъ мѣстъ Дарваза и Карагина.

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число домовъ.	На какой рекѣ.	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число домовъ.	На какой рекѣ.
1. Бенство Дарвазъ.			Амлякдарство Хуласъ.		
Амлякдарство Верхняя Вахія.			Язгонъ . . . . .	28	
1. Сангі-Воръ . . . . .	30	На правомъ берегу рѣки Хигибса.	Рибодналь . . . . .	24	
Рехчъ . . . . .	12		Шуръ . . . . .	27	
Дорон-кельнъ . . . . .	30		Чиль-дара . . . . .	22	
Рого . . . . .	26		Сирхай . . . . .	29	
Сикотъ . . . . .	18		Шокай . . . . .	30	
Хукъ . . . . .	50		Розъбъ . . . . .	18	
Арзунгъ . . . . .	29		Посиби Талхъ . . . . .	30	
Пашымгеръ . . . . .	48		48. Даشتы-Гирі . . . . .	32	
Ляджирбъ . . . . .	30		Тавиль-дара . . . . .	40	
10. Дарахтанъ . . . . .	25		Болпабъ . . . . .	22	
Рогола . . . . .	27		Джирогъ . . . . .	42	
Найгуфъ . . . . .	30		Энгора . . . . .	28	
Нисай . . . . .	20		Хасанъ . . . . .	32	
Хаэреты-бурхъ . . . . .	25		Шаабды . . . . .	27	
Писада . . . . .	28		Хамборо . . . . .	22	
Урфотъ . . . . .	30		Пашоръ . . . . .	32	
Ситарха . . . . .	36		Хожа-Хуласъ . . . . .	22	
18. Сара-сангъ . . . . .	33		Гафиты-Чирогъ . . . . .	23	
		На лѣвомъ берегу рѣки Хигибса.	Коса Гордонъ . . . . .	27	
			Нурувъгъ . . . . .	30	
		527	Даболяндъ . . . . .	36	
			Шоронъ . . . . .	36	
			Бигингъ . . . . .	27	
			Дикозянъ . . . . .	30	
			Тавиль-дара-база . . . . .	26	
			Сары джанги . . . . .	28	
			67. Корапакъ . . . . .	30	
			800		
			Протяженіе территории трехъ провинцій 250 верстъ въ длину.		
			Амлякдарство Сагры-дашъ.		
			Кизумба . . . . .	26	
			Сейдана . . . . .	25	
			Агонгоронъ . . . . .	30	
			Азунъ . . . . .	28	
			Дора-Мило . . . . .	22	
			Лахчъ . . . . .	30	
			Камчакъ . . . . .	36	
			Чарканъ . . . . .	23	
			Шокозандоръ . . . . .	29	
			Сафидаруаъ . . . . .	24	
			Гирдоро . . . . .	24	
			Зороко . . . . .	27	
			На р. Сагры-дашъ, (прит. Лынаги-бера, рѣка Хигибса).		

Гузьбаевъ . . . . .	36
Софитсонтъ . . . . .	26
Миродонъ . . . . .	35
Содыко . . . . .	30
84. Посты-инаянъ . . . . .	22
	469

Протяженіе провинцій въ длину 25 верстъ

#### Юго-восточный Дарвазъ.

85. Пой-мазаръ . . . . .	28
Мудыхоръ . . . . .	29
Будобъ . . . . .	32
Рихоръ . . . . .	26
Харговатъ . . . . .	27
Буюй . . . . .	24
Гишхуръ . . . . .	28
92. Гаюй . . . . .	22
Язгылёнъ . . . . .	34
Омыръ . . . . .	27
Джумарчъ . . . . .	40
Ворфоя . . . . .	20
Джостокъ . . . . .	28
Маймой . . . . .	24
Ризвоякъ . . . . .	32
Джумарчъ . . . . .	26
Убогавъ . . . . .	27
Широнъ . . . . .	29
Джовой . . . . .	26
Насой . . . . .	34
Мувау . . . . .	23
106. Вотхудъ . . . . .	40
Пишхарфъ . . . . .	27
Корчавазъ . . . . .	30
Тазмай . . . . .	28
Вусхоръ . . . . .	22
Вичхарфъ . . . . .	24
Джорфъ . . . . .	30
Кевронъ . . . . .	22
Рузвой . . . . .	36
116. Калан-Хумъ . . . . .	33
	920

Протяженіе верхняго Дарваза въ длину 120 верстъ.

#### Юго-Западный Дарвазъ.

Ходоро . . . . .	28
Гумай . . . . .	39
Сангличъ . . . . .	29
Мойнаякъ . . . . .	34
Арыничъ . . . . .	27
Шипазынъ . . . . .	29

<sup>1)</sup> Въ этомъ спискѣ не поименованы селенія съ числомъ домовъ менѣе десяти; такихъ селеній насчитывается до 200, такъ что въ Дарвазѣ общее число селеній до 360 съ 6,000 домовъ.

Физаль . . . . .	36
Убонгъ . . . . .	36
Ларуузъ . . . . .	38
Умарокъ . . . . .	29
Зингъ . . . . .	22

Сангуе . . . . .	30
Дуравакъ . . . . .	38
Пашкушау . . . . .	30
Ширговодъ . . . . .	27
Ягыть . . . . .	28

Шекель . . . . .	27
Сонги . . . . .	33
Винхоръ . . . . .	46
Джаръ . . . . .	26
Гузунъ . . . . .	29

Хостау . . . . .	30
139. Зигоръ . . . . .	22
	704

Протяженіе отъ к. Хузинъ до Зигора 140 верстъ.	
	Нижний Дарвазъ.
	Күздара . . . . .
	Ноготъ . . . . .
	Пармаканъ . . . . .

Хонбитугъ . . . . .	22
Номуч-пастъ . . . . .	28
145. Хульдугъ . . . . .	32
Фи . . . . .	49
Чукторъ . . . . .	23

Поногоръ . . . . .	27
Корвау . . . . .	27
Бохоръ . . . . .	23
Чидыу . . . . .	39
Уяхарь . . . . .	32

Дорожъ . . . . .	20
Пономозаръ . . . . .	28
Хырчъ . . . . .	34
Лугордокъ . . . . .	34
Инжъ . . . . .	38

Нимиръ . . . . .	32
159. Пидыу . . . . .	29
	Всего въ Дарвазѣ. 4523 <sup>1)</sup> .

#### 2. Карагинъ.

I.	
Амлякдартво Киргиз-ское.	
1. Кичинъ-карамукъ . . . . .	14
Сарыгуй . . . . .	23
Ачишъ-алма . . . . .	19

Дувана . . . . .	32
Сарынуль-Шапиязъ . . . . .	18
	На первохор. Кызыл-Су и притоковъ его.

Правый берегъ . . . . .	36
Левый берегъ . . . . .	38
Правый берегъ . . . . .	22
Левый берегъ . . . . .	22
Правый берегъ . . . . .	22

Правый берегъ . . . . .	36
Левый берегъ . . . . .	38
Правый берегъ . . . . .	22
Левый берегъ . . . . .	22
Правый берегъ . . . . .	22

Правый берегъ . . . . .	36
Левый берегъ . . . . .	38
Правый берегъ . . . . .	22
Левый берегъ . . . . .	22
Правый берегъ . . . . .	22

Правый берегъ . . . . .	36
Левый берегъ . . . . .	38
Правый берегъ . . . . .	22
Левый берегъ . . . . .	22
Правый берегъ . . . . .	22

Правый берегъ . . . . .	36
<tbl\_info cols="2

Шульдуръ . . . . .	27
Сипозынгъ . . . . .	30
Шульдуръ базя . . . . .	28
Сюбъ-Дара . . . . .	20
Кара-Шааръ . . . . .	17
Чалкыльдыкъ . . . . .	20
Кара Шагоръ базя . . . . .	22
Чолбазыдакъ міонъ . . . . .	50
Чонкыльдыкъ базя . . . . .	20
Новабатъ . . . . .	26
Сафидъ-объ . . . . .	17
Мазаръ . . . . .	18
Морхуно . . . . .	36
Мазаръ-базя . . . . .	30
Мусафитъ . . . . .	26
Азпаюкъ . . . . .	18
Ходжи Кипшакъ . . . . .	36
Биды-тока . . . . .	32
Кобія мостъ . . . . .	27
Будоного . . . . .	32
Кызывокъ . . . . .	18
Хастфага . . . . .	26
Буль-калычес . . . . .	32
Санга-Гучь . . . . .	24
Дуба . . . . .	30
Хизъ дара . . . . .	18
Лигдозъ . . . . .	24
Чусель . . . . .	27
Мартопъ . . . . .	30
151. Гонджацъ . . . . .	29
	2622

III.

Аялядарство Гарынъ . . . . .	
Нүкичъ . . . . .	16
Нүкичакъ . . . . .	20
Нүничъ-боле . . . . .	32
Джафръ . . . . .	27
Явгылыкъ . . . . .	30
Хұфакъ . . . . .	22
Каланакъ . . . . .	18
Харбокъ . . . . .	30
Каланакъ-мона . . . . .	30
Мұрутакъ . . . . .	27
Да-оба . . . . .	30
Харбокъ . . . . .	29
Калан-учакъ . . . . .	27
Керки . . . . .	20
Шамиръ Заунъ . . . . .	20
Наубатъ . . . . .	28
Бельги . . . . .	19
Язъ Домычъ . . . . .	20
Куя . . . . .	23
Куя Саңғокъ . . . . .	18
Калан-Шейхъ . . . . .	24
Науды . . . . .	32
Когакъ . . . . .	27
Когакъ-паянъ . . . . .	20
Нижераіонъ . . . . .	12
Халь-карфъ . . . . .	18

На правомъ берегу Сурхъ-оба.

На правомъ берегу Сурхъ-оба.

Лаяктъ . . . . .	24
Бидотъ . . . . .	22
Чаръ-шоха . . . . .	20
Махсутъ . . . . .	18
Гарма . . . . .	70
Шуль . . . . .	22
Козиокъ . . . . .	18
Чашма козы . . . . .	12
Калон Міпа . . . . .	20
Хавасіяпъ . . . . .	12
Вордычъ . . . . .	18
Кызырокъ . . . . .	20
Моткувокъ . . . . .	20
Кочамайды . . . . .	20
Каралыкъ . . . . .	20
Лой-оба . . . . .	16
Буни Софиянъ . . . . .	20
Сангъ Малыкъ . . . . .	22
Шылымакъ . . . . .	26
Куртынгъ . . . . .	22
Хүрзіланъ . . . . .	30
Сасдіоль . . . . .	18
Яшытъ . . . . .	24
Шагендора . . . . .	20
Подже . . . . .	22
Дашты Сіокъ . . . . .	20
204. Цоджи-базя . . . . .	18
Гарифъ . . . . .	32
Оба Хизъфъ . . . . .	26
Ноянартъ . . . . .	18
Насрутъ . . . . .	16
Дү-бүреа . . . . .	22
Диди-бапя . . . . .	15
Зія Джанғазъ . . . . .	18
Диди-Паянъ . . . . .	12
Ходжа-Губокъ . . . . .	18
Шынгличъ . . . . .	23
Таврюкъ . . . . .	15
Ходжа-Ази . . . . .	27
Саңғурахъ . . . . .	13
Куль . . . . .	20
Носкоқъ . . . . .	19
Күтермә . . . . .	16
Сүрху . . . . .	27
Нова-батъ . . . . .	20
Шанды . . . . .	27
Рүи хонвары . . . . .	18
Соръ-бугъ . . . . .	27
Джинғанъ . . . . .	26
Шахи . . . . .	22
Рубось . . . . .	16
Кишинбагъ . . . . .	20
Івокъ . . . . .	24
Хунъ-дора . . . . .	18
Туда . . . . .	26
Корамонды . . . . .	30
Цингонъ . . . . .	28
Сантъ . . . . .	26
Дора-Раватъ . . . . .	28
Рүи-Рабатъ . . . . .	24
Нугбель базя . . . . .	22

На правомъ берегу Сурхъ-оба.  
На правомъ берегу Сурхъ-оба.  
На правомъ берегу Сурхъ-оба.

Нугбель паянъ . . . . .	15
Форкока . . . . .	16
Копобокъ . . . . .	19
Сиби Ногары . . . . .	10
Би-объ . . . . .	20
Комарау . . . . .	22
Курвалъ . . . . .	10
Хокомъ . . . . .	8
Ди-кызычъ . . . . .	10
Ди-Ша . . . . .	15
Ди-эузла . . . . .	18
Дорон Попокъ . . . . .	28
Шагомдара . . . . .	10
Джангаль Сухта . . . . .	18
Гури живаа . . . . .	16
Джорока . . . . .	12
255. Хирсонгъ . . . . .	26
Дашты Сіокъ . . . . .	18
Иполоки . . . . .	20
Санги коръ . . . . .	26
Хүфъ . . . . .	18
Огонгаровъ . . . . .	16
Сіокъ-паянъ . . . . .	18
Сіокъ-шіюна . . . . .	12
Сіокъ-базя . . . . .	19
Иртемчи . . . . .	15
Ди-паянъ . . . . .	22
Зарифи . . . . .	10
Хиншыракъ . . . . .	26
Гильконъ . . . . .	19
Хильноны . . . . .	25
Парво . . . . .	22
Хожъ-Шамеддинъ . . . . .	18
Шамеддинъ-базя . . . . .	20
Шыль-хазаръ . . . . .	12
Горапго . . . . .	27
Покишиаги . . . . .	23
Коляпокъ . . . . .	18
Турконгъ . . . . .	20
Давтоны . . . . .	16
Кыргизакъ . . . . .	26
Шашканағо . . . . .	20
Ду-обо . . . . .	18
Поткани-машъ . . . . .	27
Чуштоң . . . . .	13
Хазретъ ходжа Абдузайтъ . . . . .	27
Догони-Гүнешъ . . . . .	20
Мұлла Бадаль . . . . .	20
Ляли Зорунъ . . . . .	27
Хури-хомъ . . . . .	23
Ишана . . . . .	27
Гүдже-жотъ . . . . .	18
Догоно . . . . .	25
Шалы . . . . .	24
Когогордуңъ . . . . .	15
Бала Шагоръ . . . . .	20
Шагоръ Міона . . . . .	27
Шагоръ Паянъ . . . . .	23
Соры Пичунгъ . . . . .	24
Напиша Саңғокъ . . . . .	19

На рр. Комарau и Соры-бугъ.  
На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.

Гуламонъ . . . . .	12)
Самсакалъ . . . . .	20
Зордо . . . . .	15
Шихо . . . . .	18
Шондаучи . . . . .	30
Пита . . . . .	25
Шондаучи-базя . . . . .	12
Торгокъ . . . . .	24
Фолома . . . . .	19
Гузаръ Чашма-базя . . . . .	15
Гузаръ Чашма-паянъ . . . . .	26
Толхокъ . . . . .	19
Хиджборовъ . . . . .	26
Сюбу-Сурхобъ . . . . .	18
Бодровекъ . . . . .	23
Учобъ . . . . .	16
Ангуръ . . . . .	15
Ярхобъ . . . . .	18
Хидріовъ . . . . .	16
Хидріовъ базя . . . . .	20
Кызылъ-жой . . . . .	17
Жхобность . . . . .	22
Комолистанъ . . . . .	12
Зигибетъ . . . . .	18
Комолистанъ базя . . . . .	20
Куль . . . . .	20
Шорхо . . . . .	16
Кузъ-базя . . . . .	26
Шорхо-базя . . . . .	24
Сымы-Шохоръ . . . . .	16
Азқолаянъ . . . . .	18
Додо-Бохішъ . . . . .	22
Дукуны Сөнгъ . . . . .	18
Булькость . . . . .	24
Сағитындақъ . . . . .	20
Тугокъ . . . . .	15
Рұнау . . . . .	26
Чоки-хобъ . . . . .	18
Сары-пұль . . . . .	18
Сары-намакъ . . . . .	22
Пасы-хомъ . . . . .	15
Бабашой . . . . .	18
Махоянъ-паянъ . . . . .	24
Махая-базя . . . . .	20
Сайданъ . . . . .	18
Каблоха . . . . .	10
Софидъ-ха . . . . .	26
Лянгаръ . . . . .	18
Чоръ-чироқъ . . . . .	20
Домау . . . . .	17
Офтобъ . . . . .	24
Гүромъ . . . . .	20
Шуробъ . . . . .	18
Гүюмъ-б	

Сырхдора . . . . .	19
Сорбовди . . . . .	27
Колан-казы . . . . .	22
Шулоноқъ . . . . .	32
Алчачъ . . . . .	26
Ди-амирякъ . . . . .	29
364. Комборианъ . . . . .	12
	На лѣвомъ берегу Сурхъ-обла.
	4453

IV.

Амъядарство Намдо-накъ.

Иширионъ . . . . .	22
Намдовакъ . . . . .	27
Геварь . . . . .	23
Войдара . . . . .	19
Шильхау . . . . .	24
Чылдара . . . . .	18
Нигово . . . . .	20
Турмышъ . . . . .	24
Сіе-объ . . . . .	15
Ніазъ-бегіумъ . . . . .	20
Сары-кошъ . . . . .	14
Хуфакъ . . . . .	20
Учъ-Тургель . . . . .	27
Балюн-Сухтъ . . . . .	29
Новоботъ . . . . .	10
Ковляха . . . . .	18
Били Рубогумъ . . . . .	17
Тохчи . . . . .	22
Джавчи . . . . .	20
Джавчи-бая . . . . .	20
Аулуртъ . . . . .	26
Тон-куль . . . . .	18
Ди-Магомедъ-Зіа . . . . .	22
Хундуңъ . . . . .	15
Хундуңъ-бая . . . . .	20
Гордонго . . . . .	18
Махзори-Сиръ . . . . .	22
Наудунъ . . . . .	20
Ляйи-джаръ . . . . .	23
Іонуръ . . . . .	28
Казакунъ . . . . .	12
Тиргеръ . . . . .	27
Душамби . . . . .	20
Муро . . . . .	28
Ди-та . . . . .	14
Боргочъ . . . . .	23
Бафтагузаръ . . . . .	28
Глизы . . . . .	25
404. Яфучъ . . . . .	12
	На берегу Хундуңа при падении его въ Сурхъ-обла.
	810

V.  
Амъядарство Оби-Гармъ.

Лянгаръ . . . . .	24
Тегирми . . . . .	17
Тутхоръ . . . . .	27
Душа хаэмпинъ . . . . .	15
Дигоги . . . . .	18
Шахунидозъ . . . . .	15
Позбачи . . . . .	28
Чинаръ . . . . .	12
Диль вахокъ . . . . .	27
Ди-комборъ . . . . .	17
Шамандуны . . . . .	15
Дарвиши-бая . . . . .	24
Диедона . . . . .	18
Оби-Гармъ . . . . .	20
Сабзы-кодомъ . . . . .	25
Соры-мазоръ . . . . .	28
Хуязъ . . . . .	25
Новобадъ . . . . .	20
Дыбылинидъ . . . . .	27
Колышокъ . . . . .	12
Казакунъ . . . . .	18
Чормажозъ . . . . .	27
Муджигореръ . . . . .	15
Зорунъ . . . . .	20
Сіяглакъ . . . . .	13
Тон-комаръ . . . . .	18
Соры-зокъ . . . . .	26
Дайхолъ . . . . .	25
Киликъ . . . . .	18
Джаучы . . . . .	29
Коскопъ . . . . .	20
Хосондоро . . . . .	24
Шохтуңъ . . . . .	27
Хакиши . . . . .	18
Лугуртъ . . . . .	30
Ди-Бустунъ . . . . .	26
Пұмтас Халифа . . . . .	18
Соры-кары-Шарифъ . . . . .	20
Сонги-бүрхъ . . . . .	19
Сіу-по . . . . .	25
Коликунъ . . . . .	32
Зуріюңъ . . . . .	20
Лиджокъ . . . . .	15
Дильва-хакъ . . . . .	27
Абылвахіонъ . . . . .	20
Дигиунъ . . . . .	15
Лаякъ . . . . .	20
Кокабулакъ . . . . .	18
Чорхона . . . . .	17
Дилошкаръ . . . . .	25
Ишинуңъ . . . . .	29
Кольтаго . . . . .	18
Димирза . . . . .	20
Еозарокъ . . . . .	27
Хундора . . . . .	12

На правомъ бе-На правомъ берегу Сурхъ-обла отъ падения  
берегу Сурхъ-обла.

Гармово . . . . .	18
(теплый источникъ).	
Мулла-шейхъ . . . . .	27
Сива . . . . .	12
Джавави . . . . .	18
Софидорупъ . . . . .	15
Прыдора . . . . .	23
Чарокуль . . . . .	19
Пучаги . . . . .	10
Копдабетъ . . . . .	27
Шондонъ . . . . .	20
Гуло-Сурхи . . . . .	15
Соврокъ . . . . .	28
Годумакъ . . . . .	19
Восогионъ . . . . .	24
Хиғой . . . . .	20
Чормокзы . . . . .	10
Пору . . . . .	22
Новободъ . . . . .	27
Форухъ . . . . .	12
Сонгова . . . . .	18
Бидокъ . . . . .	13
Пичокзоръ . . . . .	15
Зоркожоръ . . . . .	10
Комары-могуль . . . . .	12
Майданъ . . . . .	10
Сары-Камынъ . . . . .	12
Паси-Маграго . . . . .	20
Курвиичъ . . . . .	13

На правомъ берегу Сурхъ-обла.

Аръ-арақъ . . . . .	16
Оби-зумъякъ . . . . .	10
Коджбетъ . . . . .	12
Тутъ-чезмъ . . . . .	10
Ковакъ-дора . . . . .	16
Писта-Мазаръ . . . . .	20
Чушунъ . . . . .	12
Дильвакъ . . . . .	18
Оби-Гармъ . . . . .	89
Мурдонъ . . . . .	10
Рогоянъ-бала . . . . .	12
Рогонъ-ааянъ . . . . .	13
Бедиха . . . . .	20
Ляйи-дора . . . . .	10
Ходжа-Вали-ша . . . . .	18
Тан-комаръ . . . . .	16
Седжъ . . . . .	19
Тахта-чашма . . . . .	10
Тан-օգба . . . . .	15
Кишра . . . . .	12
Наро . . . . .	8
Джуручъ . . . . .	12
Ходжа-хореръ . . . . .	10
512. Ходжа-бала . . . . .	12

На лѣвому берегу Сурхъ-обла.

На правому берегу Сурхъ-обла.

Всего въ Каратегинѣ: 10741

2022

## АФГАНСКИЙ ТУРКЕСТАНЪ ВЪ 1878—1880 ГОДАХЪ<sup>1)</sup>.

(Очеркъ политическихъ событий<sup>2)</sup>).

### I.

Задача очерка—подробное изложение политическихъ событий въ Афганскомъ Туркестанѣ за послѣднее трехлѣтие. — Краткія историческая свѣдѣнія о странѣ за Аму-дарьею, носившей греческое название Трансоксанія (до Р. X.), затѣмъ Хоразанъ (III в.), Чаръ-Вилайтъ (XVII в.) и, наконецъ, Афганскій Туркестанъ (XVIII в.). — Исторія образования въ XVII вѣкѣ Афганскаго ханства. — Первый афганскій эмиръ Ахметъ-ханъ и распри послѣдующихъ эмировъ.—Узураторъ Достъ-Магометъ-ханъ дѣлается афганскимъ эмиромъ послѣ продолжительныхъ междуусобныхъ войнъ племенныхъ вождей.—Первое военное вышательство англичанъ въ дѣла Афганистана.—Вступленіе англійскаго отряда въ Кабулъ и обращеніе Достъ-Магомета въ пенсіонера.—Истребленіе афганцами англійскаго отряда и вторичное занятіе Кабула англичанами.—Признаніе англичанами Достъ-Магометъ-хана эміромъ Афганистана.

Въ этомъ очеркѣ намѣреваемся сообщить о событияхъ за послѣдніе три года въ той части Афганистана, которая знакома съ политическими невзгодами, опредѣлявшими такъ или иначе ея судьбу, съ весьма отдаленного времени.

Не углубляясь за подробностями въ исторію, которая одна можетъ отвѣтить на вопросъ: почему Афганскій Туркестанъ—этотъ ключъ Турана—неъ всегда самую тяжелую отвѣтственность за свое географическое положеніе на путяхъ въ Индію,

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1881 г.

<sup>2)</sup> При чтеніи этой статьи удобнымъ указателемъ географического положенія страны можетъ служить сорокаверстная карта Туркестанскаго военнаго округа, изд. 1877 года, а также карта театра войны (1878—1879 г.) въ Афганистанѣ, изданная топ. отд. Главнаго Штаба.

Персію, Туркестанъ, Китай, отмѣтимъ кратко главные періоды въ жизни этой страны, чтобы сообщить болѣе подробно о событияхъ послѣдняго трехлѣтия, какъ сосредоточившихъ на себѣ всеобщее вниманіе и въ Средней Азіи, и въ Европѣ.

Благодаря такимъ восточнымъ историческимъ источникамъ, какъ Наршахи, Зафернамахъ, Тарихи-Джиганкуша, Шейбанинамахъ, Мекимъ-хана, которые послужили для г. Вамбери материаломъ къ составленной имъ „Исторіи Бухары“, известно, что та значительная территорія между лѣвымъ берегомъ Амудары (Оксъ) и подножіемъ Гиндукуша, которая вмѣщаетъ въ себѣ теперь округа Чарджуй, Норазымъ, Керки, Келифъ—Бухарскаго ханства и собственно Афганскій Туркестанъ—съ Балхомъ, Ахча, Кундузомъ, составляла съ полтора вѣка до Р. X. часть имперіи Александра Македонскаго (Зуль Керной), называвшуюся Трансоксанія. Уже въ то время эта страна выдавалась своею густою населенностью въ обругахъ Тахаристанъ (Балхъ), Земъ (Керки), Амуль (Чарджуй),—выдавалась своей привлекательной культурой и играла значительную роль въ торговлѣ Средней Азіи и западнаго Китая съ Индіей. А позднѣе, когда окончилось владычество грековъ, и этотъ ключъ Великой имперіи зажилъ самостоятельную политическую жизнью. Его новое название „Хоразанъ“ повторяется въ исторіи Средней Азіи все чаще, по характеру той роли, которую приходилось занять этой странѣ подъ вліяніемъ вторженія въ 666 г. по Р. X. арабовъ, утвердившихъ здѣсь, въ теченіе слишкомъ двухсотлѣтнаго господства въ Средней Азіи, религію Магомета, вмѣсто ученія Зороастра, которому поклонялось все иранское населеніе Хоразана.

Распространеніе арабами нового культа религіи по всей Средней Азіи, гдѣ, начиная отъ Бухары, рядомъ съ нарызмомъ, укрѣпился еще за два вѣка до Р. X. тибетскій буддизмъ, рѣзко измѣняетъ и политическую судьбу Хоразана.

Войдя въ составъ владѣній арабской династіи Зіодъ-біннисуфіанъ, простиравшихся чрезъ весь Туркестанъ и Фергану за Кашгаръ, Хоразанъ, оставаясь подъ управлѣніемъ намѣстника туркестана.

ковѣ, рано принимаетъ и самъ участіе въ распространеніи ислама въ странѣ туранцевъ и монголовъ. Эта миссіонерская роль Хоразана, реализируясь неумолкающими войнами съ со-сѣдями на правомъ берегу Окса, рано устанавливаетъ и политическое преобладаніе его надъ Бухарой, которое продолжалось при династіяхъ Кутейбе (874 — 907) и саманидахъ (874—907) до тѣхъ поръ, пока волна завоеваній разливалась съ юга, пока Балхъ<sup>1)</sup> держалъ пальму исламитскаго превосходства (Кубекуль-Исламъ) надъ всею западною Азією.

Появленіе затѣмъ кочевыхъ турокъ съ сѣверо-востока (907) и съ запада (1004 г.), нанеся сильный ударъ древне-иранской культурѣ на берегахъ Согда (Зеравшанъ) и Окса (Аму-дарья), разрушаетъ на нѣкоторое время политическую связь Хоразана, Бухары и Хорезма (Хива), какъ составныхъ частей обширной имперіи послѣдней иранской династіи саманидовъ.

Начавшійся династіей сельджуковъ турецко-татарскій періодъ (1004—1218), продолженіемъ котораго былъ монгольский періодъ (1218 — 1363) съ знаменитымъ завоевателемъ Чингизомъ (1218—1226), измѣнили не только политической, но и общественный строй среднеазіатскихъ государствъ, истребивъ послѣдніе слѣды иранской народности и древней культуры.

Такъ какъ турецкіе и монгольскіе ханы этихъ періодовъ считали всегда своею резиденціею городъ Бухару, то Самаркандъ — эти двѣ жемчужины восточно-магометанскаго міра, то остальные провинціи ихъ гигантскихъ имперій, охватывавшихъ окраинами долины Волги, Евфрата, Иида и Персидскаго залива, оставались вассальными данниками подъ управлениемъ ханскихъ родственниковъ и любимцевъ.

Такимъ образомъ при сельджукахъ (1004 — 1133) и чингизовичахъ (1226—1363), несмотря на оплотъ, встрѣченный Чингизомъ сильной до монголовъ династіи хорезмійцевъ,

<sup>1)</sup> Уже двѣсти лѣтъ древній городъ Балхъ представляетъ одни развалины. Все населеніе его перешло въ Мазари-Шерифъ и Ташкурганъ, навсегда покинувъ крайне недородный Балхъ.

вынудившей этого завоевателя проникнуть въ 1221 году чрезъ Балхъ и Кабулъ на Индъ, Хоразанъ окончательно уступилъ свое политическое первенство Бухарѣ, соперничавшей уже тогда своей наукой и культурой съ Балхомъ, Нишабуромъ и Мервомъ.

Сорокадвухлѣтнєе, побѣдоносное, славное царствованіе эмира Тимура (1333—1405), выдвинувъ снова на историческую арену турецкій элементъ, положивъ конецъ господству монголовъ, возстановило порядокъ въ потрясенной чингизовичами странѣ и опредѣлило политическую роль Бухары, Хоразана и друг., какъ олигархическихъ провинцій государства, простиравшагося отъ Иртыша до Ганга и отъ пустыни Гоби до Мраморнаго моря.

Наслѣдовавшій царство Тимура, сынъ его, намѣстникъ въ Индіи, Пиръ-Магометъ-ханъ, и послѣдующіе потомки этого дома не только не выполнили предсмертнаго плана геніального завоевателя, собиравшагося сдѣлать даникомъ своимъ и Китай, но были безсильными свидѣтелями превращенія, въ теченіе стольнія, огромнаго государства въ ханство Бухарское съ его олигархией вместо государственного единства.

Этотъ закатъ счастливой звѣзды азіатскихъ завоевателей надъ оканчивавшимся въ Европѣ бурнымъ періодомъ среднихъ вѣковъ не удалось поддержать и знаменитому Шейбани-Магометъ-хану (1500 — 1510), вожду татарскаго племени узбековъ, населявшаго область Голубой орды, между Волгой и Аральскимъ моремъ.

Хлынувъ съ запада на масульманское царство послѣ окончательного разоренія Золотой орды, узбеки Эбулхаиръ-хана скитались скромно по пустынѣ Средней Азіи, пока внуки этого вождя, Шейбани-Магометъ-ханъ, не вступили въ борьбу съ тимуридами, которая привела къ смѣнѣ этой династіи и къ сильному поднятію политического значенія Персіи. Послѣднія побѣды персидскаго шаха Измайлла надъ Шейбани привели также къ отпаденію отъ Бухары земель лѣваго берега Аму-дары и къ прекращенію навсегда этнографическихъ переворотовъ въ

Средней Азии, где узбеки остались единственнымъ господствующимъ племенемъ.

Ближайшіе воинственные потомки Шейбани, Обайдуллахъ-ханъ, Кючкендже и знаменитый своими военными и государственными способностями Абдулла-ханъ, хотя отмѣтили въ исторіи свое царствование успешными войнами съ Персіей, возвращениемъ всѣхъ отпавшихъ провинцій включительно съ Кундузомъ, Балхомъ, Хивою и Мешхедомъ, но это случайное величие продолжалось не долго.

Частыя войны съ Персіей, столкновенія съ геніальнымъ Баберомъ, основателемъ монгольской имперіи въ Индіи, довели царство шейбанидовъ до такого истощенія, что наследодавшие имъ аштарханиды изъ монгольского племени, занимавшаго визовье Волги, въ первый же годъ царствования Динь-Магомета (1597), потерпѣвъ страшное пораженіе отъ Аббаса шаха персидскаго, лишились вассального Хорезма.

Затѣмъ, въ періодъ царствованія послѣднихъ аштарханидовъ Иманкулы-хана, Абдуль-Азисъ-хана, Субханкулы-хана, южная часть Бухарского ханства за Аму-дарьею хотя выносила удары персіянъ и вторженіе изъ Индіи полчищъ наследниковъ Бабера-мирзы, Джигангира и Шахъ-Джигана (1650 г.), но весь Хоразанъ съ полувассальнымъ горнымъ Бадахшаномъ былъ составной частью ханства, и Бухара все еще пользовалась такимъ уваженіемъ и почетомъ, что и ко двору Субханкулы-хана (1680) являлись посольства съ дорогими приношеніями отъ владѣтелей Кашгара, Индіи, Крыма.

Вражда, возникшая послѣ смерти Субханкулы-хана между его сыновьями Мукамъ-ханомъ, управлявшимъ Балхомъ, и Абайдулла-ханомъ, дѣйствовавшимъ изъ Бухары подъ вліяніемъ своего визиря Рахимъ-бія-Аталаипа изъ племени Мангітъ, привела къ раздробленію ханства (1717 г.), чѣмъ воспользовался Надиръ-шахъ персидскій. Этотъ послѣдній азиатскій всемирный боецъ, успѣшио сразившись съ арміей въ Грузіи и Арабистанѣ, раскинувъ границы своего государства до береговъ Инда, не только завладѣлъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ

тому Аму-дарьи, но, придинувшись (1740) за своей арміей къ самой Бухарѣ, заставилъ явиться въ свой лагерь Эбул-Феизъ-хана, чѣмъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ верховной власти этого эмира, послѣдняго царственнаго представителя изъ дома аштарханидовъ.

Послѣ насильственной смерти Эбул-Феизъ-хана и его сыновей, въ Бухарѣ открылись междуцарствіе, внутренне раздоры многочисленныхъ партій, которыми и воспользовался самый выдающійся представитель узбекскаго племени Мангітъ, Беги-Джанъ (принцъ) Шахмурадъ, сынъ Даніаръ-бія, внукъ визиря Рахимъ-Аталаипа. Сначала приглашенный быть визиремъ, этотъ „благочестивый“ узбекъ, скрывавшійся до того времени въ медрессе и мечетяхъ подъ рубищами дервиша, устраиваетъ на покой своего государя Абулгази-хана и, поддерживаемый сильной партіей одноплеменниковъ, провозглашаетъ себя эмромъ (1784 г.).

Какъ и ожидали всѣ отъ набожнаго владѣтельнаго сунита, эмиръ Шахмурадъ-Махзумъ, вскорѣ по вступлению на царство, начинаетъ войну съ Персіей во имя вѣры (газа) и для восстановленія бывшей границы своего ханства за Аму-дарьею.

Наэлектризованные фанатической непріязнью къ шіитамъ-персіянамъ, давно уже наполнившимъ рынки Бухары своими невольниками, узбеки съ успѣхомъ овладѣли Мервомъ (1787), все населеніе которого было тогда же переселено насильно въ Бухару.

Предпринятый Махзумомъ въ слѣдующемъ году походъ противъ Мешхеда хотя и не удался, но поощрилъ узбековъ къ грабежу восточныхъ границъ Персіи настолько, что такое систематическое озустощеніе владѣній шаха Ага-Мебамедъ-хана продолжалось почти десять лѣтъ, до 1797 года.

Однако, несмотря на всѣ усилия эмира Махзума и послѣдующихъ эмировъ изъ этой же династіи, имъ не удавались замыслы присоединить къ своимъ владѣніямъ отнятый Надиръ-шахомъ въ 1736 году Хоразанъ, который и оставался съ тѣхъ поръ подъ управлениемъ персидскихъ князей, переимено-

вавшихъ эту провинцію въ Чаръ-Вилайтъ по числу отдельныхъ округовъ Меймене, Ахча, Балхъ, Кундузъ.

Но главнымъ образомъ осуществленію этихъ плановъ бухарцевъ возстановить южную границу помѣшало образованіе смежнаго Афганскаго ханства.

Незначительное въ семнадцатомъ вѣкѣ племя афганцевъ арійскаго происхожденія, занимая вначалѣ территорію въ горной Сулеймановой цѣпи, на пути прохожденія въ Индію монгольскихъ и турецкихъ завоевателей, до начала восемнадцатаго вѣка платило дань и поставляло контингентъ воиновъ то Индіи, то Персіи. Распаденіе монархіи послѣдняго могола въ Индіи, Магометъ-шаха (1742 г.), съ одной стороны, и ослабленіе узбекскаго правленія на Оксѣ—съ другой, помогаетъ афганцамъ образовать самостоятельное владѣніе съ олигархией изъ множества воїдей четырехсотъ племенъ, на которыхъ дѣлятся афганцы и теперь. Со смертію же, въ 1747 году, персидскаго завоевателя Надиръ-шаха, боевому спутнику его, афганцу изъ племени Дурані Ахмедъ-хану (1747—1778 г.), удается сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ всего Афганистана съ Чаръ-Вилайтомъ на сѣверѣ, Мешхедомъ и Астрабадомъ на западѣ и Пенджабомъ на югѣ.

Пока эмирствовалъ энергичный, дѣятельный основатель Афганскаго ханства, оно и держалось въ тѣхъ предѣлахъ, какими опредѣлилъ его Ахмедъ-ханъ; но уже сыну его Тимуръ-шаху, сдѣлавшемуся эміромъ въ 1778 году, пришлось испытать и борьбу съ врагами виѣшими, пытавшимися возвратить (эміръ Махзумъ) отпавшія провинціи (Балхъ), и такую же опасную борьбу съ внутренней олигархией, всегда раздирающей Афганистанъ, и въ мирное время, и въ самые трудные для него годы распри съ сосѣдями на югѣ.

Въ 1793 году, послѣ смерти Тимуръ-хана, интриги болѣе сильнаго племени боракзіевъ передали власть эмира младшему его сыну Заманъ-шаху. Оставаясь подъ вліяніемъ воїakovъ своей партіи, этотъ юный эміръ, мечтая о завоеваніи Индіи, вторгается въ Пенджабъ, отдѣлившійся еще при Ахмедъ-ханѣ,

но, по интригамъ англичанъ, кончаетъ тѣмъ, что, послѣ неудачнаго столкновенія съ Персіей, потерялъ престолъ и былъ ослѣпленъ.

Наслѣдовавшій Заманъ-шаху, его всѣгдашній соперникъ, старшій братъ Махмудъ-ханъ эмирствовалъ только одинъ годъ и, оставивъ Афганистанъ, вынужденъ былъ укрываться въ Бухарѣ отъ преслѣдованій своего соперника Шахъ-Шуджи, сдѣлавшагося эміромъ при содѣйствіи партіи единоутробнаго брата своего Заманъ-хана. Малоспособный, вялый эміръ этотъ въ первое же время сдѣлался орудіемъ англійской политики въ Индіи, склонившей тогда Афганистанъ и Персію къ дружественному союзу противъ предполагавшаго вторженія въ Индію арміи Наполеона. Но такое покровительство англичанъ, предусматривавшее въ договорѣ неприкосновенность Дуранійской монархіи, не помогло Шахъ-Шуджѣ въ домашнихъ раздорахъ, и въ 1809 году, вытѣсненный своимъ братомъ Махмудомъ, онъ послѣ долгаго и полнаго лишеній скитальчества принимаетъ въ Лудіанѣ покровительство англичанъ съ ежегодной пенсіей въ 120.000 рублей.

Возвращеніе изъ Бухары бывшаго эмира Махмуда внесло въ Афганистанъ внутреннюю неурядицу, распаденіе ханства на удѣлы по племенамъ и междоусобныя распри соперничавшихъ за первенство племенныхъ воїдей, которые продолжались почти двадцать лѣтъ, пока въ 1828 году не утвердился на кабульскомъ престолѣ узурпаторъ изъ племени боракзіевъ Достъ-Магометъ-ханъ.

Въ этотъ-то почти сорокалѣтній періодъ внутреннихъ беспорядковъ въ Афганистанѣ, его сѣверная провинція, названная Туркестаномъ, дѣлается автономіею подъ управлениемъ своихъ племенныхъ старшинъ-бековъ, скоро превратившихся въ вассаловъ Бухары и Персіи (Меймене), которымъ они дѣлали подарки (тортуки) замѣсто даніи и поставляли воиновъ. Для эмира Насрулла-хана (1826—1860 г.) не составило бы труда тогда же присоединить къ бухарскимъ владѣніямъ весь Чаръ-Вилайтъ, но совершенно опустошенная страна эта мало

представляла привлекательного, и бухарцы ограничились удержаниемъ своего управления только по одному лѣвому берегу Аму-дарьи, отъ Чарджуя до Келифа, никогда не принадлежавшему афганцамъ ни раньше, ни послѣ. Вниманіе воинолюбиваго эмира Насрулла-хана отрывалось еще отъ южной границы ханства и частыми походами его противъ Коқанда, и постепеннымъ движениемъ русскихъ аванпостовъ къ Сырдарье, откуда до Бухары всего шестнадцать дней удобнаго караваннаго пути въ 700 вѣрстъ<sup>1)</sup>.

Не долго однако продолжалась и вассальная зависимость Чаръ-Вилайята отъ Бухары. Энергичный, искусный столько-же въ войнѣ и политикѣ, сколько и въ государственныхъ дѣлахъ, Достъ-Магометъ-ханъ правильно считалъ Чаръ-Вилайятъ кормильцемъ бѣднаго горнаго Афганистана и скоро сумѣлъ восстановить надъ нимъ свое право эмира. Съ тѣхъ поръ Чаръ-Вилайятъ или, какъ его начали называть, Афганскій Туркестанъ всегда былъ исправнымъ данникомъ дому боракзіевъ, которые и управляеми имъ чрезъ намѣстниковъ (наибы), ближайшихъ родственниковъ царствующаго эмира.

Насколько для Достъ-Магометъ-хана было безопасно непосредственное сосѣдство бухарскаго эмира, охотно обмѣнившагося посольствами, на столько же становилось беспокойнымъ сосѣдство съ англо-индійскими владѣніями, которое довело его въ 1837 году къ потерѣ ханства и къ бѣгству въ Бухару. Извѣстны послѣдствія для англичанъ этого активнаго вымѣщательства въ дѣлѣ Афганистана подъ предлогомъ грозившихъ, будто-бы, отъ афганскаго эмира старинному союзнику британцевъ Ренджит-Сингу, магараджѣ Пешаура. Соперникомъ Достъ-Магометъ-хана былъ выставленъ пенсионеръ, старый Шахъ-Шуджа, который и занялъ въ началѣ 1838 года Кандагаръ при содѣйствіи англійскаго отряда и безъ всякаго сопротив-

<sup>1)</sup> Путь этотъ идетъ отъ Казалинска следующими колодцами: Боскуль, Утебашъ, Ишбергенъ, Джабага, Аксубатъ, Яманъ-Чагатакъ, Апритау, Аккулукъ, Чаглокъ, Яны-дарья, Тулегенъ, Буканъ, Юзъ-кудуку, Капка-ташъ, Джаманъ-кизылъ, Джали-кудуку, Айзитай, Корантъ, Агитма, Шурна, Хатунъ, Коготавъ, Бухара.

ленія. Англійская двадцатипятитысячная армія прошла побѣдоносно однимъ отрядомъ въ теченіе лѣта чрезъ Газни, павшій въ одни сутки отъ взрыва верковъ, разсыпалась подъ Кабуломъ двадцатитысячное скопище Достъ-Магометъ-хана, не принявшее боя, бросившее свою артиллерию, и 7-го того же августа заняла Кабулъ. Потерпѣвъ въ то же лѣто полное пораженіе отъ англичанъ за Баміаномъ, Достъ-Магометъ-ханъ бѣжалъ сначала въ Бухару, но, не встрѣтивъ должнаго гостепріимства отъ эмира Насрулла-хана, вынужденъ былъ вернуться въ горы, гдѣ все дышало ненавистью къ новому эмиру Шахъ-Шуджѣ и къ его союзникамъ-англичанамъ. Попытавшись неудачно еще сразиться съ англо-индійскими войсками, Достъ-Магометъ-ханъ отдался, въ концѣ 1840 года, подъ покровительство англичанъ и былъ отосланъ въ Индію съ пенсиономъ въ 120,000 рублей ежегодныхъ.

Такое удачное упраздненіе одного опаснаго борца за эмирскій тронъ не успокаиваетъ Афганистана, не упрочиваетъ никакъ положеніе Шахъ-Шуджи, котораго афганцы считали эмиромъ несчастья. Горцы рѣшительно не признавали насилиемъ установленное англичанами правительство и все время вели совѣщенія свергнуть это нашествіе. Неосторожное оставленіе англійскимъ гарнизономъ форта Бала-Гисаръ, командующаго надъ городомъ Кабуломъ, и рядъ ошибокъ англійскихъ военачальниковъ помогли афганцамъ освободиться отъ нежеланнаго „эмира несчастья“ и его покровителей.

Въ теченіе всего лѣта 1841 года, испытавъ въ стычкахъ съ смѣлыми партизанами-горцами всѣ невыгодныя послѣдствія выбора слабой позиціи виѣ города, лишившись въ ноябрѣ мѣсяцѣ интенданскихъ складовъ и всего продовольствія, захваченныхъ афганцами, укрѣпившими городъ, войскамъ англійскимъ оставалось, какъ считалъ генералъ Эльфинстонъ, только отступить.

По уговору съ предводителемъ восстанія, сыномъ Достъ-Магометъ-хана, Акберъ-ханомъ, англичане, оставшись безъ своихъ политическихъ агентовъ Борнса и Мекнэхтена, изруб-

ленныхъ чернью, обязывались вывести свои войска, убрать Шахъ-Шуджу и возвратить эмира Достъ-Магометъ-хана. Было условлено также, что артиллерія, кромѣ шести пушекъ, и всѣ женатые люди съ женами и дѣтьми останутся въ Кабулѣ, въ качествѣ заложниковъ, до возвращенія Достъ-Магометъ-хана.

Остатки англійского отряда, въ числѣ 4500 человѣкъ войска и 12,000 человѣкъ разной прислуги, начали отступление 6-го января 1842 года. Едва отрядъ вытянулся на третій день въ тѣсномъ ущельѣ Хурдъ, на пути въ Пешауръ, какъ былъ окружены огромными скопищами афганцевъ изъ племени Гильджан и потерялъ значительное число людей. Давъ пройти впередъ обезсижѣвшей колоннѣ, 9-го января, афганцы напали на нее въ глубокой тѣснинѣ Тангитаръ, всего въ десять футовъ шириной, и залпами ружей, каменьевъ, окончательно истребили отрядъ. Тринадцатаго числа осталось отъ всего войска 20 офицеровъ и сорокъ пять нижнихъ чиновъ, но имъ не удалось добраться въ Джалаабадъ, гдѣ съ трудомъ держался небольшой отрядъ генерала Сэль.

Точно также былъ истребленъ отрядъ полковника Пальмера въ Газни.

Послѣ такого бѣдственнаго исхода этой кампаніи, преемникъ лорда Окленда, генераль-губернатора Индіи, лордъ Эленборо рѣшилъ возстановить честь англійскаго оружія новой экспедиціей. На этотъ разъ двадцати-тысячный отрядъ генерала Поллокъ исполнилъ задачу легко, разбилъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, афганскія скопища Акбаръ-хана и 12-го октября окончательно оставилъ Кабулъ, добравшись благополучно въ свои владѣнія.

Отпущеній послѣ этого съ притворными пожеланіями, виновникъ всѣхъ бѣдствій и пораженій англичанъ, Достъ-Магометъ-ханъ восторженно былъ принятъ афганцами вновь.

Вся магометанская Азія ликовала такому громкому пораженію невѣрныхъ англичанъ, и эта ненависть къ ферепти отдала въ Бухарѣ въ руки рѣзнича англійскихъ посланниковъ Стоддарта и Конолди, явившихся въ 1838 году къ эмиру

Насрулла-хану съ увѣреніями, что ему вовсе нечего бояться вліянія британцевъ въ Афганістанѣ, а слѣдуетъ обратить взоры на завоевательные въ Азіи планы Россіи.

Этотъ второй періодъ царствованія Достъ-Магометъ-хана (1842—1863 г.) прошелъ для Афганістана вполнѣ спокойно.

Наученные весьма чувствительнымъ урокомъ, англичане воздерживались тринацдцать лѣтъ отъ всякихъ дипломатическихъ сношеній съ эміромъ и только въ 1855 году сложныя политическія обстоятельства заставили ихъ заключить денежную сделку съ Достъ-Магометомъ<sup>1)</sup>, которая избавила Пенджабъ отъ афганскаго вторженія во время восстания сипаевъ въ 1857 году.

## II.

Вторичное воцареніе Достъ-Магомета уврочиваетъ его значение извѣ и въ ханствѣ.—Послѣ семимѣсячной успѣшной блокады Герата, Достъ-Магометъ-ханъ умираетъ, назначивъ эміромъ Ширъ-Али-хана.—Шестилѣтнія войны Ширъ-Али-хана съ своими братьями и племянникомъ Абдъ-Узъ-Рахманъ-ханомъ приводятъ къ бѣгству мятежныхъ претендентовъ и къ возстановленію въ Афганістанѣ внутренняго спокойствія.—Свѣдѣнія о главныхъ событияхъ въ Афганістанѣ въ періодъ съ 1869 года по 1879 годъ.—Кровавая событий въ Афганскомъ Туркестанѣ послѣ смерти Ширъ-Али-хана.—Провозглашеніе эміромъ Якубъ-хана.—Прибытие въ Чаръ-Вилайятъ намѣстника Гулямъ-Гайдаръ-хана.

Вполнѣ мирная внешнія отношенія, установившіяся послѣ вторичнаго воцаренія Достъ-Магометъ-хана, позволили этому эміру укрѣпить свой авторитетъ главы ханства и надъ свое-вольными племенами горцевъ, не перестававшими время отъ времени заявлять свои кровожадные инстинкты, и надъ вас-салами въ Туркестанѣ, которыхъ пришлось замѣнить намѣстничествомъ. по примѣру тому, какъ управлялись западныя провинціи ханства—Кандагаръ и Гератъ. Такимъ намѣстникомъ въ Чаръ-Вилайятѣ былъ назначенъ сынъ эміра Афзаль-ханъ, по матери изъ племени Мамази.

Въ 1863 году престарѣлый Достъ-Магометъ-ханъ, истом-

<sup>1)</sup> Англичане платили Достъ-Магометъ-хану ежегодную субсидію въ 700,000 рублей.

ленный десяти месячной осадой Герата, умирая въ этомъ го-  
родѣ, чрезъ семь дней послѣ его паденія, которому предше-  
ствовала смерть мятежнаго защитника Султанъ-Джана, пере-  
далъ свою шапку, чалму и съ ними Афганское ханство сво-  
ему любимому сыну Ширъ-Али-хану, по матери изъ племени  
Вазири. Выборъ палъ на Ширъ-Али-хана и потому, что онъ  
единоутробный братъ знаменитаго Акберъ-хана, виновника  
пораженія англичанъ, и потому, что опытный эмиръ вѣрилъ  
въ его дѣйствительныя способности. Не такъ однако разсуж-  
дали всѣ его наличные взрослые братья: Афзаль-ханъ, Азимъ-  
ханъ, Асламъ-ханъ, Хусейнъ-ханъ, Аминъ-ханъ и Магометъ-  
Шерифъ-ханъ<sup>1)</sup>. Съ свойственной всѣмъ афганцамъ завистью,  
вѣроломствомъ, властолюбиемъ, они единодушно протестовали  
противъ безповоротнаго решенія отца и отказались признать  
Ширъ-Али-хана эмировомъ, въ тѣхъ расчетахъ, конечно, какіе  
такъ каждый изъ нихъ, чтобы, проглотивъ соперниковъ, са-  
мому сдѣлаться эмировомъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ назначенія Ширъ-Али-хана  
эмировомъ, обойдя старшаго изъ сыновей, Афзаль-хана, было  
немедленное бѣгство изъ Герата всѣхъ братьевъ, которые усѣ-  
лись въ разныхъ округахъ ханства и объявили, что не при-  
знаютъ Ширъ-Али-хана эмировомъ.

Имѣя все-таки достаточно приверженцевъ, Ширъ-Али-ханъ  
оставляется въ Гератѣ своего младшаго сына, юнаго Якубъ-  
хана, идвигается въ Курумъ противъ Азимъ-хана, едино-  
утробнаго брата Афзаль-хана, захватившаго Чаръ-Вилайятъ  
(Туркестанъ). Чувствуя себя бессильнымъ сопротивляться, Азимъ-  
ханъ просилъ, чрезъ своего сына Серверъ-хана, примиренія  
съ эмировомъ, но лично не являлся, обѣщая пріѣхать въ Ка-  
буль, занятый тогда же Ширъ-Али-ханомъ.

Подготовившись въ теченіе зимы, Азимъ-ханъ угрожаетъ на-  
ступленіемъ совмѣстно съ Серверъ-ханомъ, успѣвшимъ бѣжать  
изъ Кабула. Однако войска Ширъ-Али-хана, дѣйствуя подъ

<sup>1)</sup> Достгъ-Магометъ-ханъ оставилъ всего шестнадцать сыновей.

командой сердаря Рафика, успѣли разбить въ Курумѣ азим-  
хановцевъ какъ разъ въ то время, когда самъ эмиръ, съ  
опытнымъ военачальникомъ сердаремъ Фати-Магометомъ, раз-  
билъ скопища старшаго своего брата Афзаль-хана при Боджго,  
недалеко отъ Баміана, куда и явился этотъ смирившися пре-  
тендентъ для примиренія и присяги законному эмиру.

Помирились. Ширъ-Али-ханъ объявилъ брату, что распре-  
дѣлить округа между братьями по своему усмотрѣнію, и вмѣ-  
стѣ съ Афзаль-ханомъ, отправился въ Чаръ-Вилайятъ.

Пробывъ въ Таликурганѣ недѣлю, Ширъ-Али-ханъ поѣхалъ  
въ Мазари-шерифъ—поклониться гробницѣ Али и пожелалъ  
видѣть Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, который, сидя съ гарнизономъ  
въ Тахтапулѣ, и не догадывался явиться къ дядѣ эмиру.  
Принужденно представившись затѣмъ Ширъ-Али-хану, племян-  
никъ получилъ отъ него жестокое замѣчаніе за то, что явился  
къ нему, противъ этикета, во всеоружіи, и, конечно, обидѣлся  
по-афгански.

Не видя искренности ни въ братѣ, ни въ племяннике,  
эмиръ тогда же взялъ съ собою въ Кабулъ Афзаль-хана, и  
Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ успѣлъ бѣжать въ Бухару. Намѣст-  
никомъ въ Туркестанѣ оставленъ сердарь Фати-Магометъ, о  
которомъ было уже говорено.

Прошло два года. Весною открылись военные дѣйствія  
эмира противъ Кандагара, гдѣ упорно сопротивлялись едино-  
утробные братья Магометъ-Аминъ-ханъ и Магометъ-Шерифъ-  
ханъ. Въ теченіе пятадесати дней здѣсь была ужасная по сво-  
ему ожесточенію битва, какой не запомнить горцы, битва,  
въ которой пали защитники города Магометъ-Аминъ-ханъ,  
брать Ширъ-Али-хана отъ другой матери, и старшій сынъ  
эмира, Магометъ-Али-ханъ.

Кандагаръ былъ наконецъ взятъ эмировомъ, но потеря лю-  
бимаго сына такъ тяжело подействовала на Ширъ-Али-хана,  
что онъ впалъ въ уныніе и хотѣлъ отказаться отъ ханства.  
Подмѣтивъ такое настроеніе эмира, единоутробные братья Вали-  
Магометъ-ханъ, сидѣвшій въ Кабулѣ, и Файзи-Магометъ-ханъ,

управлявшій округомъ Ахча, вызвали изъ Бухары Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, который и явился въ Чаръ-Вилайятъ, легко выгнавъ оттуда намѣстника Фати-Магомѣта, такъ какъ контингентъ войскъ у него оставался афзальхановскій,

Услыхавъ объ успѣхѣ Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, Азимъ-ханъ, проживавшій до того въ Суатѣ, на англійской пенсії, явился въ Чаръ-Вилайятъ. Племянникъ и дядя двинулись немедленно, среди зимы, изъ Ташкургана чрезъ Баміанъ и безъ труда заняли Кабулъ, такъ какъ Ширъ-Али-ханъ не имѣлъ никакой возможности подать помощь изъ Кандагара, разобщенаго съ долиной Кабула снѣжными заносами.

Исполнилось три съ половиною года беспокойнаго все еще эмирства Ширъ-Али-хана, заболѣвшаго, оказалось, только временнымъ унывіемъ. Не теряя времени, ранней весною эмиръ пришелъ съ войсками, между Газни и Кабуломъ, въ Сеидъ-Абадъ и, потерпѣвъ здѣсь, вслѣдствіе измѣны войскъ, сильное пораженіе отъ скопища Афзаль-хана и Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, вернулся въ Кандагаръ. Чрезъ шесть мѣсяцевъ, начавъ снова наступательныя военные дѣйствія и будучи разбитъ вторично Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ при Келатѣ, Ширъ-Али-ханъ долженъ былъ возвратиться теперь въ Герать.

Такимъ образомъ, въ четвертый годъ эмирствованія Ширъ-Али-хана, Кабуломъ и Туркестаномъ владѣеть Афзаль-ханъ съ братомъ Азимъ-ханомъ и сыномъ Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ. Но это не успокаиваетъ Афганистанъ. Оставшійся въ Чаръ-Вилайятѣ, одинъ изъ братьевъ эмира, Файзи-Магометъ-ханъ, узнавъ объ арестованіи въ Кабулѣ брата его Вали-Магометъ-хана, отложился отъ Афзаль-хана; разбілъ два раза высланные противъ него отряды Серверъ-хана и пригласилъ изъ Герата Ширъ-Али-хана, который не замедлилъ прибыть, чрезъ Меймене, въ Ташкурганъ.

Приготовившись въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, Ширъ-Али-ханъ двинулся съ войсками за Гиндукушъ, но, лишившись въ битвѣ при Черикерѣ храбраго Файзи-Магомета, принужденъ былъ возвратиться въ Чаръ-Вилайятъ, гдѣ узналъ о смерти главнаго

претендента Афзаль-хана, скончавшагося въ Кабулѣ отъ холеры въ самый день битвы Абдъ-Уль-Рахманъ-хана при Черикерѣ.

Смерть Афзаль-хана нисколько однако не разрѣшала смуты: претендентомъ выступилъ Азимъ-ханъ, который остался въ Кабулѣ, отправивъ въ Чаръ-Вилайятъ Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, лишь только Ширъ-Али-ханъ удалился въ Герать.

Законный эмиръ вовсе не былъ расположенъ смириться предъ братьями-измѣнниками, не разъ заклеймившими уже себя клятвопреступлениемъ, и, въ то время, когда Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ осаждалъ безуспѣшно Меймене, отправилъ свои войска съ сыномъ Якубъ-ханомъ и сердаремъ Фати-Магометомъ противъ Кандагара, гдѣ усѣлись сыновья Азимъ-хана, Серверъ-ханъ и Абдуль-Азизъ-ханъ, которые безъ труда были изгнаны отсюда и удалились въ Кабулъ.

Оставивъ сына своего Ибрагимъ-хана управлять Гератомъ, Ширъ-Али-ханъ поспѣшилъ въ Кандагаръ, собрать здѣсь войска, напомнилъ имъ завѣтъ ихъ бывшаго вождя Достъ-Магометъ-хана не щадить жизни для своего законнаго эмира и двинулся противъ Кабула. Близъ Газни, на мѣстности Мурсалъ, скопища Азимъ-хана были разбиты, самъ онъ удалился въ Чаръ-Вилайятъ, и Кабулъ открылъ свои ворота Ширъ-Али-хану.

Второй претендентъ не успокоился однако. Азимъ-ханъ вновь собралъ скопища въ Туркестанѣ и повелъ ихъ выѣстѣ съ Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ противъ Кабула. На этотъ разъ счастье отвернулось отъ маленькаго Тимура, побѣждавшаго больше свойствомъ войскъ, готовыхъ измѣнять въ день по десяти разъ, и, потерпѣвъ не далеко отъ Газни полное пораженіе, Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ выѣстѣ съ Азимъ-ханомъ и многими другими сердарами удалился въ Персію, откуда явился въ 1870 году чрезъ бухарскія владѣнія въ Самаркандъ.

Годомъ позже бѣгства Абдъ-Уль-Рахманъ-хана въ Персію, изгнанный бѣзъ труда изъ Чаръ-Вилайата, сердаръ Исабъ-хантъ, сынъ Азимъ-хана, пріютился въ Бухарѣ, уступивъ на-

мѣстничество въ Туркестанѣ Магометъ-Агламъ-хану, посланному Ширъ-Али-ханомъ.

Мы рассказали подробно исторію воцаренія Ширъ-Али-хана послѣ шестилѣтней войны съ братьями, для того, чтобы освѣтить тѣ стороны характера афганцевъ, которыми опредѣляется уровень нравственного развитія этого народа, степень пониманія имъ своего долга, степень политического самопознанія, указывающаго каждой націи путь колективного согласія, путь твердой преданности интересамъ своего отечества,—тотъ путь, на который трудно стать полудикому народу со всѣми нравственными недостатками и съ очень немногими достоинствами.

Обходя подробности хорошо всѣмъ извѣстныхъ политическихъ перипетій, склонившихъ Ширъ-Али-хана, силу подкушовъ, къ притворной покорности англичанамъ, кончившейся оставленіемъ эмиромъ Кабула, отмѣтимъ кратко главныя события его царствованія.

Въ 1869 году войска Ширъ-Али-хана занимаютъ Бадахшанъ, никогда фактически не принадлежавшій Афганистану.

Въ 1872 году, по соглашенію Россіи съ Англіей, Афганістанъ включенъ въ охранительный нейтральный поясъ, ширина котораго: изъ Ферганы чрезъ Памиръ 300 верстъ, изъ Самарканда чрезъ Баміанъ и Кабулъ въ Пешауръ 1000 верстъ, отъ Оша чрезъ Кашгаръ въ Ладакъ 1200 верстъ и отъ устья Атрека (Чикишляръ) чрезъ Мешхедъ—900 верстъ.

Въ 1874 году, послѣ четырехмѣсячной блокады, афганскій отрядъ удачно штурмуетъ верхи крѣпости Меймене, и эта самостоятельная до того времени провинція дѣлается составною частью Афганистана.

Въ 1875 году часть нейтрального пояса, Івета и Келатъ, отходятъ къ англичанамъ.

Въ исходѣ 1878 года, послѣ отказа Ширъ-Али-хана принять англійское посольство генерала Чэмберлена, англичане переходятъ 9-го ноября афганскую границу, а Ширъ-Али-ханъ, никогда не пользавшійся популярностью народа за

свою жестокость, несправедливость и безграничную жадность, приведшую населеніе къ нищетѣ, удаляется въ Ташкурганъ, гдѣ умираетъ въ февралѣ мѣсяца 1879 года отъ гангрены.

Въ азіатскихъ магометанскихъ государствахъ смерть владельца всегда почти вызываетъ одинаковыя временные явленія: анархію, грабежъ государственной казны (ханъ-талазу), борьбу претендентовъ ханскихъ сыновей и, наконецъ, истребленіе соперниковъ съ ихъ родственниками болѣе ловкимъ борцомъ, достигнувшимъ монархической власти.

Эти явленія сутьны деспотического режима самой разнужданной анархіей, охватывающей съ одинаковой интенсивностью всѣ классы азіатского общества, суть прямая послѣдствія, съ одной стороны, историческихъ привычекъ народа, какъ дѣятельного фактора въ борьбѣ правителей, съ другой—послѣдствія правительственной системы, не имѣющей ни малѣйшаго представленія о государственномъ благѣ, а поглощенной всецѣло девизомъ *après nous le deluge*. Это правило есть культь и не однихъ азіатскихъ деспотовъ, но всѣхъ мусульманъ вообще, такъ какъ оно вразумительно проповѣдуется священнымъ кораномъ и мусульманскимъ законоположеніемъ (шаригать). Если священные магометанскія книги ходисса-шерифъ приписываютъ самому пророку поучительные стихи:

Атдувія дорузъ фоно,  
ваъзъ ахирату дарузъ боко;  
атдувія джигфатунъ  
во талибуга кизантъ,

т.-е въ переводѣ съ арабскаго:

Міръ существующій—проходящій,  
Міръ загробный—вѣчный;  
Міръ земной—погашай,  
А цѣнители его—собаки,

то восточные философы (Азизларъ) идутъ въ своихъ комментаріяхъ послѣдовательно и считаютъ міръ дѣйствительный наивозмы шарикомъ, а сущность людскую уподобляютъ тщетнымъ усилиямъ чернаго жука втащить этотъ шарикъ въ свою обитель.

Этотъ-то узко понятый но усердно пропагандируемый духовенствомъ девизъ есть источникъ умственной, духовной, соціальной, политической косности, есть та разрушительная сила, которая привела мусульманскія государства къ распадению, продолжая свое дѣйствие и теперь.

Отсюда совершенно понятно, почему государственный строй азиатскихъ ханствъ остается и теперь такимъ, какимъ онъ былъ тысячу лѣтъ назадъ, почему политическая, гражданская жизнь магометанского народа, будучи скована доктриной священной книги, идетъ тѣмъ же путемъ регресса, какимъ буддизмъ ведетъ индусовъ, какимъ идутъ всѣ одрахлѣвшіе народы.

Изъ всего вышесказанного здѣсь дѣлается понятнымъ и ходъ событий въ Афганістанѣ непосредственно послѣ смерти въ Чаръ-Вилайятѣ Ширъ-Али-хана.

Какъ известно, вынужденно оставляя Кабулъ съ тремя палтанами (баталіонами) — охранителями, афганскій эмиръ представилъ вѣдать всѣми дѣлами ханства своему старшему сыну Якубъ-хану. Этотъ принцъ, стремившійся въ 1870 году въ Гератѣ къ независимости, испытавшій зато на себѣ и вѣроломство отца, нарушившаго клятвенное обѣщаніе не карать его, и продолжительное тюремное заключеніе, всегда пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свои способности и справедливость, какъ утверждалъ, за свое мученичество, опозорившее отца клятвопреступлениемъ. Естественно было поэтому и разсчитывать, что народъ останется на сторонѣ Якубъ-хана, какъ намѣстника и впослѣдствіи эмира. Этого ожидали всѣ за Гиндукушемъ, но къ этому, очевидно, не были приготовлены въ Чаръ-Вилайятѣ ни обнищалый узбекскій народъ, ненавидящій афганцевъ, какъ самыхъ злыхъ тирановъ, ни афганскія войска, проклинавшія свое правительство за то, что оно удерживало ихъ здѣсь безсмысльно двѣнадцать лѣтъ. Вотъ почему провозглашеніе солдатами, въ апрѣлѣ мѣсяца 1879 года, Якубъ-хана эмиромъ Афганістана, хотя и было санкционировано народной волей въ Кабулѣ, Гератѣ, Кандагарѣ, но встрѣ-

тило протестъ и временное замѣшательство въ Афганскомъ Туркестанѣ.

Вотъ что происходило здѣсь послѣ смерти Ширъ-Али-хана: Восьмого февраля 1879 года, чувствовавшій приближеніе смерти, эмиръ потребовалъ къ себѣ намѣстника Туркестана, Хушдильхана-Ширдали-ханова, племянника своего зятя Хашимъ-Хожа-Магометъ-Шерифъ-ханова, Нейкъ-Магомета, младшаго сына Достъ-Магометъ-хана и другихъ, объявивъ, что онъ передалъ свою эмировскую шапку сыну своему, Якубъ-хану, еще въ Кабулѣ. Въ этомъ и выражалась воля умиравшаго передать ханство тому самому нелюбимому сыну, который просидѣлъ въ заточеніи и даже въ цѣпяхъ восемь лѣтъ, до самого отѣзда Ширъ-Али-хана изъ Кабула, когда на совѣтѣ (дурбарѣ) о мѣрахъ противъ угрозъ англичанъ ему было объявлено единогласно всѣми воаждями, что съ нимъ народъ не станетъ дѣлить защиту своей родины, чтѣ бы тамъ ее ни постигло.

Но слова Ширъ-Али-хана давно уже потеряли свое значеніе, и самъ онъ, какъ известно, былъ восемь лѣтъ въ Кабулѣ въ такомъ положеніи, что никогда не рѣшался сдѣлать изъ цитадели (аркъ) и восьми верстъ, а въ Мазари-шерифѣ его охраняли двѣ тысячи человѣкъ преданныхъ родственниковъ, занимая сильные караулы вокругъ всей ставки эмировской и даже на крышѣ.

Поэтому завѣщанію умиравшаго ненавидимаго эмира не придали ровно никакого значенія, и несчастному тирану досталось отходить въ вѣчность подъ звукъ пушечныхъ выстрѣловъ, раздававшихся изъ Тахтапуля. Этими салютами въ пространство солдаты вѣрности заявляли всенародно, что настало ихъ время распоряжаться дѣлами ханства, и первое, что они сдѣлали, лишь узнали о безнадежномъ положеніи эмира — арестовали своего коменданта Юсуфъ-хана Борката, ограбили имущество всѣхъ своихъ старшихъ начальниковъ за то какъ будто бы, что они позволили себѣ побить и прогнать старшаго сына эмировскаго, Ибрагимъ-хана косноязычнаго

(гунъ), который еще до смерти Ширь-Али-хана прибѣжалъ въ Тахтапуль подъ защиту отъ намѣреній Хашимъ-хана уничтожить его.

Какъ только узнали въ Тахтапулѣ окончательно, что Ширь-Али-ханъ умеръ, солдаты выбрали изъ своей среды вожаковъ (маликъ) и объявили, что они намѣрены поддерживать Якубъ-хана и никого болѣе. Для большей убѣдительности въ своихъ намѣреніяхъ, часть гарнизона съ орудіями двинулась противъ Мазари-шерифа, ограбила лавки, дома войсковыхъ начальниковъ, домъ умершаго эмира и объявила, что не признаетъ эмиромъ Хашимъ-хана, провозглашенаго въ Мазари-шерифѣ, такъ какъ его отецъ Магометъ-шерифъ служить англичанамъ, получая отъ нихъ ценсію. Обѣими сторонамъ, вступившимъ уже между собою въ драку, пришлося избрать посредника. Такимъ примирителемъ явился Нейкъ-Магометъ, сынъ Достъ-Магометъ-хана, весьма разумный и положительный молодой человѣкъ. Своимъ умѣреннымъ, разсудительнымъ образомъ дѣйствій Нейкъ-Магометъ дѣйствительно успѣлъ отчасти унять солдатскую диктатуру, хотя и съ нѣкоторыми жертвами.

Тахтапульцы, приписывая продолжительное упорство мазари-шерифцевъ интригамъ потерявшаго всякое значеніе намѣстника Хушдиль-хана, хотѣли его убить, но привели компромиссъ Нейкъ-Магомета и ограничились только ограбленіемъ дома намѣстника и изгнаніемъ его въ Кабулъ.

Тѣ же тахтапульцы заявили, что они не получили жалованья за восемь мѣсяціевъ, и намѣревались броситься грабить казну, но были въ тотъ разъ кое-какъдержаны раздачею Нейкъ-Магометомъ трехмѣсячного жалованья, причемъ почти каждый подходилъ за своей долей нѣсколько разъ, такъ что грабившіе чрезъ нѣсколько дней ту же злосчастную казну солдаты мазари-шерифскіе мало поживились.

При такой полной анархіи нельзѧ было и ждать повиновенія кому бы то ни было, и когда Нейкъ-Магометъ сталъ уговаривать солдатъ уѣхать 500 человѣкъ для возстановленія порядка въ Сарыпулѣ, которымъ завладѣлъ Магометъ-ханъ,

бывшій когда-то здѣсь бекомъ, ему отвѣчали: „мы не разѣлимся и тебя слушать не станемъ, а подавай намъ сына Якубъ-хана, Мусса-хана, которого мы назначаемъ наследникомъ (валіть), чтобы ему повиноваться здѣсь“.

Находившійся въ Чаръ-Вилайятѣ двѣнадцатилѣтній Мусса-ханъ былъ представленъ солдатамъ, которые присягнули ему, какъ наследнику, и окружили крѣпкимъ карауломъ, охраняя его жизнь.

Для большей безопасноти и упроченія дѣла Якубъ-хана, изгнали изъ Чаръ-Вилайата Хашимъ-хана, разграбивъ предварительно его домъ.

Послали Якубъ-хану заявленіе подданства отъ войскъ Туркестана и жителей и скоро получили отвѣтъ благодарности, съ признаніемъ, что эмиръ обязанъ во всемъ тахтапульцамъ.

Войска Чаръ-Вилайата считали достаточнымъ для себя одной эмировской признательности и рѣшительно отказывались исполнять что требовалось отъ нихъ для интересовъ ханства. Такъ, когда изгнанные изъ Бадахшана Баба-ханомъ безоружные палтаны вошли въ Туркестанъ, чтобы прямо направиться по домамъ въ Кабулъ, и попытались послать въ Бадахшанъ тахтапульцевъ, то они на-отрѣзъ отказались, объявивъ, что имъ надо оберегать наследника, Мусса-хана. Обратились къ другимъ частямъ войскъ, но они, сформировавъ отрядъ, выторговавъ себѣ двухмѣсячное содержаніе вмѣсто Бадахшана, направились самовольно въ Гератъ, уведя съ собою и гарнизонъ попутной крѣпости Меймене, которая такимъ образомъ возстановила свою самостоятельность, потерянную въ 1874 году, послѣ пятимѣсячной осады войсками Ширь-Али-хана.

Таково было положеніе дѣль въ Афганскомъ Туркестанѣ, когда, послѣ отзванія въ Кабулъ Якубъ-ханомъ своего сына Мусса-хана, въ качествѣ намѣстника (наибъ) прибылъ, въ апрѣль мѣсяцѣ, съ однимъ баталіономъ, джарнайль (генералъ) Гулямъ-Гайдаръ-ханъ, изъ племени Вордахъ.

III.

Свѣдѣнія обь организаціи войскъ, принятыхъ Гуламъ-Гайдаръ-ханомъ. — Полная распущенность афганскихъ войскъ и недобросовѣстность самого намѣстника порождаютъ сразу внутреннюю неурядицу и нелада съ соседями.—Кундузъ и Меймене отложились отъ Афганистана и Чаръ-Вилайату угрожаютъ изъ Бамиана отрядомъ Нуръ-Магометъ-хана.—Намѣстникъ то замышляетъ удаляться въ Гератъ, то напрасно поджидаетъ занятіе Чаръ-Вилайата бухарскими эмброи.—Первые слухи въ Афганскомъ Туркестанѣ обь Абдъ-Уль-Рахманъ-ханѣ тревожатъ намѣстника.—Искандеръ-ханъ и Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ — первые афганскіе гости въ Русскомъ Туркестанѣ.

Новый наибъ засталъ въ Туркестанѣ до десяти тысячъ всѣхъ афганскихъ войскъ, но, разумѣется, не нашелъ въ нихъ ни дисциплины, ни знанія военного дѣла, ни понятій о долгѣ воина. Эти качества и трудно было найти въ войскахъ не учившихся, голодныхъ, не одѣтыхъ, привыкшихъ уже кормиться реквизиціей на счетъ обѣдѣвшаго населенія, которую поощряли сами начальники палтановъ, потому что реквизиція была источникомъ ихъ личнаго существованія.

Безъ опасенія отвлечься далеко отъ предмета этого очерка, мы беремся передать здѣсь свѣдѣнія обь организаціи афганскихъ войскъ, принятыхъ въ свое вѣдомство Гуламъ-Гайдаръ-ханомъ въ Туркестанѣ.

Подробности будутъ далеко не лишними, потому что они разяснятъ намъ дальнѣйшій ходъ политическихъ событий въ Афганистанѣ, опиравшихся, какъ и вездѣ, на вооруженную силу.

Вся десятитысячная афганская армія въ Туркестанѣ дѣлилась на отдѣльные баталіоны пѣхоты (палтаны), каждый въ 600 человѣкъ. Всѣ баталіоны шестиротного (кифтанъ) состава имѣли отдѣленія (говолодоръ) въ ротахъ, по семи человѣкъ въ каждомъ. Палтанами командуютъ корнайли (полковники), а каждыми тремя баталіонами завѣдывается, только въ командномъ отношеніи, джарнайль (генералъ), имѣющій въ своемъ вѣдѣніи и шесть горныхъ орудій (лушки), а также вѣсколько штукъ ракетъ (котыръ).

Вся артиллерія въ Афганскомъ Туркестанѣ состояла въ 1879—1880 годахъ изъ двадцати мѣдныхъ большихъ орудій (два — заряжающія съ казны, на тяжелыхъ лафетахъ для запряжки восемью лошадьми), изъ двѣнадцати горныхъ мѣдныхъ орудій для выючки и изъ полсотни ракетъ. Большая пушка служили обыкновенно для обороны крѣпостей. Горныя, съ выючкой тѣла орудія и лафета, употреблялись въ передвиженіи войскъ.

Система формированія войскъ — принудительная вербовка, введенная Ширъ-Али-ханомъ. Кавалерія же (риссали) формируется изъ пѣхотныхъ нижнихъ чиновъ, получающихъ первые чины (амальдары) за служебныя отличія.

По своему назначенію — состоять по 200 конныхъ при каждой бригадѣ джарнайля — кавалерія дѣлится на эскадроны (турумъ), въ 200 человѣкъ каждый, подъ командой корнайля или же баркита (бригадиръ). Всѣхъ эскадроновъ было въ Туркестанѣ три.

Вся пѣхота вооружена старыми гладкоствольными ударными ружьями съ штыками, съ круглой и конической пулей. Кавалерія имѣеть ударные ружья и шашки. Вооруженіе командинровъ состоитъ изъ шашки, пистолета и кинжала (пишкобзъ).

Форма нижнихъ чиновъ (alamады) пѣхоты составляетъ: кителъ одноборный изъ бязи, окрашенный въ синій, красный, желтый, зеленый цвѣтъ — по-баталіонно, мелкія калоши (ковсора) изъ сыромятной кожи, штаны (чамбары) бязевые вращенные, красная суконная шапка съ сultanomъ, поясъ кожаный съ патронышными сумками. Командиры и чиновники-рисалинцы замѣняютъ для себя въ этой формѣ шапку на англійскую войлочную каску, а калоши, оставляющія ноги голыми, на сапоги (муса).

Оружіе, форма, лошадь для каждого рисалинца, одинъ верблюдъ на 7 человѣкъ для похода, въ пѣхотѣ выдаются казенные, но сроки службы этихъ предметовъ не опредѣляются, и, при недостаткахъ системы довольствія, не мало встрѣчается солдатъ полунаагихъ или одѣвающихся на свои средства.

Содержание каждого пехотинца-палтаниара заключается въ восьми рупиахъ (5 рублей монетой) ежемѣсячныхъ и въ 6 батманахъ (64 пуда) шпеницы въ годъ, за которую, однако, удерживаютъ изъ определенного жалованья, по стоимости продукта. Это уже легальное ухищреніе баталіонныхъ командировъ, систему обирательства которыми низшихъ чиновъ поддерживаютъ и джарнайли, и самъ намѣстникъ, аккуратно ставящіе въ двойной счетъ каждую лепешку и даже чашку воды, отпускаемую въ ихъ домѣ вѣстовымъ палтаниарамъ, сменяющимся съ дежурства чрезъ каждые семь дней.

На содержаніе каждого рисалинца-кавалериста съ лошадью отпускается 20 рублей въ мѣсяцъ (12 рублей металломъ).

Командиры баталіоновъ получаютъ 60 рублей въ мѣсяцъ и болѣе, а джарнайли пользуются содержаніемъ 100 рублей въ мѣсяцъ и имѣютъ также, какъ и намѣстникъ, по 20—50 тѣлохранителей-эрдали изъ палтаниаровъ, бѣгающихъ всегда за своимъ начальникомъ пѣшкомъ.

Внутренній бытъ войскъ крайне жалкий. Солдаты живутъ или въ наемныхъ квартирахъ, или въ шалашахъ и палатахъ, которые должны завести сами, какъ должны сами же и заботиться о топливѣ. Только въ Тахтапулѣ, какъ новой и довольно сильной крѣпости, устроены для гарнизона казармы. Но этою благодатью пользуются только 800 человѣкъ, а остальные страшно бѣдствуютъ, жива на пять рублей въ мѣсяцъ впроголодь, полунагие даже въ зиму двадцатиградусного мороза, жертвою которого сдѣлались въ прошломъ году триста пехотинцевъ Ташкургана.

При системѣ формированія принудительной безсрочной службой, при распущенности военной организаціи, оставляющей провинциальныя войска десятки лѣтъ, безсмѣшно, оторванными отъ родного очага, отъ семьи, при общей развращенности, начиная съ намѣстника, старшихъ военачальниковъ, чисто афганской алчностью къ наживѣ на счетъ кармана своихъ подчиненныхъ, при совершенной незаботливости всѣхъ о войскахъ—какая могла быть въ нихъ дисциплина, какое могло быть ува-

женіе въ службѣ, въ начальникамъ, откуда могло родиться представленіе о долгѣ воина защищать свое „законное“ правительство, защищать свою, хотя бы родину, но ужъ никакъ не отечество, націю, потому что національность есть фактъ нравственный, а не зоологический. И действительно, кромѣ трехъ узбекскихъ баталіоновъ, всѣ афганскія войска Чаръ-Вилайата были давно уже деморализованы. Они были глухи къ приказаніямъ джарнайлевъ, они были дерзки съ начальниками, которые не командовали своими баталіонами, а упрашивали, умаливали ихъ, когда требовалось сдѣлать ученіе или же военное передвиженіе.

Примѣръ полнаго неповиновенія старшимъ подавали солдатамъ сами же начальники, какъ это, кромѣ множества мелкихъ случаевъ, выразилось еще и самовольнымъ уходомъ, лѣтомъ 1879 года, въ Баміанъ изъ Чаръ-Вилайата бригадныхъ джарнайлевъ Парвісъ-ша-хана и Каусъ-ша-хана съ тремя своими палтаями. То же самое продѣлалъ и комендантъ крѣпости Меймене Джамаль-ханъ, уведшій весь свой гарнизонъ въ Гератъ.

Новый наибъ Гулямъ-Гайдаръ-ханъ, носившій тотъ же чинъ генерала, какъ и названные бригадные, не могъ остановить ихъ своеволія и остался съ небольшимъ числомъ войска, пока не были высланы Якубъ-ханомъ изъ Кабула тѣ три баталіона съ Гуль-Ахметомъ, которыми начальствовалъ не задолго съмъ намѣстникъ.

Подобные случаи открытаго неповиновенія намѣстнику бригадныхъ и баталіонныхъ командировъ подрывали его значеніе въ глазахъ войскъ до того, что наiba прогоняли солдаты съ ученія, бросали каменьями въ его домъ, когда приходилось слышать объ отсрочкѣ платежа жалованья, преслѣдовали его однажды изъ крѣпости Сарыцуль, такъ что онъ едва укрылся подъ защитой узбекскаго баталіона, стрѣляли, наконецъ, въ него, загнавъ всякими устрашеніями на женскую половину, неприкосновенную, разумѣется, даже для бунтующихъ мусульманъ.

Много виноватъ былъ въ такой полной деморализациі войскъ и самъ намѣстникъ, Гулямъ-Гайдаръ-ханъ. Въ этомъ высокомъ званіи, съ полномочіями совершенно ханскими, наибъ остался съ своими природными афганскими недостатками: жадностью къ наживѣ, нечестностью. Онъ заботился, съ самаго прибытія въ Туркестанъ и до конца своей дѣятельности тамъ, не о войскахъ, не о населеніи, а только о себѣ и о своихъ родственникахъ, нападавшихъ, по слѣдамъ наiba, какъ стая коршуновъ на трупный запасъ.

Чаръ-Вилайятъ дѣйствительно представлялъ собою и въ 1879 году живой трупъ обнищалаго населенія,—трупъ истощенного лишеніемъ войска, котораго не кормили, не удовлетворяли содержаніемъ, а натравливали на жителей, доведенныхъ къ концу 1879 года до того, что бѣдняги пытались отваромъ коробочекъ хлопчатника и умирали голодною смертью. А наибъ тѣмъ временемъ собиралъ, съ кого было возможно, налоги за годъ впередъ, конфисковалъ капиталы, товары у всѣхъ, къ кому можно было только придраться, и все это складывалъ въ свои яхтаны (выючные ящики) и зарывалъ въ сакляхъ.

Еслибы Гулямъ-Гайдаръ-ханъ не былъ безсовѣстно алчнымъ афганцемъ, не отдающимъ себѣ отчета въ томъ, зачемъ ему богатство для скверной полуниценской жизни, онъ обернулся бы въ правильномъ довольствіи войскъ тѣмъ годовымъ источникомъ, какой находилъ въ податныхъ сборахъ съ узбекскаго населенія и въ огромныхъ (до полутора миллиона рублей) таможенныхъ пошлинахъ,—онъ сберегъ бы населеніе отъ ужаснаго раззоренія; онъ удержалъ бы Туркестанъ для своего законнаго правительства.

Но уполномоченный Якубъ-ханомъ, наибъ не оправдалъ довѣрія своего эмира; онъ только воровалъ, молился на миной гробницѣ великаго мусульманскаго святого Али, въ Мазари-шерифѣ, и часто униженію снималъ предъ войсками свою чалму, уверяя присягою, что денегъ у него нѣтъ, что надѣется выдать „тогда-то“ сразу все содержаніе за четыре, за шесть мѣсяцевъ недополучки.

Но войска не могли оставаться сытыми одними лживыми обѣщаніями намѣстника, его комедіантствомъ, заправленнымъ иногда притворными слезами, и бунтовали, грабили жителей, били прикладами своихъ генераловъ (Махмутъ-шахъ, Мухидинъ), когда ихъ пытались послать военнымъ походомъ противъ враговъ, угрожавшихъ Афганскому Туркестану изъ Баміана, Кундуза, Меймене и съ Аму-дарьи. А враги, конечно, усилили свою настойчивость и подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ стимуловъ, расчетовъ, и по мѣрѣ видимаго ослабленія сопротивленія. Такими врагами, со второй половины 1879 года, наибъ считалъ англичанъ, потому что онъ оставался вѣренъ династіи Якубъ-хана,—Кундузъ, потому что правитель этого бекства, Султанъ-Мурадъ, отложился отъ Чаръ-Вилайята вслѣдствіе подстрекательствъ англичанъ чрезъ бывшаго кулябскаго бека Сарыхана и сердара Кутдузъ-хана, доставившаго названному султану грамоты изъ Кабула.

Очерченный нами нравственный уровень войскъ намѣстника опредѣляетъ, съ этой стороны, въ какой степени онъ былъ готовъ къ отраженію враговъ, ожиданіе которыхъ поддерживало и въ жителяхъ надежду на лучшее будущее, поддерживало готовность протянуть руки всякому правительству, кроме афганскаго, какъ худшаго, по убѣждению узбековъ, изъ всѣхъ правительствъ, существующихъ на земномъ шарѣ.

Посмотримъ же, какъ были распределены наибомъ войска для встречи противника.

Какъ мы сказали выше, въ составѣ десятитысячной арміи числились три баталіона изъ мѣстныхъ узбековъ подъ командою узбекскихъ же начальниковъ, но съ прибавкою въ каждомъ баталіонѣ 100 афганцевъ. Это были лучшія части арміи во всѣхъ отношеніяхъ, и наибъ держалъ поближе ихъ къ себѣ: 2 баталіона квартировали въ Ташкурганѣ, 1 баталіонъ стоялъ въ Мазари-шерифѣ, постоянной резиденціи намѣстника.

Собственно афганскія войска распредѣлялись такъ: въ Шибурганѣ — 400 человѣкъ, въ Сарыгуль — 500 человѣкъ, въ Ахча — 1000 человѣкъ, въ Мазари-шерифѣ — 2000 человѣкъ,

въ Тахтапулѣ—800 человѣкъ; Амдхой оставался безъ гарнизона; остальные квартировали въ Ташкурганѣ, какъ въ пункѣ стратегическому для дѣйствій по всѣмъ направленіямъ.

Но что значило для обороны огромной территории съ недовольнымъ узбекскимъ населеніемъ и такое распределеніе плохихъ войскъ, поддававшихся на всякия искушенія, обѣщавшія сколько-нибудь улучшить ихъ, по-истинѣ, отчаянное положеніе?

Гулямъ-Гайдаръ-ханъ отлично понималъ самъ, что онъ не въ состояніи бороться съ самымъ слабымъ противникомъ. Онъ подчинился поэтому приказанію изъ Кабула остановиться въ Туркестанѣ до новыхъ распоряженій, онъ смиренno терпѣлъ угрозы изъ Баміана, которые не были доведены до конца, понятно, потому только, что дальнѣйшія события въ Чаръ-Вилайатѣ располагались такъ, какъ и требовалось англичанамъ.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда въ Меймене явился изъ Герата прежній самостоятельный правитель этого округа, Ди-лаваръ-ханъ, когда угрозы Султанъ-Мурада кундузскаго отъ словъ перешли къ дѣлу и онъ напалъ на округа Гурн и Багланъ, обѣщаю двинуться и въ Ташкурганѣ, наѣбъ чувствовалъ свое критическое положеніе. Онъ попытался-было пригрозить султану кундузскому шумными приготовленіями отряда въ Ташкурганѣ, но это оказалось обратное дѣйствіе, потому что солдаты отказались даже готовиться къ походу, настойчиво требуя заслуженное шестимѣсячное жалованье. Онъ попытался было искать союзника противъ Кундуза въ эмирѣ бухарскомъ, но этотъ отклонился, хотя и былъ озабоченъ сепаратизмомъ Султанъ-Мурада, потому что онъ держалъ при себѣ опаснаго для бухарцевъ мятежника Сарыхана и грозилъ напустить на Бухарское ханство извѣстнаго Катта-тюре, мятежнаго эмировскаго сына Абдуль-Малика, пріютившагося въ Кабулѣ на страхъ Музafferъ-хану.

При такихъ обстоятельствахъ, тревожимый постоянными слухами о томъ, что англичане пришли въ Чаръ-Вилайатъ бывшаго наѣба Нуръ-Магометъ-хана, Гулямъ-Гайдаръ-ханъ не

находить ничего лучшаго, какъ предложить бухарскому эмиру Музafferъ-хану присоединить въ своимъ владѣніямъ Чаръ-Вилайатъ, населеніе которого дѣйствительно непрѣтворно желаетъ такой перемѣны, посылая въ Бухару и члобитныя, и умоляющія депутаціи отъ всѣхъ городовъ.

Но всегда благоразумный и осторожный, эмиръ Музafferъ-ханъ счелъ нужнымъ отклониться отъ представлявшагося случая расширить свои владѣнія до Гиндукуша, и только отвѣчалъ пожеланіями народу благополучія, да поощрялъ дешевый сбыть хлѣба за Аму-дарью изъ прибрѣжныхъ бекствъ. Послѣ этого, какъ ни трудно было положеніе Гулямъ-Гайдаръ-хана въ Чаръ-Вилайатѣ, но онъ все-таки оставался тамъ, въ ожиданіи, что ему пришлютъ изъ Герата преемника, какъ онъ просилъ о томъ Аюпъ-хана уже въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Преемника, однако, не присыпали, и хотя султанъ кундузскій вѣсколько успокоился, пославъ даже тортукъ (подарокъ) наѣбу въ знакъ примиренія, но зато съ сѣвера надвигалась новая туча, которую всѣ считали грозною и не для одного Чаръ-Вилайата. Эта туча была — старинный претендентъ на Афганістанъ, говорливый, интеллигентный, какъ похвалила англійская газета Daily News, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, о которомъ мы уже выше говорили.

Намъ остается теперь опредѣлить, насколько возможно правильно, какого свойства была эта туча, каковы были вѣбраціи ея движения на югъ и чѣмъ они окончились. Мы возвратимся для этого къ недавнему прошедшему и припомнимъ, что Россія начала принимать афганскихъ гостей съ 1867 года.

Первый нашъ кабульскій гость въ Туркестанѣ былъ гонимый, извѣстно уже распрею съ Ширъ-Али-ханомъ, племянникъ его Искандеръ-ханъ, сынъ Султанъ-Джана. Этотъ принцъ, сердарь изъ племени Вазири, пріютился спачала въ Бухарскомъ ханствѣ, былъ обласканъ эмиромъ, принялъ въ командование незначительный отрядъ и, въ концѣ-концовъ, отблагодарилъ Музafferъ-хана чисто по-афгански: получивъ порученіе оставаться съ своими афганцами въ пограничной съ рус-

сками владѣніемъ бухарской крѣпости Нурага, онъ разладилъ почейку-то съ начальникомъ этого округа, Абдыджалиль-бекомъ, приказалъ его убить, и тогда бѣжалъ чрезъ степь въ Джизакъ, захвативъ и два бухарскихъ орудія.

Искандеръ-ханъ былъ принятъ въ русскомъ лагерь съ тѣмъ самымъ національнымъ вниманіемъ, на которое мы такъ щедры предъ всѣми иностранцами, получилъ приличное содержаніе и очень скоро сдѣлался въ общественномъ русскомъ мнѣніи „прекраснѣйшимъ человѣкомъ“, а его свита, увѣшанная оружиемъ, считалась „идеаломъ ловкости, отваги“ и проч. Говорили даже, что эти афганцы и самъ принцъ оказали чудеса храбрости при штурмѣ, 1-го мая 1868 года, русскими войсками чапанатинскихъ высотъ подъ Самарканомъ, но въ чёмъ состояли подвиги афганцевъ—не удалось узнать. Знаемъ только что Искандеръ-ханъ былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ подполковника, служилъ года два въ кавалерійскомъ полку въ Петербургѣ, отсидѣлъ на гауптвахтѣ за какую-то скору съ офицеромъ и, обиженный, удалился въ Англію, оставивъ русскую службу. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, этотъ первый нашъ гость-афганецъ живетъ въ Тегеранѣ, получая пенсію отъ персидскаго шаха.

Второй нашъ гость, сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, явился въ Самарканѣ изъ Мешхеда съ сотней афганцевъ въ 1870 году. Нечего и говорить, что онъ былъ принятъ у насъ съ особеною ласковостью, вниманіемъ, предупредительностью такою, о которой этотъ очень смысленный афганецъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія въ своихъ дикихъ горахъ, слегка привѣтствовавшихъ очень слабымъ токомъ цивилизаций. Всѣ видѣли тогда въ представительномъ молодомъ сердарѣ жертву коварства Ширъ-Али хана, отнявшаго будто-бы у него тронъ, и никто не удивлялся его надменному отношенію къ русскимъ офицерамъ, которымъ онъ не подавалъ даже руки.

Справедливость требуетъ сказать, что этотъ второй весьма важный гость былъ многое благоразумнѣе, тактичнѣе, терпѣлиwie и настойчивѣе, чѣмъ гость первый. Абдъ-уль-Рахманъ-

ханъ не стремился къ русскимъ чинамъ, не просился никогда въ походы, хотя также считался „храбрымъ“, довольствовался значительной пенсіей, изъ которой удѣлять очень незначительные крохи своей па  $\frac{3}{4}$  убавившейся свитѣ, жилъ довольно скромно, проводилъ время на охотѣ и никогда не отрѣшался отъ надежды сдѣлаться эмиромъ Афганистана, хотя достаточно привыкъ къ русскимъ сапогамъ и, какъ говорится, обѣвался, въ чёмъ винить не себя, а туркестанскій климатъ.

Нельзя сказать однако, что энергія къ проведенію своихъ завѣтныхъ плановъ когда-либо оставляла Абдъ-уль-Рахманъ-хана; она была съ нимъ, когда онъ вступилъ въ 1871 году, не безъ особыхъ цѣлей, въ родство съ бадахшанскимъ владѣтельнымъ эмиромъ Джагандаръ-ша женитьбою на его дочери; она несвоевременно подталкивала его бѣжать изъ русскихъ предѣловъ, когда сдѣлалось известнымъ о кончинѣ Ширъ-Али-хана, она осталась при этомъ сердарѣ-претендентѣ, когда онъ удалился изъ Ташкента и появился на верховьяхъ Аму-дарьи, какъ разъ одновременно съ отбытиемъ изъ Самарканда двоюродныхъ братьевъ его, Исаакъ-хана, Серверъ-хана, Абдуль-Азизъ-хана и Кутдузъ-хана, о которомъ мы уже упоминали.

#### IV.

Отбитіе сердара Абдъ-уль-Рахманъ-хана изъ Ташкента и сердара Исаакъ-хана изъ Самарканда. — Оба сердара, пройдя благополучно бухарскія владѣнія, появляются на флангахъ Афганскаго Туркестана.—Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ приближается къ Бадахшану.—Краткая исторія этой горной страны Панджа.—Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ безъ труда расположилъ къ себѣ бековъ Бадахшана и занялъ Рустекъ. — Сопротивленіе фейзабадскаго бека Шахъ-Заде-хана успѣшио побѣждается и весь Бадахшанъ во власти сердара. — Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ приглашаетъ Гуламъ-Гайдаръ-хана сдѣлать Чаръ-Визайатъ и вступаетъ въ союзеніе съ англичанами.—Отвѣты намѣстника Туркестана и султана кундузскаго неблагоприятны, отнять апглачанъ—обнадеживающій.—Начальныя дѣйствія Исаакъ-хана за Аму-дарьей по обѣщаютъ успѣха. — Прогнаный отрадомъ намѣстника изъ Ахчи Исаакъ-ханъ удалился въ степь Анхон.—Взятый въ пленъ, братъ Исаакъ-хана, сердарь Терверъ-ханъ казненъ въ Мазарп-шерифѣ.

Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, отправившись изъ Ташкента 5-го декабря, направился чрезъ Ходжентъ, Ура-тюбе, перешелъ съ

большимъ трудомъ, потерявъ шести человѣкъ поморозившихся, чрезъ перевалъ Вишабъ въ 11,000 футовъ, спустился въ долину верхняго Зеравшана и 26-го декабря достигъ бухарскихъ владѣній.

Отдохнувъ дни три въ окрестностяхъ Китаба, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ двинулъся дальше чрезъ Якобакъ, Ярты-тюбе, Дербентъ, Данау, Курганъ-тюбе, имѣя 160 человѣкъ вооруженныхъ конныхъ афганцевъ и выночный обозъ въ 30 лошадей. Значительная партія эта прошла скромно 400 верстъ въ двѣнадцать дней, по бухарскимъ владѣніямъ, завѣдомо, разумѣется, для всѣхъ властей, такъ какъ многие афганскіе наемники бросили службу въ бухарскихъ баталіонахъ и дезертировали къ сердарю, который охотно принималъ ихъ, выдавая немедленно лошадь, кое-какое оружіе и 60 копѣекъ каждому конному на продовольствіе съ лопадью.

Все ликовало ожиданіемъ успѣховъ, такъ какъ претендентъ намѣренно распространялъ слухъ, что онъ имѣть съ собою огромныя богатства, а по слѣдамъ его двигается „какой-то“ отрядъ изъ 4000 конныхъ къ сторонѣ Бадахшана и изъ 3000 конныхъ же къ сторонѣ Чаръ-Вилайта, на поддержку Исакъ-хана. Этотъ сердарь, скрывшись 25-го декабря изъ Самарканда съ партіей въ 70 конныхъ афганцевъ, направился чрезъ Джамъ, Касанъ, Урта-чуль и, пройдя 280 верстъ въ семь дней, переправился на лѣвый берегъ Аму-дары, близъ крѣпости Керки бухарскихъ владѣній.

Мы прослѣдимъ сначала дѣйствія Абдъ-уль-Рахманъ-хана.

Итакъ, 8-го января 1880 года, мы видимъ Абдъ-уль-Рахманъ-хана спокойно приближающимся къ границамъ Бадахшана. Эта горная страна на верховьяхъ рѣкъ Пянджа, Кукча и Шахъ-дары съ таджикскимъ, древне-иранскимъ населеніемъ въ тѣснинахъ (тагибъ) рѣкъ и съ узбекскими полукочевниками на югѣ, въ Рустекскомъ бекствѣ, управлялась въ послѣднее время олигархіей и не чаяла замысловъ афганскаго искателя царства.

Историческая судьба Бадахшана совершенно тождественна

съ судбою всѣхъ горныхъ странъ средней и, пожалуй, южной Азіи. Трудно доступныя для завоеваній, малопривлекательныя бѣдностью природы, до столкновенія съ европейскою силою, съ разсчетливымъ европейскимъ вліяніемъ, они чужды были событий, терзавшихъ долину, чужды были этнографическихъ переворотовъ, они сохраняли свою независимость удѣльного начала, они имѣли изрѣдка счеты и потасовки только между собою. Такъ сохраняли свою независимость, подъ управлениемъ настѣнственныхъ или узурпаторскихъ ша, мировъ, бековъ, горныхъ гнѣздилища Кулъябъ, Бальджуанъ съ Кафиришапомъ, Дарвазъ, Шугнавъ, Каратегинъ, Матча, Фанъ, Фальгаръ, Кшутъ, Маріанъ, занимающія горный водораздѣль бассейновъ Аму-дары и Зеравшана.

Хотя политический конгломератъ этотъ и занималъ порою вниманіе болѣе могущественныхъ сосѣдей Бухары и Кокана, но, случалось, онъ не надолго подпадалъ ихъ фактическому вліянію и легко отдѣлялся отъ него, возстановлялъ свою независимость. Еще съ большою стойкостью удерживать свою политическую самостоятельность географически уединенный Бадахшанъ. Управляясь изъ главнаго пункта, Файзабата, своими настѣнственными мирами, назначавшими въ другіе важные пункты (Рустегъ, Рогъ, Джурумъ) своихъ ближайшихъ родственниковъ, страна эта хотя и не была чужда пассивныхъ послѣдовательствъ со стороны чрезполосныхъ сосѣдей-афганцевъ, но попытки первыхъ афганскихъ эмировъ кончились неудачами.

Въ 1868 году дѣла въ Бадахшанѣ принимаютъ другой оборотъ. Жестокій, ненасытный обирадательствомъ своего народа, миръ Джагандарь-ша довѣль горцевъ своимъ притѣснительнымъ управлениемъ до того, что они начали искать средствъ освободиться отъ его тиранства. Средства эти представились въ интригахъ афганцевъ противъ Бадахшана, и когда палтаны Ширъ-Али-хана подошли къ Файзабату, городъ этотъ скоро палъ измѣною пинавистниковъ своего шира. Такимъ образомъ, съ 1869 года Бадахшанъ лишился своей независимости, окончательно въ туркестанѣ.

чательно подпалъ подъ власть Афганистана, вошелъ въ составъ такъ-называемой нейтральной зоны.

Влача десять лѣтъ подневольное существованіе, подвергаясь поруганіямъ, прямымъ и утонченнымъ поборамъ<sup>1)</sup> горсти несимпатичныхъ, грубыхъ пришельцевъ, горцы только и помышляли о томъ, какъ бы избавиться отъ ихъ невыносимаго ига. Бадахшанцы заводили даже сношенія съ бухарскимъ правительстvомъ, мечтавшимъ успокоить на этой горной странѣ свой аппетитъ, по примѣру присоединенія Каратегина (1878 г.) и Дарваза (1879 г.). Дѣла, однако, располагались иначе. Претендентомъ на Бадахшанъ считалъ себя и сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ. Окончательно уже чуждый Бадахшану, этотъ афганскій принцъ хлопотливо поддерживаетъ все время сношенія съ оставшимися тамъ родственниками по женѣ (султанъ Ибрагимъ), приманиваетъ иѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ, выдавая имъ въ теченіе пяти лѣтъ значительное содержаніе (Умаръ-ханъ, двоюродный братъ Джагандарь-ша), словомъ — ведеть тонкую интригу воспользоваться случаемъ и поханствовать.

Въ трудную для Афганистана годину, за полгода до перѣѣзда Ширъ-Али-хана въ Мазари-шерифъ, бадахшанцы усиливаютъ свои сношенія съ интриганами чрезъ султана Ибрагима (родственникъ Джагандарь-ша), проживавшаго въ это время въ Кулабѣ. Этотъ султанъ Ибрагимъ спосится, въ свою очередь, съ Абдъ-уль-Рахманъ-ханомъ, прїѣжасть къ нему падѣи недѣли и возвращается въ Тарнабъ рустекскій, какъ разъ одновременно съ прибытиемъ въ Мазари-шерифъ Ширъ-Али-хана.

Открывшееся затѣмъ со смертью Ширъ-Али-хана (въ февралѣ 1879 года) междуособie въ сѣверномъ Афганистанѣ способствуетъ планамъ узураторовъ. Подготовивъ между бадахшанцами значительный контингентъ приверженцевъ, Ибра-

<sup>1)</sup> Афганцы не постыдились даже установить налогъ *курие-джуми* (пятничное одѣло), за исполненіе супружескаго акта съ четверга на пятницу, какъ правило у азиатскаго осѣдлого народа.

гимъ-ханъ удачно обманываетъ бадахшанскихъ афганцевъ обѣщаніемъ имъ скораго прибытія Абдъ-уль-Рахманъ-хана, одновременно вызываетъ главныхъ военныхъ лицъ въ Тарнабъ на совѣщаніе, обезоруживаетъ ихъ, занимаетъ послѣ незначительного сопротивленія Рогъ, и усилившись здѣсь,двигается на Файзабатъ. Бекъ файзабатскій и начальникъ афганскихъ войскъ въ Бадахшанѣ, Сеидъ-Ахметъ-ханъ, выступивъ противъ инсургентовъ съ незначительнымъ отрядомъ, проигрываетъ сраженіе и запирается въ Файзабатѣ, осажденный скопищами Ибрагимъ-хана.

Провѣдавъ о такихъ успѣхахъ бадахшанцевъ, нѣкій Баба-ханъ (родственникъ Джагандарь-ша) бѣжалъ изъ Балха и присоединился къ Ибрагимъ-хану. Дѣйствуя своимъ знакомствомъ съ Сеидъ-Ахметомъ, Баба-хану удается уговорить его бѣжать изъ Файзабата, послѣ чего афганцы окончательно изгоняются, и Баба-ханъ остается правителемъ этого бекства, предоставивъ Султанъ-Ибрагиму управление бекствомъ Рогъ.

Всльдѣ за этими легкими успѣхами первыхъ авантюристовъ, изъ Учъ-кургана ферганскаго являются въ Бадахшанъ претенденты на наслѣдство Джагандарь-ша: младшій братъ его Шахъ-Заде-Хасанъ и вышеназванный Умаръ-ханъ. Не имѣя желанія дѣлить съ вими власть, Баба-ханъ оказалъ имъ сопротивленіе; но такъ какъ въ Рустекѣ правилъ, по назначенію Баба-хана же, братъ Умаръ-хана, Султанъ-ша, то учъ-курганскимъ претендентамъ и удается занять Рустекъ. Послѣ этого Баба-ханъ движется противъ Рустека, проигрываетъ столкновеніе въ мѣстности Дашты-мазукъ и, оставивъ Файзабатъ, укрывается въ курганѣ Кипъ. Съ этого времени управление Бадахшаномъ переходитъ къ Шахъ-Заде-Хасану (въ Файзабатѣ), Султанъ-Ибрагиму (въ Рогѣ) и Умаръ-хану (въ Рустекѣ). Уѣурпаторы распредѣлили между собою бекства такъ, какъ сидѣли ихъ предки.

8-го января Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ переправился безпрепятственно чрезъ рѣку Пянджъ и вошелъ въ крѣпостцу Янги-кала, въ сѣверо-западномъ Бадахшанѣ. Горцы никакъ

не допускали, чтобы ихъ небогатая страна входила въ планы сердара, такъ какъ сторонники его, миры Умаръ-ханъ и Баба-ханъ, уверяли, что Абдъ-уль-Рахманъ-хана придется принять какъ гостя. Одинъ только старшій миръ, Шахъ-Заде-Хасанъ, правитель Файзабата, не скрывалъ предъ жителями опасности въ замыслахъ афганцевъ на Бадахшанъ и поспѣшилъ подготовлять оборону центральныхъ осѣдлостей, пославъ Абдъ-уль-Рахманъ-хану заявленіе, что онъ не намѣренъ признать его главою и подчиниться, такъ какъ утвержденіе въ своемъ званіи владѣтеля Бадахшана грамотой, полученной отъ самихъ англичанъ. Не такъ дѣйствовали всѣ остальные миры, представители олигархіи, не извѣдавшіе раньше на себѣ угнетеній афганцевъ и налога за пятничное одѣяло.

Уѣряя бадахшанцевъ, что Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ остановился въ ихъ горахъ только временно и двинется въ Балхъ, Баба-ханъ явился первымъ, отдать уваженно почести сердарю и одиннадцатого января посадилъ его въ Рустекъ. Вскорѣ явился и Умаръ-ханъ, маневрировавшій бѣгствомъ въ Кулабъ собственно для обмана горцевъ, а въ сущности служившій претенденту. Оставалось только раздѣлаться съ Шахъ-Заде-Хасаномъ. Дѣйствуя въ началѣ на этого мира уговариваніемъ, обѣщающимъ предоставить и ему вѣкоторую власть надъ частью Бадахшана, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ нашелся затѣмъ вынужденнымъ предупредить, что дальнѣйшее сопротивленіе заставитъ дѣйствовать силою. Шахъ-Заде-Хасанъ игнорировалъ угрозы, подготавливая оборону Файзабата, воодушевляя жителей напоминаніемъ о прошломъ афганскомъ иѣ.

Въ первые дни предъявленныхъ сердаремъ требованій файзабатцы дѣйствительно храбрились общимъ намѣреніемъ не допускать афганского правительства, противопоставить оборону и вооруженное сопротивленіе. Затѣмъ популярность сердара начинаетъ распространяться и въ окрестномъ Бадахшанѣ. Какъ будто на запахъ бараньего сала большихъ каждодневныхъ народныхъ угощеній, къ нему время отъ времени заявляются въ Рустекъ, старшины (арбабы, кази, раисы) не-

покорившихся еще кургановъ и большихъ селеній. Всѣ видятъ хороший, ласковый, задобирающій приемъ, которымъ нейтрализуется всякое воспоминаніе объ афганскомъ иѣ, всѣ разносятъ вѣсть, что ханъ—„пріятный“, ласковый, добрый. Популярность растетъ, расширяется и окончательно устанавливается прибытіемъ къ сердарю почетнаго, всѣми уважаемаго файзабатца Наиба Абды-Шагима, который считался помощникомъ мѣра-правителя. Шахъ-Заде-Хасанъ сознаетъ свое безсиліе, свою маловліятельность, сознаетъ возможность для претендента провести надъ Бадахшаномъ свой планъ такъ же легко, какъ легко было ему самому подчинить горцевъ, и приготовляется къ отбытию въ Шугнанъ какъ разъ наканунѣ появленія въ окрестностяхъ Файзабата партіи Баба-хана въ полтораста вооруженныхъ конниковъ. Оставшіе безъ мѣра, безъ наиба, безъ предводителя, наслышавшіеся о сердарѣ и перебѣжчикахъ Баба-ханѣ и Умаръ-ханѣ, жители Файзабата встрѣчаютъ посланныхъ сердара саламомъ, отворяютъ городскія ворота и сдаются опустѣлую цитадель (аркѣ) Баба-хану.

Такъ совершился 15-го января мирнымъ настояніемъ актъ подчиненія Бадахшана афганскому правительству сердара Абдъ-уль-Рахманъ-хана, отъ которого ожидаютъ благъ и справедливости, а не тѣхъ обирательскихъ ухищреній съ началомъ курсе-джума (пятничное одѣяло), которыми оставило по себѣ недобрую память правительство Ширъ-Али-хана.

Занятіемъ Файзабата рабски-преданный сердарю Баба-ханъ не ограничивается: онъ посыаетъ немедленно партію конниковъ съ родственникомъ своимъ Хожа-куломъ на югъ, для занятія кургана (крепостца при рѣкѣ Машатъ) Кишимъ, что и удается послѣ некотораго сопротивленія бека Султанъ-ша (родственникъ Шахъ-Заде-Хасана), удалившагося затѣмъ въ Шугнанъ, это горное убѣжище всѣхъ авантюристовъ, домогавшихся разновременно владѣть драгоценными минералами на горьевъ Пянджа. Черезъ нѣсколько дней Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, побывавъ въ Файзабатѣ, возвратился въ Рустекъ, выказавъ свои предположенія оставить Бадахшанъ подъ управ-

леніемъ Умаръ-хана и Баба-хана и самому начать дѣйствовать противъ Чаръ-Вилайата.

Оставаясь въ Рустекѣ съ 11-го января почти два мѣсяца, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ дѣйствительно и дѣйствовалъ, обдуманно подготовляя, такъ-сказать, удобную почву. За Бадахшанъ онъ оставался покоенъ: здѣсь управляли, по его назначенію, Баба-ханъ—въ Файзабадѣ, Умаръ-ханъ—въ Рустекѣ, Султанъ-ша—въ Клишимѣ, и всѣ ови старались выслужиться доставлениемъ продовольствія на 400 человѣкъ разнаго абдъ-уль-рахмановскаго сброда, въ полной увѣренности, что, по отбытии сердара дальше, они останутся хозяевами полноправными. Но претендентъ сидѣлъ, приласкивалъ, миловалъ бадахшанскихъ старшинъ, начипавшихъ чувствовать—какого они приняли гостя, вербовалъ очень медленно скопинца изъ стрѣлковъ (мергеней) горцевъ и разѣзжалъ время отъ времени по окрестнымъ осѣдлостямъ подъ видомъ любимой охоты.

Всего этого было, конечно, недостаточно для широкихъ плановъ претендента, и при фактическомъ отсутствіи силы оружія, силы богатства, силы какой бы то ни было поддержки позицій, сердарь нашелъ благоразумнымъпустить въ ходъ дипломатію.

Не теряя времени, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ приглашаетъ чарвилайтскаго намѣстника самыми любезными письмами сдать ему Туркестанъ. Гулямъ-Гайдаръ-ханъ откѣчается, что онъ признаетъ только правительство Якубъ-хана и исполнить требованіе претендента не можетъ.

Одновременно, уже въ концѣ января мѣсяца, идутъ посланія Абдъ-уль-Рахманъ-хана владѣтелю Кундуза Султану-Мураду и англичанамъ въ Кабулъ. Султану напоминались добрыя къ нему отношенія Абдъ-уль-Рахманъ-хана, когда онъ правилъ Туркестаномъ, высказывалась надежда, что онъ пропустить его чрезъ свои владѣнія; англичанамъ пояснялось, вѣроятно, многое, и все въ заинсивающемъ безъ сомнѣнія тонѣ.

Не земедлили послѣдовать и откѣты. Султанъ кундузскій заявлялъ категорически, что онъ служить англичанамъ и бу-

деть дѣйствовать такъ, какъ прикажутъ ему изъ Кабула, а до получения приказаний не позволить сердарю вступить въ свои владѣнія. Отъ англичанъ было получено Абдъ-уль-Рахманъ-ханомъ, въ началѣ февраля мѣсяца, ободряющее приказаніе: „ждите тамъ, куда пришли“, съ поясненіемъ при этомъ, что „Ширъ-Али-ханъ и Якубъ-ханъ обманывали британское правительство, за что и лишили эмирства“. Достаточно было ловкому Абдъ-уль-Рахманъ-хану и такого документа, чтобы, при отчетливомъ сознаніи безсилія афганскаго варода побороть англичанъ, считать его золотымъ ключомъ къ воротамъ ханства.

Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, вѣровавшій въ благотворительность для своего дѣла сношеній съ англичанами больше, чѣмъ въ материальную силу своего жалкаго сброда въ 600 человѣкъ, кое-чѣмъ вооруженныхъ, больше чѣмъ въ способность своихъ двоюродныхъ братьевъ, слонявшихся въ туркестанской степи безъ людей, безъ денегъ, видѣть всю опору для себя въ продолженіи такихъ же сношеній. Благоразумный претендентъ можетъ быть и ограничился бы ожиданіемъ въ Рустекѣ, да продолжавшееся перепискою съ англичанами афганскихъ племенъ, но дѣло съ Чаръ-Вилайтомъ зашло уже такъ далеко, что приходилось дѣйствовать и одновременно увѣрять англичанъ въ своей благонамѣренности.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состояли дѣйствія Исакъ-хана съ братьями на западѣ Афганскаго Туркестана. Этотъ причудливый сердарь, всегда поражавший всѣхъ больше своею набожностью и суевіостью, чѣмъ благоразуміемъ, появился на лѣвомъ берегу Аму-дары, близъ Керкина, 2-го января. Первымъ дѣломъ его было пустить между туркменами-эрсаринцами слухъ о томъ, что онъ привезъ съ собою огромныя богатства, ожидаетъ поддержки съ сѣвера пятитысячнымъ отрядомъ и дѣйствуетъ въ пользу своего брата Абдъ-уль-Рахманъ-хана, законнаго эмира. Этотъ слухъ прошелъ, разумѣется, въ Чаръ-Вилайтъ, и стουстрою мольбою, и письмами братьевъ сердарей къ разнымъ знакомымъ военными начальникамъ—

афганцамъ и персиянамъ (кизиль-баши) — чарь-вилайтцы приглашались принять Абдъ-уль-Рахманъ-хана, какъ дѣйствительного эмира всего афганскаго народа.

Все прислушивалось къ словамъ: „эміръ“, „богатство“, „пятитысячный отрядъ“, но не много нашлось легковѣрныхъ. Въ первыя полторы недѣли ожиданій сердарей на Аму-дарѣ, они не встрѣчали, какъ надѣялись, всеобщаго отклика въ афганскихъ войскахъ, а туркмены-эрсаринцы увеличили контингентъ ихъ всего на 300 конныхъ, почти безоружныхъ, пригодныхъ слѣдовательно только для грабежа, которымъ они и занимались все время съ отмѣннымъ усердиемъ, поощрявшимся и сердарами, такъ какъ денегъ оказалось у нихъ всего-пако 3000 рублей металломъ.

Положеніе было незавидное. Приходилось дѣйствовать обманомъ, увѣряя, что богатства, на которыхъ очень надѣялись туркмены, придутъ съ отрядомъ, — приходилось пустить въ ходъ священный атрибутъ — коранъ.

8-го января почти тысячное скопище конныхъ слабо-вооруженныхъ туркменовъ двинулось съ сердарами по направлению къ крѣпости Ахча, чрезъ туркменскія осѣдлости Буссаго и Сендъ-Абадъ, гдѣ ихъ приняли хорошо, сочувственно. Дальше приходилось уже разсчитывать на оружіе, такъ какъ получилось свѣдѣніе, что крѣпость Ахча прикрыта сильнымъ отрядомъ. Дѣйствительно, здѣсь стояли посланные паибомъ изъ Мазари-шерифа карнайль Мухамедъ-ша и сарыпульскій окружной начальникъ Мухидинъ-ханъ, съ отрядомъ изъ двухъ баталіоновъ, одного эскадрона кавалеріи персіанца Казы-Мухамедъ-джана и восьми орудій. Въ составъ отряда вошли исключительно тѣ баталіоны изъ одноплеменниковъ намѣстника (вордаки), которыми онъ самъ командовалъ раньше въ Кабулѣ. Зато кавалерія не была достаточно надежною. Отрядъ занималъ довольно выгодную позицію при аулѣ Хамъ-ябѣ.

Исакъ-ханъ, руководимый весьма благоразумнымъ братомъ своимъ, Серверъ-ханомъ, хотя и приблизился на двухверстное разстояніе, но нападать не рѣшился, а считалъ нужнымъ войти

въ сношеніе съ войсками противодѣйствующаго отряда. И вотъ ночью, по предварительнымъ переговорамъ чрезъ своихъ людей, сердарь отправляется съ пятью слугами въ лагерь рисалинцевъ, имѣя въ рукахъ книгу „коранъ“, какъ почтенное въ распѣ съ мусульманами оружіе обороны. Кавалеристы приняли Исакъ-хана, выслушали его предложенія и обѣщанія, и тогда же самъ командиръ Казы-Магомедъ-джанъ проектировалъ для слѣдующаго дня съ предполагавшимся боемъ такой тактический маневръ: Исакъ-ханъ долженъ быть выставить свои „войска“ противъ баталіоновъ, а рисалинцы немедленно сдѣлаютъ ему саламъ, т.-е. сдадутся.

Торжествующій Исакъ-ханъ вернулся къ себѣ въ ставку и на утро готовилъ къ полевому маневру свой сбродъ. Вѣрный своему наибу, Мухамедъ-ша также выстроилъ свои палаты и, готовый подать барабанами сигналъ къ бою, замѣтилъ, что человѣкъ 30 рисалинцевъ, выскакавъ изъ рядовъ, присоединились къ скопищу сердарей, которое только топталось на мѣстѣ и громко кричало, чего-то ожидая еще. Тогда Мухамедъ-ша, сообразивъ опасность поголовной измѣны, сопелъ съ коня, снялъ чалму и обратился къ своему отряду съ такимъ угрожаваніемъ: „братья, если Исакъ-ханъ дѣйствительно явился съ богатствами, мы не выдергимъ, и не выдержть наибъ, мой дядя; но вѣдь одно изъ двухъ: или онъ привезъ богатства, или уѣхжалъ отъ русскихъ; я утверждаю, что богатства у него иѣть: — идемъ впередъ!“ Баталіоны двинулись, сдѣлали нѣсколько выстреловъ изъ орудій и скоро пріостановились, потому что исакхановцы весьма поспѣшили ускакали на своихъ лихихъ коняхъ по направлению въ степь Андхоя, на западъ отъ театра первой боевой встрѣчи.

Неудача. Исакъ-ханъ, оставленный туркменами, произведившими въ окрестности Ахча генеральный грабежъ, сѣлъ въ степномъ поселкѣ Хожа-духъ и не помышлялъ уже о дѣйствіяхъ противъ крѣпости Ахча, такъ какъ она оставалась прикрытою тѣмъ же отрядомъ, расположившимся на Хамъ-ябѣ. Наибъ торжествовалъ разумѣется такую легкую, блестя-

тельную победу съ трофеями изъ нѣсколькихъ японокъ и перметныхъ сумокъ (куржумъ), брошенныхъ исакхановцами, и возвѣль своего храбраго, краснорѣчиваго племянника Мухамедъ-ша въ званіе главнокомандующаго (лонварь-бashi).

А сердари горевали; слонялись напрасно въ кочевьяхъ туркменовъ Андхоя, помышляя даже удалиться въ Гератъ. Къ ахчинскому пораженію прибавилось чрезъ четыре дня и еще несчастье: сердарь Серверъ-ханъ попался въ плѣнъ и отправленъ къ намѣстнику въ Мазари-шерифъ. Этотъ несчастный неудачникъ, родной братъ Исакъ-хана, только за годъ предъ тѣмъ освободившійся изъ ширъ-али-хановской тюрьмы, удрученный, какъ и всѣ исакхановцы, неуспѣхами, рѣшилъ испробовать послѣднее афганское средство — „принести стыдъ врагу“, т.-е. просить у него пощады и помощи.

По совѣту съ братьями, Серверъ-ханъ, взявъ съ собою четырехъ своихъ, отправился ночью въ крѣпость Шубурганъ, разсчитывая найти полное сочувствіе и въ гарнизонѣ, и въ комендантѣ Абдуль-Керимъ-ханѣ, который служилъ когда-то Серверъ-хану.

Сердарь однако жестоко ошибся: сказавъ свое традиціонное „нанкъ овордамъ—стыдъ приношу“, онъ не получилъ жданнаго отвѣта, и собравшіеся къ коменданту офицеры упрекнули помощникателя, что Исакъ-ханъ обманываетъ, денегъ не имѣть, а бѣжалъ изъ русскихъ предѣловъ, чтобы мутить войска наиба и народъ въ такое время, когда и безъ того горя домашняго много. Рѣшено было отправить знатнаго плѣнника „въ подарокъ намѣстнику“.

Несчастнаго сердара Серверъ-хана доставили подъ конвоемъ 15-го января въ Мазари-шерифъ, гдѣ онъ и былъ обезглавленъ на четвертый день бывшимъ слугою Абдъ-уль-Рахманъ-хана, иранцемъ Алладатъ-ханомъ и сарыпульскимъ комендантомъ Мухидия-ханомъ, по приказанію наиба и по совѣту всѣхъ старшихъ войсковыхъ афганцевъ, находившихъ, что только этою мѣрою и можно удержать войска отъ измѣны, а претендентовъ отъ дальнѣйшихъ домогательствъ.

V.

Неудача Исакъ-хана и смерть Серверъ-хана ободрили Гуламъ-Гайдаръ-хана не надолго.—Давно развращенны афганскія войска угрожаютъ сдѣлать соир д'єstat.—Намѣстникъ хлопочетъ выслать отрядъ въ Кундузъ, а самъ помышляетъ удалиться въ Гератъ.—Вскорѣ послѣ отправленія отряда въ Кундузъ, 21-го февраля тахтапульцы начали мятежъ.—Обложивъ Тахтапуль свободными войсками, но замѣгивъ и въ нихъ измѣну, Гуламъ-Гайдаръ-ханъ удаляется послѣдно въ Бухару.—Въ Тахтапульѣ провозгласили Абдъ-уль-Рахманъ-хана, признавъ временнымъ наибоемъ Кундузъ-хана.—4-го марта Исакъ-ханъ явился въ Мазари-шерифъ.—Новое правительство Чаръ-Вилайата пріискаиваетъ деньги насиліемъ, пытками, казнями.—Исакъ-ханъ посыаетъ бухарскому эмиру дерзкое требование выдать Гуламъ-Гайдаръ-хана.—Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ прибылъ въ Ханабатъ и, заявивъ дѣятельные сношенія съ Кабуломъ, поджидаетъ англійское посольство.

Послѣ трагического события—казни Серверъ-хана въ Мазари-шерифѣ,—претенденты дѣйствительно пріуныли. Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ держался очень скромно и терпѣливо въ Рустекѣ, жалуясь уже на безденежье; Исакъ-ханъ съ сотней своихъ ковниковъ ушелъ въ Давлетъ-абатъ подъ защиту отдѣлившагося правителя округа Меймене, а можетъ быть, и съ намѣреніемъ пробраться въ Гератъ.

Но дѣла принимали въ Чаръ-Вилайятѣ день-ото-дня такой ходъ, который могъ еще обнадѣживать претендентовъ.

Мы уже раньше говорили о томъ, до какой деморализаціи были доведены афганскія войска Чаръ-Вилайата разными погрѣшностями самого намѣстника. Положеніе этихъ войскъ все время не улучшалось, а становилось положительно критическимъ, потому что содержанія имъ не выдавали, утѣшая обѣщаніями, а жизненные продукты и даже фуражъ и топливо совершенно истощились у жителей до того, что въ февралѣ мѣсяцѣ пудъ муки покупался по три рублей на металъ, а лошадей приходилось кормить кореньями травъ и древесными сучьями.

При такомъ всеобщемъ бѣдствіи, какой предавности „законному“ дѣлу могъ ожидать наибъ отъ своихъ до-нельзя распущеныхъ войскъ, никакъ не утѣшившихся постоянной раздачею „по заслугамъ“ чиновъ, а требовавшихъ или хлѣба, одѣжды и топлива, или же жалованья?

Намѣстникъ самъ понималъ безысходность такого положенія, самъ предчувствовалъ непродолжительность своего режима и все-таки оставался на своемъ посту, поджидая преемника, развлекая солдатъ пушечными салютами, иллюминацией по случаю утѣшительныхъ будто-бы извѣстій изъ Кабула, которая самъ же придумывала и сочиняла, облекая въ письма.

Наконецъ, какъ послѣднее средство къ поддержанію порядка, Гуламъ-Гайдаръ-ханъ задумалъ выполнить экспедицію въ Кундузъ, какъ для наказанія Султана-Мурада, угрожавшаго своими спопищами изъ Гури, такъ и для поощренія войскъ грабежемъ, который все же могъ прокормить всѣ палтаны въ теченіе даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ узбекское населеніе Кундуза извѣстно полной своей за�иточностью.

Но выполнить давно задуманный походъ было не такъ ужѣ легко. Выставленные на позицію близъ Ташкургана три палтана афганцевъ, два баталіона узбековъ-рисалинцевъ и 18 орудій съ ракетами и прислугой, получивъ въ главнокомандующіе наибовскаго племянника Магометъ-ша, отказались ему подчиняться, прогнали главнокомандующаго и нѣсколькихъ генераловъ и потребовали къ себѣ наиба. Пришлось выдать предварительно за два мѣсяца жалованье, а потомъ уже явиться къ бунтующимъ солдатамъ. Гуламъ-Гайдаръ-ханъ и въ этотъ разъ снималъ предъ войсками чалму, присягалъ на коранѣ, что денегъ больше не имѣеть, по недополученію содержаніе выдастъ по возвращеніи изъ похода, который считалъ крайне и неотложно нужнымъ для спасенія ихъ же, солдатъ.

На другой день, 17-го февраля, отрядъ выступилъ по направлению въ Кундузъ чрезъ Башъ-абаданъ, подъ общимъ начальствомъ персіянина генерала Гуль-Ахмета, приверженаго наибу. Гуламъ-Гайдаръ-ханъ почувствовалъ себя легко, но очень не надолго. Оставшіеся въ центральномъ Чаръ-Вилайятѣ палтаны надѣлали ему хлопотъ, какихъ онъ, очевидно, не ожидалъ.

Было уже отмѣчено, что единственная самая сильная

крепость, ключъ Чаръ-Вилайата, Тахтапулъ, въ семи verstахъ отъ Мазари-шерифа, резиденціи намѣстника, была занята гарнизономъ въ 800 пѣхотныхъ афганцевъ съ комендантомъ Хусseinъ-ханомъ. Матеріальное положеніе тахтапульскихъ солдатъ оставалось все время ничѣмъ не лучше, какъ и остальныхъ. Разница была только въ томъ, что они меньше терпѣли отъ чрезвычайно холодной зимы и постоянныхъ бурановъ, потому что жили въ казармахъ, а не въ шалашахъ и дырявыхъ бязевыхъ палаткахъ. Пожалуй, тахтапульцы еще больше другихъ и голодали, потому что въ этой крѣпости совершенно неѣть частныхъ обывателей.

Понятно, что при такомъ положеніи, угрожавшемъ голодною смертью, отъ солдата нельзѧ и ждать преданности долгу службы, которому афганцы и по природѣ своей были до сихъ поръ чужды. Понятно, что деморализованныхъ до послѣдней степени солдатъ, потерявшихъ окончательно всякую вѣру въ своего намѣстника, легче было привлечь на свою сторону всякими новыми заманчивыми обѣщаіями, чѣмъ столько слышаннымъ уже увѣреніемъ, что денегъ вѣтъ, но они будутъ. Такъ дѣйствительно и случилось.

Тахтапульцы давно уже получили письма Абдъ-уль-Рахманъ-хава, приглашавшія дѣйствовать за него, обѣщавшія шестимѣсячное жалованье и награды; они умалчивали объ этихъ прокламаціяхъ, соглашались, но не рѣшались, поджидая также, не явится ли изъ Баміана, какъ давно пугали, бывшій наибъ Нуръ-Магометъ-ханъ, который казался гораздо интереснѣе, потому что онъ служилъ англичанамъ. Но Нуръ-Магометъ-ханъ оказался горный мнѣ, подѣживавшій къ границѣ Чаръ-Вилайата съ небольшой конной партией только для разведки. Тахтапульцы рѣшили передаться Абдъ-уль-Рахманъ-хану.

Завязавъ сношенія съ Исаакъ-ханомъ, дружелюбно принятому 10-го февраля въ Аздхобѣ, гарнизонъ только и ждалъ, когда выступить отрядъ въ Кундузъ, чтобы дѣйствовать свободнѣе, такъ-сказать, безъ осѣчка.

Какъ мы поясняли, отрядъ выступилъ 17-го февраля, а на четвертый день въ Мазари-шерифѣ услышали орудійные выстрѣлы изъ крѣпостныхъ верковъ Тахтапуля. Народъ забѣгалъ, вопія, зарывая достатки въ ожиданіи и рабежа; а на-мѣстникъ распорядился приготавливать свои выюки.

Пальба въ пространство усиливалась.

Доложили Гуламъ-Гайдаръ-хану, что Тахтапуль бунтуется, но еще не все потерянно.

Наибъ собралъ совѣтъ старшихъ начальниковъ, заклиналъ ихъ оставаться вѣрными, и хотя не получалъ ни единаго обѣщанія, но утромъ 22 февраля повелъ лично противъ бунтовавшихъ 3 баталіона при шести орудіяхъ, оставшіеся въ Мазари-шерифѣ.

Выдѣливъ изъ атакующаго своего отряда 2 баталіона съ орудіями, подъ командой брата своего, Магометъ-Рахима, наибъ приказалъ ему обложить крѣость съ юга, а самъ оставался съ остальными афганцами въ ириличномъ отдаленіи на сѣверной сторонѣ.

Полчаса слышалась орудійная перестрѣлка тахтапульцевъ съ войсками наиба безъ потерь, а затѣмъ въ отрядѣ Магометъ-Рахима раздался какой-то очевидно условленный сигналъ, которому отвѣчали изъ крѣости такій же сигналомъ и дружной вылазкой. Въ одно мгновеніе начальникъ отряда былъ стащенъ съ лошади тѣмъ же самымъ Алладатъ-ханомъ, который снялъ голову Серверъ-хану, орудія были заклепаны заговорщиками и окруженній такимъ образомъ этотъ побратался съ тахтапульцами, наравившись выѣсть въ крѣость, куда увѣли и команда со всѣми старшинами начальниками. Гуламъ-Гайдаръ-ханъ самъ попытался еще двинуться впередъ, но, замѣтивъ развѣвавшіяся на крѣпостныхъ барбетахъ знамена приведенныхъ имъ войскъ, яко убѣдившись въ расположении къ нему и послѣдней горсти его же соплеменниковъ-вордаковъ, сказалъ имъ: „дѣлайте что хотите“, и самъ съ тридцатью приверженцами-родственниками поспѣшилъ въ Мазари-шерифѣ, провожаемый салютами изъ Тахтапуля подъ звуки

измѣнниковъ „дауръ, дауръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ—да здравствуетъ эмиръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ“.

Кончившему такимъ характернымъ исходомъ свое дѣло намѣстнику не-зачѣмъ уже было заѣждать въ Мазари-шерифѣ, гдѣ въ его домѣ хозяинчили надъ имуществомъ и жалкою казною опередившія всѣхъ части осаждавшаго отряда и толь баталіонъ, который охранялъ резиденцію наиба. Въ этотъ день досталось отъ грабителей и не однѣмъ придворнымъ Гуламъ-Гайдаръ-хана, но и жителямъ, стонавшимъ отъ насилий тахтапульцевъ три дня, пока не явился изъ отряда Исаакъ-хана сердаръ Кутдузъ-ханъ, который отвлекъ нѣсколько грабителей, принявъ на себя званіе временнаго наиба и увѣряя всѣхъ, что при Исаакъ-ханѣ имѣются и богатства, и 4000 человѣкъ разнаго войска.

Прежде чѣмъ говорить о тріумфѣ Исаакъ-хана, пояснимъ, что упразднившися 22-го февраля туркестанскій намѣстникъ Гуламъ-ханъ тогда же поспѣшилъ направилъ съ своими выюками и тридцатью слугами на сѣверъ и, престѣдуемый всетаки конной партіей, отбившій у него четыре выюка съ серебряной монетой, переправилъ чрезъ Аму-дарью противъ Ширъ-абага, пославъ бухарскому эмиру письмо. Въ этой членитной Гуламъ-Гайдаръ-ханъ, называя себя ничтожной соринкой и величая Музafferъ-хана царемъ могущественнымъ, украшеннымъ солнечной коровой, имѣющимъ войскъ столько же, сколько на небѣ звѣздъ, просилъ въ заключеніе разрешить ему пріютиться въ Бухарѣ.

Эмиръ бухарскій не отказалъ въ просьбѣ бывшему наибу, какъ не отказывалъ когда-то въ гостепріимствѣ Абдъ-уль-Рахманъ-хану (1865 г.) съ Исаакъ-ханомъ (1867 г.), и тѣмъ наложилъ себѣ непріятности, получивъ вскорѣ дерзкое письмо отъ Исаакъ-хана, требовавшее выдачи Гуламъ-Гайдаръ-хана, какъ отвѣтчика за кровь Серверъ-хана, подъ угрозою наѣдывать большихъ непріятностей эмиру въ случаѣ неисполненія этого требованія.

Музafferъ-ханъ не исполнилъ, разумѣется, слишкомъ без-

тактико заявленного желания Исаакъ-хана, хотя и смирился передъ фактомъ задержанія новымъ наимъ бухарского по-сланца Касымъ-хана; но, какъ смѣжный съ Афганистаномъ сосѣдъ и владѣтель всего лѣваго берега Аму-дары отъ Чарджа до Келифа, боязливо смотрѣлъ въ будущее такихъ рѣзкихъ въ началѣ отношеній къ новому афганскому правительству.

Не лучшее впечатлѣніе произвелъ Исаакъ-ханъ и въ самомъ Чарѣ-Вилайѣ, кудѣ онъ прибылъ 4-го марта, проѣхавъ предварительно чрезъ крѣпости Ахча и Шубурганъ, гдѣ его и приняли, когда узнали о тахтапульской исторіи и о бѣгствѣ Гулямъ-Гайдаръ-хана.

Вѣзѣдъ въ Мазари-шерифъ нового наиба не былъ особыно триумfalный, какъ ши хлонотаѣ о томъ Кутдузъ-ханъ. Встрѣченный за городомъ толпою жителей и войскъ, отдавшими селямъ и прокричавшией „дауръ, дауръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ“, Исаакъ-ханъ вступилъ въ городъ днемъ, имѣя на шее книгу корана, какъ реальную, казалось ему, силу, дополняющую впечатлѣніе слабой обстановки при ничтожномъ конвоѣ въ 300 конныхъ вмѣсто четырехъ-тысячнаго отряда.

Жадно посматривали разумѣется афганцы и на Исаакъ-хановские выюки, но они оказались совершенно пустыми, а потому новому наибу пришлось съ первыхъ же дней разыскивать богатства своего предыстника, для чего были пущены въ ходъ пытки, и когда нашли только 20000 рупій, зарытыхъ въ сакѣ, пришлось изобрѣтать прямой источникъ къ приобрѣтенію денегъ, существенно необходимыхъ для удержанія власти. Это оказалось дѣломъ нелегкимъ, потому что Гулямъ-Гайдаръ-ханъ собралъ съ народа подати за два года впередъ, а кущы, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ привлекаются къ сочувствію интересамъ государства, совершили обѣдали еще тогда, когда бывшій намѣстникъ собирались съ нихъ на устройство поминокъ о покойномъ эмирѣ Ширь-Али-ханѣ.

Однако Исаакъ-хану, какъ афганцу ханской къ тому же крови, требовалось не увѣревія землемѣщевъ и купцовъ въ

своемъ наглядномъ обниншаніи, а металль, которымъ онъ долженъ былъ закрыть рты, недавно кричавшіе „дауръ“ его двоюродному брату, а теперь шепчущіе о даурѣ Нуръ-Магометъ-хану, угрожающему изъ Баміана. Пришлось поэтому раздать прежде всего тахтапульцамъ по двадцати рушій, остальнымъ войскамъ по десяти рушій, и обратиться все-таки къ налогамъ „на дѣло газы“ (священная война), отъ которыхъ не увернулся и послѣдній нищій.

Практикуя, рядомъ съ такимъ властующимъ грабежомъ, самая ужасныя пытки надъ слугами бывшаго наиба, самая жестокія казни надъ афганцами (Мухидинъ-Рахимъ-ханъ и другіе 20 человѣкъ) — виновниками такъ или иначе смерти сердара Серверъ-хана, прикрываясь одновременно ханжествомъ съ безтактнымъ, какъ считается у туземцевъ, посѣщеніемъ мѣстныхъ шейховъ-духовныхъ безъ ихъ приглашенія, суетливый Исаакъ-ханъ скоро получилъ титулъ „странный“ и потерялъ всякое обаяніе до того, что тахтапульцы не пускали его въ крѣпость, замышляя подстрекательствами изъ Кабула что-то недобroe.

## VI.

При затруднительности положенія Абдъ-уль-Рахманъ-хана въ Кундузѣ, недостаткомъ средствъ денежныхъ и боевыхъ, нежеланіемъ афганскаго отряда подчиняться ему, признаки ожиданія англійской обозначались наглядно заявлениемъ самого сердара. — Въ Ханабатѣ прибыло англійское посольство. — Войска чарѣ-вилайетскія сосредоточиваются въ Гура. — Пріискиваемые средства, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ сѣдалъ принудительный заемъ у проходящихъ купцовъ и продалъ пешаурскій караванъ. — 15 июня Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ направился изъ Ханабата въ Кабулъ чрезъ Хонджаанъ. — Шугнавъ присоединенъ къ Бадахшану. — Кѣль разсуждалъ приблизительно ташкентскій сердаръ, переправляясь за Гиндукушъ. — Англичане объявили Абдъ-уль-Рахманъ-хана эмиромъ Афганістана и вывезли изъ Ширпуря свои войска. — Въ Афганскомъ Туркестанѣ семидневное празднество привѣтствуетъ вступленіе Абдъ-уль-Рахманъ-хана 15-го іюля въ Кабулъ.

Не въ лучшемъ положеніи былъ въ мартѣ мѣсяцѣ и провозглашенный тахтапульцами эмиръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ. Хотя сердарю этому и удалось 28-го февраля вступить съ разными сбродомъ изъ бадахшанцевъ и афганцевъ въ Ханабатъ, досуги въ Туркестанѣ.

гдѣ его принялъ самъ султанъ Муратъ кундузскій, искавшій уже защиты новаго эмира отъ тираннія надъ жителями отряда Гуль-Ахмета, бросившаго изъ Ташкургана, какъ стая голодныхъ шакаловъ, но онъ все же чувствовалъ подъ собою не-твёрдую почву.

Видя, что афганцы Гуль-Ахмета, расположившись въ Кундузѣ, вовсе и не помышляютъ о его ханскомъ величіи, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ посыаетъ къ нимъ, въ половинѣ марта мѣсяца, для переговоровъ своего вѣрнаго слугу, расходчика-казначея, какъ его звали въ Ташкентѣ, Абдулла-Джана, возведенаго теперь въ званіе сердаря.

Напрасно Абдулла-Джанъ обращался въ Кундузѣ отъ имени ех-амира къ патріотизму этихъ войскъ, къ увѣреніямъ на всевозможные лады; его настойчиво спрашивали „имѣеть ли Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ богатства“ и, получивъ отрицательный, откровенный и справедливый отвѣтъ, попросили оратора удалиться, категорически заявивъ, что они выступили изъ Ташкургана въ Кундузъ съ твердымъ намѣреніемъ награбить и уйти въ Кабулъ къ семействамъ, которымъ въ противномъ случаѣ угрожаетъ опасность отъ англичанъ.

Ничего болѣе не оставалось Абдъ-уль-Рахманъ-хану, какъ терпѣливо ждать теплого южнаго пешаурскаго вѣтерка, который постепенно принималъ свойство благотворнаго водяного гольфстрѣма, по мѣрѣ сговорчивости этого афганца, проявившейся въ немъ давно и очень давно.

Очевидно было уже въ апрѣль мѣсяцѣ, что Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ видѣлъ всю свою опору въ Кабулѣ, въ англичанахъ; что онъ протягиваетъ туда не только руки обѣщанія унять буйный народъ отъ рѣзни за газа и противъ газа, какъ раздѣлились тогда афганцы, но готовъ идти на всѣ уступки, чтобы добраться только до Кабула и быть признаннымъ англичанами эмиромъ.

Лишь только открылись горные перевалы Гиндукуша, плоды давнишнихъ переговоровъ Абдъ-уль-Рахманъ-хана съ англичанами чрезъ своего дядю Магометъ-Юсуфъ-хана, давно

сидѣвшаго въ Кабулѣ, не замедлили проявиться: въ половинѣ апрѣля прекращаются всякия угрожающія интриги изъ Баміана; въ Ханабатѣ скачутъ сторонники сердаря изъ Кабула, Кандагара и даже изъ Тегерана чрезъ мервскую степь, всегда наполненную туркменскими разбойниками; чаръ-вилайтскія и кундузскія войска ведутъ себя скромно, какъ бы забывъ свое намѣреніе возвратиться къ семействамъ; начинаютъ поговаривать о возможности скораго прибытія въ Ханабатѣ изъ Кабула англійскаго посольства.

Признаки ожиданія англійской миссіи были на лицо: ех-эміръ вовсе не помышлялъ о враждѣ къ англичанамъ; онъ увѣрялъ собравшихся къ нему тысячами сторонниковъ въ невозможности побороть англичанъ; онъ озабочивался набрать военныхъ припасовъ для другихъ цѣлей, скорѣе мистификаціонныхъ, чѣмъ положительныхъ; онъ подготовлялся къ движению за Гиндукушъ мирному, а не боевому; онъ желалъ скорѣе этого движения, бросаясь по всѣмъ направленіямъ для пріисканія денегъ, съ цѣлью продовольствія всей массы накопившихся въ Ханабатѣ горцевъ.

И вотъ, уже въ первой половинѣ мая въ Ханабатѣ явилась англійская миссія изъ четырехъ членовъ.

Посольство кабульское проѣхало чрезъ Кутель-Гиндукушъ, Ханджанъ, Гури и было принято въ Ханабатѣ съ большими почестями, съ тѣмъ всеобщимъ восторгомъ, который давалъ сразу чувствовать, что дѣло пойдетъ на ладъ, что неутвержденнаго эмира окружаютъ все люди мира, люди, желающіе посадить поскорѣе Абдъ-уль-Рахманъ-хана въ Кабулъ и зажить спокойной жизнью.

Это всеобщее анти-воинственное настроеніе рекомендовало, конечно, въ Абдъ-уль-Рахманъ-ханѣ силу вліянія на своихъ единомышленниковъ, силу умѣнья говорить, убѣждать, заговаривать, чѣмъ дѣйствительно онъ всегда и отличался.

Тактичный, разсудительный, достаточно привѣтливый вѣшними приемами, сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ произвелъ на миссію еамое пріятное впечатлѣніе. Всѣ были въ восторгѣ отъ

будущаго эмира и поспѣшили засвидѣтельствовать, что интеллигентный, образованный Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, хорошо понявъ положеніе дѣлъ, принимаетъ предложенные условія. Въ чём состояли эти условія—разъясняется ниже, а пока можно отмѣтить, что непосредственно послѣ появленія въ Ханабатѣ англійской миссіи, вожди афганскіе получили письма будущаго эмира, изъявляющія удовольствіе, что, „наконецъ, для него открылись врата дружбы съ англичанами“.

Было ли это непрітворно искреннее признаніе — предсталяемъ сказать времени, отмѣчая здѣсь, что часть миссіи англійской вернулась въ Кабулъ съ посланцемъ отъ ех-эмира въ концѣ мая и что вскорѣ затѣмъ въ Кабулѣ начата Магометъ-Юсуфомъ чеканка рупій имени Абдъ-уль-Рахманъ-хана изъ англійскаго, разумѣется, серебра, а въ Чаръ-Вилайятѣ застутились военными приготовленіями и раздобычей денегъ, которая была очень затруднительна.

Пришлось обратиться къ чисто афганскимъ средствамъ, чтобы подкѣпиться сколько-нибудь продовольствіемъ, требовавшимся ежедневно въ большихъ размѣрахъ для окружавшаго Абдъ-уль-Рахманъ-хана трехъ-тысячнаго отряда, чтобы добыть такую сумму серебра, какая по разсчету нужна была на первое время для дальнѣйшаго выполненія плановъ.

Начали съ того, что за нерадивость въ доставленіи въ Ханабатъ хѣба и барановъ замѣнили бадахшанскаго правителя Баба-хана Умаръ-ханомъ, чѣмъ вызвали небольшое волненіе въ бадахшанцахъ, любившихъ своего мира и знавшихъ, какую онъ оказалъ услугу Абдъ-уль-Рахманъ-хану въ первое время появленія его на Пенджѣ.

Принялись затѣмъ за пешаурскихъ и кабульскихъ афганскихъ купцовъ, товары которыхъ на пятистахъ верблюдахъ, следовавшіе въ Бухару чрезъ Баміанъ<sup>1)</sup>, были удержаны

<sup>1)</sup> Кабульскіе караваны проходили чиа верблюдахъ и лошадяхъ вьючныхъ чрезъ Ташъ-курганъ круглый годъ и зимою слѣдующимъ путемъ изъ Кабула: Калай-казы—8 верстъ, Кушчи-Ашру—24 вер., Саръ-чаши—18 вер., Горданъ-Ди-воръ—26 вер., Каю—26 вер., Тупчи—24 вер., Баміанъ—24 вер., Сурхдара—8 вер., Акъ-рабатъ—16 вер., Сейганъ—24 вер., Когиартъ—24 вер., Мадръ—

въ Ташъ-курганѣ уже съ марта мѣсяца. Хозяева этого кара-вана съ кисеей, кашемирскими шалями, индійской парчей, цѣнностью въ полтора миллиона рублей, сначала уговорили дать Абдъ-уль-Рахманъ-хану одинъ лакъ рушій (60,000 рубл.) въ заемы на четыре мѣсяца, а когда они принесли эту сумму, имъ объявили, что заемъ дѣлается безсрочно.

Обманутые соотечественники будущаго афганскаго повели-теля потащились искать справедливости у него самого, но Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ отвѣтилъ имъ, что нуждается въ день-гахъ для общаго народнаго дѣла, а потому заемомъ не огра-ничится, а прикажеть конфисковать и продать товары. Такъ дѣйствительно и сдѣлали, распродавъ въ іюнѣ—іюль мѣсяцы въ Ташъ-курганѣ караванъ въ 450 верблюдовъ.

Разумѣется, потерпѣвшіе купцы-афганцы нигдѣ не могли найти затѣмъ правосудія и только молились, выѣхавъ съ бухар-цами, чтобы это былъ послѣдній случай насилия, чтобы дали возможность пройти свободно остаточной массѣ товаровъ каравана въ шесть тысячъ верблюдовъ, давно уже выжидавшаго въ Кабулѣ и Баміанѣ.

Добывъ такимъ азіатскимъ способомъ значительный кушъ денегъ, начали формировать приготовленія.

Съ шестого іюня палтаны отправлялись по ночамъ изъ Ташъ-кургана въ Гури, гдѣ поступали подъ временное завѣ-дываніе уже известнаго намъ Абдулла-Джана и Нейкъ-Маго-мета, присоединившагося къ Абдъ-уль-Рахманъ-хану въ концѣ мая мѣсяца.

Къ чѣму старались скрывать сосредоточеніе войскъ на пути чрезъ перевалъ Гиндукуша—объяснять трудно. Но ста-раніе скрываться, конечно, ни къ чѣму не привело, такъ какъ все видѣли, что затѣвается, по размѣрамъ заготовленій про-довольствія и обоза, большой походъ, который считали въ полной зависимости отъ послѣдовавшаго въ Ханабатѣ согла-

26 вер., Дау-объ—26 вер., Рун—24 вер., Хурамъ—30 вер., Сарбагъ—16 вер., Айапъ—24 вер., Хозретъ-султанъ—26 вер., Гази-гакъ—16 вер., Саитъ—18 вер., Ташкурганъ—16 вер. Всего 21 переходъ 436 верстъ.

шения съ англичанами, соглашения, призывающего Абдъ-уль-Рахманъ-хана въ Кабулъ эмирствовать, о чмъ онъ самъ говорилъ своимъ приближеннымъ, умалчивая разумѣется о подробностяхъ сдѣлки.

По характеру приготовленій къ походу въ Ханабатъ, которые обозначились съ первого іюня приказаниемъ султану кундузскому доставить двадцать тысячъ барановъ и сто тысячъ пудовъ муки, обозначались также постепенной отсылкою частей наличныхъ войскъ въ Гури, всѣ чувствовали скорое отбытие сердара за Гиндукушъ, для рукоположенія въ эмиры, а никакъ не для войны съ англичанами.

Однохарактерныя повсюду ожиданія совершенно сбылись. 19-го іюня въ Ташъ-курганѣ и Марази-шерифѣ было получено приказание самого Абдъ-уль-Рахманъ-хана собрать въ главную мечеть ханака (соборъ) весь народъ, войска и объявить прокламацію, что эмиръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, по волѣ Всемогущаго Аллаха, вошелъ въ полное во всемъ соглашеніе съ англичанами и отправляется въ Кабулъ. При этомъ объявлялось, что въ Чаръ-Вилайятѣ остается управлять сердарь Исаакъ-ханъ, въ Кундузѣ сердарь Абдулла-Джанъ, въ Бадахшанѣ рабъ (Гуямъ) Умаръ-ханъ.

Согласно волѣ Абдъ-уль-Рахманъ-хана, наѣбъ Исаакъ-ханъ лично прочелъ воззваніе въ Мазари-шерифѣ, Кундузъ-ханъ прочелъ въ Ташъ-курганѣ и каждый пригвоздилъ этотъ историческій документъ въ соборной мечети.

День выступленія сердара хорошо знали, разумѣется, за Гиндукушемъ и за двое сутокъ толпы афганцевъ лились волною въ Ханабатъ, всѣ изъявляя восторгъ, желаніе, чтобы сердарь шелъ въ Кабулъ скорѣе.

Къ пятнадцатому іюня на берегу Пендуза собралось народъ до десяти тысячъ и тогда Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, получивъ напутственное благословеніе (фатифа) духовенства, сѣлъ въ 5 часовъ полудни на своего походнаго коня, близайшия горы приняли эхо, какое не раздавалось на берегахъ Аму-даріи со времёнъ Тамерлана.

Въ этомъ возгласѣ неподѣльного энтузиазма массы гордѣвъ сливалось все, и постороннему наблюдателю, не посвященному въ тайны всѣхъ предшествовавшихъ перипетій, не мудрено было ошибиться и допустить, что сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ отправился искать полнаго эмирства оружіемъ, а не дипломатіей. Да оно было отчасти и справедливо, потому что одновременно съ выступленіемъ изъ Ханабата оружіе Абдъ-уль-Рахманъ-хана дѣйствовало рукою Умаръ-хана въ другой части горъ, на востокѣ, въ жалкомъ бѣдностью, но быть можетъ значительномъ въ другомъ отношеніи Шугнанѣ.

На географическихъ картахъ эта крошечная страна испещрена обильными подробностями; но мы сильно склонны думать, что всѣ они сомнительного достоинства.

Какъ бы ни было, разскажемъ, что горное владѣніе Шугнанъ лежитъ на верховьяхъ рекъ Пенджабай, Аксу, граничитъ съ Памиромъ, Дарвазомъ-бухарскимъ, Чатраломъ и Бадахшаномъ, населено исключительно таджиками древне-иранской народности, бѣдно растительной, лѣсной природой и производительностью почвы, но изобилуетъ, какъ сказываютъ, минеральными богатствами.

Чѣмъ обратила на себя такъ рано вниманіе Абдъ-уль-Рахманъ-хана эта страна — рѣшительно не знаемъ; но достовѣрно освѣдомились, что предлогомъ къ занятію ея 26-го іюля Умаръ-ханомъ изъ Бадахшана послужило неисполненіе самостоятельнымъ ея владѣтелемъ Юсуфъ-Али-ша сдѣланнаго ему требованія: выдать укрывавшагося въ Шугнанѣ извѣстнаго уже намъ Шахъ-Заде-Хасана, претендента на Бадахшанъ.

Не трудно было занять Шугнанъ даже скопищемъ бадахшанскихъ стрѣлковъ (мергеней), потерявшихъ въ стычкѣ всего три человѣка убитыми и 15 человѣкъ ранеными.

Съ такими-то незначительными, пятидневными усилиями цѣль была достигнута; владѣтель Юсуфъ-Али-ша взять въ пленъ; Шахъ-Заде-Хасанъ бѣжалъ въ соседній Чатраль; Шугнанъ присоединенъ къ Афганистану, чмъ радовались, салютовали, праздновали въ Ханабатѣ, Чаръ-Вилайятѣ и въ Хонд-

жанъ, гдѣ догнала эта пріятная вѣсть самого полу-емира, который могъ теперь уже сказать: „я дѣйствую такъ, какъ требуютъ мои собственные интересы: гдѣ нужно оружіемъ, гдѣ возможно дипломатіей самаго тонкаго пошиба; я знаю общее политическое положеніе дѣль, знаю свойства афганскаго народа, знаю самого себя“.

Такъ приблизительно разсуждалъ, догадываемся мы, бѣжавшій изъ Ташкента нашъ бывшій гость сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ послѣ выступленія изъ Ханабата, послѣшно направляясь въ грозному перевалу Гиндукуша, чрезъ Шуръ-дара, Джалоды, Акъ-булакъ, Норынъ, Бузъ-дара, Ходжа-бала и на шестой день въ Хонджанъ.

Въ этой хазаринской осѣдлости, у подножія Кутели Гиндукушъ, пришлось полу-емиру пріостановиться.

Требовалось отправить въ Кабулъ еще посланца съ предупрежденіемъ о своемъ движении; требовалось приготовить людей отдыхомъ къ переходу чрезъ высочайшій снежный переваль; требовалось самое главное—испробовать почву за Гиндукушемъ, потому что были получены неблагопріятныя предупрежденія.

Съ этою послѣднею цѣлью изъ Хонджана пришлось отправить за Гиндукушъ авангардъ въ двѣ тысячи вооруженныхъ афганцевъ, съ сердарами Нейкъ-Магометъ и Абдулъ-Азизъ-ханомъ, которымъ поручалось также задобривать вліятельныхъ людей Чарикера и бека этого округа раздачею халатовъ, отпущеніи имъ въ количествѣ восьми тысячъ штукъ.

Давно небывалое за Гиндукушемъ такое широкое поощреніе горцевъ национальнымъ атрибутомъ, оставляющимъ то же впечатлѣніе на самолюбіе и честолюбіе азиатцевъ, какое производятъ въ Европѣ ордена, произвело разумѣется свое полезное дѣйствіе: оно расположило къ Абдъ-уль-Рахманъ-хану и этихъ загорныхъ афганцевъ. А тѣмъ временемъ было получено изъ Кабула отвѣтное посланіе, условившее окончательно подробности всего эпилога, къ которому такъ нетерпѣливо, такъ искренно стремились въ Кабулъ, стараясь уѣхать каби-

нетъ Гладстона скорѣйшей развязкой всей этой афганской шарады, стоявшей пораженія Биконс菲尔ду и большой тревоги, большихъ затратъ для всей англійской націи.

Развязка не замедлила послѣдовать: 2-го іюля Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ перешелъ чрезъ Гиндукушъ въ Сухта-чинарь и Чарикеръ, повсюду привѣтствуемый восторгомъ народа, видѣвшаго въ сердарѣ умиротворителя страны, избавителя ея отъ англійского нашествія.

Англичане конечно очень хорошо чувствуютъ, что въ понятіяхъ всего горнаго населенія отнынѣ они хундоры (отвѣтчики за кровь) афганцевъ, всегда готовыхъ такъ или иначе дать реваншъ, и, безъ сомнѣнія, имѣли это въ виду при заключеніи окончательной сдѣлки съ бывшимъ нашимъ гостемъ Абдъ-уль-Рахманъ-ханомъ, признаннымъ одиннадцатаго іюля королевой Викторіей полноправнымъ эміромъ Афганистана.

По заключенному договору, 11 іюля англійскія войска удалились спокойно изъ Ширпуря въ Пудхавъ, а 15-го числа эміръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ сынъ Афзаль-хана совершилъ свой торжественный вѣздръ въ Кабулъ, гдѣ въ тотъ же день обычные намазы кончились молитвой о здравіи и долголѣтии сагибъ-эміра Абдъ-уль-Рахманъ-хана.

Радостное извѣстіе о полномъ успѣхѣ Абдъ-уль-Рахманъ-хана получилось въ Ханабатѣ восемнадцатаго іюля, въ Чаръ-Вилайтѣ 21-го числа того же мѣсяца и было празднуемо семь дней пушечными салютами, вечерней иллюминацией во всѣхъ городахъ и туземными забавами съ неизбѣжной пляскою афганскихъ батчей среди народа, между которыми появлялся въ паланкинѣ, подобно раджѣ, сердарь Исаакъ-ханъ, нынѣшній чаръ-вилайтскій наїбъ.

## БУХАРСКИЯ ВОЙСКА ВЪ 1880 Г.

Блестящее ирджарское сражение 8-го мая 1866 года, прославившее въ Средней Азии русское оружие и пошатнувшее въ глазахъ всѣхъ магометанъ значеніе бухарского эмира, какъ верховнаго главы мусульманства, впервые ознакомило русскихъ съ военными боевыми качествами бухарской арміи. Рядъ послѣдующихъ затѣмъ побѣдъ надъ бухарцами, сопровождавшихся отобраниемъ крѣпостей *Ходжента, Уратюбе, Джизака, Яныкургана* и паденiemъ 1-го мая 1868 года города *Самарканда*, вынужденно заставили перенести границу русскаго Туркестана на *Зёрыбулакские холмы*, въ 150 верстахъ отъ Бухары, чѣмъ окончательно и разсѣяны политическая иллюзія эмира Музaffer-хана и ослабленъ военный пыль его узбекскаго народа.

Будучи вызваны политическою необходимостью принять военные мѣры, въ концѣ 1868 года, изъ Самарканда, противъ восстания, поднятой въ Карши старшимъ сыномъ эмира *Абдъ-улъ-Малакомъ-Катта-Тюре* съ цѣлью низложения своего отца, мы, разсѣявъ мятежниковъ, доказали бухарцамъ и наше желаніе мирныхъ отношеній, и безразсудство мечты юнаго наследника ханства объ истребленіи русскихъ.

Всѣ эти еще не очень давнія военные и политическія события на бывшей территории значительного и сильнаго, по убѣжденіямъ азіатцевъ, Бухарскаго ханства, при обмѣнѣ съ 1869 года частыхъ сношеній туркестанскаго управліенія съ эмиромъ, упрочили русское влияніе на бухарцевъ, установили правильныя торговые отношенія, способствовали также накоп-

ленію научныхъ свѣдѣній о соседней странѣ и теперь дали возможность собрать путемъ разспросовъ и личныхъ наблюдений нѣкоторыя данные о бухарскихъ войскахъ.

Составляя эти краткія замѣтки въ Бухарѣ, мы не имѣли никакой возможности пользоваться книжными и официальными пособіями для справокъ и уясненія вопросовъ о послѣдовательномъ развитіи военного искусства у бухарцевъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, о тактическихъ боевыхъ приемахъ войскъ въ ихъ постепенномъ развитіи, начиная хотя бы со временъ походовъ Тамерлана (1363—1405), какъ первого лучшаго азіатскаго полководца. Сгруппировать такія свѣдѣнія было бы трудно, полагаемъ, и для специалистовъ военного дѣла, потому что мусульманскіе лѣтописцы и историки минувшихъ эпохъ о сраженіяхъ не рассказывали подробно, а о военномъ дѣлѣ никогда не писали.

По мусульманской азіатской литературѣ можно только освѣдомиться, что „распри извѣстны человѣчеству съ того времени, какъ люди познали, что такое хлѣбъ“, что война (мукаддама) была орудіемъ распространенія религіи восточнаго пророка, что священная война (газа) обязательна для каждого правовѣрнаго, какъ завѣщанная Магометомъ въ коранѣ.

По Наршахи, Тарихи Джиганкуши можно узнать еще, что всѣ арабскіе (666), турецкіе (1004—1113), монгольскіе (1226—1363), татарскіе (1363—1405), узбекскіе (1405—1800) завоеватели совершили свои вторженія въ страны Средней Азіи и свои боевые подвиги за обладаніе ханствами съ ордами, полчищами (аламань) преданныхъ общему дѣлу людей, не знаяшихъ въ началѣ іерархіи, занесенной въ Азію завоевателями Чингизомъ и въ особенности Тимуромъ изъ странъ запада.

Тѣ же восточные историки отмѣчаютъ, что орды Чингизхана, полчища Тамерлана, Бабера и другихъ завоевателей были всегда почти конные, частью вооруженныя холоднымъ оружиемъ и стрѣлами, дѣлились на отряды (оскоръ), имѣли предводителей (лашкарбashi), безпощадно истребляли враговъ

и покоренное население, обращая въ пустыни тѣ страны, въ которыхъ они дѣлались полными хозяевами.

Затѣмъ вопросы о выдѣлениіи изъ вахлынувшей въ Среднюю Азію монгольской лавы особаго класса служилыхъ (сипа) военныхъ людей, о введеніи впервые, до Тамерлана, огнестрѣльного оружія и о вліяніи его на азіатскую тактику, о давности организаціи въ Бухарскомъ ханствѣ войска (лашкарь), какъ отдельнаго функционирующаго элемента въ политической жизни страны, остаются совершенно открытыми по книжнымъ источникамъ, и мы должны спѣшить записать по крайней мѣрѣ то, чѣдъ сохранило народное преданіе по разсказамъ современниковъ.

Всѣ утверждаютъ, что отъ временъ эмира Тимура (Тамерланъ) азіатскій народъ сохранилъ преданіемъ представление о войскахъ, имѣвшемъ общаго начальника (лашкарь бashi), отрядныхъ начальниковъ (сорварди) надъ десятью тысячами конниковъ, отдельныхъ командировъ въ отрядѣ тысячныхъ, сотенныхъ, десяточныхъ.

Войско Тимура было исключительно конное, занималось военными упражненіями по выработаннымъ знаменитымъ полководцемъ правиламъ, которые примѣнялись и къ бою.

Вооруженіе состояло изъ пикъ, шашекъ, луковъ, батиковъ-дубинъ съ булавою и ружей фитильныхъ съ рогатками для вѣрности прицѣливанія. Были также чугунныя пушки и тяжелыя длинныя большого калибра ружья (джазаиль), которая возились вьючкою на коней и требовали въ бою для дѣйствія не менѣе четырехъ человѣкъ. Военные припасы приготовлялись въ мастерскихъ эмира разными знатоками, приведенными изъ Ирана и другихъ западныхъ странъ. Войско дѣлилось на кавалерію (атчапаръ) съ холоднымъ оружиемъ (яракъ) и на конниковъ-застрѣльщиковъ (мергенъ) съ фальконетными ружьями, а пушки служили только для обороны верковъ въ крѣпостяхъ, типъ которыхъ былъ тотъ самый, какой мы видимъ и теперь въ Бухарѣ, окруженнай одной трехсаженной зубчатой стѣной

съ барбетами чрезъ каждыя четыре сажени, но безъ оборонительного рва<sup>1)</sup>.

Все войско Тимура составляло такимъ образомъ служилый (сипа) классъ въ государствѣ, получавшій различное денежнное, натуральное довольствіе и добычу, какую давала постоянно война.

Такимъ образомъ, начавшись выдѣлениемъ изъ ордѣ и полчищъ отдельныхъ частей подъ командой выдававшихся способностью храбрецовъ (богадуръ), военная организація получила при Тимурѣ настолько опредѣленности, что уже различала низшихъ чиновъ (аламаны) и чиновниковъ (амалъдари), назначавшихся ярлыкомъ эмира, по представленіямъ начальниковъ, изъ рядовыхъ, отличавшихся въ бою и усердіемъ на службѣ. Амалъдари-чиновники получали соответственныя начальническія права въ своихъ войсковыхъ частяхъ, назначались также къ разнымъ должностямъ по гражданскому управлению и получали какъ соответствующее определенное содержаніе, такъ и награжденіе халатами (тунъ), пожалованіемъ аренды, денежными выдачами. Всѣ повышенія въ чинахъ (амаль), всѣ награжденія и опредѣленія къ должностямъ дѣлались грамотою самого эмира или по его личному усмотрѣнію или же по представленіямъ войсковыхъ начальниковъ и бековъ, какъ окружныхъ начальниковъ.

Контингентъ войскъ формировался и пополнялся вольными поступлениемъ въ ряды конница всѣхъ изъявлявшихъ желаніе служить и получавшихъ на то разрѣшеніе эмира съ зачисленіемъ въ списки соответствующей части, где каждый такой ратникъ и обязанъ оставаться до самой смерти, подчинясь всѣмъ военнымъ требованіямъ.

Для удобства содержанія, войска жили по квартирамъ и являлись по первому призыву для похода и другихъ надобностей.

<sup>1)</sup> За десятилѣтіе вполнѣ мирной жизни бухарцевъ вся крѣпость Бухарского ханства, оставаясь, по безспечности правительства, безъ всякаго ремонта, дошла уже до полнаго разрушенія.

При затруднительности содержать на определенномъ жалованыи постоянный значительный военный контингентъ, эмиры послѣ тamerлановскаго времени, значительно сокративъ онъ, въ необходимыхъ случаяхъ войны обращались къ повременному призыву ратниковъ (наукары—новички) изъ подвластнаго населенія, выдавая имъ вооруженіе и соответствующее вознагражденіе изъ военной добычи.

Такие nauкары, составляя въ бою и на походѣ нестройный, чуждый военного дѣла сбродъ, только обременявши армію, превращались послѣ войны или похода въ обыкновенныхъ мирныхъ обывателей, но такъ, что каждый удерживалъ за собою название nauкара и являлся въ ряды naukarія своего округа по первому говору о новой войнѣ. Отсюда начало постоянныхъ войскъ (лашкарь) и призываемыхъ (талобгарь) по мѣрѣ надобности (наукары).

Сорокалѣтнее царствование эмира Тимура, раздвинувъ постоянными войнами государство его до Ганга, Мраморного моря и Гоби, хотя не обеспечило политическую крѣпость этой монархіи, но дало все же некоторое устройство гражданское и оставило вообще сильное впечатлѣніе какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

Авторитетъ Тамерлана, какъ знаменитаго полководца и завоевателя, держался въ Средней Азіи дѣлъ три столѣтія такъ сильно, что предъ нимъ склонялись всѣ послѣдующіе полководцы, всѣ правительственные династіи въ царствѣ Тимура, его принимали за образецъ въ искусствѣ вести войны, его считали одареннымъ свыше, ему поклонялись съ мистическимъ страхомъ, слѣдуя во всемъ тamerлановской тактике, тamerлановской системѣ организаціи войскъ. Такова была сила обаянія сорокалѣтнихъ дѣяній этого замѣчательнаго азиатскаго завоевателя, создавшаго себѣ надолго всемирную известность не родовитостью, не происхожденіемъ своимъ отъ простого родоправителя Тургай, изъ Шахрисабзя, а своимъ выдающимся умомъ, желѣзною волею и чрезвычайной энергией.

Зато наслѣдники обширнаго государства, сыновья Тимура,

не только не развивали созданаго ихъ отцомъ военного дѣла, какъ самого прочнаго, по тому времени, щита отъ всякихъ политическихъ бурь и опасностей извѣтъ, но своею неумѣлостью довели государство до постепеннаго раздробленія, кончившагося образованіемъ незначительнаго Бухарскаго ханства.

Позднѣйшія правительственные династіи Шейбанида, Ашторхана-ды и, наконецъ, Монгиты, по преданію слѣдовали тamerлановской военной системѣ безотчетно слѣпо, никакъ не соображаясь съ требованіемъ своего времени, почему и терпѣли всегда пораженія отъ Ирана, бывшаго когда-то въ составѣ монархіи эмира Тимура.

Однако наиболѣе сметливый бухарскій эмиръ Шахмурадъ-Махзумъ (1784—1803), выдержавъ при помощи своихъ нафратизированныхъ тогда узбековъ нѣсколько удачныхъ битвъ съ войсками персидскаго государя Абасъ-шаха, первый почувствовалъ необходимость въ военныхъ преобразованіяхъ, первый завелъ полевую артиллерию и весьма ограниченное число пѣхоты.

Внукъ Шахмурада, войнолюбивый эмиръ Насрулла-ханъ (1826—1860), хотя не воевалъ съ Персіей, а изрѣдка праздновалъ только побѣды надъ своими мятежными вассалами и Коканомъ, но, чувствуя приближеніе грозы съ запада, еще болѣе усиленно хлопоталъ о военныхъ усовершенствованіяхъ во всей арміи, гдѣ вольница — naukarія все-таки имѣла значительный численный перевесъ надъ списочными войсками<sup>1)</sup>.

При Насрулла-ханѣ улучшается значительно полевая артиллерия, для которой вводится артиллеристами-афганцами искаженный англійскій уставъ, усиливается контингентъ тяжелой кавалеріи — хасабордаровъ съ фальконетами, нѣсколько увеличивается количество пѣхоты, которую начинаютъ примѣнять для прикрытия въ бою артиллерии и для штурма крѣпостныхъ берковъ (уратюбе).

Всѣми этими преобразованіями, включительно съ придачею

<sup>1)</sup> Naukarія изъ узбековъ существуетъ и теперь въ Бухарскомъ ханствѣ, безъ определеннаго, варочемъ, назначения и только по спискамъ.

артиллерию, єздовыхъ нумеровъ и орудийныхъ лошадей, вмѣсто быковъ; такъ было до того времени, эмиръ Насрулла-ханъ обязанъ былъ нѣкоему проходимцу, персіянину Абдъ-Самату, который, побывавъ предварительно въ Индіи и въ Афганістанѣ, съумѣлъ настолько блеснуть въ Бухарѣ своими военными способностями, что мечтавшій всегда о титулѣ шаги-шаганъ (царя царей) Насрулла-ханъ сдѣлалъ его генералиссимусомъ и всегда ввѣрялъ ему свои войска во всѣхъ походахъ противъ Кокана. Наибъ Абдъ-Саматъ, хотя и былъ счастливъ въ военныхъ дѣлахъ противъ коканцевъ, хивинцевъ и шахрисабцевъ, но кончилъ все-таки тѣмъ, что заподозрѣнныи Насрулла-ханомъ въ заговорѣ противъ него, былъ казненъ на девятомъ году своей дѣятельности въ Бухарскомъ ханствѣ.

Преемникъ Насрулла-хана, единственный сынъ его, нынѣ эмирствующій Музaffer-ханъ (съ 1860 г.), въ началѣ своего царствованія не только велъ частыя экспедиціи противъ Кокана и Шахрисабзя, но и мечталъ возстановить славу предковъ расширениемъ могущества своего государства на счетъ русскихъ завоеваній въ Средней Азіи.

Молодому, ничего не извѣдавшему еще эмиру, всегда остававшемуся подъ нелѣпымъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ сановниковъ, льстецовъ и обманщиковъ, казалась посильной борьба съ русскими туркестанскими войсками, тогда очень немногочисленными, и мечта стала реализоваться въ задорной политики, враждебной уступчивости и въ постепенныхъ значительныхъ военныхъ приготовленіяхъ, для которыхъ потребовалось обратиться отчасти и къ Персіи.

Такимъ образомъ, уже въ первое пятилѣтіе царствованія Музaffer-хана, въ его арміи сразу увеличивается контингентъ пѣхоты до шести тысячъ, усиливаются полки (доста) фальконетчиковъ-хасабардаровъ, полевая артиллериya доводится до пятнадцати взводовъ четырехъ-орудійного состава при усиленномъ комплектѣ прислуги.

Рядомъ съ этими преобразованіями арміи въ ея числовомъ составѣ, велись улучшенія въ правильномъ довольствіи

выдачею пѣхотинцамъ определенного жалованья, вознагражденіемъ начальниковъ разными поощреніями, назначеніемъ кавалеристамъ, артиллеристамъ и хасабардамъ постоянного списочного состава определенного натурального довольствія изъ хераджно-поземельной подати, уплачиваемой бухарскимъ населеніемъ соответствующими землемѣльческими продуктами.

Тогда же бухарцы начали озабочиваться о литейномъ, пороховомъ, оружейномъ производствѣ и о введеніи въ пѣхотѣ точного военного устава.

Какъ для первого, такъ и для второго дѣла скоро подыскались изъ Персіи и кое-какіе знатоки, которымъ ничего несвѣдущіе бухарцы были разумѣются очень рады, серьезно воображая, что при помощи своихъ различныхъ боевыхъ запасовъ и военного образованія имъ удастся побѣдить русскихъ безъ труда.

Такимъ внушителемъ для Музaffer-хана относительно силы его арміи былъ персидскій выходецъ мирза Шахрухъ, который командовалъ всей пѣхотой, имъ же обученной по уставу, принятому въ персидскихъ войскахъ, но съ немалой прибавкою и фантазіи вмѣсто званія, которымъ не обладалъ этотъ инструкторъ.

Дѣйствительно, плоды усилій Шахруха надъ обученіемъ сарбазовъ и надъ преобразованіемъ вообще въ бухарскихъ войскахъ не замедлили обрисоваться наглядно на Ирджарапъ, близъ лѣваго берега Сыръ-Дары, где двухъ-тысячный отрядъ генерала Романовскаго разбилъ сорокатысячную армію Музaffer-хана, захвативъ укрѣпленную батарею въ 46 орудій и весь лагерь включительно съ ставкой самого эмира, едва успѣвшаго ускакать, не подобравъ даже донесеній съ поля битвы своихъ военачальниковъ объ успехахъ будто бы бухарского оружія и обѣщавшихъ „перевязать всѣхъ русскихъ цѣликомъ“.

Ирджарская неудача бухарцевъ стоила Шахруху головы и выдвинула на военное поприще бѣглого сибирскаго казака, татарина Османа. Этотъ смѣлый и изворотливый русскій дезертиръ, съ первыхъ же мѣсяцевъ своего приближенія къ эмиру досѣгъ въ туркестанѣ,

и со временем командование на Ирджарѣ небольшою пѣхотною частью, съумѣлъ убѣдить Музafferъ-хана; и всѣхъ его приближенныхъ, что вся суть неудачи была въ непригодномъ персидскомъ уставѣ, который надо замѣнить русскимъ уставомъ, вооруживъ также пѣхоту пистонными ружьями со штыками, вместо кремневыхъ и фитильныхъ ружей, преобладавшихъ въ то время въ бухарскихъ войскахъ.

Эмиръ радъ былъ конечно слушать „знатока“ военного дѣла, и, не теряя надежды дать русскимъ реваншъ, предоставилъ Осману вводить въ его арміи преобразованія, какъ онъ самъ знаетъ. Бѣглому сибиряку, никогда не видѣвшему пѣхотного строя, трудно было и приступить къ дѣлу, а потому пришлось начать преобразованія съ постепенной замѣны оружія, съ обмундированія пѣхоты по европейскому образцу, а затѣмъ, когда разными усилиями ряды сарбазовъ начали значительно пополняться бѣглыми русскими солдатами изъ магометанъ, военный реформаторъ развернулъ свои природныя способности, насколько позволяла бухарская косность, подозрительность и недовѣrie вмѣстѣ съ природными качествами бухарцевъ: трусостью и неспособностью къ военному дѣлу.

Въ результатѣ всѣхъ усилий Османа по преобразованію бухарской арміи, котораго онъ все-таки замѣтно достигъ, была уже значительная стойкость бухарской пѣхоты при защите Чапанатинскихъ высотъ предъ Самарканомъ, равно какъ и отчетливость маневрированія баталіоновъ на Зерыбулакскихъ холмахъ за Катта-Курганомъ была лучше прежняго, хотя дѣло и кончилось все-таки пораженіемъ бухарцевъ четырьмя туркестанскими баталіонами съ двумя батареями и шестью сотнями кавалеріи.

Окончательное разочарованіе бухарцевъ въ своей военной силѣ послѣ Зерыбулака, заставившее эмира Музafferъ-хана искать мира, было также причиной недовольства новой военной системой.

Османъ былъ обвиненъ въ томъ, что дѣйствовалъ на Зерыбулакъ развернутыми баталіонами, не подчиняясь команда

главнаго начальника войскъ Тахтамышъ-бека изъ бухарцевъ, не поддержалъ, когда требовалось, баталіона нѣкоего турецкаго выходца Хаджи, обучавшаго свой баталіонъ по турецкому уставу, и за все это дезертиръ-инструкторъ сложилъ свою голову подъ ножемъ палача въ 1868 году, на пять лѣтъ раньше казни его соперниковъ, Тахтамышъ-бека и турка Хаджи. Такова участъ всѣхъ новаторовъ въ странѣ дикаго невѣжества, всеобщей развращенности, считающей лесть, шпionство, обманъ, коварное предательство высшими людскими добродѣтелями, которымъ самый благочестивый (суфи) мулла способенъ подыскать въ священной книжѣ фетву (оправданіе), лишь бы выслужиться предъ своимъ повелителемъ, управляющимъ ханствомъ посредствомъ шпionовъ и палачей.

Какъ бы ни было, Османъ все же принесъ бухарцамъ значительную пользу, давъ пѣхотѣ нѣкоторую опредѣленную организацію и дисциплину, насколько оказался способенъ къ ней забитый вѣковымъ деспотизмомъ узбекскій народъ и иранцы, попавшіе массою въ ряды бухарскихъ войскъ изъ невольничихъ цѣпей.

Этотъ послѣдній элементъ—шіиты—и теперь считается въ Бухарѣ надежнѣйшимъ оплотомъ для своего правительства, настолько, что иранцы занимаютъ высшія должности по управлению, по командованію войсками и составляютъ въ преобладающемъ числѣ личную гвардію (сарбазы Джизя) эмира Музafferъ-хана, потому и получившую название кулъ-батча—дѣти-невольники, что набраны преимущественно куплею на невольничихъ рынкахъ и отъ хозяевъ-бухарцевъ.

Переходя теперь къ сообщенію свѣдѣній о современномъ состояніи бухарскихъ войскъ, насколько намъ удалось познакомиться съ ними при недавнемъ личномъ наблюденіи и посредствомъ разспросовъ въ Бухарѣ, скажемъ сначала о пѣхотѣ, какъ о такомъ родѣ оружія, который получилъ настоящую оценку боевой пригодности только съ шестидесятихъ годовъ, и приготъ подъ руководствомъ чужестранныхъ инструкторовъ.

а главнымъ образомъ Османа, по уставу, котого пѣхота бу-  
харская учится и теперь.

Отмѣтивъ уже раньше, что назначеніе первыхъ Насрулла-  
хановскихъ еще пѣхотинцевъ было охраненіе орудій и штурмъ-  
крепостей, скажемъ, что какъ войска остальныхъ, такъ и на-  
родъ смотрѣть на своихъ сарбазовъ съ полнымъ уваженіемъ,  
какъ на такихъ защитниковъ родины, которые всегда готовы  
сложить свои головы (сорь) съ великимъ наслажденіемъ (базъ).

Въ мирное время такихъ охотниковъ выискивается всегда  
много, и это даетъ возможность правительству формировать и  
пополнять не только пѣхоту, но и кавалерію, и артиллерію  
вольнымъ призывомъ. Обыкновенно, желающій служить въ вой-  
скахъ, узнавъ о существующей гдѣ-либо вакансіи, обращается  
къ соответствующему начальнику части, который и получаетъ  
приказъ (мубаратъ-нома) эмира внести его въ подлежащій  
списокъ „такого-то“ баталіона, „такой-то“ роты. Новичекъ по-  
лучаетъ казенное ружье съ патронными сумками на кожаномъ  
поясѣ, красную суконную однобортную коротенькую куртку  
(влюча) безъ всякой пригонки, одни штаны (чальбаръ), желтые  
изъ бараньей кожи—годовые, какъ и куртка, и 4 рубля мо-  
нетою въ годъ единовременной выдачей на сапоги съ длин-  
ными голенищами (таштабанъ), въ которые запускаются шта-  
нны чальбаръ. Если еще скажемъ, что каждый рядовой пѣ-  
хотинецъ получаетъ въ годъ одну черную баранью мерлушку  
(каракуль), изъ которой самъ шьетъ себѣ низкую татарскую  
шапку, то этимъ и познакомимъ читателя съ полной обмуни-  
дировкою бухарского сарбаза-пѣхотинца.

Сдѣлавшись пѣхотинцемъ рядовымъ (аламанъ), каждый ново-  
бранецъ обязанъ вѣчной службю въ войскахъ, не взирая ни  
на какія обстоятельства и подвергаясь жестокимъ пыткамъ за  
каждый побѣгъ, какъ и за уклоненіе отъ службы. Единствен-  
ный выходъ изъ такой добровольной кабали— побѣгъ подальше,  
чтобы не розыскали, или же сдѣлка съ ротнымъ командиромъ,  
который, подъ страхомъ лишиться головы и подъ вліяніемъ,  
съ другой стороны, денежнаго соблазна, рѣшается нерѣдко

показать подчиненнаго аламана умершимъ или же замѣнить  
его другимъ добровольцемъ, принимающимъ въ такомъ случаѣ  
имя аламана, освободившаго вакансію. Прежде эти ухищренія  
въ пѣхотѣ практиковались весьма часто, но когда въ 1878 г.  
эміръ обнаружилъ такое злоупотребленіе и уморилъ въ тюрьмѣ  
голодною смертью своего молочнаго брата Баратбека, полу-  
чавшаго семь лѣтъ жалованье на тысячу сарбазовъ своего кор-  
пуса, въ действительности не существовавшихъ, доходы (пара)  
ротныхъ и баталіонныхъ командировъ значительно сократились  
и извлекаются исключительно изъ такихъ сарбазовъ, которые  
по какимъ-либо причинамъ не могутъ являться всакій разъ  
на ученье.

Пѣхотная служба сарбазовъ не велика; она состоить въ  
трехъ-часовомъ ученьи всѣхъ баталіоновъ каждодневно, броѣ  
среды и пятницы, въ лагерной жизни во время обычныхъ по-  
ходовъ съ эміромъ въ Карши и Шахрисаѣбъ на лѣтнее время—  
и только; караульной службы не существуетъ.

Бухарскій солдатъ, привычный къ домовитости, къ занятію  
земледѣльческому и промысловому, тяготится однако и тѣбою  
службою; онъ неохотно ташится съ ранняго утра изъ своего  
дома верхомъ на осѣ на военный плацъ въ самой Бухарѣ;  
онъ не любить своего, все-таки стѣснительнаго, пѣхотнаго  
костюма, надѣвая его предъ самымъ фронтомъ; онъ положи-  
тельно ворчитъ, когда главнокомандующій войсками Тупчи-  
башъ вздумаетъ,—что бываетъ весьма рѣдко,—оставить бата-  
ліоны на лишие полчаса для пріученія къ выстрѣламъ по-  
шерепожно холостыми патронами. Зато съ какою довольною  
торопливостью, неся подъ мышкою и куртку, и штаны, съ  
ружьемъ за плечомъ или на сѣдлѣ, возвращается сарбазъ съ  
ученья въ свой домъ, подталкивая ишака штыкомъ. Особенно  
не нравится пѣхотинцамъ походная и съ нею лагерная жизнь,  
когда приходится отрываться отъ семьи на 3—4 мѣсяца,  
нести лишай денежный расходъ на паемъ для переѣзда ишака  
или лошади, безъ чего сарбазъ не можетъ совершить походъ  
и на 20 верстъ, мерзнуть иногда въ лагерѣ, потому что сар-

базайъ выдается только на весь сезоны одна бязевая круглая палатка на 10 челов., да плохая подстилочная кошма и котелокъ чугунный, которые и возятся на наемномъ от казны же верблюдѣ или на арбѣ.

Вяло выступаютъ баталіоны, послѣ списочной переклички (карукъ) изъ Бухары въ походъ, посыпая самую отборную, секретную, конечно, ругань самому эмиру, какъ единственному виновнику такихъ передвиженій.

Уныло плетутся сарбазы въ-разсыпную, безъ всякаго строя и порядка, безъ всякихъ признаковъ военного костюма, по степямъ походнаго пути, останавливаясь на пунктахъ привала и ночлега, гдѣ и какъ кому вздумается, но больше въ зависимости отъ хозяина наемнаго осла, который также плетется за своими животными, наблюдая, чтобы солдаты не садились бы по-двое, не выючили бы больше двухъ ружей съ военнымъ скарбомъ одного человѣка.

Одни бухарцы солдатскіе маркитанты (урдо базарчи) испытываютъ удовольствіе, сопровождая баталіоны, видя, что, сколько бы походъ ни продлился, торговля все же будетъ, потому что на получаемая отъ казны, сверхъ обыкновенного жалованья, 10 коп. ежедневнаго порціона, каждый сарбазъ обязательно съѣсть три лепешки, чашку гороха и запить сорока-копѣечнымъ (за фунтъ) чаемъ, купивъ, пожалуй, еще и дыню, арбузъ или виноградъ и жевательный табакъ (насы), употребляемый всѣми бухарцами. Маркитанты и располагаются потому съ своими походными лавченками-шалашами о бокъ съ лагеремъ, похожимъ на цыганскій или караванный тaborъ, потому что хотя пѣхота становится по-баталіонно, но палатки разставляются не рядами, а какъ придется, мѣстами скучено до тѣсноты, мѣстами съ большими промежутками, занятыми лошадьми, арбами, верблюдами, шпаками ротныхъ, баталіонныхъ командинровъ и офицеровъ (амальдары). Всѣ признаки военного лагеря обозначаются только кое-гдѣ валяющимися, огромными какъ бочки, турецкими барабанами, да подвѣшенными на колу палатки ружьями. Къ вечеру однако лагерь даетъ

себѣ знать, потому что предъ закатомъ солнца всѣ баталіонные командиры щеголяютъ съ полчаса предъ дворцомъ эмира своей нестройной музыкой, а вечеромъ, послѣ девяти часовъ (гуфтанъ), какъ и передъ восходомъ солнца, трубачъ играетъ обычную зорю такого же почти мотива, какъ и зоря въ русской пѣхотѣ.

Лагерная походная жизнь солдатъ безъ всякихъ занятій, кромѣ обычныхъ ротныхъ, баталіонныхъ учений съ ружейными приемами, фехтовальнымъ упражненіемъ, построениемъ колоннъ, церемоніальнымъ маршемъ и маневрированіемъ съ перекатной цѣпью, крайне монотонна подавляющимъ однообразіемъ. Эта жизнь зимою исполнена также и физическихъ страданій, потому что топлива не отпускаютъ, а согрѣть палатку никакъ невозможно иначе, какъ поддерживая жаръ углеми, которые очень дороги, или дровами-хвороста, которая не безъ риска добываются солдатами въ ближайшихъ обывательскихъ садахъ, или же недешевою покупкою болѣе за�иточною артелью. Не удивительно поэтому, что какъ только сарбазы провѣдаются о скоромъ возвращеніи эмира въ Бухару, всѣ ждутъ не дождутся, когда назначать выступленіе, а какъ только объявили день, солдаты забываютъ всякую подчиненность, зависимость отъ начальника и тащутся безпорядочной вереницей, и г҃ышіе, и конные, дѣлая на этотъ разъ по шестидесяти версты и болѣе въ сутки. Одна артиллерія, сопровождающая всегда эмира, въ количествѣ шести небольшихъ мѣдныхъ орудій<sup>1)</sup>, оставшихся послѣ пораженій, сохраняетъ какъ будто бы свое военное достоинство и при обратномъ походѣ. Пушки эти, на невообразимо безобразныхъ тяжелыхъ лафетахъ, всегда стоятъ при ставкѣ эмира и караулятся рѣслами, здоровыми артиллеристами изъ персіянъ, одѣтыхъ въ зеленые, длинные, однобразные кафтаны, подпоясанные кожаной портупеей шапки—единственного ихъ оружія. Артиллеристы эти составляютъ отдельную роту въ 300 челов., хотя предназначенню быть

<sup>1)</sup> Такихъ же 6 орудій полевыхъ имѣется еще у Гисарского бека, сына эмира.

орудийной прислугой, но въ сущности умѣющею только запрягать въ каждое орудіе двѣ пары коней уносомъ и ѿздить при этой гладкоствольной батареѣ, но ужъ никакъ не дѣйствовать, потому что за послѣднія двѣнадцать лѣтъ бухарская батарея не сдѣала ни одного, да же холостого выстрѣла. Нечего и спрашивать, слѣдовательно, у „завѣдывающаго“ артиллеріей тупчи-баши, по какому уставу обучены артиллеристы, потому что этотъ старшій генералъ бухарскій не задумается сорвать, отвѣтивъ вамъ: „наша артиллериа учится по уставу англійской артиллериї“, завезенному сюда—надо припомнить—инструкторомъ Абды-Саматомъ.

Чтобы покончить съ артиллерией, мы должны сказать, что, кроме подвижной батареи, еще имѣются сложенный при бухарской цитадели (аркѣ) до двадцати большихъ мѣдныхъ единороговъ, до сорока мѣдныхъ и чугунныхъ выючныхъ орудій, до пятнадцати мортаръ мѣдныхъ, разнаго калибра. Все это лежитъ безъ стелажей и наводится глянцемъ (подъ завѣдываніемъ особаго цитадельного тупчи-бashi—команданта) только въ тѣ дни, когда эмиръ вѣзжаетъ въ крѣпость, возвращаясь изъ своей поѣздки.

Если мы скажемъ еще, что рота артиллерии знаетъ лишь двухъ-шерепожное построеніе и отданіе части шашками „на крауль!“, что батарея опредѣленнаго комплекта не имѣеть, а пушки возятся лошадьми, доставляемыми по мѣрѣ надобности зіаветдинскимъ бекомъ, завѣдывающимъ также чрезъ своихъ людей и довольствиемъ копей во все время похода, то этимъ будетъ сказано о бухарской артиллерии все, что только можно сказать, и остается замѣтить лишь, что эта артиллерия безъ разрывныхъ снарядовъ очень слабаго достоинства.

Служба въ бухарской артиллерии тоже считается почетною, хотя солдатъ получаетъ одинаковое съ пѣхотинцемъ содержание и одинаковое количество палокъ въ случаѣ побѣга со службы.

Привлекательно для бухарца служить въ артиллерию только потому, что вѣкъ похода время остается совершенное свободное,

а передвиженія приходится совершать верхомъ на казенныхъ лошадяхъ, которыхъ доставляетъ всякий разъ со сбруею и сѣдлами тотъ же зіаветдинскій бекъ. Это все же составляетъ разсчетъ, потому что за осла отъ Бухары до Карши (150 верстъ) пѣхотинцу приходится платить особымъ извощикамъ (кировеші) два рубля монетой, которые достаются бѣдному бухарцу очень трудно, вслѣдствіе крайне низкой заработной платы, оцѣнивающей обыкновенно трудъ поденщика только десятью копѣйками.

Такъ какъ пѣхотинцу-сарбазу трудно жить на четыре рубля, уплачиваемые ему эмировской казною каждомѣсячно, то солдаты, не имѣющіе по близости Бухары своей собственности, зарабатываютъ еще деньги кое-какимъ мастерствомъ, мелкимъ торгашествомъ, услугами въ караванъ-сарайахъ, а многіе кончаютъ и тѣмъ, что, взявъ себѣ двѣ законныя жены, везутъ ихъ въ Ташкентъ и устраиваются въ домахъ терпимости, послѣ чего ужъ, конечно, не возвращаются въ Бухару.

Положеніе бухарскихъ пѣхотинцевъ дѣйствительно таково, что условій къ улучшенію своего быта на службѣ представляется весьма мало. Счастливымъ можетъ считать себя тотъ рядовой сарбазъ-аламанъ, который получилъ эмировскій ярлыкъ (грамату), хотя на первый чинъ чурасы, открывающій иногда дорогу для дальнѣйшихъ повышеній въ слѣдующіе чины: мирзабаши, дживачи, караулбеги, миракуръ (капитанъ), токсоба, ишикъ-ага-бashi, бій, датха (генералъ), пармавачи, диванъ-беги,—всѣ установленные еще Тимуромъ и дающіеся въ наши дни какъ служилымъ войсковымъ, такъ и не-войсковымъ бухарцамъ. Но выслужиться удается только протекціей ротнаго предъ баталіоннымъ, баталіоннаго предъ тупчи-башіемъ, и то весьма немногимъ, потому что въ ротахъ полагается только по девяти офицеровъ (амальдары), а также оттого, что проtekція покупается всегда недешево и на перебой, лишь только смерть амальдара или призывъ къ другой должности откроютъ вакансію.

Вакансіи чиновниковъ амальдаровъ занимаютъ обыкновенно

родственники ротныхъ и баталіонныхъ или дальние родственники бековъ и приближенныхъ эмира, вообще люди, за которыхъ есть кому не только замолвить словечко, но и заплатить. Точно также и дальнѣйшія повышенія въ чины идутъ не безъ влиянія постороннихъ близкихъ людей, не безъ подкуповъ,искательствъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ личной пронирливостью въ услугѣ самому эмиру какимъ нибудь выдающимся шпіонствомъ.

Трудно добраться, говорять бухарцы, изъ первыхъ чиновъ до *караулбеги*, а тамъ уже можно отличиться предъ своимъ повелителемъ и получить или должность ротного, пожалуй, баталіонного командира, или мѣсто по управлению.

Четвертый чинъ важенъ для бухарцевъ и потому еще, что онъ даетъ имъ своего рода дворянское достоинство и жалуемые атрибуты—ножъ въ золотой оправѣ и кушакъ кашемировой шали. Караулбеги гордятся своимъ званіемъ, получая отъ самого эмира грамоты съ титулованіемъ „мубаризатъ-пона“—„воинственному“, а жена его называется уже *бика*—дворянка и сыновья *беки-джаны*—дворянчики. Для дикихъ узбековъ и сартовъ все это, разумѣется, настолько заманчиво, что каждый служилый — синай — только и думаетъ, какъ бы ему добраться до караулбеги, а тамъ и выше, до ишикъ-агабаши, титулованаго уже въ граматахъ „амиротъ-пана“—„властивущему“. Такими баловнями счастья бывають обыкновенно сыновья любимыхъ бековъ, казиевъ, старшихъ должностныхъ, получающіе всегда почти сразу чинъ караулбеги, миражура и даже токсаба независимо отъ своихъ иногда очень юныхъ лѣтъ. Этимъ же привилегированымъ предоставляются, усмотрѣніемъ самого эмира, и вакансіи баталіонныхъ командировъ, хотя бы они никогда и не видѣли пѣхотнаго строя.

Только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ баталіоны получають ротные командиры изъ числа отличившихъ, усердившихъ, преданнейшихъ и непрѣменно благонадежныхъ, какъ иначе и быть не можетъ, потому что неблагонадежные спускаются безъ промѣденій въ подземную тюрьму (*зинданъ*), а то и дальше.

Зато роты достаются исключительно лучшимъ по знаніямъ и поведенію баталіоннымъ офицерамъ и чаще всего помощникамъ (могалимъ) ротныхъ—или же особымъ инструкторамъ, палочникамъ (есаулы), назначеніе которыхъ (всего 5 человѣкъ), при баталіонныхъ командахъ, ходить съ палкою во время ученья по фронту и выравнивать шеренги, или передавать приказанія команда, отдающаго всѣ команды сигналами трубача (корнойчи), неотлучно бѣгающаго за своимъ баталіоннымъ начальникомъ, хотя бы онъ скакалъ на лошади, какъ это и полагается ему.

Всѣ эти амальдары-офицеры<sup>1)</sup>, палочники-есаулы, трубачи и даже музыканты (боджа), которыхъ полагается въ каждомъ баталіонѣ 16 человѣкъ съ двумя барабанами, флейтами, валторнами, тарелками, треугольниками, пользуются, разумѣется, вѣкоторымъ значеніемъ у рядовыхъ, но вѣнѣ фронта акуратно обращаются въ лепешечниковъ, пельменщиковъ, маскорабазовъ-шутовъ, а мальчишки-музыканты всѣ дѣлаются предметомъ обожанія не только солдатъ, но и самыхъ простыхъ сартовъ.

Наружныя отличія всѣхъ названныхъ не-рядовыхъ довольно рельсфныя: новичекъ-солдатъ, обучаясь въ одиночку три мѣсяца военной мудрости, ходить въ своеи домашнѣи костюмѣ; назначенный ротнымъ командромъ изъ лучшихъ рядовыхъ *десяточный-доібаши* выдѣляется во фронтъ наливками (на обыкновенной красной курткѣ) продольныхъ бѣлыхъ тесемокъ на спинѣ, на плечахъ и па груди; ротные фронтовые офицеры, альмадары, одѣваются въ длинные, бѣлые базевые кафтаны и имѣютъ только сабли, которыми салютуютъ и дѣлаютъ приемы, становясь всегда одвой шеренгой въ четырехъ шагахъ впереди фронта своей роты; палочники-есаулы бѣгаютъ по фронту въ своихъ обыкновенныхъ хаузатахъ съ длинными тонкими палками; трубачъ, одѣтый въ синій камзолъ, имѣеть русскіе оберь-офицерскіе эполеты; музыканты стоять на лѣвомъ флангѣ баталіона въ кафтанахъ синаго сукна и въ ба-

<sup>1)</sup> Составъ бухарского баталіона такой: 1000 нижнихъ чиновъ, 56 офицеровъ, 5 есауловъ, 1 горностѣ-адъютантъ, 16 музыкантовъ.

рашковыхъ низкихъ шапкахъ; ротные командиры щеголяютъ, въ рядахъ; при построенияхъ, или впереди фронта на церемониалѣ, въ длинныхъ суконныхъ сѣрыхъ, черныхъ, коричневыхъ, однобортныхъ кафтанахъ съ русскими штабъ-офицерскими, преимущественно докторскими эполетами, въ высокой барашковой шапкѣ, въ широчайшихъ кожаныхъ штанахъ на выпускѣ и съ шапкою, жалуемою каждому самимъ эмиромъ; баталіоннымъ командирамъ полагается быть на ученіяхъ въ длинныхъ бархатныхъ яркихъ камзолахъ съ золотымъ шитьемъ на рукавахъ и на груди, но безъ эполетъ, въ суконныхъ штанахъ на выпускѣ, въ низкой бобровой шапкѣ и съ саблею на поясной портупеѣ; наконецъ, самъ *тұнча-бashi*, командающій всею пѣхотою и артиллерию, укрытенъ золотымъ шитьемъ по бархатному камзолу съ пуговицами и шестью пашитыми на груди въ два ряда генеральскими звѣздами, при генеральскихъ эполетахъ бухарского издѣлія, жалуемыхъ каждогодно, вмѣстѣ съ золотою шапкою и золотымъ поясомъ, самимъ эмромъ.

Вся эта форма, начиная отъ рядовыхъ сарбазовъ и кончая главнокомандующимъ, введена послѣ Ирджарской битвы и съ тѣхъ поръ къ ней только прибавились въ 1880 году по двѣ серебряныхъ генеральскихъ звѣзды у каждого ротного командаира, придуманныхъ самимъ эмиромъ не какъ служебное отличие, а позывѣстно для чего.

Надѣе до всяческихъ украшеній, бухарцы еще болѣе падки на денежные оклады, которые такъ сообразены въ военной іерархіи, что дѣйствительно дѣлаютъ службу въ чинахъ привлекательною и заманчивою.

Какъ мы сказали уже выше, рядовой аламанъ получаетъ въ мѣсяцъ четьре рубля на мѣстѣ и семь рублей въ походѣ при казенной обмундировкѣ; такое же содержаніе десяточныхъ догбашей, палочниковъ-эсауловъ, трубачей и музыкантовъ. Но съ первого же чина амальдаровъ жалованье выдается по-полугодию, согласно издавна дѣйствующимъ годовымъ окладамъ: чурагасы 48 рублей и 144 пуда пшеницы; мираз-бashi—56 рублей и 192 пуда пшеницы; джи-вачи—72 руб. и 240 пудовъ пшеницы; караул-

беги—96 руб. и 400 пудовъ пшеницы; миражуръ—120 руб. и 480 пудовъ пшеницы; токсаба—280 руб. и 640 пудовъ пшеницы; ишикъ-ага-бashi—400 руб. и 640 пудовъ пшеницы; бїй—400 руб. и 800 пудовъ пшеницы; датха—800 руб. и 1500 пудовъ пшеницы <sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ, ротные и баталіонные командиры получаютъ жалованье, соответствующее ихъ чинамъ, а въ походѣ, кромѣ жалованья, имъ выдаются еще суточные въ размѣрѣ 60 рублей ротному, 100 рублей баталіонному въ мѣсяцъ.

Денежная выдача чистой серебряной монетой, называемая *танабѣ-ана*, дѣлается въ установленные сроки, а для сарбазовъ ежемѣсячно, самимъ визиремъ, *кушибеги*, вмѣстѣ съ казначеемъ ханства, *дурбиномъ*, а натуральное довоѣствіе (галля) получается каждымъ отъ зіаветдинского бека, по утвержденнымъ каждогодно эмиромъ спискамъ, или зерномъ изъ хераджной подати, или же деньгами по соглашенню.

Въ высшихъ чинахъ, начиная съ миражура (капитанъ), по особому благоволенію эмира, вмѣсто галля, назначается аренда — *танха*, въ количествѣ въ пять разъ большемъ размѣра натурального довоѣствія, а вмѣсто танабѣ-ана въ распоряженіе заслужившаго отдается казенная мельница, приносящая доходъ втрое большій денежнаго оклада.

Вступающій въ право аренды, по выдаваемому всякой разъ за печатью эмира ярлыку, пользуется съ назначенаго „въ такой-то мѣстности, „такого-то“ участка, орошенной и обрабатываемой каждогодно обывательской земли, хераджной или танаппой поземельной податью въ размѣрѣ  $\frac{3}{10}$  со всѣхъ собираемыхъ жатвою продуктовъ, или по 3 руб. 60 коп. за каждый танапъ ( $\frac{3}{4}$  десятины) фруктовыхъ садовъ, виноградни-

<sup>1)</sup> На основаніи тѣхъ разспросныхъ свѣдѣній, мы принимаемъ средніе годовое содержаніе ротныхъ командировъ въ 800 рублей каждому, баталіонныхъ въ 3000 руб. каждому, сотенныхъ командировъ въ 600 руб. каждому, позковыхъ командировъ въ 1000 рублей, главнокомандующаго въ 12000 руб., строевыхъ офицеровъ въ 500 руб. каждому. Независимо этого содержанія, въ походѣ нижніе чины и строевые офицеры получаютъ 3 руб. суточныхъ, ротный командаиръ 60 руб. суточныхъ, баталіонный командаиръ 100 руб. суточныхъ, ежемѣсячно. Все содержаніе выдается серебряной и золотой бухарской монетой.

ковъ; и по 1·р. 20 к. за танапъ клеверныхъ полей. Такая аренда или сдается владѣльцемъ ея на откупъ, или же управляетъ лично чрезъ своихъ людей, и жалобъ на притѣсненія никогда не возникаетъ, потому что злоупотребленія строго преслѣдуются съ немедленнымъ лишеніемъ аренды.

Кромѣ этого опредѣленного годового содержанія, солдатамъ выдается по 4 р. годовыхъ за труды въ походѣ, а чиновные получаютъ единовременныя награды отъ 8 р. для чурагасы, до 60 р. для бія и такъ-называемые досторханъ-пули (карманныя) при производствѣ въ слѣдующій чинъ. Деньги эти, въ размѣрѣ 12 р. чурагасы, 40 р. караулбеги, 80 р. токсабѣ (штабъ-офицеръ), 100 р. бію, 200 р. дахѣ, полностью тогда же истрачиваются, во-первыхъ, на обязательную узаконенную подачку двумъ эмировскимъ флигель-адютантамъ, удаичи, получающимъ съ каждого пожалованного сообразно его чину, во-вторыхъ, на угощеніе яствами съ неизбѣжнымъ подношеніемъ коробки леденца и головки сахара всѣмъ являющимся, какъ принято, съ поздравленіемъ къ произведеному въ чинъ. Если рассчитать, что къ получившему чинъ миражура обязательно-служебно должны являться съ поздравленіемъ всѣ чины отъ чурагасы до диванъ-беги включительно, то не трудно подвести итогъ громадныхъ расходовъ на угощеніе и леденцы, плюсъ 40 руб., отпускаемыхъ миражурамъ удаичиямъ за эмировскій ярлыкъ.

Миражуры въ свою очередь также изворачиваются, и если это ротный командиръ, то онъ неупустительно и легально удержитъ съ каждого солдата по пяти копѣекъ въ мѣсяцъ на ротное знамя, представляющее изъ себя кусокъ бумажной ткани на длинномъ деревянномъ дреекѣ.

По числу пяти ротъ (юза) въ баталіонѣ съ обязательнымъ комплектомъ въ тысячу рядовыхъ, каждый баталіонъ, кромѣ баталіоннаго знамени, выдаваемаго эмиромъ и всегда хранящагося у командира безъ особаго караула, имѣеть еще пять значковъ разныхъ цветовъ, а именно: въ 1-й правофланговой ротѣ бѣлый, во 2-й—красный, въ 3-й—голубой, въ 4-й—желтый,

въ 5-й лѣвофланговой—черный съ желтымъ и краснымъ. Значки эти или знамена (тугъ), какъ здѣсь называются, хранятся у ротныхъ командировъ, а въ строю становятся на правомъ флангѣ своей роты, тогда какъ баталіонное знамя съ надписями изъ корана выносится только въ сраженіяхъ.

Походный быть пѣхотныхъ солдатъ въ военное время совершино тотъ же, какъ и въ мирное: на десятокъ полагается одна бязевая палатка, одна кошма подстилочная, одинъ кетмель, и для возки всего этого и солдатскаго скарба одинъ верблюдъ чаемный, получающій 20 копѣекъ за каждыя восемь верстъ пройденного пути, а на мѣстѣ на стоянѣ ничего, хотя бы насмыня животныхъ и арбы былидержаны и цѣлый годъ.

Ноша десяточнаго верблюда въ походѣ обыкновенно бываетъ тяжелая, потому что солдаты навьючиваютъ на нихъ и свои ружья, свою обмундировку, оставаясь сами въ изорванныхъ домашнихъ атласевыхъ халатахъ, да въ барашковой шапкѣ, рѣзко выдѣляющейся изъ пестрой толпы чалмоносцевъ, горожанъ и сельчанъ.

Относительно вооруженія пѣхоты мы можемъ передать совершино достовѣрно, что оно все однобразно, однокачественно и состоитъ изъ гладкоствольнаго курковаго ружья съ плохо пригнаннымъ ножемъ-штыкомъ, изъ шашекъ и револьверовъ для офицеровъ...

Ружья пѣхотныя приготовляются въ самой Бухарѣ въ частныхъ туземныхъ мастерскихъ и покупаются правительствомъ по 4 рубля за штуку, а круглая или коническая пули для нихъ, пистоны и также порохъ, бухарскаго же приготовленія, хранятся въ крѣпостномъ арсеналѣ и солдатамъ не раздаются на руки, такъ какъ учений прицѣльной стрѣльбы никогда не бываетъ, а лишь въ годъ два раза баталіоны дѣлаются по нѣсколько выстрѣловъ холостыми патронами.

Если мы пояснимъ еще, что обмундировка для солдатъ приготавливается въ частныхъ мастерскихъ заботами самого визира, а офицеры и командиры шьютъ себѣ кафтаны на свои

средства, то о внутренней организациі въ бухарской пѣхотѣ ничего не останется недосказанного.

Затѣмъ, прежде чѣмъ говорить о фронтовомъ образованіи бухарской пѣхоты, о числительности ея и стоимости содержанія всѣхъ войскъ вообще, считаемъ полезнымъ познакомить читателя съ другимъ родомъ оружія—съ бухарской кавалеріей.

Наши свѣдѣнія о кавалеріи хотя также вполнѣ точны, но займутъ, полагаемъ, очень немного страницъ описанія, потому что этотъ родъ оружія, потерявъ свое значеніе уже послѣ Ирджара, остается во всѣхъ отношеніяхъ въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ и при Тамерланѣ. Какъ и тогда, кавалерію составляютъ теперь галабатыры и хасабардари постоянной службы и *наукары*—вольница, являющаяся по призыву войны и продовольствующаяся выѣстѣ съ конемъ на собственные средства или тѣмъ, чтѣ пошлетъ война.

Постоянная кавалерія формируется и пополняется прѣмомъ, по приказаніямъ эмира, всѣхъ конныхъ туземцевъ, преимущественно узбековъ, заявляющихъ желаніе служить и являющихся въ ряды съ собственнымъ конемъ, пикою и шашкою для галабатыровъ, одѣвающихся и на службѣ въ свой обыкновенный домашній костюмъ изъ халата, кожаныхъ штановъ на выпускѣ, узбекскихъ сапоговъ съ острыми каблуками и чалмой или бараньей шапкой. Хасабардари же, также не имѣющіе опредѣленной военной формы, но обязаны явиться съ своимъ конемъ, получаютъ казенный чугунный фитильный фальконетъ, вѣсомъ въ 50 фунтовъ, на двоихъ человѣкъ одинъ; съ такимъ числомъ прислуго и полагается действовать изъ этого тяжелаго огнестрѣльного оружія, съ точнымъ однако прицѣломъ на подставкѣ для наибольшей дистанціи въ 300 стѣжень. Кроме казенныхъ фальконетовъ, хасабардари имѣютъ еще собственныя шашки или тяжеловѣсные батики съ желѣзной булавой.

Принимаемый въ галабатыри или хасабардари туземецъ вносится въ списокъ, зачисляется въ соответствующую часть письменнымъ коротенькимъ приказаніемъ подлежащему коман-

диру и обязанъ служить до конца своей жизни, исполняя всѣ требования службы.

Такъ было до занятія въ 1868 году отрядомъ генерал-адъютанта фонъ-Кауфмана города Самарканда, но съ тѣхъ поръ десятилѣтнія, вполнѣ мирныхъ отношенія Россіи къ Бухарѣ, приведя эмира Музaffer-хана къ полному сознанію, что ему слѣдуетъ искать всегда только довѣрія къ себѣ въ русско-правительственной власти въ Туркестанѣ, что пора разныхъ до-ирджаровскихъ иллюзій безвозвратно прошла, съ тѣхъ поръ эти отношенія и сознаніе бессилія убѣдили эмира въ ненадобности содержать тотъ постоянный контингентъ галабатыровъ и хасабардровъ, какой былъ раньше.

Распустивъ поэтому, лѣтъ восемь назадъ, значительную часть постоянной кавалеріи, бухарскій эмиръ приказалъ прекратить и пополненіе ея въ случаѣ освобожденія вакансій по какимъ-нибудь причинамъ. Эти мѣры были совершенно цѣлесообразны, потому что въ мирное время кавалерія бухарская была всегда дармоѣдкой, не знавшей ни строя, ни службы, даже внутренней, и было бы странно продолжать платить узбекамъ жалованье за то только, что они попали въ военные списки, а въ дѣйствительности сидѣть безвыѣздно въ своихъ селеніяхъ, занимаясь земледѣлемъ.

Прекрасно зная духъ своего народа, эмиръ, и при сознаніи анахронизма кавалеріи своей, не рѣшился упразднить ее сразу всю, дабы не возбудить ропотъ въ той вооруженной все-таки массѣ, которая долго боролась на счетъ казны, а сокращать ее исподволь, продолжая ту же систему и теперь. Такимъ образомъ, въ данное время въ бухарскихъ владѣніяхъ насчитывается 10000 всадниковъ галабатыровъ, 4000 всадниковъ хасабардровъ, а всего 14000 человѣкъ постоянной конницы, занимающей незначительную частью по очереди охранительные посты въ укрѣпленіяхъ по Аму-Дарѣ<sup>1)</sup>, въ Карши, Кермине, Зіотдинѣ, въ Нурагѣ и въ Каршинской степи, на

<sup>1)</sup> Въ Чарджуѣ, резиденціи бека эмировскаго сына, квартируетъ постоянно 5000 галабатыровъ.

караванномъ трактѣ, подвергающемся частымъ набѣгамъ туркменскихъ шаекъ.

И галабатыри и хасабардary никакого строя, никакихъ военныхъ упражненій не знаютъ, и въ общей массѣ туземнаго населенія совершенно не замѣтны и ничѣмъ не выдаются; даже и на охранительномъ посту бываетъ трудно отличить въ халатникоѣ и чалмоносцѣ служилаго воина, называющаго себя „царскій галабатырь-вояка“, такой же, несомнѣнно, трусивой породы, какъ и всѣ эмировскіе узбеки.

Составляя каждый отдельный видъ оружія, галабатыри и хасабардary группируются въ полки (дости) пяти-сотенного состава (500 конниковъ). Каждый полкъ состоитъ подъ завѣданіемъ саркарды, назначаемаго эмиромъ изъ преданныхъ, заслуженныхъ людей, имѣющихъ высшіе чины, по степени которыхъ эти полковые командиры получаютъ опредѣленное годовое содержаніе и наградные парчевые, шалевые халаты, замѣняющіе вмѣстѣ съ обыкновенной чалмою военную форму.

Вся обязанность саркарды состоять въ храненіи списка своимъ конникамъ, да въ отданіи приказаний сотеннымъ командинамъ (юза-бashi) вести въ наступающую очередь, свою сотню, куда будетъ приказано.

Отбывая чрезъ два мѣсяца очереди пограничной службы трехмесячной стоянкой въ назначенномъ пункте, каждый галабатырь и хасабардарь получаетъ въ годъ на свое содержаніе съ лошадью 12 батмановъ<sup>1)</sup> пшеницы (60 руб. монетой) и 30 руб. монетой за павшую лошадь (аспъ-мурды), которая, въ большей части случаевъ, поступаютъ въ карманы сотенныхъ командировъ, получающихъ содержаніе, соотвѣтственное младшимъ чинамъ, полученнымъ при прежнихъ военныхъ отличіяхъ.

Говорить о строевомъ образованіи бухарскихъ войскъ составляетъ для насъ самую трудную задачу, — трудную потому, что впечатлѣніе смотра пѣхоты, представленного намъ однажды

<sup>1)</sup> Бухарскій батманъ равенъ по весу восьми пудамъ

главнокомандующимъ тупчи-башею, неизгладимо оставляетъ въ памяти представление о такой военной комедіи, которая своей неподдѣльной оригинальностью способна вызвать улыбку самого серьезнаго наблюдателя.

Постараемся быть объективнымъ и передадимъ здѣсь только сущность изъ того, чтѣ намъ удалось видѣть въ Бухарѣ на ученіи четырехъ баталіоновъ.

Строй двухшереножный. Роты располагаются въ баталіонномъ строю по порядку нумеровъ, начиная отъ первого. Ранжиръ довольно правильный, идетъ отъ праваго фланга, замыкающагося ротнымъ командиромъ. Ружейные приемы „на плечо“, „на краулъ“, „ружья вольно“, „ѣ ногѣ“, „на руку“, „на перевѣсь“, также какъ и повороты, дѣлаются довольно согласно по старой русской системѣ обучения. Построеніе ротныхъ колоннъ, развертываніе фронта командой „строй фронть“, разсыпаніе „кучекъ“, наступленіе перекатной цѣпью, проходящей по-шереноожно, на тѣсныхъ интервалахъ, чрезъ переднюю шеренгу, становящуюся на колѣни, — составляютъ всѣ построенія въ бухарской пѣхотѣ, продѣлываемыя, по сигналамъ, крайне вяло, неотчетливо и безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Не станемъ этого и доказывать, а пояснимъ лишь, что съ 1866 года все ученіе въ бухарской пѣхотѣ производится по русской командѣ устава шестидесятыхъ годовъ и предоставимъ читателю судить самому о строевомъ образованіи бухарскихъ баталіоновъ по уставу, приобрѣтенному нами отъ самого эмира; къ этому уставу и обратимся теперь.

„Бухарская пѣхота, такъ начинаетъ этотъ замѣчательный артикулъ, составляется изъ порядочныхъ людей, знающихъ намазы-молитвы и шаригать. Обязательно требуется, чтобы сарбасы были разставлены въ своихъ частяхъ по росту такъ, чтобы одинъ другого не превышалъ и на маковое зернышко. Когда командиръ (муальлимъ) скомандуетъ „становисс“, всѣ занимаютъ свои мѣста въ строю и по командѣ „глаза направо“ выравниваются какъ стѣна. По командѣ „смирно“, сарбазъ смотритъ на 16 шаговъ впереди себя и предается такому вни-

маню ушами и глазами, что не должен шевельнуться и въ томъ случаѣ, если къ нему въ носъ полѣзеть змѣя. Это — священная обязанность сарбаза, потому что подъ ружьемъ голова его принадлежитъ государю, приказаніе котораго есть *ваджисибъ*, какъ слово Божie оно есть фарзъ — священно, а потому не исполняющій воджиба подвергается смертной казни. Когда послѣ установки строя скомандуютъ „*становись*“, сарбазы провѣряютъ разгонъ между кончиками носковъ прикладомъ ружья, стараясь, чтобы каблуки приходились бы вплотную. По командѣ „*на плечо*“, сарбазъ, приподнявъ ружье правой рукой, по счету „*разъ-два*“ вскидываетъ его на правое плечо. Для отданія чести, по командѣ командаира баталіона, „*унтер-офицеры, шагики вонъ, два шага впередъ*“, всѣ амальдары, держа шашки отвѣсно, выходятъ два шага предъ фронтъ, а ротные командаиры въ четырехъ шагахъ отъ своихъ ротъ, и когда раздается команда „*на краулъ*“, сарбазы, по счету про себя „*разъ-два*“, держать ружье отвѣсно по разрѣзу бровей, какъ бы въ обозначеніе, что каждый жертвуетъ свою грудь и голову государю. Отданіе чести требуетъ и отъ баталіоннаго командаира наклонить къ землѣ шашку и лѣвую руку поднять къ уху, причемъ музыка должна играть „честь“ (табли-саламъ). Затѣмъ, послѣ отданія на краулъ, по командѣ „*унтер-офицеры, шагики въ ножны*“, исполняется это приказаніе, а по командѣ „*унтер-офицеры, приступи*“ — они поворачиваются кругомъ и становятся на свои мѣста. Обученіе сарбазовъ требуетъ упражнять ихъ два часа ежедневно, кроме пятницы. Сначала учить поворотамъ „*направо*“, „*налѣво*“, „*полъ-поворотъ направо*“, „*кругомъ*“, при этой послѣдней команда сарбазы поворачиваются одновременно слѣва направо. Затѣмъ для маршировки дается команда „*тихимъ шагомъ*“, по которой всѣ обучающіеся по слову „*разъ*“ выносить лѣвую ногу, а по слову „*два*“ приставляютъ правую ногу, и т. д. Это упражненіе полезно весьма для укрѣпленія ножныхъ жиль и слѣдовательно, развиваетъ выносливость ходить пѣшкомъ. Для обучившихся уже тихій шагъ не требуется, а имъ просто ко-

мандуютъ „*шагомъ маршъ*“, наблюдая, чтобы всѣ шли ровно въ тактъ „*левый*“ — „*правый*“; если же пожелаютъ усилить шагъ, то даютъ команду „*длиннымъ (?) шагомъ маршъ*“, по которой счетъ такта „*разъ-два-три*“ — идетъ непрерывный, и только по командѣ „*на мѣстѣ*“ военная часть, убавляя сразу шагъ, машетъ, простояваясь, лѣвой ногой, пока не послѣдуетъ команда „*стой*“ или же „*прямо*“, если надо продолжинуть дальше. Для быстраго передвиженія строя командаютъ „*быстро! шагомъ маршъ*“, а когда часть станетъ приближаться къ противнику, ей скомандуютъ „*маршъ-маршъ*“, причемъ командаиръ неупустительно смотрѣть въ сторону непріятеля и, замѣтивъ орудійный дымъ, немедленно командасть своимъ сарбазамъ „*ложись маршъ*“, дабы избѣгнуть такимъ образомъ напрасной преждевременной потери людей, которые всячески должны стараться одолѣть противника.

Общій командаиръ долженъ поэтому соблюдать правило вводить въ бой части не сразу, а постепенно, посылая на поддержку баталіоны по мѣрѣ надобности. Существенно также требуется слѣдить, чтобы сарбазы не обращались въ бѣгство, и какъ учащійся отнюдь не долженъ быть запугиваемъ, наблюдаваемъ за ошибки, такъ трусь сарбазъ можетъ быть убитъ на мѣстѣ каждымъ офицеромъ въ десяточномъ. Чтобы успѣшно бить непріятеля, надо выучить построенія и заходженія. Если послѣдуетъ команда „*справа по одному*“, заходить по одиночкѣ въ затылокъ одинъ другому, если скомандуютъ „*справа по два*“, становятся по два, а по командѣ „*подъ линію маршъ*“ — выстраиваютъ шеренгу фронта, заходя слѣва. Команда — „*по полувзводно*“, „*по взводно*“, исполняется заходженіемъ слѣва четырехъ и восьми рядовъ, которые и присоединяются къ стоящимъ на мѣстѣ: Самое главное въ обученіи ружейнымъ приемамъ — заряженіе, на которое обучающій долженъ обратить все свое вниманіе. Слушая команду „*заряженіе по командѣ по первому заряду*“, сарбазъ ставить ружье свое ложею между носковъ и исполняетъ послѣдующія команды: „*вынимай патронъ*“, „*откусинь патронъ*“, „*патронъ въ дуло*“,

„вынимай шумпулъ“, „шумпулъ бей“, „шумпулъ вложъ“. По командѣ „обрутъ<sup>1)</sup> ружье“, берутъ ружье подъ мышку, ожидая дальнѣйшихъ командѣ: „позводи курокъ“, „вынимай капсулъ“, „надѣнь капсулъ“, когда скомандуютъ „разведи пуштуль“ — осторожно спускаютъ курокъ и берутъ на плечо. Если послѣдуетъ команда „шеренга түфсъ“, берутъ ружье предъ собою, а когда скажутъ „шеренга кладсъ“ — вытягиваютъ ружье и по командѣ „или“ стрѣляютъ, исполняя затѣмъ команду „отстѣфѣ“, прекращающую стрѣльбу.

Очень важно также пріучить сарбазовъ къ фехтованию (ноиза пичь). Для этого по командѣ „бою — товсъ“ сарбазъ хватаетъ ружье правой рукой, выкидываетъ большой шагъ лѣвой ногой и ружье держитъ за середину лѣвой рукой, за ложу правой — по направлению лѣвой ноги. Пріемы фехтованія весьма необходимы при атакѣ, а потому сарбазъ долженъ усовершенствоваться такъ, чтобы онъ въ состояніи былъ отбиваться штыкомъ хотя бы и отъ десяти нападающихъ. Поэтому фехтовальное ученіе сложное, и не всѣй можетъ передать его правильно, а кто выучится хорошо — всегда уцѣлѣтъ при атакѣ и выбѣгъ противника. По командѣ „прямо коли“ сарбазъ колетъ впередъ; команда „отбей — право — лѣво — прямо — коли“ вызываетъ ударъ направо, налево и прямо. По командѣ „кругомъ прямо коли“ — быстро поворачиваются и колятъ.

Если опасность внезапна и велика, приходится строить каре. Для этого по командѣ „баталіонъ строй ротное каре“, 1-я рота остается на мѣстѣ, 2-я пройдетъ съ правой стороны, 3-я съ лѣвой, а 4-я сзади; такимъ образомъ составится курганъ — крѣпостца съ четырьмя пушками по угламъ<sup>2)</sup>. Если приходится стрѣлять изъ орудія, то фасъ нѣсколько раздается, смыкаясь немедленно послѣ каждого выстрѣла, чтобы закрыть пушку, такъ какъ непріятель можетъ навести свой выстрѣль прямо въ нее. Вообще пушки надо очень беречь, памятую, что сила одной пушки равняется силѣ одной тысячи сарбазовъ.

<sup>1)</sup> Какъ здѣсь, такъ и далѣе на словахъ встрѣчаются исказенія русскихъ уставныхъ выражений и командъ.

<sup>2)</sup> Куда пристроится 5-я рота — уставъ не объясняетъ.

При возможности, каре даетъ залпы ружейныхъ выстрѣловъ изъ всѣхъ фасовъ и въ случаѣ надобности дѣйствуетъ развернутымъ фронтомъ по командѣ „головной разверти — справа — по одному начинай“, послѣ чего роты заходятъ на свои мѣста и, раздавшись звеньями, съ промежутками въ три шага, открываютъ очередной огонь. Если наступающій такимъ образомъ въ развернутомъ фронѣ баталіонъ будетъ застигнутъ противникомъ врасплохъ, то по командѣ „головной первый номеръ, правый, лѣвый, плечо, строй жучки“, звенья собираются по нѣскольку одно къ другому и открываютъ огонь какъ придется, продолжая стрѣлять, пока не получать команду „второй номеръ правый, лѣвый плечо во фронтъ маршъ“, послѣ которой строятъ развернутый фронтъ ротами.

Послѣ успешнаго боя командиръ можетъ сказать своимъ сарбазамъ „хорошо, ребята“, а поощренные такой похвалой должны отвѣтить „раздавайся“.

Уставъ очень не великъ, и мы передали его здѣсь съ точнымъ переводомъ безъ всякихъ измѣненій и даже поправокъ исказенныхъ командныхъ русскихъ выражений, которыми командиры дресируютъ бухарскихъ сарбазовъ съ нѣкоторымъ соznаніемъ своей военной образованности.

Сознаетъ ли военные достоинства за своей пѣхотой и самъ эмиръ — сильно сомнѣваюсь, зная положительно, что самъ его высокостепенство (Джаноби-али) никакого понятія о военномъ дѣлѣ не имѣетъ и смотрѣлъ войскамъ никогда не дѣлаетъ, довольствуясь созерцаніемъ, когда по пятницамъ всѣ баталіонные и ротные командиры, всѣ серкеры и министры, подогнувъ по бухарски животы, отвѣшиваютъ ему низкій праздничный саламъ, послѣ которого получаютъ дворцовое угощеніе.

Теперь, въ заключеніе этого очерка, намъ остается сказать, что вся пѣхота бухарская состоитъ изъ 13 баталіоновъ и расквартирована такъ: въ Шахрисябзѣ два баталіона, въ Больджуанѣ и Дарвазѣ одинъ баталіонъ, въ Кулябѣ, Гисарѣ полубаталіонъ, остальные  $9 \frac{1}{2}$  баталіоновъ квартируютъ въ

Бухарѣ, участвуя, по шести баталіоновъ, въ каждогодныхъ путешествіяхъ эмира въ Карши и Шахрисябзъ.

При всей таинственности бухарской финансовой системы, столько же простой, сколько полной разныхъ лазеекъ для злоупотребленій министровъ, бековъ, сборщиковъ податей, для насытить не трудно все же подвести точный итогъ всѣмъ издержкамъ, какія несетъ ежегодно правительство бухарское на содержаніе всѣхъ своихъ войскъ.

Мы уже знаемъ, какіе получаются оклады нижніе чины пѣхоты и кавалеріи, строевые офицеры и командиры ротъ и баталіоновъ, серкеры полковые и командиры сотенъ галабатыровъ и хасабардarovъ. Остается для удобства и правильности вычисленій принять оклады содержанія офицеровъ фронтовыхъ по чину джилля, ротныхъ и сотенныхъ командировъ по чину миражура, баталіонныхъ командировъ по чину бія, серкеры по чину датхи, хотя слышится, что полками командуютъ и парманачи—полные генералы.

При такихъ данныхъ, припоминая всѣ цифры, приведенные выше, годовое содержаніе баталіона въ 1000 штыковъ съ 22-мя нестроевыми обходится: жалованье солдатъ 48000 руб., обмундировка нижніхъ чиновъ 5000 руб., ремонтъ палатокъ и кошемъ 1000 руб., жалованье 50-ти офицеровъ 15000 руб., имъ единовременная выдача 1000 руб., жалованье пяти ротнымъ командирамъ 4000 руб., имъ единовременная выдача и награды 400 руб., жалованье баталіонного командира съ наградами 3600 руб., на ремонтъ ружей 200 руб., а всего содержаніе одного баталіона въ годъ обходится 78200 руб. Содержаніе же всей бухарской пѣхоты въ 14000 чел. поглощаетъ 1,064,600 руб. металлическихъ въ годъ.

По числу 14000 нижніхъ чиновъ постоянной кавалеріи (галабатыри и хасабардари) на содержаніе ихъ отпускается ежегодно 840000 руб. плюсъ 6000 руб. за павшихъ лошадей. Годовое содержаніе 140 сотенныхъ командировъ 84000 руб., а 28 полковыхъ командировъ 112000; плюсъ 14000 руб. единовременныхъ наградныхъ выдачъ всѣмъ серкардамъ. Слѣдовательно, все годовое содержаніе кавалеріи составить 1,056,000 руб.

На годовое содержаніе трехсотъ артиллеристовъ затрачивается 14400 руб. на жалованье, 1500 руб. обмундировочныхъ, 1200 руб. наградныхъ, 16000 руб. прокормление 360 лошадей, 800 руб. содержаніе ротнаго командира съ наградами его, а всего артиллерія стоитъ 33980 руб.

По числу трехсотъ нижнихъ чиновъ гвардіи (джилля) жалованье ея составляетъ, съ суточными за походъ, 18000 руб., обмундировка 2000 руб.<sup>1)</sup>, единовременная наградная выдача 1800 руб., содержаніе двадцати офицеровъ 6000 руб., содержаніе двухъ ротныхъ командировъ 2600 руб. съ наградами, а всего 30400 руб.

Годовое содержаніе главнокомандующаго обходится въ 13000 рублей.

Слѣдовательно, ординарное годовое содержаніе всѣхъ бухарскихъ войскъ стоитъ казнѣ 2,197,980 руб. плюсъ 120000 руб. расхода, вызываемаго ежегодными передвиженіемъ, на пять мѣсяцевъ, изъ Бухары въ Карши и обратно, шести баталіоновъ пѣхоты всей гвардія и шести орудій.

Если спросить, для какой цѣли затрачивается эмиромъ Муззафаръ-ханомъ такая солидная цифра денегъ изъ шестимилліоннаго бюджета Бухарскаго ханства<sup>2)</sup>, то должно отвѣтить, что значительная часть войскъ содержится временно только для внутренней обороны, подъ впечатлѣніемъ каршинскаго мятежа въ 1868 году, едва не кончившаго успѣхомъ наслѣдника Абдъ-уль-Малика и его дѣятельнаго сторонника Джурабая (бывшій бегъ Китаба), задумавшихъ тогда свергнуть эмира, чтобы снова начать безплодную борьбу съ Россіей.

<sup>1)</sup> Обмундировка гвардейцевъ, одѣтыхъ въ длинные красные суконные кафтани, въ кожаные штаны и бобровыя шапки, стоитъ въ годъ 6 рублей на каждого.

<sup>2)</sup> Тѣхъ, кому приведенная цифра бюджета показается слишкомъ высокой, мы можемъ увѣрить, что она выведена изъ точныхъ данныхъ, которыхъ мы намѣрены сообщить въ своемъ описании Бухарскаго ханства, къ изданію коего приступимъ не ранѣе, какъ собравъ необходимыя сведения о южной и восточной окраинахъ бухарскихъ владѣній, не посѣщенныхъ еще нами.

Однако, этимъ выводомъ мы вовсе не желаемъ сказать, что и на будущее время намъ слѣдуетъ смотрѣть на Бухару съ точкой зрѣнія безупречныхъ отношеній ея къ намъ въ периодъ минувшаго десятилѣтія. Напротивъ, изъ близкаго знанія всего строя жизни бухарского населенія и правительства, мы готовы утверждать, что бухарская искренность, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, останется прямо пропорціональною нашему военному положенію на Зеравшанѣ и обратно пропорціональною близости къ ней военной силы. Этого никакимъ образомъ не слѣдуетъ забывать, имѣя въ виду примѣры исторіи политической жизни Бухарского ханства, издавна претерпѣвавшаго правительственные перевороты, отпаденіе вассальныхъ владѣній безъ всякаго предвидѣнія, безъ всякихъ даже предварительныхъ симптомовъ, въ силу единствено исторического воспитанія народа, способнаго, подъ лукавой преданностью, расположениемъ, дружбой, таить самое ярое недоброжелательство, измѣну, готовность проявить по отношенію къ друзьямъ ненависть и мщеніе при первомъ удобномъ случаѣ.

### ЛѢСНОЙ ВОПРОСЪ<sup>1)</sup>.

Многія новѣйшія научныя изслѣдованія неопровержимо доказали огромное значеніе лѣсовъ, не только лѣсо-хозяйственное, но и общее—въ климатологіи. Наука выяснила, что съ поднятіемъ мѣстности надъ уровнемъ моря возрастаетъ вліяніе лѣса на количество выпадающихъ дождей; что лѣсъ умѣряетъ испареніе воды изъ ручейковъ и служитъ главнымъ резервуаромъ для водяныхъ ключей; что лѣсъ, представляя собою механическую преграду, замедляетъ таяніе снѣговъ, сдерживаетъ опустошительное наводненіе и пр.

„Чрезвычайно важно для существованія плодородныхъ оазисовъ, говорить Миддендорфъ, чтобы вода ручьевъ и рѣчекъ не низвергалась бурно и рѣшительно, не стекала черезчуръ быстро, а потому и бесполезно. Всемирная исторія предостерегаетъ насъ, указывая примѣры древнихъ культурныхъ странъ—съ колыбелью человѣчества. Евфратскія долины, наши Кавказскія плоскогорья, Персія, Греція, плоскія возвышенности Испаніи пришли въ упадокъ вслѣдствіе обезлѣсенія“.

Словомъ—многообразное вліяніе лѣса на климатъ, на почву, на состояніе проточныхъ водъ считается уже неоспоримымъ. Если это вліяніе, по словамъ Марши, ничто жно для общаго климата земного шара, то мѣстныя климатическія условія, какъ доказано, находятся въ прямой зависимости отъ физическихъ свойствъ лѣса, и въ силу этого обезлѣсеніе страны необходимо влечетъ за собою неравномерность въ распределеніи атмосфер-

<sup>1)</sup> Напечатано въ 1866 г.

рическихъ осадковъ, изсяканіе ключей, ручьевъ, обмелѣніе большихъ рѣкъ, ухудшеніе климата.

Какъ метеорологический факторъ, нагорный лѣсъ имѣть, конечно, преобладающее значеніе предъ лѣсомъ низменнымъ, относительно которого онъ играетъ роль кормильца. Нагорный лѣсъ—это бережливая рука, надѣляющая равнину водою, по мѣрѣ надобности и спасающая ее какъ отъ недостатка, такъ и отъ избытка воды (Россмеслеръ).

Наблюденія, сдѣланные во всѣхъ частяхъ свѣта, давно подтверждали, что изобиліе постоянныхъ водныхъ источниковъ зависитъ непосредственно отъ лѣсистости горныхъ вершинъ и многими примѣрами доказано, что по расчисткѣ лѣсовъ источники иссякали, а некоторые и совершенно закрылись. Такіе факты можно также наблюдать и въ горахъ бассейна Зераевшана, въ особенности въ районѣ Фальгара и Фана.

Признавая такимъ образомъ за горными лѣсомъ значеніе посредствующее и постоянное, какъ законъ природы, считаютъ, что онъ долженъ быть оберегаемъ отъ истребленія съ большою заботливостью, чѣмъ лѣсъ измененный, возобновленіе котораго совершается легко, тогда какъ возобновленіе горного лѣса часто оказывается невозможнымъ вслѣдствіе дождевыхъ налѣсовъ щебня и камня или вслѣдствіе размыва почвы, въ особенности въ такихъ горахъ, гдѣ склоны круты.

Въ силу признаннаго значенія за горными лѣсами, охраненіе ихъ, возобновленіе и разведеніе вновь на высотахъ, въ некоторыхъ странахъ (Франція, Испанія) сдѣлалось важнымъ государственнымъ вопросомъ и тамъ, за послѣдніе тридцать лѣтъ, рациональной постановкою дѣла, искусственное облѣсеніе сдѣлало громадные успѣхи.

Однако по отношенію къ Туркестану слѣдуетъ признать не малое значеніе и за степнымъ лѣсомъ, какъ умѣряющимъ крайности температуры, какъ охраняющимъ культурные оазисы отъ поглощепія ихъ переносными песками и какъ обуславливающимъ распространеніе въ пескахъ травяной растительности, поддерживающей степное скотоводство.

Степной лѣсъ, уцѣлѣвшій отъ окончательного истребленія въ немногихъ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстностяхъ бассейна Сыръ-дарьи, заслуживаетъ заботливаго охраненія и потому, что искусственное возстановленіе его въ безводной, песчаной пустынѣ разумѣется совершенно невозможно, а степные породы деревьевъ (саксауль, турнга) даютъ поросли отъ корней очень туго, такъ что естественное лѣсовозобновленіе въ пескахъ требуетъ многихъ десятковъ лѣтъ, и то при условіи охраны такихъ участковъ отъ пастьбы скота. Такое подтвержденіе затруднительности естественного лѣсовозобновленія можно наблюдать во многихъ мѣстностяхъ по правому берегу реки Сыръ-дарьи, лишившихся саксаула на отопленіе фортовъ и, главнымъ образомъ, на поддержаніе рейсовъ бывшей Аральской флотилии, поглощавшей, съ своимъ ползучими пароходами и съ своими мастерскими, до 300000 пудовъ топлива въ годъ.

Еще тридцать лѣтъ назадъ саксаулъ плотно окружалъ всѣ сыръ-даринскіе форты, тянулся густыми зарослями по тракту, упираясь съ юга въ Сыръ-дарью и раскинувшись на сѣверъ по отдаленнымъ пескамъ; теперь же о бывшей здѣсь когда-то древесной растительности напоминаютъ только кое-гдѣ попадающіеся высохшіе пни, да раз cntы старожиловъ. Самая же мѣстность бывшихъ когда-то степныхъ лѣсовъ представляеть собою мрачную пустыню безъ всякихъ указаний на естественное лѣсовозстановленіе, которое задерживается и физическими особенностями степи, и перекочевками киргизовъ со своими многочисленными стадами, и крайне медленнымъ ростомъ саксаула и сопровождающихъ его породъ. Вслѣдствіе этихъ естественныхъ причинъ, трудно ожидать, чтобы оголенные отъ всякой древесной и кустарной растительности солончаковатыя и песчаныя степи при-сырдаринскія, включительно съ Ферганой и при-амударинскія, включительно съ Бухарою, возвратили бы когда нибудь свое утраченное лѣсное богатство. Напротивъ, возрастающая населенность края, прогрессивно развивающаяся кустарная и заводская промышленность предъявляютъ и теперь, какъ въ Түркестанѣ, такъ и въ Бухарѣ, такія огром-

ная требовавія на топливо; что и остатковъ саксаула песчанаго междурѣчья Кизылъ-кумъ хватить не на долго; а съ истреблениемъ этихъ остатковъ культурному оазису придется бороться съ переносными песками и съ горячимъ вѣтромъ (гармасиль), одинаково чувствительнымъ для растительной и животной природы.

Дабы уяснить, что при всемъ сознаніи, и правительствомъ и населеніемъ, важности всякой древесной растительности въ краѣ, истребление ея годъ отъ года усиливается отнюдь не враждою къ ней, а самой насущной экономической потребностью, мы должны вычислить, хотя приблизительно, размѣры ея, должны указать, какимъ образомъ покрывается теперь эта потребность. Мы сдѣлаемъ это вычисление только для Самарканда, въ которомъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, числится въ туземномъ городѣ 4545 домовъ, 4 винокуренныхъ завода, 1 пивоваренный заводъ, 20 чугуноплавильныхъ заводовъ, 130 кузницъ, 30 мѣдниковъ, 15 серебрянниковъ, 30 хлѣбопекарень, 10 кирпичныхъ заводовъ — главныхъ потребителей топлива, а въ русскомъ городѣ насчитывается 66 казенныхъ зданій, 410 частныхъ домовъ и 1 пивоваренный заводъ. Эти двѣ смежныя части города Самарканда, рѣзко отличаясь типомъ и характеромъ своихъ построекъ — изъ каркаса у туземцевъ, изъ сырца у русскихъ — употребляютъ и различное топливо; первые преимущественно древесный уголь, вторые исключительно дрова.

Для вычисления размѣра потребленія того и другого топлива, мы должны принять, во-первыхъ, действующій periodъ отопленія съ 1-го октября по 1-е марта; во-вторыхъ, должны иметь въ виду изъ разспросовъ, что въ среднемъ на отопленіе каждого частнаго дома въ русской части города затрачивается 20 сажень за весь periodъ, а на казенные зданія расходуется 10000 саж. въ годъ. На согреваніе сакель открытыми жаровнями (нанкалданъ) и жаровнями, покрываемыми табуретомъ съ одѣялами (сандали) выходить въ среднемъ 60 пудовъ древеснаго угля на каждый домъ. Переумноженіемъ цифръ мы

вычисляемъ годовую затрату русскимъ городомъ около 20000 сажень дровъ и туземнымъ городомъ около 300.000 пудовъ угля, которые, по переводѣ на таловые дрова, составляютъ 37000 саж. Для получения же полнаго итога годового расхода отопленія, слѣдуетъ прибавить 500 саженей дровъ, сжигаемыхъ пятью винокуренными заводами, и около 100,000 пудовъ древеснаго угля, расходуемыхъ въ туземномъ городѣ кузнецами, чугуноплавильными, хлѣбопеками, самоварами, серебряками и мѣдниками.

Вотъ каковъ размѣръ годового потребленія топлива сорока тысячнымъ городскимъ населеніемъ! Столько же навѣрнее расходуется угля въ 860-ти селеніяхъ Самаркандинскаго отдѣла, имѣющихъ тѣ же хлѣбопекарни, тѣ же чайные лавки, кузницы, такихъ же зажиточныхъ домовладѣльцевъ, которые благодушествуютъ подъ сандали и въ наружной (ташкary) половинѣ, съ гостями, и на женской половинѣ дома (ичкаре), съ семьей. Нельзя считать большимъ этотъ годовой расходъ угля въ 600,000 пудовъ для населения въ 45,000 домовъ и въ 300,000 душъ. Такая совершенная умѣренность траты этого цѣннаго топлива, а равно и дровъ, объясняется умѣніемъ туземцевъ обращать въ топливо всякий хворость, собираемый въ садахъ и поступающій на кухню, а у сельчанъ и на согреваніе сакли годенъ всякий навозъ, идущій прямо съ улицы на отопленіе бань, гончарныхъ мастерскихъ, всякая болотная трава (чушкаяль), сжигаемая въ хлѣбопекарняхъ. Не будь этого подспорья подъ руками бережливаго и практичнаго туземца, обращающаго даже древесныя листья на топливо и на кормъ барановъ, размѣры общаго потребленія угля и дровъ дошли бы до громадныхъ цифръ и древесная растительность должна была бы уничтожиться въ 3—4 года.

Когда вспоминать бывшія когда-то попытки на Сыръ-дарье и отчасти въ Зеравшанскомъ округѣ къ пріученію туземцевъ строить для себя дома изъ сырца съ русскою печью, попытки, имѣвшія, конечно, цѣлью скорѣйшее асимилированіе сарта, узбека и киргиза, — порадуешься, что они скоро были оставлены

за отсутствием подражателей; иначе въ краѣ не достало бы топлива не только для печей, но и для кухни. Теперь туземецъ поражаетъ насъ своею относительною выносливостью къ мѣстному холоду, а тогда онъ скоро усвоилъ бы себѣ русскую поговорку: „паръ костей не ломитъ“, скоро изнѣжился бы, пользуясь постояннымъ тепломъ своего дома, а это способствовало бы къ некоторому измѣненію быта и къ ухудшенію гигиеническихъ условій жизни, потому что, привыкнувъ къ регулярной, комнатной температурѣ, и старый, и малый не сталъ бы проводить, какъ теперь, большую часть зимнихъ дней на воздухѣ, у себя, во дворѣ или на улицѣ. Этимъ мы хотимъ сказать, что быть здѣшняго населенія, отвѣчая физическимъ и экономическимъ особенностямъ страны, не поддается никакому искусственному вліянію до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся эти физическія особенности края, заставляющія и колонистовъ проводить полгода на воздухѣ.

Выяснивъ приблизительно годовой размѣръ потребленія топлива мѣстнымъ населеніемъ, мы обратимся теперь къ указаніямъ: откуда, какъ и какимъ образомъ оно добывается.

Какъ дровяное, такъ и угольное дѣло представляютъ въ Самарканѣдѣ весьма значительную промышленность и находятся преимущественно въ рукахъ туземцевъ, кроме поставки дровъ въ войска, переданной долгосрочнымъ контрактомъ отставному инженерному капитану, исполняющему эти операции также при посредствѣ туземцевъ.

Дровопромышленники, имѣя своихъ агентовъ между сельчанами, заторговываютъ чрезъ нихъ деревья на корню въ окрестностяхъ города и въ кишлакахъ. Благодаря разработанности всѣхъ сельскихъ дорогъ въ отдѣлѣ, арбы, ишаки и верблюды дровопромышленниковъ пробираются въ самыя отдаленныя осѣдлости, и приготовляемыя тамъ скучниками деревьевъ дрова везутся въ городъ, случается, за сорокъ верстъ. Благодаря также весьма достаточному пока количеству древесныхъ насажденій во всѣхъ волостяхъ, кроме подгорныхъ, не имѣющихъ арычнаго орошенія, дровопромышленникамъ удается ску-

пать деревья по очень низкой цѣнѣ, по 80 коп. за сажень, такъ что на мѣстѣ одна сажень таловыхъ дровъ обходится имъ, съ платою дровосѣкамъ 1 руб. 60 коп., да перевозка въ городъ и укладка стоять 2 рубля; следовательно при продажной цѣнѣ, какъ теперь, по 4 рубля за сажень таловыхъ дровъ и 5 рублей за сажень фруктовыхъ, лучшихъ дровъ, предприниматель получаетъ чистой прибыли до шестидесяти копѣекъ съ каждой сажени. Всего больше, разумѣется, расходятся въ продажѣ и поставкой въ войска таловые дрова, какъ дешевыя и весьма пригодныя для топлива, если они въ особенности вылежали на воздухѣ три-четыре лѣтнихъ мѣсяца. Къ таловымъ дровамъ прибавляются также и тополевые, получаемыя отъ сучьевъ, при рубкѣ тополя на строительные надобности; но эти дрова считаются хуже таловыхъ.

Къ великому бѣдствию въ будущемъ для садоводства, тоже дровопромышленниковъ не щадить также и фруктовыхъ деревьевъ, потому что наши привилегированные хозяева требуютъ часто одни фруктовые дрова, или смѣшанные съ таловыми. Дроворубы рады, разумѣется, удовлетворить такому выгодному для нихъ спросу, а нужда садовладѣльцевъ побуждаетъ ихъ продавать на срубъ и такія фруктовыя деревья, которыми жить бы, да жить и кормить бы своихъ хозяевъ плодами урюка, тура или орѣха. Въ особенности достается садамъ въ послѣднія шесть лѣтъ, по причинамъ, которыя выясняются ниже, отъ углепромышленниковъ. Вынужденные удовлетворять спросу на уголь изъ фруктовыхъ породъ деревьевъ, со стороны чугуноплавильщиковъ (дигрэз) и чайныхъ заведеній (самоварчи), которые прежде работали съ углемъ арчевымъ, они дѣятельно приготовляютъ его изъ абрикосовыхъ, тутовыхъ и грушевыхъ деревьевъ не только окрестныхъ, но и кишлачныхъ садовъ. При продажной цѣнѣ городской въ три рубля за батманъ (8 пудовъ) углей фруктовыхъ деревьевъ (кураги), углепромышленникъ наживаетъ, за всѣми расходами на рабочихъ и на перевозку, 40 коп. чистой пользы съ каждого батмана, что составить на каждого около сорока рублей годового заработка.

Продажная же цѣна на фруктовыя деревья самая низкая: до двухъ рублей тридцати копѣекъ за абрикосовое дерево.

Чтобы судить приблизительно, какая масса деревьевъ сваливается каждогодно въ долинѣ топоромъ углепромышленника и дровопромышленника, отмѣтимъ, что шестнадцать пудовъ (2 батмана) угля получается изъ одного тридцатилѣтняго фруктоваго дерева, а одна сажень дровъ выходитъ изъ двухъ пятнадцатилѣтнихъ таловъ. По размѣрамъ годового потребленія въ Самарканѣ 20000 сажень дровъ и 40000 пудовъ углей изъ фруктовыхъ деревьевъ, количество деревьевъ искусственаго насажденія, сжигаемыхъ на топливо, будетъ около 40000 тала и тополя и 13000 деревьевъ фруктовыхъ породъ, затрачиваемыхъ угольщиками и дровоторговцами. Эти цифры весьма близки къ действительности и, разумѣется, ихъ нельзя не считать весьма грозными признаками для будущаго древесной растительности долины Зеравшана. Къ счастью, теперь еще туземцы очень довѣрчивы ко всяkimъ благоразумнымъ совѣтамъ руководящей ихъ администраціи и, отдавая на срубъ свои сады и всякия межевые, арычныя насажденія, стараются возстановлять посадки. Дѣйствительно, проѣзжая окрестности Самарканда, равно и всю долину Зеравшана, вы замѣтите массу насажденій тополя, тала, а если попадется вамъ огороженный садъ, то увидите навѣрное въ немъ молодыя посадки фруктовыхъ деревьевъ.

Этимъ правильнымъ пониманіемъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ важности древесныхъ посадковъ, широко выполняемыхъ ими въ своихъ хозяйствахъ безъ особыхъ подталкиваний, только и можно объяснить сравнительную дешевизну дровъ и устойчивость цѣны на нихъ въ теченіе вотъ уже десяти лѣтъ, причемъ въ послѣдніе два года цѣна даже пала на 40 копѣекъ съ сажени въ частной продажѣ.

Отнесись населеніе иначе къ этому важному дѣлу, оставляй оно безъ подсадокъ вырубленные участки—въ 5—6 лѣтъ Зеравшанская долина была бы совершенно оголена и цѣны на топливо поднялись бы въ нѣсколько разъ. Однако, какъ мы

знаемъ въ хозяйственный смыслъ мѣстнаго туземца, тѣмъ не менѣе вполнѣ соглашаемся съ сдѣланными въ послѣдніе мѣсяцы настойчивыми совѣтами мѣстной администраціи не истреблять для углеобжиганія деревьевъ тута, какъ въ высшей степени необходимаго въ шелководствѣ, которое здѣсь годъ отъ года расширяется. Намъ даже думается, что эту мѣру слѣдовало бы установить и не для одного самарканскаго населенія, а вездѣ, гдѣ замѣчается усиленная работа топора надъ шелковицей, годной еще, по своему возрасту, на добываніе изъ нея листьевъ для выкормки червей.

Вычисливъ выше годовое потребленіе всякаго древеснаго угля въ 500000 пудовъ и опредѣливъ, что изъ этого количества 40000 пудовъ приготовляются на мѣстѣ, въ Самарканскомъ отдѣлѣ, изъ фруктовыхъ деревьевъ, мы затѣмъ должны отвѣтить на вопросъ: откуда же, кѣмъ доставляется остальная громадная масса древеснаго угля? Этотъ важный вопросъ необходимо выяснить, и мы постараемся это выполнить здѣсь и въ слѣдующей статьѣ возможно точными свѣдѣніями. Дѣло въ томъ, что со времени безусловного воспрещенія, въ 1879 году, приготовленія угля изъ горнаго лѣса, неизбѣжная потребность на это топливо повсюду въ Зеравшанскомъ округѣ перенесла углепромышленность изъ горъ Зеравшана въ песчаную степь Кызылъ-кумъ, Джалакскаго района Сыръ-даринской области. Какъ прежде углепромышленность давала занятіе и не особенно значительные выгоды горцамъ Пенджекента, Киптуга, Магіана, такъ теперь, съ 1879 года, ею довольствуются джалакскіе кочевники, для которыхъ, разумѣется, такая даровая эксплоатация степнаго саксаула очень прибыльна, такъ какъ они имѣютъ значительное количество верблюдовъ.

Дѣйствительно, по точнымъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что въ теченіе года, преимущественно осенью и зимою, въ Самарканѣ, включительно съ кишлаками, доставляется киргизами изъ Кызылъ-кумовъ 50000 верблюдовъ или 400000 пудовъ саксаульнаго угля. По разсказамъ этихъ

степныхъ угледромышенниковъ и возчиковъ; уголь выжигается изъ саксаула, начиная съ августа и до декабря, причемъ, по расчету, изъ пятидесяти деревьевъ средней величины добывается восемь пудовъ чистаго угля, а на приготовленіе пяти верблюдовъ угля двумя работниками требуется всего одинъ день, такъ какъ обжиганіе производится въ неглубокой ямѣ. Углеобжиганіемъ занимаются почти всѣ киргизы, кочующіе въблизи лѣсовъ саксаула, отстоящаго теперь въ 250 верстахъ отъ Самарканда, въ 80 верстахъ отъ Джизака и въ 200 верстахъ отъ Бухары, куда также привозится каждогодно не менѣе 200000 верблюдовъ степнаго угля. Углеобжигатели, не имѣющіе своихъ перевозочныхъ средствъ, сбываютъ добытый уголь на мѣстѣ по двадцати копѣекъ за верблюда (8 пуд.), а скучищи отправляютъ его на своихъ или наемныхъ верблюдахъ въ города всей долины Зеравшана и процаютъ въ Самарканда по два рубля за верблюжій выюкъ, а въ Бухарѣ по три рубля за 8 пудовъ.

Обыкновенно степные угледоставители распредаютъ уголь очень быстро, не позже слѣдующаго дня, и закупивъ, въ свою очередь, джугару, (сорго), просо, муку и ячмень, для продажи киргизамъ, возвращаются въ свои кочевья. По числу пятнадцати верблюжихъ переходовъ до Самарканда и обратно, вѣкоторые угледропавцы успѣваютъ въ теченіе года сдѣлать четыре рейса съ своими верблюдами и такимъ образомъ, при барышѣ въ  $1\frac{1}{2}$  рубля съ одного выюка углей, да столько же съ выюка самарканскихъ продуктовъ, каждый верблюдъ выработаетъ до пятнадцати рублей въ годъ, а это для киргиза составляетъ большой заработка.

Но вѣдь такое широкое и примитивное хозяйственное киргизовъ надъ саксауломъ, который возобновляется чрезъ сотни лѣтъ, поведеть въ быстрому истребленію остатковъ степнаго лѣса и повлечетъ за собою лишевіе песковъ травяного корма, развитіе въ долинѣ Сыръ-дары и Зеравшана палящаго не здороваго вѣтра (гармсиль), движеніе на востокъ песковъ,

сдѣлавшихъ уже большиѣ успѣхи въ самой Бухарѣ и въ западной провинціи этого ханства, Каракулѣ.

Что въ случаѣ непрекращенія соответствующими мѣрами углеобжиганія въ пескахъ Кызыль-кумъ, саксаулъ не долго тамъ продержится, можно разсчитать, принявъ въ соображеніе, что одинъ Самарканда съ его селеніями сжигаетъ ежегодно два съ половиною миллиона деревьевъ саксаула въ 400000 пудахъ угля, привозимаго киргизами. А если къ этой цифрѣ прибавить годовую порцію саксаула или угля, добываемаго для Бухары и осѣдлосгей Сыръ-даринской области, если провѣрить заявленіе киргизовъ, что кызыль-кумскій саксаулъ „бѣжалъ“ (катты) въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ на 100 верстъ отъ своей границы, если сообразить, что потребленіе топлива населеніемъ Самарканда и Бухары никакимъ образомъ не можетъ быть сокращено, такъ какъ оно расходуется дѣйствительно экономно, то вопросъ истребленія степнаго лѣса является въ самомъ дѣлѣ весьма серьезнымъ вопросомъ для всего края. Это-то повидимому, какъ мы выяснимъ ниже, и не имѣли въ виду, устанавливая циркуляромъ 1879 года общее воспрѣщеніе пользоваться горнымъ лѣсомъ.

Теперь, чтобы покончить съ вопросомъ о количествѣ расходуемой въ долинѣ Зеравшана древесной растительности, мы должны сказать еще о лѣсной промышленности. Въ Самарканда эта выгодная промышленность находится исключительно въ рукахъ туземцевъ и распадается на поставку строительнаго материала для казенныхъ и частныхъ построекъ, для мебельныхъ мастерскихъ, и на поставку этого материала для Бухары. Собственно самарканская каждогодная потребность въ строительномъ материалѣ, которымъ, главнымъ образомъ, служитъ тополь, покрывается добычею его изъ садовъ не далѣе десяти верстъ отъ города, причемъ для перевозки его служатъ бухарскія арбы (джаудары). Въ туземной части Самарканда лѣсоторговцы имѣютъ свои лѣсные склады, изъ которыхъ, по разсказамъ ихъ, выпускается въ продажу строевого материала не менѣе какъ 20000 тополей, карагача, тала, да столько

же, въроятно, покупается потребителями-строителями, главнымъ образомъ, непосредственно въ садахъ. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, отпускъ строевого материала изъ Самарканского отдала въ Бухару заключается ежегодно не менѣе какъ изъ 20000 тополей, 10000 таловыхъ и 3000 тутовыхъ деревьевъ. Этому спросу лѣсопромышленниковъ удовлетворяютъ главнымъ образомъ селенія, сидящія недалеко отъ береговъ Зеравшана, по которому лѣсъ гонится, въ теченіе весны и лѣта, плотами въ 140 штукъ большихъ лѣсінъ, причемъ плоты проходятъ этотъ путь въ 25 дней. Вся Бухара снабжается строительнымъ материаломъ главнымъ образомъ изъ Зеравшанского округа и бекства Хатырчинскаго. Общій расходъ лѣса въ столицѣ ханства весьма значительный, потому что дома строятся тамъ иначе, какъ съ деревяннымъ фундаментомъ и такой же обвязкой. Вотъ почему лѣсная приставь въ селеніи Гурбунъ, на арыкѣ Шахъ-рудъ (царскій баатъ), въ восьми верстахъ отъ Бухары, танется на пять версты и всегда бываетъ загромождена лѣсомъ, плотами. Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ и лѣсная промышленность въ Самарканскомъ отдалѣ вызываетъ огромное истребленіе древесныхъ насажденій, какъ садовыхъ, такъ и другихъ участковъ частной земельной собственности.

Тѣмъ не менѣе благоразумная сельско-хозяйственная система туземцевъ уравновѣшиваетъ постоянными подсадками спросъ съ предложеніемъ настолько, что цѣны на топливо остаются и теперь тѣ же, какія были въ 1874 году; цѣны же на строительный материалъ увеличились почти вдвое, вслѣдствіе значительного отправленія строевого лѣса въ города Бухарскаго ханства.

Выяснивъ, съ доступною правильностью, размѣръ и характеръ потребленія древесной растительности, мы обратимся теперь къ двумъ очень существеннымъ вопросамъ: 1) въ какомъ отношеніи стоитъ въ данное время предложеніе къ спросу, и 2) можетъ ли покрываться потребность углепромышленности и лѣсопромышленности мѣстнымъ предложеніемъ на счетъ древесной растительности долины и горъ? Такіе вопросы не-

избѣжно возникаютъ потому, что, предвидя близкую гибель кызыль-кумскаго саксаула и раздѣляя вытекающую отсюда необходимость спасти хотя остатки его, мы глубоко убѣждены, что этого невозможно достигнуть однимъ распоряженіемъ „запрещаю“, такъ какъ «каки сложившуюся потребность жизни населенія насышовать не приходится, а слѣдуетъ пройти эту Сциллу и Харібду лѣсного вопроса съ приличною ему осторожностью, безъ увлечений, безъ того пагубнаго самомнѣнія, которое когда-то привело однихъ къ затѣямъ по устройству въ краѣ дорогихъ и несвоевременныхъ ярмарокъ, а другихъ—къ закритикованнымъ проектамъ укрѣпленія ферганскихъ песковъ растеніями изъ приморскихъ французскихъ ландовъ. Вотъ что говорить по этому послѣднему предмету г. Миддендорфъ на страницѣ 61 Очерковъ Ферганской долины: „съ особенностью настойчивостью укажемъ на то, что необходимо совершенно отказаться отъ попытки укрѣпленія переносящихъ песковъ посвѣтомъ какихъ-либо европейскихъ растеній. Такого рода предложеніе можетъ исходить развѣ отъ непризнанныхъ псевдobotаниковъ, не имѣющихъ никакого понятія о растительной жизни. Правда, *Pinus maritima* на дюнахъ ландовъ дала превосходные результаты, но для этого необходима близость моря и влажность воздуха. Развѣ на средне-азіатскихъ барханахъ встрѣчаются гдѣ либо сосновые лѣса? А между тѣмъ иные были не прочь смѣлою рукою, словно волшебствомъ, вызвать къ жизни лѣса приморской сосны въ центрѣ Ферганы“.

Конечно, къ цитированной сей часъ страницѣ, отъ себя мы можемъ прибавить не много. Мы позволимъ себѣ только поставить вопросъ: къ чему было тратить тысячи рублей на эти безплодныя знакомства съ французскими приемами укрѣпления приморскихъ песковъ, когда можно было выписать за 5 рублей прекрасное сочиненіе Россмеслера „Лѣсъ“ и на страницѣ 643 приложения прочесть по этому предмету слѣдующее: „укрѣпление сыпучихъ песковъ, когда они среди материка, производится преимущественно разведеніемъ шелюги — ивы (*Salix acutifolia*), чернаго тополя или осокори, пріобрѣв-

шихъ громкую известность по укреплению песковъ на югъ Россіи. Работа эта вовсе не предстаетъ столь огромныхъ затрудненій, какъ многие воображаютъ. Въ этомъ дѣлѣ общій ходъ работы слѣдующій: на мѣстѣ, предназначенномъ для укрепленія, проводятъ борозды плугомъ. Обыкновенно дѣйствуютъ вѣсколькими плугами разомъ: первый плугъ дѣлаетъ борозду для кладки черенковъ, второй плугъ засыпаетъ первую борозду и производить возлѣ новую борозду для положенія черенковъ; третій плугъ засыпаетъ вторую борозду. Въ борозды кладутъ шелюговыя и осокоровыя вѣтви горизонтально, на самое дно борозды, такъ чтобы онѣ были засыпаны пескомъ совершенно. Вся эта работа производится весною или осенью. Рабочей силы на подобное укрепленіе песковъ шелюгою требуется слѣдующее количество: на 100 десятинъ песка нужно имѣть: 125 кубическихъ сажень черенковъ, 545 пѣшихъ рабочихъ, 60 рабочихъ дней для двухъ паръ воловъ (стр. 643). Если этотъ расчетъ соответствуетъ и для мѣстныхъ песковъ, то, по туркестанскимъ цѣнамъ, стоимость обложенія ихъ шелюгою и осокорью, встрѣчающеюся и на берегахъ Зеравшана, будетъ всего около 300 рублей за 100 десятинъ.

Воздѣжимся однако отъ дальнѣйшаго разбора упомянутаго проекта укрепленія ферганскихъ песковъ, а будемъ говорить только о лѣсоохранительныхъ и лѣсоводственныхъ мѣрахъ Зеравшанской долины, по возможности объективно, имѣя въ виду лишь цѣль правдиваго изложенія дѣйствительности въ интересахъ края.

Къ сожалѣнію, намъ приходится начать съ поясненія, что у насъ нѣть достаточно данныхъ въ опредѣленію отношенія лѣсной площади въ общей площади долины Зеравшана. А между тѣмъ эти данные должны имѣть громадное влияніе на решеніе второго вопроса, потому что, разъ ставъ на точку зрения необходимости поддержанія лѣса, какъ метеорологическаго фактора, слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ полученный выводъ, что для благоприятнаго дѣйствія лѣса на текущія воды и климатъ онъ долженъ занимать площадь отъ 17% до 33%

всей территоріи, распредѣляясь по всей площади равномѣрно. Нельзя сказать, чтобы точное изслѣдованіе этого отношенія для Зеравшанского округа, занимающаго всего съ горами 24000 квадр. верстъ, было невозможно. Оно, вѣроятно, и будетъ выполнено со временемъ имѣющимся въ Самарканѣ чиновникомъ по лѣсной части. Теперь же мы руководствуемся весьма поверхностными данными о естественныхъ горныхъ лѣсахъ, собранными нами только разспросами я прошлогодней поездкой въ горы Магіана и Кштута, въ среднемъ теченіи Зеравшана.

Такъ какъ пока весь вопросъ сводится къ тому: можетъ ли и въ какой мѣрѣ быть разрѣшена эксплоатациѣ населенія горнаго лѣса для цѣлей строительныхъ и, главное, углепромышленности, то, полагаю, будетъ достаточно заглянуть только въ ближайшія къ Пенджекенту горы по обоимъ берегамъ Зеравшана, принявъ лишь къ свѣдѣнію, что далѣе, въ горахъ верхнаго теченія этой рѣки, естественный лѣсъ скрывается въ глубокихъ ущельяхъ Фальгара, Ягноба, Фана и отчасти Матчи, распредѣляясь крайне неравномѣрно, то густыми зарослями на десятки верстъ (ущелье Фатмаутъ, Урмитанъ, Дархъ, Аббурданы и др.), то очень рѣдкими и чахлыми подлѣсками. Такимъ образомъ, говоря лишь о лѣсѣ средняго теченія Зеравшана, приходится отмѣтить, что вся часть горъ Туркестанскаго кряжа до Урмитана носить весьма слабые признаки бывшихъ здѣсь лѣсовъ, истребленныхъ углепромышленниками, и только теперь, абсолютнымъ семилѣтнимъ отдыходомъ отъ топора, она замѣтно подаетъ надежды къ восстановленію своего благодѣтельного растительного покрова.

Съ особенію душевною радостью мы имѣли возможность лично пролѣтѣть въ прошлое лѣто значительный успѣхъ естественного лѣсовозстановленія, вѣкъ на южномъ склонѣ горъ праваго берега Зеравшана, такъ въ особенности по системѣ рѣкъ Магіана, Пасрута, Вору. Эту послѣднюю часть горъ Зеравшанскаго кряжа намъ удалось осмотрѣть въ прошломъ году довольно подробно и мы считаемъ возможнымъ сба-

зать, что воспользовавшийся также семилѣтнимъ отдыхомъ лѣсной районъ бассейна Кштута занимаетъ теперь сплошную площадь горной арчи, перемѣшанной съ деревьями мицдalia, клена и фисташекъ не менѣе 800 квадратныхъ верстъ, причемъ этотъ лѣсъ повсюду доступенъ для эксплоатации его привычнымъ, неутомимымъ въ труде горцамъ, замѣтно обѣдневшимъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ безусловно воспредили пользоваться арчею.

Сколько удалось замѣтить изъ разговоровъ съ гальчей, въ горахъ это воспрещеніе съ 1879 года, о которомъ намъ придется еще говорить подробно, дѣйствуетъ такъ устрашительно, благодаря, слѣдовательно, сильной авторитетности власти, что жители одного селенія (Артучъ) спрашивали моего разрѣшенія срубить четыре дерева арчи, чтобы исправить свою мечеть, остающуюся поэтому безъ крыши уже четыре года. Я поразовался, конечно, этому факту такого сильнаго влиянія нашихъ требованій на полудикое населеніе, но и удивился такому черезчуръ буквальному примѣненію мѣръ къ охраненію арчи, которая всегда служила горцамъ какъ топливо и какъ единственный строительный материалъ, расходуемый притомъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ, потому что сажи гальчей устраиваются въ большинствѣ безъ каркаса, съ самой легкой крышей.

Еще болѣе достойно удивленія, что этотъ огромный лѣсной районъ Кштута, а въ особенности обширная лѣсная заросль *Арчамайдамъ*, положительно переполнена валежникомъ, переростомъ арчи, который гнѣтъ и превращается въ трухлявъ или поджигается, забавы ради, пастухами, пропадая такимъ образомъ за ничто, только потому кажется, что распределеніе горнаго Зеравшанскаго лѣса остается совершенно неизвѣстно, а добываніе угля изъ арчи воспрещено безъ того исключенія, какое слѣдовало бы сдѣлать для лѣсныхъ районовъ, изобилующихъ валежникомъ.

Вѣдь еслибы, въ самомъ дѣлѣ, горный лѣсъ былъ бы изслѣдованъ своевременно и подробно специалистами, они обя-

заны были бы примѣнить къ нему совѣтъ стр. 644 книги „Лѣсъ“ соч. Госсмеслера: „много заботъ требуется отъ лѣсничаго, чтобы спасти лѣсъ отъ мелкихъ, но сильныхъ враговъ — отъ насѣкомыхъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы въ лѣсахъ былъ убранъ валежникъ, чтобы въ насажденіяхъ не были оставляемы заглохныя и перегнойные деревья, чтобы въ дачѣ не оставался долго срубленный лѣсной материалъ, ибо все это представляетъ самыя удобныя мѣста для гнѣздилищъ опаснейшихъ насѣкомыхъ“.

Правильной организаціею углеобжиганія, о которой придется говорить ниже, по моему, необходимо открыть пользованіе валежникомъ, какъ въ видахъ сохраненія степного сак-саза, такъ и потому еще, что забавы пастуховъ надъ этимъ даровыемъ топливомъ могутъ распространить гибельный лѣсной пожаръ. Уже и теперь можно наблюдать во многихъ мѣстахъ густой заросли арчи свѣже выжженныя площади валежниба и опаленные вѣковыя деревья-гиганты, о которыхъ сложилось почему-то въ горахъ повѣрье, что въ тысячелѣтнемъ возрастѣ они кончаютъ жизнь самосожиганіемъ. Но такъ какъ о бѣзъ съ такими искалѣченными старцами арчи сплошь попадаются и молодыя деревья съ выпаленнымъ дупломъ, то сопутствующій вѣсъ горецъ не уклонится разъяснить, что въ этомъ уже виновато не тысячелѣтіе, а шалости пастуховъ, какъ своихъ кишлачныхъ, такъ и приходящихъ въ теченіе лѣта въ Самарканѣ, съ многочисленными стадами овецъ, гисарцевъ и кулябцевъ, которые портятъ горныя дороги, мосты, пользуются кормами, топливомъ и уже давно не платятъ никакихъ пошлинъ, тогда какъ бухарской казнѣ тѣ же скотопригонщики вносятъ каждогодно до 20000 рублей баджа.

Кстати уже скажемъ, что вообще скотоводческость пользуется свободой отъ всякихъ пошлинъ съ изданія положенія 1867 года, а между тѣмъ, она могла бы приносить въ округѣ не менѣе 200000 рублей годовыхъ сборовъ отъ скотопригонщиковъ и отъ продажи скота на базарахъ, которые теперь доставляютъ доходъ городамъ только обложеніемъ вѣсовой

пошлинойъ продуктовъ сельскаго хозяйства, достающихся землемѣльцу не такъ легко, какъ легко богатѣютъ мѣстные скотопромышленники, въ особенности ургутцы.

Опредѣлившисъ весьма приблизительно лѣсную площадь горъ Кштута, снабжавшую до 1879 года всю долину Зеравшана углемъ и строительною арчею, остается сказать, что склоны западнаго Туркестанскаго кряжа, а также съверные склоны Зеравшанскаго кряжа почти совершенно оголены и только въ верхнихъ, трудно доступныхъ частяхъ хребта и въ скалистыхъ ущельяхъ кое-гдѣ удержанась еще рѣдкая заросль арчи. Впрочемъ, пользуясь отдыхомъ, и эти части горъ подаютъ надежду на возстановленіе своей древесной растительности, если такой отдыхъ продолжится зѣть 20, не менѣе. То же самое приходится сказать о восточныхъ склонахъ Нуратинскаго хребта, носящихъ мѣстное название Карача-тау и отдѣляющихъ на западѣ Самарканскій отдѣлъ отъ Дѣзакскаго района.

Такимъ образомъ, въ общемъ, горная лѣсная площадь представляется очень незначительною по отношенію ко всей территории округа; а какое именно это отношеніе, какъ распредѣляются лѣса въ горахъ, на сколько возможно пользоваться ими хотя для углеобжиганія — эти важные вопросы оставались до сихъ поръ открытыми и ждутъ выясненія чрезъ лицъ, специально вѣдающихъ лѣсною частью.

По личнымъ воспоминаніямъ о частыхъ и повсюдныхъ поездкахъ въ горахъ верховьевъ Зеравшана, отъ ледниковъ до истоковъ Ягноба и Искандеръ-куля, полагаемъ, что такое подробное ознакомленіе съ горнымъ лѣсомъ можетъ быть легко исполнено трехмѣсячнымъ объездомъ, при участіи местной администраціи, слишкомъ заинтересованной этимъ вопросомъ.

Когда будетъ сдѣлано такое правильное и точное изслѣдованіе, тогда и выяснится, въ какой мѣрѣ придется послѣдовать указаніямъ *Миддендорфа*: „необходимо начать съ запрещенія свободнаго пользованія тѣми лѣсными участками, которымъ угрожаетъ действительная опасность; общаго же запрета быть не должно. Постепенно распространяя опеку надъ

лѣсомъ, навѣрно придутъ къ убѣжденію, что онъ въ наибольшей части своего протяженія можетъ и даже долженъ быть предоставленъ въ свободное пользованіе” (стр. 321 соч. Очерки Ферганской долины).

Если бы уважаемому ученому было известно въ подробности, какая участъ ожидаетъ степной саксаулъ, защищающей на западѣ культурный оазисъ отъ песковъ и гармислей, онъ на-вѣрное добавилъ бы еще нѣсколько убѣдительныхъ страницъ къ высказанному предложению, съ которымъ разумѣется нельзя не согласиться.

Перенося нашъ обзоръ существующей древесной растительности изъ горъ въ долину, мы должны сказать, что здѣсь есть чѣмъ полюбоваться. Вся береговая часть Зеравшана, отъ Пенджекента за Катта-курганъ, протяженіемъ въ двѣстѣ верстъ, съ попечникомъ въ 30 верстъ, представляетъ сплошной коверъ зелени искусственныхъ древесныхъ насажденій, какъ садовыхъ, такъ и пашенныхъ. Пройзжая десятки верстъ остроной частью долины, между вѣтвями Зеравшана — Кара-дарьеи и Акъ-дарьеи, въ жаркое лѣтнєе время вы испытываете удовольствіе бѣхать въ тѣни пріятной зелени, какъ бы громаднымъ паркомъ.

По трактовымъ дорогамъ древесныя насажденія тянутся толстой левтой всюду, гдѣ только есть доступъ арычному орошенню. То же самое представляютъ собою всѣ мелкія и большія сельскія дороги, а ихъ протяженіе въ Самаркандскомъ отдѣлѣ =1200 верстъ. Такія же частыя насажденія замѣчаются по всѣмъ арыкамъ, по окраинамъ пашень, въ садахъ, въ особенности въ районахъ долины, ближайшихъ къ берегамъ Зеравшана, которымъ пользуются для сплава лѣсныхъ плотовъ.

Обозрѣвая внимательно низменную, многоводную часть долины, видимъ даже какъ будто бы избѣтокъ древесныхъ насажденій, въ ущербъ хлѣбопашству. мѣстами дѣйствительно испытывающему дурное вліяніе на посѣвы отъ близости тѣнистой древесной чащи. Конечно, предусмотрительный, опытный хозяинъ такъ и распоряжается въ пользованіи своими насажденіями, чтобы они не затѣняли хлѣбныхъ посѣвовъ, а виног-

градниковъ въ особенности; но все же приходится многимъ, и для себя и для соседей, подчинять насажденія требованиямъ полеводства, потому что сая (тѣнь) тополей и тала дѣйствуетъ на огородицу, на рисовые плантации и на виноградники очень вредно.

Нѣсколько слабѣе древесная растительность—какъ садовая, такъ и полевая—въ южной, подгорной части долины, имѣющей степной характеръ вслѣдствіе недостатка арычного орошенія, вполнѣ развившагося здѣсь—только въ послѣднія восемь лѣтъ. Но и въ этомъ районѣ древней культуры Ангара молодыя насажденія замѣчаются по арыкамъ и на пашняхъ въ такомъ количествѣ, какое только въ состояніи было принять хозяйство узбековъ и арабовъ.

Равнымъ образомъ и русская часть города Самарканда, съ прекраснымъ, широкимъ Абрамовскимъ бульваромъ, съ двумя огромными городскими садами, съ своими широкими шоссированными улицами, окаймленными тополями, бѣлой акаціей, айлантузами и красивыми карагачами, вмѣшаетъ массу древесныхъ насажденій, которые должны давать городу лѣтъ чрезъ пять изрядный, постоянный доходъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, вся искусственная насажденія Самаркандинского отдела, по ирригационной системѣ Зеравшана, занимаютъ, полагаемъ, площадь не менѣе 1500 квадратныхъ верстъ, т.-е.  $\frac{1}{6}$  часть культурнаго оазиса. Этимъ-то и объясняется вышеупомянутая нами пятнадцатилѣтняя устойчивость въ Самаркандинѣ цѣны на топливо и строительный материалъ, несмотря на развивающійся годъ-отъ-году спросъ.

Такое отрадное мѣстное явленіе поддержанія туземцами древесныхъ насажденій совершенно аналогично съ такимъ же явленіемъ въ Ташкентѣ, отмѣченнымъ г. Миддендорфомъ. Вотъ что находимъ на стр. 325 соч. Очерки Ферганской долины: „что касается посадки деревьевъ въ культивированныхъ мѣстностяхъ, то побѣдителямъ есть чему поучиться у побѣженныхъ и отрадно упомянуть—они уже многому научились. Большой спросъ на лѣсъ всякаго рода тоже, конечно, не остался

безъ влиянія; я былъ не мало удивленъ, увидѣвъ уже въ разстояніи свыше мили до Ташкента густо стоящіе саженцы и тычины вблизи поселеній. Мы указывали на то, что эти посадки были сдѣланы сартами, которые удовлетворяли большому спросу со стороны города на саженцы мягкихъ древесныхъ породъ и фруктовыхъ деревъ и что это приноситъ имъ значительную выгоду. На обратномъ пути мое удивленіе превратилось въ изумленіе, когда я, на перѣездѣ отъ Ташкента чрезъ безлѣсную степь, встрѣтилъ въ 60-верстномъ разстояніи отъ этого города не только довольно хорошо засаженную киргизскую деревню, но и древесную школу у одного киргиза, для продажи изъ нея деревцовъ“.

Мы, съ своей стороны, можемъ добавить къ сдѣланному нами сопоставленію, что, судя по возрасту деревьевъ, искусственные насажденія начали усиленно развиваться въ Зеравшанской долинѣ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, изъ чего мы въ правѣ заключить, что главный толчокъ этому дѣлу былъ данъ „побѣдителями же“, какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ другихъ городахъ Туркестана, спросомъ на строительный материалъ; въ этомъ намъ придется убѣдиться и послѣдующими выводами, которые мы подкрепимъ болѣе полными доказательствами. Теперь же попытаемся перечислить существующія при арычномъ орошеніи главные породы деревьевъ и отмѣтимъ предназначение каждой изъ нихъ въ мѣстномъ хозяйствѣ.

Количествомъ деревьевъ и разнообразiemъ примѣненія въ хозяйствѣ, талъ (ива, Salix) занимаетъ въ ряду другихъ породъ безспорно первое мѣсто въ культурномъ оазисѣ. Это, гордимое здѣсь европейцами за свою „нечистоплотность“, сравнительно невзрачное дерево, хотя и не занимаетъ почетнаго мѣста у туземцевъ, тѣмъ не менѣе преобладаетъ надъ другими за свои прекрасныя качества: быстрый ростъ, непрятязательность къ почвѣ и къ поливѣ, а главное—за свою, таѣ склонность, продуктивность. Дѣйствительно, ни одно дерево, какъ мѣстныхъ породъ, такъ и вводимыхъ здѣсь европейскихъ деревьевъ, не даетъ съ такою быстротою той массы отростковъ,

послѣ весеннаго съема вершины, какую даетъ таль. Посажен-  
ный кое-какъ, вольями, по арыкамъ, на пахатной межѣ; таль  
представляетъ собою чрезъ 15 лѣтъ солидное дерево, въ 2 ар-  
шина въ обхватѣ съ большой тѣнистой кроной, которая въ  
течение тридцати лѣтъ жизни дерева можетъ быть снята 10 разъ,  
давая въ каждый съемъ достаточно вольевъ для разсадки, и  
которое количество дровъ и хворостъ, употребляемый на кор-  
зинки, имѣющія такое широкое примѣненіе въ хозяйствѣ зем-  
ледѣльцевъ.

У сельскаго населенія таль служить также и для постройки  
сакель, бонюшень, скотниковъ, амбаровъ и для разныхъ не-  
значительныхъ въ хозяйствѣ подѣлокъ. Извъ того же все тала  
выжигаются угли, имѣющіе примѣненіе только у кузнецовъ,  
мѣдниковъ. Тотъ же таль отлично служить, какъ фашинникъ,  
для возведенія арычныхъ плотинъ, для укрѣпленія береговъ,  
для водопроводныхъ желобовъ. Главная же роль тала, какъ  
было выяснено и раньше — въ отопленіи. Уступая, конечно,  
по своимъ горючимъ свойствамъ, другимъ породамъ деревьевъ,  
таль беретъ количествомъ и дешевизною, а потому ему и перв-  
вое мѣсто въ спросѣ, какъ русскимъ населеніемъ, такъ и ту-  
земнымъ.

Второе мѣсто послѣ тала занимаетъ тополь (терекъ, *Rorulus*), также вѣлюбимый здѣсь, какъ будто видно ниже,  
нѣкоторыми европейцами. Въ долинѣ Зеравшана преобладаетъ  
тополь кубъ-терекъ, какъ отличающійся лучшими качествами  
древесины сравнительно съ красивымъ пирамидальнымъ топо-  
лемъ (аръ-аръ), весьма быстро растущимъ, но зато менѣе-  
дающимъ материала. Оба вида тополя или разсаживаются че-  
реянками (баламча), или развиваются отъ корней срубленныхъ  
деревьевъ, или съянцами и саженцами, и въ пятнадцатилѣт-  
немъ возрастѣ даютъ бревна до двѣнадцати аршинъ длины,  
до двадцати двухъ вершковъ толщины, а изъ вѣтвей полу-  
чаются также балки для сакель и значительное количество  
дровъ. Равнымъ образомъ, и до своего полнаго возраста то-  
поль даетъ не мало топлива каждогодной очисткой отъ лиш-

никъ вѣтвей. Это топливо служить, впрочемъ, исключительно  
для туземцевъ и главнымъ образомъ — для кухни и для кир-  
пичныхъ заводовъ. Какъ строительный материалъ, тополь пока  
единственное дерево въ краѣ — и для капитальныхъ построекъ,  
и для подѣлокъ простой дешевой мебели, и для потребностей  
туземного хозяйства. Для строительного дѣла тополь годенъ  
только до тридцатипятилѣтняго возраста, а затѣмъ онъ дѣ-  
лается дуплистымъ и быстро гнѣтъ, отживая свой вѣкъ.

Красивый туркестанскій шапковидный *карагач-чинны*  
(*Ulmus campestris*, var.), какъ и обыкновенный *карагач-на-  
роки*, пользуется спросомъ исключительно для подѣлокъ, для  
досокъ и рѣдко для другихъ строительныхъ потребностей, хотя,  
по своей крѣпчайшей древесинѣ, онъ годенъ для балокъ и для  
каркаса туземныхъ сакель. Особенно широкое употребленіе  
нароки-карагача — для постройки арбъ и экипажныхъ колесъ.  
По своей роскошной, густой кронѣ, дающей значительную  
тѣнь уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ, чинны-карагачъ нахо-  
дитъ для себя въ каждомъ хозяйствѣ лучшее мѣсто во дворѣ,  
по берегамъ прудовъ, при мечети; такія деревья переживаютъ  
обыкновенно нѣсколько людскихъ поколѣній. Карагачъ не осо-  
бенно требователенъ къ водѣ; но выращенный хотя бы десятки  
лѣтъ при постоянной водѣ, онъ затѣмъ быстро гибнетъ, если  
ляшится ея. Карагачъ-чинны растетъ и съ орошеніемъ до-  
вольно медленно, достигая въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ до  
26 футовъ высоты и 18 вершковъ толщины. Напротивъ, на-  
роки-карагачъ растетъ очень быстро, вытягиваясь въ десяти-  
лѣтнемъ возрастѣ до тридцати футовъ. Этотъ видъ карагача  
доставляетъ лучшіе ободья для колесъ, какъ арбаныхъ, такъ  
и экипажныхъ. Оба вида карагача достаточно распросранены  
какъ въ низменной, такъ и въ возвышенной, безводной части  
долины.

Какъ о строительномъ и главномъ образомъ подѣлочномъ  
деревѣ, упомянемъ также о грекомъ орѣхѣ, принадлежащемъ  
главнымъ образомъ садамъ, и о джигдѣ (*Eleagnus hortensis*),  
растущей преимущественно по сторонамъ дорогъ и по окраи-  
носути въ туркестанѣ.

намъ пашень. Оба названныя дерева растуть сравнительно медленно; причемъ въ возрастѣ сорока лѣтъ орѣхъ обильно раскидываетъ свои вѣтви и даетъ до 6000 плодовъ съ одного дерева, а серебристая джигда въ этомъ же возрастѣ ужеклонится къ старости, но все даетъ съ одного дерева до 8 плодовъ мучнистыхъ плодовъ, очень питательныхъ и очень любимыхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ противоположность орѣху, джигда мало прихотлива къ почвѣ и встречается какъ въ мѣстности солончаковатой, суглинистой, такъ и на песчаныхъ мѣстахъ. При случаѣ, дерево джигды также служить для узбековъ строительнымъ материаломъ, но вообще этимъ деревомъ дорожать за его плодоносность и легкую распространяемость отъ тоненькихъ черенковъ, выкаемыхъ какъ придется, по обочинамъ дорогъ.

Чинаръ (*Platanus orientalis*), пользующійся въ Самарканѣ, какъ и повсюду въ Средней Азіи, большимъ почитаніемъ со стороны правовѣрныхъ, въ особенности тамъ, гдѣ онъ хранитъ подъ своей грандіозной кроной могилу какого-нибудь хазрета, святого, распространенъ въ немногихъ низменныхъ, многоводныхъ мѣстахъ долины и, по праву священнаго дерева, живетъ не сколько вѣковъ, служа иногда квартирой какому нибудь дервишу, муллѣ и его дѣтской школѣ, уютно устраиваемой въ дуплѣ такого гиганта, который подъ сѣтью своихъ вѣтвей можетъ укрыть отъ палящаго солнца сотни людей. Въ силу такого исключительного уваженія къ чинару, это дерево, при своемъ быстромъ ростѣ изъ черенковъ и не особенной притягательности къ почвѣ, распространено слабо, такъ какъ туземецъ не очень склоненъ удѣлять на своей землѣ мѣсто такому мертвому капиталу. Дѣйствительно, чинаръ даетъ прекрасный подѣлочный материалъ только отъ своихъ вѣтвей и очень рѣдко рубится самое дерево какимъ-нибудь окончательно обѣднѣвшимъ хозяиномъ, причемъ ему не мало приходится выслушать отъ сосѣдей всякой укоризны. Оттого материалъ изъ чинара встречается въ продажѣ весьма рѣдко и цѣнится сравнительно дорого, отъ двухъ рублей за доску въ три аршина длины и

1,5 вершка толщины. Въ Зеравшанской долинѣ наибольшее количество чинаровъ группируется въ Дагбитѣ, въ окрестностяхъ Самарканда, при могилѣ магомѣтанскаго святого Ходжа-Ахара и въ Ургутѣ. Въ этихъ чинаровыхъ рощахъ имются вѣковые экземпляры 26 аршинъ въ обхватѣ нижней части ствола, съ вѣтвями въ шесть аршинъ въ обхватѣ. Конечно, эти старцы, служащіе теперь пріютомъ калѣкамъ-нищимъ, укрывающіе въ своей тѣнистой кронѣ массы птицъ, проживутъ еще долго, пока, можетъ быть, ихъ не свалить вѣтеръ; но ужъ никакой деревененный топоръ не коснется ихъ, безмолвныхъ свидѣтелей погребенія здѣсь чтимыхъ мусульманъ, превратившихся въ великихъ святыхъ, на поклоненіе которымъ стекаются отовсюду толпы странниковъ и мѣстныхъ почитателей.

Мы не можемъ окончить съ перечисленіемъ существующихъ въ долинѣ Зеравшана породъ деревьевъ, не сказавъ о шелковицѣ (тутъ, *Morus nigra* и *alba*), пользующейся, какъ известно, такимъ громаднымъ значеніемъ въ производствѣ шелководства, служащей также своими плодами важнымъ суррогатомъ хлѣба, въ особенности у горцевъ верховьевъ Зеравшана, доставляющей и хороший подѣлочный материалъ. Но подробная свѣдѣнія о шелковицѣ придется дать въ заключеніи настоящихъ замѣтокъ, гдѣ мы намѣрены разобрать сопоставленіями достоинство приемовъ лѣсоводства, практикуемыхъ въ Самарканѣ съ 1879 года, подъ руководствомъ специалистовъ, отъ которыхъ (приемовъ) ожидается столько великихъ благъ для нашего безлѣснаго Туркестанскаго края.

Прежде исполненія нашего обѣщенія,—разобрать значеніе для Зеравшанскаго округа мѣръ по лѣсоразведенію, установленныхъ въ послѣднія пять лѣтъ,—необходимо сказать, въ какомъ положеніи былъ этотъ лѣсной вопросъ въ первое десятилѣтие управления краемъ. Исполнить эту задачу не представляется затруднительнымъ, потому что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи и разспросныя свѣдѣнія, и письменные данныхя, и личное, продолжительное наблюденіе за ходомъ этого дѣла, и наконецъ достаточно полное изслѣдованіе лѣсного вопроса

въ статьѣ „Эксплоатациѣ торнаго лѣса въ Зеравшанскомъ округѣ“, напечатанной въ № 13, 15, 16 и 19 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1877 годъ. По совокупности всѣхъ этихъ данныхъ, для насъ представляется возможность засвидѣтельствовать, что уже въ первые годы послѣ присоединенія къ имперіи Самарканда, вопросъ лѣсной началь озабочивать мѣстную администрацію въ самой высокой степени.

Заставь въ первый годъ довольно умѣренныя цѣны на топливо (8 рублей за однополѣнную сажень) и на строительный материалъ, не замѣчая повышенія цѣнъ и въ слѣдующіе года, новые распорядители судьбами края не обольщались этимъ очевиднымъ избыткомъ предложения надъ спросомъ, а сочли нужнымъ предложить населенію дѣлать подсадки деревьевъ, гдѣ только оказывается возможнымъ, и въ особенности обязательно пополнять подсадками сдѣланная порубка въ садахъ или въ полѣ. Разумѣется, въ первые три года, пока населеніе не достаточно еще ознакомилось съ нашими требованиями и вообще съ русскими властями, эта мѣра проводилась осторожно, больше совѣтомъ, чѣмъ приказаниемъ; но все же она навѣрное сдѣлала свое дѣло, такъ какъ туземецъ и самъ замѣчалъ возраставшій годъ отъ года спросъ на лѣсной материалъ. Вскорѣ совѣты превратились въ приказанія, съ которыми и открылась, подъ контролемъ ближайшей администраціи, усиленная посадка деревьевъ тала и тополя по арыкамъ, на полевыхъ межахъ, въ садахъ, въ городахъ и въ селахъ.

Особенно сильный, разумительный толчокъ данъ дѣлу распространенія насажденій распоряженіемъ 1872 года объ обязательной посадкѣ деревьевъ по обочинамъ дорогъ, не только почтовыхъ, но и всѣхъ сельскихъ. Населеніе сразу поняло, что посадка деревьевъ не только требуется отъ частныхъ лицъ, но производится личными заботами властей и не только на городскихъ улицахъ, для благоустройства города, но и повсюду, гдѣ оказывается возможнымъ.

Такимъ образомъ, уже съ 1872 года дѣйствовало въ Зеравшанскомъ округѣ въ высшей степени предусмотрительное и

настойчивое требованіе посадки деревьевъ вездѣ, гдѣ оказывалось возможнымъ по условіямъ мѣстного, ирригационнаго хозяйства, причемъ норма требованія опредѣлялась для каждого хозяйства не количествомъ, а возможностью, и этого было совершенно достаточно. Земледѣльческое населеніе не видѣло для себя тогда стѣсненія въ этомъ требованіи, потому что оно нисколько не нарушило его исконої системы полеводства, не оставляло его полей безъ воды, такъ какъ и по дорогамъ посадка дѣлалась только тамъ, гдѣ это позволялъ избытокъ воды и отнюдь безъ липенія смежныхъ полей необходимаго орошенія и безъ всякой экспроприаціи даже богарныхъ земель.

Въ первые годы одновременная повсюдная посадка деревьевъ по дорогамъ потребовала, правда, напряженной работы населенія, исполнявшаго эту повинность безъ вознагражденія, и администраціи, привлекшой къ этому дѣлу даже туземныхъ судей, казиевъ; но всякий чувствовалъ, что такія посадки дѣлаются не для одной декораціи, а и для увеличенія количества деревьевъ, для удовлетворенія въ будущемъ нуждъ населенія.

Благодаря быстрому росту тала, преобладавшаго въ посадкахъ по дорогамъ, уже на третій годъ населеніе убѣдилось въ practicalности этой мѣры, потому что посадки эти давали и даютъ нуждающимся не только колыа для дальнѣйшихъ насажденій, но также строительный материалъ и фашинникъ для арыковъ и даже даровое топливо изъ каждогодной рубки вѣтвей этого неврачнаго, но полезнаго, по мѣстнымъ условіямъ, дерева.

Каждый можетъ сказать, что, только благодаря преобладаю тала въ долинѣ надъ остальными городами деревьевъ, эта долина представляется сплошь залитою такой значительной растительностью, которая снабжала до сихъ поръ не только Зеравшанскій округъ, но и Бухару, топливомъ и строительнымъ материаломъ безъ повышенія цѣнъ.

Можно смѣло сказать, что цѣны на топливо и при настоящемъ спросѣ въ 20000 сажень годовыхъ для русского

города, стояли бы еще ниже, если бы посадки по дорогамъ не истреблялись преждевременно, въ годичномъ возрастѣ, самими туземцами, всего чаще людьми, бѣдущими на базары и вообще проѣзжающими, которые ничуть не стѣсняются срубить или сломать молодое дерево для обращенія въ палку или для топлива гдѣнибудь на путевомъ ночлегѣ.

Это хищеніе молодняковъ такъ вкоренилось въ мѣстномъ населеніи, что однимъ вразумленіемъ бороться съ нимъ невозможно, а приходится прибѣгать къ охраненію посадокъ временными караулами, которые оказываются вполнѣ дѣйствительными настолько, по крайней мѣрѣ, что удается довести до трехлѣтнаго возраста  $\frac{1}{5}$  всего количества дорожныхъ саженцевъ. Такая мѣра окаруливанія извѣстнаго участка дорогъ, наиболѣе подверженного истребленію посадокъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства кишлаковъ и частнаго проѣзда базарчіевъ, оказывается менѣе обременительна для населенія, чѣмъ каждогодный трудъ и затраты таловыхъ кольевъ на возобновленіе посадокъ. Сельское населеніе въ особенности охотно привяло такую мѣру, разсчитавъ болѣе выгоднымъ для себя потрудиться выставлениемъ карауловъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ дни базаровъ, чтобы затѣмъ, когда деревья окрѣпнутъ настолько, что ломать ихъ будетъ невозможно для проѣзжающихъ,—освободиться отъ всякихъ заботъ и напротивъ начать пользоваться вѣтвями тала для различныхъ хозяйственныхъ надобностей.

И въ этомъ отношеніи облегченія труда населенія по посадкамъ кольями и быстротою роста на всякой почти почвѣ, таль недаромъ пользуется въ хозяйствѣ разсчетливыхъ туземцевъ предпочтеніемъ предъ всеми другими культурными деревьями.

Второе мѣсто послѣ тала въ насажденіяхъ, собственно по дорогамъ, принадлежитъ шелковицѣ (тутѣ), хотя медленно растущей, но весьма соответствующей для такихъ посадокъ. Дѣло въ томъ, что шелковица, какъ дерево плодовое и при томъ дающее листья для питанія шелковичныхъ червей, искони

пользуется у туземцевъ подобающимъ почетомъ, охраняющимъ его отъ истребленія и всякой порчи, гдѣ бы оно ни росло. О распространеніи этого, безспорно полезнаго дерева, настолько заботились еще ханы и беки, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ намъ многія вѣковыя аллеи шелковицы въ окрестностяхъ Самарканда. Въ подражаніе своимъ правителямъ, находились и частные лица, дѣлавшія такія же насажденія, съ благотворительною цѣлью (худаи), при мечетахъ, странно-пріимныхъ домахъ (календарь-хана) и по дорогамъ; и вотъ такія тѣнистые аллеи и сады тута, составляя общее достояніе, даютъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ своими сахаристыми, свѣжими плодами пропитаніе значительной части бѣдняковъ и, въ особенности, пришлымъ поденщикамъ, для которыхъ ягоды тута съ лепешкой замѣняютъ и супъ и мясо. Зная такія благодѣтельныя свойства шелковицы, туземецъ рѣшается срубить дерево въ своемъ саду только въ крайности, а растущія по дорогамъ деревья остаются положительно неприбосновенными, достигая трехсотлѣтнаго возраста (въ селеніи Дагбитѣ).

Въ особенности огромное значеніе имѣть шелковица въ хозяйствѣ горцевъ: Благодаря свойствамъ мергелевой почвы и теплому климату, въ горахъ шелковица растетъ скорѣе, разбрасываетъ свою крону шире, даетъ плоды крупнѣе и сахаристѣе. А такъ какъ землепашество горныхъ селеній самое ограниченное, не болѣе двухъ десятинъ на семью въ среднемъ распределеніи, то высушенный тутъ (тутъ-маизъ) и приготовленная изъ него мука (тутъ-таіканъ) положительно составляютъ для мѣстныхъ жителей суррогатъ хлѣба и цѣняется въ 50 копѣекъ за пудъ такой муки изъ ягодъ шелковицы, причемъ одно сорокалѣтнее дерево въ урожайный годъ даетъ до 160 фунтовъ сушеныхъ ягодъ. При такихъ условіяхъ, усиливающихся еще значительнымъ развитіемъ въ горныхъ осѣдлостяхъ шелководства, тутовыя деревья, гдѣ бы они ни росли, составляютъ въ горахъ личную, а не общественную собственность и весьма часто бываютъ въ отдельности предметомъ продажи, аренды, завѣщанія или наследства, какъ это замѣчается

и въ Бухарѣ, гдѣ всякое дерево, растущее и на дорогѣ, имѣть собственника.

При своей непрятательности къ водѣ, шелковица встрѣчается въ Самаркандскомъ отдельѣ повсюду, не исключая и маловодныхъ нагорныхъ селеній, а въ волостяхъ, ближайшихъ къ Самарканду, какъ имѣющихъ въ каждомъ селеніи исконное значительное шелководство, она мѣстами преобладаетъ количествомъ надъ всѣми другими породами деревьевъ, причемъ во многихъ хозяйствахъ ягоды тута также собираются, высушиваются и поѣдаются какъ лакомство.

Къ этимъ отличительнымъ свойствамъ шелковицы, поддерѣжающимъ постоянный спросъ на нее, присоединяются также и прекрасныя качества прочной, не поддающейся сырости и гніевію древесины ея, имѣющей не малое примѣненіе въ строительномъ дѣлѣ, въ особенности для фундамента и связей сакель, мечетей, для мостовыхъ устоевъ и свай, для укрѣпленія береговъ общественныхъ цистернъ и для разныхъ подѣлокъ.

Естественно, что такое широкое и разнообразное примѣненіе этого дерева, вѣками окрѣпшее, издавна пріучило туземцевъ пѣнить его, пріучило и разводить различныя породы тута.

Изъ многихъ породъ шелковицы въ Самаркандскомъ отдельѣ наиболѣе распространены: *хассакъ-тутъ* — дикая шелковица, разводимая посѣвомъ и служащая для прививки къ ней другихъ видовъ; *балхи-тутъ* прививная, дающая крупныя ягоды и отличающаяся густой кроной съ толстыми, глянцевитыми листьями; *марваритакъ*, выдающійся высокимъ стволомъ, мелкими листьями, продолговатыми ягодами, и *ша-тутъ*, царская шелковица, приземистая, густолиственная, съ темно-красными кисловатыми ягодами, употребляемыми туземцами какъ лѣкарство и также для окраски пряжи въ синій цветъ. Послѣдній видъ тута, какъ имѣющій ограниченное примѣненіе, встрѣчается очень рѣдко, отдельными экземплярами въ садахъ, при мечетяхъ. Изъ прочихъ породъ тута наиболѣе распространенъ

балхи и затѣмъ хассакъ-туть, какъ дающій мелкие листья, наиболѣе любимые шелковичными червями.

По своему значительному спросу, хассакъ-туть разводится каждогодно въ огромномъ количествѣ туземцами селеній, ближайшихъ къ Самарканду, остающемуся и теперь главнымъ рынкомъ для сбыта молодняковъ различныхъ породъ деревьевъ.

Деревца хассакъ-тути, служащія дичками для прививки другихъ породъ, получаются посѣвомъ сѣянъ шелковицы. Обыкновенно для такихъ питомниковъ выбираютъ въ саду участокъ о-бокъ съ виноградникомъ, не затѣняемый деревьями. Съ февраля мѣсца, унавозивъ землю, пропахавъ ее пять—восемь разъ, разбивъ пятикратной бороной или кетменемъ оставшіеся комья, приготовляютъ параллельные низкія грядки (собы, джуз), проводя по окраинамъ ихъ борозды и въ концѣ марта высѣваютъ прошлогоднія сѣмена шелковицы, предварительно выдержавъ ихъ одни сутки въ водѣ. На неистощенной землѣ, достаточно воздѣланной удобрениемъ и многократной вспашкой, всходы показываются обыкновенно чрезъ три недѣли и, при частой поливѣ, чрезъ каждые 10 дней, сѣянцы достигаютъ въ концу году роста около одного фута, причемъ требуется выпалываніе сорныхъ растеній по брайней мѣрѣ восемь разъ въ теченіе лѣта. Эти годовые сѣянцы оставляются еще на годъ, а затѣмъ выкапываются въ мартѣ мѣсцѣ изъ чащи, для посадки въ отдельный питомникъ, изъ которого они продаются рѣдко въ двухлѣтнемъ, чаще въ трехлѣтнемъ и нерѣдко въ пятилѣтнемъ возрастѣ. Этотъ послѣдній питомникъ, съ двухлѣтними саженцами особенной обработки не требуетъ, но рядовая посадка саженцевъ дѣлается на разстоянія одного фута одинъ отъ другого, а поливка и очищеніе сорныхъ растеній требуется значительно рѣже.

Такой же совершенно пріемъ культуры дѣйствуетъ и въ питомникахъ съ сѣянцами и саженцами фруктовыхъ породъ деревьевъ, съ тою только разницей, что посѣвъ ихъ значи-

тельно рѣже посѣва шелковицы, дающей до одного миллиона годичныхъ и двухгодичныхъ съянцевъ съ одного танапа земли и до пятнадцати тысячъ трехлѣтнихъ саженцевъ съ такого же участка въ  $\frac{1}{4}$  десятины.

Хотя большинство владѣльцевъ такихъ питомниковъ обрабатываютъ ихъ сами, при содѣйствіи своихъ домашнихъ, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ, тѣмъ не менѣе изъ рассказовъ ихъ намъ представляется полная возможность выяснить количество затрачиваемой рабочей силы и размѣръ валового дохода отъ такихъ плантаций. Для одного танапа съянцевъ расходъ будетъ слѣдующій: 100 кановъ (50 пудовъ) навоза—8 руб., пятикратная вспашка и бороновка—10 руб., приготовленіе грядокъ (20 рабочихъ) 6 рублей, высѣвъ пяти фунтовъ сѣмянъ (5 рабочихъ) 2 руб., пятикратная полотьба (100 рабочихъ) 30 рублей, выкопка двухлѣтнихъ съянцевъ для посадки ихъ (20 рабочихъ) 5 руб., всего 60 рублей. Для трехлѣтнихъ саженцевъ въ исчисленному расходу прибавляется только расходъ въ 100 рублей для одного танапа на пятикратную вспашку, на приготовленіе грядокъ (20 рабочихъ), на посадку (40 рабочихъ) и выкопку 15000 саженцевъ (250 рабочихъ), такъ какъ воспитаніе двухлѣтковъ въ такомъ питомнике не требуется ни частой поливки, ни какой-либо полотьбы.

Изъ этого расчета видно, что въ *туземномъ* хозяйствѣ одинъ миллионъ однолѣтнихъ съянцевъ помѣщается на одномъ танапѣ и обходится въ 60 рублей, а такое же количество трехлѣтнихъ саженцевъ требуетъ уже для себя шестьдесятъ танаповъ земли и вызываетъ всего расхода около *десяти тысячъ* рублей.

Сообразно стоимости воздѣлыванія плодовыхъ породъ деревьевъ, цѣны на нихъ стоятъ въ Самаркандѣ слѣдующія:

Саженцы:	3-хъ лѣт.	6-ти лѣт.
Тутъ . . . . .	1—2 руб.	10—15 руб.
Абрикосы . . . . .	3—5 "	12—20 "
Вишни . . . . .	1—3 "	5—10 "
Персикъ . . . . .	3—5 "	8—10 "
Миндаль . . . . .	20—30 "	50—60 "
Орехъ . . . . .	15—20 "	30—40 "
Яблок.-гранаты .	3—5 "	12—20 "
Винные ягоды .	6—10 "	15—20 "
Груша . . . . .	30—40 "	60—80 "
Айва . . . . .	6—10 "	15—20 "
Черешня . . . . .	20—30 "	50—60 "

Однолѣтніе же саженцы на базары вовсе не вывозятся, а если случается для кого-либо изъ хозяевъ спросъ на нихъ, то сотня однолѣтнихъ съянцевъ продается не дороже пяти копѣекъ.

Мы намѣренно, для послѣдующихъ сравненій и выводовъ, привели здѣсь полныя свѣдѣнія о существующихъ издавна у туземцевъ приемахъ разведенія культурныхъ породъ деревьевъ, о стоимости обработки и содержанія такихъ питомниковъ, о доходности ихъ. Ручаясь за полную достовѣрность приведенныхъ свѣдѣній, мы считаемъ ихъ весьма цѣпными и поучительными для тѣхъ господъ, которые, распоряжаясь специальными кредитами, обладая теоретическими знаніями, работая въ питомникахъ по приготовленію саженцевъ руками такихъ же мардекеровъ-поденщиковъ, получаютъ, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ иные результаты, и количественные и качественные. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому очень серьезному и, признаюсь, нѣсколько щекотливому вопросу о специальныхъ приемахъ лѣсоразведенія за послѣднія шесть лѣтъ, намъ придется возвратиться къ обзору всѣхъ предшествовавшихъ мѣръ по лѣсоводству.

Достаточно очертивъ полную интенсивность дѣятельности мѣстной администраціи по распространенію древесныхъ насажденій въ культурномъ оазисѣ, и отметивъ, что населеніе было

всегда отзывчиво къ этимъ требованіямъ, такъ какъ его не стѣсняли въ выборѣ тѣхъ породъ деревьевъ, съ которыми оно прожило много вѣковъ, мы однако не возьмемъ на себя смѣлость выразить эти не малые результаты работы десятка лѣтъ въ общихъ цифрахъ, потому что тогда никому не приходило въ голову слѣдить за количествомъ посадокъ въ каждомъ хозяйствѣ. Можемъ повторить только, что теперь вся долина Зеравшана представляется непрерывнымъ садомъ; можемъ заявить, что на протяженіи тысячи верстъ большихъ и малыхъ дорогъ Самаркандскаго отдѣла насчитывается, приблизительно, около полутора миллиона деревьевъ преимущественно тала; можемъ засвидѣтельствовать, что туземцы отлично понимаютъ потребность въ древесныхъ насажденіяхъ и уже давно обходятся безъ напоминаній, по крайней мѣрѣ касательно подсадокъ на собственной землѣ. Это сознаніе установилось въ населеніи прежде всего нагляднымъ доказательствомъ пользы отъ такихъ насажденій, вслѣдствіе возрастающаго спроса на лѣсъ, на топливо, вслѣдствіе рациональной постановки дѣла со стороны администраціи, постоянно разъясняющей населенію, что посадки принесутъ въ будущемъ большую пользу; что насажденія не требуется распространять на пашняхъ въ ущербъ полеводству, что по дорогамъ слѣдуетъ давать подсадки только тамъ, где они не гибнутъ отъ свойства почвы или слишкомъ каменистой, или слишкомъ сырой (захъ-кешъ); что посадки по дорогамъ отнюдь не должны пользоваться поливью въ ущербъ поливки соседнимъ пашнямъ. Населеніе чувствуетъ, что ему совѣтуютъ дѣло и относится въ совѣтамъ и требованіямъ довѣрчиво.

Напротивъ, прислушайтесь къ толкамъ узбековъ такихъ районовъ, где какой нибудь угодничавшій дѣятель выводить въ струну степную дорогу, бесполезно открывая боковые канавы, разсаживаетъ страшными усилиями пахара акаціи и бегоніи на безводныхъ, возвышенныхъ участкахъ дороги или въ такихъ мѣстахъ, где сама природа противится такимъ посадкамъ—и, разумѣется, услышите отъ населенія очень вѣрную

и очень нелестную аттестацію такому „золотому“ усерднику и его требованіямъ, нерѣдко гоняющимся за декораціями во что бы то ни стало, безъ малѣйшей заботы о существенномъ благѣ трудолюбиваго, трезваго, покорнаго земледѣльца.

Насколько оказались успешными въ Зеравшанскомъ округѣ мѣры распространенія древесныхъ насажденій, настолько же были рациональными и плодотворными первоначальные мѣры лѣсоохранительныя.

Хотя въ первые годы послѣ занятія края и присоединенія горныхъ бекствъ администрація имѣла весьма приблизительное представление о лѣсахъ, составленное бѣглымъ обзоромъ горъ во время военной экспедиціи, тѣмъ не менѣе она уже въ началѣ стала пристально слѣдить за лѣсопромышленностью и углепромышленностью горцевъ, поставлявшихъ тогда и строительный материалъ и древесный уголь для всей долины Зеравшана, включительно съ Бухарою. Тогда уже было сочтено необходимымъ ограничить въ нѣкоторыхъ горныхъ районахъ рубку арчи и время отъ времени периодически устанавливались воспрещеніе сплава этого дерева за предѣлы округа, а плоты, посыпавшіеся горцами для Самарканда, облагались незначительной пошлиной съ тою же цѣлью уменьшенія размѣра рубки арчи для строительного дѣла. Эти временные, местныя мѣры принесли, разумѣется, свою долю пользы, но они все же были недостаточными, потому что спросъ не стѣснялся пошлиной и сплавъ арчи продолжался съ частыми случаями контрабанднаго отправленія для Бухары.

Такому усиленному спросу на арчу для строительного дѣла много способствовало долго державшееся обложение высокой пошлиной, въ 30% стоимости, строевого тополя въ долинѣ. Эта пошлина, оставшаяся намъ въ наслѣдство отъ ханскаго правительства, давала самый незначительный доходъ округу и заставляла населеніе чувствовать эту охранительную мѣру для низменнаго лѣса настолько, что разведеніе его въ долинѣ казалось вполнѣ невыгоднымъ и потому значительно сократилось. Только чрезъ семь лѣтъ такого старателнаго охраненія

искусственныхъ насажденій, администрація убѣдилась, что эта мѣра даетъ отрицательный результатъ для лѣсводства долины, легко и скоро возобновляемаго, влечетъ усиленное истребленіе медленно растущей арчи для строительныхъ потребностей, прогрессивно возвышається цѣны на строительный материалъ и угрожаетъ совершенному прекращенію разведенія тополя для промышленныхъ цѣлей. Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы въ 1877 году отмѣнить окончательно пошлину съ продаваемаго лѣса долины и обратить болѣе тщательное вниманіе на горный лѣсъ, все еще составлявшій для насъ *terra incognita*, оставающійся и теперь мало изслѣдованнымъ, почти непозѣстнімъ для специалистовъ, вѣдающихъ лѣсное дѣло въ округѣ.

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что наиболѣе существенное вниманіе горному лѣсу со стороны мѣстной администраціи начало обозначаться непосредственно послѣ напечатанія въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1877 году, весьма подробнаго изслѣдованія объ эксплоатації горнаго лѣса. До появленія этихъ статей, съ убѣдительными цифровыми данными, съ приблизительными свѣдѣніями о количествѣ лѣса, никто не имѣлъ представлія о томъ, что главный врагъ горной арчи не лѣсопромышленникъ, а топоръ угольщиковъ, оголившій ближайшія къ Самарканду горы и неудержимо пробирающійся, силою потребности, въ отдаленные горы, въ трудно доступныя, скалистыя выси.

Выяснивъ размѣръ каждогодной порубки горнаго лѣса для плаотовъ и для углепромышленности, опредѣливъ ближайшія гибельныя послѣдствія такого хищническаго лѣсоистребленія, намѣтивъ необходимость отмѣны пошлины съ продаваемаго низменнаго, искусственнаго лѣса, вышеупомянутое изслѣдованіе предложило вмѣстѣ съ тѣмъ дать отдыхъ горному лѣсу, начать изысканія къ примѣненію минеральнаго отопленія и начать опыты лѣсоразведенія, обративъ вниманіе на соответствующія климату породы деревьевъ: акаціи, айлантуса и шелюги для укрѣпленія песковъ.

Не станемъ разбирать недостатковъ названнаго изслѣдо-

ванія, не станемъ предугадывать, какое оно имѣло вліяніе на послѣдовавшія въ 1879 году общія для всего Туркестана мѣропріятія по лѣсоохраненію, но и не откажемся заявить, что въ изслѣдованіи этомъ просвѣчиваютъ такие выводы, которыхъ до сихъ поръ никто не опровергалъ, хотя лѣсному вопросу посвящено не мало страницъ и въ капитальномъ сочиненіи г. Миддендорфа: „Очерки Ферганской долины“

Чтобы не возвращаться къ названной статьѣ „Эксплоатація горнаго лѣса въ Зеравшанскомъ округѣ“, въ дальнѣйшей нашей работѣ по этому вопросу мы позволимъ себѣ цитировать здѣсь тотъ столбецъ № 15 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1877 годъ, въ которомъ сгруппированы доказательства вліянія истребленія лѣса на уменьшеніе количества воды въ рѣкахъ бассейна Зеравшана. Вотъ что мы встрѣчаемъ тамъ въ защиту лѣсовъ:

„Не можетъ быть такимъ образомъ и сомнѣнія въ важномъ значеніи для горъ лѣсовъ, между прочимъ, какъ оплата отъ разрушительного дѣйствія потоковъ. Къ этой, самой существенной и наглядной услугѣ, оказываемой деревьями человѣку, присоединяется также вліяніе лѣсовъ на поддержаніе источниковъ, какъ естественныхъ питомниковъ рѣкъ. Можно сказать, что значительное уменьшеніе количества воды въ Зеравшанѣ, которое подтверждается столько же современнымъ положеніемъ русла этой рѣки относительно береговъ, сколько и образовавшимися въ этой долинѣ пастбищными степями, составляетъ прямое слѣдствіе совокупности трехъ причинъ: 1) значительной водопоглощаемости разрыхленными горными породами; 2) постепеннымъ сокращеніемъ верхнихъ ледниковъ; 3) значительнымъ уменьшеніемъ количества воды въ Зеравшанѣ, вслѣдствіе уничтоженія въ горахъ лѣсовъ, способствовавшихъ прежде образованію источниковъ. Предполагаемое дѣйствіе этой послѣдней причины можно отчасти видѣть на другомъ примѣрѣ: вытекающая изъ сѣвернаго склона Зеравшанскаго кряжа, на меридианѣ Самарканда, когда-то многоводная рѣка *Кара-тюбе* текла за кишлакъ Кенегесъ, на

пространствъ траддати верстъ въ длину и полверсты въ ширину. Въ то время, 26 лѣтъ тому назадъ, берега истоковъ ея ручьевъ: Шахакъ (восточный), Тахта-карача (западный) и весь сѣверный склонъ этой части Зеравшанскаго кряжа покрыты были густою древесною растительностью, сберегавшею и источники, которыми питалась рѣка Кара-тюбе, и травяную растительность, прокармливавшую стада скотовладѣльцевъ. Съ вырубкою, 20 лѣтъ назадъ, лѣса, до совершенного оголенія горъ, количество воды въ Кара-тюбе уменьшилось, по сказанію стариковъ землепашцевъ, значительно, что обозначается позоженіемъ русла относительно береговъ и замѣтнымъ сокращеніемъ запашекъ".

Представляя судить специалистамъ, насколько правильнъ цитированный выводъ въ общемъ и въ частности, обратимся въ слѣдующей статьѣ къ разсмотрѣнію лѣсоохранительныхъ и лѣсоводственныхъ мѣръ позднѣйшаго времени.

Намъ приходится теперь разобрать значеніе для Зеравшанской долины лѣсоводственныхъ и лѣсоохранительныхъ мѣръ позднѣйшихъ, начавшихся, по предложенію мѣстной администраціи, вскорѣ послѣ подробныхъ сообщеній о гибели горнаго лѣса, напечатанныхъ въ статьяхъ Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1877 годъ. Для болѣе правильнаго выполненія этой задачи приходится напомнить прежде всего, что зеравшанскій туземецъ давно оцѣнилъ значеніе спроса на топливо и на строительный материалъ, давно постигъ, что спросъ этотъ будетъ развязываться и что предложеніе не должно отставать отъ спроса. Подъ вліяніемъ такого сознательнаго стимула, какъ говорилось и раньше, мѣстный земледѣлецъ сталъ заботиться о насажденіи деревьевъ въ ирригационныхъ районахъ уже въ первые годы послѣ присоединенія къ Туркестану Зеравшанской долины. Въ этомъ отношеніи онъ не нуждался въ сильныхъ побужденіяхъ, и близайшей администраціи приходилось только ограничиваться советами, да требованіемъ, въ интересахъ общаго блага, распространенія насажденій по дорогамъ, въ чемъ и удалось сдѣлать огромные успѣхи до 1879 года.

Плоды такого правильнаго пониманія народной жизни, ее свойствъ и ея потребностей обозначились весьма наглядно, еще до позднѣйшихъ мѣръ, громаднымъ развитіемъ искусственного лѣсонасажденія въ долинѣ.

Не связанный придиричными требованіями или контролемъ, каждый земледѣлецъ стремился воспользоваться свободнымъ клошкомъ землизы по арыкамъ, по окраинѣ пашни, въ саду, чтобы посадить нѣсколько штукъ или десятковъ такихъ деревьевъ, какія болѣе во двору ему; разумѣется, въ насажденіяхъ отводилось первое мѣсто высокоприбыльному талу, а затѣмъ и тополю. Когда черезъ пять лѣтъ таловыя насажденія начали приносить доходъ добычей дровъ и угля, туземецъ принялъ за насажденія еще настойчивѣе и такимъ образомъ замѣтно было каждому, что къ 1879 году почти не оставалось въ долинѣ свободнаго, безлѣснаго пространства, а напротивъ, являлось сомнѣніе: не уступаетъ ли полевая культура свое почетное мѣсто лѣсоводству? Но ближайшее знакомство съ сельскою жизнью убѣждало, что полевой культурѣ никакая опасность не грозитъ, что туземецъ распоряжается насажденіями весьма благоразумно, стараясь не обременить ими не только своихъ, но и сосѣдскихъ пашень. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: мѣстные руководители хорошо сознавали, что сельское хозяйство не забава праздныхъ людей, а такая почтенная промышленность, которая не легко можетъ усвоивать бюрократические рецепты, если они не отвѣчаютъ забоямъ и потребностямъ жизни. Просвѣщенные распорядители понимали, что не только въ Азіи, но и на западѣ, несмотря на успѣхи промышленной цивилизациі, со всѣхъ сторонъ напирающей, таѣз сказать, на современный бытовойстрой народной жизни, онъ остается прежнимъ и громадное большинство земледѣльческаго общества продолжаетъ тяготѣть въ своимъ традиціоннымъ порядкамъ, сознательно отставая свои исконные соціальные и экономические идеалы.

Земледѣлецъ, съ своей стороны, чувствовалъ себя свободнымъ отъ административной опеки надъ его хозяйствомъ и досуга въ Туркестанѣ.

продолжать вести его тѣмъ правильнымъ путемъ, которымъ давно уже выработана и закрѣплена высоко интенсивная полевая культура съ плодоперемѣнной системой, съ разнообразнымъ удобренiemъ, съ такою артистическою обработкою почвы, которая даетъ урожаи въ семь-пятьдесят, а мѣстами — въ двойную жатву.

Проявлялись, разумѣется, и въ тѣ давно минувшіе годы такие наѣзжие благожелатели, которые, считая туземцевъ тупыми лѣнтями, принимались прописывать имъ рецепты, въ родѣ введенія въ хозяйство картофеля и кукурузы вместо ячменя и пшеницы, въ родѣ замѣны существующихъ лучшихъ породъ риса такъ называемымъ суходольнымъ (правильнѣе мокродольнымъ) рисомъ; но ихъ предложения не пошли дальше опытовъ на казенные суммы, дальше толстыхъ отчетовъ и дальше похвалы предъ начальствомъ.

На туземное хозяйство такие эксперименты псевдо-спеціалистовъ ровно никакого вліянія не оставили, потому что предложения нисколько не отвѣчали мѣстнымъ условіямъ хозяйства и жизненной потребности. Туземецъ только подсмѣшивался надъ усилиями чиновника получать высшій урожай риса посѣвомъ его по влеверу, съ уменьшенной поливкою, и если получать даровыя сѣмена этого суходольного риса, то исправно сѣдалъ ихъ, потому что онъ уразумѣлъ непригодность ихъ для своего хозяйства.

Много лѣтъ, много средствъ, много чернилъ въ отчетности было потрачено на такие опыты улучшения полевой культуры, а въ результатѣ получилось позднее сознаніе несостоятельности рецептовъ, упраздненіе казенныхъ плантацій и, разумѣется — плохой уроекъ для тѣхъ самыхъ туземцевъ, которыхъ третировали какъ незнаекъ и лѣнтяевъ.

И послѣ такихъ неудачъ, превратившихъ учителей въ учениковъ, какъ смѣшино и обидно слышать часто самодовольную похвалу вѣкоторыхъ заправителей этимъ дѣломъ, что туземецъ позаимствовалъ отъ нихъ „то-то“ и „это“. Одинъ, напримѣръ, любитель проектовъ и всяческихъ услугъ увѣряетъ,

что краснѣя, своего патрона, что туземцы отъ него выучились дѣлать веревки изъ пеньки; другой разсказываетъ, что до опыта на казенной плантаціи туземцы не знали полезнаго примѣненія кунжутныхъ жмыховъ на кормъ скота, не знали потребности вымочки сѣмянъ предъ посѣвомъ. На повѣрку же оказывается, что пеньковые веревки приготовляютъ уже лѣтъ двѣсти, а жмыхи (кунджала) скармливаются скотомъ у туземцевъ съ незапамятныхъ временъ... И по этой части имъ совсѣмъ не приходится у насъ учиться, такъ какъ мѣстный пахарь дѣйствительно знаетъ „языкъ земли“, знаетъ „языкъ воды“ (оропенія); большинство же нашихъ рецептаріусовъ отъ агрономіи знаетъ, можетъ быть, свои книжки, но не знаетъ мѣстной сельско-хозяйственной жизни и ея требованій. Нечего и удивляться поэтому, что не соответствующіе совѣты, не соответствующія требованія вѣкоторыхъ циркуляровъ, при полномъ усердіи исполнительныхъ органовъ, ровно никакого вліянія на жизнь не оставляютъ, вызывая въ туземцахъ лишь одно удивленіе нашей щедрости на дорогіе опыты и нашей непрактичности.

Наоборотъ, склонный къ подражанію туземецъ охотно вводить въ систему полевого хозяйства новые продукты, новые приемы обработки почвы, если онъ увидѣлъ, хотя на частномъ примѣрѣ, ихъ удобопримѣнимость, ихъ полезность. Никто вѣдь не училъ туземцевъ воздѣлывать огородные овощи, начиная отъ салата исключительно до спаржи, введенный въ край европейцами, воздѣлывать табакъ, разводить домашнихъ утокъ и гусей, а между тѣмъ всеѣ большие города Туркестана получаютъ теперь эти продукты исключительно отъ туземцевъ, потому что эта промышленность оказалась для нихъ весьма прибыльною. Никто не навязывался къ сельскимъ узбекамъ съ совѣтами и съ тѣмъ паче требованіямъ испытать посѣвъ ячменя невиднаго риса, такъ называемаго, арпа-шали, а между тѣмъ этотъ родъ риса, впервые завезенный сюда лѣтъ двадцать назадъ какимъ-то странникомъ муллой, распространенъ теперь по всей долинѣ и вытесняетъ исконныя породы этого злака,

красный рисъ и бѣлый рисъ, потому что арпа-шалы даютъ постоянно прекрасный урожай и отличается хорошими качествами зерна, тогда какъ суходольный рисъ не выдерживаетъ гармсиля и плохо обдирается на туземномъ абдажаазѣ. Так же точно развилась здесь, всего лѣтъ тридцать тому назадъ, и культура табаку, требующая отъ земледѣльца много труда, много удобренія, но и дающая за то доходъ болѣшій, чѣмъ огороды, чѣмъ рисъ и джугара.

Словомъ, бережливый, практический мѣстный земледѣльецъ хотя и консервативенъ по самому характеру его занятія, тѣмъ не менѣе онъ достаточно чутокъ, достаточно воспріимчивъ ко всему дѣйствительно полезному для хозяйства, дѣйствительно выгодному и главное—доступному для его скромнаго бюджета. Послѣднее обстоятельство—ограниченность средствъ мѣстнаго земледѣльца, крайняя раздробленность землевладѣнія, считающая крупнымъ собственникомъ владѣльца двадцати десятины орошенной земли, часто вовсе не принимается въ разсчетъ такими авторами проектовъ, которые, привыкнувъ производить опыты на казенные суммы, не могутъ понять, что туземецъ не въ состояніи вводить улучшенія въ хозяйственномъ инвентарѣ, не въ состояніи отдать какимъ-нибудь непроизводительнымъ затѣямъ и клочка земли своего небольшого поля, пначе ему пришлось бы голодать.

Разумѣется, судьба такихъ кабинетныхъ затѣй, преслѣдующихъ не столько благо страны и населения, сколько декоративность, побужденія тщеславія и потребность чѣмъ нибудь заняться, чѣмъ нибудь заявить себѣ,—полная безрезультатность и скорое забвеніе ихъ, или же разрушительное влияніе на частное хозяйство и продолжительное, заслуженное порицаніе.

Наоборотъ, мѣра практическая, основанная на знаніи соціальной, экономической жизни населения и ея требованій, сразу прививается, достигаетъ искомой цѣли, даетъ блестящій результатъ и надолго остается въ памяти общества. Какъ примеръ, мы можемъ вспомнить изданіе въ 1878 году мѣръ противъ денежной эксплоатациіи туземнаго населения пришлыми

индійцами. Правильно сдѣланная въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1877 годъ разоблаченія этой хищнической дѣятельности горсти индійцевъ, вывозившихъ изъ края въ золотѣ трудовыя сбереженія мѣстнаго населения, обратили вниманіе высшей власти и установленные циркуляромъ ограничительныя правила для этихъ проценторовъ-сосуновъ (сұтхуры) привели къ тому, что въ настоящее время въ Зеравшанскомъ округѣ остаются только четыре индійца, оканчивающіе свои дѣла по денежнѣмъ заемамъ; а лѣтъ восемь тому назадъ ихъ числилось до 4000 человѣкъ! Такое же благотворное влияніе на жизнь этой части Туркестана оказало, нѣсколько лѣтъ спустя, открытие для населения ссудныхъ кассъ, доставляющихъ теперь нуждающимся дешевый, доступный и главное—своевременный кредитъ раздачею денегъ предъ наступлениемъ полевыхъ работъ.

Несомнѣнно, что и общія лѣсоохранительныя мѣры, изданныя для всего края въ 1879 году, оставили замѣтный ужѣ и теперь слѣдъ увеличеніемъ древесной и кустарной растительности въ горахъ; но они же способствовали значительному опустошенню степного лѣса, на возстановленіе которого едва ли можно надѣяться.

Давъ толчекъ еще большему развитію искусственныхъ насажденій въ измѣненной части долины, вмѣстѣ съ тѣмъ эти мѣры абсолютнаго воспрещенія рубки горнаго лѣса заставили туземцевъ приняться за углеобжиганіе въ долинѣ, на счетъ фруктовыхъ деревьевъ; заставили бухарцевъ замѣнять при своихъ постройкахъ арчу, служившую для фундамента и обвязы, тутоюмъ деревомъ, съ истребленіемъ котораго неизбѣжно сократится и процеѣставшее до сихъ поръ во всемъ Зеравшанскомъ оазисѣ шелководство.

Когда взвѣсишь такимъ образомъ отрицательное значеніе этой лѣсоохранительной мѣры, когда вспомнишь, что площадь, занимаемая горнымъ лѣсомъ, остается неизслѣдованною, что многие участки лѣса переполнены валежникомъ и переростомъ, гибнущими и расположивающими вредныхъ насѣкомыхъ,—неиз-

бѣжно встрѣчаемся съ вопросомъ: не полезнѣе ли было бы, вмѣсто общаго воспрещенія рубки горнаго лѣса, установить правильное лѣсопользованіе, безъ всякой таксы и пошлины, прымѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ въ лѣсѣ для строительного дѣла и для углеобжиганія.

Оставляя этотъ важный вопросъ для дальнѣйшей разработки специалистамъ и тѣмъ распорядителямъ, въ вѣдѣніи которыхъ остается горный лѣсъ, мы приведемъ къ ихъ свѣдѣнію и мнѣніе по этому же предмету г. Миддендорфа. Вотъ что говорится на страницѣ 321 книги „Очерки Ферганской долины“: „необходимо начать съ запрещенія свободного пользованія тѣми лѣсными участками, которымъ угрожаетъ дѣйствительная опасность; общаго же запрета быть не должно. Постоянно распространяя опеку надъ лѣсомъ, навѣрно придуть къ убѣжденію, что онъ въ наибольшей части своего протяженія можетъ и долженъ быть предоставленъ въ свободное пользованіе. На что главнымъ образомъ расходуется лѣсъ? На углеобжиганіе, въ виду стародавней привычки употреблять древесный уголь для различныхъ надобностей. Мы сдѣлали очень пріятное открытие: до настоящаго времени въ обычай было пережигать на угль лишь мелкій лѣсъ. Не говоря уже о рынкахъ, я въ Наманганскомъ уѣзда осматривалъ выюки лошадей, спускавшихся съ горъ, и къ удивленію моему нашелъ, что обугленныя польни были не толще двухъ дюймовъ въ диаметрѣ. Теперь только, мнѣ кажется, я отгадалъ въ чемъ дѣло: наибольшимъ спросомъ пользуется превосходный уголь изъ фисташковаго дерева, которое не образуетъ толстыхъ стволовъ. Сдана въ аренду плодовыхъ деревьевъ этого рода, конечно, должна ставить препятствіе такому, изстари заведенному хозяйствничанью; по повсюду таѣтъ многое годнаго для углеобжиганія олажника, повсюду таѣтъ многое безполезно торчащихъ на ствалахъ сухихъ сучьевъ, что во многихъ мѣстахъ еще не малый рядъ лѣтъ можетъ быть допущено и даже поощряемо исключительное пережиганіе плодовыхъ деревьевъ на уголь. Установленіе запрещенія было бы

ошибкою. Рѣчь можетъ идти лишь о руководящемъ надзорѣ. Затѣмъ, кромѣ повалившихъ стволовъ, надлежало бы срубить перестойные, сухоподстойные и порочныя деревья, освободить молоднякъ отъ заглушающихъ его деревъ и прорѣдить лѣсъ, въ видахъ болѣе быстраго подростанія его; сдѣлать все это чрезвычайно необходимо, ибо повсемѣстно торчатъ засохшіе стволы. Тогда было бы добыто нужное количество топлива, туземцы получили бы занятія и заработокъ, лѣсъ былъ бы приведенъ въ надлежащій порядокъ, а потребность въ немъ была бы въ будущемъ гораздо болѣе обеспечена, нежели въ случаѣ запрета пользованія лѣсомъ. Слѣдовало бы постепенно отъ лѣсосѣки къ лѣсосѣбѣ“.

Теперь, обращаясь къ обзору позднѣйшихъ мѣръ лѣсопроизводственныхъ, мы должны сказать, что и они были предметомъ заботъ мѣстной администраціи еще въ первые годы присоединенія къ Туркестану Зеравшанской долины. Но, какъ было говорено ужѣ, тогда, при сознаніи всей важности лѣсного вопроса, задавались цѣлью облѣсенія только районовъ искусственного орошенія, стараясь вести дѣло безъ денежныхъ затратъ и прымѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, какъ физическимъ, такъ и сельско-хозяйственнымъ, причемъ никакъ не заботились, правда, о распространеніи европейскихъ породъ деревьевъ на счетъ мѣстныхъ.

Но вотъ, съ 1879 года, подъ вліяніемъ „специальныхъ“ докладовъ, вопросъ лѣсной вступаетъ на совершенно новый путь, съ такой широкой научной, какъ тогда считали, постановкой, которая обѣщала краю очень многое. Прежде всего, населенію поставлена была въ обязательство посадка деревьевъ на орошаемыхъ поляхъ и вдоль арыковъ, „причемъ установлено“, чтобы каждымъ землевладѣльцемъ было посажено на десятинѣ не менѣе ста деревьевъ по окраинамъ полей, безъ стѣсненія, впрочемъ, жителей величиною участковъ, но съ тѣмъ, чтобы таковые, если они будутъ больше противъ указанныхъ размѣровъ, заключали въ пропорционально большее число деревьевъ. Такъ, напримѣръ, если бы земледѣльцу, по

какимъ либо причинамъ, необходимо было оставить открытымъ участокъ въ 10000—12000 квадр. сажень, то: соответствующие величинѣ этого участка 400 деревьевъ онъ можетъ посадить какъ ему вздумается. Такъ какъ это требование было обставлено, съ одной стороны, советами и указаниями туземцамъ въ какихъ мѣстахъ можно садить таль, а въ какихъ его слѣдуетъ замѣнить посадкою карагача, джигды, боярышника и т. д., а съ другой—обѣщаніями строгаго контроля съ наложеніемъ денежныхъ штрафовъ, то разумѣется оно повліяло на туземцевъ весьма сильно. Къ сожалѣнію, это требование рѣшительно не принесло ожидаемой пользы, потому что, какъ мы позволимъ себѣ высказать, оно не отвѣчало дѣйствительной потребности оазиса, переполненнаго древесными насажденіями и воздѣланнаго полеводствомъ до послѣдняго клочка земли.

Хотя ближайшая къ населенію администрація и приложила все стараніе къ растолкованію землепашцамъ пользы этой мѣры и легчайшихъ способовъ выполненія ея, тѣмъ не менѣе результаты нисколько не оправдали ни заботъ, ни ожиданій. Вполнѣ сознавая важность предложенной мѣры, выполняя посадки изъ года въ годъ собственными заботами, безъ особыхъ понужденій, населеніе отнеслось къ этому предложенню только какъ къ приказанію. Кто не въ состояніи былъ обсадить свое поле требуемымъ количествомъ деревьевъ, потому что оно было и безъ того закрыто соѣднimi насажденіями, тотъ и не принимался за посадку; какъ будто чувствуя, что никакіе циркуляры не въ состояніи выполнить обѣщанный контроль, чрезъ сельскихъ старшинъ, у 10000 хозяевъ. А хозяева, болѣе усердные по части исполненія начальническихъ требованій, собственной догадливостью нашли для себя такой выходъ: сдѣлавъ складчину, они покупали прилегающій къ большой дорогѣ какой ни на есть клочекъ земли и, натыкавъ такое количество кольевъ, какое требовалось, считали себя свободными отъ контроля и штрафовъ, раздуясь, конечно, что начальство видитъ „лѣсную“ рощи. Боль-

шинство такихъ таловыхъ рощъ, оставаясь безъ должнаго присмотра отъ погданія скотомъ, безъ надлежащей поливки, погибли въ первый же годъ, а нѣкоторая часть ихъ, „во исполненіе приказанія“, дошла уже до пятилѣтнаго возраста и представляетъ собою крайне жалкій видъ, никакъ ни деревьевъ, а только лозы, какъ это всегда и бываетъ съ таломъ въ густыхъ насажденіяхъ, остающихся безъ подчистки.

Такіе плоды требованій, изданныхъ въ 1878 году, намъ приходилось встрѣчать и въ средней части долины Зеравшана и въ особенности въ маловодной подгорной части округа, навлекшей на себя вниманіе услужливыхъ прожеекторовъ.

Когда населенію подгорной части долины Зеравшана было поставлено въ обязанность обсаживать непремѣнно свои арыки и свои пашни деревьями какъ мѣстныхъ, такъ и европейскихъ породъ, оно приходило въ Самаркандъ просить избавленія его отъ этой повинности или представленія, по крайней мѣрѣ, права выполнить посадку соответствующаго обрабатываемой площади числа саженцевъ рощами, а не по арыкамъ, какъ требовалось. Познанную основательность просьбы землемѣщѣвъ этихъ подгорныхъ селеній мы совершенно раздѣляемъ, зная что такія коллективныя возраженія противъ непрошенныхъ опытовъ надъ сельскимъ хозяйствомъ являются только тогда, когда они дѣйствительно угрожаютъ ему своимъ гнетомъ со всеми признаками разоренія. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждая о великой пользѣ древесныхъ насажденій, какъ для климата, такъ для хозяйства и для укрѣпленія будто бы береговъ арыковъ, даже тамъ, какъ напр. въ горахъ, где это вовсе не требуется, кабинетныя распоряженія упустили изъ вида одно немаловажное обстоятельство: отсутствіе въ этой части оазиса арычной воды не только для поливки деревьевъ, но и для тощихъ пашень и даже для питья. Весьма скучное хлѣбопашество въ этихъ подгорныхъ селеніяхъ, ограничивающееся посѣвами проса, да яровой пшеницы, совершенно недостаточное для поддержанія самаго скромнаго быта этого населенія, издавна вынуждало его держать въ каждомъ хозяйствѣ мелкій

скотъ и главнымъ образомъ козъ, доставляющихъ узбеку и молоко, и пухъ, и шерсть, которая идетъ на выдѣлку сукна, ковровъ и каловъ, какими славится Катартальское подгорье. Такъ какъ этотъ сельскій скотъ подгорныхъ кишлаковъ большую часть года находитъ для себя пастьбу только по берегамъ арыковъ и на поляхъ, причемъ онъ все-таки живеть впрогодь, то понятно, какимъ стѣсненіемъ для этихъ, кое какъ перебывающихъ узбековъ должно было показаться требование посадки по арыкамъ деревьевъ.

Если бы эта теоретически прекрасная мѣра лѣсонасажденія проводилась въ жизнь только путемъ совѣта, она, разумѣется, не дала бы никакого результата тамъ, где она не отвѣчаетъ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ; но облекаясь въ требованіе, обставленное контролемъ и штрафами, мѣра эта неизбѣжно влечетъ за собою разстройство сельско-хозяйственного быта, со всѣми тѣжкими послѣствіями для населенія и для страны.

Вотъ почему намъ всегда казалось, что всякие благожелательные опыты среди сельского населенія стѣдуетъ производить съ крайнею осторожностью и вовсе не чрезъ такихъ дѣятелей, которые съ одинаковою готовностью предлагаютъ свои услуги паротехническія, строптельскія, гидротехническія, лѣсоводственныя, агрономическія и всякия другія; иначе, путемъ ошибокъ въ воздействиіи на сельско-хозяйственный бытъ, крайъ можетъ постигнуть такой же регрессъ ирригациіи и земледѣльческой культуры, какъ постигъ другія, ближайшія къ Туркестану окраины, только вслѣствие разныхъ неблагопріятныхъ влияній.

Это, безъ сомнѣнія, и имѣла въ виду глубокая предусмотриительность главнаго начальника края, разъяснившаго въ циркулярѣ 1879 года, чтобы требование посадки туземцами деревьевъ на своихъ поляхъ отнюдь не было во вредъ полевой культурѣ.

И дѣйствительно, ни въ какой другой отрасли людской дѣятельности, имѣющей въ виду материальные интересы народа, не настоитъ, читаемъ мы въ соч. Россмеслера, такой

крайней необходимости въ строго обдуманной предусмотрительности, какъ въ лѣсоводствѣ. Казалось бы, это положеніе должно быть руководительнымъ и въ распространеніи искусственныхъ древесныхъ насажденій обязательной повинностью населенія, а также въ развитіи искусственного лѣсоводства на специальныя средства. Казалось бы, самое простое благоразуміе должно бы склонять каждого къ тому сознанію, что лѣсоводство никакъ не можетъ преслѣдовать показныя, декоративныя цѣли въ краѣ, небогатомъ ни лѣсомъ, ни доходами. Не должно быть также стремленія показать возможность обращенія въ лѣсныя рощи безводныхъ степей. Отнюдь не должно быть усердствованія въ изгнаніи изъ оазиса существующихъ въка мѣстныхъ породъ деревьевъ, хотя бы съ замѣной ихъ излюбленными экспериментаторами, но сомнительныи еще въ достоинствахъ, акаціей, гіедичіей, айлантусомъ, бегояіей, прекрасными на свое мѣсто, на бульварахъ, въ садахъ, но не въ мелкомъ хозяйстве сельскаго земледѣльца, который въ правѣ сомнѣваться, чтобы сравнительно медленно растущія акація и айлантус могли замѣнить ему таль и тополь.

Въ дѣйствительности, за послѣднія шесть лѣтъ ясно обозначилось повсюдное увлеченіе именно такой реформатскою, лѣсоводственною дѣятельностью. Благодаря прекраснымъ качествамъ туркестанскаго леса или желтозема, какъ называетъ этотъ мергелевый суглинокъ г. Миддендорфъ, для любителей садоводства и растеній представилась полнѣйшая возможность получить отличные результаты опытовъ культивированія въ краѣ различныхъ европейскихъ породъ деревьевъ, какъ лиственныи, такъ и хвойныи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пройтись въ такъ-называемомъ опытномъ саду въ Самаркандѣ, где можно встрѣтить двухъ-трехъ-лѣтніе крошечные экземпляры *Pinus nigra austriaca*, *Pinus alba*, *Pinus virginiana*, *Picea orientalis*, *Larix sibirica*, *Pinus sempervirens*, *Thuja aurea*, *Abies sibirica*, кипарисы, полученные при самомъ обыкновенномъ, недорогомъ вѣроятно уходѣ.

Однако дальше ютомника и казеннаго сада хвойныхъ по-

роды деревьевъ пока не распространялись; зато акація, гледичія, айлантусъ, бегонія, бѣлый кленъ украшаютъ теперь и улицы, и сады не только русскаго, но и туземнаго города, почти вытеснивъ нелюбимый таль и тополь. Эти лиственные породы деревьевъ, впервые привезенныя въ Самаркандъ частными лицами въ 1875 году, отлично выдерживаютъ мѣстныя почвенные и климатические условия и растуть довольно успешно, хотя и медленнѣе, чѣмъ туземные породы, причемъ акація и айлантусъ получаютъ видъ строевыхъ деревьевъ только при щадительномъ уходѣ, поливкою и подсѣчкою лишнихъ побѣговъ, которая возможна или въ очень мизерномъ хозяйствѣ, или при введеніи этого дѣла на казенные средства.

Если обѣ акаціи, кленъ и айлантусъ можно сказать, что они, отличаясь прекрасной древесиной, могутъ имѣть соответствующее примѣненіе въ хозяйствѣ, то нельзя высказать того же о коряговидной бегоніи и о колючей гледиціи, также посажающихъ съ нѣкотораго времени на существованіе тала, которому они уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Отдавая такимъ образомъ должную справедливость достигнутымъ въ Самарканскомъ казенномъ питомникѣ результатамъ распространенія въ городѣ европейскихъ породъ деревьевъ, какъ лиственныхъ, некультурныхъ, такъ и фруктовыхъ, которыми очень охотно пользуются и туземцы-садоводы, мы тѣмъ не менѣе нисколько не раздѣляемъ стремленій нѣкоторыхъ лицъ замѣнить акаціей и айлантусомъ существующія въ краѣ породы деревьевъ. Что именно такое стремленіе зародилось шесть лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ держалось въ долинѣ Зеравшана, мы въ правѣ заключить еще по тому усердію, съ какимъ раздаются туземцамъ бесплатно и каждогодно, начиная съ 1882 года, миллионы саженцевъ айлантуса, гледиціи, акаціи, бегоніи и клена. Эти миллионы заготовлялись подъ руководствомъ особаго специалиста, на казенной плантациіи въ пять десятинъ и раздавались туземному населенію при содѣйствіи администраціи, которая, вѣря виначалъ въ цѣлесообразность этого дѣла, не щадила ни словъ, ни черниль для вра-

зумлевія сельчанъ въ необходимости пользоваться этими деревьями-саженцами.

Вотъ какое, напримѣръ, воззваніе начальника отдѣла намъ довелось прочесть въ одномъ селеніи Зеравшанской долины: „заботимся вообще о томъ, чтобы народу хорошо жилось, чтобы жители богатѣли. Заботимся, чтобы побольше засѣвалось хлѣба — раздаемъ въ долгъ деньги; заботимся, чтобы не было недостатка въ дровахъ, въ угляхъ — раздаемъ даромъ саженцы для разведенія лѣса, отъ которого ожидается огромная польза въ скоромъ будущемъ. Съ этою цѣлью посыпается въ волость двѣсти тысячъ такихъ деревьевъ, которыхъ могутъ расти и на богарныхъ земляхъ, безъ поливки. Посадите на сухихъ мѣстахъ эти деревья такъ: вспахайте получше землю, разсадите саженцы рядами, по грядкамъ, на полтора аршина одинъ отъ другого и каждый мѣсяцъ, или по мѣрѣ надобности, очищайте такую рощу отъ сорной травы, разрыхляя, по возможности, землю“.

Въ другомъ посланіи начальникъ отдѣла обращается къ волостнымъ: „приступаемъ къ посадкамъ лѣса въ волостяхъ — къ исполненію того важнаго дѣла, о которомъ заботятся все начальствующія лица въ краѣ. Требуется для этого вразумление жителей о пользѣ лѣсонасажденія, требуется полное усердіе волостныхъ и аксакаловъ въ исполненіе слѣдующаго: растолкуйте населенію, что о лѣсонасажденіи все заботятся для ихъ пользы; каждый видѣть, что все заботы направлены къ тому, чтобы народу жилось хорошо, чтобы земледѣльцы богатѣли, и т. д.“. Посланіе заканчивается предложеніемъ пригласить жителей и слѣдовать союту разсадить рощами посыпаемые саженцы, раздавъ листки съ наставленіями объ уходѣ за такими насажденіями.

Эти воззванія и наставленія администраціи не остались гласомъ волющаго въ пустынѣ: населеніе, очевидно, привыкло вѣрить своимъ руководителямъ и охотно рѣшилось воспользоваться даровыми саженцами, которыхъ и выпущено казеннымъ

питомникомъ въ Самаркандин отдель три миллиона за 1882—1884 года.

Разумѣется, если бы предположенія специальныхъ проектовъ о раздачѣ населенію десяти миллионовъ даровыхъ саженцевъ акаціи, гледичіи и айлантуса осуществилось бы, хотя съ потерей десяти процентовъ изъ положенного количества, такое явленіе оказалось бы уже въ три года весьма замѣтное вліяніе на мѣстную флору. Но такого вліянія пока никто не замѣтилъ, потому что питомникомъ выпущено, какъ оказывается, не десять миллионовъ, а только *четыре миллиона*. Объ этой оставшейся за питомникомъ *недоимкѣ* не слѣдуетъ особенно сожалѣть, такъ какъ пристроить ее въ долинѣ Зеравшана было бы весьма трудно, и трудно главнымъ образомъ потому, что туземцы потеряли въ первый же годъ опытовъ всякую вѣру въ начальническія посланія и тѣ благотворнія, которыя обѣщались ими отъ посадки даровыхъ саженцевъ.

Какъ ни грустно, но приходится сознаться, что населеніе было совершенно право въ своемъ недовѣріи, которое раздѣлило на второй же годъ и авторъ воззваній, издавъ въ 1884 г. такое предложеніе: *каждогодно раздаются населенію изъ казеннаго питомника полезныя породы деревьевъ; но пользы отъ этой раздачи было мало, потому что саженцы выдавались единолично*. Признавая, что деревья эти могутъ оказаться полезными для посадки по дорогамъ и для хозяйства, если ихъ садить въ возрастѣ 2—3 лѣтъ, я поручаю волостнымъ управителямъ предложить обществу: не пожелаетъ ли оно завести въ волостяхъ питомники, которые могли бы отпускать бесплатно пригодные для дѣла саженцы".

Итакъ, при самыхъ лучшихъ вамиреніяхъ къ поддержанію специальныхъ проектовъ привлечениемъ земледѣльческаго населенія къ распространенію посажденій европейскихъ породъ деревьевъ, администрація пришлось убѣдиться въ несостоятельности своихъ предложенийъ.

Да, грустное это явленіе — какой-то фатумъ надъ хозяйствомъ съ *специальнымъ кредитомъ*; но оно дѣйствительный

фактъ, о которомъ не слѣдуетъ умалчивать во имя правды, во имя общественныхъ интересовъ и для предупрежденія дорогихъ ошибокъ въ будущемъ! Кто не въ правѣ спросить: во что обошли спѣциальному фонду тѣ четыре миллиона древесныхъ саженцевъ, которые выпущены въ теченіе четырехъ лѣтъ изъ казеннаго питомника? Сколько посажено такихъ саженцевъ населеніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ долины и какой процентъ погибшихъ? На второй вопросъ, изъ тщательныхъ наблюдений, мы отвѣчаемъ простымъ заявленіемъ, что количество погибшихъ саженцевъ, розданныхъ населенію, слѣдуетъ считать въ 94%, т.-е. изъ отпущеныхъ, напримѣръ, для Самаркандинаго отдѣла трехъ миллионовъ саженцевъ уцѣлѣло всего не болѣе 180,000, имѣющихъ въ особыхъ питомникахъ.

Если эти цифры вѣрны, то они прямо говорятъ о полномъ неуспѣхѣ дѣла и о безполезности дальнѣйшей раздачи населенію даровыхъ саженцевъ. Мы, съ своей стороны, утверждаемъ, что эти цифры вѣрны, и неуспѣхъ дѣла приписываемъ слишкомъ большому самомнѣнію тѣхъ распорядителей раздачи саженцевъ, которые не желали слышать никакихъ возраженій и продолжали до послѣдняго года выпускать изъ питомника *травообразные однолѣтніе съянцы*, непригодность которыхъ для туземного хозяйства не могла подлежать сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какое довѣріе могли имѣть туземцы къ наставленіямъ о посадкѣ раздаваемыхъ имъ саженцевъ, когда непригодность ихъ для мѣстного хозяйства была для нихъ очевидна, ничѣмъ неопровергнуто. Прежде всего населеніе предназначало даровые саженцы для посадки по арыкамъ, на свободныхъ полевыхъ участкахъ, по окраинамъ дорогъ; но едва были посажены эти крошечныя деревца, какъ они послужили закомыемъ кормомъ для домашнаго скота, который съ голодаши радъ быѧть такой благодати. Если въ массѣ сѣдебныхъ саженцевъ попадались и деревца айлантуса, нелюбимаго скотомъ, то они, разумѣется, погибали подъ ногами голодныхъ животныхъ, и такимъ образомъ уже къ концу весны первого же опытнаго года

значительная часть такихъ никогда не виданныхъ посадокъ была истреблена.

Предупредить такую гибель саженцевъ,—иголокъ, какъ называли ихъ туземцы,—разумѣется, вѣтъ никакой возможности, потому что, ради достижения результатовъ такихъ непрактическихъ опытовъ, населеніе не можетъ же привести въ жертву свое хозяйство, не можетъ преждевременно удерживать свой скотъ отъ пастибы на пахотѣ до 15-го марта, какъ принято въ долинѣ Зеравшана. Могутъ сказать, что въ такомъ случаѣ следовало дѣлать посадки послѣ 15-го марта, когда скотъ выгоняется на пастьбу подъ наблюдениемъ пастуховъ. Но, во-первыхъ, какъ известно, въ Зеравшанской долинѣ, не имѣющей луговъ, голодящій домашній скотъ пасется лѣтомъ по арыкамъ, находя тамъ кое-какой кормъ, а во-вторыхъ, допуская даже, что саженцы по-арычные уцѣляютъ отъ пожирания ихъ въ первую весну, надо ожидать, что, поднявшись къ концу второго лѣта до полутора фута, они непремѣнно будутъ съѣдены въ первую же осень свободной пастьбы скота въ полѣ.

Значитъ, по условіямъ туземного хозяйства оградить траво-видные саженцы отъ истребленія скотомъ чрезъ поѣданіе и вытаптываніе — рѣшительно невозможно, если насажденія не огорожены стѣною.

Могутъ сдѣлать вопросъ: почему же туземцы не дѣлаютъ посадки даровыхъ саженцевъ дачами, съ огораживаніемъ стѣною? На это можно отвѣтить такими доводами: во-первыхъ, потому что у туземцевъ нѣтъ лишней ирригационной земли для обращенія въ лѣсныя дачи, приносящія ренту не каждогодную; во-вторыхъ, потому, что такія деревья, какъ акація, гледичія, бегонія, кленъ туземцу совершенно не нужны и, какъ всякий осторожный хозяинъ, узбекъ относится къ раздаваемымъ саженцамъ скептически; въ-третьихъ, потому что при массѣ дѣла по обработкѣ полей, туземецъ рѣшительно не въ состояніи заняться тѣмъ уходомъ за лѣсною рощею изъ траво-видныхъ саженцевъ, какой несомнѣнно требуется.

Отсутствіе такого ухода, невозможнаго, повторяю, для туземцевъ, и ведетъ къ тому, что траво-видные саженцы, где бы они ни были посажены, уцѣльевъ отъ истребленія животными, неизбѣжно погибаютъ въ первое же лѣто отъ сорныхъ растеній. Это-то послѣднее, главное обстоятельство, разрушающее всякія попытки въ развитію такимъ страннымъ путемъ лѣсоводства въ краѣ, очевидно, совершенно не было приято въ соображеніе и составителями проектовъ снабженія населенія даровыми саженцами, и непосредственными распорядителями этого дѣла. Напротивъ, эти послѣдніе съ какимъ-то особыеннымъ упорствомъ и настойчивостью до послѣдняго времени продолжаютъ еще настаивать, что однолѣтніе, т.-е. траво-видные саженцы болѣе соответствуютъ цѣли раздачи населенію, такъ какъ они-де, „имѣя несложную и необширную корневую систему, могутъ быть выкопаны изъ питомника безъ всякаго поврежденія корней и такимъ образомъ у пересаженныхъ саженцевъ, при дальнѣйшемъ ихъ ростѣ, не нарушается равновѣсіе въ физиологическихъ отправленіяхъ между корневой и подземной частями“. На это мы можемъ отвѣтить прежде всего, что въ лѣсоводствѣ требуется особенная предусмотрительность и обдуманность плана; что для этого требуется многосторонняя, основательная научная и практическая подготовка.

Какимъ образомъ распорядители отпуска насленію однолѣтнихъ саженцевъ могли ожидать успешнаго результата, зная, что земледѣльцы не въ состояніи очищать такія посадки отъ сорныхъ травъ, всегда убивающихъ крошечныхъ деревца? Если такие однолѣтніе саженцы могли оказаться пригодными для посадки въ казенной лѣсной дачѣ, то это понятно, потому что тамъ они пользуются регулярнымъ, необходимымъ уходомъ, не только очищеніемъ отъ сорныхъ растеній, но и окучиваніемъ по всемъ правиламъ, указаннымъ въ руководствахъ и давно практикуемыхъ при лѣсоводствѣ въ южныхъ степяхъ Россіи. А что такой именно уходъ требовался и для саженцевъ, поступавшихъ на поля и арыки туземцевъ, несомнѣнно

и изъ практики, и изъ сочиненія Россмеслера, гдѣ сказано: „содержаніе почвы въ совершенной чистотѣ отъ сорныхъ растеній и частое взрыхленіе земли между рядами разведенного лѣса есть необходимое условіе для успеха лесонасажденія въ степи“, а также и въ долинѣ, гдѣ по арыкамъ и полямъ сорные растенія развиваются еще сильнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ степныхъ, нейриграціонныхъ.

Въ нарушение основного правила въ лѣсоводствѣ—примѣнять въ каждой мѣстности пріемы культуры, ей соотвѣтствующіе, какъ мы достаточно выяснили, совершенно упускалось изъ вида, что лѣсоводство имѣеть здѣсь дѣло съ такимъ сагочно-плодороднымъ лѣсомъ, который отлично принимаетъ саженцы даже въ возрастѣ семи лѣтъ, съ самымъ ничтожнымъ количествомъ корневыхъ мочекъ, съ двумя - тремя корнями выѣсто десятка ихъ, но зато и даетъ такую массу сорныхъ растеній, которая быстро губить молодыя деревца, обязательно требуя пятикратной очистки въ лѣто, которую никакой хозяинъ дать рѣшительно не въ состояніи, потому—опять повторяю—что высоко интенсивное полевое хозяйство въ долинѣ Зеравшана привлекаетъ къ себѣ всѣ взрослые и даже дѣтскія руки.

Намъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ эти мѣстныя физическія и экономическія условія упускались изъ вида вѣстолько, что и послѣ продолжительной практики по лѣсоводству руководители продолжали снабжать населеніе однолѣтними сѣянцами, доказывая упорно рѣшительное превосходство ихъ предъ трехлѣтними, въ особенности, какъ они утверждали, для разсадки въ 20—30 верстахъ отъ мѣста выкапыванія ихъ, потому что при перевозкѣ такія деревья будто бы погибаютъ, по крайней мѣрѣ, въ количествѣ 50%.

Съ такими доводами относительно малой пригодности трехлѣтнихъ саженцевъ согласиться мы не можемъ. Во-первыхъ, въ специальному сочиненіи Россмеслера „Лѣсъ“, на многихъ страницахъ (171, 571) мы встрѣчаемъ указанія возможности пересаживать сѣянцы въ возрастѣ трехъ—пяти лѣтъ и пигдѣ

же находимъ требованія пользоваться для лѣсоводства однолѣтними саженцами, обязательно, конечно, погибающими отъ сорныхъ растеній во всякой мѣстности. Во-вторыхъ, каждый знаетъ, что у туземцевъ весною (съ 15-го февраля по 15-е марта), обращаются въ продажѣ и потребленіи, для посадокъ, саженцы не только простыхъ, но и фруктовыхъ породъ деревьевъ въ возрастѣ отъ трехъ до шести лѣтъ, весьма рѣдко двухлѣтніе (персики, сливы) и никогда однолѣтніе, причемъ, зная свойство благодатной почвы, туземецъ вовсе не заботится о сохраненіи всѣхъ корней и мочекъ, везетъ деревца вьючной перевозкой за десятки верстъ и теряетъ никакъ не болѣе трехъ процентовъ, но ужъ никакимъ образомъ не 50%, какъ утверждаютъ раздаватели саженцевъ изъ казеннаго питомника.

Такимъ образомъ, ни наука, ни практика, ни мѣстныя условія не оправдываютъ той системы снабженія населенія травовидными сѣянцами, которая до сихъ поръ дѣйствовала, давъ 94% гибели, за которую руководители дѣла бросаютъ упреки по адресу населенію и, разумѣется, мѣстной администраціи.

Эти новаторы упускаютъ совершенно изъ вида, что повсюду въ Туркестанскомъ краѣ туземное садоводство и лѣсоводство заводилось и держится на счетъ питомниковъ хозяевъ—туземцевъ, не слушавшихъ курса лѣсоводства, подготовившихся преемственно практикою, что во многихъ уѣздахъ лѣсоводство ведется съ успѣхомъ самой администрацией, безъ указаній специалистовъ, что введеніе въ мѣстную культуру акаціи, айлантуса, безъ которыхъ туземное хозяйство можетъ всегда обойтись, составляетъ заслугу частныхъ лицъ.

Въ особенности не слѣдовало бы упускать изъ вида, что правильно и сильно развитая въ краѣ промышленность продажи древесныхъ саженцевъ составляетъ отрасль хозяйства весьма доходную, потому, разумѣется, что частные питомники свободны отъ тѣхъ расходовъ, какіе выносятъ теперь единственный въ Самаркандѣ казенный питомникъ, издержавшій уже 10000 рублей на свое трехлѣтнее существованіе съ 1882 года.

Вотъ эта-то, вѣроятно, воздержность отъ усиленныхъ расходовъ специального кредита и была главнымъ основаниемъ отпуска населенію однолѣтнихъ, травовидныхъ саженцевъ, была существенною причиной полного неуспѣха этого дѣла. Мы въправъ думать такъ, потому что на требование нѣкоторыми трехлѣтнихъ саженцевъ изъ казеннаго питомника, для раздачи населенію, приходилось только выслушивать возраженія, что „в посадка на мѣсто, и воспитаніе такого плохого въ сущности материала трехлѣтнихъ-то обойдется много разъ дороже, а для передвиженія его изъ питомника на мѣсто посадки потребуются огромныя перевозочныя средства, такъ какъ на одну арбу укладывается не болѣе пятидесяти штукъ трехлѣтнихъ деревьевъ, а слѣдовательно перевозка на 25 верстъ одного миллиона такихъ саженцевъ обойдется до сорока тысяч рублей.

„Я взялъ бы на себя большую нравственную ответственность, — продолжаетъ далѣе распорядитель питомника, — если бы отпустилъ населенію трехлѣтніе саженцы безъ особаго предписанія. Хотя, въ видахъ опыта, можно отпустить по сто штукъ акаціи и айлантуса, но при этомъ требуется прислать четыре арбы и опытныхъ садовниковъ-туземцевъ, чтобы выкопку деревьевъ сдѣлать со всею осторожностью“.

Ясно, слѣдовательно, что настойчивый отпускъ населенію въ теченіе четырехъ лѣтъ однолѣтнихъ сѣянцевъ былъ основанъ въ дѣйствительности единственно на стараніи избѣгнуть расходовъ по уходу за ними въ питомнике въ теченіе двухъ лѣтъ, расходовъ по выкапыванію деревьевъ и перевозкѣ ихъ, которая выполняется, впрочемъ, туземцами на свои средства. Но тогда не правильнѣе ли было бы выпустить изъ питомника, за потраченныя 10000 рублей, выѣсто четырехъ миллионовъ, фигурирующихъ въ отчетахъ и справкахъ, половину или  $\frac{1}{3}$  этого количества саженцевъ, которые и заняли бы площадь насажденія въ нѣсколько сотъ десятинъ, вполнѣ оправдавъ сдѣланныя затраты и усилия вытѣсненія тала и тополя новыми въ Туркестанѣ породами деревьевъ.

Еще правильнѣе было бы, въ виду затруднительности вообще

весті какое бы то ни было хозяйство на специальный, казенный кредитъ, обставленный смѣтами, ассигновками, отчетами, сильнымъ инвентаремъ и широкимъ штатомъ служащихъ, предоставить поставку саженцевъ акаціи и айлантуса для населенія и для казеннаго лѣсоводства, тѣмъ многочисленнѣмъ знатокамъ этого дѣла, туземцамъ, которые снабжаютъ населеніе изъ своихъ питомниковъ саженцами мѣстныхъ породъ деревьевъ.

Если теперь встрѣчаются въ продажѣ трехлѣтніе саженцы шелковицы по полтора рубля за сотню, а тополь по два рубля за сто штукъ и содержаніе такихъ питомниковъ считается дѣломъ весьма выгоднымъ, несмотря на неизвѣстность размѣра спроса, опредѣляющаго цѣну товара, то есть сомнѣнія, что предварительнымъ условіемъ съ предпринимателями удалось бы уловить стоимость трехлѣтнихъ саженцевъ акаціи и айлантуса при поставкѣ для населенія, для казеннаго лѣсоводства. А между тѣмъ такая система, кромѣ доставленія положительнаго результата раздачею сѣянцевъ, пригодныхъ для насажденія, исподволь подготовила бы сельскихъ хозяевъ къ расширѣнію такихъ питомниковъ съ этой специальной цѣлью, вовсе, какъ оказывается, не требующей никакого шольнаго атtestата, не нуждающейся въ частномъ хозяйствѣ, въ смѣтахъ съ пояснительными записками, которые нерѣдко обѣщаютъ много, а даютъ мало, вслѣдствіе разныхъ „непредвидѣнныхъ“ обстоятельствъ, вызывающихъ обыкновенно дополнительныя смѣты со всѣми варіантами.

Намъ, напримѣръ, извѣстенъ специальный проектъ, въ кото-ромъ послѣ многословныхъ доказательствъ благодѣтельного вліянія лѣсовъ на увеличеніе атмосферическихъ осадковъ, послѣ приведенного примѣра о посадкѣ египетскимъ хедивомъ *Магометъ-Али* двадцати миллионовъ деревьевъ въ долинѣ *Нила*, которая увеличила количество дождей съ шести дней на 46 дней, вычислено какимъ-то образомъ существующее коли-чество деревьевъ въ округѣ въ шесть миллионовъ и предло-жено посадить еще десять миллионовъ, сколько позволяетъ, будто бы, общая площадь округа.

Можетъ быть все это и осуществилось бы, занеся въ лѣтопись примѣръ удачнаго подражанія египетскому хедиву и на берегахъ Зеравшана, но на бѣду *Магометъ-Али* не оставилъ автору никакихъ указаний: какимъ образомъ ему удалось выполнить посадку двадцати миллионовъ, а проектъ отнесся къ цифровымъ выводамъ слишкомъ легко. Указывая необходимость посадить въ округѣ еще десять миллионовъ деревьевъ, проектъ опредѣлилъ почему-то стоимость ихъ, пріобрѣтеніемъ отъ частныхъ лицъ, въ одинъ миллионъ рублей, по десяти копѣекъ съ черенка, и сдѣлалъ слишкомъ заманчивое предложеніе дать населенію тѣ-же десять миллионовъ всего за 100,000 р. Въ результатѣ оказалось, что за эту сумму населеніе получило, по отчетамъ, всего *четыре миллиона* такихъ саженцевъ, о горькой участіи которыхъ мы говорили выше.

Къ счастью для культурнаго оазиса, независимо отъ упомянутаго проекта съ отрицательнымъ результатомъ, само населеніе, подталкиваемое сознаніемъ пользы отъ лѣсонасажденія и заботами ближайшей администраціи, продолжало себѣ ежегодно дѣлать посадки тала и тополя съ единственою затратою кольевъ, черенковъ и своего личнаго труда, но безъ всякихъ денежныхъ расходовъ.

Обыкновенно авторы докладовъ объ улучшениіи хозяйства населенія раздачею на казенные средства даровыхъ саженцевъ, встрѣчая съ наивнымъ удивленіемъ каждое заявленіе о полной почти гибели ихъ, сваливаютъ, разумѣется, неупѣхъ дѣла на халатность самихъ хозяевъ и волостныхъ уоравителей, приводя въ доказательство успѣшность роста такихъ же однолѣтнихъ сѣянцевъ на казенной лѣсной плантаціи въ Каратубинскомъ подгорѣ. Но эти господа упускаютъ совершенно изъ вида, что казенные лѣсныя плантаціи, о которыхъ намъ придется говорить въ слѣдующей статьѣ, пользуются такими средствами и такимъ уходомъ, какихъ частные хозяева дать никогда не могутъ.

А чтобы составить себѣ хотя приблизительное представление о томъ, насколько разнится стоимость мѣстнаго казен-

лаго лѣснаго хозяйства отъ частнаго, мы пока дадимъ только свѣдѣнія о томъ, во чѣмъ обходятся плантаторамъ-туземцамъ трехлѣтніе сѣянцы, преобладающіе въ продажѣ.

По расчету мѣстныхъ хозяевъ, *Асата, Мурада, Бабаджана*, одинъ танапъ ( $\frac{1}{4}$  десятины) питомника съ сѣянцами тута требуетъ: навознаго удобренія 50 пудовъ—8 р., для вспашки и бороньбы 10 плуговъ (кашъ)—10 руб., для приготовленія грядокъ, проведения арыковъ и высева сѣмянъ 25 рабочихъ—7 р., для выкопки двухлѣтнихъ саженцевъ 20 рабочихъ—5 руб., для очищенія питомника отъ сорныхъ растеній 100 рабочихъ—30 руб., а всего 60 руб. Такъ какъ съ одного танапа получается 15000 трехлѣтнихъ деревьевъ, то по расчету, сообщенному раньше, общая стоимость ихъ въ обработкѣ будетъ 160 рублей, а въ продажѣ около 300 рублей и дороже.

На основаніи этого расчета легко прийти къ заключенію, что если бы казенный питомникъ велъ свое хозяйство такъ, какъ ведутъ его частные плантаторы, онъ могъ бы дать за 10000 рублей *minimum* полтора миллиона трехлѣтнихъ саженцевъ, принимая въ соображеніе, что фруктовыя породы деревьевъ не требуютъ того значительного расхода, какой исчисленъ для тута, и не менѣе *ста пятидесяти миллионовъ* однолѣтнихъ или двухлѣтнихъ сѣянцевъ, вызывающихъ расходъ только на вспашку, удобрение, приготовленіе грядъ, по лотьбу чрезъ дѣтей и на весьма легкое выкапываніе ихъ.

Несомнѣнно, слѣдовательно, что въ силу обстоятельствъ, казенный питомникъ несетъ такие расходы, какихъ совершенно не знаетъ ни одинъ хозяинъ. И если эти расходы построены по тому же расчету, по которому перевозка пятидесяти трехлѣтнихъ деревьевъ требуетъ одной арбы, а перевозка одного миллиона такихъ же деревьевъ на разстояніи 25-ти верстъ требуетъ 40000 рублей, то остается только удивляться такой незначительной стоимости тѣхъ четырехъ миллионовъ крошекъ акаціи, айлантуса и др., которая выпустилъ Самаркандинский питомникъ съ 1832 года.

Но дѣло-то въ томъ, что расчетъ о стоимости перевозки

наводить на размышления совсѣмъ иныхъ, потому что разсчетливые хозяева-туземцы перевозятъ на одной арбѣ, за десятки верстъ, не 50, а 100 штукъ трехлѣтнихъ деревьевъ, следовательно, для нихъ перевозка одного миллиона такихъ деревьевъ на разстояніи тридцати верстъ обходится maximum 2000 р.

Въ защиту туземцевъ и практикуемыхъ ими дешевыхъ приемовъ лѣсоводства, мы вынужденно позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: какой доходъ приноситъ специальному депозиту Самаркандскій питомникъ съ оранжерей и его огородъ, продающій клубнику, малину, лучшіе фрукты европейскихъ сортовъ деревьевъ, артазовы, спаржу, цвѣтную капусту, редиску и прочія овощи и цвѣты. Пока разъяснится этотъ живой, интересный вопросъ для удовлетворенія общаго любопытства о рентѣ, приносимой специальному фонду „научными“ приемами садоводства, цвѣтоводства и огородничества, мы позволимъ себѣ засвидѣтельствовать, что упрощенная, но разумная и бережливая туземная система хозяйства приноситъ съ такого участка сада и огорода (32 таңапа или 8 десятинъ), какой занять казеннымъ питомникомъ и огородомъ, никакъ не менѣе шестисотъ рублей чистаго годового дохода отъ продажи фруктовъ и овощей по цѣнамъ, значительно ниже дѣйствующихъ въ названномъ казенномъ хозяйствѣ.

Намъ могутъ, разумѣется, возразить, что туземецъ ведетъ свое хозяйство первобытнымъ способомъ, при помощи членовъ своей семьи, съ самыми необходимыми количествомъ скота; но такое возраженіе, конечно, не серьезно. Вѣдь если „прimitивный туземецъ, съ слабыми средствами, безъ научныхъ познаній, но съ добрыми практическими свѣдѣніями, ведетъ свое полевое, огородное, садоводническое хозяйство съ болѣе блестящими результатами, чѣмъ получаемые какимъ-нибудь ученымъ заправителемъ, то во всякомъ случаѣ предпочтеніе приходится отдавать туземцу, который, по справедливости, и долженъ въ такомъ случаѣ стать въ роль учителя.

Могутъ сказать еще, что вѣдь мѣстный питомникъ и называется „опытный“, потому что въ немъ исподволь практи-

куется культура европейскихъ породъ деревьевъ, плодовыхъ и обыкновенныхъ, почему и доходы такого хозяйства не могутъ быть нормальными. На такое возраженіе отвѣтить невозможно, потому что, повторяю, доходы казеннаго питомника намъ неизвѣстны. Но все же мы позволимъ себѣ высказать, что распространеніе въ населеніи европейскихъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ производится и могло бы производиться съ полнымъ успѣхомъ также и чрезъ частныхъ лицъ, какъ это широко практикуется въ Ташкентѣ, считаясь дѣломъ весьма прибыльнымъ для производителей и для потребителей.

Во-вторыхъ, мы можемъ заявить, что въ Самаркандѣ же имѣются и частные хозяйства русскихъ обывателей, возникшія одновременно съ казеннымъ опытнымъ питомникомъ и привносящія весьма значительный доходъ отъ продажи овощей, аклиматизированныхъ растеній и фруктовъ европейскихъ породъ деревьевъ.

Если бы намъ сказали, что частные хозяйства съ питомниками европейскихъ породъ деревьевъ никогда не были бы въ состояніи удовлетворить этой общей потребности туземнаго населенія, мы отвѣтили бы рѣшительнымъ сомнѣніемъ, зная очень хорошо, что въ казенномъ питомникѣ всѣ прививки выполняются туземцами по три рубля съ сотни съ ихъ материаломъ; что туземцы весьма хороши садоводы; что тѣ сношенія съ Гамбургомъ, Ревелемъ, Ригой, которые дали выписные семена и деревца для питомника казеннаго, совершенно доступны и для всѣхъ частныхъ лицъ и даже для туземцевъ, при добромъ содѣйствіи русскихъ хозяевъ, съ тою лишь разницей, что, конечно, они не стали бы посыпать въ Варшаву чиновника за такимъ добромъ, которое пришлось выбросить отъ несвоевременного доставленія.

Когда всмотрѣться въ ходъ дѣла распространенія въ населеніи европейскихъ породъ деревьевъ путемъ раздачи прививокъ и непригодныхъ къ дѣлу сѣянцевъ; когда разобрать достоинства тѣхъ приемовъ казеннаго хозяйства, которые дали за 10000 рублей всего четыре миллиона однолѣтнихъ сажен-

цевъ вмѣсто обѣщанныхъ десяти миллионовъ, невольно останови-  
вшись вниманіемъ раздумья на той страницѣ сочиненія „Очерки  
Ферганской долины“, гдѣ Миддендорфъ советуетъ „не пред-  
принимать посадки лѣсовъ, такъ какъ для выращивания лѣ-  
совъ тамъ, гдѣ ихъ вѣтъ, или гдѣ они изведены, потребова-  
лось бы много денегъ, времени и рабочихъ силъ“. Въ какой  
мѣрѣ этотъ советъ правильно предусмотрѣленъ для настоя-  
щаго и будущаго лѣсного дѣла, мы сейчасъ увидимъ.

Послѣ многочисленныхъ данныхъ предшествовавшихъ ста-  
тей, констатировавшихъ, во-первыхъ, полный отрицательный  
результатъ отъ раздачи населенію травовидныхъ саженцевъ, не  
соответствующихъ условіямъ мѣстнаго хозяйства, во-вторыхъ,  
доказавшихъ, что у туземцевъ миллионъ годичныхъ саженцевъ  
обходится въ шестьдесятъ рублей, а такое же количество  
трехлѣтнихъ саженцевъ фруктовыхъ деревьевъ обходится около  
10000 рублей, мы ожидаемъ рядъ такихъ существенныхъ во-  
просовъ, которые не могутъ быть оставлены безъ самого обстоя-  
тельного разъясненія, необходимаго въ интересахъ истины и дѣла.

Прежде всего намъ могутъ возразить: почему же такие же  
одногодичные саженцы гледичіи, окаймляющіе городской буль-  
варъ, вырастаютъ въ большія деревья, хотя, впрочемъ, самыя  
аллеи Абрамовскаго бульвара получались изъ трехлѣтнихъ са-  
женцевъ? Потому, думается намъ, что годичное содержаніе  
этого одноверстнаго бульвара обходится въ 425 рублей, при  
полнѣй возможности охранять и такія крошечныя деревца отъ  
сорныхъ растеній и отъ городского скота, который ведетъ себя  
настолько чинно, что бульваръ даже не требуетъ постояннаго  
окаруливанія, столь необходимаго для двухъ другихъ город-  
скихъ садовъ, получающихъ на свое содержаніе 1300 руб. въ  
годъ и пользующихся достаточнымъ присмотромъ.

Конечно, никакому туземному хозяйству недоступны ни  
такіе расходы на содержаніе ихъ садовъ, ни та обстановка,  
которою пользуется въ Самарканѣ заведеніе лѣсоводства, а  
потому туземецъ и не можетъ практиковать такіе лѣсоводствен-  
ные приемы, какіе выдерживаютъ специальный кредитъ.

При мѣстномъ малоземеліи туземецъ не позволить себѣ  
отвести на своемъ участкѣ мѣсто для такихъ крошечныхъ дѣ-  
ревьевъ, будущность которыхъ ему неизвѣстна, не позволить  
себѣ и малаго даже расхода на ихъ дальнѣйшее воспитаніе,  
иначе ему придется голодать, такъ какъ воспитаніе такое обхо-  
дится совсѣмъ не дешево.

Могутъ спросить: а развѣ туземцы не обращаютъ свои  
ирригационные участки въ лѣсныя рощи? Да, съ тѣхъ поръ,  
какъ съ низменнаго лѣса сняли тяжкую охранительную пош-  
лину, при громадномъ спросѣ на строительный материалъ для  
Бухары, берега Зеравшана дѣйствительно покрылись такими  
искусственными рощами; но въ этихъ рощахъ (чоколакъ) раз-  
водится исключительно тополь, искони извѣстный населенію и  
своими удовлетворительными качествами и простотой культуры.

Въ среднихъ хозяйствахъ, ближайшихъ къ сплавному пути,  
для такихъ рощь отводится не болѣе одного танапа земли.  
Послѣ удобренія и пятикратной вспашки, по окраинамъ гря-  
докъ тополь разводится преимущественно черенками (коломча),  
отъ которыхъ получаютъ чрезъ пятнадцать лѣтъ до четырехъ  
тысячъ строевыхъ деревьевъ, на сумму не менѣе 7000 рублей  
съ одного танапа. Если сообразить, что такая роща тополя  
требуетъ только обнесенія глинобитной стѣной и возможно  
частой поливки, съ очисткою въ первые два года отъ сорныхъ  
растеній и лишнихъ побѣговъ, при валовомъ расходѣ въ 65  
рублей,—если разсчитать, что въ теченіе 15-ти лѣтъ одинъ  
танапъ земли можетъ дать валового дохода всего 150 рублей,  
то будетъ ясно, насколько выгоднѣе для туземца выѣхать подъ  
лѣсъ одинъ танапъ изъ десяти танаповъ, поддерживающихъ  
существованіе его семьи непрерывнымъ доходомъ въ 120 рублей.  
Какъ ни соблазнительно было бы для такого хозяина обратить  
всю землю въ лѣсную рощу, но сдѣлать этого онъ никакъ не  
можетъ, потому что земля его кормить, земля платить подати,  
а лѣсъ—слишкомъ долгосрочная культура.

Если спросить: почему снабжали туземцевъ три года къ  
ряду такими саженцами, которые видимо были непригодны, мы

должны сказать: потому что, несмотря на постоянное заявление объ этомъ ближайшей къ населенію администраціи, несмотря на то, что и русское населеніе снабжалось изъ питомника двухъ-трехъ лѣтними саженцами, но никогда не однолѣтними, заправители считали возможными такие эксперименты надъ убогимъ узбекскимъ хозяйствомъ.

Можно ли удивляться, что узбеки, получавшіе изъ питомника, по „приглашенію“ начальства, пучки травы вместо древесныхъ саженцевъ, за которыми они проѣхали десятки верстъ, возвращались съ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ для распорядителей, причемъ бывали случаи, что такие саженцы обращали въ фашиниакъ для арычныхъ плотинъ.

Только послѣ трехлѣтнихъ, тщетныхъ усилий борьбы противъ раздачи населенію несоответствующихъ сѣянцевъ, мѣстная администрація нашлась, наконецъ, вынужденною испытать иной способъ развитія лѣсоразведенія на счетъ привозныхъ породъ деревьевъ, и обратилась къ земледѣльцамъ съ слѣдующимъ призываніемъ и предложеніемъ:

„Каждогодно раздаются населенію полезныя породы деревьевъ, но пользы отъ такой раздачи было до сихъ поръ мало, потому что саженцы выдавались однолѣтніе. Признавая, что деревья эти (айлантусы) действительно полезны и для посадки на дорогахъ, и для хозяйства, если ихъ сажать въ возрастѣ трехъ лѣтъ, поручаю волостнымъ управителямъ спросить общество: не пожелаетъ ли оно купить въ волости участокъ въ пять тараповъ для устройства питомника изъ однолѣтнихъ самаркандскихъ сѣянцевъ, которые и могутъ быть раздаваемы желающимъ, когда исполнится саженцамъ три года“. На такое приглашеніе отозвалось 8 маловодныхъ волостей изъ двадцати, причемъ некоторые рѣшили завести по два питомника, пользуясь дешевизной земли и разсчитывая, что поливка потребуется самая ограниченная.

Въ общей сложности устройство такихъ десяти питомниковъ, по пяти тараповъ каждый, съ покупкой земли, съ постановкой глинобитной стѣны, съ годовымъ караульщикомъ-

поливальщикомъ, обошлось населенію Самаркандинскаго отѣла въ 1430 рублей, причемъ пятикратная полотьба выполнялась, съ согласія общества, жителями ближайшихъ селеній. Въ первый годъ питомники эти понесли потери погибшими около десяти процентовъ, и двухлѣтніе саженцы, вслѣдствіе малаго роста, спросомъ туземцевъ не пользовались; но есть надежда, что еще черезъ годъ они окажутся пригодными по крайней мѣрѣ для посадки по обочинамъ дорогъ; а пригодность ихъ (акація, гладичія, бегонія, айлантусы) для мѣстного хозяйства предоставать вѣроятно рѣшить самому узбеку, и отъ такого добровольного рѣшенія будетъ зависѣть дальнѣйшее существованіе этихъ питомниковъ или же закрытие ихъ.

Во всякомъ случаѣ, было бы большой ошибкой навязывать туземцамъ во что бы то ни стало изъ этихъ питомниковъ, хотя бы и трехлѣтніе саженцы такихъ породъ деревьевъ (бегонія, акація, гладичія), въ прымѣнности которыхъ для хозяйства позволительно сомнѣваться и нетуземцу. Если эти породы деревьевъ, вѣючительно съ айлантусомъ, которому и теперь уже дается большее предпочтеніе узбекомъ, действительно окажутся соотвѣтствующими мѣстнымъ физическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, то для дальнѣйшаго распространенія ихъ окажется достаточнымъ и того количества, которое занимаетъ часть сельскихъ дорогъ и улицъ русскаго города.

Но во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что заправители дѣла должны умѣрить свою антипатію къ талу, изъ уваженія къ болѣй прымѣнности его въ хозяйствѣ и въ гидро-техническихъ работахъ, которую признаетъ и Россмеслеръ (стр. 489) и изъ уваженія къ такимъ качествамъ его (непріятательности къ почвѣ, быстротѣ роста, обiplю побѣговъ), которая въ нашемъ безлѣсномъ краѣ заслуживаютъ большаго предпочтенія; чѣмъ прочность древесины айлантуса и акаціи, на которую любятъ ссылаться новаторы лѣсного дѣла, упуская изъ вида одно, что въ Туркестанѣ никогда не придется строить ни кораблей, ни доковъ; а для большихъ сооруженій до сихъ поръ

оказывались пригодными и местными породы тута, карагача и тополя.

Въ Зеравшанскомъ оазисѣ, съ его широко развитой ирригацией, которую держится благосостояніе страны, талъ не только не можетъ быть изгоняемъ, но долженъ пользоваться даже охраной, гдѣ это требуется, напримѣръ, въ верховьяхъ большихъ оросительныхъ каналовъ, каждогодно требующихъ для своихъ плотинъ огромное количество фашинника.

Такихъ большихъ арыковъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ весьма много и правильное дѣйствіе ихъ было бы совершенно невозможно, если бы ближайшія селенія не имѣли на своихъ поляхъ и мелкихъ арыкахъ того же тала.

Въ этомъ дѣлѣ обезпеченія ирригациіи необходимымъ материаломъ, заслуживаетъ вниманія распространение такихъ общественныхъ лѣсныхъ дачъ изъ тала, въ головѣ главныхъ арыковъ, какая разведена въ послѣдній годъ на берегу Зеравшана, въ верховье арыка Даргама. Этотъ оросительный каналъ, имѣющій длины до 150 верстъ, при ширинѣ въ 10 сажень, снабжая водою Самаркандъ съ его садами въ шесть волостей, съ культурной площадью въ 50000 десятинъ, требуетъ каждогодно на свою плотину и на укрѣпленіе рыхлыхъ, глинистыхъ береговъ такую массу хвороста, кольевъ, бревенъ, что ближайшая Джумабазарская волость, въ 47 селеній, преимущественно отбывающая эту повинность, въ послѣдніе годы начала уже чувствовать недостатокъ въ этомъ материалѣ изъ тала; а такъ какъ подвозъ его за десятки верстъ сталъ затруднять земледѣльцевъ, то и рѣшено развести рощу изъ тала въ одной верстѣ отъ плотины Даргама. Для этого потребовалось, съ согласія общества, купить 50 танаповъ пахотной земли за 1125 рублей, потребовалось привлечь къ работѣ земледѣльцевъ, работа же заключалась въ трехкратной вспашкѣ участка 150 плугами въ теченіи двухъ дней, въ подвозѣ 16000 таловыхъ кольевъ, добытыхъ съ деревьевъ почтовыхъ дорогъ, на что потребовалось 2000 одноконниковъ, въ посадкѣ этихъ кольевъ, вызвавшей расходъ 1200 рабочихъ, въ про-

веденіе, наконецъ, послѣ посадки, оросительныхъ каналовъ между рядами, для чего привлечено 2200 рабочихъ. Такимъ образомъ, съ общимъ расходомъ работы 300 плуговъ (кошней) на 400 рублей и 5400 рабочихъ, оцѣниваемыхъ, по качеству этой вольной работы, въ 600 рублей, съ 26-го февраля, въ теченіи девяти дней, получилась таловая роща въ 16000 саженцевъ, занимающихъ площадь въ тринацать десятинъ. Какъ дѣло, дѣйствительно разумное своей настоятельной потребностью, оно и выполнено обществомъ добровольнымъ денежнѣмъ пожертвованіемъ, добровольнымъ представленіемъ рабочихъ,—ово и объщаетъ благіе результаты избавленія отдаленныхъ селеній волости отъ утомительного и постояннаго подвоза хвороста для Даргама, который въ послѣдніе годы началъ наконецъ истощаться. Полагаютъ, что при надлежащемъ охраненіи этой рощи отъ порчи врагами тала, домашними козами, семифутовые колья, правильно посаженные, обратятся чрезъ три года въ такія деревья, которые въ此刻іи будуть снабжать регулярно плотину главнаго канала хворостомъ и вообще материаломъ.

Позволимъ же себѣ спросить нашихъ новаторовъ лѣсного дѣла: какое изъ вводимыхъ ими деревьевъ могло бы замѣнить на этомъ мѣстѣ таль и притомъ съ таюю быстротою и съ ничтожными сравнительно расходами?

Думается намъ, господа новаторы, что замѣнить таль, какъ материалъ для плотинъ, невозможно; что вытѣсненіе тала въ ирригационныхъ районахъ должно отозваться весьма пагубно на всемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; что наша задача по лѣсодѣлству должна состоять вовсе не въ диковинныхъ дорогихъ затѣяхъ, не удивляющихъ даже и туземцевъ,—а въ возможно широкомъ распространеніи посадокъ, хотя бы местныхъ породъ деревьевъ, однимъ лишь напоминаніемъ туземцамъ и, гдѣ надо, какъ на верховье оросительныхъ каналовъ, настойчивой и разумной инициативой ближайшей къ населенію власти, успѣвшей заслужить его довѣrie.

Не обольщайтесь, господа новаторы, и вѣрьте, что если

вамъ принадлежитъ заслуга украшения городскихъ скверовъ и бульваровъ акаціей, бѣгоніей, айлантусомъ, кленомъ, заслуга распространенія въ населеніи четырехъ миллионовъ съянцевъ, погибшихъ „по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ“, то мѣстному землепашцу безспорно принадлежитъ великая заслуга въ той усердной отзывчивости на исконныя, не перестающія приглашенія ближайшей администраціи, которая въ 15 лѣтъ управлѣнія краемъ заполнила древесными посадками Зеравшанскую долину и помогла естественному возстановленію погибшаго горнаго лѣса. Разница только въ томъ, что „старая“ система лѣсоразведенія никакихъ денежныхъ затратъ изъ специального фонда не вызывала и не будетъ, вѣроятно, вызывать; „новая“ же система успѣла поглотить уже съ 1879 года изъ кредита 46000 рублей и едва ли обойдется и въ будущемъ безъ солидныхъ денежныхъ расходовъ.

Справедливость однако требуетъ сказать, что старая система далеко не проявила того искусства въ лѣсоразведеніи, какое показали въ долинѣ Зеравшана специалисты дѣла, подготовившіеся, разумѣется, и теоретически и на практикѣ.

Господа новаторы-специалисты показали „невѣжественному“, какъ они считаютъ, туземцу, что при помощи знаній и, разумѣется, денегъ, есть полная возможность превратить нагорье и самыя горы въ лѣсныя рощи. Для этого достаточно было, во-первыхъ, сообразить, что горы лишились естественного лѣса всего вѣсколько десятковъ лѣтъ, что почвенный слой нагорья, съ тучнымъ перегноемъ, всегда удерживаетъ обильную влагу, что и теперь у подножья Шахрисабзскихъ горъ встрѣчаются группы сороқалѣтней шелковицы, не имѣющей орошенія; во-вторыхъ, достаточно было познакомиться съ приемомъ лѣсоразведенія въ херсонскихъ степяхъ. Для большей же увѣренности, вполнѣ достаточно было усвоить себѣ изъ книги Россмеслера (стр. 642) слѣдующія наставленія: „разнообразіе и не-постоянство климатическихъ вліяній въ степяхъ требуютъ, чтобы за ходомъ ихъ постоянно наблюдать и чтобы при лѣсоразведеніи были приняты всѣ предосторожности; иначе трудъ

лѣсничаго и издеражки уничтожаются разомъ, однимъ неблагоприятнымъ климатическимъ вліяніемъ. Почва въ нашихъ южныхъ (русскихъ) степяхъ во время засухъ глубоко и сильно высыхаетъ, трескаясь по поверхности и становится твердою, какъ камень. Только глубокою и тщательною обработкою почвы возможно достичнуть успѣха въ лѣсоразведеніи. Содержаніе почвы въ совершенной чистотѣ отъ сорныхъ растеній и частое взрыхленіе земли между рядами разведенного лѣса, есть необходимое условіе успѣха лѣсоразведенія въ степи“.

Хотя, такимъ образомъ, мѣстные специалисты лѣснаго дѣла повѣдали намъ въ своихъ опытахъ разведенія лѣса на горахъ и въ подгорьяхъ близъ Кара-тюбе и Самарканда то самое, что уже практикуется въ южной Россіи, чему учать и вся руководства, причемъ суглинистый лесъ несравненно благопріятнѣе для такихъ опытовъ, чѣмъ почва Херсонской степи, тѣмъ не менѣе разведеніе лѣса на мѣстахъ, совершенно не имѣющихъ арычнаго орошенія, такая новинка, которую и теперь еще иные скептики обозрѣваютъ съ недовѣремъ за будущее этого искусственнаго лѣса.

Какъ бы ни было, мы встрѣчаемъ въ Зеравшанскомъ округѣ фактъ существованія безъ орошенія шестилѣтняго искусственнаго лѣса изъ акацій, гледичій, айлантуса, занимающихъ, какъ утверждаютъ, площадь въ 430 десятинъ табъ-называемой болгарной земли, взятой безвозмездно у жителей Ура-тюбинской волости. Честь такого успѣха въ лѣсоразведеніи принадлежитъ прежде всего руководителю дѣла, затѣмъ кара-тюбинскому и ургутскому населенію, оказавшему большое содѣйствіе рабочими и плугами, а затѣмъ уже специальному кредиту въ 46,000 рублей, при ежегодномъ пока ассигнованіи 5,500 р. на очищеніе этой лѣсной плантации отъ сорныхъ растеній и взрыхленіе почвы, которые успешно выполняютъ, какъ намъ приходилось наблюдать, четыре конные скобеля съ восемью рабочими. Въ послѣдніе, впрочемъ, два года распорядитель этого лѣсоводства долженъ былъ сознать недостаточность однихъ скобелей и ввелъ, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, разрыхлосуги въ Туркестанѣ.

ление почвы между рядами посадокъ обыкновенными туземными плугами.

Какъ намъ удалось узнать на мѣстѣ, въ селеніи Багринъ, въ лѣто этого года, такая обработка лѣсной плантациі производилась въ концѣ апрѣля и въ іюнѣ двадцатидневной работой отъ 20-ти до 10-ти плуговъ, съ общимъ расходомъ на это дѣло до 800 плуговъ въ оба раза. Независимо отъ этой работы плугами, плантациі очищается также отъ растеній постояннымъ дѣйствиемъ двухъ конныхъ скобелей. Во что обходится специальному кредиту такая работа дальнѣйшаго поддержанія лѣсной рощи близъ селенія Багринъ, сказать не можемъ, но изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, превратившихся, съ отчужденіемъ ихъ земли подъ лѣсную плантацию, въ рабочихъ при ней, знаемъ, что за дневную работу каждого плуга, съ двумя быками и съ однимъ рабочимъ они получаютъ 60 копѣекъ, а отдельный поденщикъ для какой либо работы на хуторѣ плантациі получаетъ 20 и 25 копѣекъ въ день. Разумѣется, если багринцы останутся, какъ теперь, малоземельными, а отчасти безземельными и на послѣдующее время, то уходъ за этой лѣсной плантацией въ 135 десятинъ, судя по дѣйствующей теперь платѣ, обойдется, вѣючительно съ досмотромъ, вѣроятно никакъ не дороже 1000 р. въ годъ. Такой уходъ потребуется, сказываютъ, еще въ теченіе по крайней мѣрѣ десяти лѣтъ, потому что почва этой подгорной мѣстности не такъ влажна и не такъ тучна, какъ почва горнаго участка Аманъ-кутанъ, гдѣ представилось возможнымъ прекратить разрыхленіе и очистку лѣсной плантациі уже на пятый годъ послѣ посадки.

Что работа плугомъ въ послѣднія два лѣта въ лѣсной рощѣ близъ Багрия оказала огромную услугу — это замѣтно по свѣжести деревьевъ, по росту ихъ; это признаютъ и туземцы. Не можемъ не отметить все же, что всѣ акаціи этой плантациі мало подаютъ надежды быть деревьями, а вѣроятно, въ благопріятномъ случаѣ, будутъ прозябать въ видѣ кустарниковъ; айлантусы же въ большинствѣ растутъ хорошо, съ

небольшимъ процентомъ гибели отъ засухи и отъ сорныхъ растеній. Можно опасаться, однако, что такие продолжительные гарисы, какіе разгуливали въ Зеравшанской долинѣ въ 1878 году, погубятъ и взрослые деревья этой плантациі, не пользующейся орошениемъ. Во всякомъ же случаѣ багринская лѣсная роща едва ли можетъ быть оставлена преждевременно безъ дѣйствующаго теперь ухода, иначе она погибнетъ такъ же быстро и безъ остатка, какъ погибла отъ неподдержанія такая же роща въ нѣсколько десятинъ айлантуса, въ Пенджекентѣ и какъ погибли вслѣдствіе той же причины на безводѣ посадки изъ этихъ же породъ деревьевъ по трактовой дорогѣ въ нагорномъ районѣ, на которыхъ очевидно много потрачено было усилий мѣстнымъ населеніемъ и много возлагалось упованій мѣстной администрацией.

Практика указываетъ, что акація наименѣе пригодна для посадки на безводной мѣстности, потому что, пуская корни не слишкомъ глубоко, она извлекаетъ для себя недостаточно питанія, прозябаетъ, имѣя видъ кустарника, и быстро погибаетъ, если остается безъ ухода, тогда какъ экземпляры акаціи, растущіе тамъ же, въ Багринѣ, съ обильною поливкою, поднялись въ четыре года до пятнадцати футовъ и дали густую крону.

Какъ намъ пришлось лично убѣдиться, такая же участъ полнѣйшей гибели отъ неухода постигла также и тѣ посадки крошечныхъ однолѣтнихъ айлантусовъ, акаціи, гладичіи, которые были сдѣланы весною этого года по всемъ арыкамъ того же Кара-тюбинскаго подгорья. Въ гибели этихъ молодняковъ чрезъ два мѣсяца послѣ посадки, на глазахъ распорядителей этого дѣла, руководившихъ лѣчно посадкою и отвѣчавшихъ равнодушнымъ „майли“ (все равно!) на возраженія жителей, что все это погибнетъ отъ сорныхъ растеній и отъ скота, наши оптимисты должны видѣть и приговоръ своему увлеченію, съ несправедливымъ порицаніемъ апатичности туземца, и атtestать въ незнаніи мѣстныхъ условій края и, наконецъ, поучительное указаніе на необходимость воздержи-

ваться отъ такихъ необдуманныхъ затѣй, которые вызываютъ напрасно громадный расходъ даровой рабочей силы, а въ результатахъ даютъ „майл“ и насмѣшки третиремаго тузыма надъ нашиму непрактичностью, за которую расплачиваются населеніе своими руками и своими средствами.

Это разбираемое нами увлеченіе посадками айлантуса и акаціи по берегамъ арыковъ маловодного степного оазиса достойно удивленія тѣмъ болѣе, что такой же опытъ, сдѣланный три года тому назадъ на арыкѣ селенія Багринъ, совершенно не удался, несмотря даже на то, что эта часть посадокъ находится о-бокъ съ хуторомъ лѣсовода и подъ постояннымъ надзоромъ штатныхъ караульщиковъ, которые не могли однако спасти деревца отъ козъ и отъ сорныхъ растеній.

Тамъ же, въ Багринѣ посытителю встречается и другой видъ „майли“, то есть неудавшейся затѣи: это такъ называемыя „жительскія“ лѣсныя плантациіи, возникшія очевидно „приглашенію“ и въ ожиданіи, что смежная казенная лѣсная плантациія послужитъ населенію прекрасной школой для болѣе широкаго развитія частнаго лѣсостроительства. Не тутъ-то было! Казенная лѣсная плантациія съ айлантусомъ носить и теперь уже видъ подлѣска потому разумѣется, что она обильно питается казенными суммами; „жительскія“ же насажденія, оставаясь безъ всякаго ухода, представляютъ чахнущія и въ большинствѣ совершенно погибшія деревца, едва поднявшіяся, за три года прозабанія, на одинъ футъ отъ земли. Когда мы спросили: почему же бишкельцы и багринцы, хозяева насажденій, не поддерживаютъ ихъ вспашкой и очисткой отъ сорныхъ растеній, намъ отвѣчали туземцы весьма основательными доводами:

„На богарной, безводной землѣ никогда раньше никому не приходило въ голову дѣлать посадки деревьевъ. Народъ темный и теперь сомнѣвается, чтобы багринская казенная плантациія дала бы годныя строевые деревья; а если эти деревья окажутся годными только на дрова, то какая же будетъ польза для казны отъ этого лѣса при дешевизнѣ дровъ и въ

настоящее время? Для нашего хозяйства этотъ лѣсъ и вовсе не нуженъ, потому что мы строимъ сакли изъ тала, а для топлива служить колючка (янтакъ), всякий бурьянъ и хворость. Какъ же намъ вѣрить разнымъ совѣтамъ садить такой же лѣсъ, когда мы ясно видимъ, что казна много расходуетъ на такой лѣсъ денегъ, а что изъ него выйдетъ—никто не скажетъ! Намъ и совсѣмъ нельзя заняться такой посадкой деревьевъ, потому что мы стѣснимъ хлѣбопашество и должны будемъ лишиться скота, который наскъ прокармливается. Притомъ, нѣть расчета возиться цѣлый вѣкъ свой, 50 лѣтъ какъ сказываютъ, съ этимъ лѣсомъ, а хлопотъ съ нимъ, мы видимъ, не мало: и пропахать, и вскопать надо, и караулить надо, иначе скотъ попортить всю деревню. Положимъ, я могъ бы отдать изъ своего поля одинъ танапъ подъ лѣсъ; но поле далеко отъ жилья, значитъ уходъ и присмотръ труденъ. Сказывалъ намъ агачъ-тюре (вѣроятно лѣсоводъ), что послѣ посадки надо непремѣнно пропахивать всю рощу не менѣе четырехъ разъ въ годъ двойной вспашкой; значитъ на одинъ танапъ пойдетъ 5 плуговъ за восемь вспашекъ, а намъ и на пашнѣ есть дѣло“.

Другой побѣднѣе и таѣ разсуждаетъ: „зачѣмъ мнѣ лѣсъ, зачѣмъ я пущу свой единственный плугъ, съ тощими волами, на эту работу, когда 8 вспашекъ одного танапа моимъ плугомъ требуютъ четыре дня, значитъ обойдется въ 5 рублей, а танапъ богарной земли, съ одной только вспашкой, можетъ дать шесть пудовъ пшеницы, а безъ вспашки даетъ ежегодно сто сноповъ колючки (янтакъ), которые можно продать въ Самарканѣ на топливо за шесть рублей. Вѣдь вотъ, вы видите наше бѣдное житѣе, знаете какъ стѣснила наскъ эта казенная лѣсная роща въ 600 танаповъ; а что же было бы, еслибы каждый землепашецъ принялъ разводить такой же лѣсъ среди богарнаго поля,—мы лишились бы тогда скота, развились бы вражда, и стали бы мы втихомолку уничтожать посадки тамъ, гдѣ по нашему не слѣдѣ имѣть“.

Столько практическихъ соображеній намъ пришлось вы-

слушать на-дняхъ отъ одного зажиточного старика изъ селенія Багрінь. Какъ мы выше сказали, это селеніе, лишившись значительной доли своей боярной земли, вынуждено бѣдностью давать дешевыхъ рабочихъ для казенного лѣсводства; но все же багринцы не увлекаются подражаніемъ ему, хотя, повидимому, роща айлантуса и подаетъ надежду быть строевымъ лѣсомъ.

Воздавъ такимъ образомъ должное специалистамъ въ достижениіи удовлетворительнаго результата съ блестящими средствами и такимъ же содѣйствиемъ мѣстнаго населенія, мы позволимъ себѣ выразить надежду, что такие опыты лѣсоразведенія въ степи и на горахъ дальше не пойдутъ, такъ какъ поучительнаго для населенія они ничего не представляютъ, а обходятся кажется не дешево при стоимости шестилѣтней десятины въ 108 рублей и при большихъ ежегодныхъ затратахъ на поддержаніе этого лѣса въ должномъ порядке.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, назиданіе можетъ извлечь изъ этихъ опытовъ туземецъ-пахарь, узнавъ, что на даровой боярной землѣ, при его весьма значительномъ содѣйствіи, явился „казенный лѣсъ“, хотя бы самыхъ лучшихъ строевыхъ деревьевъ, стоимостью около трехъ сотъ тысячъ рублей, какъ будетъ вѣроятно къ началу эксплоатациіи, которая наступить, сказываютъ, чрезъ сорокъ лѣтъ, если не позже, судя по росту деревьевъ теперь, и то при совершенно благопріятныхъ условіяхъ? Какъ отнесутся къ этой „новой“ системѣ лѣсоразведенія настоящіе хозяева, вычисливъ чрезъ вѣсколько десятковъ лѣтъ, что каждое дерево акаціи кара-тюбинской рощи, годной лишь на дрова, обошлось около рубля, какъ придется, вѣроятно, по размѣру ежегодныхъ затратъ, съ процентами на капиталъ и съ содержаніемъ лѣсной администраціи?

Вотъ вопросы, достаточно уясняющіе намъ, что подобная система лѣсоразведенія достойна можетъ быть удивленія, но отнюдь не подражанія, которое до сихъ поръ не проявлялось въ мѣстномъ населеніи и, смысль засвидѣтельствовать, никогда не проявится, потому что туземецъ слишкомъ практиченъ,

слишкомъ остороженъ, слишкомъ расчетливъ и слишкомъ не-богатъ.

Заштатники этой системы могутъ, пожалуй, сказать, что для туземца все же было бы выгоднѣе отвести часть своей боярной земли подъ лѣсъ и сумма такихъ частныхъ дачъ составила бы громадную площадь лѣса въ краѣ, а это повліяло бы благопріятно на климатъ и следовательно — на земледѣльческое хозяйство. Легко разговаривать, писать доклады, да не легко вѣроятно разсудить, что такой рецептъ никуда не годится! Вѣдь надо же вѣрить, что возиться съ обработкой поля, даже при искусственномъ орошевіи, на солнцепекѣ въ 70° Ц., не такъ легко, какъ писать утопические проекты, сидя на мягкой мебели роскошной квартиры, съ закрытыми днемъ ставнями, съ разставленными по угламъ комнатъ водяными холодильниками.

Какимъ образомъ можетъ туземецъ разводить на боярномъ полѣ лѣсъ, когда поле такое за вѣсколько верстъ отъ его жилья, отъ воды, а лѣсоводственная работа обходится, какъ мы выше вычислили, очень дорого, требуя постоянной вспашки, для которой нѣтъ хорошихъ воловъ и скобелей, требуя рабочихъ, которые нужны для уборки той же яровой жатвы. Вѣдь если казнѣ, при усовершенствованныхъ приемахъ воздѣлыванія, десятина шестилѣтняго лѣса обошлась уже въ 108 рублей, не считая не малой стоимости содержанія заправителей этого дѣла, — то и туземцу, въ переводѣ работы на деньги, она обошлась бы не менѣе семидесяти рублей; а эта сумма для земледѣльца немалая и она, по своей расчетливости, не рѣшился сдѣлать затрату такую, хотя бы она выражалась въ рабочей силѣ, избытокъ которой всегда найдется для себя дѣло, если не въ своемъ хозяйствѣ, то по уборкѣ жатвы ирригационныхъ полей.

Какимъ образомъ можетъ туземецъ затѣять лѣсоразведеніе на боярныхъ поляхъ, когда они не даютъ постоянного урожая хлѣба, заставляя иногда пахаря оставлять на время свой кишлакъ и искать съ семьей пропитанія часто въ другомъ

уездѣ? Что же становится, въ отсутствіи хозяина, съ такой лѣсной рощей, которая требуетъ постоянного ухода и наблюденія? Разумѣется, оставленная безъ полотьбы и взрыхленія почвы между рядами, хотя бы на одно лѣто, такая роща молодняка непремѣнно погибла бы безъ остатка.

Затѣмъ, надо же имѣть въ виду, что богарныя—степные поля служать для пастьбы всякаго скота, отъ верблюдовъ и лошадей до коровъ и козъ, которые разумѣется не пощадятъ молодняковъ; а стѣны становить невозможно, потому что нѣтъ воды.

Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ лѣсоразведеніе на богарныхъ, не орошеныхъ земляхъ такъ легко и выгодно для туземцевъ, по толкованію заправителей, то почему же мы не встрѣчаемъ примѣра подражанія со стороны самихъ русскихъ предпринимателей, не только въ Самаркандѣ, но и вигдѣ въ краѣ? Помнится, что одинъ изъ заправителей выражалъ когда-то горячее намѣреніе заняться такого рода фантастическихъ лѣсоразведеніемъ въ Даргамской степи, на свои личныя средства. Но такія намѣренія, имѣвшія быть можетъ цѣлью найти подражателей, дальше словъ не пошли потому вѣроятно, что трехлѣтней практики надъ лѣснымъ дѣломъ съ казеннымъ депозитомъ оказалось недостаточнымъ для такой химерической затѣи, несомнѣнно требующей много усилий, много средствъ, много терпѣнія въ ожиданіи результатовъ развѣ только черезъ полсотни лѣтъ.

Могутъ сказать, что въ русскомъ населеніи Туркестана до сихъ поръ не нашлось подражателей такого лѣсоразведенія, потому что администрація не имѣетъ въ своемъ распоряженіи богарной земли для надѣла такимъ предпринимателямъ и что ожидаемое утвержденіе проекта и признаніе всѣхъ неорошеныхъ земель края собственностью государства обязательно дастъ толчекъ развитію русской колонизаціи, съ весьма благодѣтельными послѣствіями, включительно съ облѣсеніемъ. Но, во-первыхъ, еслибы такое лѣсоводство представлялось дѣйственно выгоднымъ, существующее пока *status quo* земельной собственности не остановило бы предпринимателей, потому что

стоимость неорошеннай земли, какъ нагорной, такъ и степной, самая ничтожная, отъ четырехъ рублей до десяти рублей за десятину. Во-вторыхъ, найдись только желающіе скоблить безводную степь для разведенія лѣсовъ на подрядныхъ началахъ, хотя бы съ казенными средствами, но уменьшеннай стоимостью, или же субсидіей, или же съ ссудою, администрація всегда нашла бы возможнымъ оказать содѣйствіе въ пріобрѣтенію земли по самой дешевой цѣнѣ, вслѣдствіе полнѣйшей сковорчивости туземцевъ.

Мы твердо убѣждены все же, что и съ таѣй постановкой дѣла, съ надѣлами земли, лѣсоводство на безводныхъ мѣстахъ не встрѣтить подражателей.

Мы твердо вѣримъ въ невозможность вести и казенное лѣсоразведеніе съ экспропріаціей богарныхъ земель, хотя не имѣющихъ орошенія, но считающихся частию собственностью завѣщательной, купленной или дарственной, потому что ни магометанское законодательство, ни юридическая теорія европейскихъ ученыхъ (баронъ Торнау) не отвергаютъ въ Средней Азии института частной земельной собственности, а въ народномъ сознаніи право пользованія землею освящается только трудомъ.

Легко представить себѣ, въ какое положеніе долженъ тогда ступить тотъ земледѣльческій классъ, для котораго единственнымъ источникомъ существованія служить богарная земля! Легко и сообразить, какая постигла бы участъ тѣ лѣсныхъ рощ, если бы онѣ дѣйствительно распространились въ краѣ, для которыхъ рѣшились бы сдѣлать принудительное отчужденіе земель у туземцевъ. Въ особенности заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи будущность такихъ лѣсныхъ рощъ, которая пріоткрылась на богарной землѣ вблизи узбекскаго селенія, потому что и по теоріи (кн. Гидаэ), и въ сознаніи населенія, земли неорошенныя, находящіяся отъ селенія въ разстояніи человѣческаго голоса (селеніе Багринъ), не могутъ почитаться землями *мертвыми* (авторъ Кудури), то есть такими, которая не приноситъ пользы по причинѣ недостатка воды на нихъ.

Словомъ, мы глубоко вѣримъ, на основаніи не разъ ци-

тированныхъ страницъ соч. *Россмеслера*, въ возможность обльсенія нагорья и даже подходящихъ степныхъ мѣстностей, но и твердо убѣждены, на основаніи вышеизложенныхъ изслѣдований, что это дѣло не можетъ пойти дальше, опытовъ насчетъ специальныхъ фондовъ и всяческихъ „содѣйствій“ населенія.

Такого рода лѣсоразведеніе могло бы найти, пожалуй, подражателей только тогда, если бы стоимость лѣсной десятины была бы удешевлена до двадцати рублей, а стоимость лѣса возрасла бы, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ противъ современныхъ цѣнъ на топливо и на строительный материалъ. Но мы разъяснили, что въ дѣйствительности обработка лѣсной дачи безъ орошенія обходится весьма дорого, а цѣны на лѣсной материалъ скоро понижались, во не повышались въ течение послѣдняго двѣнадцатилѣтія, давшаго громадную массу древесныхъ насажденій въ ирригационномъ районѣ.

Обратное явленіе—повышение цѣнъ на лѣсной материалъ и топливо можетъ послѣдовать только или съ общимъ упадкомъ земледѣльческой культуры, или съ чрезмѣрнымъ спросомъ, или же съ настойчивымъ преслѣдованіемъ мѣстныхъ, скоро растущихъ породъ деревьевъ, и продолженіемъ попытокъ дорогого лѣсоразведенія въ безводной степи. Все это, кажется, таѣтъ ясно, а между тѣмъ требуетъ еще и еще подробнаго истолкованія для тѣхъ утопистовъ, которые думаютъ, что можно схватить журавля въ небѣ. Пожалуй, можно, но для этого нужно специальный кредитъ, а когда этотъ кредитъ начинаетъ становить и слезно просить, чтобы лѣсоводы сняли съ него руки, чтобы хотя малую частицу его удѣлили бы на поддержаніе скотоводства и коневодства, жалкое положеніе котораго обстоятельно засвидѣтельствовано въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1880 годъ, тогда слѣдуетъ подумать—не лучше ли удовольствоваться синицей, а журавля оставить въ покой.

Смѣемъ думать, что и лѣсоводство съ специальнымъ кредитомъ, съ умѣренными, никакъ ни стотысячными затратами, могло бы сдѣлать громадный шагъ, если бы, не задаваясь планомъ обльсенія безводныхъ степей, оно ограничились съ самаго начала ирригационнымъ райономъ. Съ правильной по-

становкой дѣла намъ удалось бы превратить въ лѣсныя рощи громадныя, теперь обнаженные, городскія и сельскія кладбища; удалось бы обльсить такія маловодныя мѣстности (съверо-западъ долины и др.), въ которыхъ десятина хорошей, ирригационной земли продается по пяти рублей; удалось бы обльсить и берега Зеравшана, гдѣ они еще не разработаны пашней. При такой постановкѣ дѣла безъ большихъ расходовъ мы получили бы громадную площадь такого лѣса, который приносилъ бы нѣ малый доходъ обязательно чрезъ пятнадцать лѣтъ, а не черезъ сорокъ лѣтъ, какъ обѣщаютъ кара-тюбинскія рощи.

Сkeptики, слышавшиѣ повѣсть о казенномъ воробѣѣ, могутъ сказать на это, что и такое лѣсоразведеніе обошлось бы дорого, а доходы лѣсные подвергались бы вліяніямъ климата periodическимъ „усушкѣ“ и „утечкѣ“; но мы твердо убѣждены, что у хорошаго хозяина такія метаморфозы не случались бы.

Какъ на примѣръ возможности дешеваго, доходнаго лѣсоразведенія въ районахъ ирригационныхъ, мы уважаемъ на городской такъ-называемый Абдурахмановскій садъ въ Самаркандѣ. Этотъ садъ, въ 22 танапа, приносившій аренды отъ старого виноградника и клевера едва 200 рублей въ лѣто, съ расходомъ зимнимъ на караульщика, продавъ 980 тополей за 1750 рублей, обращенъ въ рощу изъ тополей, которыхъ занимаютъ въ сложности 8 танаповъ. Приведеніе этого сада въ порядокъ, выкорчевка виноградной лозы, распашка и посадка на грядкахъ 18000 трехлѣтнихъ, частью покупныхъ тополей и боягдѣ фруктовыхъ деревьевъ, вызвало всего расхода 138 рублей изъ вырученныхъ отъ продажи корней виноградника. Уходъ же за тополями и охраненіе сада съ 1881 года никакихъ денежныхъ расходовъ не вызываетъ, потому что вольно-наемный садовникъ-туземецъ исполняетъ это дѣло съ своей семьей, довольствуясь доходомъ въ 70 рублей отъ клевера, и отъ посѣва огородины на свободныхъ клочкахъ сада. Разумѣется, произведенный расходъ на улучшеніе этого загороднаго сада обращенiemъ его въ лѣсную дачу обставленъ отчетами, съ актами, какъ о посадкѣ деревьевъ, такъ и о periodической

вырубки и продажи такихъ перестойныхъ экземпляровъ, какіе встречаются и въ двухъ другихъ городскихъ садахъ Самарканда. Вѣдающая непосредственно этимъ Абдурахмановскимъ садомъ мѣстная администрація разсчитываетъ, что если и на все послѣдующее время удастся избѣгнуть расходовъ на охраненіе его, то еще чрезъ 12 лѣтъ имѣющіяся 25000 тополей дадутъ чистую выручку, по крайней мѣрѣ, въ сорокъ тысячъ рублей. Можемъ добавить, что эта „старая“ система хозяйства въ Абдурахмановскомъ саду близко подходитъ, по результатамъ расхода и дохода, къ системѣ туземной, справедливо поражающейся приемами той новой специальной системы, которая вычисляетъ стоимость перевозки за 25 верстъ одного миллиона трехлѣтнихъ саженцевъ въ сорокъ тысячъ руб.

Пора бы намъ и побоючить съ этимъ лѣснымъ вопросомъ, а между тѣмъ чувствуется, что онъ не вполнѣ еще исчерпанъ, что могутъ предложить резюмировать высказанные взгляды. Но мы считаемъ достаточнымъ ограничиться напоминаніемъ, что мѣры по лѣсоразведенію и лѣсоохраненію должны быть свободны отъ увлечений, граничащихъ нерѣдко съ самообманомъ; что вообще лѣсной вопросъ въ краѣ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія и такой постановки, которая отвѣчала бы физическимъ и экономическимъ особенностямъ страны.

При этомъ не можемъ не высказать пожеланія, чтобы городскія училища передавали бы учащимся хотя краткія познанія о лѣсѣ и чтобы мѣстныя тюрьмы, съ праздными арестантами, завели бы у себя, какъ это установлено въ Самарканѣ, деревесные питомники для продажи населенію, по дешевой цѣнѣ, полезныхъ породъ деревьевъ.

Кончаемъ этотъ безпритязательный трудъ съ пріятною уверенностью, что мы исполнили нашъ долгъ по мѣрѣ досуга, опыта и знаній, съ единственою цѣлью выясненія истиннаго положенія этого важнаго дѣла въ настоящемъ, для возможнаго улучшенія его въ будущемъ.

## НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ НА ОЗЕРѢ КУРЧУКЪ-АТА.

Лѣтомъ, въ прошломъ году, мнѣ представилась необходимость посѣтить минеральныя грязи, имѣющіяся въ степи Джизакскаго уѣзда, о цѣлебномъ дѣйствіи которыхъ такъ много приходилось мнѣ слышать отъ туземцевъ, пользовавшихся этими грязями. Путь нашъ шелъ отъ Самарканда на сѣверо-западъ. Выѣхавъ за Пайкабакскія ворота—единственные уцѣлѣвшія изъ числа шести городскихъ воротъ ханскаго времени—оставивъ роскошные сады селенія Матридъ, служащіе дачами для зажиточныхъ горожанъ и представляющіе поэтому значительную стоимость, въ 600 рублей за десятину, спустились мы съ возвышенности Кундузъ-суфи къ Зеравшану. Въ половинѣ іюня прибыль воды въ рѣкѣ была еще незначительная и переправа верхомъ не представляла никакого затрудненія. Проехали мы селеніе Дагбитъ, которое справедливо считается современникомъ древніаго Мараканда<sup>1)</sup>). Этотъ кишлакъ, съ населеніемъ въ 500 дворовъ, имѣетъ красивый мавзолей, съ большой мечетью, на гробницѣ Махдумъ-Азама, благочестиваго ученика известнаго во времена тимуридовъ мистика, Ходжа-Ахрара. Присутствіе въ Дагбитѣ могилы высокочтимаго правовѣрными святого привлекло сюда не мало ходжей и шейховъ, составляющихъ теперь  $\frac{2}{3}$  населенія. Ходжи усердно наблюдаютъ за могилой святого, но еще усерднѣе собираютъ отъ богомольцевъ огромныя приношенія, независимо отъ прямыхъ доходовъ съ

<sup>1)</sup>) Такъ назывался Самарканѣ во времена Александра Македонскаго.

вакуфныхъ земель и угодій, приносящихъ до 4000 рублей въ годъ.

Если прослѣдить, какъ много встрѣчается въ Туркестанѣ „святыхъ мѣстъ“, въ родѣ Тахта-Сулейманъ, Хааретъ-Султанъ, Хааретъ-Али, Маріамъ и другихъ, привлекающихъ массы богохульцевъ и непремѣнно обставленныхъ известнымъ штатомъ шейховъ, нельзя не заподозрить и не признать, что многіе „аульѣ“ суть или произведеніе больного воображенія кого-либо изъ правовѣрныхъ, или же плоды усердія ходжей, которымъ святая мѣста доставляютъ доходы—источникъ къ существованію. Позволю себѣ разсказать очень недавній случай возникновія нового аульѣ въ долинѣ Зеравшана. Возвращаясь въ прошломъ году изъ отдаленныхъ горъ, мы обратили вниманіе въ селеніи Іори, въ 25 верстахъ отъ Пенджекента, на свѣжій, роскошный могильный памятникъ, поставленный на самой дорогѣ, при вѣздахъ въ кишлакъ. На разспросы намъ объяснили, что памятникъ поставленъ недавно мѣстнымъ жителемъ Сафаромъ, а по какому случаю—это онъ самъ знаетъ. Приглашенный Сафаръ рассказалъ намъ, что ему явился во снѣ ишанъ Кабутъ-Пушъ и сказалъ: „позаботься, чтобы по мнѣ не ходили; я лежу тамъ-то“. И вотъ, на другой день Сафаръ держитъ совѣтъ съ своимъ имамомъ; духовникъ-ходжа предлагаетъ прежде всего принести въ жертву одного барана, добрая половина которого достается, разумѣется, имаму, а затѣмъ поставить поскорѣе „тамъ-то“ ограду и памятникъ ишану Кабуту, никогда не существовавшему. Теперь юринцы съ благоговѣніемъ проходятъ мимо этого „святого мѣста“, украшенаго большими тугомъ, а еще чрезъ нѣсколько лѣтъ, при усердіи ходжей, здѣсь возникнетъ ханака—молельня, съ приличнымъ штатомъ жертвособирателей и мусульмане понесутъ свою лепту, нисколько не подозрѣвая о характерѣ происхожденія этого „аульѣ“.

Какъ въ древней, значительной осѣдлости, въ Дагбитѣ болѣе нежели гдѣ-либо имѣется школъ-мектебовъ и одно каменное медрессе въ 30 худжрѣй, всегда переполненныхъ уча-

щимися. Невдалекѣ отъ медрессе, на главной, шоссированной улицѣ этого селенія, красуется также большое зданіе русско-туземной школы, устроенной и открытой въ 1887 году. Со временемъ предполагается устроить въ Дагбитѣ и приемный больничный покой, который несомнѣнно могъ бы сослужить велику службу туземному населенію, такъ сильно нуждающемся въ правильной врачебной помощи. Весь кишлакъ съ своими садами прорѣзанъ широкой улицей, шоссированной на средства населенія. На западной сторонѣ Дагбита устроенъ правильный базаръ, въ 12 шоссированныхъ улицъ, съ массой лавокъ и хлѣбныхъ навѣсовъ.

Отъ Дагбита, послѣ переправы чрезъ рукавъ Зеравшана, Акъ-дарью, дорога идетъ въ виду селеній Уклянъ, Ишимъ-аксакъ, Тамбурыть, Дуборэвъ, тонущихъ, какъ и самый путь, въ зелени древесныхъ насажденій тала, тополя и джиды. По обѣимъ сторонамъ тридцативерстнаго пути, до селенія Челека, вся мѣстность прекрасно обработана подъ различными, свойственными долинѣ Зеравшана продуктами, съ преобладаніемъ посѣвовъ риса. Вообще сельско-хозяйственная дѣятельность такъ развита въ этомъ многоводномъ, густо-населенномъ оазисѣ, что, проѣзжая десятки верстъ, почти не встрѣчашь невоздѣланной или отдыхающей земли: все обработано тщательно плодосѣянной системой хозяйства, трезвымъ трудолюбивымъ туземцемъ, искусно управляющимся съ ирригацией и получающимъ двѣ жатвы въ лѣто при обильномъ удобреніи. Давно обозначилось, что со временеми упраздненія хераджной системы податей, сельско-хозяйственная культура значительно расширилась и продолжаетъ развиваться.

Приближаясь къ Челеку, проѣзжавъ значительный многоводный арыкъ Булунгуръ, замѣчаемъ рѣзкую разницу въ характерѣ культуры. Челекская волость, бывшее бекство не особенно многоводна, но имѣеть богатую лѣсовую почву, дающую прекрасный урожай злаковъ и въ особенности джугары (сорго) и хлопка. Въ послѣдніе три года здѣсь увеличились также и посѣвы американского хлопка, дающіе сборы въ 50 пу-

довь съ десятины, при свободномъ сбытѣ продукта скучи-  
камъ, число которыхъ увеличилось съ открытиемъ желѣзной  
дороги.

Вѣзжая въ Челекъ, бывшій когда-то резиденціей бека,  
не вѣришь, чтобы это былъ кишлакъ въ 600 дворовъ. Че-  
леку посчастливилось въ послѣдніе четыре года: онъ такъ хо-  
рошо устроился, что ему могли бы позавидовать и наши уѣздные  
города. Расположенный въ болотистой котловинѣ, еще недавно  
Челекъ былъ грязнымъ селомъ, съ непроѣздными, узкими ули-  
цами, съ такой неустроенной базарной площадью, которая  
зимою превращалась въ мѣсто грязи, невылазной и не-  
проѣздной до того, что базарь перекочевывалъ съ одного  
пункта на другой. Подъѣздныя къ Челеку дороги изъ Са-  
марканда, Яны-кургана и Джизака, благодаря глинистому  
грунту, были таковы, что въ зимніе мѣсяцы ими невозможно  
было пользоваться, а приходилось пробираться садами и паш-  
нями, съ большими трудностями. Долго, сотни лѣтъ, Челекъ  
оставался важнымъ военнымъ пунктомъ у бухарцевъ, но какъ  
военное, такъ и торговое значеніе насколько не помогло ему  
тогда прилично устроиться. Только вѣсколько лѣтъ назадъ Че-  
лекъ превратился въ привѣтливый, вполнѣ устроенный уголокъ,  
съ шоссированными дорогами, улицами, съ общественнымъ са-  
домъ, съ обширнымъ шоссированнымъ базаромъ, на которомъ  
располагается до 1000 лавокъ, 30 навѣсовъ для склада хлѣбныхъ  
продуктовъ и 6 караванъ-сараевъ. Вся болотистая окрестность  
осушена и пересѣчена подъѣздными, шоссированными дорогами.  
Общее протяженіе шоссировки въ Челекѣ 5 верстъ. Стоимость та-  
кого устройства этого значительного торгового пункта 8000 руб.  
Благодаря своему транзитному положенію на прямомъ пути въ  
Бухару изъ хлѣбороднаго Джизакскаго уѣзда, Челекъ и самъ  
началъ дѣлаться пунктомъ оптовой торговли и значительного  
отпуска хлѣба и риса въ Бухарское ханство.

Отъ Челека по долинѣ, въ 15 верстъ шириной, между  
горами Гудунъ-тау и Карака-тау, хорошая колесная дорога  
идетъ чрезъ селенія Ташъ-рабатъ, Хоча, Туркъ, Джорбулакъ

до пограничнаго съ Самарканскимъ уѣздомъ селенія Ка-  
абдалъ, Джизакскаго уѣзда, всего 50 верстъ. Вся долина и  
сопровождающія ее горы сплошь обработаны подъ яровыми  
посѣвами, дающими урожай отъ самъ 6 до самъ 50, смотря  
по количеству дождей и по характеру весны. При отсутствіи  
у джизакцевъ хераджной системы податей, они имѣютъ воз-  
можность увеличивать свои запашки богары, а потому населе-  
ніе Джизакскаго уѣзда вырабатываетъ такую массу хлѣба, ко-  
торая не только покрываетъ мѣстную потребность, но и рас-  
ходится на сосѣдніе рынки и въ Бухару. Еще 15 лѣтъ тому  
назадъ горы Кара-абдала, Саурка, Накрута, Горошана имѣли  
много свободной земли, на которой паслись стада скота; те-  
перь же все распахано, вся земля получила собственниковъ и  
поднялась въ цѣнѣ до 20 рублей за десятину, а скотовод-  
ство исчезло.

Изъ Кара-абдала, большого разбросаннаго узбекскаго се-  
ленія, дорога идетъ чрезъ поселокъ Хосанъ-ата на перевалъ  
въ 5000 футовъ. Восьмиверстный подъемъ этотъ довольно по-  
логій, вовсе не каменистый и вообще удобный какъ выочпый  
путь; вѣсколько хуже съверный, крутой склонъ горъ, гдѣ узкая  
тропинка вѣется по скаламъ до самого спуска на протяженіи  
четырехъ верстъ, а далѣе до Яны-кишлака, всего 8 верстъ,  
дорога вполнѣ разработана. Яны-кишлакъ селеніе въ 240 дво-  
ровъ при небольшомъ, горномъ ручью Акъ-булакъ, орошаю-  
щемъ только лишь клеверныя поля и очень бѣдные расти-  
тельностью сады. Окружающія его горы совершенно безлѣсны,  
по сплошь заняты богарными пашнями. Во всѣхъ пунктахъ,  
отъ Самарканда до Яны-кишлака, Реконюръ показывалъ въ по-  
ловинѣ іюня, въ 12 часовъ дня,  $29^{\circ}$  въ тѣни и въ 4 часа  
утра  $17^{\circ}$ .

Изъ Яны-кишлака мы выѣхали въ 5 часовъ утра, чтобы  
прослѣдовать тридцативерстный переходъ на соленое озеро  
до жары, которая давала уже себя чувствовать въ 10 часовъ  
дня. Степной путь этотъ прерывается въ 10 верстахъ отъ Яны-  
кишлака невысокой грядой горъ, носящей мѣстное название  
догуги въ туркестанѣ.

Кальменты. Гряда эта тянется съ востока на западъ, параллельно главному хребту Карап-тау, всего 10 верстъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ путь къ соленому озеру, имѣеть скалистое ущелье, перегороженное каменной стѣнкою, высотою въ 2 сажени, длиною около двадцати саженей, толщиною въ основаніи два аршина. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, стѣна эта называется Ханъ-бонда и была возведена по приказанию эмира Абдулла-хана для удержанія дождевыхъ потоковъ на южной сторонѣ этой гряды, съ цѣлью поддержанія здѣсь искусственного орошенія, стѣды которого действительно остались и теперь. У подножія гряды Кальменты, на южной сторонѣ ся, имѣется искусственная, очевидно, ботловина, въ которой, благодаря запрудѣ Ханъ-бонда, вода держится до августа мѣсяца. Несомнѣнно, что когда-то запруда Ханъ-бонда выполняла свое назначеніе, и скопившаяся въ устроенныхъ резервуарахъ дождевая вода служила для орошенія значительного района. Реставрировать запруду и дать орошеніе этой части долины вполнѣ возможно и теперь.

Перейдя гряду Кальменты по очень каменистой, извилистой тропинкѣ, далѣе дорога идетъ равниной, обильно поросшей полынью, колючимъ ковылемъ, ассафетидой, газаръ-испандъ и метлицей. Обилиемъ травъ и близостью прѣской подпочвенной воды, а также соленыхъ озеръ, степь эта представляетъ весьма благопріятныя условія для скотоводства, а потому кочевники стоятъ здѣсь съ своими аулами круглый годъ.

Отъ Ханъ-бонды, пройдя урочище Ить-рабатъ съ колодцемъ прѣской воды, путь упирается въ западную оконечность второй невысокой гряды Пистали-тау, которая начинается отъ Каракуль-сенигира на востокѣ и тянется 25 верстъ до урочища Биръ-ишекъ. Какъ самое название этой гряды, такъ и разсказы туземцевъ разъясняютъ, что лѣтъ тридцать назадъ она была покрыта сплошь лѣсомъ фисташковаго дерева. Утверждаютъ, что прежде Пистали-тау давала громадный сборъ фисташекъ и бузгунча, караваны съ которыми направлялись отсюда въ Бухару, Ташкентъ и Хиву. Теперь же на всемъ

двадцатипятиверстномъ протяженіи этой невысокой гряды не найдется ни одного деревца, ни одного куста: все оголено уже давно, вслѣдствіе полной позабывчивости ханскаго правительства о сбереженіи лѣсовъ. Въ настоящее время гряда Пистали-тау служить лѣтовкою для киргизовъ Писталиусской волости Джизакскаго уѣзда. Постоянное пребываніе здѣсь кочевниковъ съ своимъ скотомъ не можетъ, конечно, способствовать естественному лѣсообсыпанію Пистали-тау; но несомнѣнно, что оно развилось бы, если бы предоставить и этой грядѣ такой отдыхъ, какой даѣтъ горамъ Пепджекентскимъ, обильно поросшимъ въ послѣднія десять лѣтъ лѣсомъ и кустарникомъ.

Мы позволимъ себѣ высказать также предположеніе возможности культивировать на прекрасной, мергелевой почвѣ Пистали-тау не только фисташковое дерево, но и чайный кустъ, такъ какъ и почва, и климатъ вполнѣ благопріятствуютъ этому. Если бы вамъ возразили, что такой культивировкѣ индійского чайного куста могутъ помѣшать зимніе морозы, достигающіе въ этой части степи до десяти градусовъ, то можемъ сказать, что если такие же холода не губятъ на горахъ Шахрисябзя и въ Бухарѣ грапатовые кусты и анжиръ (фиги), тщательно укутываемые на зиму, то не погубили бы они и чайный кустъ. Въ особенности культура чайного куста могла бы пойти съ успѣхомъ въ теплыхъ ущельяхъ Хальгара и Магіана, где на низкихъ склонахъ горъ снѣгъ почти не держится, а малоземелье заставляетъ горцевъ вести садоводческое хозяйство. По рассказамъ, въ ирежнее время Пистали-тау была охраняема отъ кочевникомъ и углепромышленникомъ, пока сборъ фисташекъ составлялъ каяенную монополію, но затѣмъ, въ болѣе поздній periodъ времени, кочевники остались безъ контроля, и углеобжигающе довершило полное истребленіе фисташковаго лѣса.

Вообще, лѣтъ сто тому назадъ, весь этотъ степной районъ, съ своими солеными озерами, пользовался не малымъ значеніемъ. Здѣсь, въ шести верстахъ на сѣверъ отъ Пистали-тау,

и до сихъ поръ уцѣлѣли огромныя каменныя постройки времень Абдулла-хана, которые служили кажется бараванъ-сараями на трактѣ изъ Коканда въ Хиву. Теперь постройки Кошъ-рабатъ стоять полуразрушенными, давно уже никакого назначенія не имѣютъ и служать лишь киргизамъ для добывавія жженаго кирпича, изъ котораго они дѣлаютъ могильныя памятники. Ужъ если это громадное сооруженіе дѣйствительно отжило специальное свое назначеніе, не лучше ли было бы воспользоваться имъ для устройства на берегу Курчукъ-ата помѣщенія-приюта для сѣѣжающихъ сюда, въ теченіе каждого лѣта, массами больныхъ туземцевъ. Насколько это дѣйствительно необходимо и вполне возможно—скажемъ ниже.

Итакъ, 15 іюна мы добрались до соленаго озера, проѣхавъ отъ Самарканда верхомъ 130 верстъ. Благодаря присутствію киргизскихъ ауловъ всего въ трехъ верстахъ отъ озера, представилась возможность нанять юрты, а лошадей пришлось отправить въ Яны-кишлакъ, за 30 верстъ, такъ какъ было затруднительно продовольствовать ихъ въ теченіе шести дней, которые предстояло пробыть здѣсь. Пришлось оставить только одну вьючную лошадь, для подвоза въ турсукахъ воды изъ ближайшихъ колодцевъ, въ трехъ верстахъ отъ ставки.

Показанное на картѣ Туркестанскаго военнаго округа между  $40-41^{\circ}$  восточной долготы и  $37-38^{\circ}$  сѣверной широты, озеро *Тузъ-канъ* или въ переводѣ — соленая копъ, посѣть у туземцевъ название *Курчукъ-ата* (пустынникъ), по имени какого-то магометанскаго отшельника, болѣе чѣмъ скромная могила которого, съ неизбѣжнымъ тугомъ и массой лоскутковъ, оставленныхъ посѣтителями, расположена на песчаномъ холмѣ западнаго берега озера. Холмъ этотъ, въ три квадратныхъ версты, служитъ сборнымъ пунктомъ для пользующихся грязями, такъ какъ отъ него до грязевыхъ ваннъ приходится пройти всего сто шаговъ. Соленое озеро *Курчукъ-ата*, начинаясь отъ Кокъ-тепе на востокѣ, тянется на западъ 26 верстъ, до уроцища Кара-мулла; на югъ оно подходитъ къ

самому подножью гряды Пистали-тау, а на сѣверѣ замыкается песчаными холмами. Въ теченіе лѣта озеро остается покрытымъ сплошной корой кристаллической соли, толщиною отъ  $1/2$  до трехъ вершковъ. На западномъ берегу озера воды очень немного и купанье затруднительно. Вода озера прозрачная, очень соленая, съ незначительной горечью. Подъ слоемъ соли залегаетъ толстый слой черной, очень липкой грязи, въ которой содержатся, кроме соли, и продукты растительныхъ и животныхъ веществъ. Грязь отзывается запахомъ сѣристаго водорода, быстро сохнетъ на воздухѣ и трудно смывается. На разстояніи ста шаговъ отъ берега толщина слоя грязи доходитъ до 2,5 аршинъ, а ниже слѣдуетъ слой глины съ пескомъ. Окружающая озеро мѣстность слегка волнистая, песчаная, съ блесковатымъ налетомъ соли, совершенно обнаженная отъ всякой древесной или кустарной растительности и богато покрытая вышеперечисленными травами. Животныя и птицы совершенно отсутствуютъ. Въ сухихъ мѣстахъ на берегу озера встрѣчаются фазаны и скорпионы. Господствующій восточный вѣтеръ всегда почти жаркий (гармсилъ) и, напротивъ, западный — прохладный. Въ теченіи четырехъ дней, въ половинѣ іюня, при гармсилѣ Реомюръ показывалъ въ 12 часовъ днѣ  $36^{\circ}$  въ тѣни,  $48^{\circ}$  — на солнѣцѣ,  $42^{\circ}$  — въ озерной водѣ; температура тѣла  $38^{\circ}$  Цельзія. При такомъ горячемъ вѣтрѣ, ночью въ 3 часа, Реомюръ показывалъ  $34^{\circ}$ . При западномъ вѣтрѣ полдневная температура  $29^{\circ}$  въ тѣни и  $17^{\circ}$  ночью.

Грязь, открытая въ 6 часовъ утра, нагревается въ 9 часовъ до  $26^{\circ}$ , въ 10 часовъ — до  $32^{\circ}$ , въ  $12 \frac{1}{2}$  часовъ — до  $50^{\circ}$ . Послѣ ваннъ въ  $33^{\circ}$ , температура тѣла была  $38,5$  С., а пульсъ 105 ударовъ въ минуту.

Грязевые ванны принимаются такимъ порядкомъ: съ шести часовъ утра, шагахъ въ тридцати отъ берега озера, открывается ровикъ глубиною въ одинъ футъ, длиною въ 2,5 аршина, шириной полъ-аршина, причемъ вынутую грязь кладутъ по краямъ ровика. По близости такого ровика-ванны вырываютъ еще неглубокую яму, въ которую быстро накапляется со-

леная вода (рапа), необходимая для обмыванія. Когда грязь нагревается до требуемой температуры, больной, раздѣвши, ложится въ ванну и обкладывается до шеи приготовленной нагрѣтой грязью, причемъ на грудь кладется слой не толще полвершка. Если больной чувствуетъ въ ваннѣ головокруженіе, влѣдуть на голову холодные компрессы изъ прѣсной воды. Въ ваннѣ больной остается отъ двадцати минутъ до часу, смотря по выносливости субъекта, причемъ надъ головой держать все время зонтикъ. Поднявшись изъ ванны, больной окачивается согрѣтой до  $30^{\circ}$  рапой и, хорошо укутавши, отправляется въ юрту, гдѣ немедленно ложится въ постель, подъ теплое одѣяло, причемъ юрта должна быть плотно закрыта со всѣхъ сторонъ, дабы не проникалъ ни малѣйшій вѣтеръ. Въ постели прогрессъ потѣнія продолжается часа три, послѣ чего больной можетъ встать, но долженъ оставаться въ юртѣ, гдѣ слѣдуетъ поливать почаше полъ, а ночью отнюдь не спать на воздухѣ. Смотря по выносливости больного, ванны можно принимать подрядъ нѣсколько дней, или же чрезъ день. При лѣченіи рекомендуютъ держать діету, есть умѣреніо, избѣгать спиртнаго, кислаго, соленаго и сладкаго. Во все время приема ваннъ и дней девять спустя послѣ такого лѣченія не слѣдуетъ омываться прѣсной водой и требуется бѣречься простуды. Смотря по роду болѣзни, принимаютъ отъ одной до десяти ваннъ, не болѣе. Дѣйствіе ваннъ выражается въ первые дни сильной слабостью, упадкомъ духа, раздражительностью и такое состояніе продолжается недѣли двѣ послѣ лѣченія, а затѣмъ, если ванны оказали вадлежащее дѣйствіе, оргазмъ вачинаетъ укрѣпляться и выздоровленіе наступаетъ быстро. Нѣкоторые больные принимаютъ одинъ лишь раповыя ванны, отъ одной до пяти,—другие же послѣ грязевыхъ ваннъ заканчиваютъ лѣченіе песочной ванной изъ нагрѣтаго до сорока градусовъ песку, которая, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, дѣйствуетъ еще сильнѣе грязевыхъ ваннъ.

Мы привели здѣсь свѣдѣнія о ходѣ такого лѣченія минеральными грязями, которымъ пользуются очень немногіе.

Большинство больныхъ єдетъ на озеро Курчукъ-ата, заранѣе напуганные рассказами о затрудненіяхъ тамъ въ водѣ, въ продовольствії, въ неспокойствіи отъ воровства и проходить курсъ лѣченія, какъ намъ пришлось наблюдать, такъ: добравшись до озера, отдохнувъ не болѣе двухъ часовъ, больной принимаетъ въ 12 часовъ ванну, нагрѣтую съ утра до  $40^{\circ}$ , оставалась въ ней въ бѣльѣ часъ или полтора; выйдя изъ ванны, омывшись рапомъ, одѣвшись въ 2—3 халата и укутавъ голову, больной садится на лошадь, чтобыѣхать обратно, въ сопровожденіи 2—3 спутниковъ своихъ. Можно представить, какія мученія испытываетъ несчастный больной, вынужденный проѣхать верхомъ, непосредственно послѣ ванны, 20—30 верстъ до ближайшаго аула, вмѣсто того, чтобы расположиться на отдыхѣ и продолжать лѣченіе. Такой приемъ лѣченія, вынужденный совершеннымъ отсутствіемъ на озере какого бы то ни было помѣщенія, весьма часто влечетъ за собою не улучшеніе, а совершенное разстройство здоровья. Тѣмъ не менѣе, въ теченіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ конца мая мѣсяца ежегодно на озеро прїезжаетъ не менѣе 1000 человѣкъ больныхъ мужчинъ и женщинъ. Самое главное лишеніе для прїезжающихъ—отсутствіе какого бы то ни было помѣщенія для тѣхъ, которые не "мѣютъ средствъ нанять юрту изъ ближайшаго аула, а такихъ неимущихъ посѣтителей  $9/10$ . Бѣдняки вынуждены располагаться прямо на берегу озера, подъ палящимъ зноемъ. Имѣется на холмѣ врошечная мазанка, едва достаточная для двухъ человѣкъ; но она служить жильемъ караузы-киргизу, который прислуживаетъ больнымъ за получаемыя съ нихъ копѣйки. Въ отношеніи воды и продовольствія, для состоятельныхъ больныхъ не можетъ быть особеннаго затрудненія, такъ какъ прѣсную воду можно возить въ турсукахъ изъ ближайшихъ колодцевъ, а барановъ, хлѣбъ и кумысъ можно покупать въ ближайшихъ аулахъ. Лошадей необходимо отправлять въ ближайшій кишлакъ, Яны-кишлакъ, такъ какъ фуражъ найти трудно, а подножный кормъ встрѣчается не ближе 3—4 верстъ отъ озера.

При ограниченности въ краѣ медицинской помощи для туземцевъ, соленыхъ озера съ минеральными грязями будуть и впредь привлекать массы больныхъ всевозможными болѣзнями.

Въ видѣ доставленія нуждающимся возможности правильного пользованія минеральными грязями соленыхъ озеръ, имѣющихся во многихъ мѣстахъ края, слѣдовало бы: 1) распространить въ населеніи краткія печатныя наставленія о главныхъ приемахъ лѣченія грязевыми ваннами и купаньемъ отъ тѣхъ или другихъ болѣзней, дабы предупредить поѣздки такихъ больныхъ, которыхъ грязевые и соленые ванны положительно вредны; 2) произвести изслѣдованіе солевыхъ озеръ и характеръ дѣйствія мѣстнаго лѣченія минеральными грязями, составъ которыхъ неизвѣстенъ пока; 3) устроить при озерахъ достаточныя помѣщенія, квартиры, для прѣѣзжающихъ пользоваться купаньемъ и грязями; 4) если возможно, послать одного врача и фельдшера на время лѣчебнаго сезона; 5) имѣть при помѣщеніи двухъ постоянныхъ караульщиковъ, съ достаточнымъ числомъ кожаныхъ турсуковъ и кувшиновъ, для доставленія больнымъ воды изъ колодцевъ; 6) имѣть при помѣщеніи достаточное количество дарового топлива (кизякъ, бурякъ), которое такъ необходимо прѣѣзжающимъ, для приготовленія пищи и согрѣванія чайниковъ. Содержаніе двухъ постоянныхъ караульщиковъ, 3—4 человѣка прислузы и поставки, въ нужномъ количествѣ, топлива, могли бы быть приняты на себя киргизами Пистали-таусской волости. Такая по-винность нисколько не можетъ быть тягостною для киргизовъ и будетъ вполнѣ справедлива, потому что киргизы исключительно пользуются даровой добычей, въ теченіи лѣта, озерной соли, приносящей имъ значительный доходъ; они пользуются, также даромъ, степнымъ саксауломъ, добывая изъ него каждогодно не менѣе подмилліона пудовъ угля, на сумму до ста тысячъ рублей.

Устройство удобнаго помѣщенія на томъ холмѣ при озерѣ Курчукъ-ата, гдѣ его замѣняетъ теперь мазанка въ 2,5 квадратныхъ аршина, вполнѣ выполнимо, пока можно еще вос-

пользоваться жженымъ кирпичемъ отъ громадныхъ сводчатыхъ построекъ Кошъ-рабата. Постройка можетъ быть выполнена опытными, туземными мастерами или въ видѣ сводчатыхъ комнатъ въ одну линію съ общей террасой при нихъ, или же такая постройка изъ жженаго кирпича можетъ быть сдѣлана подъ земляной крышей. Конечно, помѣщеніе должно быть устроено пезатѣльно, но такъ, чтобы оно вполнѣ удовлетворяло гигієническимъ требованиямъ и условіямъ климата. Недалекъ, отдалѣно, долженъ быть устроенъ подиумъ для лошадей. Кухня должна быть приспособлена для согрѣванія чайниковъ, хлѣбопеченія и приготовленія пищи. Комнаты должны имѣть размѣры на три кровати. Все помѣщеніе должно быть разсчитано на 60 человѣкъ. Съ увѣренностью можно сказать, что если осуществится устройство на Курчукъ-ата такого пріюта для прѣѣзжающихъ больныхъ, населеніе поблагодарить за эту заботливость о немъ и, конечно, будетъ пользоваться грязевыми лѣченіемъ въ большемъ противъ настоящаго числѣ и съ большей пользой, чѣмъ теперь. Въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, ибо кто же станетъ отрицать, что туземецъ очень нуждается въ правильной медицинской помощи. Если лѣчебная станція получитъ достаточно правильную организацію, безъ всякихъ разумѣется денежныхъ сборовъ съ посѣтителей, явятся навѣрное марбитаңы-туземцы и тогдальному бѣдняку не трудно будетъ пройти весь курсъ лѣченія, а не бѣжать, какъ теперь, послѣ первой же ванны, по невозможности укрыться отъ солнца и воспользоваться какъ слѣдуетъ Божьей благодатью цѣлебнаго мѣста.

Зная, какая масса въ средѣ туземнаго населенія больныхъ ревматизмомъ, сифилисомъ, накожными страданіями, надо ожидать, что съ устройствомъ пріюта на Курчукъ-ата съѣздъ больныхъ будетъ громадный, такъ какъ пути къ озеру весьма удобны: изъ Самарканда вышеописанный, кратчайший путь верховой, а изъ Джизака—прекрасный колесный, степной путь, чрезъ Кли, въ 65 верстъ только.

Насмотрѣвшись въ шесть дней своего пребыванія на озерѣ Курчукъ-ата, какія лишенія и страданія терпятъ бѣдняки-туземцы, приѣзжая верхомъ, иные за сотни верстъ, съ серьезными болѣзнями, пожелаю отъ души, чтобы въ скоромъ времени больной встрѣтилъ бы тамъ лѣчебный пріютъ и заботу.

Поживемъ—услышимъ.

Р. К. Г. Ч. Ч.  
10/ХII.